Saratov State University
The Institute of History and International Relations
The Chair of Ancient History
The Institute of Archaeology and Cultural Heritage

ANCIENT WORLD AND ARCHAEOLOGY

Collection of papers

Founded in 1972

Volume 19

Materials of the VIth International Conference
"Word and Artifact: Interdisciplinary Approaches
to Study of Ancient History"
Saratov, September 27–30, 2018

Saratov 2019

Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений
Кафедра истории древнего мира
Институт археологии и культурного наследия

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 г.

Выпуск 19

По материалам VI международной конференции
«Слово и артефакт: междисциплинарные подходы
к изучению античной истории»
Саратов, 27–30 сентября 2018 г.

Саратов 2019

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43
А72

Редакционная коллегия :
канд. ист. наук А.В. Зарщиков, канд. ист. наук В.И. Кац,
канд. ист. наук А.В. Короленков, канд. ист. наук Е.В. Кузнецова,
доктор ист. наук Е.А. Молев, доктор ист. наук С.Ю. Монахов (главный редактор),
канд. ист. наук А.А. Синицын, канд. ист. наук Е.В. Смыков,
доктор ист. наук И.Е. Суриков, канд. ист. наук Н.Б. Чурекова (отв. секретарь)

The Editorial Board :
Dr. N.B. Churekova (Secretary), Dr. V.I. Kac, Dr. A.V. Korolenkov,
Dr. E.V. Kuznetsova, Prof. E.A. Molev, Prof. S.Yu. Monakhov (Editor-in-Chief),
Dr. A.A. Sinitsyn, Dr. Ev.V. Smykov, Prof. I.Ev. Surikov, Dr. A.V. Zarschikov

А72 **Античный мир и археология**: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: изд-во «Техно-Декор», 2019. Вып. 19. 390 с. илл.
ISSN 0320-961X

Девятнадцатый выпуск сборника «Античный мир и археология» посвящен различным сторонам жизни античного общества. Первый раздел включает материалы по истории древней Греции и Востока. Второй раздел содержит статьи по истории Рима. В третьем разделе представлены статьи по истории и археологии греческих государств Причерноморья, вопросам керамической эпиграфики и амфорологии.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, специалистов по античной истории, археологии и классической филологии, на всех, кто интересуется историей древнего мира.

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43

ISSN 0320-961X

© Саратовский государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ IX

I. ЭЛЛАДА И ЕЕ СОСЕДИ ОТ АРХАИКИ ДО ЭЛЛИНИЗМА

ГОРОХОВ А.А. (Тобольск)
Социально-экономическое и культурное развитие древнеизраильского юга в X–IX вв. до н.э. (на археологическом материале Шефелы) 3

СУРИКОВ И.Е. (Москва)
О монетном деле Афин конца периода архаики (исторический контекст перехода от wappenmünzen к «совам») 12

СОЛОМАТИНА Е.И. (Москва)
Обозначение единоличных правителей Архаической Греции в письменных источниках 19

СЕЛИВАНОВА Л.Л. (Москва)
Забытое сокровище Кирены 36

II. РИМ И РИМСКИЙ МИР

КОРОЛЕНКОВ А.В. (Москва)
Сулла – республиканский тиран? 55

ДЫМСКАЯ Д.Д. (Санкт-Петербург)
Катилина в «Энеиде» 69

СМЫКОВ Е.В. (Саратов)
Парфянская война М. Лициния Красса: кампания 53 г. до н.э. 81

ХРУСТАЛЁВ В.К. (Санкт-Петербург)
К вопросу об использовании иностранных исторических примеров (*exempla*) в судебных и политических речах Цицерона 102

АХИЕВ С.Н. (Саратов)
Формирование римского общественного мнения Октавианом (от Иллирийской кампании до битвы при Акции) 119

НИКИШИН В.О. (Москва)
Рим и вассальные цари:
о некоторых аспектах взаимоотношений 129

ХОРЬКОВА И.В. (Москва)
К вопросу об источнике списка жертвенных блюд
(Arnobius VII.24) 169

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

МОНАХОВ С.Ю.,
КУЗНЕЦОВА Е.В. (Саратов),
ЧИСТОВ Д.Е. (Санкт-Петербург)
Комплекс середины VI в. до н.э.
из березанского колодца 1963/1964 гг. 183

ПОЛИН С.В.,
ДАРАГАН М.Н. (Киев)
Зеркала в погребениях геродотовых скифов Северного
Причерноморья второй половины V–IV вв. до н.э. 201

ЕГОРОВА Т.В. (Москва)
К вопросу о продолжительности использования чернолаковой
посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса) 242

СТОЯНОВ Р.В. (Москва)
Комплекс керамики из погребения М26 в эллинистическом
некрополе Херсонеса Таврического 257

БОЛОНКИНА Е.В. (Керчь),
ЕФРЕМОВ Н.В. (Штральзунд/Грайфсвальд),
КОЛЕСНИКОВ А.Б. (Москва)
Новые варианты керамических клейм
раннеэллинистического Книда 274

ЛИМБЕРИС Н.Ю.,
МАРЧЕНКО И.И. (Краснодар)
Погребения с родосскими амфорами из меотских
могильников Краснодарской группы 318

ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В. (Москва)
Двусторонняя надпись из станицы Недвиговской.
Танаис, танаиты, эмпорий и Эмпорий
в письменных источниках 342

КУЗИНА Н.В. (Нижний Новгород)
Об интерпретации одной группы находок из раскопок
сельских святилищ Крымского Приазовья 356

НОВИЧИХИН А.М. (Анапа)
Каменные гири из Горгиппии 367

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 376

CONTENTS

ABBREVIATIONS IX

I. HELLAS AND THE NEIGHBOURS

A.A. GOROKHOV (Tobolsk)
The Socio-Economic and Cultural Development of the Southern Ancient Israel in X–IX Centuries BC (on Archaeological Material of Shefela)..... 3

I.E. SURIKOV (Moscow)
On Athens` Coinage at the End of the Archaic Period (A Historical Context of Transition from Wappenmünzen to "Owls") 12

E.I. SOLOMATINA (Moscow)
Denomination of single-rulers of Archaic Greece in written sources 19

L.L. SELIVANOVA (Moscow)
A Forgotten Treasure of Cyrene 36

II. THE REPUBLICAN AND IMPERIAL ROME

A.V. KOROLENKOV (Moscow)
Sulla, a Republican Tyrant? 55

D.D. DYMSKAYA (St. Petersburg)
Catiline in the *"Aeneid"* 69

E.V. SMYKOV (Saratov)
M. Licinius Crassus' Parthian War: Campaign 53 BC 81

V.K. KHRUSTALEV (St. Petersburg)
On the Use of Foreign Historical Examples (*exempla*) in Cicero`s Judicial and Political Speeches 102

S.N. AKHIEV (Saratov)
Formation of a Roman Public Opinion by Octavian (from Ilyrian Campaign to Actium) 119

V.O. NIKISHIN (Moscow)
Rome and the Vassal Kings: About some Aspects of Interrelationship 129

I.V. KHORKOVA (Moscow)
To the Question of the Source of Sacrificial Dishes List (Arnobius VII.24) 169

III. HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF ANCIENT BLACK SEA REGION

S.Yu. MONAKHOV,
E.V. KUZNETSOVA (Saratov),
D.E. CHISTOV (St. Petersburg)
An Assemblage of the Mid-6th Century BC Well from the Berezan Excavations of 1963/1964 183

S.V. POLIN,
M.N. DARAGAN (Kiev)
Mirrors in the Burials of the Scythians of Herodot of the Northern Black Sea Coast of the Second Half of the Vth – IVth Centuries BC 201

T.V. EGOROVA (Moscow)
To the Question of the Duration of Use of Black-Glazed Tableware (on Materials from Panticapaeum and Tanais) 242

R.V. STOYANOV (Moscow)
A Pottery Assemblage from the Burial M26 in the Hellenistic Necropoleis of Tauric Chersonese 257

E.V. BOLONKINA (Kerch),
N.V. JEFREMOW (Stralsund/Greifswald),
A.B. KOLESNIKOV (Moscow)
New Variants of Ceramic Stamps of Early Hellenistic Knidos 274

N.Yu. LIMBERIS,
I.I. MARCHENKO (Krasnodar)
The Burials with Rhodian Amphorae from Meotian Burial Grounds of the Krasnodar Group 318

F.V. SHELOV-KOVEDYAEV (Moscow)
Bilateral Inscription from the Stanitsa Nedvigovskaya. Tanais, Tanaitai, emporium and Emporium in Written Sources 342

N.V. KUZINA (Nizhny Novgorod)
About Interpretation of the one Group of Finds from Excavations of Rural Sanctuaries of the Crimean Azov Region 356

A.M. NOVICHIKHIN (Anapa)
Stone Weights from Gorgippia 367

ABOUT THE AUTHORS 376

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМ	Анапский археологический музей.
АМА	Античный мир и археология. Саратов.
АМЗТ	Археологический музей-заповедник «Танаис».
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
БИ	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БС	Боспорский сборник. М.
БФ	Боспорский феномен. СПб.
ВВ	Византийский временник. М.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВКАЭ	Восточно-Крымская археологическая экспедиция.
ВКИКМЗ	Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь.
ВЭ	Вопросы эпиграфики. М.
ГИМ	Государственный исторический музей.
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, г. Москва.
ГЭ	Государственный Эрмитаж.
ДБ	Древности Боспора. М.
ДГВЕ	Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ЕКМ	Евпаторийский краеведческий музей.
ИАК	Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИАКН	Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета.
ИИ	Исторические исследования. М.
ИИМК	Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
КБН	Корпус боспорских надписей. М.; Л.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР/ РАН. М.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	Отчёт Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
ПЭ	Православная энциклопедия. М.
РА	Российская археология. М.
РИЭ	Российская историческая энциклопедия. М.
РОМК	Ростовский областной музей краеведения.
СА	Советская археология. М.
СППСП	*Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. К.: Наукова думка. 1986. – 367 с.
ХСб	Херсонесский сборник. Севастополь.

НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина).
ABSA	The Annual of the British School at Athens. L.
Agora	Athenian Agora, Result of Excavations. Princeton (N. J.).
AIWC	Archaeological investigations in Western Crimea. Aarhus.
AJA	American Journal of Archaeology. Boston.
AM	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. B.
AMS	Asia Minor Studien. Bonn.
ANRW	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B.
APR	Amici Populi Romani. Prosopography of the foreign friends of the Romans (3rd century BCE 4th century CE). Waterloo.
AS	Ancient Society. Leuven.
ASAA	Annuario della Scuola Archeologica di Atene a delle Missioni Italiane in Oriente, Bergamo.
BAC	Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientificues. P.
BASOR	Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Boston.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. P.
BIFAO	Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale, Le Caire. Égypte.
BMC	A catalogue of Greek coins in the British Museum. Cyrenaica. L., 1927.
Buttrey. The Coins from the Sanctuary of Demeter and Persephone	*Buttrey T.V., McPhee I.* The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya. Final Reports. Vol. VI. Part I: The Coins / D. Wheite, Series Editor. Philadelphia, 1998.
CAH	The Cambridge Ancient History. Cambr.
CAIETE ARA	Caiete Architecture, restoration and archaeology. Bucureşti.
CJ	The Classical Journal.
CPh	Classical Philology. Chicago.
ClAnt	Classical Antiquity. Berkeley.
ClQ	The Classical Quarterly. Cambr.
DAI Athen	Deutsches archäologisches Institut. Athenische Abteilung.
EAD	Exploration archélogique de Délos. P.
FGrHist	Die Fragmente der griechischen Historiker / von F. Jacoby (Hrsg.).
FHG	Fragmenta Historicorum Graecorum / C. et Th. Müller (eds.). P., 1841–1884. Vol. 1–4.
G&R	Greece and Rome. Cambr.
GRBS	Greek, Roman and Byzantine studies. Durham, North Carolina.
HSCPh	Harvard Studies in Classical Philology. Cambr. (Mass.).
IAA	Israel antiquities authority.
IGR	Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes / Ed. R. Cagnat. P.
IOSPE	*Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli.

JHS	Journal of Hellenic Studiesю L.
JRA	Journal of Roman archaeology. Ann Arbor, USA.
JRS	Journal of Roman Studies. L.
IstMitt	Istanbuler Mitteilungen. B.
LGPN I	*Fraser P.M., Matthews E.* A Lexicon of Greek Personal Names (British Academy): The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxf., 1987. XXXV.
LGPN II	*Osborne M., Fraser P.M.* A Lexicon of Greek Personal Names: Attica. Oxf., 1994. XIX.
LGPN IIIA	*Fraser P.M., Matthews E.* A Lexicon of Greek Personal Names. The Peloponnese, Western Greece, Sicily and Magna Graecia. Oxf., 1997. XXXI.
LGPN IIIB	*Fraser P.M., Matthews E.* A Lexicon of Greek Personal Names: Central Greece from the Megarid to Thessaly. Oxf., 2000. XXI.
LSJ	A Greek-English Lexicon / By H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones. Oxf., 1996.
MAAR	Memoirs of the American Academy in Rome. Rome.
MBAH	Münsterische Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. St. Katharinen.
MedA	Mediterranean Archaeology. Sydney.
OGIS	*Dittenberger G.* Orientis Graeci Ibscriptiones Selectae. 2 vols. Leipzig, 1903, 1905.
P&P	Past and Present. Oxf.
QR	Queden Reports, Jerusalem.
RAfr	Revue africaine. Alger.
RB	Revue biblique. Ecole biblique et archéologique française de Jérusalem. Jerusalem.
RE	Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1980.
REA	Revue des Études Anciennes. Bordeaux.
REG	Revue des Études grecques. P.
RGA	Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. B.
RIB	The Roman Inscriptions of Britain. 3 vols. Oxf., 1965–2009.
RIDA	Revue international des droits de l'antiquité. Bruxelles.
SAN	Journal for the Society of Ancient Numismatics. Santa Monica (California).
SH	Studia Historica. M.
SNG.Cop.	Sylloge Nummorum Graecorum. The Danish National Museum. Part 41: Alexandria Cyrenaica. Copenhagen, 1974.
Syll.[3]	*Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum graecarum. B.; N.Y.
TAD	Türk archeoloje Dergisi, Ankara.
TAPhA	Transactions of the American Philological Association. Baltimore, Maryland.
UF	Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Sirien-Palästinas. Münster.
VB	*Balzat J.-S., Catling R.W.V., Chiricat E., Marchand F.* A Lexicon of Greek Personal Names: Coastal Asia Minor: Caria to Cilicia. Oxf., 2018.
ZDPV	Zeitschrift des Deutshen Palastina-Vereins, Wiesbaden.
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

I. ЭЛЛАДА И ЕЕ СОСЕДИ ОТ АРХАИКИ ДО ЭЛЛИНИЗМА

А.А. Горохов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕИЗРАИЛЬСКОГО ЮГА В X–IX ВВ. ДО Н.Э. (НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ШЕФЕЛЫ)

Аннотация: В статье проанализировано социально-экономическое и культурное развитие юга Древнего Израиля в X–IX вв. до н.э. Автор использует археологический материал Шефелы. Военный фактор способствовал формированию крепостей, обустройству крупных региональных центров Гезера, Лахиша. Благоприятные экологические условия Шефелы привели к росту сельскохозяйственной специализации в регионе. В хозяйстве была велика роль государственных структур и это способствовало развитию монументального строительства и различных видов ремесленного производства. На основании анализа эпиграфического материала (двух надписей, найденных в г. Хирбет Кейафе, календаря из г. Гезера, алфавита из поселения Тель-Зайита) сделан вывод, что Шефела являлась одним из основных центров развития письменности в Палестине данного периода.

Ключевые слова: Древний Израиль, Шефела, военный фактор, крепости, региональные центры, экология, сельскохозяйственная специализация, эпиграфика.

Abstract: The report is analyzed the socio-economic and cultural development of the South of Ancient Israel in X–IX centuries BC. The author explores the archaeological material of Shefela. The military factor contributed to the formation of the fortresses, development of large regional centers such as Gezer, Lachish. The good environment Shefela led to the development in the region of agricultural specialization. The role of participation of state structures was great in economic development. This process contributed to the development of monumental construction and various types of handicraft production. Based on the analysis of epigraphic material (two inscriptions found in the town of Khirbet Qeiyafa, calendar from city of Gezer, of alphabet from the settlement of Tel-Zayit) it is concluded that Shefela was one of the main centers of the development of writing in Palestine during this period.

Keywords: Ancient Israel, Shefela, military factor, fortresses, regional centers, ecology, agricultural specialization, epigraphy.

Древнеизраильский юг в X–IX вв. до н.э. включал в себя три региона, различающихся своим климатом и другими экологическими условиями: горы Йэхуды и Бинйамина, Негев и Шефелу. Древнееврейский топоним «Шефела», обозначающий сеть низких холмов или предгорье, простирающихся на 10–15 км между Прибрежной равниной и Иудейскими горами переводится на русский язык, как «низменность» или «долина».

В последние два десятилетия в мировой историографии исследованию истории Шефелы в X–IX вв. до н.э. стало уделяться больше места, чем это было ранее. Особо следует выделить статьи З. Херцога и

Л. Сингер-Авитц[1], Ф. Чапека[2] и сборник под редакцией А. Меира и О. Лифшица, вышедший в 2017 году[3]. Однако до сих пор нет обобщающих работ по экономике и культуре древнеизраильской Шефелы.

С точки зрения большинства исследователей, после того, как в Древнем Израиле возникло раннее государство, Шефела приобрела военно-стратегическое значение. Так, в период военного противостояния и непосредственной угрозы Иерусалиму, а также нагорью Йэхуды и Бинйамина со стороны филистимлян, в начале X в. до н.э., Давид вынужден был создать укрепленные крепости на западной границе.

Характерный образец представляет собой Хирбет Кейафа – участок в 2,3 гектара в Шефеле, находящийся в 30 км юго-западнее Иерусалима. Его исследование было проведено израильскими учеными Й. Гарфинкелем и С. Ганором совсем недавно в 2007–2013 гг. Сами ученые по ряду признаков материальной культуры идентифицировали Хирбет Кейафу с упоминаемым в Библии в списке наследования племени Йэхуды (Иеш. 15: 36) Шаарайимом (др. евр. – двойные ворота). При этом поселение X в. до н.э. (слой IV) функционировало только 40–50 лет. Й. Гарфинкель и С. Ганор на основании радиоуглеродного исследования оливковых косточек датируют возникновение поселения 1015–969 годами до н.э. (с вероятностью на 77,8 %)[4].

Хирбет Кейафа представляет собой самый ранний образец городского плана, характерного для юга Древнего Израиля. Городской план включал: двое четырехкамерных ворот, 600 метровую казематную городскую стену с поясом зданий, примыкающих к казематам[5]. Особенностью было отсутствие четкого разграничения между общественными помещениями и частным жильем.

Судя по имеющимся укреплениям, а также по тому факту, что Хирбет Кейафа имела приграничное положение, располагаясь в 12 км от филистимского города Гата, это поселение следует отнести к типу военно-земледельческих пограничных укрепленных структур.

Важными хозяйственными занятиями жителей поселения были земледелие и скотоводство. С одной стороны, на это указывают находки каменного сельскохозяйственного инвентаря (4 зернотерки для размола зерна, 2 известняковых ступки, 7 пестиков для растирания

---

[1] *Herzog Z., Singer-Avitz L.* Redefining the Centre: The Emergence of State in Judah // Tel Aviv. 2004. Vol. 31. No. 2. P. 209–244.

[2] *Čapek F.* The Shepelah in the Iron Age I and Iron Age IIA: A New Survey of the Emergence of the Early Kingdom of Judah // Oriental Archive. 2012. Vol. 80. No. 3. P. 475–504.

[3] The Shephelah during the Iron Age: recent archaeological studies / A.M. Maeir, O. Lipschits (eds.). Winona Lake: Eisenbrauns, 2017.

[4] *Garfinkel Y., Ganor S.* Khirbet Qeiyafa in Context // Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem, 2009. Ch. 1. P. 8.

[5] *Freikman N., Garfinkel Y.* Area C // Garfinkel Y., Ganor S., Hasel M.G. Khirbet Qeiyafa. Vol. 2. Excavation Report 2009–2013: Stratigraphy and Architecture (Areas B, C, D, E). Jerusalem, 2014. Ch. 7. P. 131, 145.

зерна, кремневое лезвие серпа)[6], а с другой, – примерно 158 костей мелкого и 68 – крупного рогатого скота[7].

На примере большого собрания керамических изделий из г. Хирбет Кейафы также видно расширение видов древнеизраильских гончарных изделий в начале – середине X в. до н.э. Вместе с пифосами, горшками для варки пищи, флягами, килевидными мисками в нем присутствуют 19 округленных мисок, фрагменты ведер для сбора и распределения зерна, противни для жарки (сковороды), большие и маленькие кувшины разных типов. Глиняные изделия из г. Хирбет Кейафы лишены художественного оформления. Почти во всех зданиях на участке, где расположено поселение, найдены печи для обжига глиняной посуды. Петрографический анализ керамического материала показал, что вся посуда сделана из местной глины[8].

Среди гончарных изделий Хирбет Кейафы есть импортная (из Прибрежной равнины) филистимская посуда типа «Ашдодское изделие I». Она представлена двумя кувшинами (диаметр: 10,5 и 9,5 см), кувшинчиком с дырочками («ситом»), с декором в виде красных и черно-белых горизонтальных полосок. Такие кувшинчики применялись для розлива вина. В собрании есть шкатулка с килевидным корпусом, с оформлением в виде красных полосок, черных спиралевидных полосок (в верхней части) и горизонтальных черных полосок (в нижней части). Возможно, она использовалась для хранения пряностей. Следует отметить, что такие керамические изделия, по всей вероятности, использовались для сервировки стола знати и богатых граждан[9]. Другим видом импортной керамики (из Финикии либо пограничных древнеизраильских поселений) следует назвать кипрофиникийское изделие типа «черное на белом», представленное двумя бочкообразными кувшинчиками. Данные кувшинчики являются самым ранним импортом на территории южного Израиля, что демонстрирует коммерческое взаимодействие с финикийцами[10].

Вероятно, массовое гончарное производство появилось в Хирбет Кейафе, когда исчезла непосредственная опасность для жизни жителей, после устранения угрозы со стороны филистимлян. После этого царь направил туда какую-то часть ремесленников-гончаров. Вполне возможно, что гончарами были не просто отдельные лица, а целые большесемейные общины, занимавшиеся одним и тем же видом ремесленного труда.

---

[6] *Garfinkel Y.* Stone and Metal Artifacts // Garfinkel Y., Ganor S. Op. cit. Ch. 9. P. 175, 179, 189.

[7] *Kehati R.* The Faunal Assemblage // Garfinkel Y., Ganor S. Op. cit. Ch. 11. P. 201.

[8] *Ben-Shlomo D.* Petrographic Analysis of Iron Age Pottery // Garfinkel Y., Ganor S. Op. cit. Ch. 8. P. 165.

[9] *Kang H., Garfinkel Y.* Ashdod Ware I: Middle Philistine Decorated Ware // Garfinkel Y., Ganor S. Op. cit. Ch. 7. P. 153–156.

[10] *Gilboa A., Waiman-Barak P.* Cipriot Ceramic Imports of Khirbet Qeiyafa: Provenience, Chronology and Significance // Garfinkel Y., Ganor S., Hasel M.G. Op. cit. Ch. 15. P. 391, 399.

При раскопках Хирбет Кейафы были найдены две надписи. Первая из них выполнена чернилами на черепке от большой фляги (высота – 15 см, ширина – 11,5–16,7 см, толщина – 0,6 см). Она найдена в 2008 г. на участке B. Текст надписи имеет пять линий и читается слева направо. Большинство исследователей (Х. Мисгав[11], А. Йардени[12], Г. Галиль[13], Э. Пёшь[14], И.Р. Тантлевский[15]), считают, что язык надписи палеоиврит. По своему типу текст надписи является своего рода социальной декларацией, имеющей как библейские, так и не библейские параллели, например, в «Законах Хаммурапи». Г. Галиль полагает, что надпись представляет собой диктант учителя ученику или отца своему сыну-подростку[16].

Вторая надпись из г. Хирбет Кейафы была обнаружена в 2012 г. на участке C. Она выгравирована на верхней части большого сосуда – пифоса перед его обжигом. Надпись имеет одну строку, написанную в отличие от пятистрочного текста на черепке справа налево, где содержатся три древнеизраильских лексемы, первая из них – имя собственное, второе слово – сын, интерпретация третьей лексемы на сегодняшний день представляется исследователям затруднительной, но следует предположить, что оно обозначает ивритскую лексему – *бад* – в переносном значении «начальник». Надпись легко читаема, так как написана квалифицированной рукой писца[17]. Текст обеих надписей имеет, преимущественно, архаичное прото-ханаанское написание букв. Особенно это характерно для однострочной надписи. Тем не менее, надписи свидетельствуют о наличии квалифицированных писцов в поселении и могут говорить даже об определенном уровне грамотности среди его жителей.

По свидетельствам материальной культуры, во второй половине X в. до н.э. в северо-восточной (Бет-Шемеш) и северной частях (Гезер) Шефеле были осуществлены масштабные строительные проекты. Так, Бет-Шемеш стал укрепленным административным центром с резиденцией градоначальника, жилыми домами и складами[18]. Архитектурный комплекс в Гезере (слой VIII) отличался следующими особенно-

---

[11] *Misgav H., Garfinkel Y., Ganor S.* The Ostracon // Garfinkel Y., Ganor S. Op. cit. Ch. 14. P. 243–244, 254–255.

[12] *Yardeni A.* Further Observations on the Ostracon // Garfinkel Y., Ganor S. Op. cit. Ch. 14A. P. 259.

[13] *Galil G.* The Hebrew Inscription from Khirbet Qeiyafa / Netaim. Script, Language, Literature and History // UF. 2009. Bd. 41. von M. Dietrich, O. Loretz (hrsg.). Münster, 2010. P. 219–220.

[14] *Puech É.* L'ostracon de Khirbet Qeyafa et les débuts de la royauté en Israël // RB. 2010. Vol. 117. No. 2. P. 162–184.

[15] *Тантлевский И.Р.* Царь Давид и его эпоха в Библии и истории. СПб., 2016. С. 314.

[16] *Galil G.* The Hebrew Inscription from Khirbet Qeiyafa / Netaim. P. 199–207.

[17] *Garfinkel Y.* et all. The ʿIšbaʿal Inscription from Khirbet Qeiyafa // BASOR. 2015. No. 373. P. 227–229, 231.

[18] *Bunimovitz S., Lederman Z.* Beth-Shemesh // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / E. Stern (ed.). Vol. 1. Jerusalem, 1993. P. 249–250.

стями: шестикамерные ворота, составляющие одно целое с казематной стеной. Следует отметить, что в Гезере стена была изолированной, а не служила задней частью примыкающих к ней зданий, как в Хирбет Кейафе[19]. К западу от ворот располагался участок административной застройки с крупным зданием дворца по типу *бит хилани.* На рубеже X–IX вв. до н.э. Гезер был крупным региональным центром, который имел площадь в 13 га и 3300 жителей[20].

По-видимому, сельскохозяйственной специализацией Гезера в данный период являлось оливководство. На это может указывать находка чана крупных размеров (1,46×0,96 м и глубиной 0,6 м) для оливкового масла[21].

Уникальную информацию о проведении сельскохозяйственных работ в Шефеле, со сроками посадки растительных культур и сбора урожая, сообщает восьмистрочная надпись, найденная ирландским исследователем Р. Макалистером в 1908 г. при раскопках Гезера и получившая название «Календарь из Гезера». Надпись вырезана на известняковой плите (размер: 11,1×7,2 см) и читается справа налево.

В целом, семь строк в надписи сообщают нам о тех или иных работах в сельском хозяйстве, приуроченных к конкретному месяцу. Определенную проблему представляет то, к кому или к чему в «календаре из Гезера» относятся выражения «его месяцы» или «его месяц». Данные выражения в надписи могут указывать на то, что каждый глава расширенной семьи в сельском поселении или в территориальной городской общине нес определенную ответственность за сельскохозяйственную операцию, происходившую в том или ином месяце года. Большинство исследователей считают надпись ученическим упражнением.

Еще одну проблему для исследователей представляет язык, на котором была сделана надпись. Есть основания считать языком надписи палеоиврит, при том, что она была написана ранним финикийским шрифтом. Кроме того, язык надписи показывает, что во второй половине X – начале IX вв. до н.э. происходил постепенный переход от архаичного прото-ханаанского шрифта к раннему финикийскому.

Данный вывод подтверждает анализ надписи, найденной исследователями в 2005 г. при раскопках поселения Тель-Зайит в Западной Шефеле, расположенного в 1,76 км западнее иудейского Лахиша. Данная надпись выполнена на куске известняка (высота – 15,7 см, диаметр – 37,5×27 см) и имеет две строки, где справа налево располагаются двадцать две вырезанные буквы финикийского или палеоив-

---

[19] *Dever W.G.* Gezer II. Report of the 1967–70 Seasons in Fields I and II. Vol. II / W.G. Dever (ed.). Jerusalem, 1974. P. 60–61, 63–64.

[20] *Dever W. G.* Archaeology, the Israelite Monarchy, and the Solomonic Temple // The Blackwell companion to the Hebrew Bible / L.G. Perdue (ed.). Oxf., 2001. P. 191.

[21] *Oritz S.M., Wolff S.R.* Tel Gezer Excavations 2006–2015: The Transformation of a Border City // The Shephelah during the Iron Age. Recent Archaeological Studies / O. Lipschits, A.M. Maeir (eds.). Winona Lake: Eisenbrauns, 2017. P. 86, 89.

ритского алфавита. Надпись является ученической прописью. Палеографический анализ надписи из Тель-Зайита показывает, что двенадцать из двадцати двух букв имеют сходство с буквами календаря из Гезера[22]. Американский ученый Р. Тэппи и другие исследователи, обнаружившие надпись, датируют ее второй половиной X в. до н.э., а французский эпиграфист А. Лемейр полагает, что надпись из Тель-Зайита лучше датировать следующим столетием.

В IX в. до н.э. центр социально-экономического и культурного развития вновь смещается на территорию юго-западной и юго-восточной Шефелы. Данный процесс был обусловлен распадом одного древнееврейского государства на два (южное и северное), причем большая часть северной Шефелы входила в состав территории последнего. Благоприятные экологические условия также способствовали процветанию этого региона

В основном это небольшие укрепленные поселения (27), как Тель Бурна – стратегически расположенная на пути из филистимского Гата на юго-запад Иудеи и имевшая в IX–VIII до н.э. укрепления в виде казематной стены. На участке А представителями археологической экспедиции найдены ткацкие станки[23].

Характерный пример сельскохозяйственной практики в Шефеле мы можем видеть на материале Тель Халифа – небольшого, укрепленного казематной стеной поселения. При этом дом примыкает к казематной стене (слой VIB), то есть имеет место такое же архитектурное решение, как в Хирбет Кейафе[24]. Во второй половине IX–VIII вв. до н.э. жители занимались выращиванием зерновых культур и разведением винограда на склонах, поскольку исследователями найдены железные плуги, инструменты для виноделия, много сосудов для хранения[25].

Наряду с этим, в IX в. до н.э. начинается новый расцвет Лахиша как иудейского крупного города. По-видимому, преобразование Лахиша в укрепленный военно-административный центр было произведено царем Иехошафатом (872–848 гг. до н.э.). В стратегическом плане Лахиш прикрывал две границы: с филистмлянами, Северо-Израильским царством и основной путь из Древнего Египта. По мнению израильского археолога Д. Уссишкина на первоначальном этапе был создан дворцово-фортификационный комплекс, включавший две стены, четырехкамерные ворота, дворец, склады, конюшню. Затем

---

[22] *Tappy R.E.* An Abecedary of the Mid-Tenth Century B.C.E. from the Judaean Shephelah // BASOR. 2006. No. 344. P. 5–6, 22, 26, 31–40, 41.

[23] *Shai I.* Tel Burna: A judahite Fortified Town in the Shephelah // The Shephelah during the Iron Age… P. 47–48.

[24] *Seger J.D., Borowski O.* Tel Halif // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / E. Stern (ed.). Vol. 1. Jerusalem, 1993. P. 557–558.

[25] *Jacobs P.F.* Tel Halif // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / E. Stern (ed.). Suppl. Vol. 5. Jerusalem; Washington, 2008. P. 1761–1762.

были построены жилые дома[26]. Одной из интересных находок является пробка из слоновой кости от кувшинчика с парфюмом высотой 6,9 см. Данная находка может свидетельствовать о высокой культуре ремесленного производства и потребления, что, в свою очередь, указывает на развитие социальной стратификации[27]. В целом, в IX в. до н.э. Лахиш был уже крупным городом для древнеизраильского юга, занимавшим территорию 7 га и насчитывавшим 1800 жителей[28].

Таким образом, социально-экономическое развитие Шефелы в X–IX вв. до н.э. было обусловлено, с одной стороны, военным фактором, а с другой, – благоприятными экологическими условиями, позволившими развиться сельскохозяйственной специализации: зерноводству (Хирбет Кейафа, Тель Халиф), оливководству (Гезер), виноградарству (Тель Халиф). Вместе с тем, хозяйственное развитие направлялось государственными структурами, что способствовало росту монументального строительства и различных видов ремесленного производства: гончарного дела, ткачества, косторезного искусства. Кроме того, усиление или наоборот, частичное снижение влияния государственной власти прослеживается в формировании пространственной среды от крепостей и малых поселений к обустройству крупных региональных центров Гезера и Лахиша.

Рассмотрение двух надписей, найденных в г. Хирбет Кейафе (календаря из г. Гезера и алфавита из поселения Тель-Зайита) указывает на то, что Шефела – регион, в силу своего географического положения более тесно соприкасавшийся с ханаанитами, филистимлянами, финикийцами, была одним из основных центров развития письменности в X–IX вв. до н.э. Это способствовало более интенсивным культурным контактам ее жителей. Наряду с этим, имеющиеся надписи свидетельствуют об определенном уровне развития письменности и грамотности населения, а наличие трех надписей, являющихся ученическими упражнениями (пятистрочная надпись из г. Хирбет Кейафы, календарь из г. Гезера, алфавит из поселения Тель-Зайита) дает дополнительные аргументы точке зрения относительно функционирования первых школ на юге Древнего Израиля уже в X в. до н.э.

Литература:

Тантлевский И.Р. Царь Давид и его эпоха в Библии и истории. СПб.: РХГА, 2016. 412 с.

Ben-Shlomo D. Petrographic Analysis of Iron Age Pottery // *Garfinkel Y., Ganor S.* Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem: Israel Exploration Society; Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem, 2009. Ch. 8. P. 161–173.

[26] *Ussishkin D.* Gath, Lachish and Jerusalem in the 9th Cent. B.C.E. – an Archaeological Reassement // ZDPV. 2015. 131(2). P. 134–136.

[27] Idem. Biblical Lachish. A Tale of Construction, Destruction, Excavation and Restoration / Engl. transl. M. Feinberg Vamosh. Jerusalem, 2014. P. 210.

[28] *Dever W.G.* Archaeology, the Israelite Monarchy… P. 191.

Bunimovitz S., Lederman Z. Beth-Shemesh // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / E. Stern (ed.). Vol. 1. Jerusalem: Israel Explorations Society and Carta, 1993. P. 249–253.

Dever W.G. Gezer II. Report of the 1967–70 Seasons in Fields I and II / W.G. Dever (ed.). Vol. II. Jerusalem: Hebrew Union College, 1974. – IX, 137 p. + 75 Pl.

Dever W.G. Archaeology, the Israelite Monarchy, and the Solomonic Temple // The Blackwell companion to the Hebrew Bible / W.G. Dever; L.G. Perdue (eds.). Oxf.: Blackwell Publishers, 2001. P. 127–147.

Čapek F. The Shepelah in the Iron Age I and Iron Age IIA: A New Survey of the Emergence of the Early Kingdom of Judah // Oriental Archive. 2012. Vol. 80. No. 3. P. 475–504.

Freikman N., Garfinkel Y. Area C // Garfinkel Y., Ganor S., Hasel M.G. Khirbet Qeiyafa. Vol. 2. Excavation Report 2009–2013: Stratigraphy and Architecture (Areas B, C, D, E). Jerusalem: Israel Exploration Society; Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem, 2014. Ch. 7. P. 93–226.

Galil G. The Hebrew Inscription from Khirbet Qeiyafa / Netaim. Script, Language, Literature and History // UF. 2009. Bd. 41 / von M. Dietrich, O. Loretz (hrsg.). Münster: Ugarit-Verlag, 2010. P. 193–242.

Garfinkel Y. Stone and Metal Artifacts // Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem: Israel Exploration Society; Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem, 2009. Ch. 9. P. 175–194.

Garfinkel Y. et all. The ʾIšbaʿal Inscription from Khirbet Qeiyafa // BASOR. 2015. No. 373. P. 217–233.

Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem, 2009.

Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa in Context // Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem, 2009. Ch. 1. P. 3–18.

Garfinkel Y., Ganor S., Hasel M.G. Khirbet Qeiyafa. Vol. 2. Excavation Report 2009–2013: Stratigraphy and Architecture (Areas B, C, D, E). Jerusalem, 2014.

Gilboa A., Waiman-Barak P. Cipriot Ceramic Imports of Khirbet Qeiyafa: Provenience, Chronology and Significance // Garfinkel Y., Ganor S., Hasel M.G. Khirbet Qeiyafa. Vol. 2. Excavation Report 2009–2013: Stratigraphy and Architecture (Areas B, C, D, E). Jerusalem, 2014. Ch. 15. P. 391–402.

Herzog Z., Singer-Avitz L. Redefining the Centre: The Emergence of State in Judah // Tel Aviv. 2004. Vol. 31. No. 2. P. 209–244.

Kang H., Garfinkel Y. Ashdod Ware I: Middle Philistine Decorated Ware // *Garfinkel Y., Ganor S.* Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem, 2009. Ch. 7. P. 151–160.

Kehati R. The Faunal Assemblage // Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem, 2009. Ch. 11. P. 201–208.

Misgav H., Garfinkel Y., Ganor S. The Ostracon // Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem, 2009. Ch. 14. P. 243–257.

Oritz S.M., Wolff S.R. Tel Gezer Excavations 2006–2015: The Transformation of a Border City // The Shephelah during the Iron Age. Recent Archaeological Studies / O. Lipschits, A.M. Maeir (eds.). Winona Lake: Eisenbrauns, 2017. P. 61–103.

Seger J.D., Borowski O. Tel Halif // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / E. Stern (ed.). Vol. 1. Jerusalem: Israel Explorations Society and Carta, 1993. P. 557–558.

Shai I. Tel Burna: A judahite Fortified Town in the Shephelah // The Shephelah during the Iron Age. Recent Archaeological Studies / O. Lipschits, A.M. Maeir (eds.). Winona Lake: Eisenbrauns, 2017. P. 46–61.

Tappy R.E. An Abecedary of the Mid-Tenth Century B.C.E. from the Judaean Shephelah // BASOR. 2006. No. 344. P. 5–46.

Jacobs P.F. Tel Halif // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / E. Stern (ed.). Suppl. Vol. 5. Jerusalem; Washington: Israel Exploration Society; Biblical Archaeology Society, 2008. P. 1761–1762.

Ussishkin D. Biblical Lachish. A Tale of Construction, Destruction, Excavation and Restoration / Engl. Transl. M. Feinberg Vamosh. Jerusalem, 2014. – 446 p.

Ussishkin D. Gath, Lachish and Jerusalem in the 9th Cent. B.C.E. – an Archaeological Reassement // ZDPV. 2015. 131 (2). P. 129–149.

Yardeni A. Further Observations on the Ostracon // Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem: Israel Exploration Society; Institute of Archaeology, The Hebrew University of Jerusalem, 2009. Ch. 14A. P. 259–270.

И.Е. Суриков

О МОНЕТНОМ ДЕЛЕ АФИН КОНЦА ПЕРИОДА АРХАИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕХОДА ОТ WAPPENMÜNZEN К «СОВАМ»)

Аннотация: В статье рассматривается судьба первой афинской чеканки (монеты, известные под условным названием Wappenmünzen) на ее позднейшей стадии, когда происходил переход к монетам принципиально нового типа («голова Афины – сова», АΘЕ), ставшего потом столь знаменитым. Автор связывает этот переход со свержением тирании в 510 г. до н.э., а несколько более раннее начало выпуска тетрадрахм серии Wappenmünzen датирует временем 514–513 гг. до н.э. и приурочивает ее к таким событиям, как ссора тирана Гиппия с аристократами и ужесточение его политики. В том же контексте он пытается интерпретировать т.н. монетную реформу Гиппия, о которой есть неясное упоминание в «Экономике» Псевдо-Аристотеля.

Ключевые слова: Афины, архаический период, монеты, Wappenmünzen, «совы», тирания, Гиппий, дидрахмы, тетрадрахмы.

Abstract: The article deals with the fate of the first Athenian coinage (coins known under the conventional name of *Wappenmünzen*) at its latest stage, when there took place a transition to coins of principally new type ("head of Athena – owl", АΘЕ), which later became so glorious. The author connects the transition mentioned with the fall of tyranny in 510 BC and dates a little earlier beginning of *Wappenmünzen* tetradrachms issuing to 514–513 BC, while correlating it with such events as the tyrants Hippias' clash with aristocrats and hardening of his policies. In the same context he tries to interpret the so-called Hippias' monetary reform, which is mentioned vaguely in Pseudo-Aristotle's Economics.

Keywords: Athens, the Archaic period, coins, *Wappenmünzen*, "owls", tyranny, Hippias, didrachms, tetradrachms.

Более десятилетия назад мы опубликовали на страницах «Античного мира и археологии» статью о Wappenmünzen[1], которая, к сожалению, и по сей день остается, кажется, единственной в отечественной историографии работой, специально посвященной этим древнейшим афинским монетам[2]. В статье, которая только что упоминалась, мы не имели возможности подробно рассмотреть вопрос о вре-

---

[1] *Суриков И.Е.* Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // АМА. 2006. Вып. 12. С. 43–51. В этой работе приводятся и достаточно обильные ссылки на зарубежную литературу по данной проблематике, которые мы здесь в основном постараемся не повторять, а указывать в дальнейшем будем прежде всего те важные работы, которые стали нам доступны уже после выхода упомянутой статьи.

[2] Даже если брать не только Афины, но и весь греческий мир, перед нами одна из самых ранних серебряных чеканок (более древними являются только чеканки Эгины и, возможно, Коринфа). Подчёркиваем, что электровые чеканки, среди которых есть и ещё более ранние, мы в данной статье вообще не затрагиваем.

мени и причинах прекращения этой весьма интересной и неординарной серии; потому-то к данному вопросу теперь и обратимся.

Как известно[3], непосредственно после Wappenmünzen с их разнообразием типов[4], отражавших аристократические ценности, в Афинах начали выпускаться монеты единого, принципиально нового типа («голова Афины – сова», АΘЕ), т.е. знаменитые «совы» (некоторые наши нумизматы с этакой вульгарной фамильярностью называют их «со́вками», однако нам такое словоупотребление отнюдь не близко). Как же происходил переход и в силу чего он случился[5]?

Переход от Wappenmünzen к «совам» явился событием большого значения, кардинальным реформированием всей системы чеканки. И вполне естественно, что вопросы о времени и конкретных обстоятельствах этого перехода, о его историческом контексте представляются весьма важными.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой Wappenmünzen выпускались в Афинах исключительно или почти исключительно в правление тирана Гиппия (527–510 гг. до н.э.), старшего сына знаменитого Писистрата. «Совы» же, как известно, имеют самую непосредственную связь с классической афинской демократией, установившейся в результате реформ Клисфена 508–507 гг. до н.э.[6], но невозможной без

---

[3] Мысли, излагаемые в данной статье, мы ранее конспективно привели в тезисах докладов: *Суриков И.Е.* От Wappenmünzen к «совам»: в поисках исторического контекста // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / В.А. Калинин (ред.). СПб., 2007. С. 10–12; *он же.* О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / И.В. Ширяков (ред.). М., 2009. С. 7–9.

[4] 15 типов дидрахм, 2 типа тетрадрахм (о последних подробнее см. ниже).

[5] Из конкретных работ по данной проблематике нам были особенно полезны: *Kroll J.H.* From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // The American Numismatic Society Museum Notes. 1981. Vol. 26. P. 1–32; *Dawson S.* The Athenian Wappenmünzen // Scholia. 1999. Vol. 8. P. 71–77. В целом для осмысления причин начала древнегреческого (в том числе, естественно, и афинского) монетного дела наиболее важны монографии: *Servet J.-M.* Nomismata: État et origines de la monnaie. Lyon, 1984; *Seaford R.* Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambr., 2004; *Schaps D.M.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004. Полную, весьма полезную сводку афинской чеканки вплоть до конца эпохи эллинизма см. теперь в: *Flament C.* Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (c. 550 – c. 40 av. J.-C.). Louvain-le-Neuve, 2007. Оговорим тут же, что *ни одна* серебряная чеканка в Балканской Греции или в какой-либо иной части эллинского мира не может датироваться ранее, чем 560 г. до н.э. (год прихода к власти Креза в Лидии, сопоставим: Hdt. I.94 и Hdt. I.86; «ревизионистская» передатировка Креза Р. Уоллесом (*Wallace R.W.* Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // JHS. 2016. Vol. 136. P. 168–181) не имеет серьёзных оснований, как мы показываем в: *Суриков И.Е.* Монеты Креза и их датировка (по поводу одной недавней гипотезы) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года / И.В. Ширяков (ред.). М., 2017. С. 3–6.

[6] Построения М. Викерса, относящего начало «сов» к периоду после 480 г. до н.э. (*Vickers M.* Early Greek Coinage, a Reassessment // Numismatic Chroni-

предшествующего свержения тирании в 510 г. до н.э. Из этого и будем исходить в дальнейшем.

Сразу приходят на ум два возможных ответа на вопрос об интересующем нас здесь переходе. Либо это произошло сразу после изгнания Гиппия и ликвидации афинской тирании, что в восприятии современников было «освобождением» государства. Либо – второй вариант – данный факт следует связывать с деятельностью Клисфена, с рождением демократического государственного устройства в Афинах. Оба переворота имели огромное историческое значение. Причем если для нас, с хронологической дистанции в две с половиной тысячи лет, более важным выглядит второй, «клисфеновский» переворот, поскольку он направил судьбы Афин и всей Греции по совершенно новому пути, то для афинян рубежа VI–V вв. до н.э., пожалуй, было наоборот: более акцентированно воспринималось изгнание тирана, а в Клисфене видели лишь одного из видных аристократических лидеров. В любом случае, несомненно, что создание принципиально нового типа монетной чеканки обязательно должно быть связано с каким-то исключительно значимым событием истории полиса, как бы «маркировать» его.

Для решения вопроса, как представляется, имеет определённое значение еще вот какое обстоятельство. Между Wappenmünzen, базовым номиналом которых была дидрахма, и «совами», система которых основывалась на тетрадрахме, чётко прослеживается промежуточная, переходная стадия: тетрадрахмы серии Wappenmünzen. Эти редкие типы относятся к самому концу чеканки «гербовых монет», и главное, что бросается в глаза на данном, последнем этапе их выпуска – отказ от прежнего большого разнообразия изображений, использование лишь очень небольшого их набора. Известно только две разновидности тетрадрахм-Wappenmünzen. У обеих на л.с. голова Горгоны, а на о.с. в одном случае голова льва во вдавленном квадрате, в другом – в таком же вдавленном квадрате голова быка. Дидрахмы этой стадии подразделяются на два или, скорее, три вида: с головой Горгоны на л.с. и вдавленным квадратом без изображений на о.с., с головой Горгоны на л.с. и вдавленным квадратом с небольшим символом – головой льва – на о.с., а также, судя по всему, с головой быка на л.с. и вдавленным квадратом без изображений на о.с.

В свете наших общих представлений о переходе от Wappenmünzen к «совам» вырисовываются два варианта интерпретации последовательности и датировки стадий перехода. Первый вариант: дидрахмы-Wappenmünzen выпускаются Гиппием вплоть до его свержения в 510 г. до н.э., после ликвидации тирании появляются тетрадрахмы-Wappenmünzen и соответствующие типы дидрахм, наконец, в ходе

---

cle. 1985. Vol. 145. P. 1–44), оказались заведомо опровергнутыми, когда в архиве Персеполя был найден отпечаток реверса афинской тетрадрахмы-«совы», использованной в качестве печати при скреплении глиняных табличек. Памятник относится к рубежу VI–V вв. до н.э. и демонстрирует, что «совы» к тому времени уже чеканились и даже попадали в далекую персидскую столицу (*Root M.C.* Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage // Numismatic Chronicle. 1988. Vol. 148. P. 8–12).

реформ Клисфена начинается чеканка «сов», теперь уже всецело на базе тетрадрахмы. Второй вариант: дидрахмы-Wappenmünzen выпускаются Гиппием приблизительно до 514–513 гг. до н.э. (разнообразие их типов прокламирует примирение тирана с аристократическими родами Аттики), после заговора Гармодия и Аристогитона и ссоры Гиппия с аристократами он переходит к выпуску тетрадрахм-Wappenmünzen, сильно редуцировав разнообразие типов.

Смена базового номинала, может быть, связана с так называемой «монетной реформой Гиппия», о которой речь пойдет чуть ниже. Наконец, после свержения тирании базовый номинал остается прежним, «гиппиевским» (тетрадрахма), но радикально меняется тип, вводятся «совы», дабы подчеркнуть важность свершившегося события. Этот второй вариант представляется нам более вероятным. На наш взгляд, об этом свидетельствует, помимо прочего, появление на «совах» легенды АΘЕ, что должно было продемонстрировать «освобождение» Афин и их суверенитет.

Мы закономерно выходим на интересный пассаж из 2-й книги «Экономики» Псевдо-Аристотеля (компилятивного перипатетического трактата, составленного в основном в III в. до н.э.[7]), в котором сообщается о своеобразной монетной реформе, проведённой афинским тираном Гиппием Писистратидом (правил в 527–510 гг. до н.э.). В месте, о котором идет речь (Ps.-Arist. Oec. II.1347a4 sqq.), рассказано о ряде предпринятых Гиппием акций фискального характера, среди которых вот какая: «Ту монету, которая ходила у афинян, он объявил негодной и, установив стоимость ее, велел возвращать ему; а когда они были собраны для перечеканки, он выдал то же серебро» (пер. Г.А. Тароняна).

Нарочитая неясность выражений неизвестного автора трактата (видимо, он сам имел о реформе довольно смутное понятие) долгое время приводила к тому, что данному свидетельству источника не придавали особенного значения, не находили подходящего контекста, в который его можно было бы вписать. Правда, уже давно была высказана верная в своей основе идея, что истинная суть реформы в следующем: Гиппий уменьшил стоимость монеты в два раза при сохранении ее веса[8]. Эта точка зрения была оспорена, в том числе таким авторитетным специалистом, как Ч. Селтман[9]. Однако приводившиеся контраргументы теперь уже не кажутся столь сильными, как ранее, поскольку со времен Селтмана была принципиально пересмотрена вся хронология ранней афинской чеканки (да и не только афинской, а архаической греческой в целом[10]).

---

[7] См.: *Жебелев С.А.* «Аристотелева» «Экономика» // ВДИ. 1937. № 1. С. 114–125.

[8] См., напр.: *Hill G.F.* Ancient Greek and Roman Coins. Chicago, 1964. P. 41.

[9] *Seltman C.T.* Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambr., 1924. P. 78.

[10] Этот пересмотр – плод усилий целого ряда ведущих нумизматов второй половины XX в. (в результате вся история раннегреческого монетного дела имеет теперь совершенно иной облик, нежели имела, скажем, век назад, на момент выхода второго издания классического компендиума Хеда (*Head B.V.*

По мнению Селтмана (а он, конечно, классик, но теперь уже «устаревший классик», равно как и Хед; увы, в науке, в отличие от литературы, порой даже классика устаревает), реформа Гиппия заключалась, собственно, в том, что были отменены т.н. Wappenmünzen и после этого чеканились только «совы»[11]. Но, во-первых, в источнике ясно сказано, что выданы были те же самые монеты, без перечеканки[12]. Во-вторых же – и это самое главное, – теперь уже вполне ясно, что именно при Гиппии-то Wappenmünzen и чеканились: их производство началось либо в начале его правления, либо в самом конце правления его отца Писистрата, а прекратилось только после свержения тирании. Первые «совы» с наибольшей вероятностью могут быть датированы временем около 510 г. до н.э.[13]

В связи с этим необходимо обратить внимание на действительно очень важное обстоятельство. За несколько лет до прекращения выпуска Wappenmünzen происходят два существенных изменения: крупнейшим из чеканившихся номиналов вместо дидрахмы становится тетрадрахма и резко уменьшается прежнее разнообразие изображений на монетах (почти единственным типом, появляющимся в двух-трёх несколько разнящихся вариантах, выступает теперь ранее не встречавшаяся в этом качестве голова Горгоны).

В рамках системы, в которой каждый тип серии Wappenmünzen соответствует архонтскому году[14], перемены должны относиться ко времени около 513 г. до н.э. С другой стороны, по независимым данным, монетная реформа Гиппия пришлась тоже на конец его правления. Тогда произошли два важных для политики этого тирана события. Во-первых, персы захватили Пангейские серебряные рудники во Фракии, ранее принадлежавшие Писистратидам. Это не могло не ухудшить финансовое положение последних[15]; отсюда – и комплекс

Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics. Oxf., 1911), когда говорили о «монетах времён Гигеса» и т.п.). Не будем перечислять всю имеющуюся литературу по проблеме, поскольку не раз делали это в своих предыдущих работах; укажем только, что наибольший вклад в новое решение вопроса принадлежит К. Крээю (см. главным образом его итоговый труд: *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976), а также весьма полезна статья: *Kroll J.H., Waggoner N.M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // AJA. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340. В отечественной научной литературе та же позиция возобладала относительно недавно; ключевую роль сыграла работа: *Коваленко С.А., Толстиков В.П.* I. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. № 3. С. 31–59. Да и мы об этом писали (*Суриков И.Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 186 слл.).

[11] *Seltman C.T.* Op. cit. P. 77.

[12] *Kroll J.H.* Op. cit. P. 19.

[13] *Dawson S.* Op. cit.

[14] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Древнейшие афинские монеты…

[15] *Raven E.J.P.* Problems of the Earliest Owls of Athens // Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson / C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.). Oxf., 1968. P. 57; *Hammond N.G.L.* The Extent of Persian Occupation in Thrace // Chiron. 1980. Vol. 10. P. 53–69; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 93.

фискальных мер Гиппия, описанных Псевдо-Аристотелем. Во-вторых, не менее важно, что тогда же начался конфликт тирана с аристократами, вызванный известным заговором Гармодия и Аристогитона.

Учёт всех перечисленных фактов в сочетании с вышеприведённым свидетельством из «Экономики» позволяет предложить следующую реконструкцию – парадоксальную, но, кажется, не содержащую внутренних противоречий и, соответственно, имеющую право на существование. Монеты, которые принято считать ранними дидрахмами серии Wappenmünzen, в действительности представляют собой тогдашние *драхмы*. Кстати, драхму куда естественнее, чем дидрахму, встретить в роли базового номинала чеканки. В таком случае речь следует вести о «тяжелой» драхме, приравненной к статеру.

Гиппий же, действительно не осуществив никакой перечеканки (как и сказано у Псевдо-Аристотеля), раздал населению собранные у него монеты, но уже в качестве дидрахм. Тогда же он впервые в афинской истории выпустил тетрадрахму, более того, сделал ее базовым номиналом (эту черту унаследовало афинское монетное дело и после свержения тирании, был только введен новый единый тип «голова Афины – сова»). Старые «драхмы-дидрахмы», разумеется, продолжали хождение и после Гиппиевой реформы, но на новых монетах, чеканившихся после нее, прекратилась манифестация аристократических символов и появилась голова Горгоны, имевшая, как давно замечено[16], характер апотропея. Поссорившись с аристократами и небезосновательно ощущая себя в опасности, Гиппий явно старался (в том числе и подобными религиозно-магическими действиями) оберечь свою власть от новых покушений.

Как известно, это ему не удалось, и в 510 г. до н.э. афинская тирания оказалась свергнутой (в основном усилиями спартанского войска, но эмигранты из Аттики, противники Писистратидов[17], тоже оказали помощь), в связи с чем – повторим вновь и вновь – были выпущены «совы»; эти последние, с присущей им легендой ΑΘΕ (т.е. Ἀθη[ναίων], «[монеты] афи[нян]») демонстративно манифестировали принцип республиканской полисной государственности, свободной от власти тиранов. В дальнейшем «совы», естественно, эволюционировали по облику[18], однако в целом всегда оставались легко узнаваемыми и на протяжении веков являлись одним из главных символов Афин.

Литература:

Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. – 527 с.
Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. – 264 с.

---

[16] *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 57, 61.

[17] Особенно, конечно, лидеры рода Алкмеонидов (см. к вопросу: *Robinson E.W.* Reexamining the Alcmeonid Role in the Liberation of Athens // Historia. 1994. Bd. 43. Ht. 2. S. 363–369; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 150 слл.).

[18] В связи с некоторыми важнейшими этапами их эволюции см.: *Starr C.G.* Athenian Coinage 480–449 B.C. Oxf., 1970; *Thompson M.* The New Style Silver Coinage of Athens. N.Y., 1961.

Жебелев С.А. «Аристотелева» «Экономика» // ВДИ. 1937. № 1. С. 114–125.
Коваленко С.А., Толстиков В.П. I. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. № 3. С. 31–59.
Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. – 284 с.
Суриков И.Е. Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // АМА. 2006. Вып. 12. С. 43–51.
Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. – 236 с.
Суриков И.Е. От Wappenmünzen к «совам»: в поисках исторического контекста // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / В.А. Калинин (ред.). СПб., 2007. С. 10–12.
Суриков И.Е. О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / И.В. Ширяков (ред.). М., 2009. С. 7–9.
Суриков И.Е. Монеты Креза и их датировка (по поводу одной недавней гипотезы) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года / И.В. Ширяков (ред.). М., 2017. С. 3–6.
Dawson S. The Athenian Wappenmünzen // Scholia. 1999. Vol. 8. P. 71–77.
Flament C. Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (c. 550 – c. 40 av. J.-C.). Louvain-le-Neuve, 2007. – 310 p.
Hammond N.G.L. The Extent of Persian Occupation in Thrace // Chiron. 1980. Vol. 10. P. 53–69.
Head B.V. Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics. Oxf., 1911. – LXXXVIII, 966 p.
Hill G.F. Ancient Greek and Roman Coins. Chicago, 1964. – XV, 302 p.
Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. – XXVI, 390 p.
Kroll J.H. From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // The American Numismatic Society Museum Notes. 1981. Vol. 26. P. 1–32.
Kroll J.H., Waggoner N.M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // AJA. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340.
Raven E.J.P. Problems of the Earliest Owls of Athens // Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson / C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.). Oxf., 1968. P. 40–58.
Robinson E.W. Reexamining the Alcmeonid Role in the Liberation of Athens // Historia. 1994. Bd. 43. Ht. 2. S. 363–369.
Root M.C. Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage // Numismatic Chronicle. 1988. Vol. 148. P. 8–12.
Schaps D.M. The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004. – XVII, 293 p.
Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambr., 2004. – XII, 370 p.
Seltman C.T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambr., 1924. – 228 p.
Servet J.-M. Nomismata: État et origines de la monnaie. Lyon, 1984. – 195 p.
Starr C.G. Athenian Coinage 480–449 B.C. Oxf., 1970. – VIII, 95 p.
Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens. N.Y., 1961. – VII, 747 p.
Vickers M. Early Greek Coinage, a Reassessment // Numismatic Chronicle. 1985. Vol. 145. P. 1–44.
Wallace R.W. Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // JHS. 2016. Vol. 136. P. 168–181.

Е.И. Соломатина

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЕДИНОЛИЧНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация: в настоящей статье автор анализирует данные греческой архаической лирики, содержащие упоминания о тиранах и тирании, и предлагает свою версию ответа на вопрос: кого и почему греки в архаическую эпоху называли тиранами.

Ключевые слова: тиран, тирания, архаическая греческая лирика, принцип наследования.

Abstract: in the present paper the author analyses the evidence of the archaic Greek lyrics containing mentions of tyrants and tyranny and presents her version of the answer to the question who and why were called tyrants by the Greeks in the archaic period.

Keywords: tyrant, tyranny, archaic Greek lyrics, succession pattern.

К настоящему времени написано значительное количество трудов, посвященных различным аспектам старшей тирании в Греции, и с каждым годом число их всё возрастает, так как новые поколения исследователей пытаются внести свой вклад в постижение сути этого явления греческой истории, прояснить его причины, последствия и его роль в развитии греческой государственности. Были сформулированы разные теории о происхождения тирании: политическая, отправной точкой которой было учение Аристотеля о тиранах-демагогах и различных видах монархии[1]; экономическая, социологическая, или так называемая расовая; гоплитская[2]; о ее социальном характере и последствиях. Эти теории отражали скорее методологические позиции их авторов и часто шли вразрез с конкретными данными источников. Однако, несмотря на различия и отчасти противоречивость выдвинутых теорий, было выработано общее представление о тирании, разделяемое большинством исследователей и бытовавшее в течение дли-

---

[1] Учение Аристотеля о тиранах-демагогах активно разрабатывалось и использовалось современными исследователями. Тирания многими из них рассматривалась как средство в руках демократических слоев в их борьбе за свои политические права, как «диктатура демоса». Тираны выступали ставленниками демоса (его торгово-ремесленной верхушки), проводящими политику, направленную на подавление потомственной аристократии. См. краткий обзор работ по ранней тирании в: *Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009. С. 336.

[2] Обзор теорий возникновения старшей тирании см.: *Drews R.* The First Tyrants in Greece // Historia. 1972. Bd. 21(2). P. 129–144. Критический анализ основополагающих работ по истории раннегреческой тирании, появившихся до 80-х годов прошлого века, см.: *Oliva P.* The Early Tyranny // Dialogues d'histoire ancienne. 1982. No. 8. P. 363–380; и более поздних в: *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 158–166.

тельного времени. Оно сводилось к следующему: тирания – распространенное явление в архаической Греции, она знаменует значимый этап в развитии полиса. Тирания была порождена социально-экономическими конфликтами, еще более обострившимися в результате борьбы различных аристократических группировок за власть. В ходе этой борьбы отдельные представители аристократии захватывали власть с помощью вооруженной силы и устанавливали единоличное правление, которое греки называли тиранией[3]. И хотя основной причиной захвата власти были личные амбиции, тем не менее, в целом тиран способствовал процветанию полиса и обеспечивал его социальную стабильность[4]. При этом типичной чертой установления тирании считалась узурпация власти с помощью силы[5], а неограниченная власть – неотъемлемой характеристикой правления тирана[6]. И это представление о старшей тирании как о незаконном захвате или незаконном использовании власти амбициозным индивидом продолжает бытовать и поныне[7]. Более того, понимание тирании современными исследователями совпадало с таковым нарративных источников классического и более позднего времени в главном, а именно – тираны были незаконными правителями, диктаторами, которые ниспровергали (или игнорировали) существующие политические порядки и на их место устанавливали неконтролируемые режимы единоличной власти[8].

---

[3] Субъективному моменту борьбы аристократов за единоличную власть, а именно личным амбициям, крайнему проявлению эгоизма, произвола, стремлению к неограниченной власти и богатству отдельных честолюбцев, уделено значительное внимание в двухтомном труде Г. Берве, считающему именно эти черты главной причиной установления тирании. По мнению Г. Берве, тиран был в оппозиции к общине, которой он правил. *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. 1–2. Bd. 1. S. IX–XII, 4, 164–167. О тирании как способе реализации иррационального стремления личности к власти см. также: *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 159.

[4] См.: *Oliva P.* Op. cit. P. 363.

[5] Об узурпации единоличной власти см.: *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 159. Примеры использования вооруженной силы (не обязательно граждан своего полиса) будущими тиранами для установления своей власти см.: *Drews R.* Op. cit. P. 132, 134–136.

[6] *Oliva P.* Op. cit. P. 367.

[7] См. об этом: *Anderson G.* Before *Turannoi* Were Tyrants: Rethinking a Chapter of Early History // ClAnt. 2005. Vol. 24. No.2. P. 174–175. См. напр., представление о тирании в работах: *Morris S.* Imaginary Kings: Alternatives to Monarchy in Early Greece // K. Morgan (ed.), Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece. Austin, Texas, 2003. P. 1; *Raaflaub K.A.* The Newest Sappho and Archaic Greek-Near Eatern Interactions // The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, frs. 1-4): Studies in Archaic and Classical Greek Song, vol. 2 (Mnemosyne Supplements 392) / Bierl A., Lardinois A. (eds.). Leiden; Boston, 2016. P. 139, 142, 146.

[8] *Anderson G.* Op. cit. P. 175. О том, что тирания была формой монархии, установленной узурпаторами см.: *Andrewes A.* The Greek Tyrants. L., 1956. P. 7; *Finley M.I.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. N.Y., 1970. P. 107; *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. 2nd ed. L., 1973. P. 23; *Jeffery L.H.* Archaic

Однако в начале 70-х годов прошлого века стали раздаваться призывы направить усилия на выяснение вопроса, ***как*** те, кого их современники-греки называли тиранами, пришли к власти[9]. Попытки ответить на данный вопрос привели к оживлению дискуссии о законном/незаконном характере власти тиранов, как Лидии, так и в греческих полисах[10], а затем и к широкому обсуждению вопроса о качественной стороне власти тиранов: была ли она сродни царской власти[11] или закономерным продолжением аристократического правления[12].

С конца XX столетия наблюдается тенденция пересмотра данных античной традиции и попытки провести более четкую грань между информацией аутентичных источников и более поздних, чем описываемое явление или событие. В результате стали появляться новаторские работы, авторы которых стремятся покончить с устоявшимися представлениями, основанными на нарративных источниках классической эпохи, искоренить традиционные термины, описывающие основополагающие явления архаического времени[13]. Эта тенденция затронула и исследования по старшей тирании. Так, в своей статье Г. Андерсон рекомендует отказаться от термина «тиран», из-за того, что в том виде, в каком он обычно употребляется в научной литерату-

---

Greece: The City States, ca. 700–500 B.C. L., 1976. P. 46; *Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980. P. 96; *Murray O.* Early Greece. 2nd ed. Cambr. (Mass.), 1993. P. 137.

[9] *Drews R.* Op. cit. P. 132. Сам Р. Дрюс, отвечая на поставленный вопрос, считал, что с помощью вооруженной силы в результате переворотов (ibid.).

[10] Приведем лишь некоторые работы, ставшие отправной точкой в этой дискуссии и постоянно цитируемые. О незаконном характере власти тиранов: *Radet G.* La Lidie et le monde grec aux Temps des Mermnades. P., 1893. P. 146–148; *Ure P.N.* The Origin of Tyranny. Cambr., 1922. P. 127ff; *Drews R.* Op. cit. P. 137; *Libero L., de.* Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996. P. 12. Contra: *Mazzarino S.* Fra oriente e occidente: Richerche di storia greca arcaica. Firenze, 1947. P. 171–187; *Labarbe J.* L'apparition de la notion de tyrannie dans la Grèce archaïque // L'antiquite classique. 1970. Vol. 40(2). P. 496–497 (Ж. Лябарб полагает, что, хотя узурпация и ассоциировалась с тиранией, но она не составляла сути тиранического правления); *Oost S.I.* Cypselus the Bacchiad // CPh. 1972. Vol. 67. No. 1. P. 10–30.

[11] См., напр.: *Oost S.I.* Op. cit.; *Carlier P.* La Royauté en Grèce avant Alexanre. Strasbourg, 1984; *Barceló P.* Basileia, Monarchia, Tyrannis: Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993; *Parker V.* Vom König zum Tyrannen: Eine Betrachtung zur Entstehung der älteren griechischen Tyrannis // Tyche. 1996. No. 11. S. 165–186.

[12] См., напр.: *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987; *Libero L., de.* Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996; *Morris S.* Op. cit.

[13] Сказанное относится в первую очередь к работе Р. Осборна, посвященной ранней греческой колонизации: *Osborne R.* Early Greek Colonization? The Nature of Greek Settlement in the West // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / N. Fisher and H. van Wees (eds.). L., 1998. P. 251–269.

ре, будучи основанным на представлениях, сложившихся в классическую эпоху, подразумевает единовластие и незаконность правления и таким образом представляет в ложном свете тех, кого греки в эпоху архаики называли тиранами[14]. Столь решительный шаг был сделан не на пустом месте. Уже были опубликованы работы, авторы которых уделяли больше внимания сведениям литературных источников именно архаической эпохи и данным материальной культуры, и в таких работах образ старшей тирании представал более сложным и многозначным и существенно отличался от традиционного, основанного преимущественно на источниках V в. до н.э. и более поздних. Тирания рассматривалась как важный и, возможно, необходимый переходный этап от правления аристократов к полноценному гражданскому правлению[15]. При этом в некоторых работах отмечалось, что греческий полис VII в. до н.э., еще не представлял собой четко оформ-

---

[14] Античные авторы классической и более поздней эпох в своих свидетельствах воспроизводят как данность рассказы о тиранах как злобных, аморальных личностях, об их жестокости, сексуальных отклонениях, хотя термин тиран приобрел эти уничижительные коннотации уже после завершения эпохи тиранов. См.: *Lewis S.* Greek Tyranny. Bristol, 2009. P. 11–12, 36; *Anderson G.* Op. cit. P. 173–174. Note 3 on p. 174: по мнению исследователя, произошел существенный сдвиг в значении и общекультурной значимости терминов тиран и тирания в классическую эпоху по сравнению с архаической.

Для авторов V и IV вв. до н.э. события до начала VI в. до н.э. относились к доисторической эпохе, им приходилось полагаться главным образом на не вполне понятные размышления поэтов более раннего времени, причуды устной традиции и немые свидетельства древних памятников. Современные ученые полагают, что возможность интерпретации древними авторами таких проблематичных данных была, по меньшей мере, ограниченной. См. об этом: *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 B.C. L., 1996. P. 192–197; *Dewald C.* Form and Content: The Question of Tyranny in Herodotus // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / K. Morgan (ed.). Austin (Texas), 2003. P. 25.

Вопрос о сущности термина тирания, а именно, являлось ли это понятие в период до сер. V в. до н.э. семантические нейтральным, или оно с самого начала заключало в себе негативный оттенок одиозности, который обнаруживается при употреблении с конца V в. до н.э., подробно разобран в работе: *Высокий М.Ф.* Тирания: к вопросу о терминологии // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С 182–196, особенно прим. 1–3 на стр. 182 с литературой.

Особую позицию занимает Н. Лураги, считающий, что было упрощением, говорить о некоем сдвиге в представлениях греков о тирании. По его мнению, уже в архаической греческой поэзии присутствуют ассоциация тирании с высокомерием (спесью) и грубые инвективы в отношении тиранов, что скорее свидетельствует о существовании единообразного представления о тирании у греков с ранних времен, и которое с самого начала было амбивалентным. *Luraghi N.* The Cunning Tyrant: the Cultural logic of a Narrative pattern // Patterns of the Past: Studies in Honour of Oswyn Murray / A. Moreno and R. Thomas (eds.). Oxf., 2014. P. 67, 68, 71.

[15] См. об этом: *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 161–162 с литературой; *Anderson G.* Op. cit. Note 4 on p. 175 с литературой.

ленного политического строя, способного управлять относительно сложным обществом. И эта неспособность раннего полиса включить значительные лидерские способности индивидов в узаконенную структуру оставляла открытым огромное практически не контролируемое политическое пространство, на котором соперничающие элиты культивировали неофициальный и потенциально более впечатляющий стиль правления. Политика в раннем полисе, который представлял собой олигархию, была уделом исключительно элиты до конца эпохи архаики. Государственный же аппарат, даже в своей ограниченной роли инструмента по урегулированию политической конкуренции внутри элиты, был слабо эффективен[16]. Поэтому вполне вероятно, что вооруженное столкновение между соперничающими лидерами (или угроза такового) считалось вполне допустимым в архаической политической культуре[17].

В соответствии с таким представлением об уровне политического развития полиса было предложено следующее понимание архаической тирании. Первые тираны, действуя в минимально регулируемой политической среде, где господствовал принцип «победитель получает все», не были ни революционерами, ни узурпаторами; они не были диктаторами или квази-монархами; и ни в каком смысле они не были отступниками или предателями своего «класса». Их власть была не столько неконституционной, сколько внеконституционной. Тирания была «обычным» правлением в его наиболее утрированной форме и de facto традиционной формой власти во всех отношениях. Будучи таковой, тирания не представляла ни альтернативы, ни угрозы существовавшим олигархиям, в которых она процветала. Даже в случае применения насилия, оно было направлено лишь непосредственно против конкурентов, а не против существующего строя. Тирания на протяжении почти всей архаической эпохи вовсе не была каким-то особым «режимом»: термин тирания характеризует традиционный, хотя и необычно властный стиль правления[18]. Что действительно отличало первых тиранов от других олигархических лидеров, так это их необычные способности и успех как политических игроков; они были первыми среди равных[19].

Прекрасно осознавая то, что термин тирания в разное время описывал разные явления, хотя и связанные с единоличным правлением,

---

[16] *Anderson G.* Op. cit. P. 178–180, 189.

[17] *van Wees H.* Megara's Mafiosi: Timocracy and Violence in Theognis // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / R. Brock and S. Hodkinson (eds.). Oxf., 2000. P. 66; *Anderson G.* Op. cit. P. 182, 189.

[18] Чаще встречается мнение о том, что политический институт, для которого было заимствовано греками специальное слово тирания, был новой, отличной от предыдущих, формой политической власти. *McGlew J.F.* Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca; L., 1993. P. 53, 60; *Pomeroy S.B. et all.* Ancient Greece. A Political, Social, and Cultural History. N.Y., 1999. P. 105.

[19] *Anderson G.* Op. cit. P. 198, 202.

исследователи порой называют этот термин зонтичным[20], с чем нельзя не согласиться.

Для постижения сути явления старшей тирании исследователи обращались к изучению понятия, которым оно определяется. Работ, посвященных анализу термина тирания, также не мало, при этом в последние десятилетия все чаще используются достижения смежных дисциплин. И хотя к настоящему времени сделано очень много в этом направлении, тем не менее, остаются аспекты, вызывающие споры у исследователей и требующие более детальной разработки. Ведь старшая тирания – это явление сложное, многогранное и далеко отстоящее от нас по времени, а дошедшая информация очень субъективна и фрагментарна. Данная статья представляет собой попытку прояснить вопрос: кто и почему назван тираном греческими письменными источниками архаической эпохи. Мы рассмотрим дошедшие свидетельства архаической греческой поэзии, в которых содержится хоть минимальная информация по интересующему вопросу.

Слово «тиран», по мнению большинства исследователей, не греческое, вероятно, заимствованное из анатолийских языков[21]. Отсутст-

---

[20] *Raaflaub K.A.* Op.cit. P. 140.

[21] Предположительно из лидийского: *Radet M.G.* Op. cit. P. 146–147; *Anderson G.* Op. cit. P. 203; *Raaflaub K.A.* Op.cit. P. 140. Слова тиран и тирания были заимствованы из Лидии для описания формы правления, для которой у греков не было собственного названия, – правления одного человека, захватившего власть в результате переворота и правящего незаконно: *Pomeroy S.B. et all.* Op. cit. P. 105. О лидийском или фригийском происхождении слова см.: *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 159. О происхождении из других малоазийских языков (ликийского, карийского) см. в: *Drews R.* Op. cit. P. 138 с литературой. Детальный обзор выдвинутых предположений о происхождении слова тиран, начиная с древних комментаторов см. в: *Labarbe J.* Op. cit. P. 471–480. Наиболее многообещающим считается предположение о связи слова тиран, с одной стороны, с лувийским иероглифическим *tarwani-* «справедливость; судья; правитель», а с другой – с угаритским *srn* «принц/царь; имя собственное; аккадское *suranu* – транслитерация угаритского имени собственного *srn*) и ивритским *särän* «царь филистимлян». При этом угаритское и греческое слова рассматриваются как заимствования (к тому же заимствовано второе и третье значение, а не первое), а анатолийский титул – как их неоспоримый источник. Посредническая роль в распространении слова лувийского происхождения в восточном Средиземноморье в конце II – начале I тыс. до н.э. отводится филистимлянам, на что может указывать присутствие слова *särän* в иврите. См. об этом: *Yakubovich I.S.* Labyrinth for Tyrants // Studia Linguarum. 2002. Vol. 3. Fasc. 1. Memoriae A.A. Korolev dicata / A.S. Kassian, A.V. Sidel'tsev (eds.). P. 111–113. Признавая источником заимствования филистимлянами (для титула царь) и греками (для титула тиран) лувийское слово *tarwanis*, исследователи по-разному определяют его первоначальное значение: высказывалось предположение о происхождении слова *tarwanis* от лувийского глагола *tarḫ(u)-* «быть сильным, могущественным», т.е. оно не принадлежит семантическому полю справедливости. См. подробнее: *Giusfredi F.* The Problem of the Luwian Title *tarwanis* // Altorientalische Forschungen. 2009. Vol. 36(1). P. 141; 144–145.

вие согласия в понимании значения слова в исходном языке породили самые разнообразные этимологические реконструкции[22], тем не менее, оно было приспособлено для употребления в греческой среде около середины VII в. до н.э.

Как известно, слово «тиран» не засвидетельствовано в табличках линейного *письма В* в отличие от слов анакт (wa-na-ka) и басилевс (q^wa-si-re-u). В поэмах Гомера оно также отсутствует. Однако в гомеровском гимне к Аресу в строке 5 встречается такая характеристика этого божества: «грозный тиран для врагов», но этот гимн считается позднейшим и не принадлежащим Гомеру. В произведениях Гесиода слова тиран нет, его нет и во фрагментах Гесиода и псевдо-Гесиода, как и в Киклических поэмах[23].

Согласно сообщению софиста Гиппия из Элиды (ок. 460 – ок. 400 гг. до н.э.), чей авторитет признается как древними, так и современными авторами[24], слово тиран стало распространенным у греков лишь со времен Архилоха (FGrH 6 F6), из чего делается вывод, что к 450–425 гг. до н.э. не существовало ни устной, ни письменной традиции, позволяющей предположить, что слово «тиран» было в употреблении раньше, чем время Архилоха, которое не всегда определяется

Против малоазийского (а именно лувийского: от титула новохеттских царей IUDEX.tar-wa-ni-sa со значением «судья») происхождения выступил В. Паркер, предложивший «балканскую» версию. По его мнению, в пользу его предположения могут свидетельствовать следующие моменты. Во-первых, близкородственным слову тиран является титул, который носили пятеро царей филистимлян, упоминаемых в Ветхом Завете, филистимляне же были выходцами с Балкан, которые какое-то время до появления в Палестине проживали на Крите. Во-вторых, фригийское лунное божество Мен носило эпиклесу Тиран. В темные века фригийцы также переселились в Восточную Эгеиду с Балкан. Соответственно, так как слово тиран было балканского происхождения, то оно легко могло быть заимствовано в греческий язык или быть занесено в Грецию языками тех племен, которые начиная с темных веков переселялись из районов вокруг Эпира в Грецию. *Parker V.* Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // Hermes. 1998. Vol. 126(2). P. 146–149 с литературой. Высказывалось предположение, что слово тиран могло быть как заимствованием, так и происходить из субстрата, и употреблялось оно наряду с другими политическими терминами такими, как анакт и басилевс, но в отличие от басилевса обозначало абсолютную власть с опорой на народ: *Somolinos H.R.* El léxico de los poetas Lesbios. Madrid, 1998. P. 88.

[22] *Andrewes A.* Op. cit. P. 21–23: возможно, оно имело значение «царь»; *Berve H.* Op. cit. Bd. I. S. 3–6: вероятно, это был почетный титул царей со значением «господин»; *Высокий М.Ф.* Указ. соч. С. 195: термин «тиран» до сер. V в. до н.э. имел нейтральный семантический характер и являлся официальным титулом, прежде всего на Сицилии; *Raaflaub K.A.* Op.cit. P. 142: тиран – это «скорее ярлык, чем титул». *Labarbe J.* Op. cit. P. 502: у греков слово тиран не было официальным титулом.

[23] *Labarbe J.* Op. cit. P. 490–491. Дополнительным аргументом в пользу этого вывода, по мнению исследователя, может служить схолий к Софоклу (Argum. II Oedip. Reg., со ссылкой на Гиппия Элидского).

[24] *Labarbe J.* Op. cit. P. 491.

одинаково: либо как первая половина VII в. до н.э.[25], либо как середина VII в. до н.э.[26]

В поэтическом наследии Архилоха, современника лидийского правителя Гигеса (Hdt. I.12), встречается слово тирания два раза. Так, в наиболее известном и часто цитируемом фрагменте (fr. 19 West = fr. 22 Diehl[3]) Архилох устами плотника Харона (Arist. Rhet. 1418b 28ff) говорит:

> О многозлатом Гигесе не думаю
> И зависти не знаю. На деяния
> Богов не негодую. Царств не нужно мне:
> Все это очень далеко от глаз моих.
>
> (Пер. В.В. Вересаева).

Данный фрагмент обычно понимается таким образом: поэт последовательно перечисляет то, к чему высказывает свое пренебрежение, – «богатство Гигеса», «деяния богов», «могущественная тирания» – т.е. все то, к чему стремятся другие, но что для многих остается недостижимым; при этом выражение μεγάλη τυραννὶς не имеет однозначной привязки к Гигесу[27]. Лишь из сообщения Эвфориона Халкидского (III в. до н.э.) мы узнаем, что «Гигес впервые стал называться тираном» (Euphor. FHG III, p. 72, fr. 1 = Clemens Alex. Strom. I, p. 389). Итак, Гигес Лидийский признается тем человеком, правление которого обусловило появление слова τύραννος (тиран) в греческом языке[28]. При этом до сих пор предполагается, что Архилох, применил слово тиран по отношению к Гигесу, отразив лидийское употребление[29]. Трудно согласиться с последним предположением по нескольким причинам. Слово тиран было использовано греческим автором, при этом источником

---

[25] Ibid. Note 85 on p. 491 с литературой.

[26] *Parker V.* Τύραννος… P. 150 с литературой.

[27] *Labarbe J.* Op. cit. P. 493; *Parker V.* Τύραννος… P. 151; *Anderson G.* Op. cit. P. 203–204. Схожее мнение см.: *Высокий М.Ф.* Указ. соч. С. 183. Однако некоторые исследователи считают, что Архилох использовал слово тирания в отношении Гигеса. См.: *Drews R.* Op. cit. P. 137–138; *McGlew J.F.* Op. cit. P. 52; *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 159. Такого же мнения придерживается Лаптева М.Ю.: *Лаптева М.Ю.* «Нет дела мне до Гига многозлатого»: лидийский фактор в истории ионийской тирании // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием. ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4–6 октября 2018 г. Ярославль, 2018. С. 19.

[28] *Drews R.* Op. cit. P. 138; *Labarbe J.* Op. cit. P. 494, 475–477: тот факт, что основанные на античной традиции средневековые этимологические словари (Etymologicum Gudianum XI в. и Etymologicum Magnum XII в.), объясняя происхождение слова «тиран», возводят его к Гигесу «из лидийского города Тирра, *в котором он был первым тираном*» (Etym. Gud. 537, 26–28; Etym. Magn. 771, 55–56: во втором случае нет уточнения, что Гигес в Тирре был тираном), свидетельствует о существовании прочной традиции увязывать данное слово именно с этим правителем.

[29] *Raaflaub K.A.* Op. cit. P. 142.

для заимствования в греческий в настоящее время признается лувийское слово *tarwanis*. В лидийском же языке существовало другие слова для обозначения единоличного правителя и его титулов[30]. Так, у Гесихия упоминается лидийское слово со значением тиран – λαίλας (Hesych. s.v.), отражающее хетт. *lahhiyala* – воин[31]. Так же Гесихий приводит глагол κοαλδεῖν (Hesych. s.v.) со значением царствовать в лидийском языке[32]. Имена, под которыми был известен последний лидийский царь грекам, – Кандавл и Мирсил – трактуются таким образом: Мирсил (прозрачная адаптация хеттского династического имени Мурсили) – тронное имя правителя (или титул), а Кандавл (засвидетельствована только эллинизированная форма) – его титул (от заимствованного из лувийского *hantawa* – «царь»[33], либо карийского или ликийского)[34]. Еще один лидийский титул *qlmluś* «царь» может быть возведен к хеттскому kalmuš «посох как символ царской власти»[35]. Последний титул встречается в лидийских надписях IV в. до н.э., а раньше, во второй половине VI в. до н.э. обнаруживается у Гиппонакта в форме πάλμυς (Hippon. fr. 3.1 Masson). Таким образом, судя по дошедшим титулам и названиям правителей, политическая терминология в лидийском языке была довольно разнообразной и отражала различные функции царя (например, жреческую и военную), но в ней не засвидетельствовано слово тиран. Все эти имена и титулы, вероятно, представляют культурные заимствования, что связано с хеттским культурным и политическим доминированием в западной Анатолии в конце бронзового века[36].

Другое стихотворение Архилоха (fr. 23, 20–21 West = P.Oxy. 2310 fr. 1), в котором встречается слово тирания, лишено всяческих намеков на какого-либо конкретного правителя, но общий смысл его пере-

---

[30] *Labarbe J.* Op. cit. P. 501–502.

[31] *Yakubovich I.S.* Sociolinguistics of the Luvian language. 2 Vols. A dissertation submitted to the faculty of the division of the Humanities in candidacy for the degree of Doctor of Philisohy. Department of Near Eastern languages and civilizations and Department of linguistics. Chicago (Illinois), 2008. Vol. 1. P. 120.

[32] *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 247 с литературой: от этого глагола предположительно происходит имя бога-спутника лидийской Артемиды Kwldans «Владыка, Царь».

[33] *Yakubovich I.S.* Sociolinguistics of the Luvian language... Vol. 1. P. 115, 120.

[34] *Dale A.* Alcaeus on the Career of Myrsilos: Greeks, Lydians and Luwians at the East Aegean–West Anatolian Interface // JHS. 2011. No. 131. P. 17 с литературой.

[35] *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Указ. соч. С. 227 с литературой; *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 101 с литературой. По мнению В.Г. Ардзинбы, царь пользовался калмусом преимущественно (или даже исключительно) в тех случаях, когда он совершал обряды внутри города.

[36] *Yakubovich I.S.* Sociolinguistics of the Luvian language... Vol. 1. P. 120.

кликается с выше процитированным фрагментом: обладателю тирании многие позавидуют[37].

… Господствуй же и дальше, **царствуй** над людьми,
Владычествуй на зависть будущим векам…»
(Пер. В.В. Вересаева).

[в греч.: ἄνασσε καὶ τυραννίην ἔχε].

Глагол ἄνασσω «быть царем, царствовать» дополняется словосочетанием τυραννίην ἔχω «обладать тиранической властью, тиранствовать», при этом оно рассматривается исследователями как синоним глагола царствовать, и расценивается как указание на отсутствие различия в архилоховом употреблении выражения «царствовать, быть анактом» (где встречается древний микенский и гомеровский термин ἄναξ) и «обладать тиранией, тиранствовать»[38]. На наш взгляд, расположение рядом друг с другом двух синонимов, соединенных союзом «и», скорее свидетельствует о том, что, в представлении Архилоха один из них заключал в себе некоторый оттенок значения, которого не передавал другой синоним, иначе не было бы смысла ставить их рядом, ведь в поэзии не бывает лишних слов, каждое несло свою смысловую нагрузку.

Похожие строчки, как во фрагменте Архилоха «Мне дела нет до Гига многозлатого…», приписывают и жившему почти на сто лет позже Анакреонту (fr. 8 West). Анакреонт называет Гигеса «царем Сард» (в греч. оригинале ἄναξ) и, как Архилох, «не завидует тиранам». Считается, что поэт, позаимствовавший концепцию Архилоха, несмотря на то, что прямо называет Гигеса анактом, все же причислял его к тиранам[39]. На наш взгляд, расположение слов «анакт» и «тиранам» в четверостишии Анакреонта (через строчку) может указывать на то, что, возможно, со временем первоначальный смысл словоупотребления Архилоха был утрачен, а именно забыт оттенок их различия, и Анакреонт уже употребил термины как полные синонимы, разнеся их по разным строкам.

Итак, Архилох был первым, у кого встречается слово тирания, однако слово «тиран» впервые употреблено Семонидом Аморгским (кон. VII в. до н.э.) в сатирическом произведении о различных типах женщин (fr. 7 West)[40], хотя без какой-либо привязки к конкретному персонажу. Содержать женщин, отнесенных Семонидом к типу произошедших от «пышного коня», могут позволить себе лишь тиран

---

[37] Хотя в понимании общего смысла фрагмента у исследователей нет разногласий, но некоторые детали трактуются по-разному. Различные трактовки и обзор дискуссии см. в: *Treu M.* Archilochos. München, 1979. S. 177–185; *West M.L.* Studies in Greek Elegy and Iambus. B.; N.Y., 1974. P. 118–120; *McGlew J.F.* Op. cit. P. 31; *Drews R.* Op. cit. P. 142.

[38] *Parker V.* Τύραννος… P. 152.

[39] Ibid. Note 21 on p. 151.

[40] *Somolinos H.R.* Op. cit. P. 89.

(τύραννος) или скиптродержец (σκηπτοῦχος) (fr. 7.69 West), т.е. состоятельные и могущественные правители. Обычно скиптродержец понимается как законный царь, так как это стандартный эпитет гомеровских царей, а целиком фраза ἢ τύραννος ἢ σκηπτοῦχος – как гендиадис[41]. В данной фразе у Семонида, как и у Архилоха, родственные слова стоят в непосредственной близости, но соединены союзом «или», что также наводит на мысль о существовании некоторого различия между ними. И хотя В. Паркер приводит в своей статье мнение Х. Ллойд-Джонса о том, что Семонид все же различает слова тиран и скиптродержец, тем не менее, общий вывод Паркера сводится к тому, что слово тиран с момента его появления в греческом языке стало синонимом слов анакт и басилевс[42]. Следует заметить, что слова анакт и басилевс, по мнению некоторых исследователей, не имеют надежных индоевропейских истоков как в этимологии, так и в функциях[43].

Следующий по времени аутентичный источник – это поэзия Алкея (620/626 – после 580 г. до н.э.). Алкей оказался в гуще драматических событий в Митилене и описал их в своих песнях, которые дошли до нас в виде многочисленных папирусных фрагментов и цитат у более поздних авторов. Свидетельства Алкея стали важным источником для изучения проблем стасиса и установления тирании в архаической Греции. Рассмотрим, как Алкей определяет ту форму политической власти, за которую велась борьба в Митилене, и как он называет тех лиц, которые в результате этой борьбы получили власть.

Алкей употребляет существительное тиран несколько раз, но целиком оно встречается лишь во фрагменте 348 Voigt (фрагмент процитирован Аристотелем в «Политике»: Arist. Pol. III.9.5-6, p. 1285a-1285b). В этом стихотворении Алкей прямо называет Питтака тираном. Во фрагменте 75.13 Voigt Алкея встречается глагол τ]υραννεύ-, который описывает действия какопатрида (стк. 9 этого же фрагмента), т.е. Питтака[44]. Питтак – первый правитель в греческой истории, названный тираном[45] своим современником.

Отрывки слова тиран встречаются в нескольких фрагментах. В одном из них (P.Oxy 2734 fr. 12) встречаются вполне отчетливо различимые слова: в строке 5: слово μόναρχ[ος и в строках 6 и 9: τύραν[ος; τύρα[соответственно. Плохая сохранность дошедшего фрагмента не позволяет с определенностью сказать, о каком из единоличных правителей Лесбоса идет речь. Стоит отметить, однако, что слова «монарх» и «тиран» расположены в разных строчках. С уверенностью нельзя ска-

---

[41] См. об этом: *Высокий М.Ф.* Указ. соч. С. 2; *Parker V.* Τύραννος… P. 153. Тем не менее, в представлении древних авторов тираны, как и басилевсы, могли обладать скипетром: Hdt. III.142 – о Поликрате; Pind. Ol. VI. 93 – о Гиероне: *McGlew J.F.* Op. cit. Note 4 on p. 126.

[42] *Parker V.* Τύραννος… P. 153. Note 31 on p. 153.

[43] *Morris S.* Op. cit. P. 4 с литературой.

[44] *Somolinos H.R.* Op. cit. P. 88–89; *Parker V.* Τύραννος… P. 156.

[45] *Dale A.* Op. cit. P. 21.

зать употребляет ли Алкей слова монарх и тиран как синонимы, но учитывая, что веком раньше слова тиран и басилевс могли использоваться как синонимы, то не стоит исключать такую возможность[46].

Слова, образованные от основы *monarkh-*, впервые засвидетельствованы в греческом языке именно у Алкея[47]: P.Oxy 2734 fr. 12.5 – μόναρχ[ος и fr. 6.27 Voigt – μοναρχίαν. Слово μοναρχίαν, сохранившееся почти без контекста во фрагменте 6.27 Voigt, понимается как единовластие. Но внизу столбца, на котором сохранился текст последних стихов фр. 6, видны следы маргиналии, среди которых читается слово Μυρσίλου. Несмотря на то, что не совсем ясно, относилась ли эта маргиналия к рассматриваемому стихотворению, тем не менее, она считается пояснением античного комментатора смысла стихотворения, заключенного в призыве бороться с попыткой Мирсила установить единоличную власть[48].

Объединяя это (т.е. три первых стиха фр. 6 Voigt) и другое стихотворение Алкея (фр. 208a Voigt), Гераклит (автор I в. н.э.) приводит их в своем сочинении «Гомеровские вопросы» (Heracl. Quaest. Hom. 5.8) в качестве примера аллегории. Согласно Гераклиту, «Алкей уподобляет связанные с тиранией смуты бурному состоянию моря… и указывает на Мирсила и на мятеж, поднимаемый против митиленцев с целью захватить единоличную власть». Современные авторы принимают в целом такую трактовку Гераклита. В рассмотренных фрагментах для нас важно одно обстоятельство: слово монархия, употребленное Алкеем, Гераклит и древние комментаторы относят не к Питтаку, а к Мирсилу.

В двух плохо сохранившихся фрагментах 302b.7 и 34A.6 Voigt читаются отрывки слова тиран, но вне контекста, поэтому не ясно, кого так называет Алкей.

Из известных по поздним источникам митиленских единоличных правителей Меланхр и Мирсил упоминаются у Алкея в нескольких фрагментах. Во фр. 331 Voigt Меланхр назван по имени, но больше никакой информации о нем нет. Мирсилу уделено чуть больше внимания: он упомянут по имени в трех фрагментах (70.7, 129.28, 332.2 Voigt), но никаких определений его правления нет[49]. Итак, можно заметить, что у Алкея только Питтак назван тираном, слово монархия (т.е. единоличное правление) ассоциируется с Мирсилом, Меланхр же никак не обозначен.

В соответствии с полученными выводами относительно титулов и тронных имен лидийских царей, у которых Мирсил считается тронным именем или титулом (см. выше), было выдвинуто предположение, что и в Митилене не было такого персонажа как Мирсил. Мирсил – это

---

[46] *Parker V.* Τύραννος… P. 157.

[47] *Anderson G.* Op. cit. Note 84 on p. 207.

[48] Подробнее см.: *Степанцов С.А.* Две заметки к Алкею // ВДИ. 2015. № 3. С. 96.

[49] Мирсил еще упомянут в некоторых комментариях и схолиях к Алкею, подробнее об этом см.: *Dale A.* Op. cit. P. 16.

не личное имя, а титул, соответственно в Митилене в конце VII – начале VI в. до н.э. было два Мирсила: Меланхр и Питтак, и каждого из них Алкей называл Мирсилом, когда они находились у власти. Поздняя традиция, запутавшись в этих тонкостях обозначений правителей, поместила «исторического» Мирсила между Меланхром и Питтаком[50]. Это предположение никоим образом не подрывает нашей идеи, скорее косвенным образом подтверждает ее.

Что касается поэтов VI в. – первой половины V в. до н.э. (Солон, Феогнид, Пиндар), затрагивавших тему тирании и употреблявших слова тиран и тирания, то для анализа интересующей нас проблемы, в них не содержится данных[51].

О единоличных режимах, существовавших в материковой Греции (Коринф, Сикион, Мегары) и в Ионии в VII в. до н.э., сохранились сведения лишь в передаче более поздних авторов, самым ранним из которых был Геродот. Геродот, как известно, использовал слово тиран и его производные по отношению к варварским правителям, которых он также называл и басилевсами; а тех правителей, которых современные ученые причисляют к категории тиранов, он регулярно называет царями (т.е. басилевсами). Геродот именует тиранами и кипрских царей, и законных греческих царей Аргоса. Считается, что Геродот не имел представления ни о каких современных ему различиях между тиранами и царями; лишь начиная с Фукидида появляется строгая закономерность в различии между тиранами и басилевсами[52].

Но вернемся к Гигесу. Долгое время считалось, что вдохновляющим примером для установления единоличных режимов в полисах материковой Греции был переворот, осуществленный в Лидии Гигесом ок. 685 г. до н.э.[53] Возникает вопрос, что во власти Гигеса так поразило греков, что они заимствовали новое слово для ее обозначения.

---

[50] *Dale A.* Op. cit. P. 22.

[51] Исследователей, изучавших творчество перечисленных поэтов с позиции их политической ориентации, интересовал вопрос об их личном отношении – позитивном или негативном – к тирании, употреблял ли тот или иной поэт слово тиран как синоним слова басилевс. См.: *Parker V.* Τύραννος... P. 153–156 с литературой.

[52] *Parker V.* Τύραννος... P. 161–164 с литературой. Об особой роли Афин (и шире Аттики) как региона с ярко выраженным нетипичным политическим развитием в формировании представлений о тирании и ее отличии от царской власти см.: Ibid. P. 170–172.

[53] О Гигесе, послужившем образцом для подражания греческим честолюбцам см.: *Лаптева М.Ю.* «Нет дела мне до Гига... С. 19 (автор соглашается с приводимым ею в работе мнением Г.Л Хаксли); *Page D.* Sappho and Alcaeus. An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry. Oxf.: Clarendon Press, 1955. P. 231; *Drews R.* Op. cit. P. 136, 138–139, 143 (по мнению Р. Дрюса успех Гигеса вдохновил не только греческих амбициозных аристократов, но и Псамметиха I в Египте на захват власти); *Raaflaub K.A.* Op. cit. P. 142. Существует и противоположное мнение о том, что Лидия VII в. до н.э. не послужила политической моделью для Греции VII в. до н.э., см. напр.: *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy. L., 1966. P. 84.

Если слово тиран определяло держателя единоличной власти наподобие царя, то в греческом языке было слово-синоним – монарх (μόναρχος), встречающееся у Алкея, Солона, Феогнида, Геродота. Вероятно, существовала некая характерная особенность этого вида правления, благодаря которой, слово, характеризующее его, было заимствовано в греческий язык. Многие современные исследователи считают, что этой особенностью была узурпация власти[54], Ж. Лябарб же полагает, что, хотя узурпация и ассоциировалась с тиранией, но не составляла сути тиранического правления[55]. Дело в том, что, по мнению ряда исследователей, Гигес был законным правителем, благодаря своей женитьбе на вдовствующей царице[56]. По нашему мнению, этот факт является решающим, остановимся на нем подробнее. В дошедших фрагментах Архилоха нет сведений о воцарении Гигеса, эта история в сильно мифологизированном виде дошла в передаче античных авторов более позднего времени: Геродота (I.7), Платона (Rep. II. 359 D) и Николая Дамасского (FGrHist 90 F 77). По вопросу о происхождении Гигеса информация этих авторов различается, Платон называет его пастухом, Геродот телохранителем и доверенным лицом царя[57], а Николай Дамасский потомком царского соправителя. Однако все они единодушно сообщают, что Гигес занял трон, женившись на вдове убитого им предшествующего правителя Мирсила-Кандавла-(С)Адиатта. Геродот особо оговаривает, что у правивших в Лидии «в течение 22 людских поколений, 505 лет» Гераклидов «всегда сын … наследовал власть от отца вплоть до Кандавла, сына Мирса». И хотя информация Геродота вызывает сомнение, так как независимое Лидийское государство было образовано после распада Фригии и не было столь древним, как это представляет Геродот, тем не менее, исто-

---

[54] *Labarbe J.* Op. cit. Note 104 on p. 495–496 с литературой.

[55] Ibid. P. 496 с упоминанием предшественников, придерживающихся похожего мнения. Лябарб полагает, что греков вряд ли можно было удивить тем, что кто-то пришел к власти, убив своего предшественника, греческие легенды полны подобных историй: Линкей убил Даная, Лик – Креонта, Эгисф – Агамемнона (Ibid. P. 497).

[56] *Labarbe J.* Op. cit. P. 497. Даже высказывалось предположение об отсутствии династического разрыва при переходе власти от Кандавла к Гигесу (*Mazzarino S.* Op. cit. P. 171–187). И хотя некоторым исследователям трудно согласиться с таким предположением по разным причинам, однако они признают тот факт, что нет никаких данных в источниках для его опровержения (*Parker V.* Τύραννος… Note 20 on p. 150–151).

[57] Исследователи обычно не соглашаются с мнением Геродота и Платона о том, что Гигес был низкого происхождения. Предполагается его происхождение из Мермнадов, древнего и знатного рода, вероятно, близкого к правящему царскому, возможно даже, что Мермнады были боковой ветвью (*Labarbe J.* Op. cit. P. 494). С. Мадзарино считал Мермнадов тождественными Гераклидам: *Mazzarino S.* Op. cit. P. 171–182.

рик подметил нарушение привычного в его время порядка наследования престола[58].

Второй единоличный правитель, который в синхронных источниках назван тираном, это Питтак Митиленский. Его женитьба на представительнице царского рода Пенфилидов нашла отражение в нескольких стихотворениях Алкея, который, как всегда, критикует Питтака: фр. 5, 70, 75, 296a Voigt[59].

Подводя итог, хочется обратить внимание на следующее обстоятельство. И Гигес, и Питтак оба были связаны брачными узами с представительницами царского рода. Оба, когда пришли к власти, были названы своими современниками-греками заимствованным словом тиран, который корнями уходит в ту культурную среду, где практика наследования царской власти через брак с вдовствующей царицей или дочерью царя была широко распространена и сохранялась долгое время. У греков же такая практика лишь отражена в легендарной традиции: Эдип и Иокаста, Менелай и Елена, Эгисф и Клитемнестра, Ясон и Главка и др.[60] По нашему предположению, греки заимствовали термин, чтобы обозначить им единоличного правителя, получившего власть в результате брака с представительницей царствующего дома. Постепенно этот оттенок значения слова тиран утрачивается (его различали лишь авторы VII – первой половины VI в. до н.э., пока существовала такая практика), сам же термин начинает употребляться как полный синоним слов монарх и басилевс, а еще позднее приобретает негативный оттенок.

Литература:

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Высокий М.Ф. Тирания: к вопросу о терминологии // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С 182–196.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009.

Лаптева М.Ю. «Нет дела мне до Гига многозлатого»: лидийский фактор в истории ионийской тирании // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием. ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4–6 октября 2018 г. Ярославль, 2018. С. 17–22.

Степанцов С.А. Две заметки к Алкею // ВДИ. 2015. № 3. С. 91–102.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

---

[58] По предположению И.С. Якубовича, топоним Лидия и его родственные формы не встречается в исторических текстах ранее VII в. до н.э. Появление названия Лидия совпало по времени с политическими событиями, в результате которых к власти пришла династия Мермнадов. *Yakubovich I.S.* Sociolinguistics of the Luvian language… Vol. 1. P. 140.

[59] *Pippin Burnett A.* Three Archaic Poets: Archilocus, Alcaeus, Sappho. L., 1983. P. 171–173.

[60] *Morris S. Op. cit.* P. 7 с литературой.

Anderson G. Before *Turannoi* Were Tyrants: Rethinking a Chapter of Early History // ClAnt. 2005. Vol. 24, No. 2. P. 173–222.
Andrewes A. The Greek Tyrants. L., 1956.
Barceló P. Basileia, Monarchia, Tyrannis: Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993.
Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. 1–2.
Carlier P. La Royauté en Grèce avant Alexanre. Strasbourg, 1984.
Dale A. Alcaeus on the Career of Myrsilos: Greeks, Lydians and Luwians at the East Aegean–West Anatolian Interface // JHS. 2011. No. 131. P. 15–24.
Dewald C. Form and Content: The Question of Tyranny in Herodotus // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / K. Morgan (ed.). Austin (Texas), 2003. P. 25–58.
Drews R. The First Tyrants in Greece // Historia. 1972. Bd. 21(2). P. 129–144.
Ehrenberg V. From Solon to Socrates. 2nd ed. L., 1973.
Finley M.I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. N.Y., 1970.
Giusfredi F. The Problem of the Luwian Title *tarwanis* // Altorientalische Forschungen. 2009. Vol. 36(1). P. 140–145.
Jeffery L.H. Archaic Greece: The City States, ca. 700–500 B.C. L., 1976.
Labarbe J. L'apparition de la notion de tyrannie dans la Grèce archaïque // L'antiquite classique 1970. Vol. 40(2). P. 471–504.
Lewis S. Greek Tyranny. Bristol, 2009.
Libero L., de. Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996.
Luraghi N. The Cunning Tyrant: the Cultural logic of a Narrative pattern // Patterns of the Past: Studies in Honour of Oswyn Murray / A. Moreno and R. Thomas (eds.). Oxf., 2014. P. 67–92.
Mazzarino S. Fra oriente e occidente: Richerche di storia greca arcaica. Firenze, 1947.
McGlew J.F. Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1993.
Morris S. Imaginary Kings: Alternatives to Monarchy in Early Greece // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / K. Morgan (ed.). Austin (Texas), 2003. P. 1–24.
Murray O. Early Greece. 2nd ed. Cambr. (Mass.), 1993.
Oliva P. The Early Tyranny // Dialogues d'histoire ancienne. 1982. No. 8. P. 363–380.
Oost S.I. Cypselus the Bacchiad // CPh. 1972. Vol. 67. No. 1. P. 10–30.
Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L., 1996.
Osborne R. Early Greek Colonization? The Nature of Greek Settlement in the West // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / N. Fisher, H. van Wees (eds.). L., 1998. P. 251–269.
Page D. Sappho and Alcaeus. An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry. Oxf.: Clarendon Press, 1955.
Parker V. Vom König zum Tyrannen: Eine Betrachtung zur Entstehung der älteren griechischen Tyrannis // Tyche. 1996. No. 11. S. 165–186.
Parker V. Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // Hermes. 1998. Vol. 126(2). P. 145–172.
Pippin Burnett A. Three Archaic Poets: Archilocus, Alcaeus, Sappho. L., 1983.
Pomeroy S.B., Donlan W., Burstein S.B., Roberts J.T. Ancient Greece. A Political, Social, and Cultural History. N.Y., 1999.
Raaflaub K.A. The Newest Sappho and Archaic Greek-Near Eatern Interactions // The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, frs. 1-4): Studies

in Archaic and Classical Greek Song. Vol. 2 (Mnemosyne Supplements 392) / Bierl A., Lardinois A. (eds.). Leiden; Boston, 2016. P. 127–147.
Radet G. La Lidie et le monde grec aux Temps des Mermnades. P., 1893.
Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980.
Somolinos H.R. El léxico de los poetas Lesbios. Madrid, 1998.
Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987.
Treu M. Archilochos. München, 1979.
Ure P.N. The Origin of Tyranny. Cambr., 1922.
van Wees H. Megara's Mafiosi: Timocracy and Violence in Theognis // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). Oxf., 2000. P. 52–67.
West M.L. Studies in Greek Elegy and Iambus. B.; N.Y., 1974.
Yakubovich I.S. Labyrinth for Tyrants // Studia Linguarum. 2002. Vol. 3. Fasc. 1. Memoriae A.A. Korolev dicata / A.S. Kassian, A.V. Sidel'tsev (eds.). P. 93–116.
Yakubovich I.S. Sociolinguistics of the Luvian language. 2 Vols. A dissertation submitted to the faculty of the division of the Humanities in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Near Eastern languages and civilizations and Department of linguistics. Chicago (Illinois), 2008.

Л.Л. Селиванова

ЗАБЫТОЕ СОКРОВИЩЕ КИРЕНЫ

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимоотношений человека с природной средой в древности на примере античной Кирены в период VI в. до н.э. – I в. н.э. Объектом данного исследования является сильфий – забытое растение, которым некогда славилась древняя Киренаика. Опираясь на междисциплинарный подход, автор анализирует письменные и материальные (в основном нумизматические) свидетельства, демонстрирующие, как и почему открытие сильфия привело к расцвету Кирены и каким образом нарушение экологического баланса повлияло на Киренаику.

Ключевые слова: Кирена, Ливия, Северная Африка, сильфий, колонии, античность, экология, междисципинарность.

Abstract: The article examines human interaction with the natural environment in antiquity with a specific focus on Cyrene during the period from the sixth century B.C. to the first century A.D. The object of this examinationis silphium, a largely forgotten plant for which ancient Cyrenaica was famous. Relyingon an interdisciplinary approach, the author analyzes written and material (mainly numismatic) evidence to demonstrate how and why the discovery of silphium led to the flourishing of Cyrene, and the ways in which the undermining of environmental balance affected Cyrenaica.

Keywords: Cyrene, Libya, northern Africa, silphium, ancient colonies, antiquity, ecology, interdisciplinary approach.

Наиболее интересные темы появляются, как правило, на стыке разных наук. Связано это с тем, что не всегда поставленный вопрос можно решить в рамках одной дисциплины. Возникает необходимость в междисциплинарном подходе (называемом также интегративным), который позволяет рассмотреть проблему сразу в нескольких ракурсах. Выбранная нами тема оказалась счастливо расположенной в точке пересечения истории, ботаники, медицины, экономики и экологии. Предметом настоящего исследования является история сильфия – забытого растения, некогда составлявшего славу древней Киренаики. Цель статьи – показать, как и почему его открытие способствовало расцвету главного города Ливии и каким образом неразумное, эгоистичное отношение людей к этому ценнейшему растению повлияло на судьбу государства. Речь, таким образом, пойдёт о взаимодействии человека и природы.

История Кирены, древнего города у побережья Средиземного моря на северо-востоке современной Ливии известна лучше других греческих колоний архаического времени благодаря Геродоту, Пиндару, богатому археологическому материалу, а также документу, претендующему на то, чтобы быть оригинальным декретом основателей колонии. Кирена (греч. Κυρήνη, лат. Cyrene) была основана ок. 631 г. до н.э. выходцами с дорийского острова Фера (совр. Санторини в Эгейском море) под

предводительством царя Батта[1]. Колония была выведена по причине перенаселённости острова и голода. Она отстоит от моря примерно на 10 км, находясь на северной кромке высокого плато. К югу от Кирены лежала Ливийская пустыня с оазисом, где находился знаменитый оракул Аммона в Фивах, к которому обращался Александр Македонский[2].

Батт правил сорок лет, в правление его правнука Аркесилая II Жестокого братья отложились от него и ок. 540 г. до н.э. образовали из западных городов самостоятельное государство Барку[3]. Династия Баттиадов правила в течение восьми поколений. Конец их власти положил Камбиз, присоединивший Кирену к египетской сатрапии. В составе государства Ахеменидов полис получил демократическую форму правления[4]. Александр Македонский, захвативший Египет в 331 г. до н.э., гарантировал Кирене относительную автономию. Но потом город попал под власть Лагидов. Кирену и ещё четыре города: Аполлонию, Барку/Птолемаиду, Тавхиру/Арсиною (совр. Токра) и Эвгеспериды/Беренику (совр. Бенгази), – подчинил себе Птолемей I, составив из них Пентаполь (Пятиградие)[5]. Ненадолго Кирена обрела независимость при Магасе Киренском, пасынке Птолемея I, но после него её снова поглотила птолемеевская империя. После смерти последнего представителя династии Птолемея Апиона вся Киренаика была при-

---

[1] Александрийский поэт III в. до н.э. Каллимах, возводивший себя к Батту, называет его в гимне «К Аполлону» Аристотелем (75–76). По мнению Геродота (Hdt. IV.155), своё второе имя Батт получил в Ливии, оно означало «царь» по-ливийски. Всё началось с того, что Батт, с детства страдавший заиканием, обратился в Дельфы, чтобы узнать, как ему исправить свою дикцию. Вместо этого пифия повелела ему отправиться в Ливию. Батт удивился такому ответу, но пифия его повторила. Когда же он пренебрёг оракулом, ферейцев постигли всяческие несчастья. И тогда снова было снаряжено посольство в Дельфы. Пифия ответила, что облегчение наступит только после того, как ферейцы во главе с Баттом заложат основание Кирены в Ливии. После долгих мытарств колонисты в конце концов выполнили указание Аполлона и основали поселение в Ливии.

[2] Колонисты приняли египетского Аммона-Ра в качестве бога-покровителя и отождествили со своим главным богом Зевсом. Новое синкретическое божество Зевс-Аммон сочетало в себе отеческий облик Зевса с бараньими рогами Аммона. Его оракул в оазисе Сива стал считаться одним из величайших в греческом мире. После того, как Александр принял капитуляцию Египта, он отправился на запад, в Сиву, чтобы получить, как это делали фараоны, признание своего происхождения в храме Аммона-Ра. Оракул объявил Александра сыном Зевса-Аммона, узаконив тем самым его как нового фараона Египта, что позволило ему выступать с «божественными» притязаниями по отношению к грекам.

[3] Подробнее см.: *Chamoux F.* Cyrène sous la monarchie des Battiades. P., 1953.

[4] *Грэхэм А.-Дж.* Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Часть 3. Расширение греческого мира VIII–VI века до н.э. М, 2007. С. 164–167.

[5] *Law R.C.C.* North Africa in the period of Phoenicia and Greek colonization c. 800 to 323 BC // The Cambridge History of Africa. Vol. 2: from c. 500 BC to AD 1050 / E.D. Fage (ed.). Oxf., 2002. P. 87–113.

соединена Римом в 67 г. до н.э. к провинции Крит. Город оставался одним из главных в регионе вплоть до разрушительного землетрясения 365 г. н.э.[6] Затем он стал христианским (имел собственного епископа[7]) и подвергался набегам кочевых племен. Землетрясения, восстания, войны ослабили Кирену. После распада Римской империи город влачил жалкое существование под властью Византии и в 643 г. н.э. был разрушен арабами. Жители покинули Кирену[8]. В конце XVIII в. на засыпанный песком город наткнулись итальянские учёные. Но масштабные археологические исследования провели здесь только в начале XX в. американцы. Раскопки продолжались и в XXI в.[9], однако с 2011 г., с приходом так наз. «Арабской весны» археологические и реставрационные работы не проводятся. С этого времени регулярно выходит LAaR (Libyan Antiquities at Risk – «Ливийские древности в опасности»)[10], а в 2015 г. Международный совет музеев (ИКОМ) опубликовал «Чрезвычайный Красный список находящихся под угрозой культурных объектов Ливии». Руины древней Кирены находятся в 3 км от г. Шаххат, восточнее Бенгази[11]. Этот район в восточной части нынешней Ливии и сейчас известен под своим античным названием Киренаика. Город, таким образом, просуществовал до VII в. н.э. Тринадцать столетий бурной, насыщенной жизни нашли своё отражение, помимо прочего, и в монетах, на которых в качестве городской эмблемы чеканились символы, связанные с мифами об основании Кирены.

Согласно последним, Кирена, дочь царя лапифов Гипсея не любила заниматься домашними делами и рукоделием, но целыми днями предавалась охоте на горе Пелион в Фессалии. Однажды её, боровшуюся со львом, увидел Аполлон, влюбился и после победы над зверем унёс на своей золотой колеснице за море, в прекраснейший из садов Зевса, где она стала царицей большого города, названного в её честь. Сразу по прибытии она, как гласит местная легенда, так же задушила огромного страшного льва, терроризировавшего население, заслужив благодарность богини-покровительницы Ливии (рис. 1). Греческий историк II в. н.э. Павсаний в своём сочинении «Описание Эллады» рассказывает, что жители Кирены принесли в дар Аполлону в Дельфы скульптурную группу Батта на колеснице работы мастера Амфиона из Кносса. Возницей в этой группе была Кирена, а на колеснице – Батт и Ливия, венчавшая Кирену (X.15.6). На новом месте Кирена родила Аристея, почитаемого как бога,

---

[6] *Law R.C.C.* North Africa in the Hellenistic and Roman periods, 323 BC to AD 305 // The Cambridge History of Africa. Vol. 2: from c. 500 BC to AD 1050 / E.D. Fage (ed.). Oxf., 2002. P. 148–209.

[7] В V в. н.э. им был Синезий, епископ Птолемаидский, философ-неоплатоник, друг и ученик знаменитой Гипатии Александрийской. – *Селиванова Л.Л.* Ипатия // РИЭ. 2018. Т. VII. С. 193.

[8] Libya archaeological Guides. Cyrenaica. By Ph. Henrick with a contribution by Ah. Buzain. L., 2013. P. 2–10.

[9] *Thorn J.C.* The Necropolis of Cyrene. Two hundred years of exploration. R., 2005; *Thorn D.M.* The four seasons of Cyrene: the excavation and explorations in 1861. R., 2007.

[10] Издание финансируется Обществом ливийских исследований.

[11] Libya archaeological Guides... P. 151.

а позже прорицателя Идмона (Pind. Pyth. IX.1–70; Call. Hymn. Dian. 206; Diod. IV.81; Ap. Rhod. II.500; Hyg. 161; Myth. Vat. I.75.2). Аполлон же в ипостаси Карнея привёл в Кирену Батта (Call. Hymn. Ap. II.75–96). Таким образом, полис получил три, так сказать, сакральных бренда: Аммона, бараноголового египетского бога солнца, которого греки отождествляли с Зевсом, Аполлона и нимфу Кирену. Все они изображались на местных монетах: бородатый и рогатый Зевс-Аммон, безбородый Аполлон Карнейский с маленьким рогом Аммона и эпоним города Кирена в виде сидящей женщины или женского профиля. Вместе с ними почитался и дикорастущий сильфий, нигде больше, кроме Киренаки не произраставший (рис. 2-10). Он считался даром Аполлона и, согласно мифам, появился в здешних землях за семь[12] лет до прибытия Батта (Theophr. Hist. Plant. VI.3.3), отсюда и прочно закрепившееся название – «сильфий Батта» (LSJ. s.v. σίλφιον τὸ). Согласно местному мифу, сильфий был открыт сыном Аполлона и Кирены Аристеем (Schol. in Aristoph. Eq. 894). На монетах города был представлен стебель с листьями и молодым соцветием, а также семена[13].

Монеты Кирены с изображением сильфия датируются концом VI – последней четвертью III в. до н.э.[14] Самые древние – драхмы 570 г. до н.э., на которых представлено семя растения. Сильфий постоянно присутствовал и на монетах других городов Киренаики: Барки и Эвгесперид. На реверсах древних монет встречаются также изображения женских божеств: Горгоны, и, возможно, Афины: по некоторым мифам, она родилась в Ливии (Il. IV.515; Ap. Rhod. IV.1310–1314), где её приняли и вскормили три ливийские нимфы в накидках из козьих шкур, ставших прообразом главного атрибута Афины – эгиды[15] (рис. 11–12).

Первое упоминание о сильфии мы встречаем у Геродота (IV.169), описавшего область его произрастания: от о-ва Платеи до устья Сирта (совр. большой Сирт между Киренаикой и триполитанским побережьем). Однако согласно лексикографу Поллуксу (Poll. X.103), это слово встречалось уже у Солона (640–560 гг. до н.э.), а также, по Гесихию (Hesych. s.v. σιλφίου λειμών), у трагика Софокла (frg. 734). Значит,

---

[12] Семь – священное число Аполлона.

[13] *Селиванова Л.Л.* Растительный символ на монетах Кирены // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 2 (66). С. 4 – URL: https://history.jes.su/s207987840002135-7-1 (дата обращения 19.04.2019 г.).

[14] Хронологию и типы киренских монет приводит Татман. См.: *Tatman J.L.* Silphium, Silver and Strife: A History of Kyrenaika and Its Coinage // Celator. 2000. October. 14.10. P. 6–24. Робинсон выделял три типа изображения сильфия. См.: *Robinson E.S.G.* A catalogue of Greek coins in the British Museum – Cyrenaica (BMC). L., 1927. Vol. 29. P. CCLIII–CCLIV. Хронологии и классификации монет Робинсона следует и Батри на материале новых находок: *Buttrey T.V, McPhee I.* The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya. Final Reports. Vol. VI. Part I: The Coins / D. Wheite (ed.). Philadelphia, 1998.

[15] *Селиванова Л.Л.* Эгида: шкура/щит — трофей — апотропей — знак власти? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 1 (55). С. 1. URL: http://history.jes.su/s207987840001682-9-1 (дата обращения: 24.04.2019 г.).

сильфий был известен в Афинах с эпохи архаики. Слово σίλφιον негреческое, возможно, неиндоевропейское и происходит из языка одного из древних народов Киренаики[16]. Сильфий (σίλφιον τὸ, лат. silphium, silpium, laser, laserpitium) – многолетнее кустарниковое растение рода Ferula, из семейства Umbelliferae (зонтичных, или сельдереевых). По внешнему виду похож на другие растения этого рода. Известная и поныне Ферула обыкновенная, или гигантский фенхель, представляет собой огромный, до пяти метров кустарник, вросший в каменистую землю Балканского полуострова, Кипра и восточного Средиземноморья. Растёт также в Иране и Афганистане, другие виды встречаются в Казахстане, Таджикистане, на Кавказе. Имеет мощный, разветвляющийся в верхней части центральный ствол, крупные листья и вздутый, овальный корень. Весной растения выбрасывают стебли с желтыми зонтиками, развеивают семена на десятки километров и отмирают, оставляя сухие трубки. Современная ферула, как и древний сильфий, используется в пищу, а также в медицине (как ветрогонное и спазмолитическое).

Ближайшая родственница сильфия – ферула асафётида (рис. 13–14), или ферула вонючая, названная так по причине стойкого едкого запаха из-за содержащихся в ней серных веществ (другие названия: дурной дух, собачья еда, вонючая смола, смолоносица, экскременты дьявола, чёртов навоз, вонючий палец, бадьян Джованни, хинг, камедь, ангхузех, аса-фетида). Её горький вкус напоминает одновременно лук и чеснок и употребляется в небольших количествах в качестве приправы. Традиционно – в южноамериканской и восточной кухне, особенно в Индии, где его смешивают с бобовыми, а в чистом виде используют в аюрведе[17]. Сильфий, судя по всему, таким набором вкусов и ароматов не обладал и широко использовался как в греческой, так и в римской кулинарии.

Подробное описание и правила сбора сильфия оставил древнегреческий ботаник Феофраст[18] из Эреса на Лесбосе (372–288 гг. до н.э.), ученик и друг Аристотеля, после его смерти возглавивший школу перипатетиков в Афинах. Его «Исследование о растениях» оставалось лучшим в области растениеводства и физиологии растений вплоть до XVI века. У сильфия много толстых корней, покрытых чёрной корой, стебель такой же величины, как у ферулы. Листья золотистого цвета, широкие и похожи на сельдерей, семя походит на лист. Сильфий был кормовым растением (он лечил овец и делал их жирными, придавая баранине изумительный вкус). Люди ели листья как гарнир или салат, заправив уксусом, а стебель – сырым, варёным, жареным и печёным

---

[16] *Steier A.* Silphion // RE. 1927. II Rh. Hbd. 5. Sp. 103–114.

[17] Современные индийские кулинарные книги описывают ассафётиду как кислую пряность с сильным ароматом. См.: *Lykoudis M.* In search of Silphion // Reading. 2006. 17-1. https://hort.purdue.edu/newcrop/Hort_306/reading/Reading%2017-1.pdf (дата обращения 02.04.2019 г.).

[18] Настоящее имя философа было Тиртам. Феофрастом («Богоречивым») назвал его Аристотель за его божественные речи. Слушателем Феофраста был также врач Эрасистрат (Diog. Laert. V.2.39, 57).

(Theophr. VI. Hist. Plant. 3.1, 5). Густой сок использовали как приправу. Аристофан упоминал, что сильфием приправлялось мясо птицы (Aristoph. Av. 1579–1590)[19]. В Афинах это была излюбленная пряность[20]. Вместе с тем, употреблённая в большом количестве она вызывала усиленное газообразование и расстройство желудка (Aristoph. Eq. 895–900), на чём и основывался, помимо прочего, чистящий эффект растения как для людей, так и для животных.

И сок сильфия, и его листья имели острый вкус (Theophr. IX.1.4), хотя и мягче, чем у асафётиды. Использовали как сок стебля («стеблёвка»), так и сок корня («корнёвка»). Корень сильфия был в локоть величиной и больше, посередине него имелась выходящая на поверхность земли «голова», которую называли «молоком» из-за млечного сока, выделявшегося после надреза. Корнёвка считалась лучше стеблёвки, поскольку сок давала чистый, прозрачный, густой и клейкий. Поэтому, чтобы корнёвка не свернулась, в неё подмешивали пшеничной муки, долго взбалтывали и разливали по амфорам (Theophr. VI.3.2–4; IX.1.3, 7), а затем транспортировали за границу, в частности, в афинский порт Пирей. Экспортировали и затвердевший сок, растёртый в порошок.

Из камеди (млечного сока) готовили специи и средства для лечения разнообразных хворей (LCJ. s.v. σίλφιον τὸ). Такие препараты назывались сильфиотами (LCJ. s.v. σιλφιωτός, также σιλφόεις – «из сильфия»[21]). Судя по внушительному списку болезней, сильфий считался панацеей, ведь им лечили кашель, бронхит, трахеит, астму, плеврит, желудочно-кишечные заболевания, кожные, сердечные, глазные, мышечные боли, опухоли, бородавки, желтуху, лихорадку, эпилепсию, болезни головы, нервные заболевания, опухоли, наросты, открытые раны, он использовался также как противоядие от укусов змей и скорпионов и мн. др.[22] А после открытия его контрацептивных свойств[23], а также

---

[19] Именно у Аристофана содержатся одни из самых древних, дошедших до нас рецептов с сильфием в греческой кухне.

[20] Перечисляя греческие приправы, комедиограф IV в. до н.э. Антифан (ap. Athen II.77.68 a) на первое место ставит сильфий:

Сильфия, изюму, соли, сусла, сыру и тимьяна,
Семени кунжута, соды, тмина, кешу и душицы,
Мёда, уксуса, оливок, соуса бобового,
Каперсов, копчёной рыбы, кресса, листьев фиговых,
Зелени, яиц, закваски.

[21] *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. P., 1968. T. II. P. 1004.

[22] *Koerper H., Kolls A.L.* The silphium motif adorning ancient libyan coinage: Marketing a medicinal plant // Economic Botany. 1999. April. Vol. 53. Issue 2. P. 137–138. Tabl. 1.

[23] *Łuczak K.* Silphium z Cyrene. Skarb antycznej medycyny // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 2015. R. 63. Nr. 1. P. 1–14; *Riddle J.M.* Oral Contraceptives and Early-Term Abortifacients during Classical Antiquity and the Middle Ages // Past and Present. 1991. № 132. P. 3–32; *Riddle J.M., Estes J.W., Russel J.C.* Birth Control in the Ancient World // Archaeology. 1994. March/April. P. 30; *Temkin O.* (trans.). Soranus' Gynecology. Baltimore, 1956. P. 221; *Tschanz D.W.* Herbal contraception in ancient times. 2003, May 8. Режим досту-

способности быть афродизиаком[24], слава этого растения перешагнула границы Ливии.

Устойчиво мнение, что эмблема любви, появившаяся в XIV в. и известная по валентинкам и червоной масти, происходит не от формы сердца, анатомически совсем не похожего на «сердечко», а восходит к форме семян сильфия[25] (рис. 15–17). Его связь с любовью и сексуальностью прослеживается в рассказе Павсания о Диоскурах (III.16)[26]. Ряд учёных также обращает внимание на фалличность растения и на то, что семена его зачастую изображались с намёком на тестикулы[27] (рис. 18–19). Конечно, такой полисемантичный образ a priori будет будоражить фантазию исследователей. Но и с точки зрения гомеопатической магии, используемой в древности, что на что похоже, то на то и влияет. Примечательно, что на некоторых монетах парные семена сильфия сопровождались изображениями животных-самцов, традиционно связываемых с идеей мощи и потенции. Таков, например, оскалившийся на растение лев, под мордой которого располагалось семя сильфия – наглядное воплощение мужской силы (рис. 20–21). А на монетах Барки то же выражает плодовитый баран[28] (рис. 22).

К счастью для Кирены, сильфий был эндемиком, т.е. рос только в ограниченном месте, на длинной узкой, более 4000 стадий (ок. 800 км[29]) прибрежной полосе. Особенно много его было у Сирта. Как писал Феофраст, растение упрямо не желало окультуриваться и, как только землю распахивали, оно уходило, «показывая, что оно растение дикое и в уходе не нуждается» (VI.3). Чужеземцы платили за волшебную траву большие деньги, и город стал процветать, превратившись в единственного экспортёра сильфия в греческом мире.

В архаический период эта монополия принадлежала царям[30]. На так наз. «блюде Аркесилая» сер. VI в. до н.э. изображён процесс взвешивания и складирования сильфия под надзором Аркесилая II (рис. 23). Над-

---

па: – https://www.motherearthliving.com/health-and-wellness/herbal-morning-after-pills (дата обращения 18.04.2019 г.).

[24] *Koerper H., Kolls A.L.* Op. cit. P. 139.

[25] Напр.: *Favorito E.N, Baty K.* The silphium connection // Celator. 1995. No. 9. P. 6–8. Это очень давнее заблуждение Робинсон называл наивным: *Robinson E.S.G.* Op. cit. P. CCLIVI–CCLVII.

[26] Под видом иноземцев Диоскуры пришли в Спарту в свой прежний дом, принадлежавший теперь Формиону. Попросились переночевать, и хозяин разрешил им выбрать любую комнату, кроме одной, в которой жила его дочь, ещё девушка. На следующий день исчезли и гости, и девушка, и вся её девичья одежда, а в комнате нашли изображения Диоскуров и стебель сильфия, лежавший на столе (Paus. III.16.3).

[27] *Koerper H., Kolls A.L.* Op. cit. P. 133–143; *Koerper H., Moerman E.* Coinage of Cyrenaica, the Silphium economy, and exaggerated advertising // HerbalGram: The Journal of the American Botanical Council and the Herb. 2000. 48. P. 46–49.

[28] Очевидно расширение семантики животных образов: льва, тесно связанного с легендой о Кирене, и барана, указывавшего на овцеводство как наиболее прибыльную отрасль животноводства в Киренаике.

[29] Аттический стадий составлял 177,6 м, олимпийский – 192,27 м.

[30] *Roques D.* Synésios de Cyrène et le Silphion de Cyrénaïque // REG. 1984. T. 97. P. 219.

пись над крайним справа человеком именует его σιλφομάχος, что можно перевести как «собиратель сильфия»[31]. Ценное растение, составлявшее главную статью экспорта, берегли и охраняли. Феофраст сообщает, что сбор сильфия был строго регламентирован: его можно было собирать только в таком количестве, чтобы не извести растение, причём учитывались и способы сбора, и его запасы. Не дозволялось срезать его с нарушением правил и в количестве большем установленного (Theophr. VI.3.1).

В классический период город процветал за счет экспорта зерновых, вина, оливкового масла и в основном сильфия. Растение стало символом Кирены и местной валютой. Так было и в период эллинизма, что подтверждают изображения сильфия на монетах (хотя порой и вытесненные в нижнее поле портретами правителей – рис. 24). Положение изменилось, когда Киренаика в I в. до н.э. стала римской провинцией. Сильфий превратился в дефицит и продавался на вес серебряных динариев, им же киренцы платили подати римлянам. В 49 г. до н.э., в начале гражданской войны Цезарь забрал из казны вместе с серебром и золотом 1500 ливров (490 кг) сильфия (Plin. H.N. XIX.40). Однако римские магистраты Киренаики отказались использовать этот символ на монетах, предпочитая чеканить образы Зевса-Аммона, Виктории, портреты цезарей и проч. Известен, пожалуй, лишь единственный выпуск с сильфием – квадранс I в. до н.э. (рис. 25). Очевидно, что в первую очередь это было связано с истощением запасов сильфия. Варварское расхищение природных богатств Ливии часто меняющимися римскими наместниками и откупщиками, стравившими весь сильфий овцам, привели к его уничтожению. Некоторые римские авторы, правда, указывали на другую причину. По Страбону (Strabo XVII.3.22) и Солину (Solinus. *Collectanea rerum memorabilium.* 27. 48), варвары-номады[32], вторгаясь в страну, сознательно, с вредоносной целью уничтожали самые корни травы. Однако трудно представить себе процесс такого вредительства на полном скаку: ведь толстые, мощные корни сильфия, достигавшие в длину более 50 см, крепко сидели в земле[33]. Похоже, цивилизованные римляне просто а

---

[31] *Грэхэм А.-Дж.* Указ. соч. С. 166; *Robinson E.S.G.* Op. cit. P. CCLIVI. Not. 3; *Asciutti V.* The Silphium plant: analysis of ancient sources. Durham, 2004. P. 114–116. Иная интерпретация сюжета см.: *Андреев Ю.В.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008. С. 119–120; *Lane E.A.* Lakonian vase painting / Annual of the British School at Athens. Athens. 1933–34. № 34. P. 98–189; *Kiehn M.* Silphion Revisited // Medicinal Plant Conservation. 2007. № 13. P. 4–5.

[32] Очевидно, что речь идёт о мармаридах, племени, живущем на побережье Средиземного моря между Египтом и Киренаикой (Strabo II.4.33; XVII.3.33).

[33] Этого же мнения придерживается и английская исследовательница Валентина Ашутти: «трудно поверить, что они [эти нашествия. – *Л.С.*] могли быть настолько сильными, чтобы уничтожить всю зону [произрастания сильфия. – *Л.С.*]». См.: *Asciutti V.* Op. cit. P. 98. Ей вторит Сюзан Амиг: *Amigues S.* Le silphium – État de la question // Journal des savants. 2004. № 2. P. 192–193.

limine фабриковали образ врага, на которого перекладывали собственную вину.

К сер. I в. до н.э. сильфий стал большой редкостью. Так что упоминание полей растения в игривом стихотворении римского поэта этого времени Гая Валерия Катулла – уже из разряда преданий[34]:

Сколько, спрашиваешь, твоих лобзаний
Надо, Лесбия, мне, чтоб пыл насытить?
Много – сколько лежит песков сыпучих
Под Киреною, сильфием поросшей,
От Юпитеровой святыни знойной
До гробницы, где Батт схоронен древний;
Сколько на небе звёзд в молчаньи ночи
Видит тайны любви, блаженство смертных!

Катулл. 7.1–8. Пер. С.В. Шервинского[35].

При этом свидетель эпохи, современник Страбона архитектор Витрувий характеризовал Киренаику как регион преимущественного производства сильфия (Vitr. De architectura. VIII.4.13). А живший после них Плиний Старший (23–79 гг. н.э.) писал (XIX.39–40), что за всю свою жизнь он слышал лишь об одном стебле, который был привезён в подарок Нерону (54–68 гг. н.э.). Возможно, то был последний экземпляр: в I в. н.э. растение в Кирене перевелось. И когда киренский епископ Синезий (370/375–413/414 гг. н.э.) сообщает в своих письмах, что он якобы сам видел в Киренаике настоящий сильфий[36], надо понимать, что речь идёт уже о совсем другом растении. Под видом сильфия продавали иные виды ферулы, качеством хуже[37]. Скорее всего сирийский, парфянский, индийский, иранский, мидийский и прочие так наз. сильфии были всего лишь разными видами асафётиды со своими региональными особенностями[38]. Нехватка киренского силь-

---

[34] Есть и другое толкование: сильфий упомянут в связи со своими лечебными свойствами. Здесь: как лекарство от безумной любви. См.: *Koerper H., Kolls A.L.* Op. cit. P. 141.

[35] *Гай Валерий Катулл Веронский.* Книга стихотворений / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 1986. С. 8.

[36] В письме от 402 г. н.э. к брату Эвоптию он выражает удивление, получив от него в подарок росток сильфия, который-де был выращен у того в огороде. Синезий мягко укоряет брата за такое расточительство (Ep. 106). А тремя годами позже сам посылает одному из своих константинопольских друзей Трифону драгоценный дар – сок сильфия, причём называет растение сильфием Батта (!) – Ep. 134. См.: *Левченко М.В.* Пентаполь по письмам Синезия // ВВ. 1956. Т. 9. С. 24–25; *Roques D.* Op. cit. P. 222–223. Интересно, что поговорка «сильфий Батта» до сих пор используется в Греции для обозначения баснословного богатства.

[37] *Leamand D.J.* Conservation, Trade, Sustainability and Exploitation of Medicinal Plant Species // Development of Plat-Based Medicine; Conservation, Efficacy and Safety / P.K. Saxena (ed.). Dortrecht; Boston; L., 2001. P. 1.

[38] *Amiques S.* Op. cit. P. 193–194; *Kiehn M.* ΣΙΛΦΙΟΝ – SILPHION. «…multis iam annis in ea terra non invenitur…» // European Botanic Gardens in a Chang-

фия в римское время заставляла кулинаров прибегать к более дешёвым заменителям[39], выдавая их за сильфий[40].

Все последующие попытки идентифицировать современные Umbelliferae как киренский сильфий потерпели неудачу[41], хотя поиски продолжаются. Разумеется, проблема его идентификации открывает широкое поле для всевозможных домыслов и спекуляций. Условно учёные разделяются на гиперкритиков (всё отрицают[42]), романтиков (принимают желаемое за действительное. Например, видят в сильфии культовое растение Афродиты еще с микенского времени или Диониса[43]. Или верят, что он ещё существует, прячась среди сорняков[44]). Третьи (этноботаники, палеоэкологи, биохимики, медики) пытаются найти рациональное зерно в рассказах древних авторов, проводя лабораторные исследования и опыты на животных[45]. В первых двух случаях противоположности сходятся: однозначно что-либо утверждать или отрицать в отсутствии контрольного образца можно только в рамках логики *«highly likely»*[46]. Растение давно вымерло и в настоящее время не поддаётся ботанической идентифика-

---

ing World. Sixth European Botanic Gardens Congress. May 28 – June 02. Chios Island. Greece, 2012. P. 34.

[39] Подходило практически любое растение, которое выделяло камедь и хотя бы отдалённо напоминало сильфий. Бездумно изничтожавшие его римляне довольствовались по большей части жидким и твёрдым полуфабрикатом в качестве консерванта и усилителя вкуса, особенно в соусах и подливах.

[40] Происхождение названия «асафётида» уже указывает на её так сказать вторичность: слово «asa, (assa, aasa)» является арабизированной версией латинского «laser», которым римляне обозначали сильфий, а «foetida» означает «дурно пахнущая, зловонная», т.о., асафётида – это «сильфий вонючий».

[41] Недавнее отождествление сильфия с другим зонтичным, Cachrys ferulacea, найденным в Южной Италии, Северной Сицилии и в Джабал-Ахдаре, оспаривается, как не доказанное. См.: Libya archaeological Guides. P. 12. Также бездоказательным остаётся утверждение, что сильфий является разновидностью Ferula tingitana, что и поныне растёт по всему Средиземноморью. См.: *О'Коннелл Дж.* Энциклопедия специй. От аниса до шафрана. М., 2017. С. 9.

[42] К примеру: *Kiehn M.* Silphion Revisited... P. 4–8.

[43] *Kandeler R., Ullrich W.R.* Symbolism of Plants: Examples from European-Mediterranean Culture Presented with Biology and History of Art // Journal of Experimental Botany. Oxf., 2009. Vol. 60. № 3. P. 715–717.

[44] *Wright W.S.* Silphium Rediscovered // Celator. 2001. 15(2). P. 23–24; *Lykoudis M.* Op. cit.

[45] *Singh M.M. et all.* Antifertility and Hormonal Properties of Certain Carotane Sesquiterpenes of Ferula jaeschkeana // Planta Medica. 1988. 54 (6). P. 492–494.

[46] Пропагандистский мем, появившийся с нелёгкой руки британского премьер-министра Терезы Мэй в апреле 2018 г., когда в Солсбери неизвестным веществом был отравлен бывший российский разведчик Сергей Скрипаль с дочерью. Поспешно обвинив в этом российские спецслужбы и «определив» яд как нервно-паралитическое БОВ «Новичок», Мэй, не приведя доказательств, использовала именно это выражение – *«highly likely» («с высокой степенью вероятности»)*. Российская сторона не была допущена ни к пострадавшим гражданам России, ни к следствию, ни к знакомству с вещдоками. Аргументы, в числе которых было и указание на отсутствие контрольного образца для сравнения, не были приняты во внимание.

ции[47], а видов ферулы на сегодня около ста семидесяти[48]. Широкие междисциплинарные исследования представляются более перспективными.

Итак, уникальные свойства растения-эндемика сделали его символом Киренаики, который постоянно воспроизводился на монетах и не только. Однако в результате бездумной, хищнической эксплуатации в период римского владычества ценнейшее редкое растение было полностью уничтожено, а вместе с ним подорвано и благосостояние государства, с этого времени начавшего деградировать. С монет исчез растительный символ города, просуществовавший более шести веков. Так письменные и нумизаматические источники воссоздают картину заката государства вследствие рукотворной экологической катастрофы.

Литература:

Андреев Ю.В. Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб.: Нестор-История, 2008. – 342 с., ил.

Античные гимны / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: изд-во Московского университета, 1988. – 362 с.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972. – 214 с.

Аристофан. Комедии: в 2-х т. Пер. с древнегреч. / Коммент. В. Ярхо. М.: Искусство, 1983. Т. 1 – 440 с., илл.; Т. 2 – 520 с., илл.

Афиней. Пир мудрецов. В 15-ти книгах / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 2003. Кн. I–VIII. – 655 с.

Афиней. Пир мудрецов. В 15 книгах. / Пер. и прим. Н.Т. Голинкевича. М.: Наука, 2010. Кн. IX–XV. – 597 с.

Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1986. – 304 с.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. – 600 с., 1 л. портр., 1 отд. л. карт.

Гигин. Мифы. Пер. с лат. Д. Торшилова. СПб.: Алетейя, 1997. – 369 с.

Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднева. М.: Сварог, 1994. – 736 с., илл.

Грэхэм А.-Дж. Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII–VI века до н.э. / Под ред. Дж. Бордмэна и Н.-Дж.-Л. Хэммонда. М.: Ладомир, 2007. С. 103–195.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. – 624 с.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека) / Пер. с древнегр., статья, комм. и указатель О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.

Левченко М.В. Пентаполь по письмам Синезия // ВВ. 1956. Т. 9. С. 3–44.

О'Коннелл Дж. Энциклопедия специй. От аниса до шафрана / Пер. с англ. Е.Н. Кручина. М.: Эксмо, 2017. – 349 с.

Павсаний. Описание Эллады / Пер. и вступ. статья С.П. Кондратьева. М.: Ладомир, 1994: Т. I – 362 с., Т. II – 592 с.

---

[47] *Грэхэм А.-Дж.* Указ. соч. С. 166; *Steier A.* Op. cit. Sp. 103–114; *El-Athram R.* La culture du silphium en Cyrénaïque // Libya antiqua. Documents de travail et compte rendu des débats du colloque organisé par l'Unesco à Paris (16–18 janvier 1984). P., 1988. P. 25–29.

[48] *Kandeler R., Ullrich W.R.* Op.cit. P. 715–717.

Первый Ватиканский Мифограф / Пер. с лат., вступ. статья и коммент. В.Н. Ярхо. СПб.: Алетейя, 2000. – 294 с.
Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Подг. к изд. М.Л. Гаспаровым. М.: Наука, 1980. – 503 с.
Селиванова Л.Л. Эгида: шкура/щит — трофей — апотропей — знак власти? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 1 (55). С. 1. http://history.jes.su/s207987840001682-9-1 (дата обращения: 24.04.2019 г.).
Селиванова Л.Л. Растительный символ на монетах Кирены // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 2(66). С. 4. https://history.jes.su/s207987840002135-7-1 (дата обращения: 19.04.2019 г.).
Селиванова Л.Л. Ипатия // РИЭ. 2018. Т. VII. С. 193.
Страбон. География. В 17 кн. / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Под общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. – 944 с.
Феофраст. Исследование о растениях / Подгот. к изд. А.И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2005. – 557 с., ил., табл.
Amigues S. Le silphium – État de la question // Journal des savants. 2004. № 2. P. 191–226.
Asciutti V. The Silphium plant: analysis of ancient sources. Durham, 2004. – 128 p.
Baumann H. Pflanzenbilder auf griechischen Münzen. München: Hirmer, 2000. – 79 S. mit 170 Abbild., Karte.
Bury J.B. A History of Greece. To the Death of Alexander the Great. Oxf., 2015. – 646 p.
Buttrey T.V. The Coins and the Cult // Expedition magazine. 1992. Spring–Summer. Vol. 34. Nos. 1–2. Special Issue: Gifts to the Goddesses – Cyrene's Sanctuary of Demeter and Persephone. P. 59–66.
Buttrey T.V., Ian McPhee. The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya. Final Reports. Vol. VI. Part I: The Coins / D. Wheite, Series Editor. Philadelphia, 1998. – 146 p., 52 illus.
Chamoux F. Cyrène sous la monarchie des Battiades. P., 1953. – 420 p., 27 plates.
Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. P., 1968. T. I–II. – 1368 p.
El-Athram R. La culture du silphium en Cyrénaïque // Libya antiqua. Documents de travail et compte rendu des débats du colloque organisé par l'Unesco à Paris (16–18 janvier 1984). P., 1988. P. 25–29.
Favorito E.N, Baty K. The silphium connection // Celator. 1995. 9. P. 6–8.
Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. – 938 s.
A Greek-English Lexicon / H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones (eds.). Oxf., 1996. – 2436 p.
Hammer K. Resolving the challenge posed by agrobiodiversity and plant genetic resources – an attempt // Journal of Agriculture and Rural Development in the Tropics and Subtropics. Beiheft Nr. 76. Witzenhausen, 2004.
Kandeler R., Ullrich W.R. Symbolism of Plants: Examples from European-Mediterranean Culture Presented with Biology and History of Art // Journal of Experimental Botany. Oxf., 2009. Vol. 60. № 3. P. 715–717.
Kiehn M. Silphion Revisited // Medicinal Plant Conservation. 2007. № 13. P. 4–8.
Kiehn M. ΣΙΛΦΙΟΝ – SILPHION. «…multis iam annis in ea terra non invenitur…» // European Botanic Gardens in a Changing World. Sixth European Botanic Gardens Congress. May 28 – June 02. Chios Island. Greece, 2012. P. 33–41.

Koerper H., Kolls A.L. The silphium motif adorning ancient libyan coinage: Marketing a medicinal plant // Economic Botany. 1999. April. Vol. 53. Issue 2. P. 133–143.
Koerper H, Moerman E. Coinage of Cyrenaica, the Silphium economy, and exaggerated advertising // Herbal Gram: The Journal of the American Botanical Council and the Herb. 2000. 48. P. 46–49.
Lane E.A. Lakonian vase painting / Annual of the British School at Athens. Athens, 1933–1934. № 34. P. 98–189.
Law R.C.C. North Africa in the period of Phoenicia and Greek colonization c. 800 to 323 BC // The Cambridge History of Africa. Vol. 2: from c. 500 BC to AD 1050. E.D. Fage (ed.). Oxf., 2002. P. 87–147.
Law R.C.C. North Africa in the Hellenistic and Roman periods, 323 BC to AD 305 // The Cambridge History of Africa. Vol. 2: from c. 500 BC to AD 1050. E.D. Fage (ed.). Oxf., 2002. P. 148–209.
Leamand D.J. Conservation, Trade, Sustainability and Exploitation of Medicinal Plant Species // Development of Plat-Based Medicine; Conservation, Efficacy and Safety / P.K. Saxena (ed.). Dortrecht; Boston; L., 2001. P. 1–16.
Łuczak K. Silphium z Cyrene. Skarb antycznej medycyny // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 2015. R. 63. Nr. 1. P. 1–14.
Lykoudis M. In search of Silphion // Reading. 2006. 17-1 // https://hort.purdue.edu/newcrop/Hort_306/reading/Reading%2017-1.pdf (дата обращения 02.04.2019 г.).
Riddle J.M. Oral Contraceptives and Early-Term Abortifacients during Classical Antiquity and the Middle Ages // Past and Present. 1991. № 132. P. 3–32.
Riddle J.M., Estes J.W., Russel J.C. Birth Control in the Ancient World // Archaeology. 1994. March/April. P. 30–35.
Robinson E.S.G. A catalogue of Greek coins in the British Museum – Cyrenaica (BMC). L., 1927. Vol. 29. – Pp. CCLXXV + 154 with 47 plates.
Roques D. Synésios de Cyrène et le Silphion de Cyrénaïque // REG. 1984. T. 97. P. 218–231.
Singh M.M., Agnihotri A., Garg S.N., Agarwal S.K., Gupta D.N., Keshri G., Kamboj V.P. Antifertility and Hormonal Properties of Certain Carotane Sesquiterpenes of Ferula jaeschkeana // Planta Medica. 1988. 54 (6). P. 492–494.
Steier A. Silphion // RE. II Rh. Hbd. 5. Stuttgart, 1927. Sp. 103–114.
Sylloge Nummorum Graecorum. The Danish National Museum. Part 41: Alexandria–Cyrenaica. Copenhagen, 1974. – 32 p., 31 pl.
Tatman J.L. Silphium, Silver and Strife: A History of Kyrenaika and Its Coinage // Celator. 2000. October. 14.10. P. 6–24.
Temkin O. (trans.). Soranus' Gynecology. Baltimore, 1956. – 258 p.
Thorn J.C. The Necropolis of Cyrene. Two hundred years of exploration. Roma, 2005. – 831 p.
Thorn D.M. The four seasons of Cyrene: the excavation and explorations in 1861. Roma, 2007. – 313 p.
Tschanz D.W. Herbal contraception in ancient times. 2003, May 8 // https://www.motherearthliving.com/health-and-wellness/herbal-morning-after-pills (дата обращения 18.04.2019 г.).
Wright W.S. Silphium Rediscovered // Celator. 2001. 15(2). P. 23–24.

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. Кирена, душащая льва, увенчивается богиней Ливией. Кирена. Около 120–140 гг. н.э. Мраморный рельеф. 101,6 × 65,58 см. Британский музей. Red List of Libyan Cultural Objects at Risk. P., 2015. № 5. https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/151028_ERLL_EN-pages2.pdf

Рис. 2. Золотая киренская тетрадрахма. Ок. 480–435 гг. до н.э. 16,39 г. Av: Бородатая голова Зевса-Аммона в жемчужной диадеме и с бараньим рогом, изогнутым вокруг уха. Rv: Сильфий с двумя парами листьев и пятью зонтиками. BMC. Pl.V. № 14. BO; cf. SNG.Cop. 1174

Рис. 3. Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 435–331 гг. до н.э. 13,05 г. Av: Бородатая голова Зевса-Аммона в диадеме с уреевидным орнаментом и бараньим рогом над ухом; сзади лавровый куст с двумя листьями. Rv: Сильфий с двумя парами листьев и плодов и с двумя веточками, растущими внизу. BMC. 162. XV. 33, 34; SNG.Cop. 1190. Очень редкая монета

Рис. 4. Золотая тетрадрахма. Ок. 360 г. до н.э. Киренаика, Барка. 12,64 г. Av: Сильфий. Круговая легенда ВАРКА. Rv: Голова Зевса-Аммона в фас с широко открытыми глазами и развевающимися волосами. BMC. 32. Pl. 36. 8; P. clxxvii, 32. Pl. 47, 8

Рис. 5. Киренская серебряная дидрахама. Ок. 250 г. до н.э. 7,82 г. Av: Голова рогатого Зевса-Аммона в диадеме вправо. Rv: Сильфий. В левом верхнем углу козий рог. Легенда: KONON на полях. BMC. P. 68, 1. Pl. xxvii, 13–15. Очень редкая монета

Рис. 6. Серебряная киренская дидрахма. Ок. 308–277 гг. до н.э. 7,27 г. Av: Голова Аполлона Карнея с рогом. Rv: Сильфий. Сверху легенда KY-PA, слева треножник, справа монограмма. SNG.Cop. 1242; BMC. 251

7

8

9

10

11

12

13

Рис. 7. Золотая киренская дидрахма. Нач. III в. до н.э. 7,80 г. Av: Голова Аполлона Карнея влево. Rv: Сильфий. Легенда KYPA внизу, справа колчан. BMC. P. civ. 249a

Рис. 8. Киренская серебряная тетрадрахма. Ок. 525–480 гг. до н.э. Av: Богиня города Кирена, правой рукой касающаяся сильфия. BMC. II. 20

Рис. 9. Киренская серебряная тетрадрахма. Около 520 г. до н.э. Av: Богиня города Кирена в стефане и длинном хитоне сидит на дифросе, протягивая руку к сильфию; позади – плоды сильфия. Rv: Передняя часть Пегаса в квадратной точечной рамке. BMC. 12

Рис. 10. Золотая тетрадрахма. Кирена. Около 485–475 гг. до н.э. Av: Кирена в стефане и длинном хитоне сидит на дифросе, правой рукой касается сильфия, позади – плоды сильфия. Rv: голова Зевса-Аммона в точечной рамке. BMC. P. xxiii, 12a

Рис. 11. Серебряная киренская тетрадрахма. Ок. 525–480 гг. до н.э. 16,87 г. Av: Сильфий с четырьмя листьями и двумя плодами. Rv: Голова Горгоны в точечной квадратной рамке. BMC. 10

Рис. 12. Серебряная киренская драхма. Ок. 500–480 гг. до н.э. 4,22 г. Av: Семя сильфия в точечной окружности. Rv: Крылатая женская фигура в шлеме, с опущенными руками в точечной квадратной рамке. BMC. Pl. IV, 6–7; SNG.Cop. 1166.

Рис. 13. Асафётида (Ferula assafoetida) – ближайшая родственница сильфия. Köhler's Medizinal-Pflanzen Atlas. Gera-Untermhaus, 1887. Bd. II. № 147.

14

15

16

17

18

19

Рис. 14. Ферула асафётида в пустыне Каракум. Фото В.Р. Ульриха: *Kandeler R., Ullrich W.R.* Symbolism of Plants: Examples from European-Mediterranean Culture Presented with Biology and History of Art // Journal of Experimental Botany. Oxf., 2009. Vol. 60. № 3. P. 715–717. Fig. 3

Рис. 15. Серебряная гемидрахма. Кирена. Ок. 500–480 гг. до н.э. 1,72 г. Av: Плод сильфия с точкой внизу. Rv: Плод сильфия с точкой внизу в квадрате. Очень редкая монета. BMC. 22

Рис. 16. Киренская тетрадрахма. Ок. 495–475 гг. до н.э. 17 г. Av: Сильфий с четырьмя листьями, двумя цветками и двумя плодами. Rv: Плод сильфия между двумя дельфинами в квадрате с точками в углах. SNG.Cop. 1163

Рис. 17. Серебряная киренская драхма. Ок. 495–475 гг. до н.э. 4,16 г. Av: Два плода сильфия, повёрнутых друг к другу. Rv: Плод сильфия. BMC. 18; SNG.Cop. 1165

Рис. 18. Серебряная гемидрахма. Кирена. Ок. 500–480 гг. до н.э. 1,77 г. Av: Семя сильфия. Rv: Голова Зевса-Аммона вправо. Очень редкая монета. BMC. 26-7; SNG.Cop. 1169

Рис. 19. Серебряная тетрадрахма. Кирена. Ок. 485–475 гг. до н.э. 17,36 г. Av: Сильфий с двумя парами листьев и тремя зонтиками; внизу плод. Rv: Голова бородатого и рогатого Зевса-Аммона в квадрате. Архаичный стиль. Редчайшая монета, известно всего восемь экземпляров этого типа. SNG.Cop. -; Buttrey. The Coins from the Sanctuary of Demeter and Persephone, 72

20

21

22

23

24

25

Рис. 20. Серебряная тетрадрахма. Киренаика. 525–480 гг. до н.э. 17,21 г. Av: Сильфий с семенами и голова льва. Rv: Голова орла со змеёй в клюве. BMC. Pl. 13a. P. 4

Рис. 21. Аверс той же монеты

Рис. 22. Серебряная дидрахма. Киренаика. Барка (совместно с Эвгесперидами?). Ок. 480 г. до н.э. 8,38 г. Av: Голова барана с семенем сильфия внизу. Rv: Семя сильфия между двумя плывущими вокруг дельфинами в границах инкуза. Красиво нанесенная лицевая сторона в сочетании с ударом от очень изношенного штампа на реверсе. Уникальная монета (известно только два экземпляра). Происходит из коллекции, или, скорее, аретфактов, вывезенных из Ливии в 1969 г. после свержения короля Идриса I в результате заговора военных во главе с Муаммаром Каддафи и изгнания иностранцев из страны. Параллели: дидрахма из Барки (BMC 2, pl. xxxiii, 3). SNG.Cop. –; BMC –. Nomos sale 9, 199. https://www.acsearch.info/search.html?term=silphium&category=1&en=1&de=1&fr=1&it=1&es=1&ot=1&images=1&currency=usd&order=0

Рис. 23. Так наз. Блюдо Аркесилая. Лаконская чаша из Вульчи. Ок. 565 г. до н.э. Царь Кирены Аркесилай II (569–550 гг. до н.э.) наблюдает за взвешиванием и погрузкой сильфия. Париж, Национальная библиотека. Кабинет медалей. https://atarnotes.com/ancient-history-images. P. 95. Fig. 15

Рис. 24. Киренский золотой статер Птолемея I Сотера. 305–304 гг. до н.э. 7,04 г. Av: Голова в диадеме, на шее эгида. Rv: Александр Великий правит колесницей, запряжённой слонами. В правой руке пучок молний. Внизу ветвь сильфия. Легенда: ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ / ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Очень редкая монета. BMC. 228 ff.; SNG.Cop. 1234 f.

Рис. 25. Киренский медный квадранс (1/4 асса). Ок. 37 г. до н.э. 2,94 г. Av: Голова Ливии или Кирены вправо. Rv: Сильфий. Очень редкая монета. SNG.Cop. 1312–1313. Похожие: BMC. XLII. 11–12

II. РИМ И РИМСКИЙ МИР

А.В. Короленков

СУЛЛА – РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ТИРАН?

Аннотация: статья посвящена некоторым эпизодам правления Суллы – началу проскрипций, триумфу над Митридатом VI Евпатором, предполагаемой саморекламе Суллы как второго Ромула и критике диктатора Цицероном в его речи «За Росция Америйского». Автор обращает внимание на то, что *lex Cornelia de proscriptione* был принят комициями без одобрения сената. Он отрицает какие-либо намёки на победу над марианцами и их италийскими союзниками во время триумфа и усиливает аргументацию в пользу того, что Сулла не изображал себя вторым Ромулом. Наконец, автор считает, что ирония Цицерона и его плохо скрытые насмешки над Суллой и его мероприятиями как не выходящие за рамки нормы того времени, поскольку во время диктатуры Суллы существовала значительная свобода слова, что соответствовало республиканским традициям. Несомненно, Сулла был тираном. Но вот что интересно: многие «тиранические» действия не противоречили *mos maiorum* или недавней, но уже устоявшейся практике; в то же время порой тот же самый *mos maiorum* сдерживал его поведение как тирана.

Ключевые слова: Луций Корнелий Сулла, начало проскрипций, Ромул, триумф, Цицерон, свобода слова при Сулле.

Abstract: the article is devoted to some episodes of Sulla's rule, namely the beginning of proscriptions, his triumph over Mithridates VI Eupator, alleged Sulla's self-representation as second Romulus and the criticism of the dictator by Cicero in his speech for Roscius Amerinus. The author focuses on to the adoption of *lex Cornelia de proscriptione* by comitia without its approval by Senate. He denies any allusions during the triumph to the victory over the Marians and their Italian allies in the civil war and strengthens argumentation who rejects the opinion that Sulla considered himself as second Romulus. The author believes that Cicero's irony and hardly hidden mockery of Sulla and his measures were normal because there was a high degree of freedom of speech during Sulla's dictatorship – in accordance with republican traditions. Doubtless Sulla was a tyrant; but it is interesting that his tyrannical measures were allowed by *mos maiorum* or recent but already well-established practice; on the other hand, that very *mos maiorum* restrained occasionally his tyrannical behavior.

Keywords: Lucius Cornelius Sulla, the beginning of proscriptions, Romulus, triumph, Cicero, freedom of speech under Sulla.

Диктатуре Суллы суждено было стать одним из ключевых этапов истории римской Республики. Этому сюжету посвящено немало работ. Однако, как представляется, даже те разрозненные источники, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют скорректировать распространённые суждения о *res gestae Sullae dictatoris*. Рассмотрим вопрос об их соответствии традиционной морали, тому, что называли *mos maiorum*, а также прецедентам прошлого, даже если и недавнего.

1. Начало проскрипций

Обратимся к самому знаменитому событию диктатуры Суллы – проскрипциям. Плутарх так описывает их начало: «Теперь Сулла занялся убийствами, кровавым делам в Городе не было ни числа, ни предела, и многие, кто и дел-то с Суллой никаких не имел, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая своим приверженцам, он охотно разрешал им эти бесчинства. Наконец, один из молодых людей, Гай Метелл, отважился спросить в сенате у Суллы, чем кончится это бедствие и как далеко оно должно зайти, чтобы можно было ждать прекращения того, что теперь творится. «Ведь мы просим у тебя, – сказал он, – не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых». На возражение Суллы, что он-де ещё не решил, кого прощает, Метелл ответил: «Ну так объяви, кого ты решил покарать». И Сулла обещал сделать это. Некоторые, правда, приписывают эти слова не Метеллу, а какому-то Фуфидию, одному из окружавших Суллу льстецов. Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц, Сулла тотчас составил список из восьмидесяти имён» (Sulla. 31.1–5. Пер. В.М. Смирина с изменениями).

Немного иначе описывает случившееся Орозий (V.21.1–3): «Как только победитель Сулла вступил в Город, он вопреки божеским законам и данному им обещанию предал смерти три тысячи человек, сдавшихся через посланцев, безоружных и чувствовавших себя в безопасности[1]. Также было убито великое множество других людей не только (стоит ли говорить?) невиновных, но даже сторонников Суллы – таких, как говорят, было больше девяти тысяч. По всему Городу беспрепятственно совершались убийства, повсюду бродили убийцы – одними владел гнев, других прельщала мысль о добыче. И вот когда все граждане открыто роптали, боясь, что каждого из них может постигнуть такая же судьба, Катул открыто сказал Сулле: “С кем же мы будем побеждать, если на войне убиваем вооружённых, а в мирное время – безоружных?” Тогда Сулла по совету центуриона-примипила Л. Фурсидия[2] впервые ввёл снискавшие дурную славу списки проскрибированных».

Весьма вероятно, что массовые убийства, которые сторонники Суллы стремились ввести в определённые рамки, что и послужило основой для идеи проскрипций, являются позднейшей легендой, особенно если учесть, что Плутарх жил через два столетия после описываемых событий, а Орозий – через пять; примечательно, что никаких

---

[1] Очевидно, имеются в виду самниты, сдавшиеся Сулле после поражения в битве у Коллинских ворот (Plut. Sulla. 30.3–4). В других источниках даются более высокие цифры (обзор см.: *Ghilli L.* Plutarco, Vite parallele: Lisandro. Silla. Milano, 2001. P. 460–461. No. 725).

[2] Во всех остальных источниках – Фуфидий (*Münzer F.* Fufidius (4) // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 201). См. ниже цитату из Плутарха.

имён не называется[3]. Аппиан вообще ни о каких массовых расправах до начала проскрипций не упоминает. Недовольство, выраженное Катулом и/или Метеллом, было скорее всего связано уже с проскрипциями[4].

Но главное не в этом. Плутарх и Орозий описывают дело таким образом, будто Сулла принял решение самостоятельно, однако другие источники рисуют иную картину. Цицерон упоминает речь Суллы перед сенаторами, которую Ф. Инар резонно соотносит с заседанием сената в храме Беллоны рядом с *Villa Publica*, в которой совершалось избиение пленных самнитов, цинически прокомментированное Суллой: *Hoc agamus, patres conscripti; seditiosi pauculi meo iussu occiduntur* («продолжим, отцы-сенаторы, это по моему приказу предают смерти кучку смутьянов»: Sen. Clem. I.12.2; также см.: Plut. Sulla. 30.4). Весьма вероятно, что именно тогда Сулла предложил *patres* ввести новую форму наказания[5], однако, согласно Цицерону, с их стороны последовал отказ, тогда, очевидно, он обратился к *contio* и тотчас добился своего[6].

Таким образом, Сулла поступил подобно мятежным трибунам, которые апеллировали к народу, игнорируя позицию сената. В источниках не сказано прямо, был закон принят комициями[7] или Сулла просто воспользовался властью диктатора[8], однако важно то, что он вообще сделал это. Кроме того, Сулла добавил, что улучшит положение народа, если его будут слушаться (εἰ πείθοιντό οἱ). Это предполагает ка-

---

[3] Явная параллель с сомнительным эпизодом об избиении людьми Сульпиция и Мария друзей Суллы во время его марша на Рим в 88 г. (Plut. 9.1; Mar. 35.7), но без каких бы то ни было подробностей (*Carney T.F.* The Flight and Exile of Marius // G&R. 1961. 2nd Ser. Vol. 8. P. 101).

[4] *Pareti L.* Storia di Roma e del mondo romano. Torino, 1953. Vol. III. P. 619 + n. 4. В то же время упомянутый выше Фуфидий, как полагает Ф. Инар. действительно мог стоять у истоков процедуры проскрипций (*Hinard F.* Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome, 1985. P. 114–115).

[5] Х. Хефтнер считает, что проскрипции были инициированы и введены намного позже, поскольку он всерьёз принимает сообщения Плутарха и Орозия о беспорядочных убийствах после сражения у Коллинских ворот (*Heftner H.* Der Beginn von Sullas Proskriptionen // Tyche. 2006. Bd. 21. S. 33–52). Однако к тому времени, к которому их относит учёный, Сулла уже явно был диктатором и мог производить казни просто своей властью.

[6] App. BC. I.95. 441–442; Cic. Rosc. Am. 153; *Hinard F.* Op. cit. P. 108–109; Э. Габба считает, что Аппиан, не зная о заседании сената 2 ноября, «заменяет» его выступлением Суллы перед народом (*Gabba E.* Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 254); о хронологии событий также см. *Keaveney A.* Sulla: the Last Republican. L.; N.Y., 2005. P. 124, 209. N. 1.

[7] Аппиан (BC. I.95.441) пишет о созыве Суллой экклесии, т.е. народного собрания (ἐκκλησίαν συναγαγὼν), однако у него это нередко означает любое собрание (BC. I.78.356; 89.407; 101.472 etc.). Здесь, очевидно, речь идёт о *contio* (*Gabba E.* Op. cit. P. 254; *Hinard F.* Op. cit. P. 106. N. 10; *Keaveney A.* Op. cit. P. 126), которая, к слову сказать, могла превратиться после определённой процедуры в комиции (*Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004. P. 41).

[8] Ф. Инар склонен принять второй вариант (*Hinard F.* Op. cit. P. 69).

кую-то форму одобрения, которое, надо думать, было получено – пусть хотя бы в виде просто отдельных одобрительных выкриков. В любом случае это была апелляция к народу при отсутствии одобрения со стороны сената.

2. Триумф над согражданами?

В конце января 81 г. Сулла отпраздновал двухдневный триумф[9]. Стоит отметить, что более чем однодневный триумф случался в римской истории отнюдь не часто[10]. Очевидно, Сулла полагал, что имеет полное право на него[11]. И хотя «его победа над Митридатом была чем угодно, но только не убедительной победой»[12], диктатор не отказал себе из-за таких «мелочей» в удовольствии справить триумф[13]. Кроме того, откажись он от него (что само по себе трудно представить), многие сочли бы это за свидетельство того, что он не совершил на Востоке ничего значительного и признаёт это[14].

Однако для нас представляет больший интерес вопрос об успехах не на Востоке, а на Западе. Многие учёные считают, будто Сулла не скрывал, что празднует победу не только в Митридатовой, но и в гражданской войне[15]. А. Кивни, отмечая, что «римляне не справляли три-

---

[9] О двух днях триумфа: Fasti Triumphales (CIL. I^2.49). См. Val. Max. II.8.7; Plin. NH. XXXIII.16; Plut. Sulla. 34.1–2; App. BC. I.101.473, обзор мнений о точной датировке триумфа см.: *Ghilli L.* Op. cit. P. 478. N. 801. Учёные иногда связывают сообщение Аппиана о приглашении Суллой множества атлетов и устроении зрелищ в честь его побед (BC. I.99.464; *Fröhlich F.* Cornelius (392) // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 1557) с триумфом Суллы, но более вероятно, что в данном пассаже подразумеваются *Ludi Victoriae* (*Gabba E.* Op. cit. P. 271).

[10] *Sumi G.S.* Spectacles and Sulla's Public Image // Historia. 2002. Bd. 51. P. 416–417.

[11] Ф. Инар объявляет триумф Суллы самым значительным и славным из всех, какие видел Рим (*Hinard F.* Sylla. P., 1985. P. 236), преувеличенно воспринимая восторги Плутарха (Sulla. 34.1) по поводу захваченной у Митридата добычи (πολυτελείᾳ καὶ καινότητι τῶν βασιλικῶν λαφύρων). Если добыча и была невиданной, то лишь на памяти современников – достаточно вспомнить триумф Эмилия Павла над Македонией.

[12] *Balsdon J.P.V.D.* Sulla Felix // JRS. 1951. Vol. 41. P. 3; «это была скорее видимость, нежели реальность» (*Valgiglio E.* Plutarco. Vita di Silla. Torino, 1967. P. 163). Ф. Фрёлих высказывается ещё жёстче: «Истинное положение дел на Востоке в тот момент менее всего давало основания (gerade damals am wenigsten angethan) для такого празднества» (*Fröhlich F.* Op. cit. Sp. 1557).

[13] Можно также вспомнить триумф Мурены над тем же Митридатом, который с ещё меньшими основаниями был отпразднован в том же году (см.: Cic. De imp. Pomp. 8; *Fröhlich L.* Op. cit. Sp. 1557; *Lange C.H.* Triumphs in the Age of Civil War: The Late Republic and the Adaptability of Triumphal Tradition. L.; N.Y., 2016. P. 80–81).

[14] Как выразился В. Ине, «даже если сам Сулла не хотел бы триумфа, его вынудили бы [отпраздновать] таковой его солдаты, его приверженцы и городской плебс» (*Ihne W.* Römische Geschichte. Leipzig, 1879. Bd. V. S. 437–438; в английском переводе к этим факторам добавлены ещё и «национальные чувства»: *Ihne W.* The History of Rome. L., 1882. Vol. V. P. 430). Вряд ли, однако, Сулла его не хотел.

[15] Более того, Э. Вальджильо прямо говорит, что победа над марианцами (il partito democratico) была главным поводом для триумфа (*Valgiglio E.* Op. cit.

умфов над римлянами», считает, будто циннанцы не рассматривались как граждане, поскольку «они перестали быть римлянами и могли быть, следовательно, отнесены к числу союзников Митридата, каковыми, по его мнению, они и являлись. Только таким образом их и можно было задействовать в триумфе [в качестве побеждённых]. Их собственно римская идентичность оказалась утрачена, и они не отличались от любых других союзников Митридата. Поэтому не требовалось специально упоминать о них в фастах»[16]. Однако это не более чем умозрительная реконструкция, источниками не подтверждаемая. Несколько иначе рассуждает Дж. Сьюми: «В ходе этих процессий впечатляюще объединялись обе победы Суллы и происходило уравнивание обоих врагов, чей разгром теперь праздновался. Поэтому Марий, подобно Митридату, становился hostis римского государства, хотя и являлся римским гражданином»[17]. В чём же это, по мнению сторонников подобной версии, выражалось?

В данном контексте указывалось на то, что в триумфальной процессии были пронесены сокровища, изъятые Марием Младшим из храмов и теперь возвращавшиеся туда – 14 000 (в другом чтении – 13 000) фунтов золота и 6 000 фунтов серебра, о чём сообщалось *sub eo* (Sullae – А.К.) *titulo in triumpho* (Plin. NH. XXXIII.16)[18]. Как полагает, например, И. Йостенберг, в соответствующей «надписи также пояснялось, что это те деньги, которые Марий Младший в своё время увёз в Пренесту из храма Юпитера Капитолийского и других святилищ»[19]. Иными словами, Сулла подчёркивал тот факт, что добыча взята у Мария Младшего, т.е. согражданина. Обратим, однако, внимание на это «также» (also) во фразе Йостенберг: исследовательница предполагает, что *titulus* содержал сведения не только о количестве сокровищ, но и о том, кто ими прежде владел и о месте, откуда они доставлены. Однако текст Плиния Старшего, на который она опирается, весьма неопределённен: золото, «которое Г. Марий-сын вывез в Пренесту из охваченного огнём Капитолийского храма и всех других святилищ, весом в 14 000 фунтов, затем пронёс Сулла во время триумфа под [пояснительной] надписью вместе с 6 000 фунтов серебра (*quod ex Capitolinae aedis incendio ceterisque omnibus delubris C. Marius filius Praeneste detulerat, XIIII (XIII) pondo, **quae sub eo titulo in triumpho transtulit** Sulla et argenti VI*)» (выделено. – *А.К.*). Не вполне понятно, содержались в *titulus* данные только о размерах пронесённых в триумфе богатствах или также сведения об их происхождении – во всяком случае, послед-

---

P. 163), что А. Кивни оценил как утверждение, очень далёкое от истины (*Keaveney A.* Studies in the dominatio Sullae // Klio. 1983. Bd. 55. P. 188).

[16] *Keaveney A.* Op. cit. P. 188.

[17] *Sumi G.S.* Op. cit. P. 423.

[18] О подобного рода пояснительных текстах (δέλτοι, γράμματα) Плутарх сообщает при описании триумфов Лукулла и Помпея (Luc. 37.6; Pomp. 45.2; также см.: *Östenberg I.* Staging the World: Spoils, Captives, and Representations in the Roman Triumphal Procession. Oxf., 2009. P. 68–69).

[19] *Östenberg I.* Op. cit. P. 69.

нее прямо не сказано[20].

Дж. Сьюми, цитирующий Плиния *in extenso* и понимающий его текст, судя по всему, таким же образом, что и И. Йостенберг, пишет: «Выставление напоказ сокровищ Мария было столь же важно, как и демонстрация *pietas* со стороны Суллы – указание на то, что он намерен чтить те самые храмы, которые Марий столь бездумно осквернил»[21]. Теоретически мы не можем исключить такую возможность, однако подобная трактовка основывается на расширительном толковании слов Плиния. Между тем столь откровенная демонстрация того, что провезённые во время триумфа золото и серебро были в своё время конфискованы Марием Младшим, стала бы слишком неприкрытым намёком на победу над согражданами. Конечно, Цезарь в 46 г. мог позволить себе подобные намёки во время африканского триумфа[22], а сенат в 43 г. декретировать за Мутинскую войну триумф Децию Бруту[23] и овацию Октавиану[24], но к тому времени слишком многое изменилось. Показательно также сообщение Валерия Максима (II.8.7) о том, что во время триумфа Суллы ни одного изображения «городов римских граждан» (т.е. италийских) не пронесли (*L. Sulla… cum… triumphum duceret, ut Graeciae et Asiae multas urbes, ita civium Romanorum nullum oppidum vexit*)[25]. Контраст очевиден.

В рассматриваемом контексте учёные обращают внимание на известный пассаж Плутарха: «Лучшим украшением триумфа, картиной действительно прекрасной, были римские изгнанники. Самые родовитые и влиятельные из граждан с венками на головах следовали за Суллой и называли его спасителем и отцом в благодарность за то, что он возвратил их на родину и вместе с ними их детей и жён» (Sulla. 34.2. Пер. М.Н. Дювернуа с изменениями). В этом тексте нередко усматривают ещё одно свидетельство того, будто Сулла прямо давал понять, что празднует победу не только над внешним врагом, но и над согражданами[26]. Однако даже Плутарх прямо не говорит, что присут-

---

[20] Тем не менее и в более поздней статье И. Йостенберг пишет, будто *titulus* содержал ссылки на победу над Марием в Пренесте, в том числе и его имя (*Östenberg I.* Triumph and Spectacle. Victory Celebrations in the Late Republican Civil Wars // The Roman Republican Triumph beyond the Spectacle / Ed. by C.H. Lange, F.J. Vervaet. Roma, 2014. P. 182–183 + n. 6.

[21] *Sumi G.S.* Op. cit. P. 418. Также см.: *Gabba E.* Op. cit. P. 278.

[22] App. BC. II.101.420. Ф. Инар утверждает, будто во время триумфа Суллы несли картины с изображением убийства Флакка Фимбрией (*Hinard F.* Sylla. P., 1985. P. 236), что также было бы более чем явным намёком на гражданскую войну, однако это не более чем вымысел французского историка.

[23] Liv. Per. 119; Vell. Pat. II.62.4; Dio Cass. XLIV.40.1.

[24] Cic. Ad Brut. I.15.9; 17.2. Стоит заметить, что ни то, ни другое торжество не состоялось, хотя и по вполне понятным причинам – Брут погиб, а Октавиан от овации отказался, но при этом не постеснялся требовать для себя триумфа (*Lange C.H.* Op. cit. P. 88), – но что бы ни было, прецедент празднования победы над согражданами так и не возник.

[25] *Valgiglio E.* Op. cit. P. 163; *Lange C.H.* Op. cit. P. 102.

[26] *Schur W.* Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 186; *Carcopino J.* Sylla, ou la la monarchie manquee. P., 1947. P. 114–115; *Gabba E.* Op. cit. P. 278; *Ghilli L.* Op. cit. P. 479. N. 803.

ствие в свите диктатора людей, бежавших от марианцев или изгнанных ими, как-то привлекло внимание и что они представляли собой какую-то отдельную группу[27]. Это и неудивительно – и сам Сулла, и все его приближённые были такими же опальными с весьма незавидным юридическим статусом, и они точно так же могли надеть венки в честь своего возвращения. Весь этот пассаж отражает ретроспективный взгляд на события, поскольку в нём говорится о бывших изгнанниках как «самых родовитых и влиятельных из граждан (οἱ γὰρ ἐνδοξότατοι καὶ δυνατώτατοι τῶν πολιτῶν)», но δυνατώτατοι в свите Суллы тогда ещё не было[28], зато многие из них (Катул, Метелл Пий, Ватия Исаврийский и др.) стали ими позднее.

Наконец, имея полную возможность справить триумф не только над Митридатом, но и, например, над самнитами[29], диктатор тем не менее от второго воздержался[30] – надо думать, чтобы избежать всяких намёков на победу в гражданской войне[31]. Всё это заставляет думать, что речь шла о классических победных торжествах, а именно о триумфе над одним только понтийским царём.

---

[27] Именно на этом не доказанном факте, очевидно, основывается мнение о том, что участие в процессии изгнанников было новшеством (*Carcopino J.* Op. cit. P. 114–115; *Valgiglio E.* Op. cit. P. 163; *Havener W.* Triumphus ex bello civili? Die Präsentation des Bürgerkriegssieges im spätrepublikanischen Triumphritual // Civil War in Ancient Greece and Rome. Contexts of Disintegration and Reintegration / Ed. by H. Börm, M. Mattheis and J. Wienand. Stuttgart, 2016. S. 164). Равным образом спорно суждение В. Хавенера, рассматривающего данный эпизод в контексте обычая представлять в триумфе освобождённых из плена сограждан (*Havener W.* Op. cit. S. 164) – последние шли отдельно, чего о возвращённых Суллой из изгнания, как уже отмечалось, не сообщается.

[28] Единственным консуляром среди сулланцев был Л. Марций Филипп, который, однако, мог считаться изгнанником с очень большой натяжкой, поскольку являлся обычным перебежчиком (см. *Короленков А.В.* Луций Марций Филипп в годы первой гражданской войны в Риме // ВДИ. 2018. № 1. С. 24–26). К тому же неизвестно, участвовал ли он в триумфе, да и его присутствие не давало Плутарху оснований для множественного числа.

[29] На тот момент ещё не было ясно, признаёт ли Сулла самнитов гражданами, учитывая свирепые расправы с ними после сражений при Сакрипорте и у Коллинских ворот (см.: App. BC. I.88.400; Plut. Sulla. 30.2–4; Flor. III.21.23 – самниты названы гражданами, quattuor milia deditorum inermium civium¸ однако Флор явно исходит из последующего признания самнитов таковыми). Примечательно место расправы – *Villa Publica*, т.е.место, где проводился ценз, и сама расправа являет собой противоположность тому, что обещали самнитам марианцы (*Luke T.S.* Ushering in a New Republic. Theologies of Arrival at Rome in the First Century BCE. Ann Aror, 2014. P. 46).

[30] В. Лецнер утверждает, что триумф произвёл впечатление празднества победы не только над Митридатом, но и марианцами и италиками, а особенно самнитами, хотя не умалчивает об отсутствии изображений во время триумфального шествия италийских городов (*Letzner W.* Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie. Münster, 2000. S. 263), и уж тем более непонятно, что содержало особые намёки на самнитов.

[31] *Lange C.H.* Op. cit. P. 103.

3. Сулла – новый Ромул?

В '*Historiae*' Саллюстия (I.55.5 M) Лепид, обличая Суллу, говорит о нём: «И всё захватил этот жестокий Ромул, словно отнял у чужеземных племён (*quae cuncta scaevos iste Romulus quasi ab externis rapta tenet*)» (пер. В.О. Горенштейна с изменениями). Исходя из этого пассажа исследователи стали делать далеко идущие выводы о характере пропаганды Суллы. Как пишет В. Ине, он был «своего рода вторым Ромулом (gewissermassen ein zweiter Romulus)», сходство с которым ему придавало введение новых игр и установление новой конституции[32]. А. Альфёльди полагает, что диктатор считал себя новым основателем Рима, и именно в этом смысле надо понимать напоминавшую о Ромуле церемонию проведения померия, но уже в расширенных пределах[33], а слова *scaevos iste Romulus* явились ответом оппозиции[34] на подобные притязания Суллы[35]. По мнению У. Лаффи, Сулла любил изображать себя новым Ромулом, «спасителем» и «отцом» отечества, создателем нового порядка. Он расценивает слова Лепида как отражение *propaganda filosillana*, хотя и в форме развенчания и диктатора, и первого римского царя, поскольку Сулла клеймится как *scaevos iste Romulus*. В этом контексте У. Лаффи рассматривает большой фрагмент из «Римской археологии» Дионисия Галикарнасского (II.7–29), посвящённый ромуловой «конституции», и предполагает, что тот является отражением просулланской публицистики времён диктатуры[36]. Ф. Сантанджело развивает эту идею: «Сама диктатура, а также решения, подобные увеличению численности сенаторов, несомненно, легитимировались параллелями с Ромулом, которые, похоже, повлияли на антикварную традицию о раннем Риме». Более того, афиняне, переименовав *Theseia в* честь Суллы (т.е. *Sylleia*), *eo ipso* «показали, что они осведомлены о том образе Суллы, который он пытался навязать, и выбрали ту же стратегию, что он использовал в Риме… Аналогия между Тесеем и Ромулом […], бесспорно, была очевидна любому»[37]. Л. Парети пишет, что Сулла стремился стать хоть на какое-то время новым избранным царём и номофетом, духовным наследником Ромула, Нумы

---

[32] *Ihne W.* Römische Geschichte… S. 438. Anm. 5.

[33] Как не без остроумия замечает по данному поводу Т.С. Люк, «основание Рима неизбежно связывалось с первой стеной Ромула на Палатине и смертью Рема. Сулла нарушил запрет, не позволявший пересекать померий с оружием, но затем расширил померий, совершив тем самым акт нового основания» Города (refoundation) (*Luke T.S.* Op. cit. P. 47).

[34] *Metafora sarcastica*, по выражению А. Ла Пенны (*La Penna A.* Le *Historiae* di Sallustio e l'interpretazione della crisi repubblicana // Athenaeum. N.S. 1963. Vol. 41. P. 214), принимающего версию А. Альфёльди. В том же духе высказывается и П. Макгашин (*McGushin P.* Sallust. The Histories. Oxf., 1992. Vol. I. P. 115).

[35] *Alföldi A.* Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik: kleine Beiträge zu ihrer Entstehungsgeschichte // Museum Helveticum. 1951. Bd. 8. S. 205–206.

[36] *Laffi U.* Il mito di Silla // Athenaeum. N.S. 1967. Vol. 45. P. 255–256.

[37] *Santangelo F.* Sulla, the Elites and the Empire: A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden; Boston, 2007. P. 216–217.

Помпилия, Сервия Туллия[38].

Сразу возникает несколько вопросов. Насколько аутентично изложение этой речи у Саллюстия? Что имели в виду другие римляне, когда сравнивали Суллу с Ромулом, если вообще это делали? И можем ли мы усматривать в словах Лепида отражение официальной пропаганды Суллы[39]?

Естественно, о точной передаче речи Лепида говорить не приходится – напомним, что первую катилинарию Цицерона писатель не цитирует, а просто упоминает, указав, что она была позднее издана (Cat. 31.6: M. Tullius consul... orationem habuit luculentam atque utilem rei publicae, quam postea scriptam edidit)[40]. Правда, речь Лепида, в которой он на сходке обличал сулланские порядки, сохранилась[41], однако она могла быть мало известна и/или не соответствовать высоким требованиям Саллюстия к стилю. Отсюда, конечно, ещё не следует, что сравнение Ромула является литературным приёмом самого Саллюстия[42], но и исключить этого нельзя; во всяком случае, доказательной силой текст Саллюстия в данном случае не обладает и может использоваться только гипотетически.

Следующие два вопроса связаны между собой. Если Лепид сравнивал Суллу с Ромулом, то вряд ли делал это в положительном контексте[43]. В 65 г. до н.э. один из консулов заявил, что если Помпей желает подражать Ромулу, то ему не избежать его участи (Plut. Pomp. 25.9), т.е. убийства за тиранические замашки[44]. 17 мая 45 г. Цицерон писал Аттику, что предпочитает, чтобы Цезарь жил в одном храме с Квирином (=Ромулом), а не с Благоденствием (Salus), явно имея в виду, что желает ему, как и первому царю, насильственной смерти[45]. Согласно

---

[38] *Pareti L.* Op. cit. P. 632.

[39] См.: *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Сулла и зрелища (из новейшей литературы) // ВДИ. 2016. № 2. С. 493 (при ссылках на эту работу во всех случаях имеются в виду соображения, принадлежащие Е.В. Смыкову).

[40] То же мы наблюдаем и у Ливия (XLV.25.3), который не пересказывает речь Катона в защиту родосцев, поскольку она и так приведена последним в пятой книге его *'Origines'*.

[41] Gran. Lic. 34Fl. Однако то, о чём пишет Граний Лициниан, не вполне совпадает с текстом Саллюстия – у последнего, например, не идёт речи о возвращении изгнанников.

[42] Так предполагает Е.В. Смыков: *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 493.

[43] По мнению Дж. Эванса, антисулланси настроенные авторы «проводили естественную параллель между первым братоубийцей-римлянином и современными им гражданскими войнами» (*Evans J.D.* The Art of Persuasion: Political Propaganda from Aeneas to Brutus. Ann Arbor, 1992. P. 89). А. Кивни видит здесь просто насмешку оппозиционеров, называвших Суллу «карликовым Ромулом» (*Keaveney A.* Sulla. P. 159).

[44] *Classen C.J.* Romulus in der römischen Republik // Philologus. 1962. Bd. 106. S. 183.

[45] Cic. Att. XII.45.2; *Evans J.C.* Op. cit. P. 90–91 (Дж. Эванс ошибочно пишет о храме *Spes*). Учитывая конец Цезаря, трудно согласиться с Дж. Эвансом, когда он пишет, будто Помпей особенно пострадал от негативных сторон ромуловой легенды, ссылаясь помимо реплики консула 65 г. до н.э. на то, что

Аппиану, убийцы Цезаря выбрали для его умерщвления именно курию, чтобы напомнить о судьбе Ромула, который был убит, по преданию, за тиранический образ правления (BC. II.114.476–477). Разумеется, могли иметь место и иные мотивы, однако ясно, что нобили рассматривали в то время Ромула как тирана[46]. Всё это заставляет усомниться в том, что Сулла рискнул бы пойти вразрез с распространёнными среди *boni* представлениями, и саллюстиев Лепид, возможно, именно поэтому и сравнивает его с Ромулом[47]. Конечно, Мария, если верить Плутарху (Mar. 27.9)[48], сравнивали в позитивном контексте с Ромулом, называя третьим основателем Рима[49]. Однако здесь делается акцент на роли основателя, что является положительной стороной образа Ромула, да и бытовало такое отношение скорее всего отнюдь не в верхах, отношение же простых людей (да и средних слоёв) к Ромулу, похоже, была куда более положительным, нежели у нобилитета[50]. Таким образом, сравнение себя с Ромулом было вряд ли в интересах Суллы[51], в связи с чем рассмотренные выше трактовки представляются неубедительными[52].

высадку Помпея в Диррахии сопровождало страшное предзнаменование – огонь опустошил храм Квирина (Dio Cass. XLI.14.3; *Evans J.D.* Op. cit. P. 90). Однако ни из чего не следует, что современники соотносили здесь Ромула и Помпея (источник об этом не сообщает), равно как и само предзнаменование (хотя бы и задним числом) с высадкой Помпея, тем более что под Диррахием он добился успеха, а под Фарсалом его сравнивали не с Ромулом, а с Агамемноном (Plut. Pomp. 67.5) – кстати сказать, вполне справедливо, учитывая, что слушались Помпея соратники-сенаторы не больше, чем ахейские цари – «пастыря народов». Цезарь же погиб именно за то, что считали подражанием Ромулу – как того Цицерон и хотел.

[46] *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 493 + прим. 17.

[47] «Ромул предстаёт здесь как олицетворение тирании» (*Classen C.J.* Op. cit. S. 183).

[48] После Ромула и Камилла (*Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy, Books 1–5. Oxf., 1965. P. 739).

[49] Возможно, впрочем, что Плутарх ошибочно передал латинские формулировки conservator *urbis*, *pater* и *parens patriae*, звучавшие в адрес Мария (см. Cic. Rab. perd. 27; Att. IX.10.3), как κτίστης (*Classen C.J.* Op. cit. S. 181–182).

[50] См.: *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 135–136. Пародию на подобный неофициальный титул мы наблюдаем в псевдосаллюстиевой инвективе против Цицерона (§7), где последний язвительно назван *Romulus Arpinas* (*McGushin P.* Op. cit. Vol. I. P. 115; чуть более нейтрально – *Classen C.J.* Op. cit. S. 183 + Anm. 3, где инвектива приписывается самому Саллюстию).

[51] Недаром позднее Октавиан отказался принять его имя (Dio Cass. LIII.16.7–8; Suet. Iul. 7.2; Flor. IV.12.66; *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 493. Прим. 17. Ж. Каркопино, отмечая этот факт, противопоставляет Суллу Августу, поскольку первый восстановил *la puissance originelle* первого римского царя и только выиграл от этого (*Carcopino J.* Op. cit. P. 92–93). Однако французскому историку стоило бы уточнить. что он имеет в виду под *la puissanse originelle* Ромула и как именно Сулла позиционировал себя в этом качестве.

[52] В качестве постскриптума сошлёмся на критику Е.В. Смыковым изложенной выше версии Ф. Сантанджело: *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 492–494.

4. Сулла и свобода слова

Исследователи давно обратили внимание на некоторые весьма смелые пассажи в речи Цицерона «В защиту Росция Америйского». На протяжении всей речи оратор говорит о своей лояльности Сулле, однако очевидно, что на деле это плохо скрытая насмешка. Цицерон сравнивает Суллу с Юпитером (§131), чьей воле повинуются земля, небо и море (*cuius nutu et arbitrio caelum terra mariaque* ***reguntur***), так же и Сулла *один* правит государством (*cum* ***solus*** *rem publicam* ***regeret***). Не вызывает сомнений, что и *solus*, и *regere* – более чем прозрачные намёки на *regnum* Суллы[53], иными словами – тягчайшее для римского политика обвинение. Кроме того, Цицерон открыто издевается над законом о проскрипциях: «Как могло по тому самому закону, что об опальных, Валериев ли это закон или Корнелиев (не знаю, не разберусь) (*sive Valeria est sive Cornelia, non enim novi nec scio*), – словом, по этому самому закону как могло имущество Секста Росция быть назначено к продаже?» (Cic. Rosc. Am. 125. Пер. В.М. Смирина)[54]. Кроме того, Цицерон отмечает, что сенат не одобрил *lex de proscriptione* (§153)[55]. Цицерон говорит об обмане Суллы со стороны Хрисогона, от которого страдает Росций, используя слово *imprudente* (§21, 25), что можно понимать и как «по незнанию» («без ведома»), и «по неразумию». То же самое наблюдаем и в отношении проскрипций, которые осуществлялись *imprudentibus imperatoribus* (звучит столь же двусмысленно) и привели к дурным последствиям (§91). При таких обстоятельствах были убиты многие судебные ораторы, что Цицерон сравнивает с бойней при Тразименском озере и Каннах (§89), тем самым уподобляя диктатора злейшему врагу Рима – Ганнибалу[56].

Возникает вопрос, как же Цицерон решился на столь откровенные нападки на всесильного диктатора. Ж. Каркопино считает, что Цицерон произнёс эту речь в январе 79 г., накануне отказа Суллы от власти[57]. Однако эта точка зрения не нашла поддержки у исследователей[58]. Д.Л. Стоктон вообще отказывается видеть в словах Цицерона

---

[53] *Buchheit V.* Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria // Historia. 1975. Bd. 24. S. 580–581, 587–589. Как пишет Ж. Каркопино, «восхваление Цицероном Суллы превращается в беспощадный приговор его правлению». При этом стоит заметить, что французский историк, верно указывая на иронию Цицерона в §22 и 131, не обращает внимания на его более чем выразительное словоупотребление в отношении самого Суллы (*Carcopino J.* Op. cit. P. 157–159).

[54] *Смирин В.М.* О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры (Опыт разбора ранних речей) // ВДИ. 1958. № 4. С. 101; *Buchheit V.* Op. cit. S. 586.

[55] *Смирин В.М.* Указ. соч. С. 101.

[56] *Buchheit V.* Op. cit. S. 585. Anm. 81; 587.

[57] *Carcopino J.* Op. cit. P. 156 (в связи с этим Ж. Каркопино проводит параллель между Цицероном и Демосфеном, который в том же возрасте, т.е. в 27 лет, произнёс речь против Андротиона и Тимократа).

[58] См. *Buchheit V.* Op. cit. S. 590. Anm. 109 со ссылками.

иронию. По его мнению, там, где французский историк усматривает иронию оратора, тот в действительности выражает почтение к Сулле[59]. А.В. Еремин высказался ещё более категорично (и, увы, не слишком грамотно): «Невероятна идея о ироничности Цицерона к Сулле»[60], при этом не отреагировав на весомые аргументы В. Буххайта, чья статья осталась ему неизвестной. Как полагает Э.С. Груэн, крайне маловероятно, чтобы Цицерон высказывался в подобном духе в 80 г., а соответствующие пассажи могли появиться в речи в процессе её переработки для публикации[61]. Однако подобное объяснение представляется избыточным. Стоит вспомнить историю о юнце, который начал поносить Суллу, как только тот сложил с себя власть. «И Сулла, распалявшийся гневом на людей высокого положения (τῶν μεγίστων ἀνδρῶν) и на целые города, спокойно стерпел ругань мальчика (εὐσταθῶς τὸ μειράκιον ἤνεγκε)» (App. BC. I.104.485–486. Пер. С.А. Жебелёва с изменениями). Независимо от подлинности этого рассказа он, похоже, отражает тот факт, что свобода слова при Сулле была заметно больше, чем это кажется цитированным выше авторам. Диктатор восстановил *res publica* и отказался от власти, когда эта задача (как он её понимал) в целом была выполнена. Судя по всему, он не особенно реагировал на критику в свой адрес, тем более косвенную, поскольку *expressis verbis* Цицерон на него не нападал, ограничиваясь намёками, пусть и прозрачными. Примечательно, что последний продолжил свою карьеру оппозиционного оратора[62] – очевидно, такое было бы невозможно, если бы он почувствовал сколь-либо серьёзную угрозу. Таким образом, Сулла независимо от причин не нарушал здесь республиканских традиций.

5. Заключение

Таким образом, перед нами возникает следующая картина. Вряд ли кто-то будет отрицать, что Сулла, если оценивать его в наших политических категориях, был узурпатором и тираном: достаточно вспомнить двукратное взятие Рима и проскрипции. Но парадокс состоит в том, что многие его действия, в том числе и те, которые справедливо рассматриваются как тиранические, не выходили за рамки римских традиций или, по крайней мере, уже сложившейся практики.

Проскрипциям предшествовали незаконные расправы со сторонниками Гая Гракха и Апулея Сатурнина. В то же время Сулла не праздновал триумфа над согражданами, как то готовы были позволить сенаторы Децию Бруту в 43 г. Он отдал приказ убить Лукреция Афеллу (Офеллу), поскольку тот вопреки закону домогался консулата,

---

[59] *Stockton D.L.* Cicero: A Political Biography. Oxf., 1971. P. 10.

[60] *Еремин А.В.* Сенатская оппозиция при Сулле: вымысел или реальность? // Мнемон. СПб., 2002. Вып. 1. С. 128.

[61] *Gruen E.S.* Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. Cambr. (Mass.), 1968. P. 268.

[62] *Смирин В.М.* Указ. соч. С. 102.

не занимая прежде положенных должностей[63], и при этом действовал в рамках полномочий диктатора, которые позволяли ему бессудную расправу[64], тем более что поведение Лукреция, пытавшегося повести за собой толпу, напоминало *seditio*.

При этом Сулла позволял Цицерону почти открыто насмехаться над его мероприятиями и делать весьма нелояльные и прозрачные намёки на него самого. Республиканская традиция в её олигархическом понимании сама предоставляла обширные возможности для тиранических акций, однако их практическое применение зависело от условий момента и личности того, кто осуществлял их от имени *res publica.* В данном случае таким человеком оказался Луций Корнелий Сулла.

Литература:

Еремин А.В. Сенатская оппозиция при Сулле: вымысел или реальность? // Мнемон. СПб., 2002. Вып. 1. С. 123–132.

Короленков А.В. Луций Марций Филипп в годы первой гражданской войны в Риме // ВДИ. 2018. № 1. С. 13–27.

Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла и зрелища (из новейшей литературы) // ВДИ. 2016. № 2. С. 489–496.

Смирин В.М. О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры (Опыт разбора ранних речей) // ВДИ. 1958. № 4. С. 88–103.

Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

Alföldi A. Die Geburt der kaiserlichen Bildsymbolik: kleine Beiträge zu ihrer Entstehungsgeschichte // Museum Helveticum. 1951. Bd. 8. S. 190–215.

Balsdon J.P.V.D. Sulla Felix // JRS. 1951. Vol. 41. P. 1–10.

Buchheit V. Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria // Historia. 1975. Bd. 24. S. 570–591.

Carcopino J. Sylla, ou la la monarchie manquee. P., 1947.

Carney T.F. The Flight and Exile of Marius // G&R. 1961. 2nd Ser. Vol. 8. P. 98–121.

Classen C.J. Romulus in der römischen Republik // Philologus. 1962. Bd. 106. S. 174–204.

Evans J.D. The Art of Persuasion: Political Propaganda from Aeneas to Brutus. Ann Arbor, 1992.

Fröhlich F. Cornelius (392) // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 1522–1566.

Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 3–336.

Ghilli L. Commento [alla biografia di Silla] // *Plutarco.* Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, 2001. P. 300–514.

Gruen E.S. Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. Cambr. (Mass.), 1968.

Havener W. Triumphus ex bello civili? Die Präsentation des Bürgerkriegssieges im spätrepublikanischen Triumphritual // Civil War in Ancient Greece and Rome. Contexts of Disintegration and Reintegration / Ed. by H. Börm, M. Mattheis and J. Wienand. Stuttgart, 2016. S. 149–184.

Heftner H. Der Beginn von Sullas Proskriptionen // Tyche. 2006. Bd. 21. S. 33–52.

Hinard F. Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome, 1985.

---

[63] App. BC. I.101.471–472, Liv. Per. 89, Plut. Sulla. 33.5–6.

[64] *Schur W.* Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 206.

Hinard F. Sylla. P., 1985.
Ihne W. Römische Geschichte. Leipzig, 1879. Bd. V.
Ihne W. The History of Rome. L., 1882. Vol. V.
Keaveney A. Studies in the dominatio Sullae // Klio. 1983. Bd. 55. P. 185–208.
Keaveney A. Sulla: the Last Republican. L.; N.Y., 2005.
La Penna A. Le *Historiae* di Sallustio e l'interpretazione della crisi repubblicana // Athenaeum. N.S. 1963. Vol. 41. P. 201–274.
Laffi U. Il mito di Silla // Athenaeum. N.S. 1967. Vol. 45. P. 177–213, 255–277.
Lange C.H. Triumphs in the Age of Civil War: The Late Republic and the Adaptability of Triumphal Tradition. L.; N.Y., 2016.
Letzner W. Lucius Cornelius Sulla. Versuch einer Biographie. Münster, 2000.
Luke T.S. Ushering in a New Republic. Theologies of Arrival at Rome in the First Century BCE. Ann Aror, 2014.
McGushin P. Sallust. The Histories. Oxf., 1992. Vol. I.
Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004.
Münzer F. Fufidius (4) // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 201.
Ogilvie R.M. A Commentary on Livy, Books 1–5. Oxf., 1965.
Östenberg I. Staging the World: Spoils, Captives, and Representations in the Roman Triumphal Procession. Oxf., 2009.
Östenberg I. Triumph and Spectacle. Victory Celebrations in the Late Republican Civil Wars // The Roman Republican Triumph beyond the Spectacle / Ed. by C.H. Lange, F.J. Vervaet. Roma, 2014. P. 181–193.
Pareti L. Storia di Roma e del mondo romano. Torino, 1953. Vol. III.
Santangelo F. Sulla, the Elites and the Empire: A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden; Boston, 2007.
Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942.
Stockton D.L. Cicero: A Political Biography. Oxf., 1971.
Sumi G.S. Spectacles and Sulla's Public Image // Historia. 2002. Bd. 51. P. 414–432.
Valgiglio E. Plutarco. Vita di Silla. Torino, 1967.

Д.Д. Дымская

КАТИЛИНА В «ЭНЕИДЕ»

Аннотация: в статье анализируется образ Катилины в «Энеиде». Для Вергилия Катилина очевидно является злодеем и символом гражданских раздоров. Однако это отношение не распространяется на остальных представителей рода Сергиев, т.к. их легендарный предок Сергест, несмотря на своё довольно сомнительное поведение во время погребальной регаты, все же изображен одним из главных и верных спутников Энея. Возможно, таким образом Вергилий хотел показать, что не следует осуждать за преступления Катилины всех Сергиев и что они могут быть хорошими гражданами и верно служить государству, как Сергест – своему предводителю.
Ключевые слова: Катилина, «Энеида», Вергилий, Сергест.

Abstract: the paper examines the portrayal of Catiline in the Aeneid. For Virgil, Catiline is obviously a villain and a symbol of civil strife. This attitude however doesn't extend to other members of the gens Sergia since their legendary ancestor Sergestus in spite of his somewhat questionable behaviour during the funerary ship race, is still depicted as one of Aeneas' main and most loyal companions. Thus Virgil possibly wanted to show that the Sergii shouldn't be blamed for Catiline's crimes and that they too can be good citizens and loyal servants to the state just as Sergestus was to his leader.
Keywords: Catiline, Aenëeid, Virgil, Sergestus.

Имя Луция Сергия Катилины часто встречается в античной литературе – в основном, разумеется, в исторических сочинениях, повествующих о событиях 63 г. до н. э. Однако отдельные упоминания о нём есть и в некоторых художественных произведениях. В данной статье мы хотели бы проанализировать образ Катилины в «Энеиде» и предложить возможный вариант его трактовки.

У Вергилия Катилина является одной из фигур, изображённых на щите Энея[1]. Он показан как преступник, испытывающий вечные муки в загробном мире: Катилина висит на выступающей скале, трепеща от вида лиц фурий (VIII. 666–669: *hinc procul addit / Tartareas etiam sedes. alta ostia Ditis, / et scelerum poenas, et te, Catilina, minaci / pendentem scopulo Furiarumque ora trementem*), а далее находятся «праведных сонм и Катон, им дающий законы» (VIII. 670: *secretosque pios, his dantem iura Catonem*). Данный отрывок и породил немало интерпретаций. Прежде всего исследователи задавались вопросом, какому именно наказанию подвергался в Тартаре Катилина. Из латинского текста это не вполне ясно. Одни исследователи предполагают, что он

[1] В науке существует множество интерпретаций значения и порядка сцен, представленных на щите Энея. Однако в целом никто, насколько можно судить, не отрицает, что на нём в хронологическом порядке изображены исторические и мифологические события, связанные с Римом.

был распят на скале или пронзён ею[2], другие – что он вечно пребывал в подвешенном состоянии перед падением в пропасть, как если бы его сбрасывали, например, с Тарпейской скалы[3]. Указывалось и на семантическую взаимосвязь между формой и сущностью наказания: *pendeo* («висеть») могло соответствовать *pendo* («искупать»)[4], а словом *minax* античные авторы неоднократно характеризовали самого Катилину[5]. Был даже сделан вывод, что Вергилий мог специально составить такое расплывчатое описание, чтобы под него подходило сразу несколько образов[6]. Мы же склонны полагать, что многоплановость изображения и, как следствие, множество его интерпретаций, свидетельствуют скорее о том, что для поэта важнее было не точное изображение казни, а передача её сути[7]. Суть же, как видно из подобранных Вергилием слов, заключалась в пугающей неопределённости положения наказуемого и состоянии вечной угрозы, которой тот не мог избежать.

Исследователи неоднократно отмечали сходство между наказанием Катилины и карами отдельных мифических персонажей – таких, как Тантал, Пирифой[8], Титий[9], Прометей[10], Сизиф[11], Андромеда[12] или

---

[2] *Henry J.* Aeneidea. Dublin, 1889. Vol. III. P. 768; *Fratantuono L.M., Alden Smith R.* Virgil, Aeneid 8: Text, Translation, and Commentary. Leiden; Boston, 2018. P. 686. С.А. Ошеров, по-видимому, склонялся к первому варианту, т.е. распятию, поскольку перевёл *minaci pendentem scopulo* как «прикованный к шаткому камню». Интересно, что в поэме о гражданской войне Лукана, написанной уже при Нероне, Катилина также помещён в Тартар. Он описывается как *abruptis… minax fractisque catenis* (VI. 793). Так что, возможно, Лукан позаимствовал образ и локализацию у своего предшественника, причём понял его текст в том смысле, что Катилина был именно прикован к скале.

[3] Т.е., возможно, подвергался тому наказанию, которое заслужил при жизни. Хотя, как уже указывалось в историографии, это довольно странная трактовка, ибо в загробном мире нет Тарпейской скалы: *Eden P.T.* A Commentary on Virgil: Aeneid VIII. Cambr., 1975. P. 177.

[4] *Paschalis M.* Virgil's Aeneid: Semantic Relations and Proper Names. N.Y., 1997. P. 297.

[5] *Henry J.* Op. cit. P. 768–769 (с указанием источников).

[6] *Fratantuono L.M., Alden Smith R.* Op. cit. P. 686–687.

[7] Говоря о злодеях, которые подлежат наказанию в царстве мёртвых, Вергилий устами Сивиллы предупреждает: *ne quaere doceri, / quam poenam, aut quae forma viros fortunave mersit* (VI.614–615). После этого следует беглое перечисление нескольких видов мучений, в которых так или иначе фигурируют скала или камень (VI.616–618).

[8] По мнению К. Макленнан, с мучениями Пирифоя (Verg. Aen. VI.602–603) пытку Катилины сближает наличие *minaci scopulo*, а с наказанием Тантала – присутствие фурий (Verg. Aen. VI.605): *Maclennan K.* Virgil: Aeneid VIII. L.; N.Y., 2017. P. 230. Однако у Пиндара (Ol. I.55–64) и Лукреция (III.980) Тантал испытывает мучения, которые Вергилий приписывает Пирифою, т.е. обречён на вечный страх из-за висящего у него над головой камня. Это заставило П.Т. Идена предположить, что, описывая страдания Катилины, Вергилий опирался на текст Лукреция, но перенёс определение «висящий» с камня на жертву (ср. *impendens* в случае с Танталом и *pendentem* применительно к Катилине): *Eden P.T.* Op. cit. P. 177.

[9] Verg. *Aen.* VI.595–600. Н. Хорсфолл отмечает сходство между наказанием Прометея и пыткой Тития (оба распяты на скале и терзаемы хищной птицей),

Аякс Оилид[13], причём описания многих из них встречаются в том числе в «Энеиде». Из этого следует, что страдания Катилины не были исключительными – подобная участь (с незначительными вариациями) была, по Вергилию, уделом многих именитых «грешников». Любопытно, что из всех, кто был наказан таким образом, Катилина является единственным реально существовавшим человеком. Более того, он – единственный названный по имени исторический персонаж из всех, кто находится в Тартаре[14] (так же, как и Катон – единственный, кто назван по имени из «праведников»). Все это наводит на мысль о том, что для Вергилия Катилина и Катон являлись своего рода *exempla*: один был олицетворением врага Рима наподобие Тарквиния (VIII.649–650), а другой служил персонификацией идеала справедливого и добродетельного государственного деятеля[15].

Впрочем, существует и иная точка зрения, согласно которой оба персонажа представлены в поэме не как персонификации тех или иных качеств, а как реальные исторические личности. Это связывается с личными переживаниями поэта: волнения в Цизальпинской Гал-

---

в связи с чем призывает также вспомнить и о наказании Катилины: *Horsfall N.* Virgil, «Aeneid» 6: A Commentary. B.; Boston, 2013. P. 414.

[10] *Henry J.* Op. cit. P. 767–768 (тип казни); 769 (наличие фурий); *Thiel C.* Publii Virgilii Maronis Aeneis: mit Erläuterungen den Gymnasialzwecken und Besonders der Beförderung der Privatlectüre auf Gymnasien bestimmt. Tl. 2. B., 1838. S. 258; *Grandsen K.W.* A Commentary // *Virgil.* Aeneid. Book VIII. Cambr., 2003. P. 173. К. Грандсен пишет, что Вергилий, описывая наказание Катилины, имел в виду кару Прометея, т.к. тот являл собой «тип мифического революционера». Однако подобная параллель, как представляется, не вполне уместна, ибо Прометей традиционно воспринимался как положительный персонаж и его судьба, очевидно, должна была вызывать сочувствие. Катилина же, как правило, считался преступником, стремившимся лишь к собственной выгоде, а потому в его участи, скорее всего, видели справедливое возмездие.

[11] *Savage J.T.* Catiline in Vergil and in Cicero // CJ. 1941. Vol. 36. № 4. P. 226.

[12] *Henry J.* Op. cit. О наказании Андромеды: Manil. Astr. V.548.

[13] М. Паскалис указывает прежде всего на семантическое сходство: *scelerum poenas… Catilina, minaci / pendentem scopulo* в какой-то мере созвучно со *scelerum poenas expendimus… Minervae… cautes* (Verg. Aen. XI.258–260), где *Catilina* соответствует *cautes* (скала), а *minaci – Minerva.* См. *Paschalis M.* Virgil's Aeneid: Semantic Relations and Proper Names. N.Y., 1997. P. 297. Однако в этой связи стоит также обратить внимание на само наказание Аякса, описанное в первой песне «Энеиды»: герой был пригвождён к «скале островерхой» (Verg. Aen. I.39–45: *scopuloque infixit acuto*), что не может не вызвать ассоциаций с судьбой Катилины.

[14] Лукан в свое время пойдет дальше и поместит в Тартар тех, о ком его предшественник дипломатично умолчал – у него там окажутся и Друзы, и Гракхи: *Hardie Ph.R.* (ed.). Virgil. Critical Assessments of Classical Authors. Vol. IV: The Aeneid (continued). N.Y., 1999. P. 239.

[15] *Grandsen K.W.* Op. cit. P. 173. Иногда образы Катилины и Катона трактуются как олицетворения *всех видов* пороков (Катилина) и добродетелей (Катон): *Urso G.* La gens «Sergia» e gli antenati di Catilina // Aevum. 2015. Anno 89. Fasc. 1. P. 127 (с указанием предшествующей литературы). Однако, учитывая общую «гражданскую» направленность поэмы, думается, что речь идёт именно о качествах, связанных с государственной деятельностью.

лии, спровоцированные мятежом катилинариев (Sall. Cat. 42.1), могли произвести столь сильное впечатление на маленького Вергилия (ему тогда было около семи лет, и он как раз жил в этой области)[16], что впоследствии он «обрёк» за это Катилину на вечные страдания, а выступавшего против заговорщиков Катона, напротив, поместил среди «праведников». Мы полагаем, что эта гипотеза отчасти верна, хотя её категоричность, возможно, чрезмерна: ведь Катилина вполне мог быть представлен в поэме не только как *exemplum*, но и как историческая личность, ибо одно вовсе не исключает другого. Теория же о беспорядках в Дальней Галлии и их влиянии на юного Вергилия вызывает некоторые сомнения. Во-первых, сообщения источников об областях, в которых возникали мятежи, сильно разнятся[17] и Цицерон, что примечательно, о Цизальпинской Галлии ничего не говорит – из современников заговора о волнениях в ней пишет только Саллюстий, а все остальные источники, в которых упоминается эта область, относятся к более позднему времени. Во-вторых, связь катилинариев с волнениями не доказана – они могли происходить и независимо от заговорщиков. Поэтому о настоящей опасности со стороны катилинариев речи, скорее всего, не шло. Тем не менее о заговоре ходили слухи, Цицерон убеждал всех в серьёзности угрозы, и в семье Вергилия вполне могли обсуждать эти сюжеты. Однако проверить, так ли это было на самом деле, невозможно, равно как и выяснить, насколько подобные разговоры, если они действительно имели место, влияли на будущего поэта. Поэтому более вероятным представляется, что изображение сцен с участием Катилины и Катона было обусловлено личными впечатлениями Вергилия не от самого заговора, а от его отображения в источниках. Во всяком случае, в историографии неоднократно отмечалось, что в данном эпизоде явно прослеживается влияние Саллюстия[18]. Сервий же считает наказание Катилины завуалированным комплиментом Цицерону (Serv. Aen. VIII.669: *hoc quasi in Ciceronis gratiam dictum videtur*), и ученые интерпретируют его комментарий в том смысле, что Вергилий таким образом мог исполнить пожелание великого оратора, высказанное им в Первой Катилинарии: «А ты, Юпитер… недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречёшь – живых и мёртвых – на вечные муки» (Cic. Cat. I.33)[19]. Подобная трактовка представляется нам вполне логич-

---

[16] *Eden P.T.* Op. cit. P. 177.

[17] Обзор источников с указанием областей см.: *Kananack C.H.E.* Reconsidering «The Conspiracy of Catiline»: Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust. Diss. PhD. Exeter, 2012. P. 168. N. 107.

[18] О влиянии Саллюстия: *Syme R.* Sallust. Berkeley etc., 1964. P. 286; *Woodman A.J.* Virgil the historian: Aeneid 8.626–62 and Livy // Studies in Latin Literature and its Tradition in Honour of C.O. Brink. Cambridge Philological Society suppl. 1989. Vol. 15. P. 145. N. 61; *Harrison S.J.* The Survival and Supremacy of Rome: The Unity of the Shield of Aeneas // JRS. 1997. Vol. 87. P. 74.

[19] *Savage J.T.* Op. cit. P. 225–226; *Davis H.H.* Catiline Lived On // The Classical Outlook. 1957. Vol. 35. No. 3. P. 30 (сцена наказания Катилины трактуется

ной[20]. Кроме того, Т.П. Уайзмен отмечает, что на представление о Катилине как о великом «грешнике» могла повлиять и не дошедшая до нас эпическая поэма Цицерона '*De consulatu suo*', которая была широко известна и пользовалась большим влиянием, пока ее не затмили произведения великих поэтов I в. н.э.[21] Таким образом получается, что Вергилий был знаком с сочинениями обоих авторов – современников заговора. По-видимому, художественная мощь их текстов заставила поэта привнести описанные ими образы в его собственное произведение, но при этом по-своему их обыграть. Очевидно, подобные exempla были понятны и большинству его читателей, ибо в то время, когда Вергилий работал над «Энеидой», наверняка ещё были живы многие из тех, кто застал заговор Катилины, а те, кто был для этого слишком молод, в любом случае должны были о нём знать благодаря сочинениям Цицерона и Саллюстия, которые были включены в школьный канон[22]. Кроме того, год раскрытия заговора – 63 г. до н.э. – мог иметь для поэта и его современников символическое значение, поскольку именно тогда родился Октавиан Август. Как пишет Светоний, в день его рождения в сенате как раз обсуждался заговор Катилины, и отец будущего принцепса «из-за родов жены явился с опозданием» (Suet. Aug. 94.5)[23]. Возможно, Вергилию было известно это обстоятельство, и оно послужило ещё одной причиной для включения в поэму сцены с Катилиной.

Д. Берри полагает, что это не единственное упоминание Луция Сергия в «Энеиде». По его мнению, заговорщик фигурирует также и в VI книге поэмы, в рассказе Сивиллы о тех, кто подлежит наказанию в Тартаре (VI.621–624):

Этот над родиной власть за золото продал тирану
Или законы за мзду отменял и менял произвольно,
Тот на дочь посягнул, осквернив её ложе преступно, –
Все дерзнули свершить и свершили дерзко злодейство.

как ответ на мольбу Цицерона к богам без упоминания Сервия); *Smith A.* Poetic Allusion and Poetic Embrace in Ovid and Virgil. Ann Arbor, 1997. P. 183.

[20] Впрочем, иногда считается, что сцена с Катилиной и упоминание сразу после неё Катона, наоборот, свидетельствует о негативном отношении к Цицерону, поскольку великий оратор считал раскрытие заговора Катилины своим величайшим деянием, а поэт даже не упомянул его в этой связи: *Guillemin A.M.* Virgile, poète, artiste et penseur. P., 1951. P. 237–238. Однако мы полагаем, что это не обязательно указывает на враждебность Вергилия к Цицерону, так как речь идет о символах, а Катон в качестве олицетворения гражданской доблести выглядит более убедительно, чем великий оратор. Во всяком случае, сочинения Цицерона в которых он превозносил собственные заслуги перед государством, вызывали у многих раздражение (Plut. Cic. 24.1–3), чего нельзя было сказать о «катоновской легенде».

[21] *Wiseman T.P.* Lucretius, Catiline and the Survival of Prophecy // *idem.* Historiography and Imagination: Eight Essays on Roman Culture. Exeter, 1999. P. 57.

[22] *Schmal S.* Sallust. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2001. S. 155.

[23] *Savage J.T.* Op. cit. P. 226.

vendidit hic auro patriam dominumque potentem
imposuit; fixit leges pretio atque refixit;
hic thalamum invasit natae vetitosque hymenaeos
ausi omnes immane nefas ausoque potiti.

Как видно, имена преступников не называются, что открывает простор для гипотез. Так, Сервий считает, что в данном отрывке речь идет о трех разных людях: тот, кто *vendidit hic auro patriam* – это, с его точки зрения, либо Ласфен, либо Курион, тот, кто *fixit leges pretio atque refixit* – это Марк Антоний, а тот, кто *thalamum invasit natae vetitosque hymenaeos* – это либо Фиест, либо Кинир. Мнение Доната о том, что в последнем случае говорится о Цицероне, Сервий отвергает. Д. Берри критикует интерпретации обоих античных комментаторов и считает, что в рассматриваемом фрагменте описываются не три человека, а два, один из которых *vendidit hic auro patriam dominumque potentem imposuit; fixit leges pretio atque refixit*, а второй – *thalamum invasit natae vetitosque hymenaeos*. Имена же их с точки зрения ученого не названы потому, что речь идёт о реальных исторических лицах, причём недавнего (относительно времени написания поэмы) времени. Первым, как полагает Д. Берри, является Марк Антоний, а вторым – Катилина. В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит следующие факты: Катилина в самом деле обвинялся в инцесте (Ascon. P. 91.24–26; 92 Cl.)[24], Цицерон в «Филиппиках» сравнивал Антония с Катилиной[25] и, наконец, в VIII книге «Энеиды» Антоний упоминается вскоре после Катилины (VIII. 685–688)[26].

Перечисленные аргументы представляются нам отнюдь не бесспорными. Прежде всего стоит обратить внимание на вопрос Энея, адресованный Сивилле, после которого она начинает рассказ о Тартаре. Эней вопрошает – *quae scelerum facies* (VI.560), что в русском переводе удачно передано как «каковы обличья злодейства». Т.е. он хочет знать, не *кто* помещён в Тартар, а *за что*. Сивилла в ответ перечисляет ему различные типы преступлений и виды наказаний, но в конце говорит, что в любом случае не смогла бы назвать ему *omnis scelerum* и исчислить *omnia poenarum*. Отсюда опять же следует, что своей задачей она видела именно сообщение о видах преступлений и о положенных за них наказаниях. Таким образом, можно предположить, что Вергилий и не имел в виду конкретных людей, а просто привел своего рода классификацию «грехов». При этом мифические персонажи, которые были известны своими нечестивыми поступками по отношению к богам, у него названы по именам, а те, кто согрешил по отношению к людям (VI.608–617; 621–624), остаются анонимными. Дело здесь, вероятно, в том, что в «земных» делах преступлений совершается много, поэтому вместо того, чтобы указывать имена виновников, проще перечислить виды их деяний. Впрочем, даже если

---

[24] Позднее этот сюжет найдет отражение у Плутарха: Plut. Cic. 10.2.

[25] Cic. Phil. II.1; II.118; IV.15; VIII.15; XIII.22.

[26] *Berry D.H.* The Criminals in Virgil's Tartarus: Contemporary Allusions in Aeneid 6.621–4 // ClQ. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 416–420.

допустить, что за каждым типом стоит определённая личность, которую читатели должны были узнать по её проступку, то, по логике Д. Берри, Катилина должен был служить олицетворением инцеста. Иными словами, это должно было быть его главным преступлением, которое с ним ассоциировалось. Однако Цицерон использовал упрёки в аморальности скорее для подкрепления основного обвинения, а из последующих античных авторов сплетню об инцесте повторяет только Плутарх, живший уже гораздо позже описываемых событий (да и позже Вергилия) и известный своим пристрастием к разного рода анекдотам. Остальные же, включая Саллюстия, пишут преимущественно о заговоре. Из этого можно заключить, что в античной традиции Катилина был в большей степени известен как честолюбец, посягнувший на статус-кво в государстве. Следовательно, в произведении Вергилия он вряд ли мог быть тем, кто «на дочь посягнул, осквернив ее ложе преступно» – более вероятно, что Катилина (как и Антоний) попал бы в категорию тех, кто *arma secuti impia* (VI.612–613)[27]. Наконец, если в VI книге Вергилий не стал называть преступников по именам из-за того, что они жили и действовали сравнительно недавно, то почему тогда в VIII книге он этому правилу не следует, и у него там упоминаются и Катилина, и Антоний, чьих имён он не утаивает?

Обобщая вышесказанное, отметим, что в VI книге «Энеиды» Катилина, по нашему мнению, не фигурирует.

Однако отсылка к нему есть в пятой книге – в эпизоде, где рассказывается о кораблекрушении спутника Энея Сергеста, который, как отмечает сам Вергилий, был легендарным предком рода Сергиев (V.121–122) и, соответственно, Катилины. По сюжету поэмы, Сергест участвовал в регате, которая проводилась во время игр в память почившего Анхиза. Стремясь достичь берега раньше соперников, герой предпочёл короткий, но опасный путь и в результате «налетел на гряду из воды выступавших утесов» (V.204: *infelix saxis in procurrentibus haesit*).

В литературе неоднократно указывалось на взаимосвязь между крушением Сергеста и печальной судьбой его потомка. Как корабль Сергеста повис на скале, так и в VIII книге на скале в Тартаре висит сам Катилина[28]; название корабля Сергеста «Кентавр» является аллюзией на непомерные аппетиты и импульсивность, приписываемые Катилине; глагол *invehitur*, используемый Вергилием для обозначения того, как Сергест плывёт на своем корабле, напоминает о словесных нападках Катилины на своих противников; скалы, на которые налетел Сергест, Вергилий характеризует как *murex*, а это слово использова-

---

[27] *Thiel C.* Op. cit. S. 258; *Gossrau G.W.* Publii Vergilii Maronis Aeneis. Quedlinburg; Leipzig, 1846. S. 301. Вероятно, того же мнения придерживался и Лукан, в произведении которого Катилина упоминается именно в связи с гражданскими войнами, а не с аморальным поведением (II.540–542; VI.793–794; VII.62–64).

[28] *Klotz A.* Sergestus // RE. 1923. R. II. Hbd. 4. Sp. 1683; *Feldherr A.* Ships of State: «Aeneid» 5 and Augustan Circus Spectacle // Classical Antiquity. 1995. Vol. 14. No. 2. P. 254.

лось также для обозначения улитки, которая давала пурпурную краску. Пурпур же ассоциировался с высокой должностью, поэтому здесь, вероятно, также присутствует символизм, ибо Катилина потерпел поражение в соискании консулата. Наконец, корабль, как это вообще характерно для греческой и римской литературы, является метафорическим изображением государства; в данном случае он терпит крушение из-за высокомерия, завышенных притязаний и нетерпения кормчего[29]. В этом нетрудно усмотреть отсылку к политическим амбициям Катилины и возможной судьбе Рима в случае его избрания в консулы. Да и само устроенное Энеем соревнование можно рассматривать как метафору политической борьбы: подобно тому, как Сергест потерпел крушение из-за своей *furor*, Катилина из-за того же качества проиграл консульские выборы[30]. Согласно другой трактовке, Вергилий использовал эпизод с регатой, дабы показать, что даже троянское происхождение не гарантирует успех в хитросплетениях политики доавгустова Рима, а вот в эпоху Августа, когда «троянцы» снова будут править Римом, борьба примет более мирные формы[31]. Впрочем, это заключение вызывает некоторые сомнения, ибо *все* участники регаты были троянцами и, следовательно, привилегией, которая могла способствовать их успеху, их принадлежность к числу троянцев не являлась.

Относительно позорного возвращения Сергеста, который, несмотря ни на что, выжил и сумел добраться до берега на своем разбитом корабле, также высказывались различные точки зрения. Одни видят в этом эпизоде намёк на силу духа ещё одного его потомка – Марка Сергия Сила, героя Второй Пунической войны и прадеда Катилины, который потерял на войне руку и был многократно ранен, но все равно продолжал участвовать в битвах и проявлял замечательную храбрость на поле боя (Plin. NH. VII.104)[32]. Другие считают, что речь идёт не о Силе, а о самом Катилине, поскольку описание Сергеста не слишком комплиментарное, а Сил всё-таки был уважаемым человеком, и эта гипотеза представляется нам более правдоподобной. Отмечалось также, что такие характеристики как *furens* (Verg. *Aen.* V.202) и *infelix* (V.204), сближают Сергеста с Катилиной[33], а саллюстиево описание гибели Луция Сергия на ратном поле напоминает описание побитого судна Сергеста у Вергилия[34].

Таковы интерпретации ученых позднего времени. В этой связи возникает целый ряд вопросов, а именно: насколько сам Вергилий

---

[29] *Muse K.* Sergestus and Tarchon in the «Aeneid» // ClQ. 2007. Vol. 57. No. 2. P. 593 (с указанием литературы).

[30] *Feldherr A.* Op. cit. P. 254.

[31] *Anderson C.A., Dix T.K.* Vergil at the Races: The Contest of Ships in Book 5 of the Aeneid // Vergilius. 2013. Vol. 59. P. 18–19.

[32] *Davison B.* Sergestus, called Sergius // SAN. 1969. Vol. 1. P. 12.

[33] *Rhiannon A.* Ancient Historical Battle Narratives and the Epic Tradition // Clio and the Poets: Augustan Poetry and the Traditions of Ancient Historiography. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 257.

[34] *Muse K.* Op. cit. P. 596.

ощущал связь между Сергестом и его потомком? Намеренны ли были приведённые параллели между ними, или поэт к ним вовсе не стремился, а подобный смысл придали его тексту лишь последующие исследователи? И, наконец, случаен ли был выбор Сергеста в качестве спутника Энея? Что касается последнего вопроса, то, возможно, Сергест по легенде в самом деле был троянцем и потому упомянут в сочинении Варрона '*De familiis Troianis*'. По мнению некоторых исследователей, текст Варрона был знаком Вергилию[35] и, если это действительно было так, то нет ничего удивительного в том, что поэт сделал Сергеста одним из спутников Энея.

На два других вопроса ответить сложнее. Прежде всего мы видим, что судьба Сергеста и Катилины в поэме различна. Первый за проявление «фамильных» дурных качеств наказан поражением в регате, но, несмотря на это, получает награду из рук Энея и впоследствии изображается как верный его спутник: вместе они прибывают в Италию, и Сергест помогает Энею в войне с местными племенами, тем самым способствуя исполнению пророчества. Даже для его характеристики вместо использовавшегося в V книге прилагательного *ferox*, которое указывает на неспособность контролировать эмоции, в IX книге применяется уже более сдержанное *acer* (IX.171; 779). Что же касается Катилины, то в поэме, где главными героями являются мифические персонажи, он, будучи реальным историческим лицом, низведён до уровня символа и олицетворяет гражданские раздоры, а потому терпит вечные мучения в загробном мире. Таким образом, можно констатировать, что Вергилий ни в коей мере не уподоблял ему Сергеста.

А. Фельдхерр рассматривает различия в судьбах предка и потомка как указание на то, что в мире игр даже такие персонажи, как Сергест (а потенциально и Катилина) могут быть приняты в общество[36]. Однако данное толкование представляется нам не вполне убедительным, поскольку, судя по тексту, Эней демонстрирует доверие и благорасположение к Сергесту на протяжении всей поэмы[37], а не только утешает его после поражения на играх. Катилина же, напротив, исключён из мира живых и не принимает никакого участие в развитии сюжета.

Поэтому мы бы предложили иную трактовку. Думается, что, заставив чрезмерно пылкого и нетерпеливого Сергеста пойти на поводу у собственного честолюбия и вследствие этого потерпеть кораблекрушение, Вергилий действительно имел в виду будущую судьбу Катилины, так как параллели между ними слишком очевидны для того, чтобы быть простой случайностью. Это в свою очередь означает, что поэт, по-видимому, хотел указать на взаимосвязь между предком и потомком. Однако посредством различий в их судьбах Вергилий в то же время подчеркивал, что отождествлять Сергеста с Катилиной не сто-

---

[35] *Klotz A.* Op. cit. Sp. 1683; *Muse K.* Op. cit. P. 591–592; *Urso G.* Op. cit. P. 126.

[36] *Feldherr A.* Op. cit. P. 255.

[37] Verg. *Aen.* I.510, 610–611; IV.288–291; IX.171, 779; XII.561.

ит. Почему это было для него так важно? Дело здесь, думается, в следующем. Сергест, как уже говорилось выше, считался мифическим предком *всех* Сергиев. Однако в античной историографии после 63 г. до н.э. история представителей данного рода искажается[38] – очевидно, под влиянием сочинений Цицерона и Саллюстия, создавших нелестный образ одного из Сергиев – Катилины. Наиболее ярко это проявилось у Ливия: почти все упоминания о Сергиях в его произведении более или менее негативные. Первый из них состоял в печально известной второй коллегии децемвиров, последующие были скандалистами, конфликтовали со своими коллегами и терпели катастрофические поражения, а когда побеждали, то люди почему-то скорбели о павших, а не чествовали победителей; наконец, единственная женщина из этого рода, о которой что-то известно, хотела отравить первых граждан ядовитыми зельями. Зато рассказу о прапрадеде Катилины, герое Второй Пунической войны, историк уделяет сравнительно мало места[39].

Сочинение Ливия, по всей вероятности, было известно Вергилию[40]; возможно, он использовал и иные источники для сюжета поэмы и самостоятельно их перерабатывал[41]. Поэтому думается, что предоставление Сергесту «второго шанса» после поражения в регате и его последующая относительно благополучная судьба свидетельствуют о том, что для Вергилия наказание Катилины, которое мы встречаем в VIII книге, индивидуально и не распространяется на весь род. Таким образом поэт словно отделяет Катилину от остальных Сергиев, что, на наш взгляд, можно рассматривать как своего рода литературную полемику с Ливием и попытку вернуть Сергиям доброе имя на фоне окончания эпохи гражданских войн и установления долгожданного мира в государстве.

Подведём итоги. Поскольку «Энеида» – произведение многослойное, образ Катилины не поддаётся однозначной трактовке и его можно интерпретировать по-разному. Вполне очевидно лишь то, что для Вергилия он является злодеем и ассоциируется с гражданскими смутами, однако, в отличие от некоторых других античных авторов, поэт, как представляется, не переносит вину за его деяния на весь его род, а, напротив, «наказывает» лишь непосредственного виновника. Пример же Сергеста, по-видимому, должен был показать, что его потом-

---

[38] *Urso G.* Op. cit. P. 141.

[39] Подробный анализ встречающихся у Ливия упоминаний о представителях рода Сергиев см.: *Urso G.* Op. cit. P. 128–133 (с указанием источников). Из него также видно, что рассмотренные сюжеты повторяются в текстах более поздних античных авторов.

[40] Римская история Ливия начала выходить как раз в то время, когда Вергилий работал над поэмой: *Тронский И.М.* История античной литературы. М., 1983. С. 364. Не исключено, что при написании VIII книги «Энеиды» поэт мог опираться на первые пять книг Ливия: *Woodman A.J.* Op. cit. P. 132–145; *Harrisson S.J.* Op. cit. P. 71.

[41] *Альбрехт М. фон.* История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на последующие эпохи / Пер. с нем. А.И. Любжина. М., 2004. Т. II. С. 744.

ки, несмотря на отдельные заблуждения, вполне могут быть добрыми гражданами и так же верно служить государству, как троянский герой – своему предводителю.

Литература:

Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на последующие эпохи / Пер. с нем. А.И. Любжина. М., 2004. Т. II.

Тронский И.М. История античной литературы. М., 1983.

Anderson C.A., Dix T.K. Vergil at the Races: The Contest of Ships in Book 5 of the Aeneid // Vergilius. 2013. Vol. 59. P. 3–21.

Berry D.H. The Criminals in Virgil's Tartarus: Contemporary Allusions in Aeneid 6.621–4 // ClQ. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 416–420.

Davis H.H. Catiline Lived On // The Classical Outlook. 1957. Vol. 35. No. 3. P. 29–31.

Davison B. Sergestus, called Sergius // Society for Ancient Numismatics. 1969. Vol. 1. № 1. P. 12–13.

Eden P.T. A Commentary on Virgil: Aeneid VIII. Cambr., 1975.

Feldherr A. Ships of State: «Aeneid» 5 and Augustan Circus Spectacle // Classical Antiquity. 1995. Vol. 14. No. 2. P. 245–265.

Fratantuono L.M., Alden Smith R. Virgil, Aeneid 8: Text, Translation, and Commentary. Leiden; Boston, 2018.

Gossrau G.W. Publii Vergilii Maronis Aeneis. Quedlinburg; Leipzig, 1846.

Grandsen K.W. A Commentary // Virgil. Aeneid. Book VIII. Cambr., 2003.

Guillemin A.M. Virgile, poète, artiste et penseur. P., 1951.

Virgil. Critical Assessments of Classical Authors / Hardie Ph.R. (ed.). Vol. IV: The Aeneid (continued). N. Y., 1999.

Harrison S.J. The Survival and Supremacy of Rome: The Unity of the Shield of Aeneas // JRS. 1997. Vol. 87. P. 70–76.

Henry J. Aeneidea. Vol. III. Dublin, 1889.

Horsfall N. Virgil, «Aeneid» 6: A Commentary. B.; Boston, 2013.

Kananack C.H.E. Reconsidering «The Conspiracy of Catiline»: Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust. PhD Diss. Exeter, 2012.

Klotz A. Sergestus // RE. 1923. II. R. Hbd. 4. Sp. 1683.

Maclennan K. Virgil: Aeneid VIII. L.; N.Y., 2017.

Muse K. Sergestus and Tarchon in the «Aeneid» // ClQ. 2007. Vol. 57. No. 2. P. 586–605.

Paschalis M. Virgil's Aeneid: Semantic Relations and Proper Names. N.Y., 1997.

Rhiannon A. Ancient Historical Battle Narratives and the Epic Tradition // Clio and the Poets: Augustan Poetry and the Traditions of Ancient Historiography. Leiden; Boston; Köln, 2002.

Savage J.T. Catiline in Vergil and in Cicero // CJ. 1941. Vol. 36. No. 4. P. 225–226.

Schmal S. Sallust. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2001.

Smith A. Poetic Allusion and Poetic Embrace in Ovid and Virgil. Ann Arbor, 1997.

Syme R. Sallust. Berkeley etc., 1964.

Thiel C. Publii Virgilii Maronis Aeneis: mit Erläuterungen den Gymnasialzwecken und Besonders der Beförderung der Privatlectüre auf Gymnasien bestimmt. Tl. 2. B., 1838.

Urso G. La gens «Sergia» e gli antenati di Catilina // Aevum. 2015. Anno 89, Fasc. 1. P. 125–141.

Wiseman T.P. Lucretius, Catiline and the Survival of Prophecy // Historiography and Imagination: Eight Essays on Roman Culture. Exeter, 1999.

Woodman A.J. Virgil the historian: Aeneid 8.626–62 and Livy // Diggle J., Hall J.B., Jocelyn H.D. (eds.). Studies in Latin Literature and its Tradition in Honour of C.O. Brink. Cambridge Philological Society suppl. 1989. Vol. 15.

Е.В. Смыков

ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА М. ЛИЦИНИЯ КРАССА: КАМПАНИЯ 53 Г. ДО Н.Э.

Аннотация: в статье рассматривается ряд дискуссионных вопросов, связанных с парфянским походом М. Лициния Красса. Сделана попытка показать, что Красс в целом достаточно грамотно руководил действиями своей армии, и далеко не сразу утратил руководство ею. Его главная ошибка была общей для римлян, которые недооценивали возможности конных лучников. Именно блестяще осуществленное комбинированное использование конных лучников и тяжелой конницы обеспечило парфянам победу при Каррах. Вместе с тем значение этой победы не стоит переоценивать. Она не привела к кардинальной перестройке международных отношений на Востоке. А лозунг «месть за Крассса» приобретает актуальность лишь через полтора десятилетия после его гибели.

Ключевые слова: Красс, Карры, Сурена, римляне, парфяне, конные лучники, «месть за Красса».

Abstract: the article discusses a number of issues related to the Parthian campaign of M. Licinius Crassus. An attempt was made to show that Crassus, on the whole, was quite competent in directing the actions of his army, and he did not immediately lose his leadership. His main mistake was common to the Romans, who underestimated the capabilities of horse archers. It was the brilliantly realized combined use of horse archers and heavy cavalry that ensured the Parthians victory at Carrah. However, the significance of this victory should not be overestimated. It did not lead to a radical restructuring of international relations in the East. And the slogan "revenge for Crassus" becomes relevant only a decade and a half after his death.

Keywords: Crassus, Carrah, Surena, Romans, Parthians, horse archers, «revenge for Crassus».

В одной из своих статей Джусто Трайна подчеркивает, что историки, как правило, доверяют тому изображению парфянской войны М. Красса, которое дает нам античная традиция; однако почти все античные письменные источники содержат карикатурный образ римского полководца[1]. Действительно, в них, как правило, подчеркиваются его алчность, неумеренная жажда славы, плохое планирование военных действий и т.п. и через призму этих качеств дается оценка всем его действиям. К этим оценкам, восходящим к античной традиции, добавляются современные, вписывающие поражение при Каррах во всемирно-исторический контекст, многовековое противостояние Востока и Запада. Это тоже сказывается на репутации Красса как человека, по чьей вине это поражение случилось. Между

[1] *Traina G.* Imperial Views on the Battle of Carrhae // War in Words. Transformations of War from Antiquity to Clausewitz / M. Formisano and H. Böhme (eds.). B.; N.Y., 2011. P. 211.

тем источники позволяют дать иную оценку и личности командующего, и самому событию. Попытаемся рассмотреть факты, избегая, насколько это возможно, предвзятых оценок

Итак, весной 53 г.[2], в конце апреля или начале мая по юлианскому календарю, Красс двинул свою армию против Парфии. Относительно размеров этой армии данные источников сильно расходятся. Аппиан мимоходом говорит о стотысячной римской армии, которая почти вся погибла (BC. II.18.66); Флор говорит об одиннадцати легионах (I.46.2), т.е. приблизительно о 55 тыс. чел. Плутарх информирует нас наиболее детально: «он двинулся вдоль реки с семью легионами, без малого четырьмя тысячами всадников и легковооруженными в числе, приблизительно равном числу всадников» (Crass. 20.1)[3]. Таким образом, численность армии определяется на основании этих данных примерно в 42–43 тыс. чел.[4]

Эти расчеты исходят из того, что в легионе в то время было в среднем 5 тыс. чел., но при этом у нас нет ответа на вопрос, насколько эти легионы были укомплектованы. Учитывая трудности с набором, которые были у Красса в Италии[5], вряд ли они достигали полной численности. Кроме того, в гарнизонах в Месопотамии было оставлено 7 тыс. легионеров и тысяча всадников (Plut. Crass. 17.7), и на момент похода они все еще там находились (ibid. 19.3). Если принять эту поправку, то общая численность получается меньше, в лучшем случае, 34–35 тыс. чел.[6]

---

[2] Здесь и далее все даты до н.э.

[3] Здесь и далее биография Красса цитируется в переводе В.В. Петуховой, «Римская история» Кассия Диона – в переводе автора.

[4] См., напр.: *Drumann W, Groebe P.* Geschichte Roms in seinem Übergange von republicanischen zur monarchischen Verfassung. Leipzig, 1910. Bd. 4. S. 112 (семь легионов, 4 тыс. легкой пехоты и столько же конницы); *Rawlinson G.* The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia. N.Y., 1873. P. 156; *idem.* The Story of Parthia. N.Y., 1893. P. 174 («более 40 тыс. человек»); *Sykes P.M.* A History of Persia. L., 1915. Vol. 1. P. 375; *Debevoise N.C.* A political history of Parthia. Chicago, 1938. P. 83; *Gutschmid A. von.* Geschichte Irans und seine nachbarländer von Alexander der Grosse bis zum Untergang des Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 88; *Sampson G.C.* The Defeat of Rome in the East. Crassus, the Parthians and the Disastrous battle of Carrhae 53 BC. Philadelphia, 2008. P. 108 (42 тыс. пехоты + 4 тыс. конницы); *Sheldon R.M.* Intelligence Activities in Ancient Rome. L., 2005. P. 90; *eadem.* Rome's war in Parthia: blood in the sand. L., 2010. P. 33–34; *Farrokh K.* Shadows in the Desert. Ancient Persia at war. Oxf., 2007. P. 136 (42 тыс. пехоты + 4 тыс. конницы); *Schippmann K.* Gründzuge der partischen Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 38; *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 50; etc.

[5] *Смыков Е.В.* Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н.э. // IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. Казань, 2017. С. 291.

[6] *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1. С. 356; *Tarn W.* Parthia // CAH. 1932. Vol. 9. P. 608; *Bivar A.D.* The political history of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. 3/1. P. 52.

Войско переправилось через Евфрат у Зевгмы – города, который был основан Селевком Никатором, родоначальником династии Селевкидов, в том месте, где эту реку перешла армия Александра Великого. Это была старинная переправа[7], так что начало похода было вполне традиционно.

Плутарх в своем рассказе об этой переправе нагнетает драматизм, перечисляя многочисленные зловещие знамения, сопровождавшие переправу (Plut. Crass. 19.5–10). Безусловно, его повествование содержит рациональное зерно – переправа сопровождалась сильной бурей, в связи с которой о знамениях говорится и у Кассия Диона: «Одно знамение имело место с так называемым «орлом» армии. <…> …Один из этих-то орлов не хотел присоединяться к Крассу в его переправе за Евфрат, но прочно держался в земле, как если бы рос из нее, до тех пор, пока многие не столпились вокруг него и не вырвали его силой. И он последовал за армией, хотя и против своей воли, а один из больших флагов, похожих на паруса, с пурпурными буквами на нем для обозначения армии и ее главнокомандующего, был опрокинут и упал с моста в воду. Случилось это во время порывов ужасного ветра. Тогда Красс обрубил другие древки, которые все были одинаковой длины, чтобы они стали короче и их было удобнее нести, но этим поступком он только увеличил количество знамений. И во время переправы через реку солдат окутал такой сильный туман, что они натыкались один на другого и не могли ничего видеть во враждебной стране до тех пор, пока не вступили в нее. И жертвоприношения были самые неблагоприятные как для переправы, так и для высадки на берег. Тем временем на них обрушился сильный ветер, упали стрелы молний, и мост разрушился до того, как переправились они все» (Cass. Dio. XL.18.1–5). Все эти явления – и упавшая в воду лошадь, и опрокинутый вексиллум, и сильный туман, и разрушенный мост[8] – вполне естественны для сильной непогоды; но, конечно же, впоследствии, после поражения, они должны были приобрести совершенно иное звучание. В этом смысле интересно, как именно передаёт Плутарх речь полководца, которая более полно воспроизведена Кассием Дионом: «“Не унывайте, воины, оттого, что разрушился мост, и не думайте из-за этого, что нам возвещено какое-то несчастье. Ведь я клятвенно обещаю вам, что решил совершить обратный марш через Армению”. Этим он ободрил бы их, если бы не прибавил громким голосом таких слов: “Будьте смелы! Ведь ни один из нас не вернется этим путем”» (Cass. Dio. XL.19.1–2). Из этой речи, в которой Красс приоткрывал воинам часть своего стратегиче-

---

[7] Переправа у Зевгмы часто упоминается у античных авторов. См. подборку соответствующих материалов: *Kennedy D.L., Burgess R.* Ancient sources for Zeugma (Seleucia-Apamea) // Kennedy D.L. et al. The twin towns of Zeugma on the Euphrates: rescue work and historical studies. Portsmouth RI, 1998 (Journal of Roman archaeology. Supplementary series. No. 27). P. 139–162.

[8] Кстати, Плутарх приводит две разные версии разрушения моста – сперва говорит о буре, которая его разметала (Crass. 19.4), а затем Красс заявляет, что он приказал разрушить мост (19.7).

ского замысла, планы возвращения другим путем[9], у него остаётся только заключительная часть: «…сказал, что мост через реку он приказывает разрушить, дабы никто из солдат не вернулся назад» (Plut. Crass. 19.7). Будучи вырванными из контекста, эти слова и действительно звучат как грозное предзнаменование, что служит созданию необходимого Плутарху трагического колорита всего повествования[10].

Описание следующих дней похода строится по схеме: Крассу дают мудрые советы, но он их не слушает, идет вперед, доверяя не своему штабу, а предателю-проводнику Абгару. В роли советчика, как правило, выступает Г. Кассий, будущий убийца Цезаря, а пока квестор в армии Красса. Он упоминается, как один из командиров, которые настаивали перед походом на созыве военного совета (18.4), затем советует сделать остановку в одном из занятых в прошлом году городов, произвести разведку, и, если она не даст результатов, двигаться вдоль реки (20.4). Кассий пытается убедить Красса отвергнуть рекомендации Абгара, а прислушаться к советам царя Армении Артавазда (22.3), и он же предлагает перед битвой построение, которое исключало обход римлян с флангов, и Красс сперва соглашается с этим, но затем решает построить легионы в каре, что и предопределило их дальнейшую судьбу (23.3-4). Наконец, после поражения он (вместе с легатом Октавием) пытается вернуть мужество упавшему духом Крассу (27.7), ведет переговоры с Суреной (28.4-6), и в конце концов из-за недоверия к проводникам покидает Красса, возвращается в Карры, а оттуда в Сирию (29.4). Однако у Кассия Диона в рассказе о походе он упоминается только на завершающем этапе, в связи с якобы бывшей попыткой воинов передать ему командование и его уходом в Сирию[11].

Конечно, в какой-то степени этот акцент на разумные предложения Кассия отражает литературный замысел Плутарха: как отмечает А.В. Задорожный, образ «мудрого советника» прочно укоренен в античной литературной традиции. Что касается самого Красса, то его «трагическое безрассудство … заключается главным образом в его самоуверенности и отсутствии здравого смысла и ответственности»[12]. Однако в основе такого противопоставления разумности Кассия и безрассудства Красса лежит то, что, как в общем признают исследователи, херонейский биограф опирался здесь, прямо или через чье-то изложение, на рассказ самого Г. Кассия. Будучи единственным оставшимся в живых офицером из штаба Красса, он, естественно,

---

[9] *Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 295.

[10] А.В. Задорожный отмечает, что первая переправа через Евфрат, в 54 г., описана кратко, поскольку не имела роковых последствий, а на сей раз римляне преодолевают водную преграду на пути к катастрофе, и потому все изображается в особенно зловещем свете (*Zadorojniy A.V.* Tragedy and Epic in Plutarch's "Crassus" // Hermes. 1997. Bd. 125/2. P. 175).

[11] Cass. Dio. XL.25.4; 28.2 (при рассказе об отражении парфянского вторжения).

[12] *Zadorojniy A.V.* Op. cit. P. 173–174 + note 29.

изобразил события в наиболее благоприятном для себя свете, что делает его версию событий, мягко говоря, весьма сомнительной[13].

Таким образом, история об изначально неразумном поведении Красса покоится на тенденциозном источнике, что, разумеется, не отрицает ни его отдельных ошибок, ни военных талантов Кассия. Для выбора пути у Красса были серьезные основания.

Первое и самое очевидное из них приводит уже Плутарх: в Месопотамии «оставлено много храбрых римских воинов» (πολλοὺς καὶ ἀγαθοὺς Ῥωμαίων ἄνδρας ἐπέλιπεν)[14]. К этому основному соображению можно добавить, что путь через Армению отнюдь не был «стратегически оптимальным путем», как его именует А.П. Беликов[15]. Выигрывая в безопасности, Красс сильно проигрывал во времени, поскольку дорога была существенно длиннее. Это создавало риск парфянского удара по оставшейся без защиты Сирии[16], а сам Красс оказался бы отрезан от своей базы и зависим от довольно ненадежного союзника[17]. Наконец, не стоит забывать, что в начале 53 г. мятежный Митридат еще удерживал Селевкию, и движение Красса на соединение с ним было вполне естественным[18].

---

[13] *Sampson G.C.* Op. cit. P. 117, 190; *Frendo D.* Roman expansion and the Graeco-Iranian World: Carrhae, the Expansion and Aftermath in Plutarch // Bulletin of Asia Institute. 2007. Ser. New. Vol. 17. P. 73. Сомнения в достоверности сообщений о роли Кассия в походе, опирающихся на его собственное донесение, высказывались уже давно (*Gelzer M.* M. Licinius Crassus Dives (68) // RE. 1926. Hbd. 24. Sp. 328; *Timpe D.* Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae // Museum Helveticum. 1962. Vol. 19. S. 109–110. Anm. 37). Однако до сих пор единства мнений нет, и в ряде работ эти данные принимаются без критики. См., напр.: *Dettenhofer M.H.* Perdita iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992. S. 125; *Sheldon R.M.* Rome's war... P. 34-36.

[14] Plut. Crass. 19.3. Это объяснение принимают: *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 49; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. P. 286. П. Грёбе указывает, что в Месопотамии находилась примерно пятая часть армии Красса (*Drumann W, Groebe P.* Op. cit. S. 111. Anm. 5). Дж. Роулинсон и Н. Дибвойз подчеркивают, что у Красса не было другого выбора – бросить на произвол судьбы гарнизоны он не мог (*Rawlinson G.* The sixth… P. 155; *Debevoise N.C.* Op. cit. P. 82).

[15] *Беликов А.П.* Парфянский поход Красса: военно-технический аспект // Para bellum. 2001. № 12: Война и военное дело в античности. С. 43; *он же.* Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 305.

[16] *Drumann W, Groebe P.* Op. cit. S. 111. Anm. 5.

[17] *Tarn W.* Op. cit. P. 607; *Marshall B.A.* Crassus. A Political Biography. Amsterdam, 1976. P. 153.

[18] Как указывает А. Бивар, в настоящее время принято считать, что взятие Селевкии Суреной от битвы при Каррах отделяют лишь несколько недель (*Bivar A.D.H.* Op. cit. P. 49). П. Арну допускает возможность того, что к моменту парфянского посольства к Крассу новость о падении Селевкии еще не дошла до римлян (*Arnaud P.* Les guerres parthiques de Gabinius et de Crassus et la politique occidentale des Parthes Arsacides entre 70 et 53 av. J.-C. // Electrum. 1998. Vol. 2. P. 30), но это вряд ли значительно смещает дату падения Селевкии, она остается в пределах первых месяцев 53 г.

Вину за него они дружно возлагают на правителя Осроены Абгара. Если отвлечься от художественных подробностей, то дело выглядело так. Абгар, который в свое время оказал помощь Помпею и был провозглашен «другом и союзником римского народа», «человек ловкий и коварный» (Plut. Crass. 21.1: δολερὸς καὶ παλίμβολος ἀνὴρ), теперь явился к Крассу. Он превозносил Помпея как своего благодетеля, снабжал Красса деньгами, давал ему советы. Но на самом деле он был подослан парфянами с целью заманить Красса в ловушку и потому старался отвратить его от правильных решений и внушить ему неправильные (Plut. Crass. 21; Cass. Dio. XL.20.2–4; 21.1). Кассий Дион рассказывает даже, что во время сражения Абгар ударил по легионам Красса с тыла (Cass. Dio. XL.23.1). Однако главная вина Абгара, с точки зрения этих авторов, состояла в том, что он увёл Красса от безопасной дороги вдоль Евфрата в глубь страны. «Если ты намерен сразиться, – говорил он, – следует поспешить, пока царь не собрал в одно место все свои силы, потому что теперь против вас брошены только Сурена и Силак с наказом отвлечь на себя ваше внимание, самого же царя нигде не видно» (Plut. Crass. 21.4). Нечто подобное сообщает и Кассий Дион: «Абгар убедил его отказаться от этого пути (т.е. от пути на Селевкию и Ктесифон. – *Е.С.*), поскольку он занял бы долгое время, и посоветовал ему атаковать Сурену, потому что последний был неподалеку и имел лишь немного людей» (Cass. Dio. XL.20.4). Итак, нас хотят убедить в том, что, не прислушавшись к мнению своего штаба, Красс слепо доверился варвару. Особым правдоподобием эта версия не отличается.

Что касается Абгара, то причин для измены, которую ему приписывают и многие современные исследователи[19], у него не было. Напротив, союз с римлянами давал ему определённую гарантию независимости, поскольку его княжество имело выгодное стратегическое положение и давно привлекало к себе взоры сильных соседей, Армении и Парфии. Кроме того, мы знаем из сирийских источников, что уже в том же 53 г. Абгар был свергнут парфянами[20], что тоже не укладывается в картину предательства: если бы всё было так, как нам рассказывают, он был вправе ожидать от парфян награды за верную службу[21]. Так что, по-видимому, дело обстояло иначе, и основанием для обвинений в измене послужило то, что он покинул римскую армию, когда понял, что она обречена на поражение. Мнение же о том, что Крассу следовало идти безопасной дорогой, скорее всего, возникло post factum. Целью Красса было не уклонение от встречи с парфян-

---

[19] См., напр.: *Gelzer M.* Op. cit. Sp. 325; *Bivar A.D.H.* Op. cit. P. 53; *Sheldon R.M.* Rome's war… P. 30. А.Н. Шервин-Уайт и Т. Вайзман вообще принимают за истину рассказ Кассия Диона о том, что Абгар ударил римлянам в спину (*Sherwin-White A.N.* Op. cit. P. 289; *Wiseman T.P.* Caesar, Pompey and Rome, 59–50 B.C. // CAH². 1992. Vol. 9. P. 403).

[20] *Segal J.B.* Edessa 'The Blessed City'. Oxf., 1970. P. 10–12; *Ball W.* Rome in the East. The transformation of an empire. L.; N.Y., 2000. P. 90, 464 (note 244).

[21] *Sheldon R.M.* Rome's war… P. 46. Note 43.

ской армией, а, наоборот, её разгром[22]. В этом смысле стремление разбить Сурену и Силака до того, как подойдёт Ород, было вполне рациональным. Именно поэтому Красс повернул от реки и двинулся на сближение с врагом.

Этот поход Плутарх описывает самыми мрачными красками: «Варвар …вел римлян по равнине – дорогой, сначала удобной и легкой, а затем крайне тяжелой: на пути лежали глубокие пески, и трудно было идти по безлесным и безводным равнинам, уходившим из глаз в беспредельную даль. Воины не только изнемогали от жажды и трудностей пути, но и впадали в уныние от безотрадных картин: они не видели ни куста, ни ручья, ни горного склона, ни зеленеющих трав – их взорам представлялись морю подобные волны песков, окружавшие войско со всех сторон». Этот путь вызывал недовольство Кассия, который говорил Абгару, что тот ведёт римлян «путем, приличествующим скорее главарю разбойничьей шайки кочевников, чем римскому полководцу»[23].

Отдельным деталям этого рассказа можно поверить – действительно, путь проходил в непривычных для воинов природных условиях, но в целом рассказ слишком драматичен. Кассий Дион уделяет гораздо меньше внимания тяготам похода, отмечая, что парфяне смогли до поры до времени укрываться от римлян – местность была местами холмистая, и леса там были (Cass. Dio. XL.21.2). В любом случае, Абгар вёл легионы не по неизвестной местности, а по магистральному караванному пути с оазисами и небольшими поселениями, предназначенными для снабжения арабских торговцев и верблюдов в их караванах[24], не удаляясь на значительное расстояние от бассейнов рек, причём это движение было прикрыто римскими гарнизонами расположенных неподалёку месопотамских городов[25]. Это вовсе не было безрассудное стремление в пасть врага… Вот только врага этого римский полководец, как, впрочем, и члены его штаба, представляли себе весьма смутно.

---

[22] *Sampson G.C.* Op. cit. P. 110.

[23] Плутарх, среди прочего, рассказывает: «А лукавый варвар униженно просил и уговаривал потерпеть еще немного, а над воинами, идя рядом и оказывая им помощь, подшучивал и говорил со смехом: “Вы, должно быть, воображаете себя шагающими по родной Кампании, если так тоскуете по воде ключей и ручьев, по тени деревьев, по баням и гостиницам, забывая, что вы уже переступили границы арабов и ассирийцев!”» (Plut. Crass. 22.4). Этот рассказ явно демонстрирует, насколько широко Плутарх пользовался вымыслом. Даже если допустить, что на трудных участках пути Абгар мог взывать к терпению и, возможно, грубовато подшучивал над воинами, сам собой возникает вопрос: а на каком языке он мог это делать. Да и его напоминания о Кампании кажутся более чем сомнительными: откуда арабский князек мог знать географию Италии?

[24] *Sheldon R.M.* Intelligence Activities… P. 91. Естественно, это не означает, что путь был легким. Ф. Штарк справедливо замечает по этому поводу, что путь «был достаточно хорош для верблюдов, но не для пехоты» (*Stark F.* Rome on the Euphrates. The story of a frontier. N.Y., 1966. P. 117).

[25] *Sampson G.C.* Op. cit. P. 110.

Военная сторона похода изучена достаточно хорошо[26], однако при этом следует еще раз подчеркнуть ряд аспектов. Прежде всего, как оценивать действия самого Красса при известии о близости неприятеля? Первоначально он (если верить Плутарху, то по совету Г. Кассия) построил войска, растянув их по равнине на возможно большее расстояние и прикрыв фланги конницей, но затем отказался от этого решения. Согласно Плутарху, он «сомкнув ряды, построил войско в глубокое каре, причем с каждой стороны выставил по двенадцати когорт, а каждой когорте придал по отряду всадников, дабы ни одна из частей войска не осталась без прикрытия конницы и можно было бы ударить на врага в любом направлении, не страшась за собственную безопасность» (Plut. Crass. 23.3–4). Впрочем, это описание не вполне точно. Каре представляло собой не квадрат, а прямоугольник, на боковых сторонах которого находилось по 10 когорт (т.е. по одному легиону; Плутарх говорит о 12 когортах, т.к. посчитал также крайние когорты передней и задней линий), а переднюю и заднюю линию составляли по 25 когорт, т.е. по 2 ½ легиона[27]. В центре четырёхугольника находились штаб и обоз. Одним из флангов командовал Кассий, другим – П. Красс, центр возглавлял сам главнокомандующий.

Рассказ этот, несомненно, опирается на сообщение Кассия и строится «от обратного»: построение, избранное Крассом, привело войско к катастрофе, значит, первый вариант был лучше. Однако свои резоны для изменения боевого порядка у Красса были: вероятно, он посчитал растянутый строй слишком рискованным, а потому перестроил войска более компактно. Можно согласиться с Г. Сэмпсоном: новое построение, распределявшее силы римлян равномерно и лишавшее противника возможности использовать слабые участки для прорыва строя, демонстрирует ту осторожность, которой был известен Красс[28]. Если бы боевые действия развивались по привычному сценарию, это был бы вполне надежный строй, и начало сражения это подтвердило.

Согласно рассказу Плутарха, парфяне начали сражение со своего рода «психической атаки»: они «воодушевляя себя перед боем, не трубят в рога и трубы, а поднимают шум, колотя в обтянутые кожей полые инструменты, которые обвешиваются кругом медными погремушками. Эти инструменты издают какой-то низкий, устрашающий звук, смешанный как бы со звериным ревом и раскатами грома» (Plut. Crass. 23.9). Такая тактика играла в действиях парфян очень важную роль – она обеспечивала сильное психологическое воздействие на врага еще до сражения[29]. Музыкальные инструменты, которые описывает

---

[26] Классические работы: *Regling K.* Crassus' Partherkrieg // Klio. 1910. Bd. 7. S. 357–394; *Smith F.* Die Schlacht bei Carrhä // Historische Zeitschrift. 1916. Bd. 115/2. S. 237-262.

[27] *Drumann W, Groebe P.* Op. cit. S. 115–116. Anm. 4.

[28] *Sampson G.C.* Op. cit. P. 126.

[29] *Никоноров В.П.* Парфянские литавры // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 170; *Nikonorov V.P.* The Use of Musical Percussion Instruments in Ancient Eastern Warfare: the Parthian and Middle Asian Evi-

Плутарх, это, по-видимому, большие литавры, которые перевозили на верблюдах[30]. Их гул был непривычен римлянам, которые не пользовались в боевых условиях ударными инструментами, и потому внушал иррациональный страх; затем, к страху, вызываемому слуховыми ощущениями, должен был добавиться новый – вид катафрактов, сбросивших с доспехов покровы и засиявших своими доспехами (Plut. Crass. 24.1). Эта сверкающая лавина устремилась на строй римских легионов, однако первый удар парфянских катафрактов был успешно отражен (ibid. 24.2).

Настоящая проблема для римлян заключалась в конных лучниках, роде войск, с которым им до того практически не приходилось сталкиваться, или, если быть более точным, не приходилось сталкиваться с его массовым использованием. Какова была интенсивность обстрела, можно только догадываться. По примерным расчётам, всадник выпускал 8–10 стрел в минуту, т.е. опустошал свой запас за несколько минут. За 20 минут боя он выпускал порядка 160–200 стрел, а это значит, что 10 тыс. всадников за это время выпустили около 1,6–2 млн. стрел![31] Конечно, цифра эта завышена, и достаточно сильно, но, в любом случае, интенсивность обстрела была такой силы, которую римляне ранее просто не могли себе представить. Войска Красса оказались бессильны противостоять этим неуловимым всадникам; по выразительной характеристике Г. Ферреро (правда, данной уже в связи с поражением Антония), «легион был могущественным орудием войны, подобным палице, но можно ли палицей перебить рой пчел?»[32].

При этом следует учитывать, что, как убедительно показал В.П. Никоноров, причину неудачи Красса нельзя свести к действиям только конных лучников или только катафрактов. Первые не имели оружия ближнего боя и не могли противостоять римской пехоте при контратаке; вторые были малочисленны и неповоротливы, что в условиях неблагоприятно складывавшегося боя грозило катастрофой. Поэтому успешный исход сражения решила точная скоординированность действий обоих родов конницы[33].

Отметим, что этот успех не означал полного разгрома армии Красса. При всех ужасающих потерях, к вечеру в ней оставалось 20–25 тыс. бойцов, а сам Красс далеко не сразу утратил контроль над ней. Даже Плутарх, при всей своей недоброжелательности по отношению к Крассу, вынужден признать, что в критической ситуации он мужественно вел себя до самого вечера, и даже гибель сына не

---

dence // Studien zur Musikarchäologie. II: Musikarchäologie früher Metallzeiten. Vorträge des 1. Symposiums der International Study Group on Music Archaeology im Kloster Michaelstein, 18.–24. Mai 1998. Rahden, 2000. P. 74.

[30] *Никоноров В.П.* Парфянские литавры… С. 170.

[31] *Farrokh K.* Op. cit. P. 133 (со ссылками на литературу).

[32] *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. СПб., 1997. Кн. 2. С. 225.

[33] *Никоноров В.П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 57.

лишила его присутствия духа[34]. Была ли деморализована понесенными потерями армия? Об этом судить сложно. Во всяком случае, римское каре выдержало натиск парфян, и полностью уничтожить противника Сурене не удалось[35].

Гораздо сложнее понять, что произошло, когда парфяне отошли на ночлег. Описывая вечер и ночь после битвы, Плутарх говорит об апатии полководца, указывая в то же время, что «воины все же хотели видеть его и слышать его голос». В этих условиях, по его словам, инициативу взяли на себя квестор Кассий и легат Октавий, которые и созвали военный совет, принявший решение об отступлении (Plut. Crass. 27.7). Конечно, чисто психологически можно понять подавленное состояние Красса, отца, потерявшего сына, и полководца, проигравшего большое сражение. Однако в изложении Плутарха все выглядит слишком литературно, полководец, который «закутавшись, лежал в темноте, служа для толпы примером непостоянства судьбы, для людей же здравомыслящих – примером безрассудного честолюбия», очень выразительно контрастирует с воинами, которые хотят его видеть, несмотря на поражение[36]. Кроме того, о какой-либо роли Кассия сообщает, как уже говорилось, только Плутарх; а вот Кассий Дион, хотя позже и упоминает, что Красс пал духом (Cass. Dio. XL.25.3), не сообщает ничего подобного, а просто говорит, что Красс и те, кто был в состоянии двигаться, выступили в Карры (ibid. 26.1).

Итак, день закончился поражением, но не катастрофой. Оставшиеся у римлян силы были достаточно велики и находились под за-

---

[34] Plut. Crass. 26.6–9. Конечно, приводимая Плутархом речь слишком пространная и риторически оформленная, но, во всяком случае, некоторые моменты в ней вполне вероятны – указание на то, что гибель Публия является личным горем самого Красса, призывы к отмщению и стойкости. Г. Сэмпсон справедливо указывает на то, что до этой речи Плутарх изображал Красса исключительно в негативном свете, поэтому вряд ли он выдумал речь, показывающую его мужество, полностью; ее общее содержание могли донести те воины, которые уцелели в битве (*Sampson G.C.* Op. cit. P. 134). Что касается слов, произносимых парфянами в адрес римлян, которые также приводит херонейский историк (Plut. Crass. 26.4), то вряд ли сказано было именно это, для пышных речей просто было не место, но то, что в адрес римлян летели оскорбления (скорее всего, в основном для них непонятные в силу языкового барьера), не вызывает сомнений.

[35] *Sampson G.C.* Op. cit. P. 134.

[36] Кстати, подобный же контраст присутствует в биографии Антония, где описывается, как после того, как он устремился за Клеопатрой в Египет, «воины тосковали по Антонию и всё надеялись, что он внезапно появится, и выказали при этом столько верности и мужества, что даже после того, как бегство их полководца не вызывало уже ни малейших сомнений, целых семь дней не покидали своего лагеря, отвергая все предложения, какие ни делал им Цезарь» (Plut. Ant. 68.4. Здесь и далее биография Антония цитируется в переводе С.П. Маркиша). Повествование и здесь окрашено в романтический цвет, но все было гораздо прозаичнее: легионы старались выторговать более выгодные условия при переходе на сторону победителя (*Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 132).

щитой городских стен, получив, таким образом, некоторую передышку. О дальнейшем, как всегда, наши основные источники повествуют по-разному. Плутарх дает развернутое повествование о том, как Сурена, предложив пойти на переговоры, сначала убедился, что Красс находится в Каррах, а затем подошел к городу со всем войском и начал требовать его выдачи; тогда Красс решил ночью покинуть город (Plut. Crass. 28.3–29.3). Кассий Дион передает гораздо менее динамичную версию, согласно которой «павший духом Красс посчитал, что не может быть в безопасности даже оставаясь в городе, и потому задумал немедленное бегство», но, так было полнолуние, остался в городе еще на некоторое время, дожидаясь безлунных ночей (Cass. Dio. XL.25.3–4).

Полного доверия не заслуживает ни одна из этих версий. Прежде всего, возникает вопрос: насколько долго Красс оставался в Каррах? Расчеты, основанные на астрономических данных, приводимых в источниках (полнолуние в сообщении Диона и упоминание луны, которая находится в созвездии Скорпиона, в совете араба-проводника Кассию [Plut. Crass. 29.4])[37], позволяют приблизительно определить, что его пребывание там длилось примерно от двух до пяти дней[38]. Этот срок вполне приемлем. С одной стороны, армия должна была получить отдых, с другой – довольно быстро покинуть город, так как обороняться в Каррах было невозможно в силу отсутствия здесь запасов продовольствия[39]. Поэтому решение покинуть Карры было вполне разумным; в сущности, Красс пытался совершить те же самые действия, которые через семнадцать лет спасли армию Марка Антония[40]. Если судьба армии Красса была иной, то причиной во многом был субъективный фактор – предательство Андромаха, жителя Карр, который служил проводником (Plut. Crass. 29.3–4)[41]. К этому добавилось то, что отступление происходило в ночное время, что вело к неизбежной несогласованности в продвижении войск. Итогом этого было то,

---

[37] *Groebe P.* Der Schlachttag von Karrhae // Hermes. 1907. Bd. 42. S. 315–322; *Regling K.* Op. cit. S. 388–389.

[38] *Regling K.* Op. cit. S. 389.

[39] *Marshall B.A.* Crassus. A Political Biography. Amsterdam, 1976. P. 159; *Sampson G.C.* Op. cit. P. 139. На возможную помощь, которая могла прийти из Армении, намекает Плутарх (Crass. 29.2), однако здесь он сам противоречит себе, поскольку ранее говорил о том, что Артавазд не может выступить, так как ведет борьбу с парфянами (22.2).

[40] Plut. Ant. 41.1: «Антоний решил было возвращаться тем же путем – безлесным и равнинным, но один из его людей, родом мард, …пришел к нему с советом держаться ближе к горам, которые поднимались по правую руку, и не подставлять тяжелую пехоту на открытой равнине под удар огромной конницы и ее луков».

[41] В этом случае рассказ о предательстве достоверен: Андромах в дальнейшем при поддержке парфян стал тираном в Каррах и был убит своими согражданами за жестокость (Nic. Dam. fr. 88).

что Красс с 500 всадниками ушел в Сирию[42], Октавий примерно с 5 тыс. воинов к утру вышел на возвышенности, которые служили спасением от вражеской конницы, сам Красс до утра проблуждал в болотах, в которые его завел Андромах. Кроме того, Кассий Дион в общем виде говорит о том, что в чужой и враждебной стране войска ночью рассеялись, причем какая-то их часть утром погибла (Cass. Dio. XL.25.4). Собственно, именно эти события, а не сама битва знаменуют собой разгром римской армии. Хотя в целом на возвышенности собралось около 10 тыс. чел. (5 тыс. вполне боеспособных воинов, шедших с Октавием, 4 когорты, которые были с Крассом, малое число всадников (Plut. Crass. 29.5–6), к которым, почти наверняка, примкнуло некоторое количество разрозненных групп воинов), они уже были не способны к действиям. Показательно, что Красс, несмотря на все удары судьбы, не утратил ясности в оценке ситуации и намеревался вести остатки своих легионов по холмистой местности в Армению (Plut. Crass. 30.1, 4; Cass. Dio. XL.25.5), однако под напором воинов был вынужден пойти на переговоры, которые оказались для него роковыми[43].

Итак, поход закончился крахом. Согласно Плутарху (и с ним согласны практически все исследователи), римляне потеряли 20 тыс. погибшими и 10 тыс. пленными[44]. Пленников Ород приказал поселить на дальних восточных рубежах государства, в Маргиане, в окрестностях основанного еще Александром города, который после восстановления его Антиохом именовался по его имени Антиохией (Plin. NH. VI.47; Solin. 48.3). Здесь они смешались с местным населением, по крайней мере, частично, взяв в жены местных женщин (Hor. Carm. III.5.5–12)[45].

---

[42] Plut. Crass. 29.4; Cass. Dio. XL.25.4. «Это было возмутительнейшим образцом деморализации армии и утраты чести предводителем», – комментирует поступок Кассия К. Реглинг (*Regling K.* Op. cit. S. 390).

[43] Plut. Crass. 30.4–5. Согласно Диону, он пошел на переговоры без колебаний, «будучи испуган до крайности и приведен в смятение несчастьем, которое случилось как с ним лично, так и с государством, да к тому же видя, что воины и пути страшатся, считая его длинным и тяжелым, и Орода боятся» (Cass. Dio. XL.26.2). Описание Плутарха, видимо, более точно: одно дело, если бы Красс просто видел, что воины страшатся пути, здесь можно было воздействовать на них уговорами и угрозами, и другое дело массовые открытые требования заключить мир, которые вполне могли перерасти в мятеж.

[44] Plut. Crass. 31.8. Этому соответствует сообщение Аппиана, что из похода в Парфию вернулись лишь около 10 тыс. человек (App. BC. II.18), что составляло 2 легиона (ibid. II.49). Впрочем, эти цифры, скорее всего, несколько занижены. Подробнее см.: *Смыков Е.В.* После Карр // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 313–314.

[45] В 40-е гг. XX в. оксфордский профессор Гомер Дабс высказал интересное предположение о том, что какая-то часть этих пленников в дальнейшем поступила на службу к гуннскому правителю Шаньюй Шиши и участвовала в его войне с китайцами (*Дебс Г.Г.* Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. 1946. № 2. С. 45–50). Это предположение не получило признания в науке, поскольку все аргументы Г.Г. Дебса носят косвенный характер, и в источниках нет ничего, что недвусмысленно

Говоря о последствиях поражения Красса при Каррах обычно указывают, что оно знаменовало новый этап в развитии римско-парфянских отношений. Известный итальянский исследователь Э. Габба справедливо отмечал, что эта битва приобрела «символическое значение столкновения между Западом и Востоком»[46]. Действительно, еще Т. Моммзен подчеркивал: «Со времен Ахеменидов это была первая серьезная победа, одержанная Востоком над Западом… Эта катастрофа, страшная сама по себе, казалось, должна была стать страшной и по своим последствиям и потрясти основы римского могущества на Востоке… Парфяне серьезно готовились… перейти границу Евфрата и с помощью армян и арабов изгнать римлян из Сирии»[47]. Н. Дибвойс в своем классическом труде отмечал: «Результатом поражения Красса стало то, что Парфия во мнении людей от Средиземноморья до Инда оказалась на одном уровне с Римом или даже выше него»[48]. Уже в наши дни Дж. Трайна подчеркивает: «После битвы при Каррах мир никогда уже не был бы прежним: фактически, эта битва явилась первым крупным столкновением в бесконечной и практически никогда не заканчивающейся войне между Римом и Ираном»[49]. Разумеется, по мнению современных историков, это поражение не могло не привести римлян в ярость, которая породила реваншистские мечты. «Гноящуюся рану, нанесенную римскому чувству собственного достоинства… с римской точки зрения можно было излечить только потрясающей победой-реваншем» – пишет, например, А. Хойс[50].

Несмотря на широкое распространение подобных оценок, в их истинности можно усомниться. Прежде всего, настораживает практически полное отсутствие реакции на эти события со стороны современников. Ю. Малитц обращает внимание на тот факт, что в пе-

---

указывало бы на римлян. Однако жители расположенной на окраине пустыни Гоби деревушки Ликиан считают, что являются потомками этих римлян. У многих местных жителей зеленые глаза, европейские черты лица и высокий рост. На въезде в город Йонгчанг, ближайший город провинции, установлена статуя римского легионера, а в городе есть караоке-бар «Цезарь». В 2007 г. учёные даже взяли кровь для анализа ДНК у 93 человек, проживающих в Ликиане и сравнения с ДНК современных итальянцев, но это не может принести надёжных результатов, поскольку и на Апеннинском полуострове, и в Китае все эти столетия происходили интенсивные этнические смешения (*Zhou R. et all.* Testing the hypothesis of an ancient Roman soldier origin of the Liqian people in northwest China: a Y-chromosome perspective // Journal of Human Genetics. 2007. Vol. 52/7. P. 584–591).

[46] *Gabba E.* Per la storia dell'esercito romano in età imperial. Bologna, 1974. P. 9.

[47] *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995. Т. 3. С. 232 сл. Ср.: *Низе Б.* Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 313; *Ковалев С.И.* История Рима. Л., 1986. С. 432.

[48] *Debevoise N.C.* Op. cit. P. 93.

[49] *Traina G.* Note in margine alla battaglia di Carre // Electrum. 2009. Vol. 15. P. 235.

[50] *Heuss A.* Römische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 257. Подборку других подобных оценок см.: *Timpe D.* Op. cit. S. 105.

реписке Цицерона времени его киликийского наместничества парфяне упоминаются лишь как один из пограничных народов, наряду с другими, а не как опасный враг римского государства[51]. Если бы поражение Красса действительно произвело то впечатление, которое обычно ему приписывают, то Цицерон, имевший столь тесные личные связи с самим Крассом и с его сыном, а также непосредственно вовлеченный в восточные дела во время своего наместничества, хоть как-то упомянул бы о судьбе незадачливого полководца – между тем таких упоминаний у него нет[52]. Если он и говорит в своих произведениях о походе Красса, то только в связи с тем, что он начался без законных оснований[53], или же рассказывая о дурных предзнаменованиях, которые ознаменовали начало похода (Cic. Div. I.29; II.84). Конечно, говорить о том, что поражение при Каррах не произвело никакого впечатления вообще, было бы ошибкой, но не меньшей ошибкой является и преувеличение этого впечатления. Косвенным подтверждением тому, что ситуация на Востоке заботила сенат гораздо меньше, чем обстановка в самом Риме, является весь ход событий ближайших двух-трех лет на территориях, смежных с евфратской границей[54].

---

[51] *Malitz J.* Caesars Partherkrieg // Historia. 1984. Bd. 33. Hf. 1. S. 27. Правда, Ю. Малитц, отмечая этот факт, все-таки придерживается мнения, что впечатление от поражения было в Риме сильным – не меньшим, чем от поражения М. Лоллия в 16 г. до н.э. (кстати говоря, этот пример не является удачным мы ничего не знаем о впечатлении, которое эта позорная неудача произвела в Риме) или Квинтилия Вара в 9 г. н.э. (ibid. S. 26). Молчание источников об этом впечатлении объясняется здесь тем, что до нас не дошла переписка Цицерона за вторую половину 53 г. и соответствующая книга истории Т. Ливия. Аргументы эти довольно слабы: если в утраченных сочинениях находился рассказ о сильном впечатлении от поражения, то почему он ускользнул от внимания всей остальной традиции, повествующей о походе Красса и до нас не дошли хоть какие-то его отголоски?

[52] *Timpe D.* Op. cit. S. 108.

[53] *Cic.* De fin. III.75: «Красс, …не нуждайся он в деньгах, никогда бы не решился перейти Евфрат, не имея никакой причины для войны» (Crassus, qui nisi eguisset, numquam Euphraten nulla belli causa transire voluisset) (Пер. Н.А. Федорова, с изменениями).

[54] Подробнее см.: *Смыков Е.В.* После Карр. С. 320–321. С. Маттерн-Паркс связывает это отсутствие немедленной реакции с медлительностью коммуникаций и транспортировки в архаических обществах (premodern society). По ее мнению, отмщение предполагалось в любом случае, срок давности значения не имел (*Mattern-Parkes S.P.* The Defeat of Crassus and the Just War // The Classical World. 2003. Vol. 96/4. P. 392. N. 31). Однако в данном случае следует разделять реальную расплату за поражение, которая может обойтись без всяких лозунгов, и месть за поражение как политический лозунг. В этом смысле показательно, что с точки зрения римского общественного мнения за Красса отомстил П. Вентидий в битве при Гиндаре в 38 г., которую традиция помещает в тот же самый день, что и битву при Каррах (Cass. Dio. XLIX. 21.2; Eutr. VI.5.2; Oros. VI.18.23). Но именно в это же время возникает политический лозунг «месть за Красса», который активно используется пропагандой Октавиана.

Не последовало быстрой реакции и на парфянское вторжение. Реакция в Риме на это событие была до крайности вялой. Благодаря письму Целия к Цицерону от 17 ноября 51 г. мы в некоторой степени можем ее представить. Здесь важная внешнеполитическая проблема оказывается полностью подчинена внутриполитическим партийным разногласиям: «Известия о приходе парфян вызвали разные толки: один говорил, что следует послать Помпея, другой – что Помпея не следует отпускать из Рима; третий – что Цезаря с его войском; четвертый – что консулов… Консулы же из опасения, как бы сенат не постановил, чтобы они выступили в походных плащах, и чтобы дело, в ущерб их чести, не было помимо них передано другому, вообще не хотят, чтобы сенат собирался… <…> …Возникло мнение, что Кассий, для того, чтобы показалось опустошенным врагом то, что разграбил он, выдумал насчет войны, впустил в провинцию арабов и донес сенату, что это парфяне» (Cic. Fam. VIII.10.2. Пер. В.О. Горенштейна). Во всех этих разговорах отсутствует не только забота о государственных делах (на что сетует Целий); в них также нет даже намека на то, что кого-нибудь в это время заботило бы «мщение за Красса».

Более того: как показала К. Вегген, у авторов-современников, произведения которых до нас дошли и которые так или иначе упоминают Красса о его поражении практически не говорится. Соответствующий раздел ее монографии так и называется “Die Sicht der Zeitgenossen – *Crassus und keine Niederlage*”[55]. Исключение составляет Цезарь, который в «Записках о гражданской войне» упоминает о том, что парфяне «незадолго до того убили в сражении императора М. Красса и держали в осаде М. Бибула» (BC.III.31.3. Пер. М.М. Покровского). Однако от любых комментариев по этому поводу он воздерживается.

Таким образом, вряд ли можно согласиться как с приведенными выше оценками поражения, так и со многими другими, выдержанными в том же духе. Они отражают не столько политические реалии I в. до н.э., сколько современные идеологемы, в частности, идею извечной, идущей с переменным успехом борьбы Запада и Востока. Однако оснований для этого мнения, как и для представления о римско-парфянской войне, которая тянулась полстолетия, до 1 г. до н.э.[56], источники не дают.

Поражение при Каррах было, безусловно, тяжелым, хотя и не катастрофическим. Понесенные потери отнюдь не были самыми большими со времени битвы при Каннах, как утверждает Х. Крыскевич[57], - между Каннами и Каррами находится битва при Араузионе,

---

[55] *Weggen K.* Der lange Schatten von Carrhae: Studien zu M. Licinius Crassus. Hamburg, 2011. S. 121–143

[56] *Overtoon N.L.* The Parthian rival and Rome’s failure in the east: roman propaganda and the stain of Crassus // Acta Antiqua Academia Scientiarum Hungaricae. 2017. Vol. 57. P. 2.

[57] *Kryśkiewicz H.* The Parthians – a worthy enemy of Rome? Remarks on Roman-Parthian political conflict in the Ist cent. B.C., and its influence on roman imperial ideology // Shìdnij svìt. 2017. № 3. P. 64.

потери в которой, если верить традиции, были больше, чем в битве при Каннах[58]. Сравнение с тем, что произошло после битвы при Араузионе особенно любопытно. Как известно, после этого страшного разгрома были привлечены к суду виновные в разгроме – Кв. Сервилий Цепион и Гн. Маллий Максим; ради этого плебейский трибун Л. Аппулей Сатурнин провел печально знаменитый в эпоху империи закон об оскорблении величия римского народа (103 г.)[59]. Подобным же образом, хотя и в гораздо более мягкой форме, преследованию подвергся «виновник» разгрома Красса – плебейский трибун Г. Атей, которого в 50 г. цензор Аппий Клавдий если и не исключил из сената, то, во всяком случае, вынес ему порицание[60].

Информация об отношении в Риме к «виновникам», реальным или мнимым, этих поражений – это единственное, чем мы располагаем. В том и другом случае нет и речи о необходимости мстить кому-то за поражение. После Араузиона были приняты меры для отражения возможного вторжения варваров в Италию, но это вполне понятно: они были слишком близко от границ. Парфия была настолько далеко, что ситуация на границе с ней почти не взволновала общественное мнение. Достаточно спокойное отношение к парфянам демонстрирует и то, что за помощью к ним обратились последние защитники традиционной республики – сперва Помпей, а затем Брут и Кассий[61].

Посмотрим на ситуацию с другой стороны. Можем ли мы говорить о резком усилении антиримских настроений на Востоке? Безусловно, брожение там было, однако стоит помнить, что и борьба с разбойничьими шайками в горах Амана, которую вел Цицерон, и бесконечные междоусобицы среди иудеев, в которые время от времени вмешивались чужеземные цари, были явлениями достаточно обычными, с которыми римской администрации уже неоднократно приходилось иметь дело. Возможно, эти волнения несколько усилились в результате поражения римлян, но показательно, что ни один из правивших в регионе царей не встал на сторону парфян. Правда, Цицерон, рассказывая о предпринятой им осаде киликийского города Пинденисс, говорит, что его жители «принимали беглых и с вели-

---

[58] Не вдаваясь в проблему достоверности чисел, согласно Полибию, при Каннах погибло 70 тыс. пехотинцев Рима и его союзников, в плен было взято 10 тыс. Кавалерия потеряла 6 тыс. всадников (III.117.2–4,7–12). Ливий писал о гибели 45,5 тыс. пехотинцев и 2,7 тыс. всадников из числа граждан республики и союзников и о пленении 3 тыс. пехотинцев и 1,5 тыс. всадников (XXII.49.15,18). В битве при Араузионе (октябрь 105 г. до н.э.), по данным того же Ливия, погибло 80 тыс. человек, а с учётом обозников и торговцев – около 120 тыс. (Per. LXVII).

[59] Об этом законе см.: *Broughton R.* Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1951. Vol. I. P. 563, 565 (note 4) (со ссылками на источники).

[60] *Смыков Е.В.* Триумвиры и трибуны: внутриполитический контекст борьбы Красса за восточное командование // SH. 2010. Вып. X. С. 101–102.

[61] Подробнее см.: *Смыков Е.В.* Парфия и Рим в 44–40 гг. до н.э.: от ограниченного вмешательства к массированному вторжению // АМА. 2010. Вып. 14. С. 138–151.

ким нетерпением ожидали прихода парфян» (Fam. XV.4.10). Эти слова вряд ли можно воспринимать как свидетельство симпатий жителей этого города к пришельцам из-за Евфрата. Сам же оратор ранее отмечает, что он «населен теми, кто никогда не повиновался даже царям» (ibid.); было бы очень странно, если бы столь непокорный народ с нетерпением ожидал пришельцев. Кроме того, в письме к Аттику, говоря о тех же событиях, он ни словом не упоминает о парфянах (Att. V.20.5), поэтому вполне резонно предположить, что в первом случае, направляя письмо Катону и понимая, что его прочитают не только адресат, но и те люди, которые будут принимать решение о предоставлении ему триумфа, он постарался усилить значение своей победы. В частном письме Аттику такой необходимости не было.

Итак, поражение римлян не вызвало на Востоке сколь-либо заметной реакции[62]. В общем-то этому удивляться не приходится. При всей пестроте этнической и политической картины региона власть Рима более соответствовала интересам местного населения. Как писали в свое время Э.Д. Фролов и Я.В. Доманский по поводу исторических судеб полисов Причерноморья, «по-настоящему победоносной и жизнеспособной проявила себя Римская держава, удачно соединившая в своей государственности и политике элементы общинно-городского, полисного плана с более широким державно-территориальным построением, собственный национально-государственный интерес – с общей для всей античности задачей противостояния варварской периферии»[63]. Несмотря на некоторое различие двух конкретно-исторических ситуаций, в главном они были сходны. Конечно, альтернативой Риму в его восточных провинциях и зависимых царствах являлась не достаточно аморфная варварская периферия, а могучая восточная держава; но это, пожалуй, только усугубляло ситуацию. Г.А. Кошеленко указывал на наличие в развитии парфянской культуры и государственности этого времени процесса «главным содержанием которого было постепенное вытеснение, преодоление и переработка всего эллинского, что осталось как наследие былого владычества Селевкидов, и утверждение своего местного, идущего либо от культурной традиции Парфиены и Маргианы, либо от Ахеменидов»[64]. Таким образом, парфяне в данном случае высту-

---

[62] Как подчеркивает К. Шиппманн, «даже если парфянская победа при Каррах и вызвала громкое эхо у народов востока, она в любом случае не произвела никакого значительного изменения в соотношении сил на Востоке» (*Schippmann K.* Op. cit. S. 40).

[63] *Доманский Я.В., Фролов Э.Д.* Основные этапы развития межполисных отношений в античном Причерноморье в VI–I вв. до н.э. (принципиальный обзор) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и истории античного общества. СПб., 1995. С. 111. Ср. несколько расширенную характеристику: *они же.* Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античное общество: проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 193.

[64] *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 274–275.

пали как нечто чужое и враждебное. Прямым свидетельством этого антагонизма является то, что западные районы Парфии, Месопотамия прежде всего, поддержали более эллинизированного Митридата III в его борьбе с братом, опиравшимся на восточные области государства[65].

Все это вместе взятое означает, что глобальное значение битвы при Каррах едва ли следует переоценивать. В том, что поражение римлян было тяжелым и, может быть, тем более обидным, что нанес его противник, живущий на Востоке[66], сомневаться не приходится. Однако возникший кризис был быстро и без особого напряжения сил преодолен[67], никаких эксцессов в восточных провинциях не произошло. С другой стороны, парфяне, конечно, показали, что при известных условиях они могут справиться с римской армией. Но никаких практических следствий это не имело. Судя по всему, парфянский монарх не был склонен к проведению активной экспансионистской политики на западном направлении. Поэтому говорить о «римско-парфянской войне», которая длилась более полувека, едва ли верно. Это отражение современной практики, когда война обязательно должна завершиться заключением мирного договора; но в данном случае мы, собственно говоря, и войны-то не имеем. Все военные столкновения с Парфией в это время носили неформальный характер – война не была объявлена, продолжались дипломатические сношения римского «правительства в изгнании» с парфянским двором, и даже Кв. Лабиена Парфянского ни один автор не упрекает в измене за его сотрудничество с парфянами. В сущности, пламенное желание отомстить за Красса впервые появляется лет через пятнадцать после поражения, и связано, скорее, не с внешнеполитическими, а с внутренними проблемами римского государства. Но это уже совсем другая история…

---

[65] *Кошеленко Г.А.* Указ. соч. С. 276–279.

[66] *Overtoon N.L.* Op. cit. P. 3–5 (многочисленные примеры влияния поражений на Востоке на репутацию как республиканских полководцев, так и императоров). В еще более широком контексте, как противостояние между государствами Запада и могущественной восточной империей, начавшееся еще с борьбы Греции и ахеменидской Персии, рассматривает римско-парфянские отношения Л. Грегоратти (*Gregoratti L.* Fighting a Dying Enemy: The Struggle between Rome and the Parthians // Myth-Making and Myth-Breaking in History and the Humanities / Dobre C.-F., Epurescu-Pascovici I., Ghiță C.E. (eds.). Bucharest, 2011. P. 25–36.

[67] Даже А.Г. Бокщанин, по мнению которого «поражение Красса имело огромные военно-политические и психологические последствия. <…> …После катастрофического исхода экспедиции Красса все оппозиционные Риму, а значит и господству эллинизированного слоя рабовладельцев, группы населения получили надежду на возможность свержения ненавистных социальных порядков», должен признать: «Несмотря на все насилия и хищения римской провинциальной администрации и алчность публиканов, эллинизированное население …в основном держалось проримской ориентации» (*Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 59, 67).

Литература:

Беликов А.П. Парфянский поход Красса: военно-технический аспект // Para bellum. 2001. № 12: Война и военное дело в античности. С. 35–48.

Беликов А.П. Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.

Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2.

Дебс Г.Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. 1946. № 2. С. 45–50.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1.

Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в античном Причерноморье в VI–I вв. до н.э. (принципиальный обзор) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и истории античного общества. СПб., 1995. С. 103–111.

Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античное общество: проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 159–193.

Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986.

Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3.

Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910.

Никоноров В.П. К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово. 1995. С. 53–61.

Никоноров В.П. Парфянские литавры // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 167–174.

Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.

Смыков Е.В. Парфия и Рим в 44–40 гг. до н.э.: от ограниченного вмешательства к массированному вторжению // АМА. 2010. Вып. 14. С. 138–151.

Смыков Е.В. Триумвиры и трибуны: внутриполитический контекст борьбы Красса за восточное командование // SH. 2010. Вып. X. С. 89–103.

Смыков Е.В. Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н.э. // IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. Казань, 2017. С. 284–298.

Смыков Е.В. После Карр // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 312–322.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Кн. 2.

Arnaud P. Les guerres parthiques de Gabinius et de Crassus et la politique occidentale des Parthes Arsacides entre 70 et 53 av. J.-C. // Electrum. 1998. Vol. 2. P. 13–34.

Ball W. Rome in the East. The transformation of an empire. L.; N.Y., 2000.

Bivar A.D. The political history of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. 3/1. P. 21–99.

Broughton R. Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1951. Vol. I.

Debevoise N.C. A political history of Parthia. Chicago, 1938.

Dettenhofer M.H. Perdita iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992.

Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von republicanischen zur monarchischen Verfassung. Leipzig, 1910. Bd. 4.

Farrokh K. Shadows in the Desert. Ancient Persia at war. Oxf., 2007.

Frendo D. Roman expansion and the Graeco-Iranian World: Carrhae, the Expansion and Aftermath in Plutarch // Bulletin of Asia Institute. 2007. Ser. New. Vol. 17. P. 71–81.
Gabba E. Per la storia dell'esercito romano in età imperial. Bologna, 1974.
Gelzer M. M. Licinius Crassus Dives (68) // RE. 1926. Hbd. 24. Sp. 295–331.
Gregoratti L. Fighting a Dying Enemy: The Struggle between Rome and the Parthians // Myth-Making and Myth-Breaking in History and the Humanities / Dobre C.-F., Epurescu-Pascovici I., Ghiță C.E. (eds.). Bucharest, 2011. P. 25–36.
Groebe P. Der Schlachttag von Karrhae // Hermes. 1907. Bd. 42. S. 315–322.
Gutschmid A. von. Geschichte Irans und seine nachbarländer von Alexander der Grosse bis zum Untergang des Arsaciden. Tübingen, 1888.
Heuss A. Römische Geschichte. Braunschweig, 1960.
Kennedy D.L., Burgess R. Ancient sources for Zeugma (Seleucia-Apamea) // Kennedy D.L. et all. The twin towns of Zeugma on the Euphrates: rescue work and historical studies. Portsmouth RI, 1998 (Journal of Roman archaeology. Supplementary series. No. 27). P. 139–162.
Kryśkiewicz H. The Parthians – a worthy enemy of Rome? Remarks on Roman-Parthian political conflict in the Ist cent. B.C., and its influence on roman imperial ideology // Shìdnij svìt. 2017. № 3. P. 60–72.
Malitz J. Caesars Partherkrieg // Historia. 1984. Bd. 33. Hf. 1. S. 21–59.
Marshall B.A. Crassus. A Political Biography. Amsterdam, 1976.
Mattern-Parkes S.P. The Defeat of Crassus and the Just War // The Classical World. 2003. Vol. 96/4. P. 287–296.
Nikonorov V.P. The Use of Musical Percussion Instruments in Ancient Eastern Warfare: the Parthian and Middle Asian Evidence // Studien zur Musikarchäologie. II: Musikarchäologie früher Metallzeiten. Vorträge des 1. Symposiums der International Study Group on Music Archaeology im Kloster Michaelstein, 18.–24. Mai 1998. Rahden. 2000. P. 71–81.
Overtoon N.L. The Parthian rival and Rome's failure in the east: roman propaganda and the stain of Crassus // Acta Antiqua Academia Scientiarum Hungaricae. 2017. Vol. 57. P. 1–22.
Rawlinson G. The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia. N.Y., 1873.
Rawlinson G. The Story of Parthia. N.Y., 1893.
Regling K. Crassus' Partherkrieg // Klio. 1910. Bd. 7. S. 357–394
Sampson G.C. The Defeat of Rome in the East. Crassus, the Parthians and the Disastrous battle of Carrhae 53 BC. Philadelphia, 2008.
Schippmann K. Gründzuge der partischen Geschichte. Darmstadt, 1980.
Segal J.B. Edessa 'The Blessed City'. Oxf., 1970.
Sheldon R.M. Intelligence Activities in Ancient Rome. L., 2005.
Sheldon R.M. Rome's war in Parthia: blood in the sand. L., 2010.
Sherwin-White A.N. Roman Foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984.
Smith F. Die Schlacht bei Carrhä // Historische Zeitschrift. 1916. Bd. 115/2. S. 237–262.
Stark F. Rome on the Euphrates. The story of a frontier. N.Y., 1966.
Sykes P.M. A History of Persia. L., 1915. Vol. 1.
Tarn W. Parthia // CAH. 1932. Vol. 9. P. 574–613.
Timpe D. Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae // Museum Helveticum. 1962. Vol. 19. S. 104–129.

Traina G. Imperial Views on the Battle of Carrhae // M. Formisano and H. Böhme (Eds.). War in Words. Transformations of War from Antiquity to Clausewitz. B.; N.Y., 2011. P. 209–217.
Traina G. Note in margine alla battaglia di Carre // Electrum. 2009. Vol. 15. P. 235–247.
Weggen K. Der lange Schatten von Carrhae: Studien zu M. Licinius Crassus. Hamburg, 2011.
Wiseman T.P. Caesar, Pompey and Rome, 59–50 B.C. // CAH2. 1992. Vol. 9. P. 368–423.
Zadorojniy A.V. Tragedy and Epic in Plutarch's "Crassus" // Hermes. 1997. Bd. 125/2. P. 169–182.
Zhou R., An L., Wang, X. Shao W., Lin G., Yu W., Xie X. Testing the hypothesis of an ancient Roman soldier origin of the Liqian people in northwest China: a Y-chromosome perspective // Journal of Human Genetics. 2007. Vol. 52/7. P. 584–591.

В.К. Хрусталёв

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИМЕРОВ (*EXEMPLA*) В СУДЕБНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА*

Аннотация: обращение к историческим примерам (*exempla*) характерно для самых разных жанров римской литературы, включая речи. Предметом изучения в научной литературе обычно становятся собственно римские примеры, в то время как иностранные, как правило, остаются на периферии внимания исследователей. В статье рассматриваются случаи использования т.н. «внешних» исторических примеров в политических и судебных речах Цицерона и анализируются выполняемые ими функции.

Ключевые слова: Поздняя римская республика, Цицерон, сенат, судебные процессы, судебные речи, политические речи, римское ораторское искусство.

Zusammenfassung: die historischen Beispiele (*exempla*) werden in ganz verschiedenen Genres der römischen Literatur, einschließlich Reden, sehr breit verwendet. Der Schwerpunkt der Forschung liegt normalerweise auf römischen Beispielen, wohingegen auswärtige historische *exempla* sich noch nicht hinreichend untersucht gefunden haben. Ziel dieses Aufsatzes ist es, die Fälle der Verwendung von sog. „äußeren“ historischen Beispielen in den Gerichts- und politischen Reden Ciceros zu behandeln und ihre Funktionen zu bestimmen.

Schlagwörter: späte römische Republik, Cicero, Senat, Gerichtsprozesse, Gerichtsreden, politische Reden, römische Rhetorik.

1. Предварительные замечания

В последние несколько десятилетий в антиковедческой литературе можно наблюдать стабильный рост интереса к проблемам исторической памяти в Древнем Риме, к изучению образа прошлого, существовавшего в сознании римлян, и к вопросу об использовании элементов этого образа в политической жизни. Пожалуй, в наибольшей степени эта тенденция характерна для немецкоязычной и англоязычной историографии, где она существует в русле завоевавших популярность в самых разных областях исторической науки исследований «истории

* В основу настоящей статьи положены сообщения, сделанные в 2016–2017 гг. на научных семинарах и конференциях в Санкт-Петербургском институте истории РАН, РГПУ им. А.И. Герцена и Центре эллинистических исследований Университета Дмитрия Пожарского (Москва). Все даты – до н.э., если не указано иное. Русские переводы цитат из античных писателей выполнены автором. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты» (грант № 19-09-00183) в РГПУ им. А.И. Герцена.

памяти» (Gedächtnisgeschichte, memory studies)[1]. Одним из популярных направлений в изучении этой тематики является анализ роли исторических примеров в римской политической культуре и её отражения в сохранившейся литературной традиции. Применительно к эпохе Поздней республики эти вопросы детально рассматриваются в двух относительно недавно опубликованных монографиях, вышедших из-под пера немца Франца Бюхера[2] и датчанки Генриетты ван дер Блом[3].

Разумеется, обращение к историческим примерам характерно для самых разных жанров римской литературы. Однако особый интерес в свете поставленных выше вопросов вызывает использование *exempla* в выступлениях республиканских ораторов, так как речи были рассчитаны на более широкую аудиторию, чем любые другие литературные произведения. В речах оратор для того, чтобы быть убедительным и завоевать симпатии и поддержку слушателей, должен был учитывать уровень познаний своей публики, её настроения, симпатии и антипатии. Очевидно, что в зависимости от аудитории хороший оратор для достижения своих целей будет использовать разнообразные риторические приёмы[4]. Поэтому изучение речей открывает для исследователя коллективной исторической памяти древних римлян особенно

---

[1] *Exempli gratia* имеет смысл сослаться на несколько работ (там же см. более подробную библиографию): *Walter U. Memoria* und *res publica*. Zur Geschichtskultur der römischen Republik. Frankfurt am Main, 2004; *Hölkeskamp K.-J. Exempla* und *mos maiorum*: Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität // Vergangenheit und Lebenswelt. Soziale Kommunikation, Traditionsbildung und historisches Bewusstsein / H.-J. Gehrke, A. Möller (hgs.). Tübingen, 1996. S. 301–338; *idem.* History and Collective Memory in the Middle Republic // A Companion to the Roman Republic / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx (eds.). Oxf., 2006. P. 478–495; Memoria Romana: Memory in Rome and Rome in Memory / Ed. K. Galinsky. Ann Arbor, 2014; Memory in Ancient Rome and Early Christianity / K. Galinsky (ed.). Oxf.; N.Y., 2016. Теоретической основой этих исследований в значительной степени являются идеи, сформулированные в трудах немцев Я. Ассманна (*Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung, und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992; *idem.* Religion und kulturelles Gedächtnis. Zehn Studien. München, 2000), Р. Козеллека (*Koselleck R.* Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979) и француза П. Нора (*Nora P.* Entre histoire et mémoire. La problématique des lieux // Les lieux de mémoire / P. Nora (ed.). Vol. 1: La République. P., 1984. P. XV–XLII).

[2] *Bücher F.* Verargumentierte Geschichte. *Exempla Romana* im politischen Diskurs der späten Republik. Stuttgart, 2006.

[3] *Blom H. van der.* Cicero's Role Models: The Political Strategy of a Newcomer. Oxf., 2010.

[4] Относительно речей, произносимых перед народом на *contiones*, см. об этом, напр.: *Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004. P. 13–18 (с библиографией), где, однако, справедливо подчёркивается, что модель взаимодействия между оратором и его аудиторией на римской сходке более сложна, ибо взгляды и убеждения слушателей (плебса) в значительной степени формировались под воздействием той идеологии, которую им транслировали представители политической элиты (ораторы). Это не относится к судебным и сенатским речам, ибо в этих случаях и оратор, и его основная аудитория принадлежали к высшим сословиям римского общества.

заманчивую перспективу, позволяя делать более широкие обобщения, нежели те, которые допускает анализ сочинений, предназначенных для относительно немногочисленного круга образованных читателей. Весьма интересные наблюдения позволяет сделать сопоставление речей, принадлежащих к разным жанрам (судебных и политических).

Любое исследование, касающееся римского республиканского ораторского искусства, будет неизбежно в значительной степени посвящено Цицерону, так как от этой эпохи только его речи сохранились полностью. Использование исторических примеров в политических и судебных речах Цицерона уже неоднократно становилось предметом изучения в научной литературе[5]. Однако основное внимание всегда уделяется весьма многочисленным у Цицерона римским *exempla*, в то время как т.н. «внешние» примеры, взятые из истории греков и других народов, чаще всего ускользают из поля зрения антиковедов – главным образом потому, что они встречаются в его речах намного реже[6]. Тем не менее, представляется, что без анализа этих упоминаний рисуемая исследователями картина не будет полной. Весьма интересно проследить контекст и частоту использования Цицероном внешних *exempla*, его выбор исторических событий и деятелей и сравнить всё это с практикой употребления оратором собственно римских примеров. Следует оговориться, что эта статья в значительной степени носит предварительный характер. Изложенные в ней наблюдения, безусловно, нуждаются как в более глубоком обобщении и теоретическом осмыслении, так и в сопоставлении с материалом, который дают другие римские авторы.

2. Используемая терминология

Прежде чем перейти к основной части статьи, необходимо объяснить, что именно в дальнейшем исследовании будет пониматься под «историческим примером». Разумеется, исходной точкой для наших рассуждений должны послужить определения, которые термину *exemplum* дают римские авторы позднереспубликанского периода и, прежде всего, сам Цицерон.

В своём юношеском сочинении «О нахождении» (*De inuentione*), созданном, скорее всего, между 91 и 89/88 гг.[7], Цицерон говорит об

---

[5] В том числе в уже упомянутых выше монографиях Ф. Бюхера (*Bücher F.* Op. cit. *passim*) и Г. ван дер Блом (*van der Blom H.* Op. cit. P. 61–147); см. также более старые работы: *Schönberger H.* Beispiele aus der Geschichte, ein rhetorisches Kunstmittel in Ciceros Reden. Diss. Erlangen, 1910; *Robinson A.W.* Cicero's Use of People as *Exempla* in His Speeches. Diss. Indianapolis, 1986.

[6] См., однако: *Schönberger H.* Op. cit. S. 33–41.

[7] См. напр.: Cicero: De Inventione, De Optimo Genere Oratorum, Topica / Ed. and trans. H.M. Hubbel. Cambr. (Mass.), 1949. P. XI–XII; Rhetorica ad Herennium / Ed. and trans. H. Caplan. Cambr. (Mass.), 1954. P. XXV–XXVI; *Kennedy G.* The Art of Rhetoric in the Roman World: 300 B.C. – A.D. 300. Princeton, 1972. P. 107–110; *Gaines R.N.* Roman Rhetorical Handbooks // A Companion to Roman Rhetoric / W. Dominik, J. Hall (eds.). Oxf., 2007. P. 169. Некоторые авторы, однако, выступают за более позднюю датировку – конец 80-х гг. (например: *Kroll W.* M. Tullius Cicero: Die rhetorischen Schriften // RE. 1939.

exempla, рассматривая разные виды системы доказательств (*argumentatio*) (De inv. I.44–49). Доказательства он подразделяет на «неопровержимые» (*necessaria*) и «правдоподобные» (*probabilia*), а последние, в свою очередь, – на «улики» (*signa*), «вероятное» (*credibile*), «решённое» (*iudicatum*) и «сравнимое» (*conparabile*). «Сравнимое (*conparabile*) же есть то, что охватывает некое схожее основание в различных предметах. Существуют три его подразделения: сравнение (*imago*), уподобление (*conlatio*), пример (*exemplum*). Сравнение – это утверждение, показывающее сходство физического облика или природы. Уподобление – это утверждение, сопоставляющее один предмет с другим, исходя из их сходства. Пример – это то, что подтверждает или опровергает предмет ссылкой на авторитет либо обстоятельства какого-нибудь человека или события»[8]. Использование примеров Цицерон связывает с *confirmatio,* т.е. главным разделом всей речи, в котором оратор приводит аргументы в поддержку своей позиции, уже сформулированной в предыдущих частях. Таким образом, по мнению молодого Цицерона, *exemplum* подразумевает ссылку на персону какого-либо деятеля или на событие (очевидно, в прошлом), причём непременным условием является определённая степень значимости этой персоны или этого события. Иными словами, *exemplum* должно обладать *auctoritas*, «авторитетом».

Схожим образом трактует понятие *exemplum* анонимная «Риторика к Гереннию», созданная приблизительно в то же самое время – вероятно, между 86 и 82 годами[9]. Её автор рассматривает пример как стилистическую фигуру (*figura elocutionis*). «Риторика к Гереннию» несколько конкретизирует более широкое определение Цицерона, подчёркивая, что: 1) в качестве *exempla* могут использоваться как поступки, так и слова; 2) *exemplum* относится к прошлому и, следова-

---

Bd. VIIA. Sp. 1093; *Albrecht M. von.* Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken. 3. Aufl. B.; Boston, 2012. Bd. I. S. 445).

[8] Cic. De inv. I.49: *Conparabile autem est quod in rebus diuersis similem aliquam rationem continet. Eius partes sunt tres: imago, conlatio, exemplum. Imago est oratio demonstrans corporum aut naturarum similitudinem. Conlatio est oratio rem cum re ex similitudine conferens. Exemplum est quod rem auctoritate aut casu alicuius hominis aut negotii confirmat aut infirmat.*

[9] См., напр.: Rhetorica ad Herennium. P. XXV–XXVI; *Kennedy G.* Op. cit. P. 112–113; *Gaines R.N.* Op. cit. P. 170; *Albrecht M. von.* Op. cit. Bd. I. S. 495. Менее вероятной представляется отстаиваемая некоторыми авторами более поздняя датировка «Риторики» 70-ми гг. (*Kroll W.* Der Text des Cornificius // Philologus. 1934. Bd. 89. S. 63; *Henderson M.I.* The Process *de Repetundis* // JRS. 1951. Vol. 41. P. 73; ср.: *Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П.* Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976. С. 66–67). Высказывались также предложения отнести написание этого сочинения к середине 50-х гг. (*Douglas A.E. Clausulae* in the *Rhetorica ad Herennium* as Evidence of Its Date // ClQ. 1960. Vol. 10. P. 65–78) и даже к середине I в. н.э. (*Herrmann L.* L. Annaeus Cornutus et sa rhétorique à Herennius Senecio // Latomus. 1980. T. 39. P. 144–160), однако эти гипотезы кажутся слабо аргументированными; возражения против них см. подробнее, напр.: *Winkel L.C.* Some Remarks on the Date of the *Rhetorica ad Herennium* // Mnemosyne. 1979. Vol. 32. P. 327–332.

тельно, имеет строгую привязку во времени; 3) *exemplum* носит конкретный характер, т.е. при его использовании указываются имена исторических лиц[10].

«Риторика к Гереннию» перечисляет также задачи, для выполнения которых оратору рекомендуется употреблять *exempla*[11]. Сопоставив её указания с похожими рассуждениями из риторических сочинений Цицерона[12], можно соотнести их с достижением трёх главных целей оратора в том виде, в каком они сформулированы Цицероном в диалоге «Оратор» (Or. 69): *docere* («убеждать»), *delectare* («услаждать»), *mouere* («увлекать»). Соответственно, *exempla* помогают оратору убеждать слушателей, придавая речи 1) авторитет (*auctoritas*) и достоинство (*dignitas*), а также 2) ясность (*claritas*) и 3) правдоподобие (*probabilitas*). Они услаждают слух аудитории, придавая речи 4) красоту и приятность (*iucunditas*). *Exempla* способны также и увлекать, придавая 5) живость и яркость изложению. В диалоге «Об ораторе» (II.250) Цицерон, перечисляя различные фигуры мысли (*figurae sententiae*), помещает пример рядом с «уподоблением» (*similitudo*) и говорит, что эти риторические средства *„maxime mouent“* слушателей. В «Подразделениях риторики» (Part. 40) Цицерон утверждает, что среди всех фигур *similia* именно *exemplum* обладает наибольшей убедительной силой (*maximam fidem facit*), превосходя в этом отношении *similitudo* и *fabula* (т.е. вымышленную историю)[13].

Современные исследователи, изучающие использование римскими авторами *exempla*, естественно, исходят из античных определений этого термина, но зачастую по-разному расставляют акценты. Прежде

---

[10] Rhet. ad Her. IV.62: *Exemplum est alicuius facti aut dicti praeteriti cum certi auctoris nomine propositio.*

[11] Rhet. ad Her. IV.62: *Id [exemplum] sumitur isdem de causis, quibus similitudo. Rem ornatiorem facit, cum nullius rei nisi dignitatis causa sumitur; apertiorem, cum id, quod sit obscurius, magis dilucidum reddit; probabiliorem, cum magis ueri similem facit; ante oculos ponit, cum exprimit omnia perspicue, ut res prope dicam manu temptari possit.* – «Он [пример. – *B.X.*] используется по тем же причинам, что и аналогия. Он делает изложение дела красивее, когда используется исключительно с целью придать великолепие; яснее, когда проливает свет на то, что было тёмным; правдоподобнее, когда делает его более похожим на истину; помещает картину событий перед глазами, когда выражает всё так живо, что то, о чём рассказывается, словно можно потрогать рукой». О воспитательной силе *exempla* ср. Cic. Arch. 14.

[12] Or. 120: *Commemoratio autem antiquitatis exemplorumque prolatio summa cum delectatione et auctoritatem orationi adfert et fidem.* – «Напоминание же о древности и приведение примеров придают речи, наряду с величайшей сладостью, и авторитет, и убедительность».

[13] Определения, которые дают понятию *exemplum* Цицерон и «Риторика к Гереннию», существенно отличаются от понимания этого термина (и его греческого аналога παράδειγμα) другими античными авторами (в частности, Аристотелем и Квинтилианом). См. подробнее, напр.: *Schönberger H.* Op. cit. S. 5–8; *Yao Shao-Ji.* Der Exempelgebrauch in der Sangspruchdichtung vom späten 12. Jahrhundert bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts. Würzburg, 2006. S. 21–24.

всего, различия касаются трактовки отдельных характеристик и функций *exempla*[14].

Многие учёные делают особый упор на морально-дидактическое значение *exempla*[15], которые, с их точки зрения, призваны, прежде всего, служить образцами для подражания (положительный пример) или, наоборот, для избегания (отрицательный пример). Не отрицая правомерности такого подхода в отдельных случаях, следует поставить под вопрос возможность использования такого определения *exemplum* при исследовании речей Цицерона, ибо очевидно, что отнюдь не все приводимые в них примеры действительно играют дидактическую роль. Осознавая эту трудность и отмечая, что Цицерон вкладывает в понятие *exemplum* весьма широкое значение[16], Г. ван дер Блом предлагает разделять используемые оратором *exempla* на две группы: 1) исторические примеры (имеющие морально-дидактическую функцию) и 2) юридические прецеденты (таковой не имеющие). В составе первой группы она выделяет в качестве отдельной категории «личные примеры» (personal *exempla*), на которые оратор ссылается как на образец для себя самого[17]. Под юридическим прецедентом датская исследовательница понимает ссылку на конкретное судебное разбирательство в прошлом, на аргументацию, которая использовалась в этом деле либо, реже, – на вынесенный приговор[18]. Правомерность такого разделения вызывает сомнение, так как граница, проводимая Г. ван дер Блом между этими двумя группами, весьма условна и подвижна. Сам Цицерон (так же, как и другие античные авторы) не делает ника-

---

[14] Из огромного количества литературы, посвящённой *exempla* в античной риторике, можно порекомендовать в первую очередь: *Fuhrmann M.* Das *Exemplum* in der antiken Rhetorik // Geschichte – Ereignis und Erzählung / R. Koselleck, W. Stempel (hgs.). München, 1973. S. 449–452, а также статьи более общего характера: *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. Bd. I. S. 227–236, §410–430; *Daxelmüller C. Exemplum* // Enzyklopädie des Märchens / R.W. Brednich (hg.). B., 1984. Bd. IV. Sp. 627–649; *Klein J. Exemplum* // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / G. Ueding (hg.). Tübingen, 1996. Bd. III. Sp. 60–70 (с библиографией).

[15] См., напр., определение У. Вальтера (*Walter U.* Op. cit. S. 51): „Phänomenologisch gesprochen sind historische *exempla* … wirklichkeitsgesättigte narrative Explikationen gesamtgesellschaftlich verbindlicher moralischer Normen und Wertvorstellungen, oder einfacher gesagt: in der Zeit verwirklichte und in einer bestimmten Form tradierte Modelle idealen Verhaltens.“ Сходной трактовки придерживается Г. Ван дер Блом (*Blom H. van der.* Op. cit. P. 68): „By a historical *exemplum*, I mean a specific reference to an individual, a group of individuals, or an event in the past which is intended to serve as a moral-didactic guide to conduct.“ Ср. также: *Hölkeskamp K.-J. Exempla* und *mos maiorum*: Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität. S. 312–313; *Chaplin J.D.* Livy's Exemplary History. Oxf., 2000. P. 3.

[16] Весьма спорный тезис, так как цицероновское определение *exemplum*, напротив, значительно уже, чем то, которым оперируют Аристотель и Квинтилиан; см. *Yao Shao-Ji.* Op. cit. S. 23.

[17] *Blom H. van der.* Op. cit. P. 71.

[18] Ibid. P. 67–68. Ср.: *Harries J.* Cicero and the Jurists: From Citizen's Law to the Lawful State. L., 2006. P. 134–135.

кого разграничения между историческими примерами и юридическими прецедентами. Поэтому более правильным было бы рассматривать юридические прецеденты как частный случай исторических примеров – тем более, что в системе римского судопроизводства (в отличие от, например, англосаксонского) они не имели законной силы и не могли послужить основанием для вынесения судебного решения, а потому ссылки на них в речах тяжущихся сторон использовались с теми же целями, что и все прочие *exempla*[19]. Г. ван дер Блом, кроме того, отрицает также обязательность наличия у *exemplum auctoritas*: по её мнению, это является отличительной чертой не всякого, но лишь успешного исторического примера[20].

Предпочтительнее выглядит позиция Ф. Бюхера, который использует более простое (хотя и недостаточно конкретное) определение *exemplum*[21], делая акцент именно на его задаче «убеждать» слушателей. Удачной также представляется формулировка И. Опперман, однако эта исследовательница не включила в неё определения функций исторического примера[22].

Необходимо также отдельно остановиться на таком аспекте, как собственно историчность используемых Цицероном *exempla*. Можно ли включать в число исторических примеров упоминания полулегендарных либо вовсе легендарных событий (например, странствий Геракла или Троянской войны) и мифологических персонажей? С моей точки зрения – безусловно, да. Сложно сказать, насколько сам Цицерон в каждом конкретном случае верил в реальность существования того или иного баснословного героя, но, так как он не отделяет их строго от фигур собственно исторических, в отличие, например, от персонажей театральных пьес (см. Cic. Scaur. 3), едва ли будет правильным делать это за него, тем более что в рассматриваемый период мифология традиционно мыслилась как древнейшая часть истории.

---

[19] В любом случае, вопрос о правомерности такого разделения не имеет прямого отношения к теме настоящей статьи, поэтому здесь не стоит останавливаться на нём подробнее: среди иностранных *exempla*, используемых Цицероном, нет таких, которые можно было бы отнести к категории юридических прецедентов.

[20] *Blom H. van der*. Op. cit. P. 69.

[21] *Bücher F.* Op. cit. S. 154: „so könnte man als *exemplum* ansehen, was aus der Vergangenheit zum Zwecke gegenwärtiger Überzeugungsarbeit eines Redners herausgenommen wird."

[22] *Oppermann I.* Zur Funktion historischer Beispiele in Ciceros Briefen. München, 2000. S. 19: „Als *exemplum* soll deshalb im Folgenden die Erwähnung von realen oder als realen betrachteten Personen oder Ereignissen angesehen werden, die deutlich nicht selbst Gegenstand der Erörterung, sondern von außen neben das Thema gestellt sind, und für die gilt: Sie müssen für die primären Kommunikationspartner eindeutig identifizierbar sein, über ein gewisses Maß an Bedeutung (*auctoritas*, *casus*) verfügen und die mit ihnen (explizit oder implizit durch die Nennung der Personen) zum Vergleich herangezogenen konkreten Vorgänge müssen mindestens bereits abgeschlossen sein."

Суммируя всё сказанное выше, попытаюсь дать своё определение понятию *exemplum*[23], на которое я и буду в дальнейшем опираться в своём исследовании. Представляется, что под *exemplum* следует понимать упоминание оратором какого-либо конкретного человека или конкретного события, жившего или имевшего место в отдалённом либо относительно недавнем прошлом, с целью сообщить своей речи убедительность, достоинство, правдоподобие и красоту, а также придать изложению живость и яркость. Сам факт того, существовал ли вообще данный человек или произошло ли в действительности данное событие, не имеет особого значения, если они мыслятся оратором и его аудиторией как реальные. При использовании *exemplum* обычно указываются имена конкретных лиц, но это не является непременным условием: хорошо известное слушателям имя может только подразумеваться (как в Mur. 84: Ганнибал).

3. Наблюдения за использованием Цицероном иностранных исторических примеров

Перейдём теперь собственно к анализу отдельных случаев использования Цицероном тех или иных внешних исторических примеров[24]. В первую очередь здесь следует обратить внимание на зависимость этой практики от жанра произведения. Если просмотреть весь цицероновский корпус, то выяснится, что Цицерон охотнее всего использует иностранные *exempla* в своих философских сочинениях; там их количество иногда даже превышает количество римских. Это вполне объяснимо, так как в качестве примеров в произведениях этого жанра Цицерон часто приводит философов, писателей, деятелей искусства, а выдающихся греков в этих сферах было на порядок больше, чем римлян. Заметно реже иноземные *exempla* встречаются в переписке, причём частота употребления напрямую зависит от адресата: в письмах к Аттику число их весьма велико, в посланиях к ряду других адресатов – нет совсем. Наконец, в речах, как уже отмечалось, иностранные исторические примеры встречаются на порядок реже римских.

Однако даже эти единичные *exempla* распределяются внутри корпуса сохранившихся речей весьма неравномерно. Прослеживается строгая закономерность: Цицерон чаще всего использует иностранные исторические примеры в судебных речах. Едва ли это можно объяснить простой случайностью. Скорее подобную избирательность следует связать с аудиторией, перед которой приходилось выступать оратору, а также с обстоятельствами тех дел, по поводу которых он говорил.

---

[23] Или «исторический пример», для меня эти понятия синонимичны. Напротив, широко используемое многими перечисленными выше исследователями выражение «исторические *exempla*» является, по моему мнению, тавтологией (на любом языке).

[24] Ссылки на все случаи упоминания иностранных исторических деятелей в речах цицероновского корпуса см.: *Shackleton Bailey D.R.* Onomasticon to Cicero's Speeches. 2nd rev. ed. Stuttgart; Lpz., 1992. Разумеется, далеко не все они подходят под определение *exemplum*.

Произнося политические речи на народных сходках (*contiones*), Цицерон выступал перед широкими массами римского плебса. Разумеется, сколько-нибудь точно оценить образовательный уровень этих его слушателей нельзя, но как кажется, сделать некоторые общие заключения возможно. Как демонстрирует целый ряд исследований[25], неверно было бы представлять себе римских плебеев совершенно тёмной и необразованной массой, хотя большинство из них, если и учились вообще, то мало и недолго. Коллективная историческая память играла в жизни римлян колоссальную роль, так как само государственное устройство Республики было в значительной степени основано на авторитете традиции и обычаях предков (*mos maiorum*). В определённом смысле взгляд римлян всегда был направлен в прошлое. Такая ситуация всячески поддерживалась римской правящей аристократией, которая обосновывала свои претензии на лидирующее положение в государстве, в том числе, заслугами своих предков. Достижению этой цели служили возведение общественных зданий, храмов и памятных монументов в городе, пропаганда на монетах, разнообразные пышные церемонии – похороны членов знатных родов (*pompa funebris*), триумфальные процессии и т.д. Рядовой римский гражданин был в своей повседневной жизни всё время как бы «погружён» в историю своего отечества и имел поэтому определённый запас знаний (хотя, конечно, отрывочных и несистематизированных, а зачастую и мифологизированных) о ключевых её событиях и деятелях. Именно это обстоятельство позволяло Цицерону даже в речах перед народом использовать *exempla*. Но и сами ораторы, постоянно обращаясь к событиям прошлого, раз за разом напоминали о них своей аудитории и способствовали формированию и сохранению исторической памяти. Правда, в речах перед народом Цицерон прибегает к этому приёму реже, чем в других своих выступлениях, и привлекает для этой цели весьма ограниченный круг лиц и событий, лучше всего знакомых широкой публике. Естественно, что использования неримских примеров Цицерон в таких случаях последовательно избегает[26].

Иной была ситуация при выступлениях в сенате. Насколько можно судить, большинство римских сенаторов в I в. владели в той или иной степени греческим языком и имели некоторые познания в греческой литературе и истории. В сенатских речах Цицерон периодически использует внешние *exempla*, но круг их весьма ограничен: из исторических деятелей это, как правило, знаменитые враги Рима – Ганнибал, Афинион и Спартак. При этом более половины всех примеров приходится на «Филиппики», направленные против М. Антония, которого Цицерон регулярно отождествляет с этими историческими персонажами (Phil. XIII.22: *O Spartace*; Phil. XIII.25: *noue Hannibal*). Упомина-

[25] См., напр.: *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambr. (Mass.), 1989. P. 233–242; *Horsfall N.* The Culture of the Roman Plebs. L., 2003.

[26] Исключения крайне редки: это упоминания Спартака (Phil. IV.15) и Ганнибала (Phil. VI.4, 6) в четвёртой и шестой «Филиппиках», произнесённых на народных сходках.

ются также Геркулес (Dom. 134) и Александр Македонский (Phil. V.48). Правда, до нашего времени практически не дошли речи, посвящённые внешнеполитическим вопросам (например, «Об александрийском царе», сохранившаяся лишь в незначительных фрагментах[27]). Возможно, в этих выступлениях иностранные *exempla* использовались оратором более широко, что выглядело бы вполне уместно.

При выступлении в уголовных судах главной аудиторией Цицерона были, конечно, члены постоянных судебных комиссий (*quaestiones perpetuae*). После установления диктатуры Суллы и до Аврелиева судебного закона 70 г. эти комиссии комплектовались только из сенаторов, а после его принятия стали включать в себя три декурии: сенаторов, всадников и эрарных трибунов; таким образом, в них опять-таки заседали представители верхних и, соответственно, наиболее образованных слоёв римского общества. Однако в судах Цицерон, очевидно, чувствовал себя свободнее. Именно в этих выступлениях он наиболее активно использует греческие *exempla*. Они часто появляются в речах на процессах, непосредственно связанных с Грецией или странами эллинистического Востока: например, в «Верринах» (обвиняемый – наместник в Сицилии), в речах «За Архия» (подзащитный Цицерона – грек и к тому же поэт), «За Рабирия Постума» (клиент Цицерона, хоть и был римлянином, жил некоторое время в птолемеевском Египте, и именно с этой страной были связаны инкриминируемые ему преступления) и др.

Из иностранных *exempla* Цицерон во всех своих сочинениях чаще всего использует греческие, что неудивительно: и сам оратор, и его аудитория были лучше всего знакомы именно с греческой литературой, откуда эти примеры и черпались. В диалоге «Оратор» Цицерон советует изучающему искусство красноречия в первую очередь познакомиться с родной историей, а во вторую – с греческой[28]. Кроме того, римляне, и Цицерон в частности, хотя и подчёркивали постоянно своё превосходство над греками в сфере управления государством, воинских и гражданских добродетелях, чистоте нравов, ценили культурные достижения эллинов и признавали их первенство в области искусств и наук[29]. С особым уважением Цицерон относился, конечно, к Греции времён поздней архаики и классики (VI–V вв.), когда она переживала культурный расцвет и находилась в зените политического и военного могущества (см., например: Cic. Rosc. Amer. 70). Именно к

---

[27] См., напр., издание: M. Tullius Cicero. The Fragmentary Speeches / J.W. Crawford (ed.). 2nd ed. Atlanta, 1994. P. 43–56. Русский перевод: Марк Туллий Цицерон. Речь «Об александрийском царе» (фрагменты) / Вступ. ст., пер. с лат. и комм. В.К. Хрусталёва // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 441–450.

[28] Cic. Or. 120: *Cognoscat etiam rerum gestarum et memoriae ueteris ordinem, maxime scilicet nostrae ciuitatis, sed etiam imperiosorum populorum et regum inlustrium.* – «Пусть он [оратор. – *В.Х.*] изучит также последовательность деяний и памятных событий древности, в первую очередь, конечно, в нашем государстве, но также и у других державных народов и прославленных царей».

[29] См., напр.: *Никишин В.О.* Цицерон и греки // SH. 2011. Т. 11. С. 167–189 (с библиографией).

этой эпохе относятся почти все позитивные греческие *exempla*. Чем ближе к времени жизни самого Цицерона, тем больше становится примеров негативных или нейтральных, что, в принципе, соответствует несколько скептическому взгляду Цицерона на современных ему греков[30].

Если говорить о подборе Цицероном иностранных исторических деятелей для использования в качестве *exempla*, то это в большинстве своём политики, правители и военачальники. Такой выбор диктуется тем (уже отмеченным выше) обстоятельством, что хороший исторический пример, как римский, так и иноземный, должен обладать *auctoritas*, которая имеется, в первую очередь, у полководцев и государственных мужей[31]. В частности, Цицерон упоминает мифологических героев Геркулеса (Verr. II.4.95; Sest. 143; Balb. 39) и Аякса Теламонида (Scaur. 3), а также Солона (Rosc. Amer. 70), Аристида (Sest. 141), Мильтиада Младшего (Sest. 141), Фемистокла (Arch. 20; Sest. 141; Scaur. 3)[32], Деметрия Фалерского (Rab. Post. 23), сиракузского тирана Дионисия (Старшего или Младшего, из контекста неясно: Rab. Post. 25), Александра Македонского (Arch. 24; Rab. Post. 23), понтийского царя Митридата VI Евпатора (Verr. II.2.51; Rab. Post. 27)[33]. Примерно половина из перечисленных исторических фигур – это афиняне, жившие в эпоху греко-персидских войн (Мильтиад Младший, Аристид, Фемистокл) или чуть раньше (Солон), в славное время наиболее громких военных успехов Афинского государства. Дионисий Старший жил в конце V – начале IV в., его сын, Дионисий Младший, – в первой половине IV в., афинянин Деметрий Фалерский – в конце III – начале II в. Лишь фигура Митридата является исключением: в «Верринах» (Verr. II.2.51) Цицерон упоминает его, когда понтийский царь ещё был жив, в речи «За Рабирия Постума» (Rab. Post. 27) – приблизительно через 10 лет после его смерти. Этого же принципа Цицерон советует придерживаться и при выборе римских примеров, что им подробно

---

[30] *Никишин В.О.* Указ. соч. С. 168, 172, 176–182.

[31] Ср.: Cic. Verr. II.3.209: *Tametsi quae ista sunt exempla multorum? Nam cum in causa tanta, cum in crimine maximo dici a defensore coeptum est factitatum esse aliquid, exspectant ii qui audiunt exempla ex uetere memoria, ex monumentis ac litteris, plena dignitatis, plena antiquitatis; haec enim plurimum solent et auctoritatis habere ad probandum et iucunditatis ad audiendum.* – «Однако каковы же эти многочисленные примеры? Ведь когда рассматривается подобное дело, когда защитник, касаясь тяжелейшего обвинения, начинает говорить, будто „так часто делали и другие“, слушатели ожидают примеров из былых времён, из исторических документов и сочинений, полных достоинства, полных древности; ведь они и придают наибольший авторитет доказательствам, и доставляют наибольшее наслаждение слушателям».

[32] Образу Фемистокла в сочинениях Цицерона посвящена специальная статья: *Berthold H.* Die Gestalt des Themistocles bei M. Tullius Cicero // Klio. 1965. Bd. 43. S. 38–48.

[33] Разумеется, Цицерон многократно упоминает и других эллинистических монархов (Пирра, Филиппа V, Антиоха III, Персея), но такие упоминания всегда связаны с теми войнами, которые вели против них римляне и их прославленные военачальники; иноземные цари в этих *exempla* – лишь второстепенные фигуры, так что подобные примеры по сути являются римскими.

обосновывается во второй речи «Против Верреса»: предпочтение следует отдавать историческим деятелям и событиям глубокой древности (*antiquissimorum clarissimorumque hominum*), т.е. времён Второй Пунической войны и великих завоеваний (конец III – первая половина II в.), поскольку в те времена «и нравы были наилучшими, и мнение других людей ставили высоко, и суды отличались суровостью»[34]. К примерам из недавнего прошлого надо прибегать, если не удалось подобрать древних, но при этом по своему авторитету они должны быть сравнимы с *exempla uetera*.

Exempla, в которых упоминаются греческие государственные деятели, в речах играют сугубо подчинённую роль, почти всегда соседствуют с римскими и идут после них[35]. Так, в речи «За Сестия» Цицерон сначала приводит пример консула 121 г. Л. Опимия, который, расправившись со сторонниками Г. Гракха, спас государство от смуты, но навлёк на себя ненависть со стороны плебса и в итоге, будучи осуждён уголовной судебной комиссией, ушёл в изгнание (Sest. 140). Лишь после этого он вспоминает о подобной участи Фемистокла, Мильтиада, Аристида и Ганнибала. Приводя греческие *exempla*, Цицерон почти всегда подчёркивает превосходство римлян, которые, например, оказались более мудрыми законодателями, чем сам Солон (Rosc. Amer. 70), много превосходят греков силою духа (*grauitas*) (Sest. 141), оказавшись в критических обстоятельствах, даже самоубийство совершают с большею охотой (Scaur. 2–4); и вообще сочинения греков, откуда черпаются все эти примеры, «более украшены словами, чем делами» (ibid.). Пару раз греческие *exempla* сопровождаются неуверенным *'(ut) opinor'* («полагаю», «по-моему»), несколько маскирующим хорошее знание оратором греческой литературы (Sest. 48; Scaur. 4) – к такому приёму Цицерон прибегал в «Верринах», рассказывая судьям о похищенных Верресом произведениях эллинского искусства (Verr. II, 4, 39), а также в некоторых других речах (Rosc. Amer. 46; Pis. 69).

Несмотря на все эти оговорки, греческие военачальники и государственные мужи в целом служат в речах положительными примерами. Иначе дело обстоит с тиранами и эллинистическими царями. Они, за редким исключением, являются сугубо негативными образцами проявления стереотипных пороков, свойственных, с точки зрения римлян, ничем не ограниченному единовластию; неслучайно больше всего таких *exempla* мы находим в речи «За Рабирия Постума», в которой Цицерон рисует сугубо отрицательный образ египетского мо-

---

[34] Cic. Verr. II.3.210: *cum et optimi mores erant et hominum existimatio grauis habebatur et iudicia seuera fiebant.* Ср. *Part. orat.* 96: *Uterque uero ad augendum habeat exemplorum aut recentium, quo notiora sint, aut ueterum, quo plus auctoritatis habeant, copiam.* – «В обоих случаях пусть у него [оратора. – *В.Х.*] будет множество примеров для подкрепления [своей позиции] – или современных, поскольку они лучше известны, или древних, поскольку они обладают бо́льшим авторитетом».

[35] См.: *Schönberger H.* Op. cit. S. 32–33.

нарха Птолемея XII Авлета[36]. Дионисию, например, оратор приписывает несправедливость (*iniquitas*) (Rab. Post. 25), а Митридату – жестокость (*crudelitas*) (Rab. Post. 27). Там же он намекает на причастность неназванного по имени египетского царя Птолемея II Филадельфа к смерти афинского тирана и известного философа Деметрия Фалерского, ученика Аристотеля и Феофраста[37]. В «Верринах» Митридат предстаёт как «враг, и в остальном враг крайне свирепый и бесчеловечный» (*hostis, et hostis in ceteris rebus nimis ferus et immanis*) (Verr. II.2.51); впрочем, даже он не отважился на те преступления, которые совершил негодяй Веррес.

Гораздо реже встречаются в речах имена греческих деятелей культуры. Из историков упоминается Каллисфен (IV в.), пострадавший от жестокости Александра Македонского (Rab. Post. 23). Из философов Цицерон использует в качестве *exemplum* Платона, которого он вспоминает в связи с несправедливостью сиракузского тирана Дионисия (ibid.)[38], а также Сократа (Scaur. 4) и киника Диогена (Mur. 75).

Наконец, иногда Цицерон считает уместным упомянуть в своих речах и обычных греков. В первую очередь это касается тех, кто совершил славные деяния. В речи «За Милона» он использует примеры греческих тираноубийц, очевидно намекая, в первую очередь, на афинян Гармодия и Аристогитона, убивших тирана Гиппарха (Mil. 80). В случае необходимости оратор вспоминает даже людей заурядных, но приобретших известность благодаря какому-нибудь необычному поступку (например, амбракийца Клеомброта)[39].

---

[36] См. подробнее, напр.: *Хрусталёв В.К.* Образ египетского царя Птолемея XII Авлета в речах Цицерона // ВДИ. 2017. № 1. С. 91–105.

[37] Cic. Rab. Post. 25: *accepimus … Demetrium, qui Phalereus uocitatus est, et ex re publica Atheniensi, quam optime gesserat, et ex doctrina nobilem et clarum, in eodem isto Aegyptio regno aspide ad corpus admota uita esse priuatum.* – «Мы слышали, что Деметрий, прозванный Фалерским, известный и прославленный как тем, что он наилучшим образом управлял Афинским государством, так и учёностью, лишился жизни в том же самом Египетском царстве после того, как к нему подложили ядовитую змею». Обвинение это, по-видимому, безосновательно, и Деметрий погиб в результате несчастного случая (см.: Diog. Laert. V.78).

[38] Цицерон намекает либо на первое путешествие Платона на Сицилию, которое философ совершил ко двору тирана Дионисия Старшего, либо на второе и третье, уже ко двору его сына, Дионисия Младшего. Как предполагает К. Клодт (*Klodt C.* Ciceros Rede *Pro Rabirio Postumo:* Einleitung und Kommentar. Stuttgart, 1992. S. 135–136), оратор имел в виду прежде всего именно второе и третье плавания философа, о которых он должен был быть хорошо осведомлён из седьмого письма Платона.

[39] Cic. Scaur. 4: *Graeculi quidem multa fingunt, apud quos etiam Cleombrotum Ambraciotam ferunt se ex altissimo praecipitasse muro, non quo acerbitatis accepisset aliquid, sed, ut uideo scriptum apud Graecos, cum summi philosophi Platonis grauiter et ornate scriptum librum de morte legisset.* – «Гречишки, конечно, многое выдумывают; например, рассказывают, что также амбракиец Клеомброт бросился с высокой стены – не потому, что он перенёс какое-либо несчастье, но по причине того, что, как пишут греки, он прочёл убедительно и изящно написанную книгу величайшего философа Платона о смерти». Имеется в виду, конечно, диалог «Федон».

Из исторических деятелей прочих народов Цицерон чаще всего упоминает великого карфагенского полководца Ганнибала, так что можно проследить, как оратор, в зависимости от своих целей, весьма вольно обращается с одними и теми же *exempla*, представляя их с совершенно разных сторон. Относительно римских *exempla* этот приём хорошо освещён в литературе на примере братьев Гракхов[40]. Оратор обращается к образу Ганнибала и в судебных (там его имя звучит 5 раз и 1 раз подразумевается), и в политических речах (в них даже чаще – 11 раз)[41]. В большинстве случаев Цицерон использует Ганнибала как пример классического и наиболее полного воплощения врага и одновременно – величайшей угрозы Риму (например, Phil. I.11: *Hannibal ante portas*)[42]. Этот образ пунийского военачальника можно считать штампом, прочно укоренившимся как в сознании римлян, так и в римской литературе. Как правило, Цицерон даже не развёртывает этот пример, добиваясь нужных ассоциаций лишь несколькими словами или даже упоминанием одного только имени Ганнибала. С Ганнибалом оратор сравнивает плохих и недостойных граждан – Г. Верреса и М. Антония. Но иногда Ганнибал предстаёт у Цицерона и в положительном свете: например, в речи «За Сестия» он помещён в один ряд с Л. Опимием, Фемистоклом, Мильтиадом Младшим и Аристидом, как человек, знаменитый «проницательностью, доблестью, славными деяниями» (*consilio, uirtute, rebus gestis*) (Sest. 142). В качестве позитивного примера Цицерон приводит также благочестивый поступок союзника римлян, нумидийского царя Массиниссы, противопоставляя его богопротивным гнусностям Верреса (Verr. II.4.103).

Можно указать и на примеры лидеров великих рабских восстаний – сирийца Афиниона (Verr. II.2.136; III.66, 125; Har. resp. 26) и фракийца Спартака (Har. resp. 26; Phil. III.21; IV.15; XIII.22), но представляется, что их следует рассматривать скорее как персонажей собственно римской истории, пусть они и не являлись римлянами по происхождению. Цицерон использует эти образы (особенно Спартака) так же, как и образ Ганнибала – как олицетворение страшного врага Рима, часто употребляя эти *exempla* поблизости в одной и той же речи. Иногда рядом возникает и Катилина (Phil. IV.15); впрочем, последний всё-таки кажется Цицерону меньшим злом в сравнении со Спартаком (Phil. XIII.22).

Крайне редко Цицерон, приводя внешние исторические примеры в сенатских и судебных речах, упоминает женщин. Это мифологические героини – Елена Троянская (Phil. II.55) и дочери афинского царя Эрехтея (Sest. 48); консула 58 г. А. Габиния Цицерон называет именем полулегендарной ассирийской царицы Семирамиды (Prov. cons. 9). Лишь в сенатской речи против своего недруга Л. Кальпурния Пизона Цезонина, консула 58 г. и тестя Цезаря, Цицерон, издеваясь над увле-

---

[40] См.: *Robinson A.W.* Op. cit. P. 41–82; *van der Blom H.* Op. cit. P. 103–107.

[41] Ссылки см.: *Shackleton Bailey D.R.* Op. cit. P. 53.

[42] См. эпитеты, которыми римский оратор характеризует Ганнибала: *acutus* (здесь в отриц. смысле: Phil. XIII.25); *immanis* (Phil. XIV.9).

чением Пизона эпикурейской философией, использует в качестве *exemplum* Фемисту – женщину-философа, последовательницу Эпикура, которой основатель школы адресовал многие из своих писем (Pis. 63).

Иногда в качестве *exemplum* используются целые народы. Когда в речи «За Флакка» (Flacc. 62–63) Цицерону нужно было подчеркнуть добросовестность представителей тех греческих общин, которые выступали в качестве «хвалителей» (*laudatores*) на стороне его подзащитного, он обращается к славной истории Афин, Спарты и Массилии. Когда ему требуется подчеркнуть жадность и нечестие Верреса, он вспоминает о персах, не разграбивших, в отличие от обвиняемого, знаменитый храм Аполлона на Делосе (Verr. II.1.48). Когда он хочет показать ненависть, которую испытывали к Верресу сицилийцы, он рассказывает о том, как они сбросили с пьедесталов статуи бывшего своего наместника и указывает, что это у греков не в обычае: в Первую Митридатову войну родоссцы не тронули статуи Митридата, против которого отчаянно сражались (Verr. II.2.159).

4. Заключение

Подводя итоги, ещё раз следует подчеркнуть разницу в употреблении Цицероном в его ораторских выступлениях римских и иностранных примеров. Использование последних в речах, по сравнению с другими жанрами, было строго ограничено по ряду причин. В некоторых случаях в качестве такого ограничителя могли выступать скудные познания большинства аудитории в области истории греческого и других народов. В сочинениях, предназначенных для более образованной публики, внешние *exempla* встречаются гораздо чаще. Но даже в речах перед сенаторами и всадниками Цицерон весьма осторожно и лишь крайне редко использует этот приём. Во многих случаях (как с Ганнибалом или Спартаком) это устоявшиеся риторические штампы. Значительную долю составляют негативные примеры. Едва ли в глазах большинства римлян внешние примеры, в отличие от *exempla*, заимствованных из римской старины, имели достаточный авторитет, чтобы «убеждать» аудиторию. Если исходить из целей использования *exempla*, сформулированных в начале статьи, употребление внешних *exempla*, особенно в речах, тесно связанных с иноземными делами, скорее могло иметь задачей «услаждать» и «увлекать» слушателей.

Литература:

Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976.

Марк Туллий Цицерон. Речь «Об александрийском царе» (фрагменты) / Вступ. ст., пер. с лат. и комм. В.К. Хрусталёва // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 441–450.

Никишин В.О. Цицерон и греки // SH. 2011. Т. 11. С. 166–189.

Хрусталёв В.К. Образ египетского царя Птолемея XII Авлета в речах Цицерона // ВДИ. 2017. № 1. С. 91–105.

Albrecht M. von. Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken. 3. Aufl. B.; Boston, 2012. Bd. I.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung, und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.
Assmann J. Religion und kulturelles Gedächtnis. Zehn Studien. München, 2000.
Berthold H. Die Gestalt des Themistocles bei M. Tullius Cicero // Klio. 1965. Bd. 43. S. 38–48.
Blom H. van der. Cicero's Role Models: The Political Strategy of a Newcomer. Oxf., 2010.
Bücher F. Verargumentierte Geschichte. *Exempla Romana* im politischen Diskurs der späten Republik. Stuttgart, 2006.
Chaplin J.D. Livy's Exemplary History. Oxf., 2000.
Cicero: De Inventione, De Optimo Genere Oratorum, Topica / Ed. and trans. H.M. Hubbel. Cambr. (Mass.), 1949.
Cicero M. Tullius. The Fragmentary Speeches / J.W. Crawford (ed.). 2nd ed. Atlanta, 1994.
Daxelmüller C. Exemplum // Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung / R.W. Brednich (hg.). B., 1984. Bd. IV. Sp. 627–649.
Douglas A.E. Clausulae in the *Rhetorica ad Herennium* as Evidence of Its Date // CLQ. 1960. Vol. 10. P. 65–78.
Fuhrmann M. Das *Exemplum* in der antiken Rhetorik // Geschichte – Ereignis und Erzählung / R. Koselleck, W. Stempel (hgs.). München, 1973. S. 449–452.
Gaines R.N. Roman Rhetorical Handbooks // A Companion to Roman Rhetoric / W. Dominik, J. Hall (ed.). Oxf., 2007. P. 163–180.
Harries J. Cicero and the Jurists: From Citizen's Law to the Lawful State. L., 2006.
Harris W.V. Ancient Literacy. Cambr. (Mass.), 1989.
Henderson M.I. The Process *de Repetundis* // JRS. 1951. Vol. 41. P. 71–88.
Herrmann L. L. Annaeus Cornutus et sa rhétorique à Herennius Senecio // Latomus. 1980. T. 39. P. 144–160.
Hölkeskamp K.-J. Exempla und *mos maiorum*: Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität // Vergangenheit und Lebenswelt. Soziale Kommunikation, Traditionsbildung und historisches Bewusstsein / H.-J. Gehrke, A. Möller (hgs.). Tübingen, 1996. S. 301–338.
Hölkeskamp K.-J. History and Collective Memory in the Middle Republic // A Companion to the Roman Republic / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx (eds.). Oxf., 2006. P. 478–495.
Horsfall N. The Culture of the Roman Plebs. L., 2003.
Kennedy G. The Art of Rhetoric in the Roman World: 300 B.C. – A.D. 300. Princeton, 1972.
Klein J. Exemplum // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hg. G. Ueding. Tübingen, 1996. Bd. III. Sp. 60–70.
Klodt C. Ciceros Rede *Pro Rabirio Postumo:* Einleitung und Kommentar. Stuttgart, 1992.
Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979.
Kroll W. Der Text des Cornificius // Philologus. 1934. Bd. 89. S. 63–84.
Kroll W. M. Tullius Cicero: Die rhetorischen Schriften // RE. 1939. Bd. VIIA. Sp. 1091–1103.
Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. Bd. I.
Memoria Romana: Memory in Rome and Rome in Memory / K. Galinsky (ed.). Ann Arbor, 2014.
Memory in Ancient Rome and Early Christianity / K. Galinsky (ed.). Oxf.; N.Y., 2016.

Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004.
Nora P. Entre histoire et mémoire. La problématique des lieux // Les lieux de mémoire / P. Nora (ed.). Vol. 1: La République. P., 1984. P. XV–XLII.
Rhetorica ad Herennium / Ed. and trans. H. Caplan. Cambr. (Mass.), 1954.
Robinson A.W. Cicero's Use of People as *Exempla* in His Speeches. Diss. Indianapolis, 1986.
Schönberger H. Beispiele aus der Geschichte, ein rhetorisches Kunstmittel in Ciceros Reden. Diss. Erlangen, 1910.
Shackleton Bailey D.R. Onomasticon to Cicero's Speeches. 2nd rev. ed. Stuttgart; Lpz., 1992.
Walter U. Memoria und *res publica*. Zur Geschichtskultur der römischen Republik. Frankfurt am Main, 2004.
Winkel L.C. Some Remarks on the Date of the *Rhetorica ad Herennium* // Mnemosyne. 1979. Vol. 32. P. 327–332.
Yao Shao-Ji. Der Exempelgebrauch in der Sangspruchdichtung vom späten 12. Jahrhundert bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts. Würzburg, 2006.

С.Н. Ахиев

ФОРМИРОВАНИЕ РИМСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ОКТАВИАНОМ (ОТ ИЛЛИРИЙСКОЙ КАМПАНИИ ДО БИТВЫ ПРИ АКЦИИ)

Аннотация: В статье рассматриваются средства и методы, которые использовал Октавиан, формируя общественное мнение римлян в период 34–32 гг. до н.э. Автор отмечает их многообразие и интенсивное использование в политической пропаганде и приходит к выводу, что их эффективность не стоит преувеличивать. Только использование патриотических лозунгов смогло превратить Октавиана в подлинного лидера Римской республики. Политический талант Октавиана состоял в том, что он сумел уловить и использовать эти настроения римлян в своих интересах.

Ключевые слова: политическая пропаганда, гражданская война в Риме, Римская республика, Октавиан, Марк Антоний, общественное мнение.

Abstract: The article discusses the means and methods that Octavian used to form the public opinion of the Romans in the period 34–32 BC. The author notes their diversity and intensive use in political propaganda, but their effectiveness should not be exaggerated. Only patriotic slogans made Octavian the true leader of the Roman Republic. Octavian`s political talent was that he managed to capture and use Romans moods in his interests.

Keywords: political propaganda, Roman Civil War, Roman Republic, Octavian, Mark Anthony, public opinion.

Открытый разрыв между Октавианом и Антонием произошел летом 33 г. до н.э., когда Антоний, получив в Армении ответ Октавиана на свое послание, отдал армии приказ о возвращении (Plut. Ant. 56). Однако противостояние наметилось много раньше. Отношения между Октавианом и Антонием никогда не были теплыми. Их сотрудничество в предыдущий период обусловливалось необходимостью противостоять республиканцам. Для решающей схватки за политическое наследие Цезаря требовались материальные и людские ресурсы. Октавиан располагал для этого только одной возможностью – приобрести доверие населения Италии. Именно эту задачу, по мнению исследователей, должны были решить Иллирийские походы[1]. Р. Сайм отметил важную особенность этой кампании: Октавиан чуть ли не впервые в своей карьере столь часто рисковал жизнью, добиваясь личной славы.

---

[1] *Swoboda E.* Octavian und Illyricum. Wien, 1932. P. 17; *Carter J.M.* The Battle of Actium. The Rise and Triumph of Augustus Caesar. L., 1970. P. 168; *Scullard H.H.* From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L., 1964. P. 170; *Schmitthenner W.* Octavians militarische Unternehmungen in den Jahren 35–33 v. Chr. // Historia. 1958. Bd. 7. H. 2. S. 189 ff.; *Малеванный А.М.* Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н.э.) // ВДИ. 1977. № 2. С. 131; Ср.: *Колосовская Ю.К.* Завоевание Паннонии Римом // ВДИ. 1961. № 1. С. 64: «Иллирик должен был сыграть примерно ту же роль, что для Цезаря Галлия».

Заслуги Т. Статилия Тавра и М. Випсания Агриппы не афишировались, поскольку создавался авторитет только триумвиру[2].

Покорение Иллирии дало Октавиану возможность заручиться поддержкой Италии благодаря новой грандиозной пропагандистской кампании, сопоставимой только с аналогичными кампаниями Г. Юлия Цезаря. На средства, добытые в походах, восстанавливались и строились общественные здания и храмы, приводилась в порядок дренажная система в Риме, велись работы по улучшению системы водоснабжения города, устраивались зрелища и раздачи[3]. Очевидно, не было случайностью, что в 33 г. до н.э. эдилом (беспрецедентный случай) становится консуляр Агриппа (Dio Cass. XLIX.43.1), которому в силу должностных полномочий и поручили всю эту работу. Славу Октавиана должно было подчеркнуть и торжественно обставленное возвращение отбитых у далматов римских знамён, утерянных Габинием и Ватинием. Их поместили в специально выстроенном портике Октавии. Таким образом, политический эффект успешной Иллирийской кампании был рассчитан на укрепление престижа наследника Цезаря не только в армии, но и в самых разнообразных слоях общества, чтобы создать тем самым столь необходимую ему социальную опору. Одновременно он всячески мешал Антонию действовать в Италии.

Открытый разрыв между триумвирами начался яростной пропагандистской перепалкой, направленной на унижение соперника и собственное возвеличивание в качестве достойного преемника власти Цезаря[4].

Данные источников позволяют утверждать, что инициатива развязывания пропагандистской войны принадлежала Октавиану[5]. Од-

---

[2] *Syme R.* Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 240–241. В.Н. Парфенов заметил, что реальное руководство войной осуществляли упоминаемые источниками вскользь, помимо названных Р. Саймом – М. Валерий Мессала, М. Гельвий, Г. Аттистий Вет, Фуфий Гемин (*Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 105. Ср.: *Perowne S.* Death of the Roman Republic. From 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N.Y., 1968. P. 260).

[3] ILS. I.128; Dio Cass. XLIX.42. 2–3, 43.1–4; App. Illyr. 28; RG. XXIX.1. См. оценку: *Syme R.* Op. cit. P. 241; *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The War of the East against the West // CAH. Vol. X. P. 89; *Smethurst S.E.* Marc Antony – reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960. P. 169; *Lindsay J.* Cleopatra. N.Y., 1971 P. 279; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 52; *Goldsworthy A.* Augustus. From Revolutionary to Emperor. L., 2014. P. 179 f.; *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. под ред. Н.И. Диденко. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1. С. 97.

[4] Перипетии переписки между Октавианом и Антонием, взаимные обвинения и оправдания, достаточно подробно освещены в историографии. См.: *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 90–98; *Scott K.* The political Propaganda of 44–30 B.C. // MAAR. 1933. Vol. 11. P. 36–48; *Charlesworth M.P.* Some fragments of the Propaganda of Mark Antony // ClQ. 1933. Vol. 27. P. 172–177.

[5] Плутарх пишет, что Октавиан «ожесточал римлян» против Антония, на что тот выдвигал *ответные* обвинения (Plut. Ant. 55. Ср.: Dio Cass. XLIX.41.5). Очевидно, Кассий Дион несколько путает хронологию событий.

нако Антоний вольно или невольно спровоцировал Октавиана на это. Можно назвать по крайней мере две причины агрессивного поведения Октавиана.

Первая. Пропагандистская кампания, устроенная Октавианом после Иллирийских походов, не в последнюю очередь была нацелена на создание облика выдающегося полководца, достойного преемника Цезаря[6]. И это ему удавалось, пока не пришли вести о победе Антония над Парфией и захвате большой территории – Армении (Plut. Ant. 50. Ср.: Dio Cass. XLIX.41.5; Vell. Pat. II.82.3). Вероятно, именно поэтому, несмотря на провал похода, была объявлена победа над давним врагом Рима[7]. Очевидно, что Октавиан знал правду о неудаче Антония в Парфии. Кассий Дион прямо утверждает, что Антоний своими победными реляциями не смог утаить правду и слухи о его поражении циркулировали в Риме. Можно утверждать, что не последнюю роль в их возникновении сыграл Октавиан и его окружение, по словам античного историка, тщательно собиравшее информацию о результатах похода Марка[8]. Другими словами, Октавиан мог не опасаться за свою славу на фоне общеизвестных «побед» Антония.

Иначе обстояло дело с Арменией. Это был реальный успех завоевательной политики Антония. Поэтому захват Армении и послужил одной из причин враждебности Октавиана в 34 г. до н.э. Данные источников подтверждают это предположение. Кассий Дион подчеркивает, что Октавиан с момента получения депеш Антония об Армении предпринял все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать их публичному прочтению[9]. Но, учитывая число друзей и сторонников Антония в Риме, нетрудно предположить, что Октавиан не смог утаить это событие от общественности. Скорее всего, именно этим объясняется изменение его действий: в пропаганде появилось утверждение, что пленением армянского царя Антоний «опозорил римский народ» (Dio

---

Несомненно, депеши о завоевании Армении поступали в Рим в 34 и уж точно в 33 гг. до н.э., а не во время консульства Гая Сосия и Домиция Агенобарба (32 г. до н.э.).

[6] Важным указанием на это являются сведения, приводимые Дионом Кассием, что Октавиан в 34 г. до н.э. намеревался, «соревнуясь с отцом», воевать в Британии и даже двинул войска в Галлию (Dio Cass. XLIX.38.2). Р. Сайм отнесся к этой информации с недоверием (*Syme R.* Op. cit. P. 239). В.Н. Парфенов скепсис английского исследователя считает необоснованным (*Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа… С. 102).

[7] Plut. Ant. 50; Vell. Pat. II.82.3; Dio Cass. XLIX.32.1. Впрочем, как отмечает В.В. Тарн, Октавиан прекрасно знал о реальном положении дел (*Tarn W.W., Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 89. Ср.: *Lindsay J.* Op. cit. P. 272; *Утченко С.Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 198). Более подробный анализ действий М. Антония в современной литературе см.: *Смыков Е.В.* А был ли властитель? Размышления над некоторыми аспектами карьеры и политики триумвира М. Антония // АМА. 2017. Вып. 18. С. 165–191.

[8] Dio Cass. XLIX.32.1–2. Кроме того, он находился в секретной переписке с царём Армении Артаваздом (XLIX.41.5).

[9] Dio Cass. XLIX.41.5. Как пишет автор, Октавиан «завидовал победе Антония» и, кроме того, «чувствовал жалость» к армянскому царю (своему тайному осведомителю).

Cass. L.1.4), что не только снижало эффект пропаганды Антония, но и наносило удар по его репутации.

Второй причиной, вызвавшей нападки Октавиана на Марка Антония является то обстоятельство, что во время торжественной церемонии в Александрии Антоний публично подтвердил тот факт, что Цезарион являлся законным сыном Клеопатры и Цезаря (Dio Cass. XLIX.41.2). Нам уже приходилось обращаться к данному эпизоду[10], а потому ограничимся сделанными ранее выводами: утверждение Кассия Диона, что Антоний провозглашал Цезариона сыном Цезаря в пику Октавиану, так как подчеркивал, что Октавиан – только приёмный, а не кровный сын диктатора, – является личным мнением писателя, не соответствующим историческим реалиям. Октавиан ставил в вину Антонию, что тот ввел Цезариона в род Цезаря (Dio Cass. L.1.5. Ср: L.3.5) тем самым фиксируя нарушение римских законов и подчеркивал, как низко пал Антоний. Данное обвинение было фактически продублировано при чтении завещания Антония, в котором он якобы подтверждал происхождение Цезариона от Цезаря[11]. Это особенно прослеживается у Светония, который в рассказе о завещании осуждает тот факт, что Антоний объявил своими наследниками «даже детей от Клеопатры» (Suet. Aug. 17.1).

Таким образом, можно говорить о начале пропагандистской войны еще в 34 г. до н.э., которая достигла своего апогея в 33–32 гг. до н.э. Источники сохранили нам обвинения сторон: известно содержание писем Антония, ответы и контрвыпады Октавиана.

В данной статье нас интересуют те обвинения, которые звучали в адрес Антония. Они достаточно хорошо представлены в источниках. Антоний обвинялся в следующем: 1) он был должен предоставить в распоряжение Октавиана половину завоеваний на Востоке – Армении, Мидии, Парфии (Plut. Ant. 55). Кассий Дион добавляет к этому: 2) Антоний владел Египтом, хотя не получал его в управление; 3) он умертвил Секста Помпея; 4) обманным путем схватил царя Армении; 5) ввел Цезариона в род Юлия Цезаря (Dio Cass. L.1.4–5)[12].

Антоний действует как триумвир и его обвинения рассчитаны исключительно на солдат, никаких реверансов в адрес сената и гражданского населения Антоний не делает. Именно эту особенность обвинений использовал Октавиан в своих ответах. Он оправдывался перед солдатами, но одновременно, в соответствии со своим курсом на расширение социальной опоры, демонстративно подчеркивал своё уважение интересов всех римлян. «Лепид отрешен от власти за бесчинства», «на Италию у солдат Антония никаких притязаний быть не может: ведь в

---

[10] *Ахиев С.Н.* Птолемей Цезарь в пропаганде триумвиров // АМА. 2009. Вып. 13. С. 242–248.

[11] Dio Cass. L.3.5. Ср.: Plut. Ant. 58; Suet. Aug. 17.1.

[12] Как показал Б. де Вет, Плутарх, при написании биографии Антония, использовал его собственные письма и сочинения (*Wet de B.X.* Contemporary Sources in Plutarch's life of Antony // Hermes. 1990. Bd. 118. Hft. 1. P. 89). Дублирование Кассием Дионом части информации Плутарха позволяет предполагать то же самое и в отношении этого автора.

их распоряжении Мидия и Парфия, земли, которые они присоединили к Римской державе» (Plut. Ant. 55).

Этот ответ Октавиана следует признать блестящим ходом, поскольку одной фразой он наносит три удара Антонию. Заявление Октавиана, что солдаты Антония не должны претендовать на Италию, преследовало цель заручиться поддержкой италиков, опасавшихся новых земельных конфискаций. С другой стороны, в этих словах содержался откровенный сарказм по поводу мнимых побед Антония, которые на самом деле являлись его поражением. К тому же указание на то, что у воинов Антония есть земли Мидии и Парфии прозрачно намекало на то, что им не стоит рассчитывать на получение земли в Италии, что должно было вызвать их неудовольствие.

Вызывает интерес и обвинение в убийстве Секста Помпея. Октавиан не случайно подчеркнул, что сам он «специально приказал его пощадить» (Dio Cass. L.1.4). Как предположил М. Леви, обвинение в убийстве Секста Помпея, выдвинутое Октавианом, было рассчитано на те слои населения, которые поддерживали Помпея в его борьбе против триумвиров. Убийство С. Помпея пропаганда Октавиана представила как бесцельную жестокость[13].

Кассий Дион замечает, что пропаганда в это время велась очень интенсивно не только в личной переписке. Октавиан неоднократно произносил речи, обращаясь к сенату и народу; по всей Италии разъезжали его эмиссары (Dio Cass. L.2.1). Со стороны Октавиана звучали упрёки в обмане, коварных замыслах, распространялись порочащие слухи и сплетни, обвинение в супружеской измене, «подлом» происхождении, трусости в битвах, в присвоении чужих побед, безграмотности и т.п. Всё это, конечно же, смаковалось римской чернью, становилось предметом насмешек и сплетен[14]. Пропаганда Октавиана формировала устойчивое мнение об Антонии как развратнике и пьянице.

Установить время появления всех этих сплетен невозможно, но даже те моменты, когда источники оговаривают авторство, свидетельствуют, что большая часть их появилась именно в это время. Эффективность подобных приемов пропаганды вряд ли была высокой и, конечно, не могла надолго повредить имиджу политического деятеля в силу специфики такого рода обвинений.

Сложившийся паритет сил был кардинальным образом нарушен только после того, как Октавиан открыл для себя силу игры на патриотических чувствах сограждан. Искусно разыграв эту козырную карту, он превратился в действительно популярного лидера.

Талант Октавиана как политика и состоял в том, что в такой решающий момент он сумел уловить и использовать эти настроения

---

[13] *Levi M.A.* Il tempo di Augusto. Firenze, 1967. P. 130. Ср.: *Парфенов В.Н.* Указ. соч. С. 121. Данные источников об убийстве расходятся. Кассий Дион обвиняет в этом Антония (Dio Cass. L.1.3). Псевдо–Виктор отмечает, что Секст убит солдатами Антония (Ps.–Vict. De vir. ill. 84.4). Аппиан приводит несколько различных версий убийства (App. B.C. V. 144).

[14] Suet. Aug. 2.3, 4.2, 7.1, 10.4, 16.2, 68, 69.1–2, 86.2. См. оценку: *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 93; *Scott K.* Op. cit. P. 37 f.

римлян в своих интересах. Стоя на пороге новой братоубийственной распри, он, играя на чувствах сограждан, сумел создать политическую программу, привлекшую к нему большую часть населения Рима и Италии. А оружие ему вручил сам Антоний, целиком связав себя с Клеопатрой.

Главных направлений пропаганды было два: 1) доказательство факта, что Антоний предал интересы Рима, полностью оказавшись под влиянием чужеземной царицы; 2) Октавиан стремился убедить всех, что Клеопатра (а вместе с ней и Антоний) замыслили подчинить себе всех римлян, превратив их в провинциалов единой империи, столицей которой была бы Александрия. В соответствии с этим и выдвигались обвинения против Антония. По всей Италии распространялись слухи о порабощении Антония Клеопатрой. Прежние обвинения, даже ругательства, теперь приобретали новый смысл[15].

В 32 г. до н.э. Антоний послал официальный развод своей римской жене Октавии (Plut. Ant. 57; Dio Cass. L.3.2). Вся Италия (разумеется, с подачи умелой пропаганды Октавиана) знала о ее верности семье, что несмотря ни на что, она долгие годы воспитывала детей Антония[16]. Обвинения в супружеской измене, рабском подчинении Клеопатре получили доказательство. Гораций, передавая общественные настроения, писал:

> О, римский воин – не поверят правнуки –
> Порабощен царицею!
> В оружии, с поклажей – служит женщине
> И евнухам морщинистым…
> (Hor. Epod. 9.11–14 / Пер. Ф.А. Петровского)[17].

Мощным ударом по репутации Антония явилось опубликование в 32 г. до н.э. завещания, которое в том виде, как его преподнёс Октавиан, подтверждало обвинения чуть ли не в государственной измене[18]. Кассий Дион говорит, что завещание вызвало волну негодования в Ри-

---

[15] Кассий Дион подчеркивал, что Антоний даже одевался не как римлянин (Dio Cass. L.5.2). Согласно взглядам римлян, им не следовало надевать «чужеземного платья». По словам Вергилия, передающего легенду, римлянам не будет дано «речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться» (Verg. Aen. XII.825). Возможно, Вергилий намекал на Антония.

[16] *Scott K.* Op. cit. P. 45–46; *Perowne S.* Op. cit. P. 264; *Утченко С.Л.* Указ. соч. С. 200. Как уже отмечалось, браки (как и их расторжения) имели политический характер. В свою пору Октавиан, начиная войну против Секста Помпея, развелся со Скрибонией. Акт Антония, по всей вероятности, должен был свидетельствовать о том, что конфликт носит необратимый характер.

[17] См.: *Борухович В.Г.* Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993. С. 235. Как подчеркнул Дж. Линдсей, «до развода Антония с Октавией люди просто улыбались басням о связи с Клеопатрой. Теперь же получили веские доказательства того, что Антоний запутался в связи с чужеземной царицей» (*Lindsay L.* Op. cit. P. 282–283). Следует заметить, что нет никаких оснований для утверждения историка, что Октавиан уже в 40 г. до н.э. предвидел развод и рассчитывал извлечь выгоды из него (Ibid. P. 178–179).

[18] Suet. Aug. 17.1; Dio Cass. L.3.5; Plut. Ant. 58.

ме. Желание быть похороненным в Александрии превратно истолковывалось, «что если бы правил Антоний, их город был бы отдан Клеопатре, а столица перенесена в Египет» (Dio Cass. L.4.1). Одновременно Антонию были предъявлены обвинения в раздаривании имущества римского народа (например – пергамского книгохранилища), в унизительных для римлянина поступках (Plut. Ant. 58; Dio Cass. L.5.1–3). Пропаганда Октавиана утверждала, что Антоний отравлен ядовитыми зельями и не владеет ни чувствами, ни рассудком (Plut. Ant. 60). Всё это свидетельствует об одном: Антоний окончательно предал Рим и готов вместе с Клеопатрой вести на него врагов. Как выразительно писал Гораций, Клеопатра «грозила Капитолию»[19].

Весьма показательно, что Октавиан перенёс борьбу и в религиозную сферу. Сознательно подчёркивая свою верность традиционной римской религии, он участвовал в восстановлении римских храмов, исполнении культовых обрядов и ритуалов. Одновременно с этим запрещались некоторые восточные культы. К. Скотт отметил важную особенность пропагандистской войны между Антонием и Октавианом в это время. В 33 г. до н.э. в Риме велась «своеобразная война оракулов»[20]. В этом свете совершенно иначе выглядит информация Кассия Диона, что Агриппа изгнал из Рима восточных астрологов и магов (Dio Cass. XLIX.43.5). Можно предположить, что эта акция являлась не только следствием политики Октавиана в отношении традиционной римской религии, но и формой борьбы с пропагандой Антония[21].

Октавиан, являясь фециалом, согласно древним обычаям, лично исполнил обряд объявления войны – bellum iustum – Клеопатре, но не Антонию (Plut. Ant. 60; Dio Cass. L.4.4–5). Вряд ли можно считать справедливым и соответствующим действительности объяснение Диона Кассия, что сенат таким шагом не желал ставить вне закона спутников

---

[19] Hor. Carm. I.37.7–8. Ср.: «Клеопатра возжелала царствовать» (Eutrop. VII.7). По словам Марциала, Антоний обнажил свой меч «из-за Фаросской жены» (Mart. IV.11.4). См.: *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 96–98; *Кравчук А.* Закат Птолемеев / Пер. с польск. Д. С. Гальпериной. М., 1973. С. 191; *Ахиев С.Н.* Образ Клеопатры в пропаганде Октавиана // Актуальные вопросы истории. Саратов, 2001. Вып. 2. С. 94–101. Как подчеркнул Е.В. Смыков, Антоний в своей политике в эти годы являлся римским традиционалистом, действовавшим вполне последовательно и рационально, что далеко от облика человека, попавшего в зависимость от Клеопатры (*Смыков Е.В.* Указ. соч. С. 165, 180–185). Таким образом, представления об угрозе Риму со стороны Клеопатры и Антония являются следствием формирования общественного мнения командой Октавиана.

[20] *Scott K.* Op. cit. P. 135. Известно, что позднее, став понтификом, Октавиан приказал сжечь все пророческие книги, в том числе часть книг Сивиллы (Suet. Aug. 31.1). Ю.Г. Чернышов предполагает, что среди них наверняка были книги, содержащие пропаганду Антония (*Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «Золотом веке» в древнем Риме. Ч. 1. До установления принципата. Новосибирск, 1994. С. 128 сл.).

[21] На связь астрологов с Египтом указал А. Кравчук (Указ. соч. С. 186). Ср.: «пророки становились опасными людьми» (*Lindsay J.* Op. cit. P. 299). См. также: *Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 176–177; *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 89.

Антония (Dio Cass. L.4.3). Современные исследователи полагают, что действия Октавиана объяснялись отрицательным отношением римлян к гражданской войне. Предстоящая же борьба, как представил в своей пропаганде Октавиан, будет предпринята против чужеземного врага. Его вражда с Антонием, по замечанию Г. Бенгтсона, внешне имела характер только личной неприязни – inimicitia[22].

Р. Сайм поясняет, что «наиболее горячих приверженцев национального единства, следовало искать в сословии римских всадников и среди тех сенаторов, которые ближе всего были соединены с ними семейными и деловыми узами»[23]. Р. Парибени ещё более расширяет круг «патриотов»: «Претенденты на руководящие должности, коммерсанты, публиканы, банкиры, ветераны, ожидавшие земли, – все они были ограничены в своих возможностях; весь римский народ мог считать себя лишенным плодов собственных трудных и кровавых побед»[24].

Все цитированные исследователи сделали упор (как представляется, совершенно излишний) на материальной заинтересованности римлян. Но далеко не всегда римлянами двигали только меркантильные интересы. Гораздо лучше можно уяснить суть римской действительности конца 30-х годов до н.э., если учесть немаловажный фактор: чувство патриотизма являлось одним из важнейших качеств римского менталитета. Я.Ю. Межерицкий совершенно справедливо отметил именно эту сторону событий: «Патриотизм и страх, здоровое нравственное чувство народа и предрассудки обывателя – все это пробуждалось и эксплуатировалось целенаправленной пропагандой… Негодование, страх, ненависть накладывались на римское высокомерие, порождая чувство оскорбленного национального достоинства у повелителей мира»[25]. Как тут еще раз не вспомнить слова Вергилия о том, что предназначение римлян – править народами и предписывать миру законы.

«Националистическая» пропаганда Октавиана воодушевила всю Италию. Только этот поворот общественного мнения сделал возможным такое массовое мероприятие, как присяга (coniuratio) всей Италии и провинций на верность Октавиану. В изложении самого Октавиана она представлена как изъявление народной воли, всеобщий призыв к нему спасти Рим от нависшей над ним опасности[26]. В современной научной литературе считается, что присяга была не спонтанным актом, а тщательно подготовленным мероприятием. Расходясь в вопросе о сте-

---

[22] *Bengtson H.* Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orient. München, 1977. S. 225; Ср.: *Syme R.* Op. cit. P. 291; *Lindsay J.* Op. cit. P. 350–351; *Perowne S.* Op. cit. P. 264.

[23] *Syme R.* Op. cit. P. 290.

[24] *Paribeni R.* L'età di Cesare e di Augusto. Bologna, 1950. P. 311.

[25] *Межерицкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 162 сл.

[26] RG. 25.2. Светоний пишет, что жители Бононии – давние клиенты Антония, были освобождены от присяги (Suet. Aug. 17.2), но Кассий Дион говорит, что Октавиан «переосновал» колонию, став ее патроном вместо Антония (Dio Cass. L.6.3–4). Уже Р. Сайм признал информацию Диона Кассия достоверной (*Syme R.* Op. cit. P. 289).

пени добровольности присяги, исследователи согласны с тем, что она имела прежде всего военный характер: армия должна была сыграть ведущую роль в ее подготовке и проведении[27]. Отмечалось также, что присяга Италии имела целью узаконить положение Октавиана или, по крайней мере, создать видимость законности его действий[28].

Этот акт Октавиана демонстрировал единство всех сословий римского общества, на что и указывал Октавиан в своей пропаганде. Объединение всего Рима вокруг Октавиана подчеркивалось тем, что на войну вместе с ним последовал сенат в количестве 700 человек, причем сенаторы, как указал В.Н. Парфенов, считались призванными на военную службу[29]. Пропаганда Октавиана подчеркивала, что он возглавляет всю цезарианскую партию, тогда как Антоний изменил делу Цезаря. Особенно четко эта традиция прослеживается у Веллея Патеркула, который противопоставлял partes Iulianae и partes Antonianae[30].

Антоний ничего не смог противопоставить этой искусной пропаганде Октавиана. Многие деятели антонианского лагеря покинули его, когда стало определяться политическое преобладание Октавиана. Октавиан сумел сконструировать такую идеологическую базу, которая устраивала большинство римского общества, вне зависимости от того, верили его аргументам или нет. Политические стороны Актийской кампании значили не меньше, если не больше, чем военные. Сплочение Италии, всего Западного Средиземноморья на почве «патриотизма» было только подготовкой к военным действиям. Но именно это идейно-политическое поражение Антония в конечном итоге во многом предрешило исход битвы при Акции 2 сентября 31 г. до н.э.

Литература:

Ахиев С.Н. Образ Клеопатры в пропаганде Октавиана // Актуальные вопросы истории. Саратов, 2001. Вып. 2. С. 94–101.

Ахиев С.Н. Птолемей Цезарь в пропаганде триумвиров // АМА. 2009. Вып. 13. С. 242–248.

---

[27] *Paribeni R.* Op. cit. P. 321; *Syme R.* Op. cit. P. 284–285. П. Герман, основываясь на сообщении Диона Кассия, предположил, что клятва (за некоторыми исключениями) охватывала и гражданское население Италии и провинций (*Herrmann P.* Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seinem Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968. S. 83–84). Ср.: *Кравчук А.* Указ. соч. С. 193.

[28] *Hammond M.* The Augustan principate. Cambr. (Mass.), 1933. P. 20; *Kienast D.* Op. cit. S. 60; *Крист К.* Указ. соч. С. 102. Эта точка зрения основывается на том, что фундаментом новых отношений Октавиана и римлян стали отношения патрона-клиентов. Вопрос о полномочиях Октавиана в 32 г. до н.э., по оценке К. Криста, считается спорным, так как, возможно, Октавиан и Антоний официально не сложили своих полномочий и продолжали исполнять обязанности триумвиров (Указ. соч. С. 98 сл.). См. также: *Парфенов В.Н.* Марк Лициний Красс и «третий триумвират» Октавиана // Культура и цивилизация. Вопросы теории и истории. Н. Новгород, 1998. С. 223.

[29] RG. XXV. 3. Ср.: Verg. Aen. VIII.678–679. *Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа… С. 127 сл.

[30] Vell. Pat. II.84.1–2. Справедливость дела Октавиана Веллей подчеркивал тем, что из лагеря Антония постоянно кто-то бежал к Октавиану, в обратном же направлении – никто.

Борухович В.Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993.
Колосовская Ю.К. Завоевание Паннонии Римом // ВДИ. 1961. № 1. С. 60–83.
Кравчук А. Закат Птолемеев / Пер. с польск. Д. С. Гальпериной. М., 1973.
Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. под ред. Н.И. Диденко. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1.
Малеваный А.М. Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н.э.) // ВДИ. 1977. № 2. С. 129–142.
Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994.
Парфенов В.Н. Марк Лициний Красс и «третий триумвират» Октавиана // Культура и цивилизация. Вопросы теории и истории. Н. Новгород, 1998. С. 219–228
Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.
Смыков Е.В. А был ли властитель? Размышления над некоторыми аспектами карьеры и политики триумвира М. Антония // АМА. 2017. Вып. 18. С. 165–191.
Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «Золотом веке» в древнем Риме. Ч. 1. До установления принципата. Новосибирск, 1994.
Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orient. München, 1977.
Carter J.M. The Battle of Actium. The Rise and Triumph of Augustus Caesar. L., 1970.
Charlesworth M.P. Some fragments of the Propaganda of Mark Antony // ClQ. 1933. Vol. 27. P. 172–177.
Goldsworthy A. Augustus. From Revolutionary to Emperor. L., 2014.
Hammond M. The Augustan principate. Cambr. (Mass.), 1933.
Herrmann P. Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seinem Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968.
Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992.
Levi M.A. Il tempo di Augusto. Firenze, 1967.
Lindsay J. Cleopatra. N.Y., 1971.
Paribeni R. L'eta di Cesare e di Augusto. Bologna, 1950.
Perowne S. Death of the Roman Republic. From 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N.Y., 1968.
Schmitthenner W. Octavians militarische Unternehmungen in den Jahren 35-33 v. Chr. // Historia. 1958. Bd. 7. H. 2. S. 189–236.
Scott K. The political Propaganda of 44–30 B.C. // MAAR. 1933. Vol. 11. P. 7–49.
Scullard H.H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L., 1964.
Smethurst S. Marc Antony – reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960. P. 155–170.
Swoboda E. Octavian und Illyricum. Wien, 1932.
Syme R. Roman Revolution. Oxf., 1939.
Tarn W.W., Charlesworth M. P. The War of the East against the West // CAH. Vol. X. P. 66–111.
Wet de, B.X. Contemporary Sources in Plutarch's life of Antony // Hermes. 1990. Bd. 118. Hft. 1. P. 80–90.

В.О. Никишин

РИМ И ВАССАЛЬНЫЕ ЦАРИ: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена непростым отношениям между Римом и клиентными царствами со II в. до н.э. по начало II в. н.э. Автор считает, что клиентные царства не были «буферными» государствами в современном смысле слова. В представлении Страбона и других античных авторов они являлись органичной частью Римской державы. Взаимоотношения Рима и вассальных царей строились на основе традиционных отношений патроната – клиентелы. Система клиентных царств сформировалась при Августе. Основатель Принципата в своей внутренней и внешней политике опирался на вассальных царей, многие из которых в юности жили, воспитывались и получали образование в Риме. Римские ставленники, занимавшие трон в сопредельных с империей странах, как правило, недолго удерживали власть в своих руках: обычно их свергали лидеры местных элит. Клиентные цари, правившие в пределах Римской империи, в целом неплохо справлялись со своими обязанностями: в мирное время они обеспечивали правопорядок в своих царствах, а в случае войны снабжали римские войска всем необходимым. Тем не менее, преемники Августа ликвидировали большинство клиентных царств, заменив принцип вассалитета практикой прямого управления. Эта политика осуществлялась в рамках общей тенденции усиления императорской власти. В результате к началу II в. н.э. многие клиентные цари лишились своих тронов, а их царства были превращены в провинции Римской империи.

Ключевые слова: клиентные цари, Август, Юба II, Такфаринат, Маробод, Ирод Великий, пространство цивилизации, мир варварства, Романия, Барбария.

Abstract: This article is devoted to the complicated relations between Rome and its client kingdoms from the II cent. BC up to the beginning of the II cent. AD. The author considers that the client kingdoms were not buffer states from the current viewpoint. In Strabo's and other ancient authors' consideration those kingdoms were the organic parts of the Roman Empire. Mutual relations between Rome and the client kings were created on the basis of traditional relationship of patronatus and clientela. The system of client kingdoms was formed during the rule of Augustus. The founder of Principate in the course of his internal and foreign policy leant on the vassal kings, many of whom during their youth lived, brought up and educated in Rome. The Roman henchmen who took their thrones in the neighboring states, as a rule, not for long kept the power in their hands: usually they were overthrown by the leaders of local elites. Those client kings, who ruled inside the frontiers of the Roman Empire, generally coped well with their responsibility: in peacetime they provided the rule of law in their kingdoms and in case of war supplied the Roman troops with everything necessary. Nevertheless, Augustus' successors eliminated the most of client kingdoms, having replaced the principle of vassalage by the practice of direct control. That policy was being realized as part of a general trend towards strengthening of the imperial power. As a result by the beginning of the II cent. BC many client kings lost their thrones, and their kingdoms were turned into provinces of the Roman Empire.

Keywords: client kings, Augustus, Juba II, Tacfarinas, Maroboduus, Herod the Great, area of civilization, world of barbarity, Romania, Barbaricum.

Как писал Джон Болсдон о ситуации рубежа новой эры, «если римлянин окидывал взором мир, он видел цивилизацию в Греции и – не каждый грек согласился бы с ним – в Риме (также, может быть, в далёкой Индии), и он находил её во всех тех, кто был достаточно романизован (в некоторых случаях, как сказал бы Тацит, слишком романизован). То были дети света; всё остальное утопало во тьме варварства»[1]. Границы империи отделяли мир греко-римской средиземноморской цивилизации (imperium Romanum[2]), эту, по словам Фергюса Миллара, «сложную систему, включавшую в себя много разных географических зон, этнических групп и политических устройств»[3], от мира варварства (Barbaricum). Впрочем, эти границы были подвижны: в перспективе пространство цивилизации могло расширяться (Вергилий сформулировал эту стратегическую парадигму как imperium sine fine: Verg. Aen. I.279). Как остроумно заметил Грег Вульф, «границы имперского периода являлись системами коммуникаций и развёртывания, а вовсе не пределами Римской державы, и римские писатели не считали, что войска служат лишь оборонительным целям»[4]. Немаловажными компонентами геополитического пространства под названием imperium Romanum на рубеже новой эры были клиентные царства, игравшие существенную роль в политике основателя Принципата – лидера, впервые в римской истории инициировавшего глубоко продуманный и целенаправленный политический курс в отношении клиентных царей. Может возникнуть вопрос: есть ли у нас основания охарактеризовать вассальные regna как буферные государства в общепринятом смысле этого слова?

По-видимому, нет[5]. Называть их «периферийными» тоже некорректно, поскольку в античной литературной традиции не было модели «центр–периферия»; вместо неё существовала идея универса-

---

[1] *Balsdon J.P.V.D.* Romans and Aliens. L., 1979. P. 63–64. Здесь и далее, если не указана фамилия переводчика, перевод выполнен автором настоящей статьи.

[2] О понятии imperium Romanum см.: *Richardson J.S.* Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS. 1991. Vol. 81. P. 1–9.

[3] *Millar F.* Rome, the Greek World, and the East // Government, Society, and Culture in the Roman Empire / Cotton H.M., Rogers G.M. (eds.). L., 2004. Vol. 2. P. 229.

[4] *Woolf G.* Roman peace // War and Society in the Roman World. Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society / Rich J., Shipley G. (eds.). L., 1993. Vol. 5. P. 180.

[5] Дэвид Браунд в своей классической работе убедительно показал, что клиентные царства вовсе не являлись буферными государствами (buffer states) в том смысле, который имел в виду в 1920-х гг. лорд Дж. Керзон, подразумевавший под ними страны, расположенные между враждующими великими державами, разделяющие их и обеспечивающие таким образом отсутствие общих границ (*Braund D.C.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. L., 1984. P. 91. N. 1–2).

лизма Римской державы[6]. Характерно, что Страбон – современник Августа, при котором в общих чертах сформировалась система клиентных царств, – рассматривал вассальные regna как органичные части Римского государства (Strabo XVII.3.24). В те времена их общая площадь составляла примерно 10 % территории империи[7]. Следует отметить, что ситуация в пограничной зоне между Романией (imperium Romanum) и Барбарией (Barbaricum) была амбивалентной, в полной мере соответствуя традиционной римской парадигме патроната-клиентелы: общеизвестно, что патрон и клиент были связаны взаимными обязательствами[8]. Это означает, что если вассальные цари защищали империю, то и имперская администрация, в свою очередь, защищала их и в случае надобности оказывала (или не оказывала, при неблагоприятном обороте событий ограничиваясь предоставлением политического убежища изгнанному из своего царства монарху и его семье[9]) помощь войсками, оружием и деньгами. Поэтому «буферная» теория в чистом виде здесь не работает[10]: ведь если вассальное царство было «буфером» для Рима[11], то и Рим, со своей стороны, являлся «буфером» для вассального царства[12]. Кроме того, клиентные regna не только играли роль барьера, отделявшего империю от враждебных ей воинственных соседей (германцев, парфян, сарматов и др.), но и обеспечивали взаимодействие подданных империи и варваров, проживавших по ту сторону границы[13], – взаимодействие политическое, экономическое и

---

[6] *Isaac B.H.* Empire and Ideology in the Graeco-Roman World: Selected Papers. Cambr., 2017. P. 103 ff.

[7] *Millar F.* Op. cit. P. 230.

[8] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 93. Ср.: *Lintott A.* Op. cit. P. 33. N. 47.

[9] Примеры см. ниже.

[10] *Brunt P.A.* Roman Imperial Themes. Oxf., 1990. P. 299.

[11] На протяжении первого столетия Империи клиентные царства играли важную роль в обеспечении безопасности имперских границ (*Millar F.* Op. cit. P. 203). В надписи из Кизика, датированной 37 г. до н.э., эти государства именуются «стоящими на страже державы» (IGR. Vol. IV. 145, v. 3).

[12] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 93.

[13] Об античном и современном понимании того, что есть граница, см.: *Whittaker C.R.* Frontiers // CAH². 2008. Vol. XI. P. 293 ff. В настоящее время по теме римского пограничья существует обширная литература. См., напр.: *Luttwak E.N.* The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third. Baltimore, 1976; Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the 15th International Congress of Roman Frontier Studies / Maxfield V.A., Dobson M.J. (eds.). Exeter, 1991; *Kennedy D., Riley D.* Rome's Desert Frontier from the Air. L., 1990; *Isaac B.H.* The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxf.; N.Y., 1990; *Whittaker C.R.* Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore; L., 1994; *Elton H.* Frontiers of the Roman Empire. L., 1996; *Cherry D.* Frontier and Society in Roman North Africa. Oxf., 1998; The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars / Greatrex G., Lieu S.N.C. (eds.). Part II. AD 363–630. L.; N.Y., 2002.

культурное, выполняя, таким образом, важную посредническую функцию[14].

Нельзя сказать, чтобы в республиканском Риме проводился хоть сколько-нибудь продуманный и последовательный политический курс в отношении сопредельных царств, попавших в орбиту римского политического влияния. К 1-й трети II в. до н.э. относится первый известный нам пример того, как отпрыск иноземной правящей династии прибыл в Рим с целью – или под благовидным предлогом – получения там воспитания и образования. По сообщению Ливия, в 172 г. до н.э. в Рим приехал малолетний (puer) каппадокийский царевич Ариарат, старший сын царя Ариарата IV Евсеба и Антиохиды, дочери заклятого врага Рима Антиоха III[15] (Liv. XLII.19.3–6. Ср.: Diod. XXXI.19.7). Как пишет римский историк, отец «направил сына в Рим на воспитание, чтобы тот с детства привык к римским порядкам и к римлянам» (Liv. XLII.19.4. Пер. Н.Н. Трухиной). По мнению О.Л. Габелко, Ариарат IV, намереваясь передать престол младшему сыну, Митридату (будущему Ариарату V), отправил старшего отпрыска в Рим, чтобы тем самым избавить

---

[14] Концепция «естественной границы» (одним из её сторонников был Р. Сайм: *Syme R.* The Northern frontier under Augustus // CAH. 1934. Vol. X. P. 353) в настоящее время является безнадёжно устаревшей, равно как и теория «морального барьера» между римским миром и варварством, некогда выдвинутая А. Альфёльди (*Alföldi A.* Die ethische Grenzscheide am römischen Limes // Schweizer Beiträge zur allgemeinen Geschichte. 1950. Bd. 8. S. 37–50; *Alföldi A.* The Moral Barrier on Rhine and Danube // The Congress of Roman Frontier Studies 1949 / Birley E. (ed.). Durham, 1952. P. 1–16). На современном этапе развития антиковедения римская граница понимается не столько как рубеж (boundary), сколько как зона контактов (frontier). Например, Д. Бар характеризует границу Римской империи на Востоке как некую отдалённую и малонаселённую местность, которую ещё предстояло освоить (*Bar D.* Frontier and Periphery in Late Antique Palestine // GRBS. 2004. Vol. 44. P. 69). М. Гудман (*Goodman M.* The Roman World 44 BC – AD 180. L.; N.Y., 1997. P. 106) и Д. Браунд (*Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 95 ff.) подчёркивают, что граница – это вовсе не строго фиксированный рубеж, некий барьер или демаркационная линия, а пограничная зона, в которой зачастую при посредничестве вассальных правителей вступали в контакт римляне и варвары (ср.: *Millar F.* Rome, the Greek World, and the East… P. 202). Для Б. Айзека (*Isaac B.H.* The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // JRS. 1988. Vol. 78. P. 125–147) limes – это не линия укреплений, предназначенных для обороны империи от варваров, а пограничный район с развитой сетью коммуникаций и смешанным населением. Наконец, Ч. Уиттакер (*Whittaker C.R.* Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire. N.Y., 2004. P. 5 ff.) выдвинул и обосновал концепцию «открытых границ», согласно которой границы Римской империи представляли собой вовсе не сплошные оборонительные рубежи, а маркированные естественными преградами (реками и горными хребтами) зоны социального, экономического и культурного взаимодействия между римлянами и варварами. В этом смысле limes был не столько укреплённым барьером для предотвращения варварских нашествий, сколько находившейся под римским контролем пограничной зоной контактов и взаимовыгодного торгового обмена (*Whittaker C.R.* Rome and its Frontiers… P. 9 ff.).

[15] Таким образом, по происхождению Ариарат был наполовину перс, наполовину греко-македонянин, т.е. полуварвар.

своего любимца от потенциального конкурента[16]. Дальнейшая судьба старшего сына Ариарата IV неизвестна; не подлежит сомнению лишь то, что царём Каппадокии он так и не стал[17].

Проживавших в Риме царских детей принято называть заложниками[18]. О том, что значение слова obses в античности кардинально отличалось от современного, свидетельствует, как минимум, следующее обстоятельство: августейшие «заложники», как правило, не испытывали особых стеснений в плане свободы передвижения, вращались в высших кругах римского общества, завязывая полезные знакомства, которые могли пригодиться в будущем[19], посещали школы вместе с представителями римской знати, изучали греческий и латынь[20]. Как писал во времена Траяна Ювенал, «только взгляни, что делают связи: заложником прибыл – здесь человеком стал» (aspice quid faciant commercia: venerat obses, hic fiunt homines) (Iuv. Sat. II.166–167. Пер. Д.С. Недовича). Одним из таких заложников был Деметрий, младший сын македонского царя Филиппа V, отправленный в Рим после поражения своего отца во Второй Македонской войне (Polyb. XVIII.39.5; Liv. XXXIII.13.14; Plut. Flam. 9). В 191 г. до н.э., проведя в Риме пять лет, Деметрий вернулся на родину (Polyb. XXI.2.3; Liv. XXXVI.35.13; App. Maced. 9.5; Syr. 20). Годы, проведённые в Вечном городе, не прошли для царевича бесследно: видевшие во вчерашнем заложнике будущего царя Македонии сенаторы не сомневались в преданности Деметрия интересам Рима (Liv. XXXIX.47.10). В дальнейшем явные знаки благоволения, которые сенат выказывал своему протеже, его же и погубили[21] (Liv. XXXIX.48.1).

Впрочем, члены эллинистических династий, судя по всему, не очень-то поддавались романизации, хотя порой их пребывание в Риме затягивалось на долгие годы. Так, после поражения, понесённого Антиохом III в войне с римлянами, в Италию в качестве заложника отправился сперва его младший сын Антиох (будущий Антиох IV Эпифан[22], см.: Liv. XLII.6.9; XLIV.19.8; Per. 41), а затем сме-

---

[16] *Габелко О.Л.* К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // АМА. 2009. Вып. 13. С. 107–108.

[17] См. *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 108. Прим. 76.

[18] Нередко правители вассальных царств в целях обеспечения собственной безопасности отправляли своих родственников в качестве заложников сразу в два лагеря, как поступил, к примеру, царь Адиабены Изат: некоторых членов своей династии вместе с их семьями он отправил в Рим, других – в Парфию (Ios. AI. XX.2.4).

[19] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 9–10.

[20] *Matthews J.* Hostages, Philosophers, Pilgrims and the Diffusion of the Ideas in the Late Roman Mediterranean and Near East // Tradition and Innovation in late Antiquity / Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Madison, 1989. P. 40.

[21] См.: *Edson C.F.* Perseus and Demetrius // HSCPh. 1935. Vol. 46. P. 191–202.

[22] Находился в Риме в 189–178 гг. до н.э. См.: *Анохин А.С.* «Римское» в политике Антиоха IV Эпифана // Человек, семья, нация в контексте мировой культуры. Сборник докладов XXXIV Всероссийской научной конференции

нивший Антиоха его племянник Деметрий (сын Селевка IV, будущий Деметрий I Сотер. См.: 1 Макк 1.10; App. Syr. 45; Athen. X.438d). Годы, проведённые Антиохом Эпифаном в Риме (в общей сложности не менее 10 лет), где он вращался среди римской элиты (Iust. XXXIV.3.1–4), не прошли даром, и, став царём, он сохранял лояльность по отношению к Риму[23]. Антиох IV, несомненно, испытал сильное влияние римской «культуры повседневности»: известно, что он любил переодеваться в тогу и, сидя в курульном кресле на агоре, вершил суд (Polyb. XXVI.1.3–5; Liv. XLI.20.1; Diod. XXIX.32.1), на досуге устраивал гладиаторские игры, приохотив к кровавым зрелищам местную молодёжь (Liv. XLI.20.11–13), а в Антиохии даже выстроил храм Юпитера Капитолийского (ibid. 9).

Что касается Деметрия, то он провёл в Риме около 16 лет (178–162 гг. до н.э.) и считал себя вправе называть сыновей сенаторов «братьями», а самих сенаторов – «отцами», тем не менее, его кандидатура на престол Селевкидов не устраивала сенат, который решил поддержать двоюродного брата Деметрия, малолетнего Антиоха V Эвпатора (Polyb. XXXI.12.37–38; App. Syr. 46). Не смирившийся с таким поворотом дела Деметрий в 162 г. до н.э. с помощью своего друга, известного историка Полибия, бежал из Рима и вскоре, осуществив переворот у себя на родине, взошёл на престол (Polyb. XXXI.20.61–22.72; Athen. X.440b; Ios. AI. XII.10.1; App. Syr. 47). Характерно, что убийство легитимного правителя Антиоха V и его регента Лисия, осуществлённое по приказу Деметрия I (Ios. AI. XII.10.1; App. Syr. 47), не помешало сенату сперва признать узурпатора законным царём (Polyb. XXXII.4.8), а впоследствии поддержать притязания на власть детей Антиоха IV (Polyb. XXXIII.18.9). Здесь, как и во многих других случаях, сенат не изменял своей традиционной политике divide et impera. В конечном счёте Деметрий Сотер погиб в борьбе с очередным узурпатором (Ios. AI. XIII.2.4).

Дэвид Браунд предположил, что нумидийский царь Адгербал (118–112 гг. до н.э.), брат Гиемпсала I и двоюродный брат Югурты, носивший доставшийся ему по наследству от отца и деда титул socius et amicus populi Romani (Sall. BI. 14.2), в юности тоже жил и воспитывался в Риме[24]. В изложении Саллюстия Адгербал обращается к сенаторам с такими словами: «Отцы-сенаторы, отец мой Мициpса, умирая, велел мне помнить, что только управление Нумидийским царством поручено мне, законная же верховная власть над ним – в ваших руках; в то же время [я должен] стараться и в мирное время, и во время войны быть возможно более полезным римскому народу и видеть в вас своих родных, своих близких…» (vos mihi cognatorum, vos affinium loco ducerem) (ibid. 1. Пер. В.О.

«Добролюбовские чтения-2010» и Всероссийской научно-практической конференции «К молодой семье через культуру» / Под ред. Дмитриевской Г.А., Строгецкого В.М. Н. Новгород, 2010. С. 102–108.

[23] *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 128.

[24] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 23.

Горенштейна). Здесь напрашивается аналогия с Деметрием Сотером, который (см. выше) тоже видел в сенаторах и их отпрысках «своих родных, своих близких». Таким образом, допущение, что будущий вассальный царь Нумидии Адгербал в ранней юности какое-то время жил и воспитывался в Риме, является, на наш взгляд, вполне обоснованным.

Прошло более ста лет, возможно, самых бурных в истории Рима, и вот уже Август, утвердившись в роли властителя огромной Средиземноморской державы, взял на вооружение практику романизации отпрысков чужеземных властителей. Если в республиканскую эпоху подобных случаев было крайне мало и ни о какой продуманной политике в этом направлении говорить не приходилось, то Август начал проводить политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентных монархий[25]. Положение вассальных правителей (servientes reges, как их называет Тацит[26]: Tac. Hist. II.81.1) по отношению к Риму представляло собой своего рода клиентелу (clientela)[27], мало чем отличавшуюся от политического рабства (servitus)[28]. Недаром Тацит в «Агриколе» называет царей-клиентов «орудиями рабства» (instrumenta servitutis) (Tac. Agr. 14.2). Как пишет об Августе Светоний, «царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими[29]» (Suet. Aug. 48. Здесь и далее цит. в пер. М.Л. Гаспарова). Характерно, что император отнюдь не принуждал облечённых властью родителей присылать своих сыновей в Рим: инициатива всегда исходила от самих царей[30]. Несомненно, Август рассчитывал в дальнейшем сделать из этих людей проводников политического и культурного влияния Рима в ряде сопредельных и/или подконтрольных Риму стран. В последние десятилетия I в. до н.э. «проект Августа» начал активно воплощаться в жизнь, причём в самых разных регионах: в Северной Африке и Парфии, за Рейном и на Дунае, в Южном Причерноморье и Иудее.

---

[25] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 10.

[26] Только в сохранившихся книгах «Анналов» упоминается около 30 клиентных царей. См.: *Gowing A.M.* Tacitus and the Client Kings // TAPhA. 1990. Vol. 120. P. 316.

[27] *Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979. P. 135. N. 2.

[28] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 23.

[29] Некоторых из вассальных царей Август не забыл и в своём завещании (Dio Cass. LVI.32.2).

[30] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 12.

В Северной Африке правителем вассальной Мавретании на протяжении без малого полувека был Юба II – один из наиболее колоритных персонажей в длинной череде вассальных царей Рима[31]. В 46 г. до н.э. малолетний царевич Юба, сын погибшего в борьбе с Цезарем нумидийского царя Юбы I, был привезён в Рим в качестве живого трофея, чтобы украсить собой африканский триумф Цезаря[32] (App. BC. II.101). Но в дальнейшем оказалось, что «он попал в счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых учёных греческих писателей» (Plut. Caes. 55. Пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова. Ср.: App. BC. II.101). Получив в Риме прекрасное образование[33], Юба стал «самым учёным и образованным среди царей» (Plut. Ant. 87. Пер. С.П. Маркиша). В 25 г. до н.э. Август сделал его правителем клиентного царства Мавретании[34] (Dio Cass. LI.15.6; LIII.26.2; Plut. Ant. 87; Strabo VI.4.2; XVII.3.7; Tac. Ann. IV.5.1). Где-то между 26 и 20 гг. до н.э. император женил своего протеже на имевшей титул царицы Киренаики Клеопатре Селене, дочери Антония и Клеопатры VII[35], к тому времени единственной наследнице царского дома Птолемеев.

Интеллектуал на троне, Юба II прославился своей «интернациональной литературной деятельностью»[36]. Он был весьма плодовитым писателем. Ботаник и географ, историк и филолог, поэт и театрал, неутомимый компилятор и антиквар, Юба написал первую историю живописи (Phot. Bibl. 103a), а в своих «Подобиях» (Athen. IV.170e) сравнивал римскую и греческую терминологию. Высокую оценку его учёным трудам дал Плиний Старший (Plin. NH. V.16), а Луций

---

[31] О Юбе II см.: *Никишин В.О.* Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. 2017. Вып. 2. С. 43–59.

[32] Впоследствии (когда и от кого именно, неизвестно) Юба получил права римского гражданства и имя Гай Юлий. См.: *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 45.

[33] См.: *Roller D.W.* The World of Juba II and Kleopatra Selene: Royal scholarship on Rome's African frontier. L., 2003. P. 59–75.

[34] К тому времени трон Мавретании был вакантен уже на протяжении 8 лет (33–25 гг. до н.э.).

[35] Поистине «интернациональный» брак: этнический нумидиец, натурализовавшийся в Риме и «облагороженный» греко-римским образованием, женился на египетской царевне, дочери римлянина и греко-македонянки! Если Юба был проведён в триумфальной процессии Цезаря, то Клеопатра Селена, вошедшая в историю как Клеопатра Селена II (или Клеопатра VIII), оказалась в аналогичной роли во время александрийского триумфа Октавиана 15 августа 29 г. до н.э. (Dio Cass. LI.21.8; RGDA. 4.3). Вероятнее всего, свадьба Юбы II и Клеопатры Селены состоялась в 20/19 г. до н.э., когда были отчеканены монеты с изображением этой царственной четы. См.: *Braund D.C.* Anth. Pal. 9.235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile // ClQ. 1984. Vol. 34/1. P. 175. N. 2.

[36] *Моммзен Т.* История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб., 1995. С. 459. Об учёном царе см.: *Gsell S.* Juba II, savant et écrivain // RAfr. 1927. T. 68. P. 169–197. Сохранилось 104 фрагмента сочинений Юбы (*Roller D.W.* Op. cit. P. 9. N. 20).

Ампелий назвал Юбу «в высшей степени учёным мужем» (rex literatissimus) (Ampel. 38.2). В Кесарии Мавретанской (Strabo XVII.3.12; Eutrop. VII.10.3) заботами Юбы и Клеопатры Селены были построены театр, амфитеатр, форум, гавань, царский дворец с библиотекой, общественные бани, храмы, городские стены и система акведуков в пригородах. Царственная чета покровительствовала развитию наук и искусств[37]. Уникальное мультикультурное явление представлял собой мавретанский царский двор, где соединились африканское, греческое и римское культурные направления[38].

Согласно оценке Т. Моммзена, ни Юба II (25 г. до н.э. – 23 г. н.э.), ни его сын и наследник Птолемей Филадельф (23–40 гг.), последний царь Мавретании, «не пользовались авторитетом у своих подданных и по личным своим качествам и по той причине, что были римскими ленниками»[39]. В 5 г. против власти римлян и их ставленника, царя Юбы, восстали гетулы, недовольные притеснениями властей (Dio Cass. LV.28.3–4; Vell. II.116.2; Flor. II.31.40), поскольку с местными жителями римляне обращались, по словам Страбона, «то как с "друзьями", то по-вражески» (Strabo XVII.3.12. Здесь и далее цит. в пер. Г.А. Стратановского). Только через год восстание с трудом подавил проконсул Африки Косс Корнелий Лентул. Движение под руководством нумидийца Такфарината (17–24 гг.) было подавлено уже после кончины Юбы (Tac. Ann. IV.23–26)[40]. Прошло немногим более полутора десятилетий, и в 40 г. последний отпрыск династии Птолемеев был казнён в Риме по приказу Калигулы (Suet. Cal. 35.1)[41]. В 44 г. Клавдий разделил бывшее клиентное

---

[37] См.: *Roller D.W.* Op. cit. P. 119–162.

[38] См.: *Desanges J.* L'Hellénisme dans le royaume protégé de Maurétanie (25 avant J.-C. – 40 aprés J.-C.) // BAC. N. s. 1984–1985 (1989). T. 20–21b. P. 53–61.

[39] *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 459.

[40] После смерти престарелого царя-эрудита в Мавретании его обожествили (Lactant. Fals. Rel. I.11; Min. Fel. 23), а в Афинах установили мемориальную статую (Paus. I.17.2).

[41] Видимо, смехотворный повод для казни Птолемея Филадельфа (царь появился в театре в пурпурном плаще (Suet. Cal. 35.1), который, стоит отметить, он носил по праву: по сообщению Тацита (Tac. Ann. IV.26), за заслуги в подавлении восстания Такфарината в 24 г. сенат в соответствии с древним обычаем наградил Птолемея как вассального царя, «друга и союзника» Рима триумфальными украшениями (ornamenta triumphalia) был лишь поводом и не более того. Истинной причиной расправы с последним мавретанским царём вполне могла быть попытка внука Клеопатры VII играть более самостоятельную политическую роль, чем его отец Юба II. Теоретически последний из Птолемеев мог рассчитывать на создание крупного клиентного царства в Северной Африке, когда под его скипетром объединились бы владения его родителей – Нумидия и Мавретания, Египет и Киренаика. См.: *Wardle D.* Suetonius' Life of Caligula: A Commentary. Brussels, 1994. P. 270–272. Наконец, не исключено участие Птолемея Филадельфа в заговоре Гетулика в 39 г. (если этот заговор имел место на самом деле). См.: *Fishwick D.* The Annexation of Mauretania // Historia. 1971. Bd. 20. P. 467–487; *Faur J.-C.* Caligula et la Maurétanie: la fin de Ptolémée // Klio. 1973. Bd. 55. P. 249–271; *Fishwick D., Shaw B.D.* Ptolemy of Mauretania and the Conspiracy of Gaetulicus // Historia.

царство на две провинции – Мавретанию Цезарейскую и Мавретанию Тингитанскую. В 69 г. в условиях разразившейся в империи гражданской смуты наместник обеих мавретанских провинций, прокуратор Лукцей Альбин попытался было играть самостоятельную политическую роль и даже будто бы принял имя Юбы III[42] со всеми атрибутами царской власти, но был убит (Tac. Hist. II.58).

В 9 г. до н.э. парфянский царь Фраат IV прислал в Рим в качестве заложников своих сыновей и внуков, всего восемь человек[43] (RGDA. 32.2; Suet. Aug. 21.3; Eutrop. VII.9; Strabo VI.4.2; XVI.1.28; Vell. II.94; Ios. AI. XVIII.2.4; Oros. VI.21.29). По словам Тацита, Фраат сделал это «не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам» (Tac. Ann. II.1. Здесь и далее цит. в пер. А.С. Бобовича под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеенко). Когда спустя без малого шесть десятилетий, в 49 г., ко двору Клавдия прибыла очередная группа парфянских заложников (obsides), тот же Тацит так объяснил мотивацию парфян: «Для того и отдают они нам заложниками царских детей, чтобы иметь возможность, если властитель их родины станет им в тягость, обратиться к принцепсу и сенаторам и получить от них более приемлемого и усвоившего наши нравы царя» (Tac. Ann. XII.10.2). Очевидно, так ситуация виделась из Рима; на деле всё обстояло гораздо сложнее.

В 7 г. н.э. старший сын Фраата IV, Вонон[44], получивший в Риме греко-римское воспитание и образование (Tac. Ann. II.1), с согласия Августа стал царём Парфии (RGDA. 33; Ios. AI. XVIII.2.4). Для парфян он был «чужаком» (externus) (Tac. Ann. II.1.1), «отравленным вражескими навыками» (hostibus artium infectus) (ibid. 2). Сам Вонон I (7–12 гг.) опрометчиво не счёл нужным скорректировать своё поведение в чуждой для него культурной среде и тем самым только усугубил своё и без того шаткое положение: по словам Тацита, «чуждый обычаям предков (diversus a maiorum institutis), он редко охотился и был равнодушен к конным забавам; на улицах городов появлялся не иначе как на носилках и пренебрегал такими пирами, какими они были на его родине. Вызывали насмешки и его приближённые греки» (inridebantur et Graeci comites) (Tac. Ann. II.2.3). Привитые Вонону греко-римским воспитанием доступность и обходительность (prompti aditus, obvia comitas) в глазах подданных царя

1976. Bd. 25. P. 491–494. По мнению Д. Браунда, причиной расправы с несчастным Птолемеем Филадельфом вполне могло быть стремление Калигулы завладеть богатствами мавретанских царей (*Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 97).

[42] Несомненно, дань памяти Юбы II.

[43] См.: *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим: Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966. С. 164; *Панов А.Р.* Август и парфянские заложники в Риме // ПИФК. 2016. № 1. С. 136–149; *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 12.

[44] См.: *Bivar A.D.H.* The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran / E. Yarshater (ed.). Vol. 3.1. Cambr., 1983. P. 68.

выглядели не как добродетели (virtutes), а как пороки (vitia) (ibid. II.2.4). «И поскольку всё это было несходно с их нравами (quia ipsorum moribus aliena), они питали равную ненависть и к дурному, и к хорошему в нём» (loc. cit.).

Прошло совсем немного времени, и против римского ставленника Вонона I выступил представитель младшей ветви династии Аршакидов, Артабан III (12–38 гг.), чья юность прошла среди воинственных кочевников-дагов, или дахов[45] (apud Dahas adultus) (Tac. Ann. II.3.1). В борьбе с ним Вонон терпит поражение и бежит в Великую Армению (loc. cit.). Такой исход военно-политического противостояния был символичен: «отравленного» греко-римской цивилизацией незадачливого Вонона I одолел лидер «национальной» оппозиции Артабан III, которому удалось воссоздать могущество Парфянской державы[46]. Процарствовав несколько лет в Великой Армении (12–15 гг.), Вонон уехал в Сирию (Tac. Ann. II.3.1; 4.3; Ios. AI. XVIII.2.4), а в 19 г. был убит римлянами в Киликии (Tac. Ann. II.68.2; Suet. Tib. 49). Безусловно, у римского ставленника было больше шансов сохранить свой трон, если он получал «национальное» воспитание, как, например, Зенон[47], возведённый римлянами на престол Великой Армении под именем Арташеса III (18–34 гг.): «Усвоив с раннего детства обычаи и образ жизни армян, он своими охотами, пиршествами и всем, что в особой чести у варваров, пленил в равной мере и придворных, и простолюдинов» (Tac. Ann. II.56.2).

Тот же Тацит противопоставляет жестокость «воспитанного среди скифов» Артабана III «мягкому характеру» (ingenium) получившего воспитание и образование в Риме (Romanas per artes) ещё одного представителя династии Аршакидов – внука Фраата IV, Тиридата (Tac. Ann. VI.41.2). Характерно, что «изнеженный на чужбине» (externa mollitia) (ibid. 43.3) римский ставленник Тиридат III (35–36 гг.) проиграл борьбу за власть царю Артабану (ibid. 44). Годом ранее по просьбе оппозиционно настроенной парфянской знати Тиберий отправил в Парфию очередного римского ставленника – престарелого Фраата, младшего сына Фраата IV, прожившего в Риме более 40 лет (ibid. 31–32). Однако Фраат[48], едва добравшись до Сирии и сменив «образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер» (Phraates apud Syriam dum omisso cultu Romano, cui per tot annos insueverat, instituta Parthorum sumit, patriis moribus impar morbo absumptus est) (ibid. 32). Таким образом, в очередной раз конфликт между cultus Romanus и instituta Parthorum разрешился смертью человека, ставшего «чужим среди своих».

---

[45] Ниже Тацит называет дахов скифами (Tac. Ann. VI.41). См.: *Балахванцев А.С.* Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.

[46] *Colledge M.A.R.* The Parthians. L., 1967. P. 48.

[47] Сын понтийского царя Полемона I и Пифодориды, внучки триумвира Марка Антония.

[48] Его иногда именуют Фраатом VI, хотя он никогда не правил.

Сын злополучного Вонона I Мегердат, подобно отцу, был «воспитанником Рима» (alumnus Urbis) (Tac. Ann. XII.11.3. Ср.: XI.10.4; XII.10). Враги Мегердата из числа его соотечественников видели в нём «чужеземца и римлянина» (alienigenam et Romanum) (Tac. Ann. XII.14.3). На роль римского ставленника в Парфии Мегердат был выбран императором Клавдием в 48 г. Однако он пал жертвой своего легкомыслия и чужого коварства: претендент на трон Аршакидов был побеждён на поле брани, вероломно захвачен в плен и искалечен (ему отрезали уши) по приказу своего более удачливого соперника царя Готарза II[49] (loc. cit.).

В правление Юлиев-Клавдиев в Риме жили и воспитывались будущие вассальные армянские цари – Тигран III, Тигран V и Тигран VI. После убийства проримски настроенной армянской знатью царя Великой Армении Арташеса II[50] вторгшиеся в страну римляне возвели на престол его младшего брата Тиграна III (20–8 гг. до н.э.), который в течение 11 лет жил и учился в Риме (Dio Cass. LIV.9.4–5; Suet. Tib. 9.1; Ios. AI. XV.4.3; Tac. Ann. II.3.2; RGDA. 27.2). О том, как стремительно романизовалась в Риме армянская молодёжь, в одной из своих сатир пишет Ювенал (Iuv. Sat. II.164–170). По словам А.Г. Бокщанина, Тигран III был «послушным агентом» римлян[51]. Внук Архелая I Филопатора, Тигран[52], получивший воспитание в Риме, по воле Августа в 6 г. н.э. взошёл на престол Великой Армении (RGDA. 27.2), став Тиграном V, однако уже спустя несколько месяцев, по-видимому, под давлением «национально» ориентированной армянской аристократии, был вынужден разделить власть с дочерью Тиграна III, сестрой и супругой Тиграна IV царицей Эрато (6–12 гг.)[53]. В 36 г. уже бывший царь Тигран V был казнён по приказу Тиберия (Tac. Ann. VI.40.2).

Наконец, в 60 г. Нерон посадил на армянский престол племянника злополучного Тиграна V – царя Тиграна VI (Tac. Ann. XIV.26). Будучи сыном Гая Юлия Александра и внуком Александра, одного из сыновей Ирода I Великого и мужа Глафиры, дочери Архелая I Филопатора, Тигран VI, царь Великой Армении в 60–63 гг., являлся, таким образом, правнуком двух вассальных царей – Ирода I и Архелая I[54]. Как пишет Тацит, «длительное пребывание в Риме залож-

---

[49] Сын Артабана III.

[50] Сын царя Артавазда II, убитого по приказу Клеопатры VII в Александрии в 31 г. до н.э.

[51] *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 157. См. также: *Newell E.T.* Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts (Numismatic Notes and Monographs. N. 30). N.Y., 1926. P. 13 ff.; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. P. 323 ff.

[52] Его родителями были Александр, сын Ирода I Великого, и Глафира, дочь Архелая I Каппадокийского (Ios. AI. XVII.1.2; XVIII.5.4).

[53] *Hovannisian R.G.* The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century. N.Y., 1997. P. 62.

[54] Тацит, видимо, ошибается, когда называет его «внуком (nepos) царя Архелая» (Tac. Ann. XIV.26), если только речь не идёт об Архелае II.

ником воспитало в нём (Тигране.– *В.Н.*) рабскую приниженность» (usque ad servilem patientiam demissus) (loc. cit.). По мнению историка, гордая парфянская знать должна была презирать Тиграна как римского ставленника, который не только был «чужеземцем» (alienigena), но и долгие годы жил в Риме как заложник (obses), что для Тацита было равносильно жизни в рабстве (in mancipia) (Tac. Ann. XV.1). Характерно, что власть в Великой Армении Тигран VI удерживал, опираясь на римский воинский контингент и помощь соседних вассалов Рима (Tac. Ann. XIV.26). Как только парфяне нанесли жестокое поражение римским легионам, Тиграну VI пришлось уступить армянский престол парфянскому ставленнику Тиридату I[55].

Во времена Августа в Риме более или менее длительное время находились также отпрыски «союзника и друга римского народа» Ирода I Великого, который «введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни» (Ios. AI. XV.8.1. Здесь и далее цит. в пер. Г.Г. Генкеля. См.: Ios. AI. XV.10.1; XVII.1.3; 4.3; BI. I.22.2; 23.1; 31.1; 32.2)[56]. Всего при дворе Августа в разное время побывало восемь сыновей царя Ирода. Один из его внуков, будущий вассальный царь Иудеи Ирод Агриппа I Великий (41–44 гг.), в юности воспитывался и обучался вместе с сыном Тиберия, Друзом Младшим (Ios. AI. XVIII.6.1). О тесных связях потомков Ирода Великого с римским императорским домом свидетельствуют, в частности, их имена: Агриппа I получил своё имя, видимо, в честь зятя Августа и личного друга царя Ирода, Марка Випсания Агриппы[57], царские сыновья получили имена Агриппы и Друза (Ios. AI. XVIII.5.4).

Человек неглупый и дипломатичный, Ирод Агриппа пользовался расположением Калигулы[58] и Клавдия[59] (он был в приятельских отношениях с обоими задолго до того, как они взошли на престол. См.: Ios. AI. XVIII.6.4–5). Близость Агриппы к Калигуле компрометировала царя в глазах римлян, видевших в нём «наставника тирана» (Dio Cass. LIX.24.1). После убийства Калигулы Агриппа проявил незаурядную энергию и дипломатические способности, чем немало содействовал сохранению режима принципата и переходу власти в руки своего сверстника и друга юности Клавдия (Ios. AI. XIX.4.1–2). Став императором, Клавдий передал Агриппе ряд областей, вклю-

---

[55] См.: *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 195 слл.

[56] См.: *Leon H.J.* The Jews of Ancient Rome. Philadelphia, 1960. P. 14; *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 10–11.

[57] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 77.

[58] В знак своего особого благоволения к Агриппе Калигула, даровав своему другу в 37 г. тетрархии Филиппа и Лисания (Ios. AI. XVIII.6.10), вместе с титулами царя и «друга Цезаря» вручил ему также знаки преторского достоинства – ornamenta praetoria (Philo. In Flacc. 40). К последним относились тога-претекста, курульное кресло и почётный эскорт из 6 ликторов.

[59] Получив власть, Клавдий даровал Агриппе консульские украшения, ornamenta consularia (Dio Cass. LX.8.2).

чая Иудею и Самарию (Ios. AI. XIX.5.1). Так в 41 г. в руках Агриппы I сосредоточились все владения его деда Ирода Великого.

Правя под бдительным надзором со стороны императорских прокураторов, Агриппа строго соблюдал все религиозные предписания иудаизма и умел ладить как со своими подданными, так и с иноземцами (Ios. AI. XIX.6.1; 7.3). Будучи человеком греко-римской культуры, Агриппа I построил в Берите театр и амфитеатр, термы и портики, устраивал гладиаторские бои (Ios. AI. XIX.7.5). В 44 г. в Кесарии Палестинской он на римский манер организовал игры в честь Клавдия (Ios. AI. XIX.8.2). Неудивительно, что у царя было немало противников, недовольных не только его увлечением греко-римской культурой, но и пресмыкательством перед римскими провинциальными властями[60]: известие о смерти Агриппы I в народе было встречено с ликованием (Ios. AI. XIX.9.1).

Его сын, Ирод Агриппа II (48–92/93 гг.), или Марк Юлий Агриппа[61], как и отец, в юности воспитывался в Риме, но уже при дворе Клавдия (Ios. AI. XIX.9.2). Престол своего отца он унаследовал не сразу. В 48 г., после смерти дяди, царя Ирода II Халкидского, Агриппа получил от Клавдия титул царя Халкиды[62] и смотрителя за Иерусалимским храмом (Ios. AI. XX.5.2; 9.7; BI. II.12.1). В 53 г. Клавдий отобрал у Агриппы Халкиду, но взамен передал ему земли бывшей тетрархии Филиппа (Ios. AI. XX.7.1; BI. II.12.8). В 61 г. Нерон ещё более расширил владения Агриппы II, отдав ему Тивериаду и юг Переи (Ios. AI. XX.8.4). Став царём, Агриппа начал чеканить монеты с изображением императора, иногда с собственным профилем и языческой символикой, тем самым грубо оскорбляя религиозные чувства своих подданных[63]. И это притом, что монетная чеканка в клиентных царствах отнюдь не контролировалась римскими властями, а изображения и надписи на монетах определяли сами клиентные цари[64].

---

[60] Причина неприязни к Агриппе I заключалась ещё и в его происхождении: дед Агриппы, Ирод Великий, как пишет Иосиф Флавий, был «идумеянином, т.е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям (страны) эта власть (над Иудеей.– *В.Н.*) должна принадлежать лишь кровным иудеям» (Ios. AI. XIV.15.2).

[61] Отец Агриппы II, Агриппа I как римский гражданин мог носить имя Гай Юлий (в честь Калигулы) или Марк Юлий (в честь Марка Випсания Агриппы). Во втором случае Агриппа II унаследовал не только отцовский nomen, но и praenomen. См.: *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 44.

[62] Имеется в виду Халкида Ливанская.

[63] См.: *Madden F.W.* Coins of the Jews. L., 1881. P. 139–169. Агриппа II явно подражал римской чеканке. Первым из потомков Ирода начал помещать на своих монетах изображения императора и его родственников внучатый дядя Агриппы, тетрарх Филипп: на его бронзовых монетах появляются портреты Августа, Ливии и Тиберия (*Dahmen K.* With Rome in mind? Case Studies in the Coinage of Client Kings // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East (Oriens et occidens. Bd. 19) / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 108).

[64] См.: *Dahmen K.* Op. cit. P. 100. Ср.: *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 125–126.

Агриппа II много строил, украшая Кесарию Филиппову, переименованную им в Нерониаду в честь Нерона (61 г.), однако эта деятельность отнюдь не прибавила ему популярности среди подданных (Ios. AI. XX.9.4). Несмотря на все свои старания (Ios. BI. II.16.3–4), не пользовавшийся уважением подданных царь не сумел предотвратить восстание иудеев и был вынужден бежать из Иерусалима под градом камней (Ios. BI. II.17.1). В дальнейшем Агриппа II деятельно помогал римлянам подавлять мятеж (Tac. Hist. V.1.2). В 75 г. этот римский вассал получил от Веспасиана в награду за верность знаки преторского достоинства – ornamenta praetoria (Dio Cass. LXVI.15.4). Кроме того, Веспасиан ещё более расширил владения Агриппы (Phot. Bibl. Cod. 33), который умер в Риме в конце I в.[65] Едва ли после 70 г. он сохранил хоть какую-то реальную власть в своём эфемерном «царстве». Со смертью Агриппы II пресеклась династия Ирода Великого, и бывшие владения последнего иудейского царя перешли под прямое управление римских провинциальных властей. В 135 г., после подавления восстания Симона Бар-Кохбы, Иерусалим превратился в колонию Элию Капитолину, а провинция Иудея была переименована в Сирию Палестинскую[66].

Понятие pax Romana включало в себя два компонента: мир в провинциях и безопасность границ[67]. По-видимому, клиентные царства в составе империи сохранялись лишь до тех пор, пока вассальные цари более или менее эффективно исполняли свои административные и военные функции, способствовавшие решению двух указанных задач. Создаётся впечатление, что на Палатине о клиентных царствах и их правителях вспоминали главным образом тогда, когда в той или иной области начинались военные действия либо серьёзные беспорядки, восстания или мятежи[68]. Безусловно, главной задачей «дружественных царей» было обеспечение безопасности имперских границ. Так, потенциальную угрозу со стороны враждебных Риму германских племён должны были нейтрализовать союзные племена или племенные союзы, во главе которых стояли римские ставленники, такие как Маробод или Италик.

Rex маркоманнов Маробод[69] в юности жил при дворе Августа и пользовался его расположением (Strabo VII.1.3). По-видимому, будущий «клиент Рима»[70] был незаурядной личностью. Веллей Патер-

---

[65] Год смерти Агриппы II устанавливается лишь приблизительно (конец правления Домициана). Чаще всего исследователи называют 92 или 93 гг. См., напр.: *Немировский А.А.* Агриппа II // ПЭ. 2000. Т. I. С. 270.

[66] См.: *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 396, 400.

[67] *Woolf G.* Op. cit. P. 179.

[68] *Hekster O.* Trophy kings and Roman power: A Roman perspective on client kingdoms // Kingdoms and principalities in the Roman Near East / Facella M., Kaizer T. (eds.). Stuttgart, 2010. P. 49 ff.

[69] См.: *Dobiáš J.* King Maroboduus as a Politician // Klio. 1960. Bd. 38. P. 155–166.

[70] *Pitts L.F.* Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D. // JRS. 1989. Vol. 79. P. 46.

кул так охарактеризовал его: «Варвар более по происхождению, чем по уму» (natione magis quam ratione barbarus) (Vell. II.108.2. Здесь и далее цит. в пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой). Вполне вероятно, какое-то время он служил во вспомогательных частях римской армии. Как показали дальнейшие события, Маробод был способным военачальником и дипломатом. По словам Веллея Патеркула, «заняв среди своих первое место..., он (Маробод.– *В.Н.*) решил увести свой народ подальше от римлян и разместить его там, где, укрывшись от более сильного оружия, смог бы сделать более могущественным своё собственное» (loc. cit.). После походов Друза Старшего за Рейн (11–9 гг. до н.э.) Маробод возглавил миграцию маркоманнов со Средней Эльбы на Дунай[71], а в скором времени, используя военную силу и дипломатию, создал в Центральной Европе (на территории Богемии) мощную конфедерацию германских племён, известную как «царство» Маробода.

На Палатинском холме опасались усиления Маробода, сформировавшего сильное войско по римскому образцу (Vell. II.109.1–4), поэтому Август и Тиберий начали подготовку к превентивной войне с германским «царством» (ibid. 5). Однако ввиду разразившегося в 6 г. н.э. Паннонского восстания римлянам пришлось заключить с Марободом договор (Vell. II.109.5; Dio Cass. LV.28.6–7. Ср.: Tac. Ann. II.26). По-видимому, Маробод стал «союзником и другом римского народа» (косвенно об этом свидетельствует Тацит: Tac. Ann. II.63). В политическом плане пресловутая римская «дружба» (amicitia) означала не более чем благожелательный нейтралитет в случае вооружённого конфликта одного из участников договора с третьей стороной[72]. Иными словами, формально Маробод стал вассалом Рима[73], тем самым сделавшись для многих германцев предателем и коллаборационистом (proditorem patriae, satellitem Caesaris) (Tac. Ann. II.45). В 19 г. Маробод (к тому времени он потерпел поражение от предводителя херусков Арминия и потерял Богемию) был свергнут враждебной ему германской знатью во главе с готом Катуальдой (ibid. 62). В результате «держава» Маробода распалась[74], сам же он бежал в Италию, получив от Тиберия милостивое позволение обосноваться в Равенне (Suet. Tib. 37.4; Tac. Ann. II.63; Vell. II.129.3). Здесь он прожил ещё 18 лет (Tac. Ann. II.63) и умер в 37 г.[75] Преемники Маробода, будучи креатурами Рима, во времена Тацита уже всецело зависели от римской поддержки (Tac. Germ. 42). Так, благодаря Диону Кассию известно, что rex семнонов Масий ездил в Рим ко двору Домициана – видимо, за финансовыми субсидиями (Dio Cass. LXVII.5.3).

---

[71] См.: *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племён на Дунае. I–IV вв. н.э. М., 2000. С. 41.

[72] *Pitts L.F.* Op. cit. P. 47; *Lintott A.* Op. cit. P. 32.

[73] *Gowing A.M.* Op. cit. P. 323.

[74] См.: *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племён на Дунае... С. 45.

[75] См.: *Ricci C.* Germani a Roma. Testimonianze epigrafiche romane tra I e III sec. d.O // Polis. 1993. No. 5. P. 206.

Rex херусков Италик, племянник легендарного Арминия (сын его брата Флава), родившийся в Риме и получивший римское гражданство, был последним представителем древней династии (Tac. Ann. XI.16). В 47 г. администрация Клавдия направила его «на чужеземное царствование» (externum ad imperium) в качестве очередного клиентного правителя, снабдив охраной и деньгами (loc. cit.). Как отмечает Ю.К. Колосовская, «назначение его имело большое политическое значение для укрепления римских позиций в мире германских племён»[76]. В новой для себя обстановке Италик действовал более гибко, чем уже упомянутый Вонон I: сравнительно редко проявляя пресловутую греко-римскую обходительность (comitas) и сдержанность (temperantia), он завоевал популярность у своего окружения благодаря обильным возлияниям и буйному разгулу (vinolentiam ac libidines) (loc. cit.). Несмотря на это, противников Италика из числа германской знати не устраивало то обстоятельство, что Италик вырос «на чужой почве» (hostili in solo), а, следовательно, «отравлен» (infectus) греко-римским воспитанием и образованием, несвободой, чужим бытом и вообще «всем иноземным» (alimonio servitio cultu, omnibus externis) (loc. cit.). В дальнейшем Италик был изгнан, но сумел вернуться к власти; греко-римская культура не пошла ему впрок: Италик правил как тиран, всячески притесняя своих подданных (Cheruscas adflictabat) (Tac. Ann. XI.17). Сын и наследник Италика (с 60 г.), Хариомер, получавший финансовую помощь из Рима (Dio Cass. LXVII.5.1), «из-за своей дружбы с римлянами был отстранён от власти хаттами» (loc. cit. Здесь и далее цит. в пер. под ред. А.В. Махлаюка). Видимо, это произошло в 83 г., когда началась война хаттов с Домицианом.

Стоит отметить, что в приграничной области к северу от Дуная, а также на территории Богемии, Моравии, Южной Словакии, наконец, от Карпат и Судетских гор до Балтики в период Принципата и позже имели место активные торговые контакты между римскими купцами и местным населением; об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, в частности, клады (в одной лишь Польше известно более 200 римских кладов, в которых в общей сложности было обнаружено около 65 тыс. монет). В обмен на предметы роскоши, необработанное железо и оружие германские племена обеспечивали римлян скотом, зерном, рабами, мехами и янтарём[77]. В процессе экономического и культурного обмена «германские общества севера становились более римскими, а римские провинции делались более германскими»[78]. Однако, кроме сотрудничества, существовало ещё и сопротивление – не только активное, с оружием в руках (пример – восстание батавов под руководством

---

[76] *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племён на Дунае… С. 46.

[77] См.: *Федотов В.В.* Историческая география античного мира. М., 1996. С. 295–296.

[78] *Wells P.S.* The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped the Roman Europe. New Jersey, 1999. P. 225–226.

Юлия Цивилиса в 69–70 гг.), но и пассивное, в повседневном быту, о чём свидетельствуют памятники материальной культуры. Так, известный археолог П. Уэллс по итогам без малого 30-летних полевых изысканий в Южной Германии пришёл к выводу, что местная культурная традиция (керамика железного века, латенские фибулы и т.п.) пережила римское завоевание. Это явление он оценил как «культурное сопротивление» (cultural resistance)[79]. В целом с германцами у римлян не получилось конструктивного диалога. Недаром Тацит пророчески писал о «неотвратимых бедствиях», которые, по его мнению, угрожали империи в будущем (urgentibus imperii fatis: Tac. Germ. 33). Источником этих бедствий предстояло стать германскому племенному миру. Суровые и воинственные северные варвары, отвергнув предложенные им ценности греко-римской культуры, во II–III вв. инициировали мощный натиск на имперские рубежи, в ходе которого вместо несостоявшегося процесса аккультурации[80] на северо-западных окраинах греко-римской ойкумены начался более естественный и эффективный процесс варваризации империи и её институтов.

На Востоке на протяжении более чем двух веков для римлян – по крайней мере, субъективно[81] – оставалась актуальной «парфянская угроза»[82]. Как передаёт Тацит, в 35 г. Артабан III якобы претендовал на прежние владения Ахеменидов и Александра Македонского (Tac. Ann. VI.31. Ср.: Dio Cass. LIX.27.3). На деле, видимо, никакой реальной угрозы римским владениям со стороны Парфии не было, в то время как Рим вёл себя гораздо агрессивнее Парфии[83]. Римляне воевали с парфянами в 52–63, 112–114, 155–163, 194–198 и 215–217 гг., причём почти все военные конфликты в спорном регионе возникали по инициативе римлян, парфяне же лишь давали свой «ответ» на римские «вызовы», вторгаясь на территорию Сирии или Армении[84]. По мнению Т. Корнелла, «в политическом смысле у Рима не было парфянской проблемы; напротив, совершенно очевидно, что у Парфии была римская проблема»[85]. Пожалуй, это всё-таки преувеличение, и принцепсы, начиная с Августа, в своей восточной политике не могли позволить себе игнорировать мощный военный потенциал Аршакидов. Возможно, именно наличие пусть даже не столько реальной, сколько потенциальной «парфянской угрозы» на Востоке вынуждало Августа и его преемников проводить в

---

[79] *Wells P.S.* Op. cit. P. 170.

[80] Под аккультурацией мы понимаем процесс взаимовлияния культур, в результате которого происходит восприятие одним народом – полностью или частично – культуры другого народа (в данном случае имеется в виду восприятие варварами греко-римской культуры).

[81] См.: *Isaac B.H.* The Limits of Empire… P. 22.

[82] По мнению Э. Люттвака, Парфия представляла собой «систематическую угрозу» для Рима (*Luttwak E.N.* Op. cit. P. 19).

[83] См.: *Isaac B.H.* The Limits of Empire… P. 28.

[84] См.: Ibid. P. 29 ff.; *Whittaker C.R.* Frontiers… P. 311.

[85] *Cornell T.* Op. cit. P. 145.

регионе последовательный политический курс в отношении пограничных клиентных царств, в то время как на западных рубежах империи, по мнению некоторых исследователей, наблюдалась несколько иная картина[86].

Как бы то ни было, в противостоянии с парфянами римские наместники и полководцы во многом полагались на помощь вассальных царей, которым приходилось принимать активное участие в военных акциях римлян против парфян (см., напр.: Tac. Ann. XIII.7–8). Так, в феврале 50 г. до н.э. Цицерон, исполнявший тогда должность проконсула Киликии, в предвидении парфянского вторжения рассчитывал на сильный воинский контингент галатского царя Дейотара I Филоромея[87]: «У него тридцать когорт по четыреста человек, вооружённых по нашему образцу, и две тысячи всадников» (Cic. Att. VI.1.14. Пер. В.О. Горенштейна. Ср.: Cic. Att. V.18.2. Об этих войсках, вооружённых и обученных Дейотаром на римский манер, см.: Caes. Bell. Alex. 34). Дейотара, в дальнейшем снабжавшего римлян ценными сведениями о ситуации в «прифронтовой полосе» и возможных действиях парфян (Cic. Att. V.21.2; Fam. VIII.10.1–2), благодарный за неоценимую помощь Цицерон в одном из своих писем охарактеризовал как «самого верного царя и лучшего друга нашего государства» (fidelissimum regem atque amicissimum rei publicae nostrae: Cic. Fam. XV.2.2. Здесь и далее

---

[86] См.: *Kehne P.* “Externae gentes” und “Regna intra fines” im Nordgrenzenbereich des Imperium Romanum vom 1. bis zum 3. Jahrhundert: Eine Kritik der Klientelrandstaaten-theorie // Eos. 2000. Vol. 87. S. 311–334.

[87] Дейотар был сыном тетрарха толистобогиев Синорига, того самого, который коварно убил своего соправителя Сината, чтобы жениться на его жене Камме, и был ею отравлен (Plut. De virt. mul. 20; Amat. 22; Polyaen. VIII.39). После смерти отца Дейотар стал тетрархом. В 64 г. до н.э. в награду за помощь в борьбе с Митридатом VI Эвпатором Помпей даровал Дейотару вместе с царским титулом обширные земли в Малой Азии (Strabo XII.3.13; App. Syr. 50). В своих владениях Дейотар I активно занимался градостроительством (Plut. Crass. 17), вооружал и обучал туземные войска по римскому образцу (Cic. Phil. XI.33; Cic. Att. VI.1.14; Bell. Alex. 34.4), а также совершал благотворительные акции в пользу афинян, за что был удостоен статуи на Акрополе (OGIS. 347). В ноябре 45 г. до н.э. Цицерон перед лицом Цезаря и в отсутствие самого Дейотара защищал галатского царя от обвинений, выдвинутых против него его внуком Кастором II (последний обвинил деда в том, что тот был врагом Цезаря и даже будто бы намеревался его убить). Дейотар, в конечном счёте сумевший объединить под своей властью всю Галатию, был коварным и жестоким деспотом – так, в 43 г. до н.э. он убил свою дочь Стратонику и зятя Кастора I (Strabo XII.5.3). Вместе с тем царь носил титул «друга и союзника римского народа». См.: *Федина Ю.А.* Галатия в восточной политике Рима в I в. до н.э. // ПИФК. 2012. Вып. 1 (35). С. 63–64; *Coşcun A.* Amicitiae und politische Ambitionen im Kontext der causa Deiotariana // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / Coşcun A. (hg.). Göttingen, 2005. S. 127–154; APR. P. 122–125; *Coşcun A.* Das Ende der “romfreundlichen” Herrschaft in Galatien und das Beispiel einer “sanften” Provinzialisierung // Freundschaft und Gefolgschaft in den answärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. V.Chr. – 1. Jh. N. Chr.) / Inklusion/Exklusion. Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. 9. Frankfurt am Main., 2008. S. 133–164.

цит. в пер. В.О. Горенштейна). Наконец, осенью 51 г. до н.э. вассальные цари своевременно информировали Цицерона о переправе парфянских войск через Евфрат (Cic. Fam. XV.1.2).

По сообщению Зосима, некогда цари Боспора успешно противостояли набегам скифов, однако после пресечения царской династии варвары беспрепятственно хлынули потоком сквозь образовавшуюся в границе империи брешь в Азию (Zosim. I.31.2–3). Ещё в эпоху Республики отдельные племена и союзы племён во главе со своими предводителями, заключавшими с сенатом договоры о дружбе и союзе, защищали провинции – например, Македонию – от внешних вторжений (Cic. Pis. 84). Так, в 29 г. до н.э. бастарны пересекли Дунай и захватили часть Мёзии, после чего через перевал Гема вторглись во Фракию и стали опустошать владения царя дентелетов Сита, союзника Рима. Наместник Македонии Марк Лициний Красс Младший немедленно выступил на помощь Ситу: защищая владения клиентного царя от бастарнов, он одновременно оборонял Македонию. В итоге полчища бастарнов были рассеяны и прогнаны обратно за Дунай (Dio Cass. LI.23.4; 25.3).

Зачастую вассальные правители пограничных областей, находясь между Римом и Парфией, пытались лавировать на свой страх и риск, стремясь, образно говоря, усидеть на двух стульях (Ios. AI. XX.2.4; 3.4). Таких монархов легко было заподозрить в измене: в античной литературной традиции сохранился рассказ о царе Осроены Абгаре II[88], который в 53 г. до н.э. будто бы умышленно завёл в парфянскую западню войско триумвира Марка Лициния Красса (Plut. Crass. 21; Dio Cass. XL.20.1–21.1). В январе 50 г. до н.э. Цицерон писал Катону Младшему в Рим, что Каппадокия «имеет соседями царей, которые, хотя они и друзья нам, не осмеливаются открыто быть врагами парфянам» (regesque habet finitimos, qui etiamsi sunt clam amici nobis, tamen aperte Parthis inimici esse non audent) (Cic. Fam. XV.4.4. Ср.: Cic. Fam. XV.1.3; 6). Спустя почти сто лет царь Адиабены Изат II (36–60 гг.), опасаясь интриг со стороны своих родственников, отправил их вместе с семьями в качестве заложников одних в Рим, других в Парфию (Ios. AI. XX.2.4). Однако усидеть на двух стульях ему не удалось: когда парфянский царь Вардан I (39–47 гг.) предложил Изату заключить союз против Рима и тот отказался[89], Вардан объявил войну ему самому (Ios. AI. XX.3.4). С местными элитами дело тоже обстояло непросто: как пишет Тацит, «армяне, двуличные и непостоянные, призывали к себе и то и другое войско; по месту обитания, по сходству в нравах, наконец из-за многочисленных смешанных браков они были ближе к парфянам и, не познав благ свободы, склонялись к тому, чтобы им подчиниться» (Tac. Ann. XIII.34. Ср.: Tac. Ann. XIV.26).

---

[88] Об Абгаре II см.: *Luther A.* Die ersten Könige von Osrhoene // Klio. 1999. Bd. 81. S. 437–454.

[89] См.: *Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 152.

Если вассальный правитель обладал известным авторитетом и политическим влиянием, он мог при случае сыграть роль посредника, столь важную в дипломатических отношениях. Например, в 55 г. до н.э., когда Цезарь впервые высадился на юго-востоке Британии, он воспользовался услугами кельтского аристократа Коммия[90], которого назначил царём атребатов и приказал «посетить возможно большее количество племён и посоветовать им отдаться под покровительство римского народа» (Caes. BG. IV.21. Пер. М.М. Петровского. Ср.: Caes. BG. IV.27; V.22). Когда в 36 г. римский наместник Сирии Луций Вителлий встретился на мосту через Евфрат с парфянским царём Артабаном III для заключения мирного договора, посредником в ходе переговоров выступил тетрарх Галилеи и Переи Ирод Антипа (Ios. AI. XVIII.4.5). Для самого Ирода эта история имела печальные последствия: спустя несколько лет, в 39 г., его племянник, Ирод Агриппа (будущий Агриппа Великий), обвинил дядю в ряде злоумышлений против императора и, в частности, в преступном сговоре с Артабаном III (Ios. AI. XVIII.7.2). В доносе, помимо прочего, говорилось об огромном арсенале, созданном Иродом Антипой в своих владениях (в нём хранилось 70 тыс. комплектов вооружения); отрицать очевидное было бесполезно, и Калигула покарал мнимого заговорщика, отняв у него тетрархию, которая досталась Агриппе (loc. cit.). Быть правителем пограничного вассального царства вообще было опасно. Так, в 72 г. наместник Сирии Цезений Пет направил Веспасиану донос, в котором обвинил царя Коммагены Антиоха IV (38–72 гг.) в измене (якобы тот намеревался переметнуться на сторону парфян и совместно с ними начать войну против Рима). Спасаясь от римских оккупационных войск, Антиох IV с женой и дочерью бежал в Киликию, его наследник Антиох Эпифан – в Парфию. Впрочем, вскоре оба получили от Веспасиана полное прощение и позволение жить в Риме (Ios. BI. VII.7.1–3).

Важную роль в повседневной жизни окраин империи играло также обеспечение гражданского мира и правопорядка на местах. В первую очередь речь идёт о борьбе с разбойниками (latrones)[91] и

---

[90] Впоследствии Коммий, ставший врагом Цезаря, был разбит им на поле брани и едва сумел избежать кары за своё вероломство (Frontin. Strat. II.13.11). Около 50 г. до н.э. он создал «королевство» Каллева в Юго-Западной Британии и стал основателем правившей там династии. Как свидетельствует монетная чеканка правителей южных областей Британии, на протяжении ряда десятилетий фигура Коммия оставалась для местных царей символом могущества и суверенитета (*Williams J.H.C.* Coinage and Identity in Pre-Conquest Britain: 50 BC–AD 50 // Coinage and Identity in the Roman Provinces / Hoegego C.J., Heuchert V., Burnett A.M. (eds.). Oxf., 2005. P. 74–77).

[91] В сугубо юридическом смысле latrones – это участники вооружённой шайки грабителей (Marc. Dig. 48.19.11.2). От latrones следует отличать praedones – грабителей, не использовавших «вооружённую силу» (vis armata), а также бродяг (grassatores) и морских разбойников – пиратов (piratae). Слово latrocinium имеет два основных значения: 1) разбой и 2) разбойничья шайка, синоним – factio (Apul. Met. III.8; 28). У римских юристов кража, т.е. присвоение чужого имущества без применения насилия, называлась furtum (Paul. Dig.

47.2.1.3). Грабёж как частный случай furtum назывался не latrocinium, а rapina и подпадал под иск vi bonorum raptorum (Papinian. Dig. 47.2.81.4). В обиходе, равно как и в литературных произведениях, «разбоем» (latrocinium) могло именоваться любое противоправное, позорное, антиобщественное деяние. Кроме того, римляне применяли понятие latrocinium («вооружённый разбой») к необъявленной, в частности, партизанской войне. В «Дигестах» Помпоний говорит: «“Hostes” hi sunt, qui nobis aut quibus nos publice bellum decrevimus: ceteri “latrones” aut “praedones” sunt» (Pompon. Dig. 50.16.118. Ср.: Ulpian. Dig. 49.15.24). Таким образом, выходит, что hostes – это враги Рима в «правильной», т.е. объявленной по всем правилам, с соблюдением надлежащих обрядов и процедуры войне, тогда как latrones суть враги Рима в «неправильной», т.е. необъявленной войне (*Grünewald Th.* Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. L.; N.Y., 2004. P. 17). Среди latrones, или latrunculi числились и грабители с большой дороги, latrones famosi (разбойники с «репутацией») вроде Тетриния (Suet. Cal. 30.2), и враги «римского строя», такие как воинственные mastrucati latrunculi на Сардинии, о которых упоминает Цицерон (Cic. Prov. cons. 15), или узурпаторы вроде Фирма, о котором Флавий Вописк пишет: latrunculum fuisse, non principem (Hist. Aug. Firm. II.1), и бескомпромиссные борцы с римской властью, такие как Спартак и Такфаринат – «дезертиры», «разбойники», «грабители» (desertores, latrones, praedones) (Flor. II.8.8; Tac. Ann. II.52; III.73). Все они стояли вне закона, поэтому подлежали максимально суровой внесудебной расправе. К примеру, Тацит сообщает о дезертире и перебежчике германце Ганнаске, который прежде служил в римских auxilia, а затем перебежал к хавкам (Tac. Ann. XI.18.1–2). Благодаря интригам Корбулона Ганнаск был коварно убит (ibid. 19.2). Захваченных разбойников обычно распинали на крестах (Apul. Met. III.9). Даже известный своим гуманизмом Сенека полагал необходимым публично казнить latrones (Sen. De ira. III.19.2). Пиратов римляне считали врагами всего человечества, поэтому по отношению к ним можно было не держать слова и не соблюдать клятвы (Cic. Off. III.107). Наконец, когда у латинских авторов речь заходит о критике издержек римского «империализма», термин latro (или latrones) применяется к самим римлянам. Так, в «Письме Митридата» у Саллюстия они названы «разбойниками, грабящими народы» (latrones gentium) (Sall. Hist. IV.69.22. Пер. В.О. Горенштейна). У Тацита в «Агриколе» Калгак называет римлян «расхитителями всего мира» (raptores orbis) (Tac. Agr. 30. Пер. А.С. Бобовича под ред. М.Е. Сергеенко). Сравнения Рима с разбойником (latro) мы находим у Помпея Трога (Iust. XXXVIII.4.2) и Курция Руфа (Curt. VII.8.19). В марксистской историографии разбой (latrocinium) рассматривался как одна из форм классовой борьбы, а разбойники (latrones) представлялись борцами с социальной несправедливостью (*Дмитрев А.Д.* Движение latrones как одна их форм классовой борьбы в Римской империи // ВДИ. 1951. № 4. С. 61–72; *Günther R.* Das Latrocinium als eine besondere Form des Widerstands der unterdrückten Klassen und Barbaren im römischen Sklavenbalterstaat während des Prinzipats. Leipzig, 1953). Р. Мак-Маллен рассматривал данный феномен более широко, характеризуя latrocinium как угрозу социальному и политическому строю Римской империи; в этом контексте «разбойником» (latro) являлся не только вооружённый грабитель с большой дороги, но и мятежник или узурпатор (*MacMullen R.* The Roman concept robber – pretender // RIDA. 1963. Vol. 10. P. 221–225; *MacMullen R.* Enemies of the Roman Order: Treason, Unrest and Alienation in the Empire. Cambr. (Mass.), 1967). Б. Шо в своей классической работе (*Shaw B.D.* Bandits in the Roman Empire // P&P. 1984. Vol. 105.P. 3–52) пришёл к выводу, что разбойники угрожали общественному и нравственному порядку в Римской империи именно тем, что своих целей они достигали путём насилия (*Shaw B.D.* Op. cit. P. 4). Кроме того, Б. Шо видел в разбойнике своего рода «компонент» римского общественного строя (*Shaw B.D.* Op. cit. P. 8). Концеп-

пиратами (piratae). В период Поздней республики пиратские шайки, базировавшиеся в Киликии (Strabo XIV.5.2; App. Mithr. 21), терроризировали Средиземноморье, получая сверхприбыли за счёт торговли «живым товаром»[92]. Мощный удар по пиратским объединениям нанёс Помпей в 67 г. до н.э. (Flor. I.41.15). Однако пиратство в Средиземноморье сохранялось и после крупномасштабной акции Помпея (Cic. Leg. II.81). По иронии судьбы, 30 лет спустя благодаря действиям его сына, Секста Помпея, создавшего пиратское государство на Сицилии, Сардинии и Корсике, «открытое пиратство вновь распространилось по морю» (App. BC. V.77. Цит. в пер. А.И. Тюменева под ред. С.А. Жебелёва и О.О. Крюгера. Ср.: Vell. II.73.3; Flor. II.18.2).

С установлением Принципата тема борьбы с «разбоем» (latrocinium), ликвидации пиратства и, как следствие, безопасности мореплавания стала важной частью имперской пропаганды[93]. Прежде всего, об этом торжественно возвестил сам Август в своих «Деяниях» (RGDA. 35.1). Тогда и в дальнейшем римские власти старались убедить население, будто разбоям и пиратству навсегда положен конец (см., напр.: Philo. Leg. ad Gaium. 145–146; Epict. XIII.13.9). По словам Веллея Патеркула, «распространившись до восточных и западных пределов, достигнув самого севера и юга, Августов мир сохранил самые отдалённые уголки всего мира свободными от разбоя» (“Diffusa in orientis occidentisque tractus et quidquid meridiano aut septentrione finitur, pax Augusta per omnis terrarium orbis angulos a latrociniorum metu servat immunes”) (Vell. II.126.3. Пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой). О прекращении разбоя на суше и на море в период Принципата пишут Страбон (Strabo III.2.5) и Плиний Старший (Plin. NH. II.118).

Это был не более чем пропагандистский штамп, ибо многочисленные данные источников (App. BC. V.132; Suet. Aug. 32.1–2; Tib. 37.1; Achil. Tat. III.5; Tert. Apol. II.8) свидетельствуют о «повсеместности разбоя» в Римской империи[94]. Никто не был застрахован от нападения грабителей, с которыми римские власти боролись без

цию «социального разбойника» развил А. ван Хуф (*Hooff A.J.L. van.* Ancient Robbers: Reflections behind the Facts // AS. 1988. Vol. 19. P. 105–124). Для Б. Шо и А. ван Хуфа разбойник – это «конкретный социальный тип». Наконец, с точки зрения Т. Грюневальда, разбойник – это не столько «конкретный социальный тип», сколько некая «литературная условность», созданная греческими и латинскими авторами, «литературный образ», с которым теснейшим образом было связано романтическое представление о «благородном разбойнике» (*Grünewald Th.* Op. cit. P. 12–13).

[92] Самой ценной добычей были молодые и красивые пленники (Long. I.28). См.: *Arslan M.* Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator // Olba. 2003. Vol. 8. P. 196 ff.

[93] *Braund D.C.* Piracy under the Principate and the Ideology of Imperial Eradication // War and Society in the Roman World (Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society) / Rich J., Shipley G. (eds.). Vol. 5. L., 1993. P. 201 ff.

[94] *Shaw B.D.* Op. cit. P. 9. См. также: *Grünewald Th.* Op. cit. P. 18 ff.

особого успеха[95], никто из жителей империи не чувствовал себя в безопасности, все и повсюду испытывали metus latrociniorum[96]. В эпитафиях нередко попадаются штампы вроде interfectus или interfecta a latronibus[97]. Если какой-нибудь высокопоставленный человек вдруг исчезал при невыясненных обстоятельствах, императоры всё «списывали» на разбойников (Suet. Aug. 27.4; Hist. Aug. Comm. V.12; Carac. III.8). В одном из своих писем Сенека обмолвился, что путешествовать надлежит налегке и с пустыми карманами, тогда не страшны разбойники (Sen. Ep. XIV.9). В источниках мы находим немало свидетельств разгула пиратства в римском Средиземноморье (Cic. Att. XVI.1.3; Dio Cass. XXXIX.56.1; 56.5; 59.2; LV.28.2; Tac. Ann. XII.55; Hist. III.47–48; App. Ill. XVI.47; Ios. BI. III.9.2; Strabo XI.2.12; Paus. X.34.5; Plut. Mor. 165D). О крупномасштабных морских разбоях сообщают Дион Кассий (LV.28.1), Тацит (Ann. XII.55) и Иосиф Флавий (BI. III.9.2)[98]. Подобных свидетельств немного, поскольку античные авторы считали пиратство предметом, недостойным внимания (см., напр.: Dio Cass. LV.28.2). Иногда удачливые атаманы разбойников становились династами и даже получали жреческие должности, как, например, Клеон, который благодаря щедрым пожалованиям сначала Марка Антония, а затем и Августа сколотил себе небольшое княжество в Мизии (Strabo XII.8.8–9).

Императоры не могли, да и не стремились окончательно ликвидировать пиратство; они довольствовались лишь контролем над акваторией. Репрессивные акции – вот всё, что могли противопоставить разбойникам провинциальные власти Римской империи. В основном с пиратами боролись, как умели, наместники провинций (Ulpian. Dig. 1.18.13 pr.; Paul. Dig. 1.18.3; Marc. Dig. 48.13.4.2) и местные общины[99], а также вассальные цари. Последние порой весьма эффективно справлялись с этой задачей – во всяком случае, они делали это лучше, чем римские должностные лица, о чём свидетельствуют греческие и латинские авторы. По сообщению Страбона, правивший в 1-й пол. II в. до н.э. Масинисса – на редкость энергичный и эффективный правитель из числа вассальных царей Рима – быстро навёл порядок в Нумидийском царстве, отвадив кочевников от занятий разбоем (Strabo XVII.3.15). Ок. 22 г. до н.э. царь Иудеи Ирод I Великий, как сообщает Иосиф Флавий, получил от Августа часть владений тетрарха Итуреи Зенодора (Трахонитиду, Батанею и Авранитиду) с условием, что он сумеет прекратить раз-

---

[95] *Grünewald Th.* Op. cit. P. 31.

[96] См.: *Kneppe A.* Die Gefährdung der securitas: Angst vor Angehörigen sozialer Randgruppen der römischen Kaiserzeit am Beispiel von Philosophen, Astrologen, Magiern, Schauspielrn und Räubern // Soziale Raundgruppen und Außenseiter im Altertum / Weiler I. (ed.). Graz, 1988. S. 165–176; *Grünewald Th.* Op. cit. P. 32.

[97] *Shaw B.D.* Op. cit. P. 10.

[98] См.: *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э.–74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 162.

[99] Там же. С. 45; *Braund D.C.* Piracy under the Principate... P. 207. Непосредственно с разбойниками боролся latrunculator (Ulp. Dig. 5.1.61.1).

бои жителей Трахонитиды, которые поощрял Зенодор. В итоге Ирод, который и прежде демонстрировал завидные успехи в борьбе с разбойниками (Ios. BI. I.10.5), блестяще справился с поставленной перед ним задачей (Ios. AI. XV.10.1). Порой вассальные цари с успехом противостояли и разбойникам, и пиратам – во всяком случае, они делали это лучше, чем римские наместники.

Так, доставшаяся царю Каппадокии Архелаю I Филопатору (36 г. до н.э.–17 г. н.э.)[100] Киликия Трахея, по словам того же Страбона, «от природы представляла удобства для разбойников на суше и на море», поэтому римляне предпочли «оставить эту страну под властью царей, чем отдать её в управление римским префектам, посылаемым для отправления правосудия, которые не всегда могли там находиться или иметь под руками военные силы» (Strabo XIV.5.6). Между тем эскадры киликийских пиратов, терроризировавшие регион в I в. до н.э., действовали в союзе с парфянами (ibid. 2). Таким образом, внешняя угроза смыкалась с внутренней, которую более невозможно было игнорировать. Как пишет о современной ему ситуации Страбон, «в землях, подчинённых местным властителям, правители оказывают помощь жертвам насилия; они нередко в свою очередь нападают на разбойников и, захватив их “камары”, приводят назад вместе с экипажем. Области, подчинённые римлянам, более бессильны против этого зла из-за небрежения посылаемых туда правителей» (Strabo XI.2.12).

В 52 г. в Киликии разразился крупный мятеж: предводитель племени киетов Троксобор, чьи отряды бесчинствовали не только на суше (latrones), но и на море (piratae), осадил город Анемурий и даже рассеял отряд римской кавалерии под началом префекта Курция Севера. Однако царь Коммагены Антиох IV, действуя не столько грубой силой, сколько хитростью и дипломатией, сумел собственными силами ликвидировать возникший очаг напряжённости: по словам Тацита, он, «снискав расположение простых воинов и обманув их вождя, внёс раскол в скопище врагов и, предав смерти Троксобора и нескольких других главарей, милостивым обращением смирил остальных» (Tac. Ann. XII.55). Напротив, в 36 г. Архелай II[101], управлявший киликийскими владениями своего отца, Архелая I[102], не смог ничего поделать с теми же беспокойными киетами: «невоинственные царские войска» тут оказались малоэффективны (Tac. Ann. VI.41). Пришлось вмешаться наместнику Сирии Луцию Вителлию, который бросил против киетов крупные силы во главе с легатом Марком Требеллием, беспощадно подавившим мятеж (loc. cit.). Когда в 5 г. восстали гетулы, царь Мавретании Юба II, не сумев самостоятельно справиться с мятежниками, обратился за помощью к имперским властям. В следующем году восстание гетулов

---

[100] Об Архелае I см.: *Sullivan R.D.* The Dynasty of Cappadocia // ANRW. 1980. Tl. II. Bd. 7.2. P. 1147–1161.

[101] См.: *Sullivan R.D.* Op. cit. P. 1167–1168.

[102] См.: *Абрамзон М.Г.* Указ. соч. С. 192.

было подавлено проконсулом Африки Коссом Корнелием Лентулом (Dio Cass. LV.28.3–4; Vell. II.116.2; Flor. II.31.40). Как показывают приведённые примеры, римская администрация вмешивалась только в том случае, если вассальный правитель выказывал неспособность восстановить гражданский мир и правопорядок собственными силами.

Северо-западные рубежи империи защищали фракийские цари Реметалк I Сапей (11 г. до н.э. – 13 г. н.э.) и его брат Рескупорид III (13–19 гг.). Они участвовали в подавлении восстания в Паннонии (Dio Cass. LV.29.3–5; 30.3; Vell. II.112.4–5). Фракийское царство являлось не только «буфером», заслонявшим территорию империи от набегов воинственных германцев, сарматов, даков и бастарнов, но и плацдармом для военных действий против Парфии. После смерти Реметалка I (13 г.) Август разделил фракийские земли между дядей (Рескупоридом III) и племянником (Котисом III). Однако, узнав о смерти Августа, Рескупорид стал возмутителем спокойствия в вассальном царстве: по сообщению Тацита, «он принялся засылать в царство Котиса шайки разбойников и разрушать его крепости, выискивая поводы к открытой войне» (Tac. Ann. II.64). Дальше – больше: в 19 г. Рескупорид III вероломно захватил племянника (вскоре Котис был убит), после чего под предлогом войны против бастарнов и скифов, невзирая на запрет Тиберия, набрал крупное войско (ibid. 65). В ответ Тиберий принял решительные меры: вышедший из повиновения вассальный правитель был обманом захвачен, отправлен в Рим и приговорён к изгнанию в Александрию, где он вскоре и был убит (ibid. 66–67).

Наследником Рескупорида III стал его сын, Реметалк II (19–38 гг.), наследниками Котиса III[103] – его дети, Реметалк, Полемон и Котис (будущие правители клиентных монархий: царь Фракии Реметалк III, царь Малой Армении Котис IV и царь Понта Полемон II (Dio Cass. LIX.12.2; Strabo XII.3.29; Tac. Ann. XI.9.2); их опекуном был назначен сенатор Требеллен Руф, фактически ставший наместником Фракии (Tac. Ann. II.67.2). В 21 г. Реметалк II с помощью римских войск подавил восстание фракийских племён, недовольных и своим царём-коллаборационистом, и римскими властями во главе с Требелленом Руфом (Tac. Ann. III.38.3). Осаждённый в Филоппополе Реметалк, тем не менее, сумел разбить мятежников: к нему на помощь вовремя подоспел римский легион (ibid. 39). В 26 г. фракийцы подняли новое восстание, жестоко подавленное римлянами и царскими войсками (Tac. Ann. IV.46–51). Последний фракийский царь Реметалк III (38–46 гг.), «римлянин по духу и по взглядам»[104], в

[103] Был женат на Антонии Трифене, дочери Полемона I и Пифодориды.

[104] История Европы. Т. 1. Древняя Европа / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1988. С. 522.

46 г. пал жертвой заговора, после чего Фракия стала римской провинцией[105].

Восстание Такфарината[106] (17–24 гг.) в Северной Африке, хотя и не могло существенно отразиться на судьбах обширной империи, тем не менее, продлилось 7 лет и ознаменовалось рядом поражений римских войск (Tac. Ann. II.52; III.20–21; 32; 73–74; IV.13; 23–26)[107]. В молодости Такфаринат служил в римских вспомогательных частях, auxilia (в пехоте или коннице, неизвестно) (Tac. Ann. II.52). По неизвестной причине Такфаринат дезертировал и возглавил разбойничью шайку (loc. cit.), став, таким образом, «дезертиром и разбойником» (desertor et praedo) (Tac. Ann. III.73.2). Как сообщает Тацит, под началом Такфарината состояли такие же, как и он, дезертиры, покинувшие ряды римских вспомогательных войск (ibid. 20), а также племя мусуламиев (Tac. Ann. II.52.1). Под пресловутым «разбоем» (latrocinium) Тацит, скорее всего, имел в виду ту «малую войну», которую Такфаринат в течение ряда лет вёл в Северной Африке против римлян и зависимых от них местных властей – правителя Мавретании Юбы II[108] и его сына и наследника Птолемея Филадельфа (внука Клеопатры VII).

Юба II, интеллектуал на троне, на протяжении нескольких десятилетий в целом эффективно контролировал кочевые племена гетулов, гарамантов и мавров[109]. Теперь ему предстояло вплотную заняться борьбой с Такфаринатом. Однако Юба не сумел подавить движение в самом его начале. Восстание Такфарината, насколько можно судить по описанию Тацита, вскрыло такие пороки римского «империализма», как неэффективность провинциальной администрации, произвол и злоупотребления римлян по отношению к жителям Северной Африки, с которыми они обращались, по словам Страбона, «то как с “друзьями”, то по-вражески» (Strabo XVII.3.12). Косвенным образом на это указывает тот факт, что восстание Такфарината активно поддержали соседние племена мавров под пред-

---

[105] Иногда эти события относят к 44–45 гг. См.: *Златковская Т.Д.* Мёзия в I–II веках нашей эры: К истории Нижнего Дуная в римское время // Причерноморье в античную эпоху. М., 1951. Вып. 2. С. 51–52.

[106] Tacfarinas, Такфаринат – латинизированная форма берберского имени «Тикфарин».

[107] P. Сайм считал, что, описывая войну с Такфаринатом, Тацит сознательно подражал «Югуртинской войне» Саллюстия (*Syme R.* Tacfarinas, the Musulamii and Thubursicu // Studies in Honor of A.C. Johnson. Princeton, 1951. P. 120). По мнению Т. Грюневальда, Тацит, последовательно критикуя режим «некомпетентного дилетанта» (sic!) Тиберия, намеренно исказил черты реального Такфарината, создав сугубо негативный образ «разбойника» (praedo, latro), предводителя буйной шайки грабителей (*Grünewald Th.* Op. cit. P. 54).

[108] Мавретания досталась Юбе II от Августа в качестве donum populi Romani (Tac. Ann. IV.5).

[109] *Whittaker C.R.* Ethnic Discourses on the Frontiers of Roman Africa // Ethnic Constructs in Antiquity: the Role of Power and Tradition / Derks T., Roymans N. (eds.). Amsterdam, 2009. P. 191.

водительством Мазиппы (Tac. Ann. II.52.2), немало уроженцев римской Африки (Tac. Ann. II.52; IV.23), а также нумидийское племя гетулов (Vict. Caes. 2.3; Epit. De Caes. 2.8). Наконец, на последнем этапе восстания царь гарамантов прислал на помощь Такфаринату свои отряды (Tac. Ann. III.74.2; IV.23.2).

Едва разгоревшись, пожар мятежа отозвался эхом на берегах Тибра: в контексте «критики режима» Тацит сообщает о привлечении к суду Карсидия Сацердота и потомка старинного рода Гая Гракха, которых некие недоброжелатели обвинили в снабжении африканских мятежников хлебом; тем не менее, оба были оправданы (Carsidius Sacerdos, reus tamquam frumento hostem Tacfarinatem iuvisset, absolvitur, eiusdemque criminis C. Gracchus) (Tac. Ann. IV.13), причём Тацит недвусмысленно выразил уверенность в том, что выдвинутые против них обвинения были заведомо ложными (loc. cit.). Часть своего войска[110] Такфаринат организовал по римскому образцу (divisusque exercitus, ut Tacfarinas lectos viros et Romanum in modum armatos castris attineret, disciplina et imperiis suesceret) (Tac. Ann. II.52). Проконсул Африки Марк Фурий Камилл сумел нанести поражение мятежникам (18 г.), за что получил от сената триумфальные украшения (loc. cit.). Однако вскоре Такфаринат собрался с силами и возобновил набеги на территорию римской провинции. Ему даже удалось разгромить римскую когорту: её командир доблестно пал в бою, тогда как сами легионеры обратились в позорное бегство (Tac. Ann. III.20). Преемник Камилла, Луций Апроний (18–20 гг.), наказал беглецов посредством децимации и нанёс врагу несколько ощутимых ответных ударов (Tac. Ann. III.21; ср.: CIL X 7257 = ILS 939). Тем не менее, Такфаринат продолжал вести «малую войну». В 21 г. он осмелился предложить Тиберию начать мирные переговоры и даже потребовал у императора земли для расселения своих людей, «в противном случае угрожая беспощадной войной» (Tac. Ann. III.73). В ответ Тиберий принял решительные меры: новый проконсул, Квинт Юний Блез[111], дядя всесильного Сеяна (Tac. Ann. III.72; IV.26), поставленный во главе двух легионов[112] (Tac. Ann. III.9; IV.5), в очередной раз нанёс поражение Такфаринату «путём комбинированной военной операции»[113] и даже по старинному обычаю прямо на поле боя был провозглашён «императором»[114] (Tac. Ann. III.74; Vell. II.125.5).

Несмотря на это, война в Северной Африке продолжалась. С едкой иронией Тацит пишет: «В Риме уже стояли три увенчанные лаврами статуи, а Африку по-прежнему грабил Такфаринат» (Tac.

---

[110] Это были непосредственно подчинённые ему отряды, основу которых составили такие же, как и он сам, дезертиры; союзные Такфаринату племена мавров вряд ли можно было подчинить воинской дисциплине по римскому образцу.

[111] Ему продлили полномочия на 22 г. (Tac. Ann. III.58).

[112] III Августов и IX Испанский.

[113] *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 463.

[114] Последний случай в римской истории.

Ann. IV.23.1). Между тем сам факт передислокации IX Испанского легиона из Африки в Паннонию (loc. cit.), означавший ослабление римской группировки в Северной Африке, вдвойне сыграл на руку Такфаринату, который распространял среди местного населения слухи, будто в других областях империи тоже возникли волнения (Tac. Ann. IV.24.1). В 24 г. проконсул Публий Корнелий Долабелла перешёл в решительное наступление против Такфарината, причём деятельную помощь римлянам оказал новый мавретанский царь Птолемей, преемник умершего Юбы II[115]. В сражении при Авзии в Мавретании Такфаринат, доблестно сражаясь, нашёл свою смерть. Тацит так пишет об этом: «А он (Такфаринат. – *В.Н.*), увидев, что его телохранители оттеснены, что его сын уже заключён в оковы, что со всех сторон к нему устремляются римляне, избежал плена, бросившись на их мечи и недёшево продав свою жизнь» (Tac. Ann. IV.25.6). Через несколько лет после подавления восстания Такфарината последний вассальный царь Мавретании Птолемей Филадельф был казнён по приказу Калигулы, а на месте бывшего клиентного царства были созданы две провинции – Мавретания Цезарейская и Мавретания Тингитанская (см. выше).

Итак, в переплетении разнообразных экономических, политических и культурных связей, отношений и взаимных обязательств сосуществовали Рим и вассальные монархи. Обе стороны преследовали свои интересы, разрешая возникавшие время от времени проблемы и конфликты военным путём или посредством дипломатии[116]. Рим получал немалую и разнообразную выгоду от своих сателлитов (satellites), которые в ходе военных кампаний выставляли вспомогательные контингенты (auxilia)[117] и обеспечивали римские легионы всем необходимым, а в мирное время более или менее эффективно боролись с разбойниками и пиратами, обеспечивая на окраинах империи относительное спокойствие и правопорядок (ср.: Caes. Bell. Alex. 65; Dio Cass. XXXVIII.38.4). Издержек здесь было, пожалуй, меньше, чем выгоды: даже то обстоятельство, что регулярных платежей из вассальных царств поступало в Рим гораздо меньше, чем из провинций[118], в какой-то мере искупалось тем, что клиентные цари за свой счёт снаряжали вспомогательные воинские контингенты и время от времени приезжали в Рим к императорскому двору с богатыми дарами[119].

В свою очередь, союзники Рима чувствовали себя увереннее под сенью могущественной Римской державы, уже самим фактом своего существования надёжно защищавшей их от посягательств со

---

[115] Tac. Ann. IV.24.3 О роли Юбы II и Птолемея Филадельфа в подавлении восстаний гетулов и Такфарината см.: *Vanacker W.* Conflicts and Instability in Mauretania and Gaius' Realpolitik // Latomus. 2013. Vol. 72. P. 725–741.

[116] Ф. Миллар определил политику Рима по отношению к царям-клиентам как «сочетание силы и дипломатии» (*Millar F.* Op. cit. P. 171).

[117] *Millar F.* Op. cit. P. 219–220, 233.

[118] Клиентные царства не платили трибут (Ibid. P. 202).

[119] *Goodman M.* Op. cit. P. 112.

стороны воинственных соседей. Об этом, в частности, пишет Тацит: accolis Hibero Albanoque et aliis regibus qui magnitudine nostra proteguntur adversum externa imperia (Tac. Ann. IV.5.2). Для вассального правителя дружба (amicitia) римского народа была «украшением и защитой» (ornamento et praesidio) (Caes. BG. I.44.5). В моральном плане это понятие – praesidium ornamentumque – ко многому обязывало (см.: Plin. Ep. VI.18.2), защищать «своих» от «чужих» для римлян было делом чести (см.: Caes. Bell. Alex. 34; Cic. Fam. XV.2.4). Недаром Цицерон однажды назвал Рим «прибежищем для иноземных царей и народов» (arcem regum ac nationum exterarum) (Cic. Sull. 33. Пер. В.О. Горенштейна). Поэтому такие «дружественные цари», как, например, царь Кипра Птолемей (rex amicus), имели все основания полагаться «на державу римского народа» (fretus imperio populi Romani) (Cic. Sest. 57), хотя их ожидания оправдывались не всегда, о чём свидетельствует печальная судьба того же Птолемея[120]. Опять-таки Цицерон как-то раз позволил себе публично всласть поиздеваться над «незнатным царём» (ignobilem regem), Антиохом I Коммагенским[121], поводом для чего послужило полученное им от Помпея почётное право носить тогу с пурпурной каймой (Cic. Qu. fr. II.10.2–3).

Факт остаётся фактом: перед холодным политическим расчётом далеко на задний план отступали соображения чести и верности своим союзническим обязательствам. Так, римляне не стали оказывать военную помощь своему ставленнику, царю свевов Ваннию[122] (правитель т.н. regnum Vannianum), в 50 г. свергнутому собственными племянниками, поскольку последние засвидетельствовали Риму свою преданность (Tac. Ann. XII. 29–30). В этот раз Клавдий ограничился тем, что приютил царственного изгнанника в Паннонии (ibid. 30)[123]. Аналогичным образом около 83 г.[124] администрация Домициана не поддержала царя херусков Хариомера, который, по сообщению Диона Кассия, «из-за своей дружбы с римлянами был отстранён от власти хаттами» (Dio Cass. LXVII.5.1). Когда Хариомер обратился за помощью к Домициану, «в военной помощи ему было отказано, но деньги он получил» (loc. cit.).

Британия представлялась римлянам «краем земли и природы» (Tac. Agr. 33.6). По прошествии нескольких десятилетий после двух

---

120 В 58 г. до н.э. римляне, особо не утруждая себя поисками законного предлога, аннексировали Кипр, а несчастный царь Птолемей – брат ещё одной римской креатуры, египетского царя Птолемея XII Авлета, – покончил с собой, приняв яд. См.: *Бивен Э.* Династия Птолемеев: История Египта в эпоху эллинизма. М., 2011. С. 394–395.

121 Об Антиохе I см.: *Facella M.* La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenistico-romana. Pisa, 2006. P. 225–297.

122 О Ваннии см.: *Kehne P.* Vannius // RGA. 2. Aufl. B., 2006. Bd. 32. S. 69–70.

123 См.: *Колосовская Ю.К.* Паннония в I–III веках. М., 1973. С. 209–210.

124 См.: Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 73. Прим. 81.

экспедиций Цезаря на Британские острова (в 55 и 54 гг. до н.э.), носивших разведывательно-демонстрационный характер[125], Август заключил с некоторыми из племенных вождей бриттов союзные договоры (RGDA. 32.1), в результате чего, по словам Страбона, остров стал «фактически достоянием римлян» (Strabo IV.5.3). Во времена Августа клиентные цари, правившие на юго-востоке Британии, чеканили свою золотую и серебряную монету с латинской легендой и греко-римской символикой[126]. Экономическая целесообразность завоевания Британии была под большим вопросом, поэтому никаких военных акций здесь не предпринималось вплоть до 43 г. В 43–84 гг. римляне завоевали значительную часть Британии, откуда могли получать «рабов, рекрутов, продовольствие и сырьё, разрабатывать рудники, иметь рынки своих товаров»[127]. Местные племена либо покорно признавали власть римлян, либо оказывали сопротивление римской агрессии: так, в 61 г. царица иценов (населявших земли в районе современного Норфолка) Боудика, вдова царя-клиента Прасутага, возглавила антиримское восстание племён Центральной Британии (Tac. Ann. XIV.31.1; Agr. 16.1).

Восставшие захватили Камулодун, Веруламий, Лондиний и перебили живших там римлян. Однако в конечном счёте восстание было подавлено римскими войсками. Потерпев поражение, Боудика, как сообщает Тацит, покончила с собой (Tac. Ann. XIV.37.3. По данным Диона Кассия (Dio Cass. LXII.12.6), царица заболела и умерла[128]). Напротив, царь атребатов и белгов Тогидубн был верным вассалом Рима (Tac. Agr. 14.2). В Чичестерской надписи он именуется «великим царём Британии» (regis magni Britanniae[129]) (RIB. 91, v. 5). Тогидубн (как римский гражданин этот клиент императора Клавдия носил имя Тиберий Клавдий Тогидубн) стал последним известным нам клиентным царём в Британии: после его смерти (ок.

---

[125] *Федотов В.В.* Указ. соч. С. 281.

[126] См.: *Williams J.H.C.* Op. cit. P. 73; *De la Bédoyère G.* The Real Lives of Roman Britain: A History of Roman Britain through the Lives of Those Who Were There. L., 2015. P. 8–13.

[127] *Федотов В.В.* Указ. соч. С. 282.

[128] По мнению Г. де ла Бедуайера, Тацит и Дион Кассий создали литературный образ Боудики – героической защитницы «национальных» ценностей, возглавившей борьбу бриттов против римского господства, – образ, который они противопоставили созданной ими же картине перманентного «упадка нравов» в Риме в условиях императорской тирании (*De la Bédoyère G.* Op. cit. P. 28). «Речи» Боудики у Тацита (Tac. Ann. XIV.35) и Диона Кассия (Dio Cass. LXII.3–6), как считает Э. Адлер, содержат критику римской провинциальной администрации и в целом представляют собой «смешение антиимпериалистических и проримских чувств» (*Adler E.* Valorizing the Barbarians: Enemy Speeches in Roman Historiography. Austin, 2011. P. 118).

[129] Возм.: “regis magni Britannorom”.

75 г.) римляне включили бывшие владения Тогидубна в состав провинции[130].

Отношения между принцепсами и вассальными царями, как между патронами и клиентами, носили личный, иногда даже дружественный характер. Примером тому служат отношения таких представителей династии Иродиадов, как её основатель Ирод I Великий и Ирод Агриппа I, с членами императорского дома Юлиев – Клавдиев. Порой смерть августейшего патрона оборачивалась роковыми последствиями для вассального правителя. Когда Ирод Антипа вступил в конфликт с царём Набатеи Аретой IV Филопатором, Тиберий принял сторону Антипы, велев сирийскому наместнику Луцию Вителлию примерно наказать набатейского царя. Однако не успел Вителлий выступить в поход, как Тиберий умер (37 г.), на престол вступил Калигула, и военная кампания завершилась, не начавшись (Ios. AI. XVIII.5.1–3). В 39 г. Ироду Антипе пришлось лично отправиться в Рим, ко двору Калигулы, который в угоду своему другу Агриппе I отобрал у Антипы тетрархию, а его самого сослал в Лугдун (Ios. AI. XVIII.7.2).

Как-то раз Цицерон назвал Рим «господином царей» (dominus regum) (Cic. Dom. 90). В эпоху Республики клиентные монархи нередко страдали от алчности и вероломства представителей римской олигархии (Sall. BI. 31.9; Ep. Mithr. 8). Во времена Империи в этом отношении мало что принципиально изменилось. Зависимость клиентных правителей от своего августейшего патрона была полной. Так повелось ещё со времён Августа – создателя системы клиентных царств на рубежах империи. Как пишет о вассальных царях Светоний, «не раз они покидали свои царства, чтобы повседневно сопровождать его не только в Риме, но и в провинциях – без царских отличий, одетые в тоги, прислуживая ему, как клиенты» (Suet. Aug. 60). В своей повседневной административной деятельности вассальные цари зачастую опирались на расквартированные в их владениях римские войска (Caes. Bell. Alex. 33; Ios. AI. XV.3.7; Tac. Ann. XII.15; 45; Dio Cass. LXXI.3.1). По-видимому, эти римские части обеспечивали не только охрану самих монархов, но и контроль Рима за своими августейшими клиентами. Впрочем, кое-какие вольности эти правители могли себе позволить. Например, когда в 35 г. Тиберий, продолжавший борьбу с Артабаном III, послал крупные суммы денег царям Иберии и Албании, чтобы они напали на парфян в Армении, те уклонились от прямой военной акции, выбрав иной вариант: они пропустили через свои владения полчища сарматов (Иосиф Флавий называет их «скифами»), которые опустошили северные районы Парфии (Tac. Ann. VI.33; Ios. AI. XVIII.4.4). Для того чтобы возникло подозрение в нелояльности, клиентному правителю достаточно было совершить один неверный шаг, не-

[130] См.: *De la Bédoyère G.* Op. cit. P. 32–36. Монетная чеканка клиентных царей в Британии исчезла ещё раньше (с началом римского вторжения в 43 г.). См.: ibid. P. 34.

большой промах, который был чреват для него весьма серьёзными последствиями.

В частности, вассальный царь обязательно должен был получить из Рима утверждение при восшествии на престол; в противном случае он рисковал навлечь на себя немилость императора. Так вышло с царём Набатеи Аретой IV (9 г. до н.э. – 40 г. н.э.), который «забыл» уведомить Августа о своём воцарении, чем вызвал гнев принцепса (Ios. AI. XVI.9.4; 10.9). Важно отметить следующее: с одной стороны, Рим был заинтересован в сильных вассальных царствах, составлявших своего рода «щит» империи, прикрывавший её от вражеских нашествий, с другой – опасался чрезмерного усиления клиентных царей, которые в определённой ситуации могли выступить против империи[131]. Когда Агриппа I, пользовавшийся исключительным расположением Клавдия, по собственной инициативе начал сооружение новых крепостных стен вокруг Иерусалима, наместник Сирии Гай Вибий Марс немедленно уведомил об этом императора. Как пишет Иосиф Флавий, Клавдий, «усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным ослушаться» (Ios. AI. XIX.7.2. Ср.: Ios. BI. II.11.6). В 42 г. в Тивериаде состоялся съезд правителей ряда клиентных царств Востока. Гостеприимный кров Агриппы I почтили своим присутствием Антиох IV Коммагенский, «великий царь» Эмесы Сампсикерам II, понтийский царь Полемон II, правитель Малой Армении Котис IV и Ирод Халкидский (брат Агриппы I). Самого факта этой встречи оказалось достаточно, чтобы у бдительного Марса возникли подозрения в нелояльности царственных клиентов императора. Наместник лично отправился в Тивериаду, чтобы потребовать от гостей Агриппы немедленно уехать восвояси (Ios. AI. XIX.8.1). Этот случай наглядно показывает степень самостоятельности вассальных царей[132].

Преемники Августа, и прежде всего Тиберий[133], взяли курс на ликвидацию клиентных царств, присоединяя их к империи в качестве провинций[134]. Тиберий порой довольно жёстко поступал с вассальными правителями; в частности, он приказал задержать и лишил власти царя Каппадокии Архелая I Филопатора[135] и фракийского династа Рескупорида III (Suet. Tib. 37.4; Tac. Ann. II. 42. 2–3; 67; Dio Cass. LVII.17.4). На Архелая I (36 г. до н.э. –17 г. н.э.) собственные подданные жаловались ещё Августу (Dio Cass. LVII.17.3), который даже был вынужден назначить в Каппадокию регента (rec-

---

131 *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 98.

132 *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949. С. 133.

133 *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 173.

134 См.: *Millar F.* Op. cit. P. 235.

135 Римляне расширили его владения за счёт Киликии Трахеи и Малой Армении (Dio Cass. LIV.9.2; Strabo XIV.5.6).

tor, или epitropos[136]) (Suet. Aug. 48; Dio Cass. LVII.17.5). В начале правления Тиберия Архелай, с которым у Тиберия были давние счёты (Tac. Ann. II.42.2), был слабоумным стариком, разбитым подагрой: на слушание дела в сенате его принесли на носилках (Dio Cass. LVII.17.4–6). Царь был осуждён, однако Тиберий не стал его казнить (ibid. 5). Вскоре Архелай I умер (17 г.), и Каппадокия стала римской провинцией[137] (Tac. Ann. II.42; Strabo XII.1.4; Dio Cass. LVII.17.7).

Что касается Рескупорида III, то он был лишён власти, сослан и убит, поплатившись за вероломное убийство племянника, Котиса III (Tac. Ann. II.67). Сыновья последнего, Реметалк, Полемон и Котис (внуки Полемона I), с 26 г. воспитывались в Риме при дворе Тиберия[138] вместе с Гаем Цезарем – будущим императором Калигулой[139], который, придя к власти, в 38 г. назначил друзей своей юности[140] правителями вассальных царств: Реметалка III – царём Фракии, Котиса IV – царём Малой Армении, Полемона II – царём Понта[141]. Последнему Клавдий в 41 г. даровал ещё и область в Киликии (Dio Cass. LX.8.2). Полемон II всячески подчёркивал свою лояльность династии Юлиев-Клавдиев: так, он был первым из понтийских царей, кто поместил портреты императора и его родственников на реверс своих монет[142].

В 46 г., после гибели последнего фракийского царя Реметалка III (38–46 гг.), Фракия стала римской провинцией. В 47 г. Котиса IV сместил Клавдий (Tac. Ann. XI.9.2), а в 72 г., при Веспасиане, Малая Армения вместе с Каппадокией и Галатией вошла в состав обширного наместничества[143]. Наконец, Полемон II оказался последним царём Понта: в 64 г. Нерон, заручившись «согласием» Полемона[144], ликвидировал Понтийское царство и присоединил его территорию к провинции Галатии (Suet. Ner. 18; Eutrop. VII.14.5; Aurel. Vict. Caes. 5.2). После превращения в провинцию Набатеи (106 г.) из всей системы вассальных государств лишь Боспорское царство вплоть до IV в. сохраняло свой политический статус и место в оборонительной системе Римской империи. Констатируем непрелож-

---

[136] Д. Браунд считает, что здесь, по сути, речь идёт об опеке, tutela (*Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 147).

[137] Тацит в «Анналах» под 36 г. упоминает о каппадокийском царе Архелае II, за которым римляне, видимо, сохранили статус вассального царя (Tac. Ann. VI.41.1).

[138] См.: *Сапрыкин С.Ю.* Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 32.

[139] «Вместе воспитанные сотоварищи» (Syll.^{3} 798.6/7).

[140] Все они обладали правами римского гражданства с именем Гай Юлий. См.: *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 41–42.

[141] *Barrett A.* Caligula. The Corruption of Power. L.; N.Y., 2001. P. 223.

[142] См.: *Dahmen K.* Op. cit. P. 103.

[143] См.: *Cumont F.* L'annexion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie // Anatolian Studies presented to Sir W.M. Ramsay / Buckler W.R., Calder W.M. (eds.). Manchester, 1923. P. 114 and notes; *Reinach Th.* Le mari de Salomé et les monnaies de Nicopolis d'Arménie // REA. 1914. T. 16. P. 133–158.

[144] Потеряв корону Понта, Полемон остался царём Киликии.

ный факт: оставленная Августом в наследство своим преемникам политика замещения вакантных престолов в сопредельных (Парфия, германские раннегосударственные образования) или вассальных по отношению к Риму монархиях (Каппадокия, Мавретания, Фракия, Малая Армения, Понт, Иудея) римскими ставленниками из числа «облагороженных» греко-римской цивилизацией варваров, к началу II в. окончательно себя исчерпала и сошла на нет. На протяжении I в. одно за другим клиентные царства ликвидируются и входят в состав Империи, получая провинциальное управление: в 17 г. – Каппадокия, в 44 г. – Мавретания, в 46 г. – Фракия, в 64 г. – Понт, в 72 г. – Малая Армения. После смерти Агриппы II римляне ликвидировали последние остатки иудейской государственности. Чем же был обусловлен отказ от системы зависимых царств, «стоящих на страже державы»? Однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может.

Видимо, какое-то время в Риме питали определённые иллюзии в отношении избранных представителей варварских элит, попадавших в «счастливейший плен» (Плутарх): этих выходцев из «тьмы варварства» пытались превратить в «детей света» (термины Д. Балсдона), «облагородив» их греко-римским воспитанием и образованием. Среди «счастливцев», призванных стать проводниками политического и культурного влияния Рима на периферии огромной империи, были представители разных этносов: парфяне и фракийцы, африканцы и евреи, германцы и уроженцы Малой Азии. Некоторые из них глубоко погрузились в чужую культуру, искренне её полюбив, и собственными трудами сумели приумножить её интеллектуальные достижения (самый яркий пример – rex literatissimus, антиквар и эрудит Юба II), другие – и таких было большинство – усвоили лишь внешний лоск этой культуры, пристрастившись к комфорту и зрелищам (Агриппа I и Агриппа II).

В некоторых случаях, по-видимому, немаловажную роль играли фискальные соображения: так, после смерти в 17 г. престарелого каппадокийского царя Архелая I Филопатора (статус вассального царя был, видимо, всё же сохранён за его сыном, Архелаем II. См.: Tac. Ann. VI.41), аннексии его владений и конфискации царской казны Тиберий смог вдвое снизить налог с торгового оборота (Tac. Ann. II.42.4). По мнению Дэвида Браунда, причиной расправы с несчастным Птолемеем Филадельфом вполне могло быть стремление Калигулы завладеть богатствами мавретанских царей[145]. Уместно вспомнить, что прозаическое стремление пополнить свою казну за счёт чужой склоняло римлян в пользу аннексии зависимых царств ещё в республиканскую пору: когда в 58 г. до н.э. Катон Младший от имени сената и народа был направлен на Кипр, чтобы официально водворить на острове римскую власть[146], в Риме от этой по-

[145] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King... P. 97.

[146] См.: *Oost S.I.* Cato Uticensis and the Annexation of Cyprus // CPh. 1955. Vol. 50. P. 98–112.

чётной миссии ожидали в первую очередь поступления немалых денежных средств (Plut. Cato Minor. 34–39; Vell. II.45.4–5).

Что касается мнения местного населения, которое, по понятным причинам, мало интересовало римскую администрацию, то здесь едва ли можно что-либо выяснить со всей определённостью ввиду крайне противоречивых свидетельств наших источников. К примеру, по сообщению Иосифа Флавия, после смерти царя Коммагены Антиоха III (17 г.) знать и простонародье направили в Рим две делегации, причём «знать просила обратить область в римскую провинцию, народ, однако, желал иметь по-прежнему своих царей» (Ios. AI. XVIII.2.5). Между тем Тацит в «Анналах» даёт нам противоположную картину: по его словам, «большинство выражало желание, чтобы ими правили римляне, а остальные – чтобы их собственные цари» (plerisque Romanum, aliis regium imperium cupientibus) (Tac. Ann. II.42.5). Таким образом, классический вопрос cui prodest? («кому на пользу» – местным элитам, гражданским общинам или имперской администрации в Риме?) применительно к теме ликвидации клиентных монархий остаётся открытым. Не подлежит сомнению лишь тот факт, что постепенная замена системы вассалитета практикой прямого управления через наместников[147], когда зависимые от Рима народы получали «обложение данью, законы и вместо тени царя римское владычество» (se tributa ac leges et pro umbra regis Romanum ius victis impositurum) (Tac. Ann. XV.6.4), произошла на фоне усиления авторитарной власти принцепса и относительного углубления централизации в империи, по большому счёту продолжавшей оставаться «государством без бюрократии»[148].

Литература:

Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005.

Анохин А.С. «Римское» в политике Антиоха IV Эпифана // Человек, семья, нация в контексте мировой культуры. Сборник докладов XXXIV Всероссийской научной конференции «Добролюбовские чтения-2010» и Всероссийской научно-практической конференции «К молодой семье через культуру» / Под ред. Дмитриевской Г.А., Строгецкого В.М. Н. Новгород, 2010. С. 102–108.

Балахванцев А.С. Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.

Бивен Э. Династия Птолемеев: История Египта в эпоху эллинизма. М., 2011.

---

147 На деле существенной разницы между зависимым царством и провинцией, между вассальными царями и римскими наместниками не было. См.: Strabo XVII.3.25. Ср.: *Braund D.C.* Rome and the Friendly King… P. 84; *Isaac B.H.* The Limits of Empire… P. 26.

148 См.: *Смышляев А.Л.* Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991. С. 30–42; *Purcell N.* The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World / Boardman J. et all. (eds.). Oxf.; N.Y., 1986. P. 560 ff.; *Burton G.P.* Government and the provinces // The Roman World. Vol. I. L.; N.Y., 1987. P. 423 ff.; *Burton G.P.* The Roman Imperial State (A.D. 14–235): Evidence and Reality // Chiron. 32. 2002. P. 264 ff.

Бокщанин А.Г. Парфия и Рим: Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966.
Габелко О.Л. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // АМА. 2009. Вып. 13. С. 92–119.
Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб., 2008.
Дмитрев А.Д. Движение latrones как одна их форм классовой борьбы в Римской империи // ВДИ. 1951. № 4. С. 61–72.
Златковская Т.Д. Мёзия в I–II веках нашей эры: К истории Нижнего Дуная в римское время // Причерноморье в античную эпоху. Вып. 2. М., 1951.
История Европы. Т. 1. Древняя Европа / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1988.
Колосовская Ю.К. Паннония в I–III веках. М., 1973.
Колосовская Ю.К. Рим и мир племён на Дунае. I–IV вв. н.э. М., 2000.
Моммзен Т. История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб., 1995.
Немировский А.А. Агриппа II // ПЭ. Т. I. М., 2000. С. 270–271.
Никишин В.О. Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. 2017. Вып. 2. С. 43–59.
Панов А.Р. Август и парфянские заложники в Риме // ПИФК. 2016. № 1. С. 136–149.
Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949.
Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.
Сапрыкин С.Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 25–38.
Смышляев А.Л. Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991. С. 30–42.
Федина Ю.А. Галатия в восточной политике Рима в I в. до н.э. // ПИФК. 2012. Вып. 1(35). С. 61–68.
Федотов В.В. Историческая география античного мира. М., 1996.
Adler E. Valorizing the Barbarians: Enemy Speeches in Roman Historiography. Austin, 2011.
Alföldi A. Die ethische Grenzscheide am römischen Limes // Schweizer Beiträge zur allgemeinen Geschichte. 1950. Bd. 8. S. 37–50.
Alföldi A. The Moral Barrier on Rhine and Danube // The Congress of Roman Frontier Studies 1949 / Birley E. (ed.). Durham, 1952. P. 1–16.
Arslan M. Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator // Olba. 2003. Vol. 8. P. 195–212.
Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. L., 1979.
Bar D. Frontier and Periphery in Late Antique Palestine // GRBS. 2004. Vol. 44. P. 69–92.
Barrett A. Caligula. The Corruption of Power. L.; N.Y., 2001.
Bivar A.D.H. The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Vol. 3.1 / E. Yarshater (ed.). Cambr., 1983. P. 21–99.
Braund D.C. Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. L., 1984.
Braund D.C. Anth. Pal. 9.235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile // ClQ. 1984. Vol. 34(1). P. 175–178.
Braund D.C. Piracy under the Principate and the Ideology of Imperial Eradication // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol. 5. L., 1993. P. 195–212.
Brunt P.A. Roman Imperial Themes. Oxf., 1990.

Burton G.P. Government and the provinces // The Roman World. Vol. I. L.; N.Y., 1987. P. 415–448.
Burton G.P. The Roman Imperial State (A.D. 14–235): Evidence and Reality // Chiron. 2002. Bd. 32. P. 249–280.
Cherry D. Frontier and Society in Roman North Africa. Oxf., 1998.
Colledge M.A.R. The Parthians. L., 1967.
Coşcun A. Amicitiae und politische Ambitionen im Kontext der causa Deiotariana // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / Coşcun A. (hg.). Göttingen, 2005. S. 127–154.
Coşcun A. Das Ende der "romfreundlichen" Herrschaft in Galatien und das Beispiel einer "sanften" Provinzialisierung // Freundschaft und Gefolgschaft in den answärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. V.Chr. – 1. Jh. N. Chr.) / Inklusion/Exklusion. Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. 9 / A. Coşkun (hg.). Frankfurt am Main., 2008. S. 133–164.
Amici Populi Romani: Prosopographie der auswärtigen Freunde Roms / Prosopography of the Foreign Friends of Rome. APR 03 (22/04/2010), Waterloo / *Coşcun A. (hg.).*
Cumont F. L'annexion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie // Anatolian Studies presented to Sir W.M. Ramsay / Buckler W.R., Calder W.M. (eds.). Manchester, 1923. P. 109–119.
Dahmen K. With Rome in mind? Case Studies in the Coinage of Client Kings // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East / Oriens et occidens. Bd. 19 / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 99–112.
De la Bédoyère G. The Real Lives of Roman Britain: A History of Roman Britain through the Lives of Those Who Were There. L., 2015.
Desanges J. L'Hellénisme dans le royaume protégé de Maurétanie (25 avant J.-C. 40 aprés J.-C.) // BAC. N. s. 1984–1985 (1989). T. 20–21b. P. 53–61.
Dobiáš J. King Maroboduus as a Politician // Klio. 1960. Bd. 38. P. 155–166.
Edson C.F. Perseus and Demetrius // HSCPh. 1935. Vol. 46. P. 191–202.
Elton H. Frontiers of the Roman Empire. L., 1996.
Facella M. La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenistico-romana. Pisa, 2006.
Faur J.-C. Caligula et la Maurétanie: la fin de Ptolémée // Klio. 1973. Bd. 55. P. 249–271.
Fishwick D. The annexation of Mauretania // Historia. 1971. Bd. 20. P. 467–487.
Fishwick D., Shaw B.D. Ptolemy of Mauretania and the Conspiracy of Gaetulicus // Historia. 1976. Bd. 25. P. 491–494.
Goodman M. The Roman World 44 BC – AD 180. L.; N.Y., 1997.
Gowing A.M. Tacitus and the Client Kings // TAPhA. 1990. Vol. 120. P. 315–331.
Grünewald Th. Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. L.; N.Y., 2004.
Gsell S. Juba II, savant et écrivain // RAfr. 1927. T. 68. P. 169–197.
Günther R. Das Latrocinium als eine besondere Form des Widerstands der unterdrückten Klassen und Barbaren im römischen Sklavenbalterstaat während des Prinzipats. Leipzig, 1953.
Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf., 1979.
Heksterr O. Trophy kings and Roman power: A Roman perspective on client kingdoms // Kingdoms and principalities in the Roman Near East (Oriens et Occidens. 19) / Facella M., Kaizer T. (eds.). Stuttgart, 2010. P. 45–55.
Hooff A.J.L. van. Ancient Robbers: Reflections behind the Facts // AS. 1988. Vol. 19. P. 105–124.
Hovannisian R.G. The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century. N.Y., 1997.

Isaac B.H. The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // JRS. 1988. Vol. 78. P. 125–147.
Isaac B.H. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxf.; N.Y., 1990.
Isaac B.H. Empire and Ideology in the Graeco-Roman World: Selected Papers. Cambr., 2017.
Kehne P. "Externae gentes" und "Regna intra fines" im Nordgrenzenbereich des Imperium Romanum vom 1. bis zum 3. Jahrhundert: Eine Kritik der Klientel-randstaaten-theorie // Eos. 2000. Vol. 87. S. 311–334.
Kehne P. Vannius // RGA. 2. Aufl. B., 2006. Bd. 32. S. 69–70.
Kennedy D., Riley D. Rome's Desert Frontier from the Air. L., 1990.
Kneppe A. Die Gefährdung der securitas: Angst vor Angehörigen sozialer Rand-gruppen der römischen Kaiserzeit am Beispiel von Philosophen, Astrologen, Magiern, Schauspielrn und Räubern // Soziale Raundgruppen und Außen-seiter im Altertum / Weiler I. (ed.). Graz, 1988. S. 165–176.
Leon H.J. The Jews of Ancient Rome. Philadelphia, 1960.
Lintott A. Imperium Romanum: Politics and Administration. L.; N.Y., 1993.
Luther A. Die ersten Könige von Osrhoene // Klio. 1999. Bd. 81. S. 437–454.
Luttwak E.N. The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third. Baltimore, 1976.
MacMullen R. The Roman concept robber – pretender // RIDA. 1963. T. 10. P. 221–225.
MacMullen R. Enemies of the Roman Order: Treason, Unrest and Alienation in the Empire. Cambr. (Mass.), 1967.
Madden F.W. Coins of the Jews. L., 1881.
Matthews J. Hostages, Philosophers, Pilgrims and the Diffusion of the Ideas in the Late Roman Mediterranean and Near East // Tradition and Innovation in late Antiquity / Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Madison, 1989. P. 29–49.
Millar F. Rome, the Greek World, and the East / Government, Society, and Cul-ture in the Roman Empire / Cotton H.M., Rogers G.M. (eds.). Vol. 2. L., 2004.
Newell E.T. Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts / Numismatic Notes and Monographs. 30. N.Y., 1926.
Oost S.I. Cato Uticensis and the Annexation of Cyprus // CPh. 1955. Vol. 50. P. 98–112.
Pitts L.F. Relations between Rome and the German "Kings" on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D. // JRS. 1989. Vol. 79. P. 45–58.
Purcell N. The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World / Boardman J., Griffin J., O. Murray (eds.). Oxf.; N.Y., 1986. P. 560–591.
Reinach Th. Le mari de Salomé et les monnaies de Nicopolis d'Arménie // REA. 1914. T. 16. P. 133–158.
Ricci C. Germani a Roma. Testimonianze epigrafiche romane tra I e III sec. d.O // Polis. 1993. No. 5. P. 205–225.
Richardson J.S. Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS. 1991. Vol. 81. P. 1–9.
Roller D.W. The World of Juba II and Kleopatra Selene: Royal scholarship on Rome's African frontier. L., 2003.
Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the 15th International Congress of Roman Frontier Studies / Maxfield V.A., Dobson M.J. (eds.). Exeter, 1991.
Shaw B.D. Bandits in the Roman Empire // P&P. 1984. Vol. 105. P. 3–52.
Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984.
Sullivan R.D. The Dynasty of Cappadocia // ANRW. 1980. Tl. II. Bd. 7.2. P. 1125–1168.
Syme R. The Northern frontier under Augustus // CAH. 1934. Vol. X. P. 358–364.

Syme R. Tacfarinas, the Musulamii and Thubursicu // Studies in Honor of A.C. Johnson. Princeton, 1951. P. 113–130.
The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars // Greatrex G., Lieu S.N.C. (eds.). Part II. AD 363–630. L.; N.Y., 2002.
Vanacker W. Conflicts and Instability in Mauretania and Gaius' Realpolitik // Latomus. 2013. Vol. 72. P. 725–741.
Wardle D. Suetonius' Life of Caligula: A Commentary. Brussels, 1994.
Wells P.S. The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped the Roman Europe. New Jersey, 1999.
Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore; London, 1994.
Whittaker C.R. Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire. N.Y., 2004.
Whittaker C.R. Frontiers // CAH². 2008. Vol. XI. P. 293–319.
Whittaker C.R. Ethnic Discourses on the Frontiers of Roman Africa // Derks T., Roymans N. (eds.). Ethnic Constructs in Antiquity: the Role of Power and Tradition. Amsterdam, 2009. P. 189–205.
Williams J.H.C. Coinage and Identity in Pre-Conquest Britain: 50 BC–AD 50 // Coinage and Identity in the Roman Provinces / Hoegego C.J., Heuchert V., Burnett A.M. (eds.). Oxf., 2005. P. 69–78.
Woolf G. Roman peace // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol. 5 / Rich J., Shipley G. (eds.). L., 1993. P. 171–194.

И.В. Хорькова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКЕ СПИСКА ЖЕРТВЕННЫХ БЛЮД (ARNOBIUS VII.24)

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о возможных источниках информации христианского автора Арнобия по жертвенным блюдам, в значительном объеме содержащимся в его сочинении *"Adversus nationes"*. Сравнение материалов Арнобия с параллельными фрагментами из других античных авторов подводит к выводу об опосредованном заимствовании информации через несохранившееся и очень важное для римского язычества сочинение Варрона *«Antiquitates rerum divinarum»*. Варрон, в свою очередь, мог использовать в своём сочинении древние сакральные книги – Индигитаменты.

Ключевые слова: римское язычество, жертвоприношения, сакральные книги, христианские апологеты, Арнобий.

Abstract: in the article is considered the question of possible sources of information of the Christian author Arnobius concerning the sacrificial dishes which in considerable volume are contained in his composition "*Adversus nationes*". Comparison of Arnobius materials with parallel fragments from other antique authors brings to a conclusion about the mediated loan of information through Varro's composition "*Antiquitates rerum divinarum*", not remained and very important for the Roman paganism. Varro could use in the composition ancient sacral books – Indigitamenta.

Keywords: Roman paganism, sacrifices, sacral books, Christian apologists, Arnobius.

В настоящей статье рассматривается довольно узкая тема и совсем небольшой фрагмент, а именно 24 глава VII книги сочинения Арнобия «*Adversus nationes*» *(Против язычников*), где представлен довольно объемный список жертвенных блюд. Однако анализ фрагмента выводит на серьезные вопросы, давно дискутируемые в исторической науке и классической филологии.

Несколько слов об авторе исследуемого сочинения. Арнобий, именуемый Афром за свое африканское происхождение, христианский автор IV в. н.э., написал свою единственную апологию между 303 и 311 гг. н.э. Это сочинение представляет интерес больше для истории языческой религии, нежели христианской, поскольку содержит богатейший материал по греко-римскому язычеству. Однако использование сведений Арнобия возможно только после глубокого и всестороннего исследования его источников информации в силу довольно позднего времени жизни и творчества автора, а также его явной тенденциозности.

Сочинение Арнобия дошло до нас в двух рукописях – Codex Parisinus no. 1661 (IX в.) и Codex Bruxelensis no. 10847 (XI в.), причем вторая рукопись является списком с первой. В связи с этим все неточности и ошибки переписчиков, которых достаточно много, во второй рукописи повторяются, и часто нет возможности их откорректиро-

вать. Это значительно осложняет исследование текста, особенно с лексической точки зрения, что отмечали все издатели труда Арнобия.

Почти вся седьмая книга сочинения Арнобия, исключая концовку, где приводятся три легендарных рассказа из римской истории (AN. VII.39–50) посвящена порядку принесения жертв. Жертвоприношения занимали одно из центральных мест в языческом культе, а потому рассмотрение их не является праздным вопросом и вынесено Арнобием в отдельную книгу. Сама трапеза и очаг в античные времена, по замечанию М. Нильссона, носят сакральный характер[1], тем большее значение они приобретают, когда речь идет о трапезе богов.

Наибольший интерес представляет 24 глава VII книги «*Adversus nationes*», где представлен список различных жертвенных блюд, включая их ингредиенты. В приложении № 1 представлен текст Арнобия, разбитый на логические фрагменты, с параллельными отрывками из других античных авторов. Рассмотрим этот список.

Сначала Арнобий приводит названия колбас, применявшихся в жертвоприношениях, а именно arexaones, hirciae, silicernia, longavi (*AN.* VII.24). Названия приведены в Nominativus Pluralis, что дает нам возможность предположить в Nominativus Singularis: arexao, hircia, silicernium и longavus. Посмотрим, есть ли у других латинских авторов эти наименования. Первое и последнее мы находим у Варрона в его сочинении *«De lingua latina» (О латинском языке)* в формах arexabo и longavo (V.111). В связи с этим Г. Хильдебранд предлагает для первого названия у Арнобия корректуру arexabones, которая даст в Nominativus Singularis форму arexabo[2]. Учитывая тот факт, что текст рукописей нашего автора сильно испорчен, мы считаем возможным принять эту корректуру. Касательно второго названия Ф. Сабей предлагает читать у Арнобия longavo, как у Варрона[3]. Хотя остальные колбасы представлены формой Nominativus Pluralis, мы также считаем возможным принять здесь форму longavo. В любом случае понятно, что речь идет об одном и том же названии.

Наименование hirciae более нигде не встречается. Однако очевидно, что оно является однокоренным со словом hircus (козел), на что явно намекает Арнобий, говоря, что один из видов названных колбас, начиняется козлиной кровью (hirquino alia sanguine).

Слово silicernium обозначает поминальную трапезу и род колбасы, который при этом использовался. Это наименование встречается в словаре Веррия Флакка-Феста, где также указывается на связь этого блюда с поминками (s.v. Silicernium).

Далее в арнобиевом списке предлагаются следующие жертвенные блюда: taedae, neniae, offae penitae. Все наименования опять стоят в Nominativus Pluralis, предполагающем Nominativus Singularis taeda, nenia, offa penita. Taeda – это сосна, факел, но и свадебный факел,

---

[1] *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 101.

[2] Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Vol. 4: Arnobii adversus nations libri VII ex rec. A. Reifferscheidii. Vindobonae, 1875. S. 257.

[3] Ibid.

свадьба, бракосочетание; nenia – погребальная песня. По Арнобию, taeda – это сало, посеченное на мелкие кусочки; nenia – продолжение кишки. Понятно, что речь идет о специальных блюдах, которые используются при брачных и похоронных церемониях. Кроме нашего автора, эти имена как названия блюд более нигде не встречаются. Только последнее из них – offa penita, которым Арнобий называет отсеченный хвост животного с частицей мяса, имеется у Веррия Флакка и также со ссылкой на Невия определяется как отрезанный кусок мяса с хвостом (s.v. Penem, Penitam offam).

Далее Арнобий называет polimina, omenta, palasea или plasea. Вновь все названия приведены в Nominativus Pluralis; Nominativus Singularis будет polimen, omentum, plaseum/palaseum. Автор определяет polimina как семенники, omentum как известную часть, которой покрываются сосуды желудка, palasea/plasea как коровий хвост, покрытый мукой и кровью. В «Естественной истории» Плиния встречается название omentum (сальник, внутренности, потроха) (XI.204). В словаре Веррия Флакка есть схожее с арнобиевым название polimenta, которое он, как и наш автор, определяет как семенники свиней (s.v. polimenta). Последнее из названий, 'plasea', есть только у Арнобия.

В следующем фрагменте Арнобия мы находим названия fitilla, frumen, africia, gratilla, catumeum, cumspolium, cubula. Судя по формам, это Nominativus Singularis. Два первых – названия жертвенных каш, остальные – жертвенных пирожных. Первое наименование есть у Плиния и обозначает оно жидкую жертвенную кашу из полбы (Plin. HN. XVIII.84: pulte fitilla). Название cubula можно сопоставить с subucula Феста, которое он со ссылкой на Элия Стилона и Клоация, определяет как блюдо из полбы, оливкового масла и меда (s.v. Subuculam), что не противоречит описанию Арнобия. Africia, gratilla, catumeum, cumspolium встречаются только у Арнобия. Касательно последнего из этих названий можно предположить, что это жертва вместе со шкурой (cum spolium).

В следующем фрагменте Арнобия мы встречаем название carnem strebulam (мясо бедренной части туши жертвенного животного). Оно же встречается в словаре Веррия Флакка-Феста со ссылкой на Плавта и определяется как умбрское название бедра жертвенного животного, которое принято возлагать на алтарь (s.v. strebula). Кроме того, оговаривается, что греки называют его μηρία, что также обозначает бедренные части, бёдра жертвенного животного, которые перед сожжением обкладывались двойным слоем жира.

Далее следует pulpamenta в Nominativus Pluralis, соответственно Nominativus Singularis – pulpamentum. Такое же название встречаем у Плиния в «Естественной истории» (IX.48) У Варрона находим стяженную форму – pulmentum (Vr. LL. V.108).

Следующее название – salsamina (Nominativus Pluralis), Nominativus Singularis – salsamen или salsamentum. У большинства античных авторов это наименование относится к соленой рыбе или рассолу. Однако у Арнобия это смесь из четырех видов муки. Переводчик сочи-

нения Арнобия Н.М. Дроздов предлагает перевести это слово как соления[4].

Далее следуют fendicas (Accusativus Pluralis), Nominativus Singularis – fendica, что по Арнобию то же, что hirae (кишки), которые в просторечии именуются illa. У Веррия Флакка читаем, что hilla – это уменьшительное от hira (s.v. hira). Варрон выводит hilo от illo со ссылкой на Энния (Vr. LL. V.111).

И, наконец, rumas также Accusativus Pluralis; Nominativus Singularis ruma – это рубец, первый отдел желудка жвачных. У Феста встречается близкое название rumen (s.v. rumen).

Завершают арнобиев список magmenta и augmina (Nominativus Pluralis), Nominativus Singularis – magmentum (дополнительная жертва) и augmen (отдельно приносимая в жертву часть животного). Оба названия есть у Варрона и Веррия Флакка, и также обозначают добавление к жертве (Vr. LL. V.112; VF s.v. magmentum).

Итак, рассмотренный материал позволяет составить список жертвенных блюд по Арнобию (Приложение № 2). Как можно убедиться, значительная их часть подтверждается словарем или другими античными авторами. Касательно неподтвержденных, к сожалению, нельзя удостоверить их правильное написание в связи с испорченностью текста рукописей Арнобия.

Хочется обратить внимание на интересную закономерность, которая выявляется в процессе исследования параллельных Арнобию текстов Варрона и Веррия Флакка.

В первом выделенном нами фрагменте Арнобия упоминаются два названия жертвенных колбас – apexaones (apexabones) и longavi (longavo). У Варрона они тоже упомянуты в одной главе *"De lingua latina"*, и для каждого названия приведена этимология. Название apexabo по Варрону происходит от apex (шлем или навершие конической шапки жрецов фламинов и салиев), а longavo – от longus (длинный) (Vr. LL. V.111). Другое наименование, упомянутое в этом фрагменте Арнобия, – silicernium имеется в словаре Веррия Флакка-Феста, где также приводится этимология этого названия – от silentium (безмолвие, молчание, тишина) (s.v. silicernium). Поскольку речь идет о поминальной трапезе и роде колбасы, употреблявшейся на этой трапезе, этимология, с точки зрения античных грамматиков, вполне логична: похороны, поминки, соблюдение тишины, ритуальное молчание, название колбасы для поминальной трапезы.

У античных авторов имеются попытки этимологического анализа и для других названий жертвенных блюд из арнобиева списка (Приложение № 3). Offa penita – a pendendo (хвостовой кусок – от 'свисания'); polimenta – a politione (семенник – от обработки/покрытия (мукой?)); ruma – ruminare (рубец – от 'пережевывать жвачку'); augmentum – augendi (добавочная жертва – от увеличения, преумножения); magmentum – magis (добавочная жертва – от 'больше').

---

[4] Арнобий. Против язычников / Пер. Н.М. Дроздова. СПб., 2008. С. 348.

Как мы можем убедиться, Арнобий этимологий наименований жертвенных блюд не приводит, а по большей части просто перечисляет их с небольшими комментариями. Однако это не первый случай в труде Арнобия, когда автор прибегает к беглому перечислению, не останавливаясь на деталях и не приводя весь материал своего информатора. Например, цитируя сочинение Цицерона «О природе богов» по вопросу о множественности великих богов римского пантеона, он значительно сокращает информацию своего источника (Arn. AN. IV.14). Вообще, следует отметить, что сочинение «*Adversus nationes*» носит в значительной степени конспективный характер. Если верить сообщению Иеронима Стридонского (Chron. 2343), Арнобий писал свой труд по заказу местного епископа в доказательство искренности своего обращения в христианство, что, возможно, и обусловило поспешность и некоторую небрежность его сочинения.

В то же время главным авторитетом по этимологическим изысканиям среди античных авторов является Марк Теренций Варрон. Арнобий пишет об этом буквально следующее: «По мнению Теренция, боги соответствуют своему имени, т.е. они таковы, какими должны называться сообразно с понятием этого наименования» (Arn. AN. VII.2)[5]. Что значит «боги соответствуют своему имени»? То есть теоним вытекает из сферы «деятельности» божества, в конечном счете, из его функции. Арнобию вторит другой христианский автор обильно цитирующий Варрона – блаженный Августин. Он пишет, что, по мнению Варрона, полезно знание богов – знание о том, какою силой, способностью и властью обладает каждый бог по отношению ко всякой вещи. Отсюда, – говорит он, – мы можем узнать, какого бога и о чем должны призывать и умолять, и не поступать подобно комедиантам: не просить у Либера воды, а у Лимф вина» (Aug. CD. IV.22)[6]. Излагая взгляды Варрона на богов, Августин отмечает, что этот автор подразделяет теологию на мифическую, физическую и гражданскую. Касательно последней он говорит, что здесь разъясняется, «каких богов надлежит почитать публично, какие совершать каждому из них обряды и жертвоприношения» (Aug. CD. VI.5). То есть Варрон подробно останавливается в своем сочинении на обрядовой стороне и жертвах.

Все это указывает на Варрона как на основной источник труда Арнобия, в том числе и рассматриваемого небольшого фрагмента о жертвенных блюдах. Вероятно, это было очень важное для истории римской религии сочинение «*Antiquitates rerum divinarum*», дошедшее лишь во фрагментах из других авторов. В 1976 г. Б. Кардаунс опубликовал эти фрагменты, извлеченные из других сочинений[7], однако рассматриваемого нами материала там нет, впрочем как и многих других фрагментов Арнобия, явно относящихся к указанному сочине-

---

[5] Перевод Н.М. Дроздова по изданию: Арнобий. *Семь книг против язычников*. К., 1917.

[6] Цитируется по изданию: Блаженный Августин. *О граде Божьем в 22 книгах*. Т. 1. Репринтное воспроизведение издания: К., 1905–1910. М., 1996.

[7] *Cardauns B.* M. Terentius Varro. Antiquitates rerum divinarum. Wiesbaden, 1976. Vol. 1–2.

нию. Несколько отрывков из «*Adversus nationes*» попало в *Appendix* как возможно принадлежащие Варрону, но не более того. Вероятно, такая осторожность составителя основана на том факте, что тексты Арнобия и приводимые им теонимы и наименования, в том числе рассмотренные выше, отличаются от зафиксированных у других авторов, где цитирование из Варрона доказано. На это хочется возразить, что причиной разночтений может быть либо плохое качество рукописей сочинения нашего автора, о котором уже упоминалось, либо опосредованное цитирование Арнобием сочинений Варрона. Тем не менее, эти тексты нельзя сбрасывать со счетов.

Исследователи труда Арнобия относят рассматриваемый материал к заимствованиям из различных источников. В. Кайль приписывает весь список жертвенных блюд Корнелию Лабеону, источником которого, в свою очередь, был Веррий Флакк[8]. С ним, в основном, согласен А. Зитте, полагая, что Арнобий пользовался оригинальной работой Веррия Флакка[9]. Основными аргументами в пользу этого мнения служат параллельные места из Веррия Флакка и Арнобия. Однако, как мы видели, не все названия списка Арнобия совпадают по форме со словарем Веррия Флакка – Феста. Кроме того, параллели у Арнобия имеются не только с этим автором, но и с Варроном, и даже в большей степени. Что касается мнения В. Кайля, то оно базируется на общей концепции этого исследователя, который всю анонимную информацию из труда Арнобия склонен относить к заимствованиям из Корнелия Лабеона. Никаких серьезных доказательств для этого фрагмента он не приводит.

Хочется обратить внимание еще на одну важную деталь. Несколькими главами ниже Арнобий со ссылкой на Требация приводит молитвенную формулу принесения жертвенного вина: «Macte hoce vino inferio esto» (*AN.* VII.31). Э. Норден сопоставил форму hoce с аналогичной формой в архаической надписи из святилища древнеиталийской богини Феронии (CIL. I^2.1847) (Приложение № 4). По его мнению, материал Арнобия восходит к Понтификальным книгам[10]. Отметим, что и в других книгах Арнобия можно предположить опосредованное заимствование материалов из Книг понтификов, чему посвящена недавно вышедшая статья автора «Суффиксация как способ образования теонимов в Понтификальных книгах»[11].

В связи с вышеизложенным представляется возможным говорить о достоверности и значительной древности излагаемого Арнобием материала. На наш взгляд, Арнобий заимствовал свой список жертвен-

---

[8] *Kahl W.* Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur spatromischen Litteraturgeschichte // Philologus. 1889. Suppl. 5. S. 799.

[9] *Sitte A.* Mythologische Quellen des Arnobius. Wien, 1970. S. 117–129.

[10] *Norden E.* Aus altromischen Priesterbuchern. Leipzig, 1939. S. 285–286.

[11] *Хорькова И.В.* Суффиксация как способ образования теонимов в Понтификальных книгах // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М.Тронского (18–20 июня 2018г.), 2 полутом. СПб., 2018. С. 1319–1328.

ных блюд опосредованно – через несохранившееся сочинение Варрона «*Antiquitates rerum divinarum*». Сам рассматриваемый список жертвенных блюд расширяет наши представления о порядке жертвоприношений римского язычества, предлагая вниманию исследователя целое «меню» сложно приготовляемых блюд, при помощи которых древние римляне старались умилостивить своих богов.

Литература:

Нильссон М. Греческая народная религия / Пер. с англ. СПб., 1998.

Хорькова И.В. Суффиксация как способ образования теонимов в Понтификальных книгах // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского (18-20 июня 2018г.). СПб., 2018. Ч. 2. С. 1319–1328.

Cardauns B. M. Terentius Varro. Antiquitates rerum divinarum. Wiesbaden, 1976. Vol. 1–2.

Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Vol. 4: Arnobii adversus nations libri VII ex rec. A. Reifferscheidii. Vindobonae, 1875.

Kahl, W. Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur spatromischen Litteraturgeschichte // Philologus. 1889. Suppl. 5. S. 719–806.

Norden E. Aus altromischen Priesterbuchern. Leipzig, 1939.

Sitte A. Mythologische Quellen des Arnobius. Wien, 1970.

Список жертвенных блюд Арнобия
с параллельными текстами из других античных авторов

Arnobius VII, 24	**Другие античные авторы**
2. Quid, inquam, sibi haec volunt: 'apexaones', 'hirciae', 'silicernia', 'longavi'? Quae sunt nomina et farciminum genera, hirquino alia sanguine, comminutis alia inculcata pulmonibus.	Vr LL V. 111: Quod in hoc farcimine summon quiddam eminet, ab eo quod ut in capite apex, apexabo dicta. Tertium fartum est longavo, quod longius quam duo illa. VF: Silicernium erat genus farciminis, quo fletu familia purgabatur. Dictum autem silicernium, quis cujus nomine ea res instituebatur, is jam silentium cerneret.
Quid 'taedae', quid 'neniae', quid 'offae' non vulgi set quibus est nomen appellatioque 'penitae'? 3. Ex quibus quod primum est, in exiguas arvina est miculas catillaminum insecta de more, quod in secundo situm est, intestini est perrectio, per quam proluvies editur sucis pereasiccata vitalibus. 'Offa' autem 'penita' est cum particula visceris cauda pecoris amputata.	VF Penem antique codam vocabant, a qua antiquitate etiamnum offa porcina cum cauda in cenis puris offa penita vocatur: et peniculi, queis calciamenta tergentur, quod e codis extremis faciebant antique, qui tergerent ea: dictum est forsitan a pendendo. Naevius in Tunicularia: Theodotum compellas, qui aras compitalibus Sedens in caella circumtectuas tegetibus Lares ludentes peni pinxit bubulo: significant peniculo grandi, id est, coda. Penem caudam vocabant, unde et offam porcinam cum cauda, offam penitam dicebant: hinc et peniculos dicimus, quibus calciamenta terguntur, qui de caudarum extremitate fiunt. Penis denique a pendendo vocata est.
Quid 'polimina', quid 'omenta', quid 'palasea' sive ut quidam cognominant 'plasea'? 4. Ex quibus est nomen 'omenti' pars quaedam, quo receptacula ventrium circumretita finiuntur, bovis cauda est 'plasea' siligine et sanguine delibuta, 'polimina' porro sunt ea quae nos proles verecundius dicimus, a volgaribus autem adsolent cognomine testium nuncupari.	VF Polimenta testiculi porcorum dicuntur, cum castrantur: a politione vestimentorum, quod similiter, ut illa, curantur. Polimenta ait Verrius antiqui dicebant testiculos porcorum, cum eos castrabant: a politione segetum, aut vestimentorum: quod similiter, ayque illa, curentur.
5. Quid 'fitilla', quid 'frumen', quid 'africia', quid 'gratilla', 'catumeum', 'cumspolium', 'cubula'? Ex quibus duo, quae prima, sunt pultium nomina sed genere et qualitate diversa, series vero quae sequitur liborum significantias continet; et ipsis enim non est una eademque formatio.	Pl. HN VIII. 32: et hodie sacra prisca atque natalium pulte fitilla conficiuntur, videturque tam puls ignota graeciae fuisse quam Italiae polenta. VF Subuculum Aelius Stilo et Cloatius iisdem fere verbis demonstrant vocari, quod Diis detur ex halica et oleo et melle.

6. Non enim placet 'carnem strebulam' nominare, quae taurorum ex coaendicibus demitur, pulpamenta non assa, quae in veribus exta sunt animata prius et torrefacta carbonibus, non salsamina denique, <quae> sunt una commiatio quadrinis copulata de frugibus; non similiter 'fendicas', quae et ipsae sunt hirae, quas plebis oratio illas solet cum eloquitur nuncupare, non ratione eadem et 'rumas', quae sunt prima in gurgulionibus capita, qua et deicere cibos et referre natura est ruminatoribus saeculis; non 'magmenta', non 'augmina', non mille species vel sanguinaminum vel fitillarum, quibus nomina indidistis obscura vulgoque ut essent augustiora fecistis.	VF Strebula Umbrico nomine Plautus appellat coxendices hostiarum, quas graeci μηρίᾶ dicunt, quae in altaria imponi solebant, ut Plautus ait in Frivolaria, strebula agnina tene.… Vr LL VII. 67: Stribula ut Opilius scribit circum coxendices sunt bovis; id Graecum est ab ejus loci versura. Vr LL V. 108: Quod edebant cum pulte, ab eo pulmentum, ut Plautus; hinc pulmentarium dictum; hoc primum defuit pastoribus. Plaut. Aul., 316; Milles Gl., 349; Pseud., 220. Plin. HN IX. 20: Hi (thynni) membratim cassi cervice et abdomine commendantur… Cetera parte plenis pulpamentis sale adservantur. Vr LL V. 111: hila ab hilo dicta i(l)lo quod ait Ennius; neque dispendi facit hilum. VF Hira, quae diminutive dicitur hilla…, intestinum est. VF Rumen est pars colli, qua esca devoratur, unde rumare dicebatur quod nunc ruminare. Vr LL V. 112: Augmentum, quod ex immolata hostia desectum in iecore in por(ric)iendo a(u)gendi causa. Magmentum a magis, quod ad religionem magis pertinet: itaque propter hoc (mag)mentaria fana constituta locis certis quo id imponeretur. VF Magmentum magis augmentum.

Приложение № 2

Названия жертвенных блюд

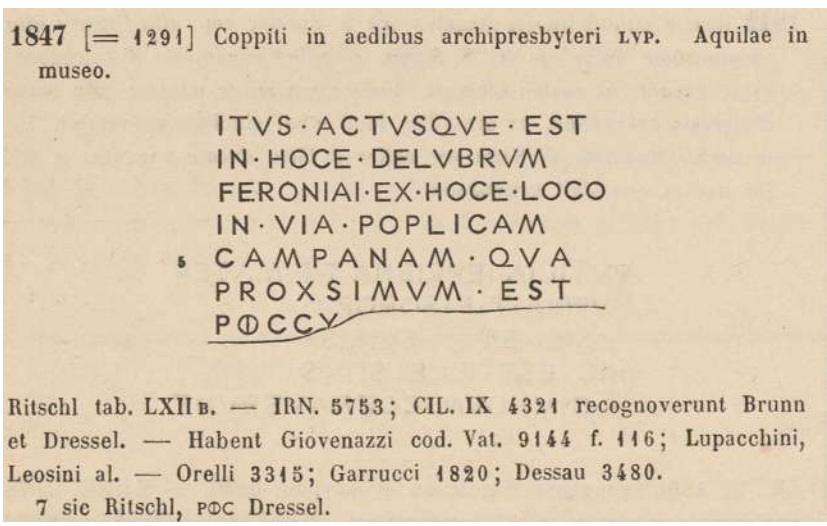
Форма, встречающаяся у Арнобия	**Предполагаемая начальная форма**	**Имеющиеся аналогии**
apexaones	apexao	(apexabo) род колбасы
hirciae	hircia	
silicernia	silicernium	поминальная трапеза, род колбасы
		(longavo) род колбасы
longavi	longavus	сосна, факел, свадьба
taedae	taeda	погребальная песня
neniae	nenia	отрезанное мясо с хвостом
offae penitae	offa penita	(polimenta) семенник
polimina	polimen	сальник, внутренности,
omenta	omentum	потроха
p(a)lasea	p(a)laseum	жертвенное кушанье
fitilla	fitilla	жертвенная похлебка
frumen	frumen	
africia	africia	
gratilla	gratilla	
catumeum	catumeum	(spolium) снятая шкура,
cumspolium	cumspolium	овчина, руно
		(subucula) жертвенная каша
cubula	cubula	(stribula) бедренная часть жертвы
strebula	strebula	(pulmentum) лакомство
		мясное или рыбное
pulpamenta	pulpamentum	
fendicas	fendica	кишки
hirae	hira	(rumen) рубец, первый
rumas	ruma	отдел желудка жвачных животных
		добавочная жертва
		(augmentum) отдельно приносимая в
magmenta	magmentum	жертву часть
augmina	augmen	животного

Этимологии названий жертвенных блюд

Названия жертвенных блюд	**Этимологии Варрона и Веррия Флакка**
apexao/apexabo	apex – верхушка, острие, кончик
hircia	
silicernium	silentium – безмолвие, молчание, тишина
	longus – длинный
longavus/longavo	taeda – сосна, факел, свадьба
taeda	nenia – погребальная песня
nenia	penis – хвост
offa penita	politio – разглаживание, покрытие, поли-
polimen	ровка, возделывание
omentum	
palaseum/plaseum	fitilla – отечественная полба
fitilla	
frumen	
africia	
gratilla	
catumeum	
cumspolium	
cubula/subucula	
strebula/stribula	puls – полба
pulpamentum/pulmentum	
fendica	
hira	
ruma/rumen	magis – больше
magmentum	augmen – прибавление, приращение, рост
augmen/augmentum	

Надпись из святилища древнеиталийской богини Феронии (CIL I(2) 1847)

ITVS ACTVSQVE EST IN HOCE DELVBRVM FERONIAI EX HOCE LOCO IN VIA POPLICAM CAMPANAM QVA PROXSIMUM EST



1847 [= 1291] Coppiti in aedibus archipresbyteri LVP. Aquilae in museo.

ITVS·ACTVSQVE·EST
IN·HOCE·DELVBRVM
FERONIAI·EX·HOCE·LOCO
IN·VIA·POPLICAM
CAMPANAM·QVA
PROXSIMVM·EST
PΦCCV

Ritschl tab. LXII B. — IRN. 5753; CIL. IX 4321 recognoverunt Brunn et Dressel. — Habent Giovenazzi cod. Vat. 9144 f. 116; Lupacchini, Leosini al. — Orelli 3315; Garrucci 1820; Dessau 3480.

7 sic Ritschl, PΦC Dressel.

III. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

С.Ю. Монахов,
Е.В. Кузнецова,
Д.Е. Чистов

КОМПЛЕКС СЕРЕДИНЫ VI В. ДО Н.Э. ИЗ БЕРЕЗАНСКОГО КОЛОДЦА 1963/1964 ГГ.[1]

Аннотация: Статья посвящена комплексу находок из колодца, исследованному экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством К.С. Горбуновой в 1963–1964 гг. на острове Березань. Тарные амфоры представлены продукцией Самоса, Лесбоса и Клазомен. Кроме того, в этом же комплексе обнаружены фрагменты ручек кипрских амфор. Заполнение колодца состояло из значительного количества целых и фрагментированных столовых сосудов производства Коринфа, Хиоса, Аттики, Северной и Южной Ионии.

Датировка расписной керамики укладывается в достаточно узкие хронологические рамки начала – середины VI в. до н.э. Комплекс колодца близок «рубежным» комплексам, непосредственно предшествующим началу массового строительства каменно-сырцовых домов в третьей четверти VI в. до н.э. По всей видимости, колодец синхронен землянкам второй четверти столетия, но был засыпан в ходе быстрой урбанизации колонии в 540-х гг. до н.э. или немногим позже.

Ключевые слова: Березанское поселение, колодец, тарные амфоры, керамика, Клазомены, Самос, Лесбос, Иония, Хиос.

Abstract: The article is devoted to the assemblage of finds from the well excavated by the State Hermitage archaeological mission under the direction of K.S. Gorbunova in 1963–1964 on the Berezan island. Transport amphorae are represented by the Samian, Lesbian and Klazomenian production. In addition, fragments of handles belonging to Cypriot basket-handle amphorae appear in the same deposit. The filling of the well contained the significant number of complete and fragmented tableware vessels of the Corinthian, Chian, Attic, North and South Ionian production.

The dating of painted pottery fits into the narrow chronological limits of the beginning – early third quarters of the 6th century BC. The deposit of the well is close to the 'border' deposits and structures precedent to the early stage of the mass construction of stone-and-mudbrick houses in the third quarter of the 6th century BC. Probably, the well is synchronous with the dugouts of the second quarter of that century but it was filled up in the course of the rapid urbanization of the colony in the 540s BC or slightly later.

Key words: Berezan, well, transport amphorae, Klazomenai, Lesbos, Samos, Ionian and Chian pottery.

---

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096). Этот комплекс был также издан на английском языке: *Monakhov S., Kuznetsova E., Chistov D.* An Assemblage of the mid-6th century BC well from the Berezan excavations of 1963/1964 // Koiné et Mobilité Artisanale entre la Méditerranée et la mer Noire dans l'Antiquité. Pontica. 2018. Vol. 51. Suppl. V. P. 97–113.

Экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством К.С. Горбуновой на протяжении двух сезонов 1963 и 1964 годов исследовался колодец на квадрате № 26 участка «Г». Раскоп, на котором был раскрыт этот объект, расположен у берега в северо-восточной части современного острова, обращенной к устью Березанского лимана, вблизи песчаной косы, т.е. размытого древнего перешейка. Раскопки участка «Г» были начаты в 1930–1931 гг. директором Одесского Археологического музея М.Ф. Болтенко. Указанная часть поселения интересовала М.Ф. Болтенко как район вблизи предполагаемой гавани Борисфена[2]. После увольнения и последующего ареста исследователя работы на участке «Г» были прерваны на 15 лет и были возобновлены им же в очень ограниченных масштабах лишь в 1946–1947 гг.

Экспедиция Эрмитажа начала работы на участке «Г» в 1962 г. и продолжала их до 1970 г. В результате этих исследований была раскрыта территория между урезом берега и рвом турецкой батареи. Раскоп был расширен в восточном и северо-западном направлениях, но также доследовался до материка участок, раскрытый под руководством М.Ф. Болтенко в 1930–1931 гг. – именно в этой части раскопа и находился колодец 1963/1964 гг.

Для участка «Г» характерно наличие напластований и строительных остатков второй половины V – начала IV в. до н.э., римского времени (II–III вв.), а также Средневековья (XII–XIII вв.) – то есть периодов, слабо представленных или вовсе отсутствующих в материале других исследованных участков Березанского поселения. Сохранность же каменно-сырцовых построек второй половины VI – первой трети V в. до н.э. на раскопе «Г», напротив, очень фрагментарна: строительные остатки этого времени раскрыты только в его западной части. Причиной тому может быть как фортификационное строительство XVIII и начала XX вв., так и наличие на этой территории следов средневекового поселения. Комплексы VI – первой половины V вв. до н.э. на этой территории представлены исключительно заглубленными в материк объектами – хозяйственными ямами и полуземлянками; от кладок стен сохранялись лишь отдельные камни, не дававшие возможности реконструировать планировку построек[3]. Таким образом, археологический контекст не позволяет однозначно судить, с какими сооружениями был связан этот колодец и к какой стратиграфической фазе он относится. Вблизи колодца были раскрыты цистерна и несколько хозяйственных ям с материалом V – начала IV вв. до н.э., землянка и хозяйственные ямы VI – первой половины V вв. до н.э.

Колодец на квадрате № 26 был круглым в плане и постепенно сужался ко дну (с 1,10 до 0,95 м). С глубины около 0,5 м он вырублен в

---

[2] *Колесниченко А.Н.* М.Ф. Болтенко и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы личного архива М.Ф. Болтенко // История археологии: личности и школы. Материалы международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. СПб., 2011. С. 184.

[3] *Горбунова К.С.* Раскопки на острове Березань в 1962–1964 гг. // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1966. Т. 27. С. 80.

материковой скале. В ходе раскопок колодец был выбран до уровня выступания грунтовых вод, появившихся на глубине 4,22 м[4]. Близость скального основания и сравнительно небольшая глубина колодца вполне характерны для этой части острова, имеющей наименьшую высоту над уровнем моря. Так, высота современной дневной поверхности коренного берега над уровнем лимана составляет здесь около 4,5–6,0 м.

В заполнении колодца содержалось большое количество керамики различных групп (около 3 700 фрагментов), включая 3 064 фрагмента тарных амфор, фрагменты столовой и лепной керамики. По мнению К.С. Горбуновой, колодец существовал в первой половине VI в. до н.э., где-то около середины века перестал функционировать и был засыпан одновременным материалом, причем она не исключала, что на этом этапе он служил ботросом для сброса приношений из находившегося где-то поблизости святилища. Предположение о культовом назначении колодца, по ее мнению, могло подтверждаться значительным числом целых форм восточногреческой столовой керамики и, кроме того, граффито с именем Ахилла, найденном в одной из хозяйственных ям неподалеку[5]. Следует заметить, что за прошедшие десятилетия не было получено сведений о наличии каких-либо культовых построек в этом районе Березанского поселения. Центр архаической колонии в настоящее время локализуется в 150–200 м к югу от участка «Г» (в районе участков «Т», «О-Восточный», «О-Западный»), что подтверждается расположением общественных построек, концентрацией находок архитектурных фрагментов, фрагментов скульптуры и т.п.[6] По этой причине и в силу отсутствия в составе находок из колодца посвятительных надписей, допустить его функционирование в качестве ботроса вряд ли возможно. Однако этот комплекс, несомненно, заслуживает внимания из-за своего расположения вблизи древнего перешейка и гавани, а также благодаря разнообразному ассортименту находок.

За прошедшие годы к материалу из колодца 1963/64 гг. неоднократно обращались исследователи, рассматривая по отдельности различные категории находок. Так, П. Дюпон издал три амфоры из его заполнения, дав их характеристики и продатировав их по аналогиям в пределах середины – третьей четверти VI в. до н.э.[7]

---

[4] *Горбунова К.С.* Отчет о работе ленинградского отряда на Березани в 1963 и 1964 гг. Архив ИА НАНУ. Дело № 1963–1964/12а.

[5] *Она же*. Раскопки на острове Березань в 1962–1964 гг… С. 80.

[6] *Chistov D.E.* The civic centre of Archaic Borysthenes: a new approach to localization // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC – 10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities. L., 2015. P. 403–413; *Bujskikh A.V.*, *Chistov D.E.* Architectural details and monumental buildings at Borysthenes // CAIETE ARA 9. 2018.

[7] *Dupont P.* Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 1. С. 64, 66. № 21, 50, 51, 90.

В частности, оттуда происходят две *самосские* амфоры[8], одна (Б.63-290) с массивным, отогнутым наружу венцом, коротким горлом, отделенным от плеч желобком (рис. 2 -*1*). Тулово шаровидное, заканчивающееся ножкой в виде неширокого поддона с трапециевидной выемкой[9]. Глина сосуда светло-коричневая, плотная, с большим количеством известняка и ракушки. Подобные амфоры были обнаружены в погребениях № 61 и 81 этрусского могильника Вульчи, где по сопутствующей расписной керамике они датируются первой четверть/третью VI века до н.э.[10] Более вытянутыми пропорциями отличается экземпляр из погребения № VII-1 могильника Черветери[11]. Близкие морфологические характеристики имеет и сосуд из кургана № 14 у с. Красногоровка[12]. Красногоровский сосуд, как правило, датируют концом VII в. до н.э.[13], хотя при публикации комплекса его дата определена в более широких хронологических рамках конца VII – начала VI века до н.э.[14] Таким образом, известные аналогии охватывают период в пределах конца VII – первой четверти/трети VI века до н.э.

Верхняя часть еще одной амфоры (Б.63-385) также относится к производству *Самоса*[15], хотя и имеет не характерную для сосудов этого центра глину. Она темно-серая, с зеленым отливом снаружи, внутри темно-коричневая, с включениями извести. Уплощенный венец сильно отогнут наружу, горло короткое, слегка расширяется книзу, тулово пифоидное (рис. 2 -*2*). Известные аналогии определяют время ее изготовления в пределах первой половины VI в. до н.э.[16]

---

[8] *Чистов Д.Е. и др.* Амфоры первой половины – середины VI в. до н.э. из раскопок Березани // ПИФК. 2019. № 1. С. 10. Рис. 1 -*1–4*.

[9] *Cook R., Dupont P.* East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998. Fig. 23.6b; *Dupont P.* La circulation amphoriqe en mer Noire à l'epoque archaique. Specificites et problemes // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. Pl. 1 -*3*; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003. С. 26, 244. Табл. 14 -*1*; Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. СПб., 2005. С. 27. № 3; *Dupont P.* Archaic Greek Amphoras… С. 54, 66. № 50.

[10] *Rizzo M.A.* Le Anfore da trasporto e il commercio etrusco arcaico (I). Roma, 1990. P. 21. Fig. 351–352; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 26. Табл. 14 -*2, 3*.

[11] *Rizzo M.A.* Op. cit. P. 22. Fig. 353; *Dupont P.* La circulation amphoriqe... P. 146. Pl. 1 -*4*.

[12] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов. 1999. С. 172. Рис. 16 -*2*; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 26. Табл. 14 -*4*.

[13] *Dupont P.* La circulation amphoriqe... P. 147; *Sezgin Y.* Arkaik Dönem Ionia Uretimi Tigari Amphoralar. Ege Yayinlari. 2012. P. 190. Sam1.19.

[14] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы… С. 35–37. Табл. 2 -*1*.

[15] *Dupont P.* Archaic Greek Amphoras… С. 54, 66. № 51.

[16] *Sezgin Y.* Op. cit. Sam2.05, 2.06.

Продукция *Лесбоса* представлена целым сосудом[17]. Эта сероглиняная амфора (Б.63-289) имеет небольшой валикообразный венец с невысоким уступом, горло высокое с уступом на переходе к плечам. Тулово пифоидное, ножка широкая без выемки (рис. 2 -*3*). Аналогии этому сосуду немногочисленны. Один экземпляр первой половины VI в. до н.э. происходит из погребения № 1025 некрополя Камарины[18], другой – из ольвийского некрополя[19]. Один целый экземпляр хранится в археологическом музее Измира[20]. К сожалению, известные амфоры не имеют узких хронологических контекстов. Рассматриваемый нами экземпляр, с учетом материала из заполнения колодца, должен датироваться в пределах второй четверти – середины VI в. до н.э.

Наконец, последняя амфора, обнаруженная в заполнении колодца, относится к продукции *Клазомен* (Б.64-125) (рис. 2 -*4*). Морфология и орнаментация сосуда традиционна для тары данного центра[21]. Наиболее близкими по морфологическим и метрическим параметрам являются две амфоры первой трети VI века до н.э. из раскопок некрополя Вульчи[22]. Первой четвертью столетия датируются схожие сосуды из некрополя Клазомен[23]. Фрагменты клазоменских амфор первой половины VI века до н.э. встречены при раскопках Истрии[24] и в слоях I периода на Березани[25].

Примечательно наличие в заполнении колодца нескольких обломков ручек *кипрских* амфор типа basket handle (рис. 2 -*5*). Наличие левантийского амфорного импорта в материалах Березанского поселения фиксировалось уже неоднократно[26], хотя объемы ввоза товаров в этих сосудах были, очевидно, очень небольшими. Фрагменты амфор этого типа выявляются на Березани в комплексах первых трех чет-

---

[17] *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 176. Табл. 2. № 1. XI -*1*, XII -*1*; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… Табл. 27 -*2*; *Dupont P.* Archaic Greek Amphoras… № 27; *Sezgin Y.* Op. cit. Gles4.05.

[18] *Cook R., Dupont P.* Op. cit. P. 157, 160. Fig. 23.4b.

[19] *Монахов С.Ю. и др.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э.: Каталог. Саратов, 2019. С. 101. LG.3.

[20] *Sezgin Y.* Op. cit. Gles2.03.

[21] *Dupont P.* Archaic Greek Amphoras… № 90 (без илл.); *Кузнецова Е.В. и др.* Амфорная коллекция Государственного Эрмитажа // ВДИ. 2018. № 2. С. 924. Рис. 2 -*1*.

[22] *Rizzo M.A.* Op. cit. P. 104, 105. Fig. 197, 198, 357.

[23] *Sezgin Y.* Op. cit. Kla5.03, 5.07.

[24] *Bîrzescu I.* Die archaischen und frühklassischen transport amphoren // Histria. Bucuresti. 2012. Vol. XV. P. 293, 294. № 746–753.

[25] *Ильина Ю.И., Чистов Д.Е.* I. Ранний период (конец VII – первая половина VI вв. до н.э.). Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2012. Т. 2. С. 21. Табл. 3 -*1–5*.

[26] *Дюпон П., Назаров В.* Левантийские амфоры в Причерноморье // Из истории античного общества. Н. Новгород. 2003. С. 142–145; *Буйских А.В.* Левантийский импорт в Борисфене // АМА. 2017. Вып. 18. С. 193–197.

вертей VI в. до н.э.[27] Примечательно, что крупные фрагменты их ручек найдены в хозяйственной яме № 118 участка «О-Западный»[28], датируемой второй четвертью VI в. до н.э. Состав находок из ее заполнения в целом очень близок находкам из колодца 1963/1964 гг. Это позволяет предполагать ввоз кипрских амфор на Березанское поселение вплоть до середины VI в. до н.э.[29]

Для уточнения хронологического контекста комплекса не менее важны характеристики расписной керамики.

Керамика *аттического производства* в заполнении колодца очень немногочисленна (всего 18 фрагментов), причем в нижней части заполнения, исследовавшейся в 1964 г., аттической керамики не было вовсе. Два фрагмента чернофигурных ойнохой с изображением льва датируются 570–560-ми годами до н.э.[30] К середине столетия Т. Смит относит обломок ручки чернофигурного кратера с мужской головой влево и фрагмент стенки чернофигурной амфоры с лапами льва[31].

Наиболее поздним фрагментом в составе комплекса колодца можно считать фрагмент аттического килика Little Masters Cup (формы band cup) с частью фигур птицы и пантеры (рис. 3 -*1*). Килики этой группы на Березани являются самой массовой формой аттической столовой керамики в третьей четверти VI в. до н.э.[32]

Коринфская керамика представлена фрагментом плечика полихромной ойнохои (рис. 3 -*3*) 590–550-хх гг. до н.э.[33] Маленький фрагмент аналогичной полихромной ойнохои эолийского производства также присутствует в заполнении колодца (рис. 3 -*2*).

Хиосская керамики из заполнения колодца более многочисленна – это фрагментированный кубок с изображением сфинкса, а также два

---

[27] *Чистов Д.Е.* Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI–V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.) // БИ. 2018. Вып. XXXVI. С. 26–27.

[28] *Ильина Ю.И., Чистов Д.Е.* Ранний период… С. 24. Табл. 14.3.

[29] Ср. с мнением А.В. Буйских о прекращении ввоза этих амфор не позднее начала VI в. до н.э.: *Буйских А.В.* Левантийский импорт… С. 197.

[30] *Gorbunova K.S.* Les Fragments des céramiques attiques de la première moitiè du VIe siècle avant Jésus-Christ provenant de l'Ole de Bérézan // Revue Archéologique. 1973. No. 2. P. 199. Fig. 4Б; *Горбунова К.С.* Аттическая краснофигурная керамика из раскопок 1962–1971 гг. на участке «Г» острова Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 38. Рис. 2а; *Smith T.* Notes on Attic Red-Figure Pottery from Berezan // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2010. Т. II. С. 206. № 185. Рис. 177a–b.

[31] *Smith T.* Op. cit. С. 198, 199. № 121. Рис. 116. № 132 – без илл.

[32] Ibid. С. 173. Табл. 5.

[33] *Букина А.Г.* Коринфская художественная керамика // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2010. Т. II. С. 69, 137. № 218.

фрагмента кубков с изображением львов[34] и частью женской фигуры[35]. Все экземпляры датируются в пределах 580–550-х гг. до н.э.

Основная масса расписной столовой керамики из заполнения колодца относится к производству центров *Северной Ионии*.

Тарелки представлены как профильными фрагментами, так и целыми формами. В основном они относятся к типу тарелок на кольцевом поддоне с отогнутым венчиком, орнаментированным разорванным меандром по краю, полосами лака и пурпура по стенкам и крупным цветком лотоса в центре (рис. 3 -*4–6, 8*). Они датируются второй четвертью VI века до н.э.[36]. Другая форма – тарелка на ножке с розеткой – лотосом в центре и полосами по краю представлена в коллекции единственным фрагментом (рис. 3 -*7*). Находки подобных сосудов весьма многочисленны как на Березани[37], так и на других памятниках Северного Причерноморья[38]. На Березани тарелки этих типов являются массовым материалом не только для второй четверти VI века до н.э.[39], но и для стратиграфической фазы II-А, охватывающей интервал, предположительно, с 540-х гг. до н.э., до пожаров и разрушений последней четверти VI в. до н.э.[40] Целая тарелка на кольцевом поддоне была найдена на уровне пола большой прямоугольной полуземлянки типа «дома колониста», датируемой около середины VI века до н.э.[41] Можно предполагать, что импорт такой керамики продолжался какое-то недолгое время и после середины VI в. до н.э.

Североионийские тарелки и небольшие тарелочки на кольцевом поддоне с отогнутым краем, орнаментированные концентрическими полосами, или полосами и группами штрихов белой краской по вен-

---

[34] *Ильина Ю.И.* Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. I. С. 85, 86, 135. № 48, 54.

[35] *Она же.* Хиосская керамика конца VII – начала VI в. до н.э. из раскопок на острове Березань // Тр. ГЭ. 1997. Вып. XXVIII. С. 16. № 36. Табл. 4.

[36] *Cook R., Dupont P.* Op. cit. P. 53. Fig. 8.18; *Posamentir R., Solovyov S.* Zur Herkunftsbestimmung archaischostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg // Ist. Mitt. 2006. Vol. 56. P. 121, abb. 22 – внизу.

[37] *Чистов Д.Е.* Работы на острове Березань археологической экспедиции Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. 2006. Вып. I. Рис. 28 -*3*; *Ильина Ю.И.* Керамика из раскопок 2004 года на Березани // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. 2006. Вып. I. С. 119. Кат. 47.

[38] См.: *Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии. К., 2013. С. 65. Рис. 46 -3.241, 242, 244, 245.

[39] *Ильина Ю.И., Чистов Д.Е.* I. Ранний период… Табл. 27–28.

[40] *Они же.* II-А. Античный город на Березани. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2012. Том 2. Табл. 67 -*7–12.*

[41] *Чистов Д.Е., Ильина Ю.И.* «Дома колонистов» на Березанском поселении – археологический контекст и историческая интерпретация // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. Т. XIV. Рис. 2.

чику (Рис. 3 -*9, 10*; 4 -*1*) могут датироваться в рамках второй–третьей четвертей VI в. до н.э.[42]

Среди находок из колодца обращает на себя внимание значительное количество *ионийских* тарелок и чашечек, орнаментированных концентрическими полосами красной краской на внутренней поверхности. В материалах Березанского поселения такие находки встречаются в напластованиях всего VI века до н.э., однако наиболее многочисленны они в слоях фазы II-А, т.е. третьей – начале последней четвертей VI века до н.э.[43]

Миска, орнаментированная концентрическими полосами темного лака на внутренней поверхности (рис. 4 -*2*), по особенностям профилировки вместилища относится к типу, появляющемуся еще в начале VI в. до н.э.[44] Другая миска на кольцевом поддоне, с уплощенным венчиком и отверстиями для подвешивания, орнаментированная полосами красной краски (рис. 4 -*3*) также относится к типу, не имеющему узкой даты. В материале Клазомен миски схожей профилировки датируются первой половиной VI в. до н.э.[45]

Первой четвертью VI в. до н.э. датируются находки *североионийских* полусферических чаш, расписанных в стиле LWG[46]. Снаружи на фризе изображен козел, опустившийся на передние ноги, с повернутой назад головой. Вокруг растительный орнамент и розетты. Под фризом полосы лака, в основании стенок – корзинка лучей. Внутри по черному лаку полосы пурпура, обрамленные белыми полосами (рис. 4 -*4–5*).

Фрагментированная *чаша rosette bowl* (рис. 4 -*6*) относится к форме, широко датируемой в рамках как первой половины VI в. до н.э., так и несколько позднее[47]. Ножка полусферической чаши очень значительных размеров с розеткой – лотосом в центральном медальоне (рис. 4 -*7*), вероятно, может датироваться началом столетия. К тому же раннему времени относится нижняя часть килика с отогнутым венчиком («Knickrandshale») типа B-1 (Villard – Vallet) или типа 10 (Schlotzhauer)[48], орнаментированный черным лаком и тонкими концентрическими полосами пурпура на внутренней поверхности (рис. 4 -*8*). Как и в предыдущем случае, этот килик имел исключительно большие размеры.

---

[42] *Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика... С. 140, 385. Рис. 137.

[43] *Ильина Ю.И., Чистов Д.Е.* II-А. Античный город на Березани… Табл. 68.

[44] *Courbin P.* La céramique dela Grèce de l'Est à Ras el-Bassit // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. P.; Naples, 1978. Tab. XVII. Fig. 11.

[45] *Uzun K.* Klazomenai Dalgalı Çizgi Bezekli Seramiği (Doktora Tezi), İzmir, 2007. P. 253–255. Fig. 186.

[46] Борисфен-Березань. Начало античной эпохи… С. 47. № 54; *Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика... С. 61, 3.200, 3.201.

[47] *Cook R., Dupont P.* Op. cit. P. 26–27.

[48] *Schlotzhauer U.* Die Südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet. Diss. Ruhr-Universität Bochum, 2001. S. 111–115. http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/Schlotzhauer Udo/diss.pdf.

Крупный профильный фрагмент ионийского килика (рис. 4 -*9*) с отогнутым венчиком (Б.63-125) более позднего типа B2 (Villard – Vallet) или варианта типа 9, 1.C (Schlotzhauer) может быть датирован второй четвертью VI в. до н.э. (до 570/60 гг.)[49]. На Березани такие килики встречаются и в комплексах, близких к середине VI в. до н.э.[50]

К производству *Северной Ионии* также принадлежит столовая *амфора*, расписанная в стиле LWG[51]. На горле амфоры – крупная плетенка, на плечевом фризе между двуствольными ручками с обеих сторон изображена крупная фигура козла, опустившегося на передние ноги, голова обращена вперед. Орнамент вокруг козла в виде розетт, с одной стороны под фигурой животного присутствует свастика. Переход от горла к плечу выделен двумя полосами лака, между которыми ряд вертикальных черточек. Под фризом – полосы лака разной ширины. От кольцевого поддона по тулову поднимаются «лучи» (рис. 5 -*1*). Подобные сосуды по многочисленным аналогиям датируются в пределах 580–560 гг. до н.э.[52]

Этим же периодом датируется и фрагмент другой *ойнохои* с близким сюжетом. Отличается сосуд деталями заполнительного орнамента; кроме того, голова козла повернута назад (рис. 5 -*2*). По материалам березанских раскопок подобный тип амфор выделен в отдельную группу «Борисфен»[53]. К этой же группе североионийской керамики относятся и еще несколько фрагментов из заполнения колодца (рис. 5 -*3–6*).

Североионийский кратер представлен единственным небольшим фрагментом венца. Снаружи по венцу нанесены штрихи, на верхней плоскости венца изображены бутоны лотоса на волнистом стебле (рис. 4 -*10*). Кратеры с подобной орнаментацией датируются в рамках 570–550-х гг. до н.э.[54]

Сосуды *ионийских* закрытых форм, орнаментированные полосами и волнообразным орнаментом, представлены амфорами и ойнохоей (рис. 5 -*7*, 6 -*1, 2*). Амфоры с орнаментом волной, возможно, производились и после середины VI века до н.э. Амфора схожей формы и схе-

---

[49] *Schlotzhauer U.* Op. cit. S. 107, 256. Taf. 123. Nr. 177.

[50] *Ильина Ю.И., Чистов Д.Е.* II-A. Античный город на Березани… С. 35, 197. Табл. 41.6.

[51] Борисфен-Березань. Начало античной эпохи… С. 45. № 52.

[52] *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits (1) // BSA. L., 1966. Suppl. 4. P. 41; *Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика… С. 45 – с аналогиями; *Вахтина М.Ю.* Об одном архаическом погребении Тузлинского некрополя (по материалам научного архива ИИМК РАН) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. М., 2015. С. 84, 85.

[53] *Kerschner M.* Zur Herkunftsbestmmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg // IstMitt. 2006. Vol. 56. P. 129–156; *Posamentir R., Solovyov S.* Op. cit. P. 119. Abb. 21; edem. Zur Herkunftsbestimmung archaischionischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg II // Ist. Mitt. 2007. Vol. 57. Abb. Ia, 6–11; *Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика… С. 45.

[54] *Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика… С. 48, 3.28.

мы орнаментации (с S-видным «крюком» на плечиках) из раскопок Токры относится к слою, датируемому не позднее 530 г. до н.э.[55] В некрополе Ольвии подобная амфора происходит из погребения, датированного В.М. Скудновой второй половиной VI века до н.э., где она сочетается с тарелками с отогнутым венчиком и орнаментом полосами. В этом же погребении найдено бронзовое зеркало «ольвийского» типа с фигурой пантеры на конце рукояти[56].

Ионийская ойнохоя из комплекса колодца (рис. 6 -*2*) должна быть датирована временем до середины VI века до н.э. Аналогичный фрагментированный сосуд найден в заполнении упоминавшейся выше ямы № 118 участка «О-Западный», содержавшей представительный набор керамики второй четверти VI в. до н.э.[57]

В числе ионийских закрытых сосудов малых форм две ольпы с орнаментом полосами (рис. 6 -*3, 4*) принадлежат форме, представленной на Березани значительным количеством находок из слоев и комплексов первой половины – середины VI в. до н.э.[58] Фрагментированный ионийский амфориск (рис. 6 -*5*) и арибаллический лекиф (рис. 6 -*6*), вероятно, представляют собой наиболее поздние образы восточногреческой керамики из заполнения колодца: оба сосуда должны датироваться серединой – второй половиной VI в. до н.э.[59]

Ионийский арибалл[60] (рис. 6 -*7*) с шаровидным туловом, орнаментированным полосами темного лака и пурпура, может относиться к первой половине VI в. до н.э.[61] Коринфские арибаллы линеарного стиля, подражанием которым является эта форма, датируются первой третью VI в. до н.э.[62]

Фрагментированный ионийский трехрожковый светильник с выступом в центре (рис. 6 -*8*) по особенностям профилировки должен быть отнесен к широко распространенному (т.н. «самосскому») типу, датируемому в интервале конца VII – первой половины VI в. до н.э.[63] или же в рамках второй – третьей четвертей VI в. до н.э.[64]

---

[55] *Boardman J., Hayes J.* Op. cit. P. 47. № 587.

[56] *Скуднова В.М.* Комплекс находок из раскопок святилища Кабиров в Нимфее // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 68–69. Кат. № 87.

[57] *Ильина Ю.И., Чистов Д.Е.* I. Ранний период… С. 32, 190. Табл. 33.2.

[58] Там же. С. 189, 196. Табл. 32.5-6, 40.4.

[59] *Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика… С. 36; 117. Рис. 101; *Скуднова В.М.* Указ. соч. С. 79. № 112; *Boldrini S.* Gravisca. Le Ceramiche Ioniche. Bari, 1994. P. 73. No. 147.

[60] Борисфен-Березань. Начало античной эпохи… С. 56. № 73.

[61] *Boardman J., Hayes J.* Op. cit. P. 46. Pl. 39. No. 765.

[62] *Букина А.Г.* Коринфские вазы и их античные имитации. СПб., 2015. С. 248. № 462.

[63] *Howland R.H.* Greek lamps and their survivals // The Athenian Agora. 1958. Vol. IV. P. 25–26. Nos. 71-2; *Dupont P.* Lampes ioniennes archaïques // Les Lampes de terre cuite en Méditerranée. Des origines à Justinien. Table ronde du CNRS, tenue à Lyon du 7 au 11 décembre 1981. Lyon, 1987. P. 48. Fig. 5–6.

[64] *Kassab Tezgör D., Sezer T.* Catalogue des lampes en terre cuite du Musée Archéologique d'Istanbul. Tome 1. Époques protohistorique, archaïque, classique et hellénistique // Varia Anatolica. Istanbul, 1995. Vol. 6. P. 57–58. No. 97–99.

Таким образом, датировка расписной керамики по многочисленным аналогиям достаточно надежно укладывается в узкие хронологические рамки второй – начала третьей четвертей VI в. до н.э. Заполнение колодца по ассортименту керамики близко к «рубежным» комплексам, непосредственно предшествующим началу массового строительства каменно-сырцовых домов в третьей четверти VI в. до н.э. По всей видимости, колодец синхронен землянкам второй четверти столетия, но был засыпан в ходе быстрой урбанизации колонии в 540-х гг. до н.э. или немногим позже.

Благодаря анализу расписной керамики появляется возможность уточнить время изготовления амфорной тары, представленной в рассматриваемом комплексе.

Литература:

Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань / М.Б. Пиотровский председ. оргкомитета. СПб., 2005. –152 с.

Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984. – 248 с.

Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. К.: Стародавній Світ, 2013. – 456 с.

Буйских А.В. Левантийский импорт в Борисфене // АМА. 2017. Вып. 18. С. 193–205.

Букина А.Г. Коринфская художественная керамика // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа /С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 2010. Т. II. С. 7–141.

Букина А.Г. Коринфские вазы и их античные имитации. СПб.: изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. – 456 с.: ил.

Вахтина М.Ю. Об одном архаическом погребении Тузлинского некрополя (по материалам научного архива ИИМК РАН) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности / Д.В. Журавлев (ред.). М., 2015. С. 83–90.

Горбунова К.С. Отчет о работе ленинградского отряда на Березани в 1963 и 1964 гг. Архив ИА НАНУ. Дело № 1963–1964/12а.

Горбунова К.С. Раскопки на острове Березань в 1962–1964 гг. // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1966. Вып. 27. С. 80–81.

Горбунова К.С. Аттическая краснофигурная керамика из раскопок 1962–1971 гг. на участке «Г» острова Березань // Художественные изделия античных мастеров / С.П. Борисковская (ред.). Л., 1982. С. 36–49.

Дюпон П., Назаров В. Левантийские амфоры в Причерноморье // Из истории античного общества. Нижний Новгород. 2003. С. 142–148.

Ильина Ю.И. Хиосская керамика конца VII – начала VI в. до н.э. из раскопок на острове Березань // Тр. ГЭ. 1997. Вып. XXVIII. С. 5–16.

Ильина Ю.И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 2005. Т. I. С. 70–173.

Ильина Ю.И. Керамика из раскопок 2004 года на Березани // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. 2006. Т. I. С. 113–126.

Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. I. Ранний период (конец VII – первая половина VI вв. до н.э.). Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) ан-

тичной археологической экспедиции / Д.Е. Чистов (ред.). СПб., 2012. Т. 2. С. 20–40.

Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. II-А. Античный город на Березани. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции / Д.Е. Чистов (ред.). СПб., 2012. Т. 2. С. 63–72.

Колесниченко А.Н. М.Ф. Болтенко и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы личного архива М.Ф. Болтенко // История археологии: личности и школы. Материалы международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки / Н.И. Платонова (ред.). СПб., 2011. С. 181–187.

Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. Амфорная коллекция Государственного Эрмитажа // ВДИ. 2018. № 2. С. 919–928.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1999. – 679 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: изд-во Саратовского университета, 2003. – 352 с.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог. Саратов, 2019. – 352 с.

Скуднова В.М. Комплекс находок из раскопок святилища Кабиров в Нимфее // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 128–139.

Чистов Д.Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. 2006. Вып. I. С. 55–112.

Чистов Д.Е. Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI–V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.) // БИ. 2018. Вып. XXXVI. С. 19–36.

Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. «Дома колонистов» на Березанском поселении – археологический контекст и историческая интерпретация // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории /В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2013. Т. XIV. С. 497–505.

Чистов Д.Е., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. Амфоры первой половины – середины VI в. до н.э. из раскопок Березани // ПИФК. 2019. № 1. С. 8–24.

Bîrzescu I. Die archaischen und frühklassischen transport amphoren // Histria. Bucuresti. 2012. Vol. XV. – 355, 120 tafl.

Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra, 1963–1965: The Archaic Deposits (1) // BSA. L., 1966. Suppl. 4. – 170 p.

Boldrini S. Gravisca. Le Ceramiche Ioniche. Bari: Edipuglia, 1994. – 282 p., 24 pl.

Bujskikh A.V., Chistov D.E. Architectural details and monumental buildings at Borysthenes // CAIETE ARA. 2018. No. 9. P. 5–22.

Chistov D.E. The civic centre of Archaic Borysthenes: a new approach to localization // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC – 10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities. L., 2015. P. 403–413.

Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998. – 226 p.

Courbin P. La céramique dela Grèce de l'Est à Ras el-Bassit // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. P.; Naples, 1978. P. 41–42.

Dupont P. Lampes ioniennes archaïques // Les Lampes de terre cuite en Méditerranée. Des origines à Justinien. Table ronde du CNRS, tenue à Lyon du 7 au 11 décembre 1981. Lyon, 1987. P. 47–50.

Dupont P. La circulation amphoriqe en mer Noire à l'epoque archaique. Specificites et problemes // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire / Y. Garlan (ed.). Aix-en-Provence, 1999. P. 143–161.
Dupont P. Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 2005. Т. 1. С. 41–69.
Gorbunova K.S. Les Fragments des céramiques attiques de la première moitiè du VIe siècle avant Jésus-Christ provenant de l'Ole de Bérézan // Revue Archéologique. 1973. No. 2. P. 195–202.
Howland R.H. Greek lamps and their survivals // The Athenian Agora. 1958. Vol. IV. – 252 p., 56 pl.
Kassab Tezgör D., Sezer T. Catalogue des lampes en terre cuite du Musée Archéologique d'Istanbul. Tome 1. Époques protohistorique, archaïque, classique et hellénistique // Varia Anatolica. P., 1995. Vol. 6/1. – 200 p., 79 pl.
Kerschner M. Zur Herkunftsbestmmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg // IstMitt. 2006. Vol. 56. P. 129–156.
Monakhov S., Kuznetsova E., Chistov D. An Assemblage of the mid-6th century BC well from the Berezan excavations of 1963/1964 // Koiné et Mobilité Artisanale entre la Méditerranée et la mer Noire dans l'Antiquité. Pontica. 2018. Vol. 51, Suppl. V. P. 97–113.
Posamentir R., Solovyov S. Zur Herkunftsbestimmung archaischostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg // Ist-Mitt. 2006. Vol. 56. P. 103–128.
Posamentir R., Solovyov S. Zur Herkunftsbestimmung archaischionischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg II // IstMitt. 2007. Vol. 57. P. 179–207.
Rizzo M.A. Le Anfore da trasporto e il commercio etrusco arcaico (I). Roma, 1990. – 159 p., pl.
Schlotzhauer U. Die Südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet (Diss. Ruhr-Universität Bochum 2001) http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/Schlotzhauer Udo/diss.pdf.
Sezgin Y. Arkaik Dönem Ionia Uretimi Tigari Amphoralar. Ege Yayinlari. 2012. – 344 p.
Smith T. Notes on Attic Red-Figure Pottery from Berezan // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / С.Л. Соловьев (ред.). СПб., 2010. Т. II. С. 171–290.
Uzun K. Klazomenai Dalgalı Çizgi Bezekli Seramiği (Doktora Tezi), İzmir, 2007. – 309 p., 7 tabl.

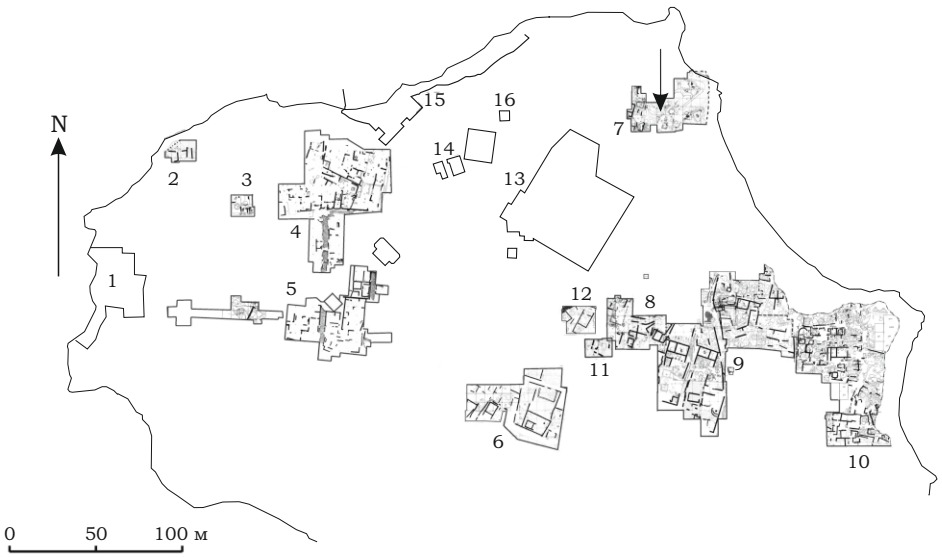


Рис. 1. Северная часть Березанского поселения с указанием основных раскопов: 1 – некрополь; 2 – «С-1» (Северный-1); 3 – «С-2» (Северный-2); 4 – «Северо-западный А»; 5 – «Северо-западный Б»; 6 – «Т»; 7 – «Г» (месторасположение колодца, открытого в 1963/64 гг., отмечено стрелкой); 8 – «Р-1в» (восточный); 9 – «О»-Западный; 10 – «О»-Восточный; 11 – «Р-1» (западный); 12 – «Г.Ш.»; 13 – «А1»; 14 – «С4–6»; 15 – «Б8»; 16 – «Ж»

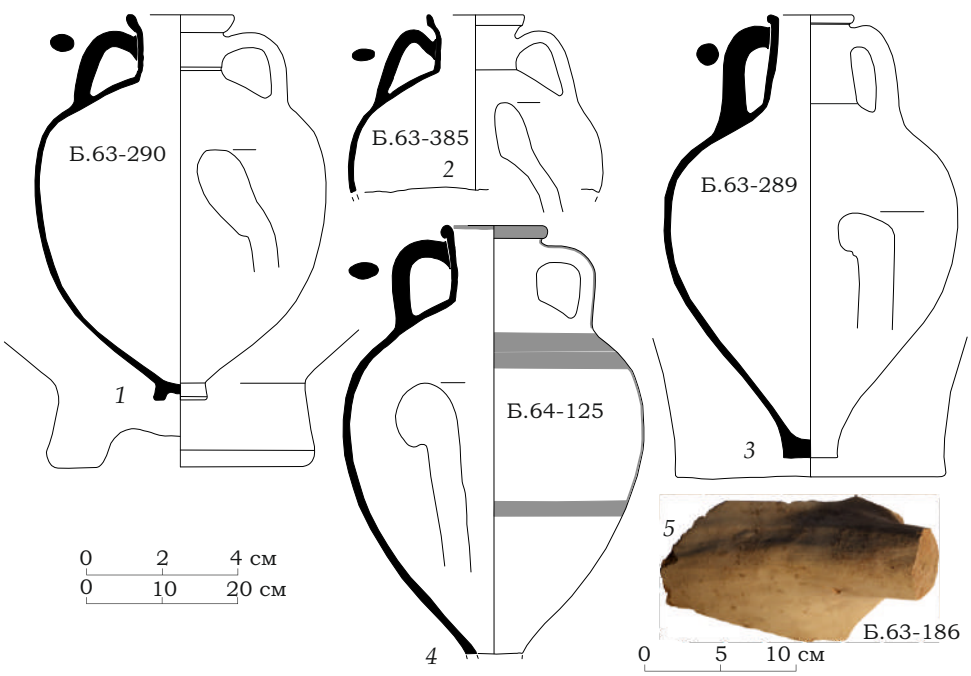


Рис. 2. Амфоры из колодца 1963/64 гг.: *1–2* – Самос; *3* – Лесбос СГ; *4* – Клазомены; *5* – Кипр

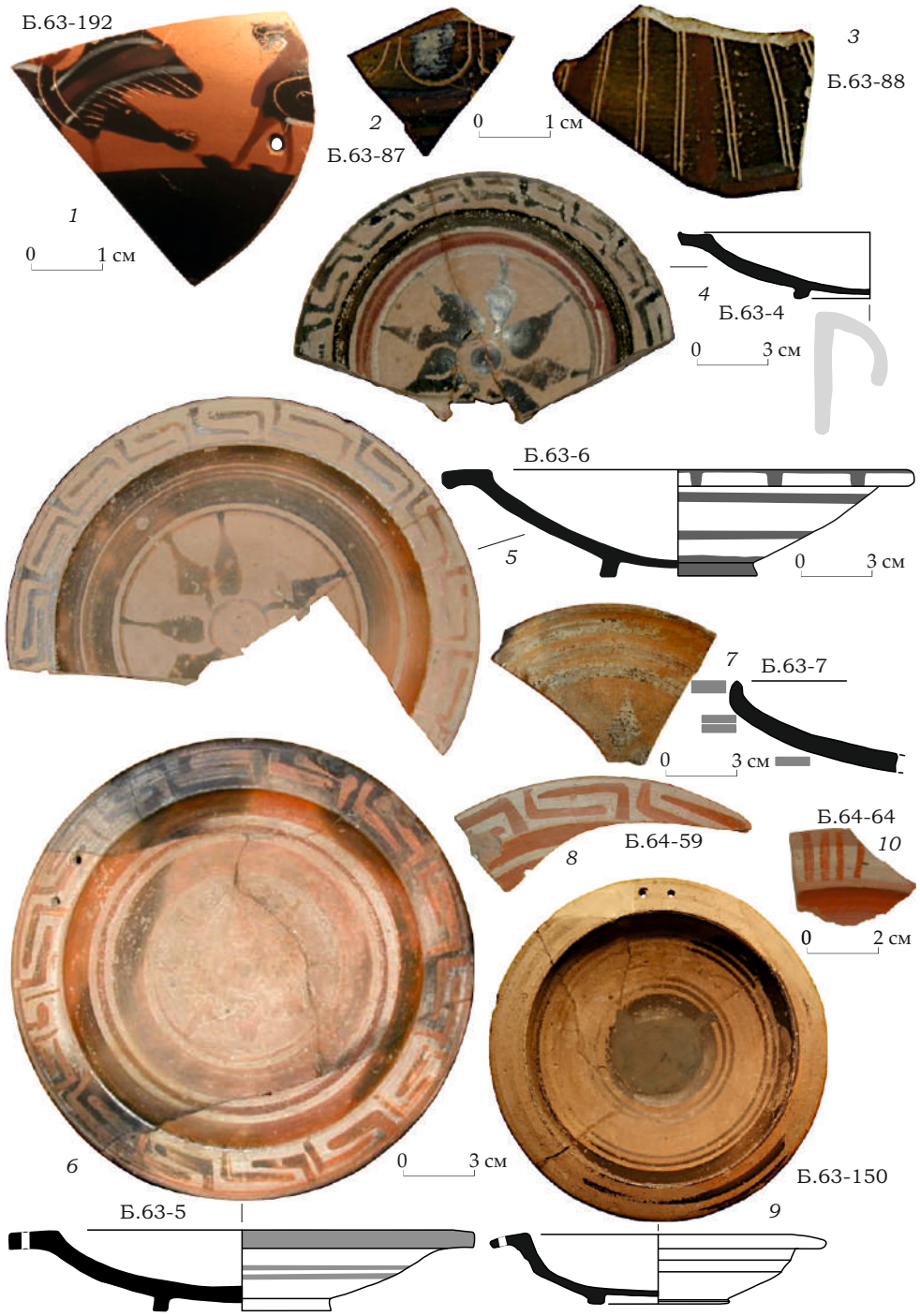


Рис. 3. Керамика из колодца 1963/64 гг.: *1* – аттический килик; *2*, *3* – полихромные ойнохои; *4–10* – североионийские тарелки

Рис. 4. Керамика из колодца 1963/64 гг.: *1*, *4–8*, *10* – Северная Иония; *2*, *3*, *9* – ионийские тарелки и килик

Рис. 5. Керамика из колодца 1963/64 гг.: *1–6* – североионийские столовые амфоры/ойнохои; *7* – ионийская столовая амфора

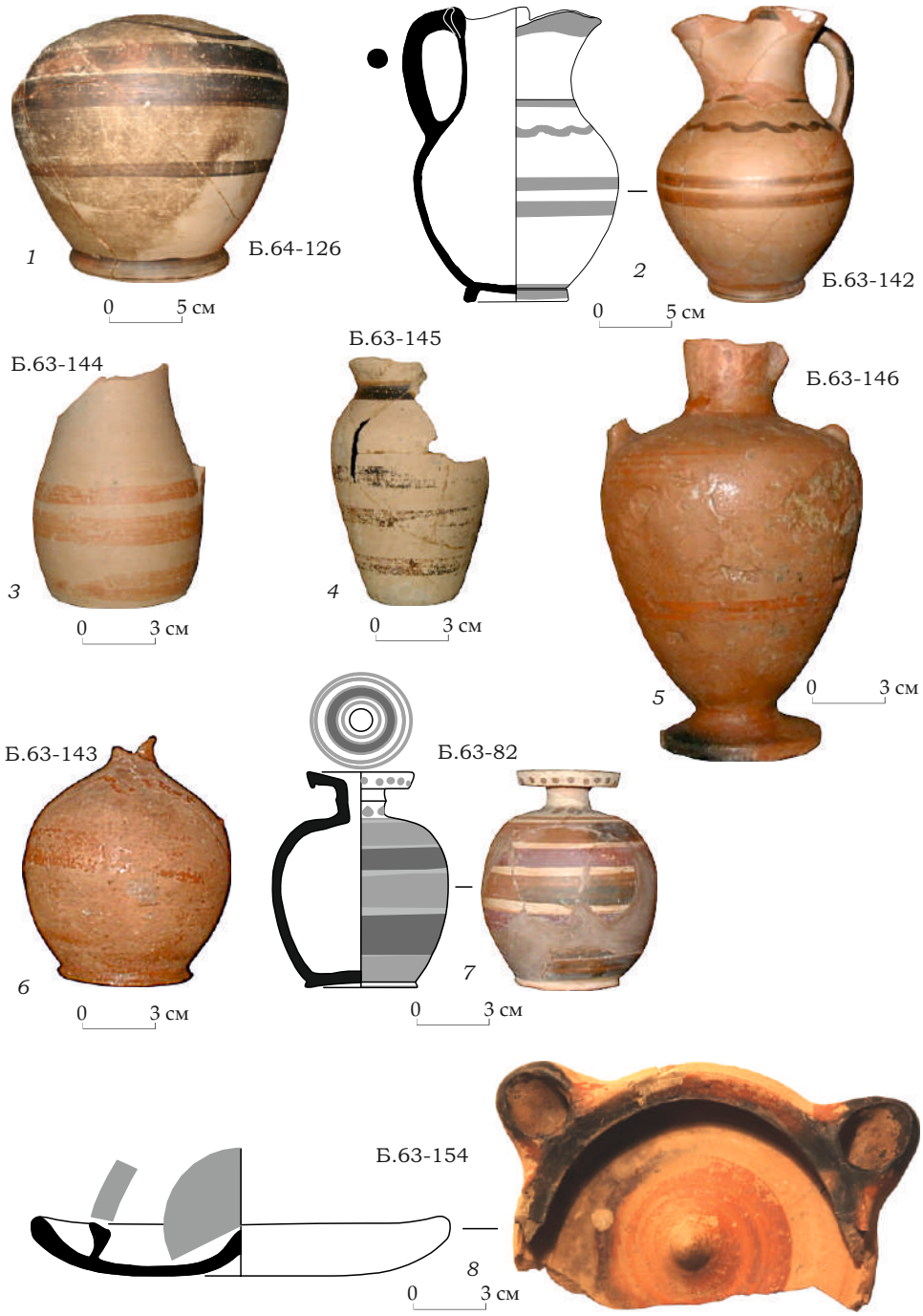


Рис. 6. Ионийская керамика из колодца 1963/64 гг.:
1 – столовая амфора; *2* – ойнохоя; *3, 4* – ольпы; *5* – амфориск;
6 – арибаллический лекиф; *7* – арибалл; *8* - светильник

С.В. Полин,
М.Н. Дараган

ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБЕНИЯХ ГЕРОДОТОВЫХ СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V–IV ВВ. ДО Н.Э.

Аннотация: в статье анализируется выборка из 162 скифских женских погребений Северного Причерноморья V–IV вв. до н.э. с зеркалами, распределенных по месту расположения зеркал, с учетом антропологических определений, наличия оружия в погребениях и датировок комплексов. Все погребения с зеркалами по археологическим данным определяются как женские, 37 случаев подтверждены антропологическими определениями, что позволяет утверждать, что у скифов зеркала являются маркером исключительно женских погребений. Выделяется 6 кластеров расположения зеркал: 1) у головы, справа и слева; 2) справа от тела; 3) слева от тела; 4) в ногах; 5) под телом погребенной; 6) иное (во входной яме, в дромосе, удаленно от скелета). В некоторых женских погребениях с зеркалами найдены и предметы вооружения, составляющие в наших кластерах от 22 до 51 %, в среднем около 34 %. Но и в этих погребениях зеркало первично как женская составляющая, а оружие вторично. Женские погребения с оружием у скифов не составляют особой социальной или имущественной группы. Сравнительный анализ демонстрирует существенные различия в употреблении зеркал у скифов Северного Причерноморья и савроматов-сарматов.

Ключевые слова: скифы, Северное Причерноморье, савроматы, сарматы, зеркало, погребальный обряд, геоинформационная система.

Abstract: the article is devoted to analyzis of a data set of 162 Scythian female burials of the Northern Black Sea Region of the Vth –IVth c. BC with mirrors distributed according to the location of the mirrors, taking into account the anthropological definition, the presence of weapons in the burials and the their dating. According to archaeological data, all burials with mirrors are defined as female, 37 cases is confirmed by anthropological definitions, which suggests that the mirrors in the Scythians of the second half mark female burials exclusively. There are 6 clusters of mirrors by their location: 1) at the head, to the right and to the left; 2) to the right of the body; 3) to the left of the body; 4) in the legs; 5) under the body of the deceased; 6) other (in the entrance pit, in the dromos, remotely from the skeleton). In some of the female burials with mirrors, weapons were also found, making up in our clusters from 22 to 51 %, on average, about 34 %. But even in these graves the mirror is primarily as a female component, and the weapon is secondary. Women's burials with weapons at the Scythians do not constitute a special social or property group. Comparative analysis demonstrates significant differences in the use of mirrors between Scythians of the Northern Black Sea Region and Savromatians-Sarmatians.

Key words: Scythians, Northern Pontic, Savromats, Sarmatians, mirror, burial rite, geoinformatiom system.

Изучение скифских зеркал шло преимущественно по пути разработки их классификации, типологии и хронологии. В свое время на разных материалах этим занимались А.А. Бобринский, В.А. Ильинская, Г.Т. Ковпаненко, В.Г. Петренко, И. Райхль и многие другие[1]. В основном в том же направлении развивалось и изучение сарматских зеркал в работах П. Рау, К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошковой, А.М. Хазанова, А.С. Скрипкина и др., предварявшихся краткими соображениями по семантике зеркал в сарматских погребениях[2]. Наиболее развернуто и широко вопросы семантики зеркал у различных народов и у сарматов рассмотрел А.М. Хазанов[3]. В том же духе построена недавняя работа Е.А. Коробковой, которая, вслед за А.М. Хазановым, достаточно подробно рассмотрела семантику зеркал у различных народов мира разных эпох и попыталась применить ее некоторые элементы к сарматской среде. В основном, находки зеркал она связала с воинским аспектом, что, по ее мнению, подтверждает находка 54 % зеркал в погребениях вместе с одним из видов оружия и почти 15 % зеркал в так называемых воинских погребениях с набором вооружения. В подавляющем большинстве раннесарматских погребений для разбитых или испорченных зеркалах предполагается связь с военной магией, направленной на уничтожение или нанесение вреда врагу. Целые зеркала в воинских погребениях она рассматривает как некий магический вид оружия, входящий в общий воинский набор. В женских погребениях зеркала связываются с «домашней» обрядностью[4].

Не затрагивая типологию скифских и сарматских зеркал, их семантику (последняя достоверной расшифровке не поддается и, в любом случае, остается на уровне гадательных предположений, не поддающихся проверке), а также вопросы их происхождения, мы остановимся на характеристике расположения зеркал в скифских погребениях, поиске каких–то закономерностей в этом и сравнении использования зеркал у скифов и сарматов.

По подсчетам В.С. Ольховского в степном Северном Причерноморье в VII–VI вв. до н.э. находки зеркал крайне редки, как и сами погребения (в 4 погребениях из 39). Зеркала этого периода привезены издалека – три ионийских и одно сибирского типа. В V в. до н.э. резко возрастает количество скифских курганов в степном Причерноморье и зеркала становятся уже характерной частью женской погребальной

---

[1] *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III в. до н.э. М.: Индрик, 2002. Т. I. С. 11–12 – здесь историография.

[2] *Вагнер Е.В.* История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. Сер. 4. Ист. № 1(21). С. 168–170 – здесь историография.

[3] *Хазанов А.М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. № 3. С. 89–96.

[4] *Коробкова Е.А.* О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 103–107.

утвари степных скифов. По данным В.С. Ольховского на 1379 погребений[5] IV вв. до н.э. имелось 94 находки зеркал[6].

В процессе формирования общей базы данных по скифским курганам (в рамках ГИС «Курганы Украины»), обозначились определенные кластеры в расположении зеркал относительно тела погребенного[7]. Ниже приведена сводная таблица скифских женских погребений Северного Причерноморья с зеркалами, распределенных по месту расположения зеркал, с привлечением имеющихся антропологических определений[8], учетом наличия оружия в погребениях и датировок, прежде всего по античной керамике, а также по наконечникам стрел или характерным датирующим вещам. Таких погребений учтено 162. Не использовались данные по разрушенным при ограблении погребениям, где первоначальное расположение зеркал осталось неизвестным.

Зеркала как маркер женских погребений. При отсутствии антропологических определений для многих скифских погребений Северного Причерноморья, их половая принадлежность традиционно определяется по сопровождающим вещам. Основным критерием для выделения женских погребений является наличие группы вещей женской серии, одним из главных в которой является зеркало.

Впервые он был применен О.Д. Ганиной при выделении захоронений женщин с оружием в степной Скифии и украинской Лесостепи, население которой связывается с местным нескифским оседлым этносом. Она учла 86 женских погребений, в 23 из которых имелось оружие. Причем только 5 из них находились на территории собственно Скифии, а 18 располагались на территории Днепровского лесостепного правобережья. Но именно для степных погребений имелись антропологические определения. Во всех эпизодах это были погребения с зеркалами и оружием, что и позволило привлечь и интерпретировать как женские и погребения с аналогичным инвентарем с территории

---

[5] В.С. Ольховский учел в степном Причерноморье 1857 погребений VII–IV вв. до н.э.: *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. С. 6. Но, на 1981 г. здесь уже было исследовано более 2000 скифских погребений, см.: СППСП. С. 345 и около 3000 на сегодняшний день по данным ГИС «Курганы Украины», составляемой М.Н. Дараган.

[6] *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность… С. 60, 65, 74, 94, 107, 111.

[7] Работа является частью исследовательского проекта М.Н. Дараган, поддержанного фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung): «Assimilation and transformation of the space at the end of the Bronze Age - early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: geo-information analysis of the transformation of settlement and burial structures». В данный момент база данных пополняется материалами по Одесской области и Крыму и отчасти, по Лесостепи. В настоящей работе мы сознательно не использовали дореволюционные данные, многие из которых противоречивы.

[8] В графе Пол/Возраст дано в верхней строке определение пола по сопровождающим вещам, ниже – антропологическое определение, если таковое имеется. При его отсутствии обозначено «– А».

Лесостепи[9]. В.А. Ильинская поддержала выводы О.Д. Ганиной и отметила что некоторые из лесостепных погребений с зеркалами, сопровождавшихся оружием, и ранее считавшихся мужскими, в свете последних исследований, скорее всего, являются женскими. Зеркала, по мнению В.А. Ильинской, являлись одной из обязательных находок именно в женских погребениях[10]. Также и В.Г. Петренко рассматривала зеркала как принадлежность женщин[11]. Позднее Б.Н. Мозолевский уверенно писал о зеркалах как наиболее специфических находках в скифских женских погребениях[12].

Тезис о том, что зеркала являются специфическим признаком именно женских погребений, подтвердила на материалах рядовых скифских могильников Нижнего Поднепровья Е.П. Бунятян. По ее данным зеркала сопровождали лишь треть женских погребений (29,8 %). В социальном плане женские погребения с зеркалами соответствуют ее модели 3 (богатой прослойке рядового населения). Т.е. зеркала являются статусной вещью, далеко нерядовой, видимо, малодоступной в силу дороговизны. При этом детские захоронения с зеркалами (по всей видимости, девочек), числятся у нее в модели 4, что соответствует модели 5 взрослых погребений, т.е., – погребениям скифской знати низшего уровня[13]. Ну и, конечно, зеркала всегда были обязательной принадлежностью всех элитных погребений скифских женщин.

В литературе встречаются утверждения о находках зеркал в мужских погребениях скифов[14]. Но достоверные находки зеркал в мужских скифских погребениях Северного Причерноморья отсутствуют. В.С. Ольховский отметил находку зеркала в мужском захоронении в к. 6 у Мариуполя[15]. Там в составе исключительно воинского инвентаря найдено что-то бронзовое, названное зеркалом. В отчете о раскопках 1927 г. имеется лишь рисунок без масштаба и описания, на котором кучка осколков сложена в некий овал[16]. Трудно сказать, что это было на самом деле. Но видеть здесь достоверный факт находки зеркала в мужском погребении не приходится.

---

[9] *Ганіна О.Д.* До питання про жіночі поховання зі зброєю // Праці Київського історичного музею. 1958. Вип. 1. С. 176, 183.

[10] *Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья: курганы Посулья. К.: Наукова думка, 1968. С. 151–152.

[11] *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.: Наука, 1967. С. 34.

[12] *Мозолевський Б.Н.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. С. 197.

[13] *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. К.: Наукова думка, 1985. С. 92, 96, 99.

[14] *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. С. 152; *Джонс–Блэй К.* Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 69.

[15] *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность… С. 74.

[16] *Черненко Є.В.* Скіфські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова // Археологія. 1970. Т. XXIII. С. 179. Рис. 1, *9*.

Также о находках зеркал в скифских мужских погребениях пишут Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко[17], ссылаясь при этом на В.Г. Петренко и Л.К. Галанину. Но В.Г. Петренко наоборот подчеркивала, что «все зеркала из курганов V–III вв. до н.э. найдены в могилах женщин. Только в кургане 400 у с. Журовки (начала V в. до н.э.) зеркало лежало в погребении мужчины и то, вероятно, потому, что назначение его было не понято»[18]. И действительно, в к. 400 в Журовке присутствует зеркало сибирского типа, являющееся абсолютным анахронизмом для начала V в. до н.э. Судя по тому, что этот антиквариат найден вместе с уздою в погребении, где нет ничего, кроме набора защитного и наступательного вооружения, большого количества уздечных принадлежностей и «немножко» вина в двух амфорах с питьевыми чашами[19], при полном отсутствии вещей личного обихода, использовалось это зеркало совершенно не по назначению, – для украшения узды, что собственно и имела в виду В.Г. Петренко. Л.К. Галанина, описывая меотский могильник в Келермесе, вообще не касалась вопроса о половой принадлежности погребений с зеркалами[20], для чего в этом могильнике и данных то нет.

Погребения с зеркалами и антропология. Существуют сложности и в антропологических определениях, связанных с мужеподобностью некоторых скифских дам, для скелетов которых трудно однозначно определить пол. Например, п. 2 к. 8 в Волчанске типично женское по составу вещей: женский головной убор, украшенный золотыми бляшками, с золотыми калачиковидными серьгами, с золотым ожерельем, бусами, веретеном, лепным горшочком и зеркалом. Присутствуют 10 наконечников стрел и бронзовый котел[21]. По определению С.И. Круц – «М ?, зрелый»[22]. Безусловно, характер сопровождающих вещей снимает вопрос в пользу женской принадлежности данной погребенной.

По определению Л.В. Литвиновой в к. 4 п. 9 в могильнике Мамай-гора скелет принадлежит мужчине под вопросом, 50–55 лет[23]. Вопрос

---

[17] *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Зеркало из кургана Огуз // Восточноевропейские древности скифской эпохи: Сб. науч. тр. Воронеж: Научная Книга, 2011. Вып. 1. С. 93

[18] *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.: Наука. 1967. С. 35.

[19] *Бобринский А.А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 11.

[20] *Галанина Л.К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА. 1985. № 3. С. 152–165.

[21] *Полин С.В., Кубышев А.И.* Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо–западном Приазовье). К.: Типография ФПУ. 1997. С. 9–10.

[22] *Круц С.И.* Скифы по данным антропологии // Сегеда С.П., Круц С.И., Потехина И.Д., Покас П.М., Назарова Т.А. Антропологическая характеристика древнего населения Украины (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). НА ИА НАНУ. Ф. 12. Плановая тема. № 173/1989. С. 302–306, 313.

[23] *Литвинова Л.В.* Антропологический материал из могильника Мамай Гора // Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. Запорожье, 1999. КН. 1. С. 190.

безоговорочно снимается в пользу женской принадлежности погребенной по типично женскому набору инвентаря, в том числе и зеркалу, и к тому же при отсутствии оружия[24].

По определению М.С. Великановой костяк плохой сохранности в п. 17 Николаевского могильника на Нижнем Днестре принадлежал мужчине 20–25 лет. За черепом с левой стороны лежало зеркало, рядом у левого виска – серебряное височное кольцо с фигуркой лежащей львицы. За черепом справа лежала часть чернолакового блюдца, под черепом лежала известняковая плитка. На большом пальце левой руки был надет бронзовый перстень. На верхней части тела в разных местах найдены 6 наконечников стрел. По мнению А.И. Мелюковой стрелы были разбросаны по могиле. В ногах лежала амфора[25]. Обряд захоронения для мужчины более чем странный. Набор сопровождающих вещей, за исключением амфоры, скорее соответствует женщине. Возможно, здесь имело место неточное определение половой принадлежности скелета или найденные здесь зеркало и подвеска, часть чернолакового блюдца и известняковая плитка являются напутственными дарами жены и никоим образом не являются личными вещами погребенного.

Иной пример – в п. 6 к. 10 могильника Мамай-гора найдено блюдо с костями животных и ножом, зеркало и набор стрел[26]. По характеру инвентаря погребенный может быть в равной мере и мужчиной (по оружию), и женщиной (по зеркалу). Однако, антропологическое определение указывает на женщину 20–25 лет[27]. Сходная ситуация связана с п. 3 Казенной Могилы, где по предварительному определению С.И. Круц, сделанному в поле, была захоронена женщина старше 50 лет[28]. Ее же более позднее определение несколько иное – «мужчина –?, зрелый»[29]. Типично женский набор вещей говорит в пользу первого определения.

Еще один казус – в п. 1 к. 85 в Верхнетарасовке в тройном погребении зеркало найдено при скелете 1 в сопровождении 8 наконечников стрел, лежавших на черепе, многочисленных бус и подвесок, костяного веретена, чернолаковой чашечки, деревянной чаши с бронзовой оковкой и напутственной пищи с ножом. Остальные два скелета сопровождались оружием, в т.ч., таким редким, как меч, по которым они могут быть определены как мужчины[30]. По определению С.И. Круц скелет 1 принадлежал мужчине возмужалого возраста, ске-

---

[24] *Андрух С.И., Тощев Г.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 35–36.

[25] *Мелюкова А.И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975. С. 79.

[26] *Андрух С.И., Тощев Г.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 75. Рис. 19, *11–23*.

[27] *Литвинова Л.В.* Антропологический материал из могильника Мамай-Гора // Андрух С.И., Тощев Г.Н. Указ. соч. Кн.1. С. 190.

[28] *Бидзиля и др.* Отчет о работах Запорожской экспедиции за 1974 г. // НА ИА НАНУ. № 1974/10. С. 120.

[29] *Круц С.И.* Скифы по данным антропологии…. С. 319.

[30] *Чередниченко Н.Н. и др.* Отчет о раскопках Верхнетарасовской экспедиции в 1975 г. // НА ИА НАНУ. № 1975/10. С. 113.

лет 2 – детского возраста II, юнош., скелет 3, видимо, на определение не передавался[31]. При наличии таких сопровождающих вещей скелет 1 никак не может быть мужским. Скорее всего, имеет место путаница шифров скелетов.

Выводы по нашей базе данных. Все без исключения 162 учтенных погребения, или погребенные в коллективных погребениях, при которых найдены зеркала, по археологическим данным определяются как женские. В 37 случаях это подтверждено антропологическими определениями. Т.е., с полной уверенностью можно утверждать, что *у скифов второй половины V–IV вв. до н.э. зеркала являются маркером исключительно женских погребений.*

Погребения с зеркалами и хронология. Данные нашей таблицы фиксируют достаточно широкое распространение зеркал в погребениях скифских женщин, тех самых Геродотовых скифов, начиная с середины – третьей четверти V в. до н.э. Именно с этого времени складывается характерный женский набор сопровождающих вещей, в котором зеркало является бесспорным маркером, по которому надежно выделяются собственно женские погребения в степи. Из этого не следует, что ранее этого времени женские погребения не совершались. Но при отсутствии данных антропологии (ни одного более раннего антропологически определенного женского погребения пока не имеется) надежных критериев для выделения женских погребений практически не было. Пряслица или бусы – крайне редкая находка в архаических скифских погребениях[32].

Пик использования зеркал в скифском погребальном обряде приходится на первую – вторую – третью четверти IV до н.э. и резкий спад происходит к концу IV в. до н.э. По мнению Н.А. Онайко и В.Г. Петренко в употреблении у скифов были импортные греческие зеркала и простые зеркала, которые могли делать и сами скифы по греческим образцам[33]. Т.М. Кузнецова считает, что скифы пользовались зеркалами исключительно греческого производства[34].

Из 162 учтенных нами зеркал[35] 36 были цельнометаллическими с боковыми ручками, 32 – имели железные ручки, 58 – с деревянными ручками, 15 – с костяными, 6 – с бронзовыми ручками и 12 представлены т.н. дисками без видимых следов крепления. Для трех зеркал неизвестен их тип и, соответственно, тип ручки. Практически у всех цельнометаллических зеркал окончания ручек оформлены в виде овальных или округлых расширений. У нескольких из них, бесспорно греческого производства, окончания украшены изображениями ро-

---

[31] *Круц С.И.* Скифы по данным антропологии… С. 303.

[32] *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность… С. 58–60.

[33] *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. М., 1970. С. 51; *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.: Наука, 1967. С. 35.

[34] *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III веков до н.э. М.: ТАУС, 2010. Т. II. С. 246.

[35] Авторами непосредственно изучены в различных музейных хранениях зеркала из 65 комплексов.

зетки, головы Медузы и др. Железные ручки отличаются разнообразием конфигурации – прямые, ажурные, с округлыми расширениями окончания и т.п. Но часто судить об их форме сложно из-за разрушенности коррозией. Еще меньше данных для характеристики формы деревянных ручек зеркал, наиболее массовых. Как правило, деревянные ручки по почвенным условиям Северного Причерноморья сохраняются в виде малой части, непосредственно примыкающей к диску, либо не сохраняются вовсе. Костяные ручки зеркал, неожиданно оказавшиеся сравнительно немногочисленными, по форме нередко напоминают ручки скифских ножей. Все бронзовые ручки зеркал абсолютно индивидуальны и уникальны. О зеркалах в виде плоского диска без следов прикрепления рукояти можно сказать следующее. В п. 2 к. 1 у с. Владимировка возле такого плоского диска диаметром 11 см прослежены остатки деревянной ручки длиной 25 см[36]. Способ прикрепления ручки без заклепок здесь возможен только в расщепление верхней части ручки. Видимо, нечто подобное можно предполагать и для остальных дисков.

По хронологии зеркал, не вдаваясь в детали, требующие специального исследования, можно отметить следующее. Цельнометаллические зеркала с боковыми ручками появляются в середине – третьей четверти V в. до н.э. и наиболее массово распространены на протяжении последней четверти V – первой половины IV вв. до н.э. Несколько погребений с такими зеркалами датируются второй – третьей четвертями IV в. до н.э., но, по-видимому, середина IV в. до н.э. является конечной датой для зеркал данного типа.

Появление деревянных ручек для скифских зеркал фиксируется в середине – третьей четверти V в. до н.э. Более многочисленными они становятся в первой четверти IV в. до н.э. и своей массовости достигают во второй – третьей четвертях IV в. до н.э.

Железные ручки у зеркал появляются в конце V в. до н.э. и пика распространения достигают во второй – третьей четвертях IV в. до н.э.

Костяные ручки у зеркал, не будучи массовыми, существуют на протяжении первой – третьей четвертей IV в. до н.э.

Бронзовые ручки спорадически появлялись на протяжении второй половины V – первой–третьей четвертей IV вв. до н.э., но позднее неизвестны.

Для III–II вв. до н.э. отмечено значительно меньшее распространение зеркал среди женских погребений. Таковые найдены лишь в 7,7 % погребений против 29,8 % в V–IV вв. до н.э.[37] В этот период отсутствуют цельнометаллические зеркала. Найденное в п. 2 к. 14 у с. Глиное зеркало ольвийского типа с утраченным окончанием рукояти таковым и является, но датировка погребения в пределах III–II вв.

---

[36] *Полин С.В., Кубышев А.И.* Скифские курганы Утлюкского междуречья… С. 26. Рис. 19, *11*.

[37] *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum Plus, 2016. С. 895; *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций… С. 92.

до н.э. не определяет дату этого значительно более раннего изделия. Вероятно, также несколько более ранним, еще IV в. до н.э., является зеркало с бортиком и концентрическими кругами в центре из п. 2 к. 69. Остальные зеркала в виде простых дисков имеют деревянные (7 экз.), железные (5) и костяные (1) ручки[38]. Все это, безусловно, упрощенные реплики скифских зеркал IV в. до н.э.

Расположение зеркал в погребении. Проанализируем данные по погребениям с зеркалами, изложенные в нашей таблице. Всего выделяется 6 кластеров расположения зеркал: 1) у головы, справа и слева от черепа; 2) справа от тела; 3) слева от тела; 4) в ногах; 5) под телом погребенной; 6) иное (в тайнике, входной яме, дромосе, углу камеры и т.д.).

В **кластере 1** (зеркала возле черепа) учтено 43 погребения (№№ 1–43). В 19 из них имелось оружие, преимущественно колчанные наборы, изредка дополненные копьем и дротиком. По времени они распределяются следующим образом: 5 погребений второй половины V в. (№№ 4, 5, 9–10, 37), 10 – первой половины IV в. (№№ 13, 15, 22, 24–26, 29–30, 33, 35), 18 погребений – второй–третьей четверти IV в. (№№ 1, 3, 7–8, 11–12, 14, 19–21, 23, 27, 31–32, 34, 36, 41, 43), 1 – второй половины IV в. (№ 16) и 9 – широко в пределах IV в. до н.э. (№№ 2, 6, 17–18, 28, 38–40, 42). Для кластера 1 имеется 14 антропологических определений и еще 3 надежных визуальных по детским размерам скелета. Итак, зафиксировано 4 детских погребения от 6 до 13–14 лет, два из них с оружием (№№ 12, 24–25, 29), 3 – юных 15–20 лет, 2 с оружием (№№ 8, 22, 26), 6 – возмужалых 20–35 лет, 3 с оружием (15, 19–21, 23, 40), 3 – зрелых 35–50 лет, все с оружием (№№ 9, 17, 41) и в 1 случае установлен только женский пол, с оружием (№ 13).

В **кластере 2** (зеркала с правой стороны скелета) учтено 34 погребения (№№ 44–77), в 15 из них присутствует вооружение. Датировки следующие: 1 погребение – третья четверть V в. (№ 53), 2 – конец V – начало IV вв. (№№ 67, 77), 14 – первой половины IV в. (№№ 44, 46, 51–52, 57–58, 60–63, 65, 68–69, 72), 13 – второй – третьей четверти IV в. (№№ 45, 50, 54–56, 64, 66, 70–71, 73–76) и 4 – широко IV в. до н.э. (47–49, 59). Для кластера 2 имеется 8 антропологических определений и 4 надежных визуальных по детским размерам скелета: 5 детских от 6 до 13–14 лет, 2 из них с оружием (№№ 47, 52, 59, 61, 72), 1 – юное 15–20 лет без оружия (№ 60), 3 – возмужалых 20–35 лет, 2 – с оружием (№№ 58, 75, 77), 1 – зрелое 35–50 лет, с оружием (№ 54), 2 – пожилых старше 50 лет, оба без оружия (№№ 57, 63).

В **кластере 3** (зеркала с левой стороны скелета) учтено 18 погребений (№№ 78–95), из которых 4 с оружием. Погребения датируются: 1 – второй половиной V в. (№ 95), 5 – первой половиной IV в. (№№ 86, 88, 89, 91–92), 9 – второй – третей четвертями IV в. (№№ 78–80, 82–83, 85, 87, 93–94) и 3 – широко IV в. до н.э. (№№ 81, 84, 91). Для кластера 3 имеется 3 антропологических определения и 3 надежных визуаль-

---

[38] *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Указ. соч. С. 895–899. Рис. 447, *1-14*.

ных по детским размерам скелета: 4 – детских от 6 до 13–14 лет, все без оружия (№№ 81, 86, 90, 95), 1 – юное 15–20 лет без оружия (№ 94) и 1 – возмужалое 20–35 лет, с оружием (№ 91).

В **кластере 4** (зеркала в ногах) учтено 10 погребений (№№ 96–105). В 4 из них есть оружие. Погребения датируются: 2 – второй половиной V в. (№№ 96–97), 3 – первой половиной IV в. (№№ 98, 101–102), 2 – второй – третьей четвертями IV в. (№№ 99–100) и 3 – широко IV в. до н.э. (№№ 103–105). Для кластера 4 имеется 2 антропологических определения: 1 – юное 15–20 лет без оружия (№ 97) и 1 – возмужалое 20–35 лет, с оружием (№ 98).

В **кластере 5** (зеркала под скелетом) учтено 49 погребений (№№ 106–154). В 25 из них есть оружие. Датировки: 7 – вторая половина V в. (№№ 135–137, 140, 142, 144, 154), 19 – первая половина IV в. (№№ 106, 108, 110, 112–113, 115, 117, 121, 128, 130, 133–134, 139, 141, 146–149, 152), 17 – вторая – третья четверти IV в. (№№ 107, 109, 111, 114, 116, 118, 120, 124–125, 127, 131–132, 143, 145, 150 –151, 153), 2 – вторая половина IV в. (№№ 122–123), 4 – широко IV в. до н.э. (№№ 119,126, 129, 138). Для кластера 5 имеется 16 антропологических определений и 5 визуальных по детским размерам скелета: 7 – детских от 6 до 13–14 лет, из них 2 с оружием (№№ 111, 114–115, 121–123, 128), 5 – юных 15–20 лет, 3 с оружием (№№ 116–117, 126–127, 152), 7 – возмужалых 20–35 лет, 4 с оружием (№№ 110, 112, 130–131, 140, 153–154), 2 зрелых 35–50 лет, 1 с оружием (№ 129, 131), 1 – пожилое старше 50 лет, с оружием (№ 135).

В **кластере 6** (зеркала в необычных местах, удаленно от скелета), учтено 8 погребений (№№ 155–162). В 3 из них имеется оружие. Их датировки: 1 – последняя четверть V в. (№ 162), 5 – вторая – третья четверти IV в. (№№ 155–157, 160–161), 2 датируются широко IV в. до н.э. (№№ 158–159). Для кластера 6 нет ни одного антропологического определения, но их женская принадлежность надежно устанавливается по сопровождающим вещам.

Данные таблицы фиксируют наиболее массовые расположения зеркал в погребениях, из которых на первом месте размещение под телом погребенных (кластер 5 – 49 случаев или 30 %), на втором – расположение вокруг головы (кластер 1 – 43 – 26 %), на третьем – с правой стороны скелета (кластер 2 – 34 – 21 %). Значительно реже зеркала размещались с левой стороны скелета (кластер 3 – 18 – 11 %) и в ногах (кластер 4 – 10 – 6 %). И крайне редко зеркала размещались в необычных местах, удаленно от скелета (кластер 6 – 8 – 5 %), что свидетельствует о совершенно особом смысле такого размещения.

Насколько можно судить по пока еще единственному известному в Северном Причерноморье скифскому могильнику III–II вв. до н.э. у с. Глиное на Нижнем Днестре, размещение зеркал в ногах или под телом погребенной, а также в стороне от скелета, – наши кластеры 4, 5 и 6, – для этого периода не известны. Здесь зеркала укладывались около скелета справа, слева и за головой[39].

[39] *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Указ. соч. С. 895.

Важно отметить, что при размещении зеркал вокруг скелета не всегда отмечается его положение – лицевой стороной вниз или вверх, тогда как в расположении под телом погребенной (кластер 5) во всех отмеченных эпизодах зеркала лежали лицевой стороной вниз. Если в случаях с «обычным» положением зеркал[40] мы их рассматриваем только в качестве сопровождающей утвари погребенной, то при размещении под телом можно предполагать некий особый ритуал, когда зеркало выступает в роли некоего «проводника», открывающего «портал» в потусторонний мир хтонических сил.

На размещение зеркал под телом погребенных скифянок обращали внимание Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко в публикации зеркала из сопровождающего погребения служанки в Центральной гробнице Огуза, где зеркало лежало под спиной погребенной. Они привели еще 6, по их мнению, аналогичных эпизодов и предложили видеть в расположении зеркал под спиной или левым предплечьем признак зависимого статуса, тогда как главные погребенные, господа, держат зеркала в руках или же они расположены в изголовье[41]. Однако все приведенные аналогии неверны. Богдановка, к. 1, п. 2 – зеркало находилось слева у головы и на каком основании это одинарное погребение, впускное в скифский курган, с комплектом золотых украшений[42], отнесено к зависимым, могут пояснить только авторы столь претенциозной гипотезы. В п. 2 к. 49 у Верхнетарасовки зеркало лежало у левого плеча погребенной. Слева же от нее находился скелет ребенка, среди костей которого были найдены бусы[43]. Здесь также абсолютно неправильно указано положение зеркала и также остаются совершенно неясными основания для отнесения этого женского погребения к сопровождающим. П. 1 в м. 2 к. 12 в уроч. Носаки вообще было ограблено и разрушено, и зеркало здесь найдено «на расстоянии 0,8 м от середины В-Ю-В стенки к Ю-З»[44]. В п. 2 к. 11 в Акимовке зеркало найдено «у предплечья левой руки… поставленное на ребро»[45]. В п. 2 к. 3 группы

---

[40] Расположение зеркал вокруг тела мы рассматриваем «по умолчанию» в качестве личного имущества, предполагавшегося для использования в потусторонней жизни по назначению. На первый взгляд, утилитарное назначение зеркал как будто превалирует. Свидетельством тому крайне бережное отношение: зеркала помещены в футляры. Но вполне вероятно, что за различным расположением зеркал в погребении скрываются какие-то оттенки ритуала, которые мы пока не улавливаем.

[41] *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Зеркало из кургана Огуз… С. 92.

[42] *Битковский О.В., Полин С.В.* Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V–IV вв. до н.э.) // Скифы Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1987. С. 78.

[43] *Бунятян Е.П., Чередниченко Н.Н., Мурзин В.Ю.* Скифский могильник у с. Верхнетарасовка // Курганы юга Днепропетровщины. К.: Наукова думка, 1977. С. 106.

[44] *Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П.* Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. К.: Наукова думка, 1977. С. 142.

[45] *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Скифский курган с ранней уздой из Северо–Западного Приазовья // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 110.

Испановых могил находился единственный скелет подростка, видимо, девочки. В публикации Б.Н. Мозолевского отмечено только, что «в могиле найдено распавшееся бронзовое зеркало», без указания места[46]. На чертеже оно обозначено вблизи тела, от которого сохранились кости ног. В п. 1 к. 1 группы Капуловка–2 зеркало действительно лежало под левой лопаткой. Но погребение, впускное в курган, было абсолютно самостоятельным, совершенным несколько позднее первичного погребения, и считать его сопровождающим нет никаких оснований. Если, конечно, не видеть во всех впускных погребениях скифских курганов сопровождающие. И так же в группе БОФ в п. 2 к. 13, где зеркало лежало под левым плечом, но в катакомбе была погребена только молодая девушка в сравнительно богатом облачении – с серебряными гривной, обручем и браслетом. Она никого не сопровождала, имея достаточно высокий собственный статус по меркам рядового скифского населения. Примечательно, что в основном погребении в этом кургане захоронена женщина с двумя детьми.

Тезис о том, что размещение зеркала под телом свидетельствует о зависимом статусе погребенной женщины, является полностью надуманным, подкрепляется ошибочно изложенными фактами и абсолютно опровергается находкой зеркала под левой лопаткой «царицы» в боковой гробнице Толстой Могилы[47]. Вряд ли здесь нужны какие-либо дополнительные комментарии.

Собранные в кластер 6 погребения с необычным размещением зеркал, – во входной яме, на входе в камеру, вдали от скелетов, наводят на определенные мысли. В нескольких мужских элитных погребениях Скифии[48] в составе многочисленного исключительно мужского инвентаря встречены отдельные типично женские вещи: веретена и женские головные уборы. Удаленное от скелетов расположение этих крайне необычных для мужских погребений вещей, на входе, обособленно от остального мужского инвентаря, позволяют видеть в них откупные приношения любимых жен[49]. Видимо, и в женских погребениях также имели место приношения от близких, в данном случае зеркала, уложенные на входе или даже во входной яме, отдельно от собственных сопровождавших погребенную вещей.

Погребения с зеркалами – с оружием и без. В некоторых женских погребениях с зеркалами, найдены и предметы вооружения, составляющие в наших кластерах от 22 до 51 %, в среднем около 34 %. Как правило, это колчан, но иногда и копья. Наша выборка весьма

---

[46] *Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. К.: Наукова думка. 1980. С. 143.

[47] *Мозолевський Б.М.* Товста Могила… С. 104. Рис. 87, *15*.

[48] П. 2 Соболевой Могилы, северо-восточная гробница Александропольского кургана, центральное погребение Рыжановского кургана, захоронение мужчины в 8-м Пятибратнем кургане.

[49] *Полин С.В., Алексеев А.Ю.* Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. К.; Б.: Видавець Олег Філюк. 2018. С. 270–272.

наглядно демонстрирует отсутствие какой–либо связи зеркал с оружием. Зеркало у скифов было и остается, прежде всего, предметом женского обихода. Зеркало в женском погребении первично, оружие вторично. При этом женские погребения с оружием у скифов, вопреки мнению некоторых исследователей, не составляют особой социальной или имущественной группы[50]. Также весьма показательно полное отсутствие оружия в погребениях женщин из высшей скифской знати[51].

Соответственно, искусственное вычленение погребений женщин с оружием из общего массива скифских женских погребений, тем более в одном могильнике и даже в одном кургане, и рассмотрение их как особой группы погребений, и тем более их соотнесение с мифическими амазонками (см. работы Е.Е. Фиалко), является абсолютно надуманным и произвольным.

О поломанных зеркалах в скифских погребениях. Такой обычай у скифов Северного Причерноморья в V–IV вв. до н.э. практически отсутствовал, при том, что преднамеренно испорченные вещи в скифских погребениях крайне редко, но все же встречаются[52]. Нечто подобное с зеркалами зафиксировано всего лишь дважды в к. 17 у Ново-Васильевки, где в п. 1 найдено сломанное, а в п. 3 согнутое зеркало (№№ 4, 5). Все остальные находки фрагментов или обломков зеркал в скифских погребениях Северного Причерноморья V–IV вв. до н.э. являются результатом деятельности грабителей, которые безжалостно топтали, разбивали, ломали все вещи, не представлявшие для них интереса. Ни одного фрагмента или части зеркала, преднамеренно помещенного в скифское погребение, в Северном Причерноморье не существует[53]. Напротив, к зеркалам относились очень бережно, хранили в деревянных, тканевых или войлочных футлярах для сохранения зеркальной поверхности, поскольку удаление даже легких царапин требует весьма длительной и трудоемкой полировки. А также, видимо, из–за их дороговизны. Лишь позднее этот обычай получил некоторое распространение. В могильнике у с. Глиное III–II вв. до н.э., из 14 зеркал, найденных исключительно в женских погребениях, в 10 случаях отмечена их преднамеренная порча, – отламывание ручки, разбитие диска[54].

---

[50] *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций… С. 70.

[51] Возможным исключением можно было бы считать п. 4 к. 9 у с. Малая Лепетиха, где знатную скифянку сопровождали двое слуг в нишах. Но выявленный в погребении колчан с луком был расположен совершенно нетипично, как для личного вооружения – в отдельной нише, в головах покойницы, что больше соответствует неким дарам.

[52] *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). К.: Стилос, 2005. С. 163.

[53] Мнение Т.М. Кузнецовой о помещении специально разбитых зеркал в скифские погребения (*Кузнецова Т.М.* Зеркала в погребальном обряде сарматов // СА. 1988. № 4. С. 60) подтверждений не имеет. Также произвольным является предположение Е.Е. Фиалко об использовании в конском нагруднике из Бердянского кургана специально разрезанных на части зеркал (*Фиалко Е.Е.* Зеркала в обрядах скифов // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 83).

[54] *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Указ. соч. С. 895.

Зеркала у савроматов–сарматов. Совершенно иной характер использования зеркал зафиксирован в савромато-сарматской среде. К.Ф. Смирнов считал, что металлические зеркала у сарматов, как ни у одного евразийского народа древности, играли весьма значительную роль в погребальном обряде. Зеркало было обязательным атрибутом савроматских жриц. Для савроматского времени он не знал ни одной достоверной находки зеркал в мужских погребениях. В более позднее время в мужских сарматских погребениях Поволжья по его данным найдено несколько зеркал[55]. По данным А.М. Хазанова у сарматов зеркала постоянно находят не только в женских, но и в детских, и в мужских погребениях, в которых другие типичные предметы женского туалета никогда не встречаются. Он отметил, что достоверных случаев находок поломанных зеркал у савроматов как будто нет и подавляющее большинство зеркал в погребениях савроматского времени найдены целыми. Но некоторые зеркала найдены во фрагментарном состоянии, некоторые разбиты на довольно мелкие куски, что, по–видимому, свидетельствует о зарождении этой традиции еще в савроматское время. В прохоровской культуре большинство зеркал помещено в могилы в разбитом состоянии, причем очень часто в погребении присутствует только обломок зеркала. Отмечено также, что у скифов, меотов и греков этот обычай неизвестен[56]. По наблюдениям В.А. Глебова «существенных различий в местонахождении в могиле целых и фрагментированных зеркал не отмечено. Почти все зеркала и фрагменты зеркал располагались близко к телу погребенного, нередко вплотную, иногда на теле и под ним, наиболее часто – возле черепа, плеч, груди, реже в области живота и ног»[57].

Как уже отмечалось выше, по мнению Е.А. Коробковой находки зеркал у сарматов в основном связаны с воинским аспектом, поскольку 54 % зеркал найдены в погребениях вместе с одним из видов оружия и почти 15 % зеркал обнаружены в так называемых воинских погребениях с набором вооружения. Автор также предполагает, что в подавляющем большинстве раннесарматских погребений разбитые или испорченные зеркала связаны с военной магией, направленной на уничтожение или нанесение вреда врагу. Целые зеркала в воинских погребениях рассматриваются как некий магический вид оружия, входящий в общий воинский набор[58].

В целом можно констатировать определенную разницу в отношении к зеркалам у скифов Северного Причерноморья и савроматов-сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, улавливаемую, прежде всего, по данным погребального обряда.

---

[55] *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. С. 152.

[56] *Хазанов А.М.* Религиозно-магическое понимание зеркал… С. 89, 94.

[57] *Глебов В.А.* Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов-на-Дону. 2011. Вып. III. С. 71.

[58] *Коробкова Е.А.* Указ. соч. С. 103–107.

Литература:

Андрух С.И. Могильник Мамай-гора. Запорожье: изд-во Запорожского государственного университета, 2001. Кн. 2. – 238 с.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. Запорожье: изд-во Запорожского государственного университета. 1999. Кн. 1. – 232 с.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. Запорожье: изд-во Запорожского государственного университета. 2004. Кн. 3. – 201 с.

Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. 9. С. 39–87.

Бессонова С.С., Ковальов М.В., Кубишев А.І. Кургани біля с. Ольгіне (скіфські поховання) // Археологія. 2005. № 3. С. 38–51.

Бидзиля В.И. и др. Отчет о работах Запорожской экспедиции за 1974 г. // НА ИА НАНУ. № 1974/10.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев: Наукова думка. 1977. С. 61–158.

Битковский О.В., Полин С.В. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V–IV вв. до н.э.) // Скифы Северного Причерноморья. К.: Наукова думка. 1987. С. 74–84.

Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 1–43.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Скифский курган с ранней уздой из Северо–Западного Приазовья // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 104–132.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Зеркало из кургана Огуз // Восточноевропейские древности скифской эпохи: Сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 85–97.

Бондарь Н.Н. и др. Отчет о работе Каменской археологической экспедиции Киевского Государственного университета им. Т. Шевченко // НА ИА НАНУ. № 1974/63.

Бунятян Е.П. Курганная группа Шевченко–III // Курганы южной Херсонщины. К.: Наукова думка, 1977. С. 97–128.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. К.: Наукова думка, 1985. – 228 с.

Бунятян Е.П., Чередниченко Н.Н., Мурзин В.Ю. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка // Курганы юга Днепропетровщины. К.: Наукова думка, 1977. С. 59–124.

Вагнер Е.В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. Сер. 4. Ист. № 1 (21). С. 168–176

Волкобой С.С. Отчет по научно–исследовательской работе: исследование археологических памятников в зоне строительства оросительной системы в Апостоловском районе // НА ИА НАНУ. № 1979/58–а.

Волкобой С.С., Шалобудов В.Н., Лихачев В.А. Скифский могильник "Славянка" у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск: изд–во Днепропетровского государственного университета. 1979. Вып. 3. С. 45–60.

Вязьмітіна М.І., Іллінська В.В., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960. Т. 8. С. 22–135.

Гаврилов А.В. Отчет о раскопках курганов в Нововоронцовском и Белозерском районах Херсонской области в 1989 г. // НА ИА НАНУ. № 1989/58.

Ганіна О.Д. До питання про жіночі поховання зі зброєю // Праці Київського історичного музею. 1958. Вип. 1. С. 175–183.

Глебов В.А. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов-на-Дону. 2011. Вып. III. С. 34–48.

Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115. С. 56–113.

Гребенников Ю.С. Скифский курганный могильник у с. Отрадное // Археологические памятники Поингулья. К.: Наукова думка, 1980. С. 146–164.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев: ПП ООО «Илион», 2008. – 192 с.

Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб.: Типография Имп. АН, 1872. Вып. II. – 118 с. + с. XVII–CXXVII.

Джонс–Блэй К. Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 67–72.

Евдокимов Г.Л. и др. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в Херсонской области в 1983 г. // НА ИА НАНУ. № 1983/2.

Евдокимов Г.Л. и др. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства оросительных систем в Херсонской области в 1984 г. // НА ИА НАНУ. № 1984/16.

Евдокимов Г.Л. и др. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г. // НА ИА НАНУ. № 1985/2.

Евдокимов Г.Л. и др. Отчет о работе Краснознаменской экспедиции в 1988 г. // НА ИА НАНУ. № 1988/19.

Евдокимов Г.Л. и др. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства орошения земель Херсонской области Краснознаменской экспедицией в 1991 г. // НА ИА НАНУ. № 1991/6.

Евдокимов Г.Л. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине // Древности Северного Причерноморья и Крыма. 1992. Т. III. С. 136–138.

Евдокимов Г.Л. и др. Отчет Краснознаменской экспедиции. Исследования курганов в зоне орошения земель Херсонской обл. в 1992 г. // НА ИА НАНУ. № 1992/2.

Евдокимов Г.Л. и др. Отчет о работе Краснознаменской экспедиции в Херсонской обл. в 1993 г. // НА ИА НАНУ. № 1993/18.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. К.: Наукова думка, 1991. С. 72–97.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья: курганы Посулья. К.: Наук. Думка, 1968. – 203 с.

Клейн Л.С. Кургани біля с. Троїцького // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VIII. К.: Вид–во АН УРСР, 1960. С. 141–163.

Ковалев Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Корнеевка в Запорожской обл. // Курганы степной Скифии. К.: Наукова думка, 1991. С. 33–53.

Ковалева И.Ф. Отчет по научно–исследовательской работе: Исследование археологических памятников в районе строительства оросительной системы к–за им. Б. Хмельницкого // НА ИА НАНУ. № 1976/66–б.

Ковалева И.Ф. Отчет по научно исследовательской работе: Исследования археологических памятников в зоне строительства Петровской оросительной системы Солонянского района 1977 г. // НА ИА НАНУ. № 1977/127.

Ковалева И.Ф. Отчет об исследовании курганов в зонах строительства оросительных систем Днепропетровской обл. (Солоняно–Томаковской, к-за “Заря коммунизма” Покровского р–на и Александровской) // НА ИА НАНУ. № 1987/176.
Ковалева И.Ф. Отчет о научно–исследовательской работе по теме «Археологические исследования в Днепропетровской области. 1989 г.» // НА ИА НАНУ. № 1989/145.
Ковалева И.Ф. Отчет о научно–исследовательской работе по теме «Археологические исследования в Днепропетровской обл. 1991 г.» // НА ИА НАНУ. № 1991/137.
Ковпаненко Г.Т., Скорий С.А., Батуревіч Є.Ю. Кургани скіфського часу поблизу с. Іванівка на Київщині // Археологія. 1996. № 4. С. 101–114
Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. К.: Наукова думка, 1973. С. 253–265.
Коробкова Е.А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд–во ВолГУ, 2003. Вып. 6. С. 103–108.
Костенко В.И. Отчет о полевых исследованиях в 1988 г. Сарматской археологической экспедиции ДГУ на территории Апостоловского р-на Днепропетровской обл. у с. Усть-Каменка // НА ИА НАНУ. № 1988/67.
Круц В.А. и др. Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы и раннего железного века Бортнической экспедиции в 1974 г. // НА ИА НАНУ. № 1974/14.
Круц В.А. и др. Отчет о работе Бортничской экспедиции в 1975 г. // НА ИА НАНУ. № 1975/9.
Круц С.І. Коротка характеристика палеоантропологічного матеріалу з Товстої Могили // Мозолевський Б.М. Товста Могила. К.: Наукова думка, 1979. С. 232.
Круц С.И. Скифы по данным антропологии // Сегеда С.П., Круц С.И., Потехина И.Д., Покас П.М., Назарова Т.А. Антропологическая характеристика древнего населения Украины (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) // НА ИА НАНУ. Ф. 12. Плановая тема. № 173/1989. С. 302–306.
Кубышев А.И. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1974 г. // НА ИА НАНУ. № 1974/8.
Кубышев А.И. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. // НА ИА НАНУ. № 1975/5.
Кубышев А.И. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1976 г. // НА ИА НАНУ. № 1976/11.
Кубышев А.И. и др. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской обл. УССР в 1987 г. // НА ИА НАУ. № 1987/19.
Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. К.: Наукова думка, 1982. С. 130–147.
Кузнецова Т.М. Зеркала в погребальном обряде сарматов // СА. 1988. № 4. С. 52–61.
Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III в. до н.э. Т. I. М.: Индрик, 2002. – 349 с.
Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III веков до н.э. М.: ТАУС, 2010. Т. II. – 425 с.
Кулатова І., Супруненко О. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. К.: ЦП НАНУ і УТОПІК, 2010. – 200 с.
Лесков А.М. и др. Отчет о раскопках Каховской экспедиции в 1968 г. // НА ИА НАНУ. № 1968/15.
Лесков А.М. и др. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1969 г. // НА ИА НАНУ. № 1969/22.

Лесков А.М. и др. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1970 г. // НА ИА НАНУ. № 1970/36.
Лесков А.М. и др. Отчет о работе Херсонской экспедиции ИА АН УССР в 1971 г. // НА ИА НАНУ. № 1971/23.
Литвинова Л.В. Антропологический материал из могильника Мамай-Гора // Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. Запорожье: изд-во ЗГУ, 1999. Кн. 1. С. 188–209.
Литвинова Л.В. Палеоантропологический материал из могильника Мамай-Гора (исследования 1992–1999 гг.) // Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай–гора. Запорожье: изд-во ЗГУ, 2004. Кн. 3. С. 144–181.
Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975. – 259 с.
Мелюкова А.И. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961–1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: Институт археологии РАН, 1999. С. 60–97.
Мозолевский Б.Н. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1972 г. // НА ИА НАНУ. № 1972/19.
Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. К.: Наукова думка, 1973. С. 187–234.
Мозолевський Б.М. Товста Могила. К.: Наукова думка, 1979. – 248 с.
Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. К.: Наукова думка, 1980. С. 70–154.
Мозолевский Б.Н. и др. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1980 г. // НА ИА НАНУ. № 1980/11.
Мозолевский Б.Н. и др. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1983 г. // НА ИА НАНУ. № 1983/18.
Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). К.: Стилос, 2005. – 599 с.
Мурзін В.Ю. и др. Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции ИА АН УССР в 1983 г. // НА ИА НАНУ. № 1983/40.
Мурзин В.Ю. и др. Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции в 1984 г. // НА ИА НАНУ. № 1984/33.
Мурзин В.Ю. и др. Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции в 1985 г. // НА ИА НАНУ. № 1985/24.
Мухопад С.Е. и др. Археологические исследования в зоне строительства Куйбышевской оросительной системы Апостоловского р–на Днепропетровской обл. // НА ИА НАНУ. № 1986/107.
Ольговский С.Я., Полин С.В. Курганная группа «Острая Могила» // Курганы Южной Херсонщины. К.: Наукова думка, 1977. С. 34–44.
Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. – 256 с.
Отрощенко В.В. и др. Отчет о работах Запорожской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1978 г. // НА ИА НАНУ. № 1978/3.
Отрощенко В.В. Отчет о раскопках Белозерского отряда Запорожской экспедиции в 1979 г. // НА ИА НАНУ. № 1979/4а.
Отрощенко В.В. и др. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1986 году // НА ИА НАНУ. № 1986/11.
Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.: Наука, 1967. 147 с.
Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. К.: Наукова думка, 1991. С. 53–72.

Плешивенко А.Г. Курганы у с. Малокатериновка. Запорожье, 1996. – 163 с.
Покровська Є.Ф. Кургани біля с. Сеньківки // Археологія. 1965. Т. XVIII. С. 139–149.
Полин С.В. Захоронение скифского воина–дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. К.: Наукова думка, 1984. С. 103–119.
Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. К.; Б.: Видавець Олег Філюк, 2018. – 926 с.
Полин С.В. и др. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1994 г. // НА ИА НАНУ. № 1994/2.
Полин С.В. и др. Отчет о работе Орджоникидзевской археологической экспедиции в 1998 г. // НА ИА НАНУ. № 1998/46.
Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо–западном Приазовье). К.: Типография ФПУ. 1997. – 86 с.
Полин С.В. и др. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции ИА НАНУ в 2007 г. // НА ИА НАНУ. № 76/2007.
Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. К.: Издатель Олег Филюк, 2014. – 776 с.
Прилипко Я.П., Болтрик Ю.В. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишневой Могилы // Курганы степной Скифии. К.: Наукова думка, 1991. С. 18–33.
Саенко В.Н. Курганная группа у хутора Батрачка // Древности Северного Причерноморья и Крыма. 1993. Т. IV. С. 102–113.
Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы. Тирасполь: Приднестровский ГУ, 2013. – 146 с.
Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. – 380 с.
Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: изд–во «Stratum Plus», 2016. – 1095 с.
Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. К.: Наукова думка, 1973. С. 187–234.
Тереножкин А.И. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1973 г. // НА ИА НАНУ. № 1973/10.
Фиалко Е.Е. Скифские курганы у с. Новое // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К.: Наукова думка, 1992. С. 171–187.
Фиалко Е.Е. Зеркала в обрядах скифов // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 79–94.
Фиалко Е.Е. Курган с погребением скифской амазонки у села Виноградное // Stratum+. 2012. № 3. С. 217–230.
Фиалко Е.Е. Могилы вооруженных женщин Рогачикского курганного поля // Археологія і давня історія України. 2014. Вип. 12. С. 25–39.
Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. № 3. С. 89–96.
Чередниченко Н.Н. и др. Отчет о раскопках Верхнетарасовской экспедиции в 1974 г. // НА ИА НАНУ. № 1974/2.
Чередниченко Н.Н. и др. Отчет о раскопках Верхнетарасовской экспедиции в 1975 г. // НА ИА НАНУ. № 1975/10.
Чередниченко Н.Н. Отчет Верхнетарасовской экспедиции в 1976 г. // НА ИА НАНУ. № 1976/2.
Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. К.: Наукова думка, 1977. С. 151–171.

Черненко Є.В. Скіфські кургани V ст. до н.е. поблизу м. Жданова // Археологія. 1970. Т. XXIII. С. 176–181.
Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1986. – 367 с.
Черненко Е.В. и др. Отчет о раскопках Верхне-Тарасовской экспедиции в 1973 г. // НА ИА НАНУ. № 1973/12.
Черненко Е.В., Симоненко А.В. Курганная группа Широкое–III // Курганы Южной Херсонщины. К.: Наукова думка, 1977. С. 5–33.
Шапошникова О.Г. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1971 г. // НА ИА НАНУ. № 1971/28.
Шапошникова О.Г. и др. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1975 г. // НА ИА НАНУ. № 1975/3.
Шапошникова О.Г. и др. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1976 г. // НА ИА НАНУ. № 1976/7.
Шапошникова О.Г. и др. Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1978 г. // НА ИА НАНУ. № 1978/11.
Шапошникова О.Г. и др. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1984 г. // НА ИА НАНУ. № 1984/9.
Шапошникова О.Г. и др. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1988 г. // НА ИА НАНУ. № 1988/18.
Яровой Е.В. Курганы энеолита – бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев: Штиинца, 1990. – 268 с.

Расположение зеркал
в погребениях Причерноморской Скифии V–IV вв. до н.э.[1]

1. ***За черепом***, ***возле черепа справа***, ***слева***

№	Название памятника	Положение в погребении	Пол/ Возр.	Тип зеркала	Оружие	Источник	Датировка
1	Буторы, к. 2, п. 3	За головой	Ж -А	Жел. ручка Д. 11 см. Тип: рис. 2,13.	-	Синика и др. 2013. С. 35. Рис. 15,3.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 511).
2	Буторы, к. 8, п. 2	У правого бедра	Ж + Ж -А	Диск. Тип: рис. 2,10	-	Синика и др. 2014. С. 57. Рис. 34,5.	IV в.
3	Булгаково, к. 5, п. 2	За головой	М+Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12	+[2]	Шапошникова и др. 1971. С. 75,	2 четв. – сер. IV в. (Полин 2014. С. 288–289).
4	Ново-Васильевка к. 17, п. 1	У головы	Д -А	Цельнолитое с ручкой Тип: рис. 2,1.	-	Шапошникова и др. 1975. С. 60.	Посл. треть V в.
5	Ново-Васильевка к. 17, п. 3	За головой	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Шапошникова и др. 1975. С. 61.	Посл. треть V в. (Полин 2014. С. 203).
6	Кисличеватая-3, к. 1, п. 1	За головой	Ж до 20 лет -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6.	-	Ковалева, 1987, С. 132, Рис. 311.	IV в.
7	Нагорное, к. 11, п. 2	За головой Ж	М + Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,13.	-	Мозолевский 1973. С. 204. Рис. 17,16.	Около сер. IV в. (Полин 2014. С. 539).

[1] Все даты в таблице до н.э.
[2] Стрелы насыпаны на погребенную и у правого плеча.

8	Испановы могилы, к. 9, п. 2	Справа от черепа	Ж молодая. А – Ж?, юнош. (Круц, 1989, С. 307).	Жел. ручка. Тип: рис. 2,13.	-	Мозолевский и др. 1980. С. 71, табл. 37,6.	Около сер. IV в.
9	Гр. Круглой Могилы, к. 2, п. 2	За головой	Ж А – Ж, зрел. (Круц, 1989, С. 307.	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Мозолевский и др. 1983. С. 12, табл. 10,6.	2 пол. V в.
10	Чертомлык-3, к. 34, п. 1	Справа от черепа	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,5.	+	Мурзин и др. 1985. С. 19. Табл. 17.	Посл. четв. V в. (Полин 2014. С.223).
11	Марьянское-3, к. 6, п. 9	За головой слева	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6.	-	Волкобой 1979. С. 21. Рис. 38.	Около сер. IV в.
12	Каменка, к. 3, п. 1	За головой	девочка -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6.	+	Мухопад 1986. С. 31, рис.100.	Около сер. IV в.
13	Кут, к. 7, п. 9	За головой	Ж А – Ж, опр. Г. Дебеца (Ганіна, 1958, С. 182).	Кост. ручка. Тип. Рис. 2,11.	+	Березовець 1960. С. 54-55, рис. 12,4.	Нач. 2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 345).
14	Усть-Каменка-3, к. 8, п. 1	Справа от черепа	Ж -А	Дер. ручка. Тип. Рис. 2,7.	-	Костенко, 1988, С. 37, рис.107; 109.	2–3 четв. IV в. (Полин, 2014, С. 573).
15	Львово, к. 18, п. 1	Справа от черепа	Ж А – Ж, воз-муж. (Круц, 1989, С. 325).	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Кубышев, Николова, Полин, 1982, С. 134, рис. 6,6.	1 – нач. 2 четв. IV в. (Полин, 2014, С. 285).
16	Тягинка, к. 10, п. 2	За головой	Ж -А	Бронз. ручка. Тип. 2, 14.	-	Евдокимов и др. 1991. С. 28	Сер. – 2 пол. IV в. (Полин 2014. С. 617-620).

17	Верхнетарасовка, к. 84, п. 2	С правой стороны черепа	Ж А - Ж, зрел. (Круц, 1989, С. 303	Дер. ручка. Тип: рис. 2,7.	+	Чередниченко и др. 1975. С. 108.	IV в.
18	Никопольское кург. поле, гр. 2, к. 21, п. 1	В головах	Ж молодая -А	Кост. ручка. Тип. Рис. 2,11.	+	Граков 1962. С. 68, рис. 8,2.	IV в.
19	Мамай-гора, к. 4, п. 8	За головой	Ж А – Ж, Adultus[3]	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Андрух, Тощев 1999. С. 33, 101, 119, рис. 7,9.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 575).
20	Мамай-гора, к. 5, п. 5	За головой	Ж А – Ж, 30-35 лет.	Диск. Тип: рис. 2,10.	-	Андрух, Тощев 1999. С. 46. Рис. 10,8.	Около сер. IV в.
21	Мамай-гора, к. 6, п. 4	Справа от черепа	Ж А - ? – Adultus	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6.	+	Андрух, Тощев 1999. С. 54. Рис. 10,8.	Около сер. IV в.
22	Мамай-гора, к. 16, п. 1	За черепом	Ж, подросток А – Ж-?, Juvenis	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Андрух, Тощев 1999. С. 101, Рис. 27,2.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 412).
23	Мамай-гора, к. 20, п. 4	За черепом Ж	Ж + М А – Ж, 20-25 лет, М, 25-30 лет	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	+[4]	Андрух, Тощев 1999. С. 119. Рис. 33,1.	2 четв.– сер. IV в. (Полин 2014. С. 413).
24	Малая Лепетиха, к. 9, п. 4	Возле головы	Девочка -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Евдокимов и др. 1992. С. 17. Рис. 91,1.	Нач. 2 четв. IV в. (Полин 2014. 270–272).

[3] Здесь и далее по Мамай-Горе определения Л.В. Литвиновой (1999, С. 190–191; 2004, С. 152–159).
[4] 2 наконечника стрел.

25	Первомаевка-V, к. 4, п. 3	Справа у головы	Ж А – Дет.I-II (Круц, 1989, С. 329)	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Евдокимов, Фридман 1991. С. 92.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 261–262).
26	Зеленое, к. 5, п. 3	Слева от черепа	Ж-подросток А – Ж, юнош. – возмуж. (Круц, 1989, С. 323)	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Евдокимов и др. 1983. С. 64. Рис. 36,9.	Нач. IV в.
27	Софиевка, к. 34, п. 1	Справа за головой	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Лесков и др. 1972. С. 63. Табл. XXI.	2–3 четв. IV в.
28	Любимовка, к. 46, п. 1	За головой Ж	М + Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Лесков и др. 1968. С. 84.	IV в.
29	Вильна Украина-1, к. 4, п. 2	Справа от черепа	Д -А	Диск. Тип: рис. 2,10.	-	Лесков и др. 1969. С. 38.	Конец 1 - нач. 2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 333).
30	Вильна Украина-1, к. 14, п. 2	У головы	Ж + Д -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Лесков и др. 1969. С. 72.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 395).
31	Вильна Украина-3, к. 22, п. 1	Справа от черепа	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2, 12.	-	Лесков и др. 1970. С. 28.	Сер. IV в. (Полин. 2014. С. 526).
32	Вильна Украина-3, к. 22, п. 2.	Слева от черепа	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,13.	-	Лесков и др. 1970. С. 32.	2-3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 526).
33	Вильна Украина-4, (с-з им. Блюхера) к. 2, п. 2.	Справа от черепа	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,9.	-	Лесков и др. 1971. С. 55–56.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 527).

34	Красный Подол, к. 2, п. 2	За головой	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Полин 1984. С. 114. Рис. 15,2.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 253).
35	Привольное, к. 10, п. 2, камера 2	Слева от головы	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Кубышев и др. 1975. С. 26.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 561).
36	Привольное, к. 17, п. 4	Справа от черепа	Ж -А	Жел. ручка Тип: рис. 2,12.	+	Кубышев 1975. С. 48.	2-3 четв. IV в.
37	Богдановка, к. 3, п. 2	Слева от черепа	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Битковский, Полин 1987. С. 78. Рис. 7,2.	Конец V в. (Полин 2014. С. 246–252).
38	Новая Маячка, к.19, п.4	У черепа Ж слева	Ж + Д -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Евдокимов и др. 1988. С. 32. Табл. 29,9.	IV в.
39	Новая Маячка, к. 20, п. 3	У черепа Ж. В куче смещенных костей второго скелета еще одно зеркало	Ж + Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Евдокимов и др. 1988. С. 34. Табл. 30,2,8.	IV в.
40	Новониколаевка, к. 1, п. 12	За черепом	Ж А – Ж-?, возмуж. (Круц, 1989, С. 327	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Евдокимов и др. 1984. С. 62. Рис. 27,20.	IV в.
41	Волчанск к. 8, п. 2	За головой	Ж А – М-?, зрел. (Круц, 1989, С. 313).	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Полин, Кубышев, 1997, рис. 7, 1.	2-3 четв. IV в.
42	Новое, к. 3, п. 1	За головой	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Фиалко 1992. С. 171. Рис. 1,3.	IV в.
43	Подолье, к. 3, п. 3	Слева от черепа	Ж А – Ж	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Круц и др. 1975. С. 14. Рис. 35,6.	2–3 четв. IV в.

2). ***Справа***: ***у правого плеча***, ***руки***, ***бедра***

44	Пришиб, к. 29, п. 1	У правого локтя	Ж -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Шапошникова и др. 1984. С. 103.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 408)
45	Каменка, к. 21, п. 2	У правого плеча	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Шапошникова и др. 1978. С. 81.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 407).
46	Чкаловка-5, к. 5, п. 1	Под правой кистью	Ж 35-40 лет -А	Диск. Тип: рис. 2,10.	+	Ковалева 1991. Рис.171	Перв. пол. IV в. (Полин 2014. С. 414–415).
47	Ново-Александровка-3, к. 2, п. 2	Возле таза справа	Девочка 6-7 лет -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Ковалев 1989. С. 35–36. Рис. 125. IV в.	Перв. пол. IV в. (Полин 2014. С. 414–415).
48	Башмачка, к. 13, п. 2	У правого локтя	Ж -А	Диск. Тип: рис. 2,10.	+	Ковалева 1977. С. 50. Рис. 129.	IV в.
49	Михайловка, к. 4, п. 2–3	У правого плеча	Ж зрел. -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Гаврилов 1989. С. 31. Рис. 39,4.	IV в.
50	Чертомлык, камера № 4	У правой руки	Ж -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	+	Алексеев, Мурзин, Ролле 1991. С. 62.	350–340 гг. (Полин 2014. С. 438–449)
51	Гр. БОФ, к. 13, п.1	У правой руки	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Тереножкин и др. 1973. С. 160–161. Рис. 40,8.	Перв. пол. IV в.
52	Капуловка, к. 13, п. 1	Ручка зеркала в правой кисти	девочка-подросток -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Тереножкин и др. 1973. С. 122.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 344).
53	Гр. Дедовой Могилы, к. 4, п. 1	У правого локтя	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Мозолевский и др. 1980. С. 41.	Сер.–3 четв. V в. (Полин 2014. С. 218–219).
54	Орджоникидзе, к. 33, п. 3	Справа у бедра	Ж А - Ж 40-50 лет (Козак, 2007, С. 66).	Диск. Тип: рис. 2,10.	-	Полин и др. 2007. С. 63-64. Рис. 119.	Сер. IV в. (Полин 2014. С. 381–384).

55	Марьевка, к. 6, п. 2.	На правом плече	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Чередниченко и др. 1976. С. 21. Рис. 4.	2–3 четв. IV в.
56	Львово, к. 11, п. 2	Ручка зеркала в правой кисти	Ж молодая -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Тереножкин и др. 1973. С. 58.	3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 559–560).
57	Мамай-гора, к. 4, п. 9	Под правым локтем	Ж А – М?, 50–55 лет	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,4.	-	Андрух, Тощев 1999. С. 35–36. Рис. 8,10.	Нач. IV в. (Полин 2014. С. 575).
58	Мамай-гора, к. 10, п. 6	У правого плеча	? А – Ж, 20–25 лет	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6–7.	+	Андрух, Тощев 1999. С. 75. Рис. 19,14.	Перв. пол. IV в.
59	Мамай-Гора, к. 16, п. 5	Справа на груди	Ж А – подросток 14–15 лет	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Андрух, Тощев. 1999. С. 107. Рис 29,1.	IV в.
60	Мамай-гора, к. 143, п. 2	На кисти правой руки Ж	Ж + Ж А – Ж, 18–20 лет, М?, 25-30 лет.	Дер. ручка. Тип: рис. 2,8.	-	Андрух, Тощев. 2004. С. 28. Рис. 13,1.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 578).
61	Каменка-Днепровская, к. 1, п. 6	У правой плечевой кости	Ж, ребенок -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Отрощенко и др. 1986. С. 51	1 четв. IV в. (Полин 2014. С. 314).
62	Каменка- Днепровская, к. 1, п. 9	У кисти правой руки.	Ж, зрел. -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Отрощенко и др. 1986. С. 59.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 314).
63	Казенная Могила, п. 3	У локтя правой руки	Ж А – Ж за 50	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Бидзиля и др. 1974. С. 120	1 четв. IV в. (Полин 2014. С. 428–429).
64	Чкалово, к. 5, п. 1	У правого бедра, ручка под пальцами	Ж - А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Отрощенко и др. 1978. С. 30. Табл. XII, а.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 508).

65	Гр. Солохи к. 75, п. 3	Пальцы правой руки на ручке	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Мелюкова 1999. С. 69. Рис. 15,24.	Конец 1 четв. IV в. (Полин 2014. С. 328).
66	Ольгино, к. 1, п. 4	У правого плеча	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Бессонова, Ковальов, Кубишев 2005. С. 41. Рис. 4,5.	380-360 гг. (Полин 2014. С. 306–308).
67	Любимовка, к. 38, п. 3	Справа от грудной клетки	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Лесков и др. 1968. С. 71.	Конец V – нач. IV в. (Полин 2014. С. 333).
68	Вильна Украина-1, к. 10, п. 2	На правом бедре	Ж пож. + Ж молод. -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Лесков и др. 1969. С. 63.	Нач. 1 четв. IV в. (Полин 2014. С. 395).
69	Чернянка-2, к. 8, п. 2	У правого локтя	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Кубышев и др. 1979. С. 100.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 399).
70	Новотроицкое, к. 7, п. 1	У правого плеча	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Кубышев и др. 1976. С. 104–105.	Сер. IV в. (Полин 2014. С. 563–564).
71	Новая Маячка, к. 7, п. 3, костяк 1	Под правым локтем	Ж + Ж + Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Евдокимов и др. 1988. С. 13.	Сер. IV в.
72	Брилевка, к. 8, п. 1	У правой кисти	Ж подросток - А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Евдокимов и др. 1985. С. 11.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 388).
73	Широкое, к. 5, п. 2	У правой кисти	Ж + Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Ковпаненко, Яковенко 1973. С. 258. Рис. 5.	Сер. IV в. (Полин 2014. С. 532).
74	Широкое-3, к. 9, п. 1	У правого плеча	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6–7.	+	Черненко, Симоненко 1977. С. 14. Табл. III.	2–3 четв. IV в.
75	Водославка, к. 10, п. 3	Под пальцами правой руки	Ж А - Ж ?, возмуж. (Круц, 1989, С. 322).	Диск. Тип: рис. 2,10.	-	Кубышев и др. 1983. С. 88.	2–3 четв. IV в.

76	Владимировка, к. 1, п. 2	У правого предплечья	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6–7.	+[5]	Полин, Кубышев 1997. С. 25.	2–3 четв. IV в.
77	Акимовка, к. 3, п. 6	У правой руки	Ж А – Ж 25 лет (определение С.П. Сегеды)	Цельнолитое с ручкой, Тип: рис. 2,3.	+	Фиалко 1991. С. 7, Рис. 6,11.	Кон. V – нач. IV в.

3) ***Слева***: ***около левого плеча или левой руки***

78	Буторы-1, к. 4, п. 2	Слева у головы	Ж -А	Диск. Тип: рис. 2,10.	-	Кетрару и др. 2014. С. 47. Рис. 22,2.	3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 511).
79	Висунск, к. 4, п. 2	Над левым плечом Ж	Ж + Д -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Шапошникова и др. 1976. С. 110.	3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 568–569).
80	Пришиб, к. 33, п. 1	У левого локтя	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Шапошникова и др., 1984, С. 122.	3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 570).
81	Поддубное, к. 4, п. 2	Слева на грудной клетки	Ж, подросток -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Бондарь и др. 1974. С. 18. Рис. 30.	IV в.
82	Владимировка, к. 5, п. 1	У левой кисти Ж	М + Ж + ? -А	Бронз. ручка. Тип: рис. 2,14.	-	Чередниченко, Болдин 1977. С. 139. Рис. 12,1.	2 – 3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 385).
83	Верхнетарасовка, к. 49, п. 2	У левого плеча Ж	Ж + Д -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Чередниченко и др. 1974. С. 97.	3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 548).

[5] Сохранился только фрагмент бронзового наконечника стрелы

84	Верхнетарасовка, к. 85, п. 1,	На левой ноге Ж (ск. 1)	Ж + М + М А – М, возмуж., Д – дет. II, юнош. (Круц, 1989, С. 303)	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Чередниченко и др. 1975. С. 113.	IV в.
85	Чертомлык-2, к. 24, п. 1	На левой ключице	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Мурзин и др. 1984. С. 11	3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 223).
86	Чертомлык-3, к. 31, п. 1	У левой руки	Девочка-подросток -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Мурзин и др. 1985. С. 16.	Сер. V в. (Полин 2014. С. 223).
87	Кут, к. 22, п. 9	У левой плечевой кости Ж	Ж + Д + Д -А	Диск. Тип: рис. 2,10.	-	Березовець 1960. С. 69.	2 – нач. 4 четв. IV в. (Полин 2014. С. 528).
88	Златополь, к. 16, п. 3–4	У левой плечевой кости	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Бидзиля и др. 1974. С. 61.	1 четв. IV в. (Полин 2014. С. 427–428).
89	Каменка-Днепровская, к. 3, п. 2.	Под левой рукой на тазу	Ж -А	Бронз. ручка. Тип: рис. 2,1.	-	Отрощенко и др. 1986. С. 69. Табл. XXV,5.	1 пол. IV в.
90	Вишневая Могила, п. 5.	У левого локтя	Девочка -А	+	-	Прилипко, Болтрик 1991. С. 20.	IV в.
91	Зеленое, к. 2, п. 3, камера 2	У левого плеча	Ж А – Ж., возмуж. (Круц, 1989, С. 323)	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Евдокимов и др. 1983. С. 52.	Нач. IV в.

92	Новая Маячка, к. 13, п. 2	У левой руки	Ж -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	+	Евдокимов 1988. С. 21. Рис. 20,2.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 348).
93	Широкое, гр. Острой Могилы, к. 4, п. 1	Возле левой кисти	Ж -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Ольговский, Полин 1977. С. 36. Табл. IX.	Нач. 3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 534–535).
94	Акимовка, к. 11, п. 2	У левого предплечья,	Ж А – Ж, 18-20 лет	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Болтрик, Фиалко 2010. С. 110. Рис. 8.	2–3 четв. IV в.
95	Перещепино-1, к. 2/2002	На груди девочки	Ж + Д А – девочка 6–8 лет, Ж 25–30 лет	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Кулатова, Супруненко 2010. С. 110.	Втор. пол. V в.

4) ***В ногах***

96	Чертомлык-3, к. 30, п. 1	В ногах	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Мурзин и др. 1985. С. 13.	Конец V – нач. IV в.
97	Малокатериновка, к. 17, п. 1	У ног Ж	М + Ж + Д А – М зрелый, Ж до 20 лет, Д новорожд.	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Плешивенко 1996. С. 26, 109. Табл. XIV,5.	2 пол. V в.
98	Малокатериновка, к. 23, п. 1	В ногах	Ж А – Ж 20–25 лет	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Плешивенко 1996. С. 35, 109.	1 пол. IV в.
99	Сахнова Могила (к. 29), п. 3	В ногах	Ж 30-35 лет -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Отрощенко и др. 1979. С. 11–14. Табл. XVIII,4.	2–3 четв. IV в.

100	Привольное, к. 10, п. 3	В ногах	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Кубышев и др. 1975. С. 28.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 534–535).
101	Шелюги, к. 1, п.3	В ногах	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Кубышев и др. 1987. С. 108.	1 пол. IV в.
102	Шелюги, к. 4, п.1	В ногах	Ж -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	+	Кубышев и др. 1987. С. 119–120. Табл. 92,1.	Нач. IV в.
103	Первоконстан-тиновка, к. 11, п. 2	Справа от ступней	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Лесков и др. 1971. С. 87–88.	IV в.
104	Троицкое, к. 2, п. 12	В ногах	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Клейн 1960. С. 146. Рис. 107,6.	IV в.
105	Акимовка, к. 11, п. 3	В ногах Ж	Ж + М	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Болтрик, Фиалко 2010. С. 105. Рис. 6,7.	Вторая половина V в.

5) ***Под телом погребенной***

106	Пуркары к. 1, п. 6	Под телом	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис.2,1.	-	Яровой 1990. С. 51. Рис. 21,2	Конец 1 – 2 четв. IV в.
107	Булгаково, к. 6, п. 1	На месте пра-вого плеча	Ж -А	+	-	Шапошникова 1971. С. 93	2–3 четв. IV в.
108	Булгаково, к. 7, п. 2	Под правой лопаткой	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Шапошникова 1971. С. 96.	1 пол. IV в. (Полин 2014. С. 289).
109	Висунск, к. 6, п. 2	Под лопаткой	Ж + Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Шапошникова 1976. С. 116.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 569).

110	Верхнетарасовка, к. 14, п. 1	Под правой лопаткой Ж до 30 лет	Ж до 20 + Ж до 30 + Д 3-4. А – Ж взросл.,Ж возмуж. (Круц, 1989, 303).	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	+	Черненко и др. 1973. С. 44. Рис. 38,26.	1 пол. IV в. (Полин 2014. С. 547).
111	Верхнетарасовка, к. 68, п. 1	Под тазом Д (скелет 2)	М + Д (девочка) +Д. А – ск. 1 – М старч., ск. 3 – Д-II, ск. 2 не опред. (Круц, 1989, С. 303)	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Чередниченко и др. 1975. С. 34.	2–3 четв. IV в.
112	Толстая Могила, боковая гробница	У царицы под левой лопаткой	Ж А – Ж до 30 (Круц, 1979, С. 232)	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Мозолевський 1979. С. 104. Рис. 106,7.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 279).
113	Капуловка-2, к. 1, п. 1	Под левой лопаткой	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Тереножкин и др. 1973. С. 129. Рис. 15,6.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 344).
114	БОФ, к. 13, п. 2	Под левым плечом	молодая девушка. -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Тереножкин и др. 1973. С. 162. Рис. 44,3.	2–3 четв. IV в.
115	Испановы могилы, к. 3, п. 2	Под позвоночником	девочка – подросток -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Мозолевский 1980. С. 143. Рис. 78,6.	1 пол. IV в.

116	Чертомлык-1, к. 9, п. 2	Под правым плечом	Ж А – Ж, юн. (Круц, 1989, С. 309).	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Мурзин и др. 1973. С. 31. Табл. 32.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 549).
117	Орджоникидзе, к. 9, п. 2	Под правым плечом	девочка-подросток -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Полин и др. 1995. С. 8.	1 пол. IV в. (Полин 2014. С. 544).
118	Кут, к. 21, п. 4	Под правым плечом Ж	Ж + М -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6–7.	+	Березовець 1960. С. 67.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 528).
119	Кут, к. 30, п. 8	Между позвоночником и левой рукой	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Березовець 1960. С. 79.	IV в.
120	Золотая Балка, к. 17, п. 2	Слева под грудной клеткой	Ж -А	Бронз. ручка. Тип: рис. 2,14.	-	Полин 2014. С. 149. Рис. 87.	2 четв. – сер. IV в. (Полин 2014. С. 296).
121	Каменка-4, к. 1, п. 4	Под черепом	Д -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Мухопад и др. 1986. С. 75. Рис. 301.	1 четв. IV в.
122	Львово, к. 13, п. 1	Под спиной	Д А – ребенок 8–10 лет (опр. И.Д. Потехиной)	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Евдокимов 1992. С. 138. Рис. 3,9.	3 – нач. 4 четв. IV в. (Полин 2014. С. 603).
123	Львово, к. 13, п. 3, (скелет 2)	Под спиной ребенка 7–10 лет	Д+Д+Д+Д А – дети 3–5, 7-10, 10–12, 10–12 лет (опр. И.Д. Потехиной)	Жел ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Евдокимов 1992. С. 142. Рис. 5,10.	3 – нач. 4 четв. IV в. (Полин 2014. С. 603).

124	Меловое, к. 3, п. 2	Под черепом	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Кубышев и др. 1976. С. 11. Рис. 3.	2–3 четв. IV в. (Полин 2014. С. 562).
125	Тягинка, к. 8, п. 3	Под правой лопаткой Ж	М + Ж -А	Жел. ручка, Тип: рис. 2,12.	-	Евдокимов 1991. С. 21. Рис. 19,4.	Около сер. IV в. (Полин 2014. С. 522).
126	Батрачка, к. 3, п. 4	Под правым плечом	Ж А – Ж 15-21 лет	Дер. ручка. Тип: рис. 2,8.	-	Саенко 1993. С. 104. Рис. 3,6.	IV в.
127	Гюновка, к. 21, п. 2, скелет 3	Под левым плечом Ж 16 лет	Ж + Ж + Д А – ? – юнош., Д – 3-4 года, Ж – 16 лет	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Фиалко 2014. С. 28.	2–3 четв. IV в.
128	Каменка-Днепровская, к. 1, п. 5	Под левым плечом	Ребенок -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Отрощенко и др. 1986. С. 49. Табл. XIV,9.	Ок. 380 г. (Полин 2014. С. 314).
129	Малокатериновка, к. 10, п. 1	Под шеей	Ж А – Ж, 35-40 лет	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Плешивенко 1996. С. 17, 109. Табл. X,3.	IV в.
130	Мамай-гора, к. 100, п. 1	Под правым плечом	Ж А – Ж, 30-35 лет	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Андрух 2001. С. 147. Рис. 60,13	Перв. пол. IV в.
131	Первомаевка-5, к. 1, п. 3	Под левым плечом	Ж А – Ж возмуж.-зрелая (Круц 1989. С. 329).	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Евдокимов, Фридман 1991. С. 89. Рис. 13,2.	2–3 четверть IV в.

132	Любимовка, к. 2, п. 6,	Под правым коленом	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Лесков и др. 1968. С. 10.	2–3 четв. IV в.
133	Любимовка, к. 41, п. 1	Под грудной клеткой [6]	Ж -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	-	Лесков и др. 1968. С. 75.	1 пол. IV в. (Полин 2014. С. 333).
134	Любимовка, к. 41, п. 2	Под ребрами	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Лесков и др. 1968 С. 76.	1 пол. IV в. (Полин 2014. С. 333).
135	Любимовка, к. 45, п. 1	Под тазом	Ж А – Ж-?, стар. (Круц, 1989, С. 326)	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Лесков и др. 1968. С. 82.	Кон. V в.
136	Любимовка, к. 48, п. 3-А	Под грудной клеткой	Ж -А	Цельнолитое с ручкой, Тип: рис. 2,1.	+	Лесков и др. 1968. С. 87–88.	4 четв.V в. (Полин 2014. С. 227).
137	Любимовка, к. 48, п. 3-Б	Под черепом	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	+	Лесков и др. 1968. С. 88.	4 четв. V в. (Полин 2014. С. 227).
138	Вильна Украина, Гр. Р-I/III, к. 15, п. 3	Под правой лопаткой	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Лесков и др. 1970. С. 80.	IV в.
139	Привольное, к. 16, п. 2	Под грудной клеткой	Ж -А	Цельнолитое с ручкой Тип: рис. 2,1.	+	Кубышев и др. 1975. С. 43.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 397).
140	Привольное, к. 20, п.1	Под левым плечом	Ж А – Ж воз-муж. (Круц, 1989, С. 330)	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Кубышев и др. 1975. С. 55.	Кон. V – нач. IV в.

[6] Зеркало в отчете не упомянуто, но записано в описи и имеется в коллекции. Видимо, было обнаружено под телом только при окончательной разборке скелета.

141	Новокаменка, к. 10, п. 2	Под левой лопаткой молодой Ж	Ж молод. + Ж взросл. -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6–7.	-	Кубышев и др. 1974. С. 69–70.	Кон. 2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 361).
142	Брилевка, к. 2, п. 1	Под правым плечом	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	+	Евдокимов и др. 1985. С. 5. Рис. 4,2.	3 четв. V в.
143	Брилевка, к. 9, п. 1	Под черепом Ж	Ж + М -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Евдокимов и др. 1985. С. 14. Рис. 10,11.	350–340 гг. (Полин 21014. С. 523).
144	Брилевка к. 12, п. 2	Под левым плечом	Ж -А	Цельнолитое с ручкой Тип: рис. 2,1.	+	Евдокимов и др. 1985. С. 20. Рис. 14,11.	Кон. V в.
145	Огуз, северная ниша Центральной гробницы	Под спиной	Сопровождающее, видимо, молодая девушка	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Болтрик, Фиалко 2011. С. 86. Рис. 2,6.	Сер. IV в. (Полин 2014. С. 483–484).
146	Шевченко-3, к. 11, п. 2	Под грудью	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+ [7]	Бунятян 1977. С. 108. Табл. XVIII.	Нач. IV в.
147	Шевченко-3, к. 24, п. 1	Под черепом	Ж около 25 лет -А	Бронз. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Бунятян 1977. С. 119. Табл. XXXIII.	Нач. IV в.
148	Великий Клин, к. 1, п. 2	Под правым плечом	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Евдокимов и др. 1993. С. 44--45, Рис. 51,2.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 393–394).
149	Великий Клин, к. 1, п. 3	Под правым плечом	Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Евдокимов и др. 1993. С. 46. Рис. 53,5.	2 четв. IV в. (Полин 2014. С. 394).
150	Мирное, к. 8, п. 4.	Под правым плечом Ж	М + Ж -А	Диск. Тип: рис. 2,10.	-	Евдокимов и др. 1992. С. 60. Рис. 38,10.	2–3 четв. IV в.

[7] Один наконечник у бедра

151	Юбилейное, к. 3, п. 2	Под правой лопаткой Ж	М + Ж -А	Диск, Тип: рис. 2,10.	-	Евдокимов и др. 1993. С. 10. Рис. 6,5.	2–3 четв. IV в.
152	Аккермень, к. 16, п. 2	Под спиной	Ж А – Ж молодая (Ганіна, 1958, С. 180).	Дер.ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Вязмітіна и др. 1960. С. 66. Рис. 40,7.	Нач. IV в.
153	Мирное-1, к. 3, п. 1,	Под головой	Ж А - ?, взросл. (Круц, 1989, С. 322).	Цельнолитое с ручкою. Тип: рис. 2,1.	+	Круц и др. 1974. С. 6. Рис. 18,6.	2–3 четв. IV в.
154	Подолье, к. 5, п. 2	Под правой лопаткой	Ж взрослая. А – Ж, возмуж. (Круц, 1989, С. 323).	С ажурной бронз. ручкой. Тип: рис. 2,15.	-	Круц и др. 1975. С. 23. Рис. 50,3.	3 – нач. 4 четв. V в.

6) ***Иное расположение***

155	Отрадное, к. 3, п. 2	Вероятно, под правым плечом [8]	Ж	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	+	Гребенников 1980. С. 154. Рис. 4,8.	3 четв. IV в.
156	Шолохово, к. 16, п. 1	У входа в камеру	Ж -А	Кост. ручка. Тип: рис. 2,11.	+	Волкобой и др., 1979. С. 51. Рис. 9,4.	2–3 четв. IV в.
157	Новопетровка-3, к. 10, п. 2,3	У входа в камеру	Ж -А	Дер. ручка. Тип: рис. 2,6-7.	-	Шапошникова и др. 1988. С. 79.	2–3 четв. IV в.

[8] Верхняя часть скелета провалилась в нижерасположенную камеру. Указано наиболее вероятное расположение зеркала.

158	Гр. Сторожевой Могилы, к. 3, п. 3	Во входн. яме на ступеньке	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Мозолевский 1980. С. 78. Рис. 8,1.	IV в.
159	Орджоникидзе, к. 50, п. 1	В тайнике	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Полин 2018. С. 31. Рис. 54,2.	IV в.
160	Верхнетарасовка к. 31, п. 1	В СЗ углу камеры.	Ж -А	Диск, Тип: рис. 2,10.	+	Чередниченко и др. 1974. С. 63.	Сер. IV в. (Полин 2014. С. 547).
161	Белозерка, к. 10, п. 1	В куче костей сдвинутого скелета Ж	М + Ж -А	Жел. ручка. Тип: рис. 2,12.	-	Евдокимов и др. 1984. С. 33. Рис. 14,3.	2 четв. I V в. (Полин 2014. С. 547).
162	Корнеевка	В дромосе	Ж -А	Цельнолитое с ручкой. Тип: рис. 2,1.	-	Ковалев, Полин 1991. С. 48. Рис. 7,6.	4 четв. V в. (Полин 2014. С. 201).

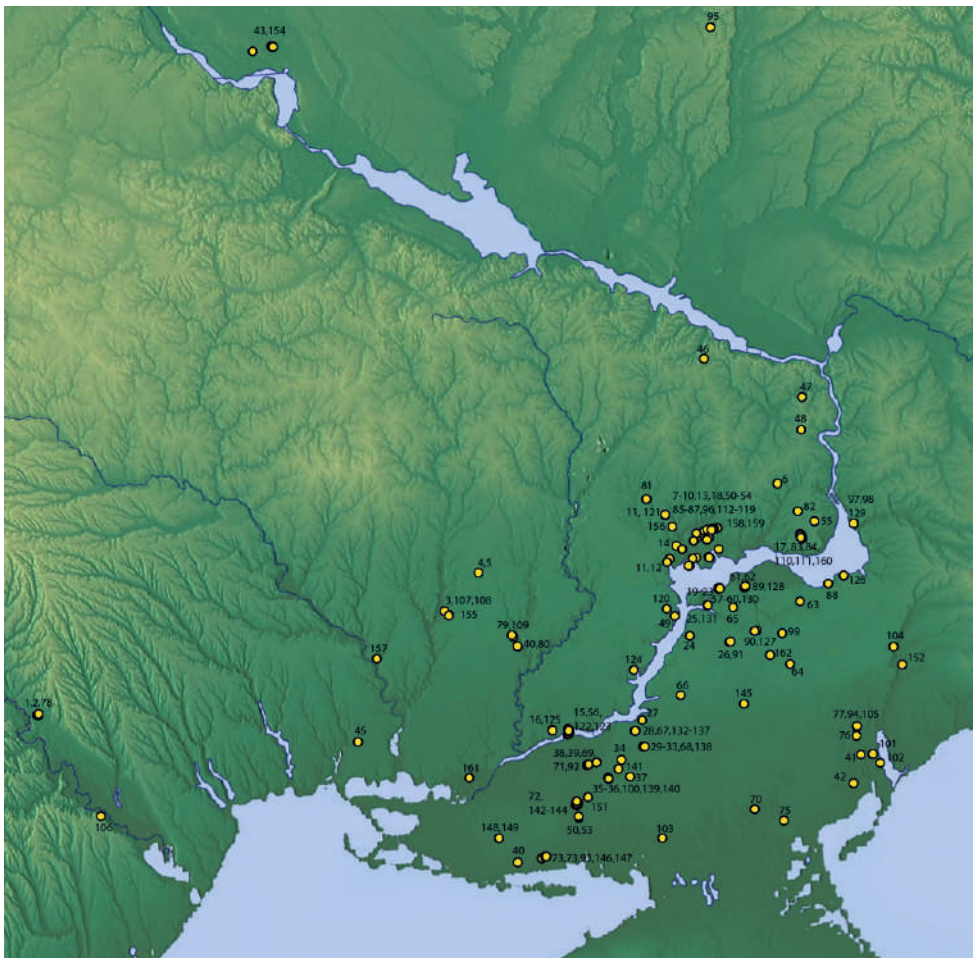


Рис. 1. Карта распространения скифских женских погребений с зеркалами второй половины V–IV вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Номера пунктов на карте соответствуют номерам в таблице

Рис. 2. Основные типы зеркал из погребений
второй половины V–IV вв. до н.э. в Северном Причерноморье.
Номера соответствуют номерам пунктов в таблице

Т.В. Егорова

К ВОПРОСУ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕРНОЛАКОВОЙ ПОСУДЫ (**по материалам Пантикапея и Танаиса**)

Аннотация: несмотря на существование закрытых комплексов, включающих в себя чернолаковые сосуды с очевидно более ранней датой, принято считать, что за редкими исключениями, период бытования чернолаковых изделий ограничен кратким промежутком времени. И если интервал между производством таких изделий и доставкой их к потребителю, действительно не может быть значительным, то продолжительность использования сосудов зависит от нескольких факторов. Анализ керамических комплексов Пантикапея и Танаиса, содержащих определенный процент чернолаковой посуды со следами длительного использования и ремонта, позволяет сделать выводы о том, что время ее бытования в значительной степени зависело от удаленности поселения от центров распределения керамической продукции и его статуса. Процент изделий, которые были отремонтированы и использованы дольше обычного, заметно выше в Танаисе, располагавшемся на значительном удалении от столицы Боспорского царства. В самом Пантикапее этот процент столь незначителен, что сравним с данными по Афинам – одному из основных центров производства чернолаковой керамики. В отличие от Ольвии, где была выявлена взаимосвязь между периодами процветания и экономического кризиса полиса и изменениями объемов отремонтированных сосудов, для Пантикапея и Танаиса такая зависимость не прослеживается.

Ключевые слова: чернолаковая керамика, Боспорское царство, Пантикапей, Танаис, ремонт античных сосудов.

Abstract: despite of the existence of closed complexes, which include earlier Black-Glazed pottery, it is considered that with rare exceptions, the time of existence of Black-Glazed products is limited to a short period. If the interval between the production of such vassals and their delivery to the consumer really cannot be significant, the duration of the use of vessels depends on several factors. An analysis of the ceramic complexes from Panticapaeum and Tanais, containing a certain percentage of Black-Glazed dishes with traces of long-term use and repair, allows us to conclude that the time of its existence largely depended on the distance of the settlement from the distribution centers of ceramic products and its status. The percentage of products that were repaired and used longer than usual is noticeably higher in Tanais, located at a considerable distance from the capital of the Bosporian kingdom. In Panticapaeum this percentage is so insignificant that it is comparable with the data for Athens, one of the main centers for the production of black pottery ceramics. Unlike Olbia, where the relationship between periods of prosperity and the economic crisis of the polis and changes in

the volume of repaired vessels was revealed, for Panticapaeum and Tanais, this dependence is not traced.
Key words: Black-Glazed pottery, Bosporan Kingdom, Panticapaeum, Tanais, repairing of ancient vessels.

Чернолаковая керамика обладает рядом отличительных черт, позволяющих использовать ее в качестве одного из основных датирующих материалов как для античных памятников VI–II вв. до н.э., так и для варварских, располагавшихся в зоне контактов. В частности, формы большинства типов сосудов, за редким исключением, значительно изменялись с течением времени. Эти изменения выявлены для многих типов чернолаковых и морфологически близких к ним краснофигурных изделий, и синхронизированы с другими датирующими категориями вещей на основе изучения закрытых комплексов, раскопанных как в центрах керамического производства, прежде всего, в Аттике и Малой Азии, так и далеко за их пределами[1]. Кроме того, несмотря на то, что чернолаковую посуду нельзя в полной мере относить к массовому материалу, процент таких находок на разных памятниках довольно высок – от 3–4 до 10 % от всего керамического комплекса[2], что также повышает интерес к их хронологии.

Поэтому вопросы, связанные с определением длительности транспортировки и использования чернолаковых изделий, а соответственно, наличия хронологического разрыва между временем изготовления и временем их попадания в слой весьма актуальны. Они периодически поднимаются в литературе[3]. Зачастую это связано с исследованиями закрытых комплексов, включающих в себя чернолаковые или расписные сосуды с очевидно более ранней датой, чем та, что определяется по другим материалам. Таких примеров не мало[4]. Их принято

---

[1] О принципах построения хронологии античной керамики: *Sparkes B.A.* Greek pottery. An introduction. Manchester; N.Y., 1991. P. 28–59.

[2] *Масленников А.А.* Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-Западное (юго-западный склон) // ДБ. 2010. Т. 14. С. 374; *Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь, 2008. С. 38; *Гаврилюк Н.А.* История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. К., 1999. С. 257; *Егорова Т.В.* Некоторые аспекты аттического чернолакового импорта на Боспор в VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2018. Ч. 2. С. 128.

[3] *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 49; *Вдовиченко И.И.* Указ. соч. С. 39; *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глинное // Археологические памятники Приднестровья. Тирасполь, 2016. Вып. III. С. 937–945 и др.

[4] *Масленников А.А.* Указ. соч. С. 390; *Boardman J.* The History of Greek Vases. L., 2001. P. 245; *Азарова В.П.* Один из участков пантикапейского некрополя // Археология и история Боспора. 1962. Том II. С. 321–327; *Дашевская О.Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь, 2014. С. 35–36, 42–43, 86; *Зайцев Ю.П.* Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. 1998. Вып. 102. С. 58–59; *Сапрыкин С.Ю., Внуков С.Ю.* Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015. № 2. С. 112–113 и мн. др.

именовать феноменом «бабушкиного сервиза» в том случае, когда у археолога есть уверенность в невозможности попадания ранних вещей в комплекс извне.

Что касается промежутка времени, которое уходило на транспортировку керамических изделий даже в такие отдаленные регионы, каким можно считать Северное Причерноморье, стоит согласиться с доводами И.Б. Брашинского, полагавшего, что при условии регулярной торговли этот «интервал не может исчисляться не только десятилетиями, но даже годами»[5]. Так, С.Ю. Внуков на основе анализа античных винных амфор убедительно доказывает, что первый этап их использования, к которому он относит промежуток от изготовления до доставки потребителю, как правило, был непродолжительным и «занимал от нескольких недель (при потреблении товара в пределах центра-изготовителя) до 1 года – максимум 2 лет (при поставках в прочие центры первичного потребления в сроки ближайшей навигации)»[6]. С определенной долей уверенности этот вывод можно экстраполировать с амфорного материла на импортную столовую посуду, которая отправлялась потребителю довольно большими партиями, вероятно, из одной или нескольких мастерских. Об этом, в частности, свидетельствует найденная в Пирее подготовленная к отправке партия краснофигурных кратеров, расписанных одним мастером[7], а также анализ форм и орнаментации чернолаковых сосудов с боспорских памятников[8]. За исключением редких случаев, когда сосуды могли попадать в Причерноморский регион не в качестве товара, а привозились как предметы личного обихода, у нас нет оснований говорить об их использовании до отправки, которая, по всей видимости, производилась также довольно быстро. На это косвенно указывают находки в Северном Причерноморье узко датированных чернолаковых и краснофигурных изделий (без следов длительного использования) в комплексах с клейменными амфорами синхронного времени[9]. Таким образом, с учетом относительно широких хронологических рамок, предлагаемых сейчас для времени бытования конкретных сосудов на основании небольших, но значимых изменений деталей форм (от 10 до 25 лет, в от-

---

[5] *Брашинский И.Б.* Указ. соч. С. 49.

[6] *Внуков С.Ю.* Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 161–162.

[7] *Вдовиченко И.И.* Указ. соч. С. 37.

[8] *Егорова Т.В.* Указ. соч. С. 129–130.

[9] См., напр.: *Монахов С.Ю., Рогов Е.Я.* Керамические комплексы некрополя Панское I // АМА. 1990. Вып. 8. С. 131, 135–139, табл. 2. и др.; *Кац В.И. и др.* Новый керамический комплекс раннеэллинистического времени с Фонталовского полуострова // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 107–118; *Монахов С.Ю. и др.* Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов, 2016. С. 41, 43–45; *Монахов С.Ю. и др.* Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 2017. С. 31–32.

дельных случаях до 50 лет), интервал от производства до попадания потребителю можно считать несущественным.

Длительность использования столовой посуды, в частности, чернолаковой, значительно увеличивает интервал между временем ее изготовления и доставки и временем попадания в слой. Однако очевидно, что далеко не все сосуды и не везде находились в употреблении продолжительный промежуток времени. Такие сосуды обычно содержат следы длительного использования и/или ремонта. Первые представляют собой потертости и повреждения, которые наблюдаются на определенных участках изделия: главным образом, по краю венчика, ручкам, на подошве поддона (рис. 1). Для отдельных типов можно выделить некоторые особенности. Так, на солонках на кольцевом поддоне (*footed*) потертости, чаще всего, фиксируются на уровне максимального диаметра внешней поверхности (рис. 1, *5*), на эхинообразных солонках (*echinus wall*) – в нижней трети тулова и по краю; на тарелках и блюдах разных форм потертости и царапины концентрируются на внутренней (рабочей) поверхности (рис. 2, *1–2*). Эти повреждения зачастую не связаны с плохим качеством лакового покрытия, хотя от этого, несомненно, в какой-то мере зависела степень изношенности сосуда.

Еще более очевидны следы древнего ремонта, сохраняющиеся, преимущественно, на столовой посуде: отверстия или пропилы, расположенные с разных сторон от места раскола сосуда, в которых иногда до наших дней остаются свинцовые скобки – основной скрепляющий материал (рис. 2, *3*; рис. 3, *1*). Именно свинец очень широко использовался в античном мире, в том числе и для ремонта керамических изделий, благодаря таким своим свойствам, как низкая температура плавления и пластичность, а также дешевизна[10].

Чтобы понять, насколько длительность использования чернолаковой посуды зависела от удаленности от центров распределения керамической продукции, статуса поселений и определенных хронологических периодов их существования, рассмотрим чернолаковые изделия со следами ремонта и долгого употребления из таких разных пунктов, как Пантикапей – столица Боспорского царства, и Танаис – город, расположенный на его северо-восточной периферии[11], в сравнении с результатами исследований подобного рода материалов из причерноморских (прежде всего, Ольвии) и средиземноморских центров.

---

[10] Подробнее: *Bilde P.G., Handberg S.* Ancient Repairs on Pottery from Olbia Pontica // AJA. 2012. Vol. 116. No. 3. P. 462.

[11] Из Пантикапея анализировалась коллекция, собранная в результате многолетних систематических исследований, проводившихся Боспорской экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина в центральной части городища и хранящаяся в фондах этого музея и Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Из Танаиса – предметы, найденные в результате работ, проводившихся на памятнике с 1955 года экспедициями ИИМК и ИА РАН и Археологического музея-заповедника Танаис, и хранящихся в фондах этого музея. Выражаю глубокую признательность В.П. Толстикову и С.М. Ильяшенко за предоставленную возможность работать с этими коллекциями.

Наиболее подробные исследования ремонтов керамических изделий VI–II вв. до н.э. проводились на материалах из Афин[12] и Ольвии[13]. Авторы этих и некоторых других работ выделяют два основных приема ремонта, характерного для античного времени. Во-первых, это использование свинцовых пластин с раздвоенными концами, наподобие «ласточкиного хвоста», вставлявшихся в пропилы поперек линии разлома на поверхности сосуда[14]. Во-вторых, полукруглые или уплощенные свинцовые же скобки, вплавлявшиеся в специально просверленные сквозные отверстия (диаметром от 2 до 5 мм), как с внутренней, так и с внешней стороны, при помощи чего скрепляли и стягивали расколовшийся сосуд или прикрепляли отбитую часть (например, ручку или ножку)[15]. Второй метод был, судя по всему, более популярным в Северном Причерноморье. Если варианты первого встречаются в Ольвии на отдельных сосудах конца VI–V вв. до н.э.[16], то в Пантикапее на керамике того же и более позднего времени, и тем более в Танаисе, зафиксирован исключительно второй способ.

Интересно, что отверстия в сосудах делали не всегда для их ремонта. Так, в Пантикапее на одной из тарелок с рельефным краем и штампованным орнаментом на дне, датирующейся последней четвертью V в. до н.э.[17], сохранились два отверстия, которые нельзя считать последствиями починки, поскольку между ними не было разлома (рис. 3, *2*). Найден только фрагмент сосуда, но часть с отверстиями сохранилась целиком. Возможно, они предназначались для подсоединения крепления для подвешивания сосуда. Подобные примеры известны, в частности, в материалах из Делоса, где они трактовались именно таким образом[18].

Из более чем 1300 чернолаковых сосудов из Пантикапея только 1,2 % несут на себе следы древнего ремонта и около 10,4 % – очевидные следы длительного использования. При сравнении с комплексами из других северопричерноморских центров, прежде всего, Ольвии необходимо отметить, что в столице Боспорского царства процент отремонтированных вещей очень незначителен. В Ольвии он подсчитан наиболее точно для находок чернолаковой керамики и мегарских чаш

---

[12] *Rotroff S.I.* Mended in Antiquity: Repairs to Ceramics at the Athenian Agora // Pottery in the Archaeological Record: Greece and Beyond. Acts of the International Colloquium Held at the Danish and Canadian Institutes in Athens. Aarhus, 2011. P. 117–134; *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 461–481.

[13] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 461–481.

[14] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 463. Fig. 2.

[15] Подробнее см.: *Rotroff S.I.* Op. cit. 121–126; *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. 463–464; *Peña J.T.* Roman Pottery in the Archaeological Record. Cambr., 2007. P. 216, 232–242.

[16] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 468–469.

[17] Аналогия: *Sparkes B.A., Talcott L.* Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. XII. P. 308. Fig. 10. № 1024.

[18] *Laumonier A.* La céramique hellénistique a reliefs. Delos. P., 1977. Vol. 1. P. 116. Pl. 26.

с территории Нижнего города, где он достигает 6,4 %[19]. Однако стоит учесть, что доля отремонтированных мегарских чаш здесь выше, чем простых чернолаковых сосудов синхронного времени (10,2 %), а в Пантикапее значительно ниже (0,5 %)[20]. С учетом этого факта в качестве поправки, разница становится еще более существенной. Для некоторых других причерноморских городов П. Бильде и С. Хендберг приводят статистические данные только по мегарским чашам, из которых следует, что в Херсонесе и его округе ситуация ближе к ольвийской (6,3–6,9 %), а в некоторых городах Европейского Боспора – к пантикапейской (2,1–1,1 %)[21]. Ограниченное количество ремонтов в Пантикапее сходно с Афинами или Олинфом (около 1 %)[22]. Вероятно, это можно объяснить столичным статусом города.

Также, как и в Ольвии, в Пантикапее самые ранние сосуды с ремонтами датируются последними десятилетиями VI – началом V вв. до н.э. Это аттические блюда на высокой ножке. Также, как и в Ольвии[23], чаще ремонтировали открытые сосуды. В Пантикапее это были миски, тарелки и блюда разных типов, а также кубковидный канфар, чаша с внутренним декором (рис. 2, *3*; рис. 3, *1*; рис. 4). Из закрытых сосудов – только лекиф.

Распределение количества отремонтированных чернолаковых изделий по хронологии (табл. 1) из-за очень ограниченного числа таких вещей, не позволяет выявить взаимосвязи между периодами процветания и экономического кризиса с объемами ремонта, как это было сделано для Ольвии[24].

Табл. 1. Количество отремонтированных чернолаковых сосудов из Пантикапея по хронологии

Дата	Общее количество	Количество с ремонтом	% сосудов с ремонтом
Кон. VI – нач. V в. до н.э.	252	3	1,2 %
V в. до н.э.	343	3	0,6 %
IV в. до н.э.	310	5	1,6 %
III в. до н.э.	332	4	1,2 %
II в. до н.э.	82	1	1,3 %
Всего	**1319**	**16**	**1,2 %**

Комплекс чернолаковой керамики из Танаиса состоит из 200 экземпляров, датирующихся III–II вв. до н.э. Причем, подавляющее большинство относится ко второму столетию. Статистика здесь совершенно иная. Сосуды с ремонтом составляют около 9 %, со следами длительного использования – чуть более 50 % всего объема. Это очень

[19] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 465, 467. Tab. 1.
[20] Ibid. P. 470, 473. Tab. 2.
[21] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 473. Tab. 2. При этом необходимо иметь в виду возможность того, что на результаты подсчетов могли повлиять различные критерии отбора материала.
[22] *Rotroff S.I.* Op. cit. P. 118–119.
[23] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 468.
[24] Ibid. P. 467.

разные, но также преимущественно, открытые формы: различные типы мисок, блюд, в том числе, рыбных, тарелки с валикообразным краем, соусница, полусферический кубок и эллинистический пергамский канфар (рис. 5, *1–3, 5*). Из закрытых сосудов отметим только флакон (рис. 5, *4*).

Таким образом, доля отремонтированных чернолаковых изделий существенно превышает показатели не только по Пантикапею и другим городам Европейского Боспора, но и по Ольвии. Наиболее близкими к ним являются данные по керамике из раскопок усадьбы № 6 поселения Панское I – 8,4 % в Северо-Западном Крыму. На основе анализа чернолаковой керамики из этих раскопок, который показывает большой процент отремонтированной посуды, самые поздние даты которой – последнее десятилетие IV в. до н.э., при том, что время разрушения усадьбы, определенное по другим материалам – 270-е гг. до н.э., П. Бильде и С. Хендберг делают выводы о том, что керамика использовалась здесь более четверти века[25]. Вероятно, об аналогичной продолжительности использования столовой посуды мы можем предположительно говорить и для Танаиса, хотя закрытых комплексов, которые могли бы подтвердить эту гипотезу, там пока не выявлено.

Большое количество керамики со следами длительного использования и ремонта в Танаисе по сравнению с другими территориями может объясняться, с одной стороны, удаленностью города от средиземноморских и причерноморских центров эллинской цивилизации, через которые шла поставка керамической продукции в этот регион, с другой – относительно скромными доходами большинства жителей, для которых чернолаковая столовая посуда могла являться в какой-то степени предметом роскоши или показателем состоятельности, а потому береглась и хранилась длительное время. Теми же причинами, по крайней мере, первой из них, на наш взгляд, может объясняться аналогичная ситуация на усадьбе № 6 поселения Панское I, довольно удаленного от центров распределения товаров своего региона (Херсонеса или Ольвии).

Некоторыми исследователями высказывалось предположение о том, что ремонт части случайно разбитых сосудов, мог производиться еще в мастерской до отправления (вместо их отбраковывания)[26], или после прибытия в пункт назначения после перевозки, результатом которой был частичный бой. Во втором случае ремонт проводился в местных мастерских до продажи на места[27]. Первое, на наш взгляд, вызывает некоторые сомнения, однако ни доказать, ни опровергнуть эту гипотезу на рассматриваемом материале невозможно. Второе – вполне вероятный вариант. Однако встает вопрос: могли ли такие сосуды использоваться достаточно долго после этого? Необходимо отметить, что отремонтированные сосуды в исследуемых коллекциях отличаются значительными потертостями поверхности вне зависимости от

---

[25] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 471.
[26] *Rotroff S.I.* Op. cit. 127–128; *Вдовиченко И.И.* Указ. соч. С. 37.
[27] *Bilde P.G., Handberg S.* Op. cit. P. 473–474.

времени их производства и изначального качества лакового покрытия. Причем, изделия, найденные в Танаисе, имеют гораздо более изношенный вид, чем аналогичные вещи из Пантикапея.

О том, что посуду ремонтировали, все-таки, по большей части на местах по прошествии какого-то промежутка времени, свидетельствуют находки кусочков свинца, размер которых позволял использовать их именно для этого. Кроме того, судя по состоянию керамики из Танаиса, здесь основную массу чинили уже после длительного использования, хотя могли покупать некоторое количество уже отремонтированных изделий в целях экономии.

Не все поврежденные сосуды с отбитыми частями подвергались ремонту, но при этом могли использоваться вторично не по прямому назначению. Это более характерно для амфор[28] и менее для столовой керамики, за исключением того, что из небольших ее фрагментов иногда делали лощила или пряслица. В Пантикапее найден интересный экземпляр: фрагментированный аск с уплощенным туловом и вертикальной петлевидной ручкой (рис. 6). Такой тип производили в Аттике с последней трети V до третьей трети IV вв. до н.э.[29] На нем сохранились не только следы длительного использования, но и нагар на внутренней и внешней поверхности отбитого в древности горла. По всей видимости, после повреждения им пользовались как светильником.

Таким образом, можно говорить о том, что более или менее продолжительный срок службы сосудов напрямую зависел от их формы. Кроме того, процент изделий, которые были отремонтированы и использованы дольше обычного, заметно выше в Танаисе, располагавшемся на значительном удалении от столицы Боспорского царства. В совокупности с данными по Северо-Западному Крыму, это ставит вопрос о необходимости учитывать фактор удаленности поселения от центров распределения товаров при датировании его слоев в соответствии с хронологией чернолаковых изделий, разработанной для центров их производства.

Литература:

Азарова В.П. Один из участков пантикапейского некрополя // Археология и история Боспора. Симферополь: Крымиздат, 1962. Том II. С. 321–327.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980. – 268 с.

Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь, 2008. – 352 с.

Внуков С.Ю. Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 161–170.

---

[28] См., напр.: *Егорова Т.В.* Комплекс сельскохозяйственных усадеб в предместье городища «Чайка» // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное). М., 2016. С. 142, 160. Рис. 13; *Внуков С.Ю.* Указ. соч. С. 161–162.

[29] *Sparkes B.A., Talcott L.* Op. cit. P. 158.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. К.: ПТФ, 1999. – 428 с.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП Феникс, 2014. – 284 с.

Егорова Т.В. Комплекс сельскохозяйственных усадеб в предместье городища «Чайка» // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное). М., 2016. С. 136–163.

Егорова Т.В. Некоторые аспекты аттического чернолакового импорта на Боспор в VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2018. Ч. 2. С. 127–132.

Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. 1998. Вып. 102. С. 52–60.

Кац В.И., Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю. Новый керамический комплекс раннеэллинистического времени с Фонталовского полуострова // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 117–118.

Масленников А.А. Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-западное (юго-западный склон) // ДБ. 2010. Т. 14. С. 373–396.

Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // АМА. 1990. Вып. 8. С. 122–151.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов, 2016. – 222 с.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 2017. – 208 с.

Сапрыкин С.Ю., Внуков С.Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015. № 2. С. 98–119.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глинное // Археологические памятники Приднестровья. Вып. III. Тирасполь: Stratum plus, 2016. – 1096 с.

Bilde P.G., Handberg S. Ancient Repairs on Pottery from Olbia Pontica // AJA. 2012. Vol. 116. No. 3. P. 461–481.

Boardman J. The History of Greek Vases. L.: thames and Hudson Ltd., 2001. – 320 p.

Laumonier A. La céramique hellénistique a reliefs. Delos. P.: De Boccard, 1977. Vol. 1. – 519 p., 134 pl.

Peña J.T. Roman Pottery in the Archaeological Record. Cambr.: Cambridge University Press, 2007. – 432 p.

Rotroff S.I. Mended in Antiquity: Repairs to Ceramics at the Athenian Agora // Pottery in the Archaeological Record: Greece and Beyond. Acts of the International Colloquium Held at the Danish and Canadian Institutes in Athens. Aarhus, 2011.

Sparkes B.A. Greek Pottery. An introduction. Manchester, N. Y.: Manchester University Press, 1991. – 186 p.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. XII.

Рис. 1. Керамика со следами длительного использования:
1 – миска с выпукло-вогнутым профилем (М96, № 194);
2 – ручка эллинистического канфара (Т63, № 69); *3* – ручка классического канфара (Т56, № 102); *4* – миниатюрная миска (М03, № 168); *5* – солонка на кольцевом поддоне (М97, № 97); *6* – венчик классического канфара (Т98, № 134); *7* – классический канфар (М96, № 25)

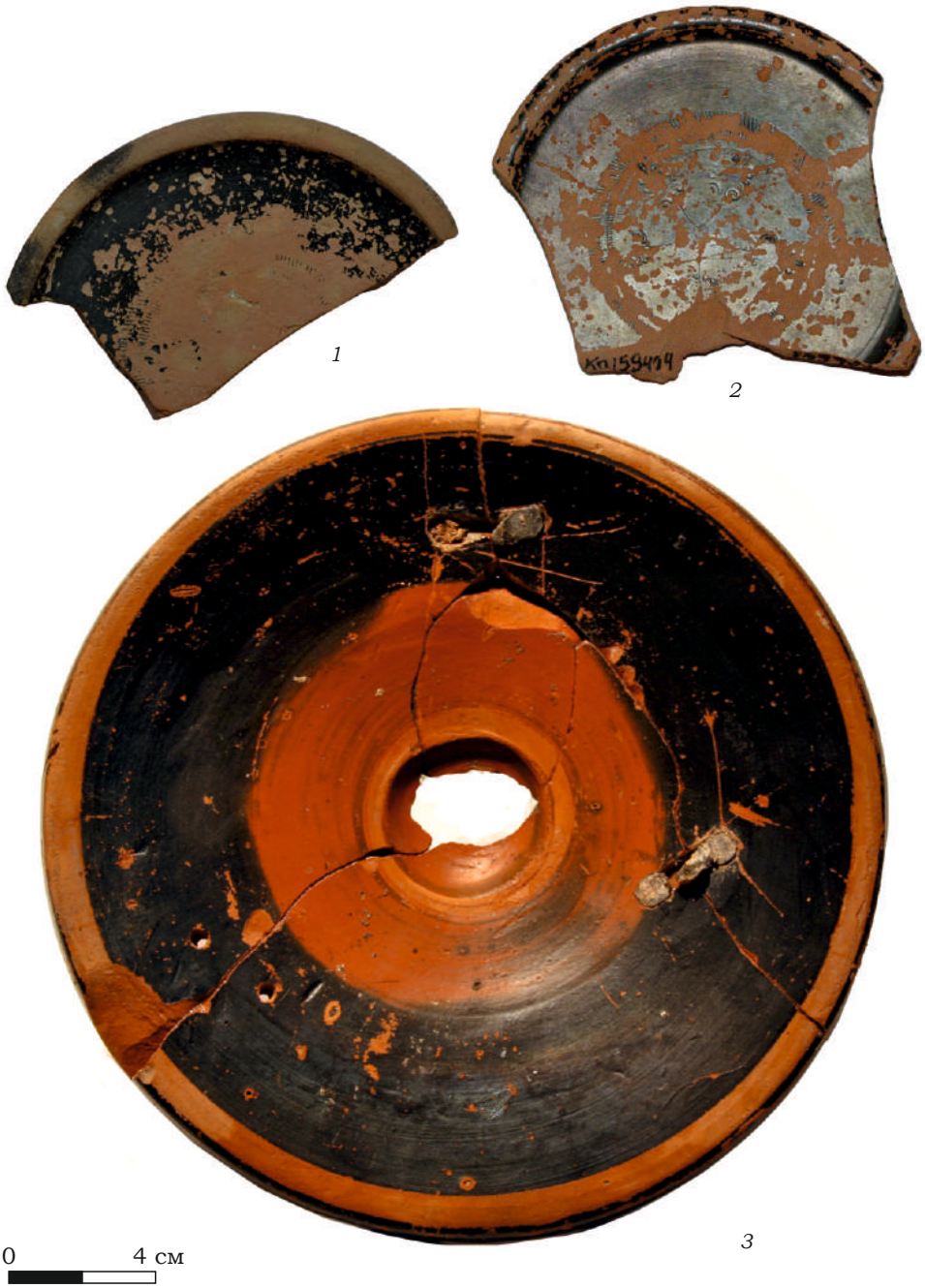


Рис. 2. Керамика со следами длительного использования и ремонта:
1, 2 – тарелки с валикообразным краем (М99, № 112; М05, № 45);
3 – рыбное блюдо (М09, № 117)

Рис. 3. Керамика со следами длительного использования и ремонта:
1 – нижняя часть классического канфара со свинцовой скобкой (М74, № 233);
2 – фрагмент тарелки с рельефным краем с отверстиями для подвешивания (М70, № 44)

Рис. 4. Керамика со следами ремонта из Пантикапея: *1* – полусферическая чаша с внутренним декором (М95, № 350); *2* – чашевидный канфар (М98, № 106); *3* – миска с загнутым внутрь краем (М99, № 84)

Рис. 5. Керамика со следами ремонта из Танаиса: *1, 2* – миски с загнутым внутрь краем (Т56, № 619; Т12, № 342); *3* – фрагмент миски с отогнутым наружу краем (Т73, № 925); *4* – фрагменты флакона (Т60, № 98); *5* – фрагмент блюда (Т68, № 192)

1

Рис. 6. Керамика со следами длительного использования из Пантикапея:
1 – фрагментированный аск (М96, № 238)

Р.В. Стоянов

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ М26 В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

«Время костер угасить; вином оросите багряным
Все пространство, где пламень пылал…»
Hom. *Iliad.*XXIII, 235 (пер. Н.И. Гнедича)

Аннотация: статья посвящена публикации и анализу керамического комплекса могилы М26, открытой в эллинистическом некрополе Херсонеса Таврического во время раскопок, проводившихся в 1963 г. под руководством А.Н. Щеглова (рис. 1). Участок находился на восточном склоне Песочной бухты, вдоль дороги, ведущей к Западным городским воротам (рис. 2).

При разборе золистого пятна, относящегося к могиле М26, было собрано 3015 обломков столовых и кухонных сосудов (табл. I–III). Наибольшую часть в комплексе составляют обломки чернолаковой керамики: рыбных блюд, солонок, чаш и канфаров (рис. 3–5). К простой кружальной керамике относятся кухонные и столовые сосуды: лопадионы, кувшины и тарелки (рис. 6). Общее количество сосудов из комплекса можно приблизительно оценить в 90–130 целых экземпляров. Анализ типов и форм позволяет датировать комплекс в пределах конца IV – третьей четверти III вв. до н.э.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, некрополь, кремация, комплекс керамики.

Abstract: the article presents the publication and a comprehensive analysis of pottery finds from the burial M26 and a ritual fireplace, connected to it. The burial was investigated in the Hellenistic necropolis of Tauric Chersonese during the excavations, conducted of A.N. Ščeglov in 1963 (fig. 1). The site located on the Eastern slope of Pesochnaya Bay, along the ancient road leading to the Western city gate (Fig. 2).

Most of the ceramic debris was collected from the ritual fireplace and the burial M26. There were 3015 ceramic fragments in total (tabls. I–III). The largest part of the pottery fragments in the assemblage presented by Black-glazed tableware: fish plates, saltcellars, bowls (figs. 3–5). Plane wares: lopadions, jugs and plates (fig. 6). The total amount of 90–130 whole vessels might be estimated at the assemblage. Analysis of the types and forms allows dating the assemblage within the end of IV – third quarter of III c. BC.

Key words: Tauric Chersonese, necropolis, ritual fireplace, pottery assemblage.

Особенность керамического комплекса захоронения, совершенного по обряду кремации в эллинистическом некрополе Херсонеса Таврического, заключается не только в сохранности и составе, но и в том, что он был методично раскопан, изучен и документирован А.Н. Щегловым (рис. 1), светлой памяти которого автор посвящает эту статью.

Участок эллинистического некрополя, исследованный в марте 1963 г., находится в границах т.н. Западного некрополя Херсонеса Таврического в нескольких сотнях метров от территорий раскопок 1894–1895, 1975, 1981–1988 гг.[1] Этот район был занят городским некрополем со второй половины IV в. до н.э., и его использование продолжалось вплоть до конца IV в. Могилы располагались рядами вдоль восточного склона Песочной бухты и дороги, ведущей к западным городским воротам Херсонеса[2]. Захоронения были открыты во время строительных работ. Дирекция Херсонесского музея поручила проведение раскопок Л.Г. Колесниковой и А.Н. Щеглову. Всего на участке было открыто 56 захоронений.

Наибольшее количество керамических обломков было собрано при разборе золистого пятна, относящегося к кремации и погребению в могиле М26. Пятно кремации имело вид овала 2,3×1,4 м, вытянутого с юго-запада на северо-восток (рис. 2). Толщина прослойки, состоявшей из перемешанной с грунтом золы, составляла 0,5–3 см. Поверхность почвы под пятном имела видимые следы термического воздействия. При разборе заполнения пятна был собран многочисленный органический материал: древесные угли, фрагменты кальцинированных костей животных, фрагменты костей и зубы человека, обломки раковин черноморских мидий (Mytilus galloprovincialis). Все находки имели следы термического воздействия. Структура заполнения могильных ям и пятен была аналогичной.

Кроме этого, здесь были найдены многочисленные обломки тонкостенных столовых сосудов (всего 3015 фрагментов), подавляющее большинство которых принадлежало чернолаковой столовой керамике - 2667 экз. Оставшуюся часть составляли обломки столовых сосудов без покрытия - 348 фр. Процентные показатели типов керамики представлены в диаграмме (табл. I)[3].

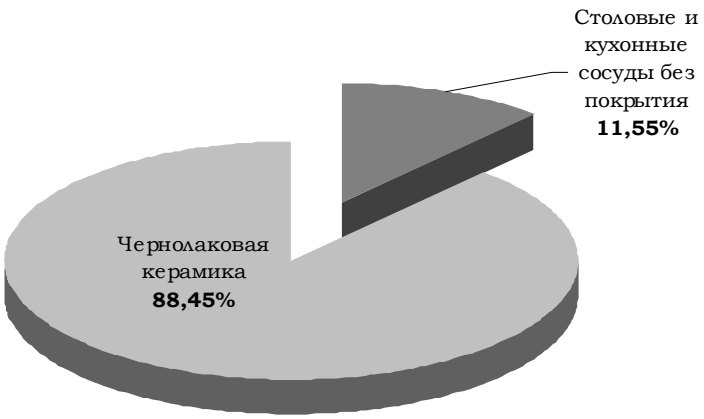
---

[1] Западный некрополь — понятие, введённое Г.Д. Беловым (*Белов Г.Д.* Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 45 сл.) и широко используемое в отечественной историографии условное наименование части херсонесского некрополя, расположенного к западу от городских оборонительных стен. Подробнее о раскопках других участков Западного некрополя см.: Производство археологических раскопок в Таврической губернии // ОАК за 1894. СПб., 1896. С. 3–5; Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. СПб., 1896. С. 62–76; Отчёт К.К. Косцюшко-Валюжинича о его раскопках в Херсонесе // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 174; Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича // ОАК за 1895 СПб., 1897. С. 105–116; *Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А.* Западный некрополь Херсонеса (материалы раскопок 1983–85 гг.); Погребальные сооружения и обряд. К., 1989; *они же.* Западный некрополь Херсонеса (материалы раскопок 1983–85 г.г.); Отдельные категории материальной культуры. К., 1989; *они же.* Западный некрополь Херсонеса. Материалы и исследования. К., 1990.

[2] *Белов Г.Д.* Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи... С. 45–67.

[3] №№ 68–2896 полевой описи (Некрополь у Песочной бухты, раскопки 1963 г. Арх. ГХМ. Д. 848).

Табл. I. Соотношение типов керамики в погребальном комплексе М26



Подавляющее большинство находок – 2068 из 3015 экз. – составляли фрагменты стенок. Классификация остальных 947 обломков по типу и формам сосудов представлена в табл. II.

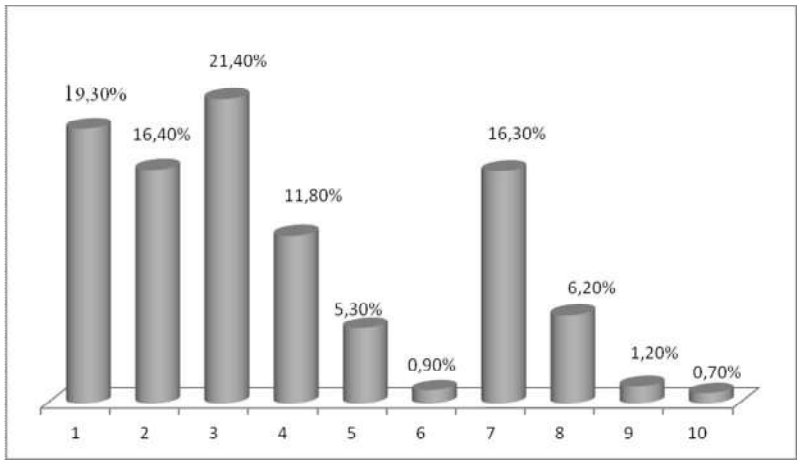
Табл. II. Классификация состава керамики из комплекса М26 по типам и форме сосудов

Форма сосуда	**Количество обломков**
Чернолаковая керамика	
1. Солонки	183
2. Чаши	156
3. Рыбные блюда	203
4. Канфары	112
5. Гуттусы	51
6. Тарелки	9
Столовая и кухонная керамика без покрытия	
7. Лопадионы	155
8. Красноглиняные кувшины	59
9. Светильники	12
10. Тарелки	7
Всего	*947*

В табл. III представлена диаграмма, иллюстрирующая процентное соотношение обломков различных форм сосудов в комплексе слоя кремации и могилы 26.

Данные диаграммы указывают, что наибольший процент в комплексе составляют обломки сосудов для твёрдой пищи и специй: рыбные блюда (21,4 %), небольшие чашечки (19,3 %), лопадионы (16,3 %). Чаши (16,4 %) могли использоваться как для твёрдой пищи, так и для жидкостей, наряду с канфарами (11,8 %).

Табл. III. Соотношение форм сосудов в комплексе M26



А.Н. Щеглов указывал, что наибольший показатель обломков рыбных блюд в комплексе связан с тем, что они могли быть легче идентифицированы по сравнению с массой других обломков. Он предполагал, что реальное число рыбных блюд должно было бы занимать место между чашами и солонками, с одной стороны, и канфарами – с другой (т.е. между 3 и 4 группами диаграммы).

Перейдем к рассмотрению отдельных типов и форм сосудов, входящих в рассматриваемый комплекс (см. прил. I). Группу чернолаковых сосудов составляют столовые и косметические сосуды с чернолаковым или имитирующим чёрный лак покрытием. Как известно, под «чёрным лаком» традиционно понимается состав на основе окислов железа с вариативными характеристиками цвета и плотности.

Единственным образцом краснофигурной росписи является фрагментированная крышка аттической *леканы* (рис. 3, *411*[4]). Отогнутый край украшен поясом овов и жемчужника, выполненный в технике, типичной для середины IV в. до н.э.[5]

Четыре обломка венцов (рис. 3, *624–627*) с характерными валикообразными выступами (molded rim), принадлежали классическим канфарам или канфарам с высокими, петлевидными ручками (Cup-kantharos). Обломки стенки с нижними прилепами ручек (рис. 3, *553*) и обломки прямых, отогнутых венцов (рис. 3, *554–558; 623*)[6], найденные в этом же комплексе, относились к сосудам типа Cup-kantharos, производившимся

[4] В скобках указаны номера сосудов, соответствующие нумерации находок в Полевой описи. Под этими же номерами они представлены в Каталоге находок (прил. I).

[5] *Moore M.B.* Attik Red-figured and White-ground pottery // The Athenian Agora. 1997. Vol. XXX. Nr. 1019.

[6] Семь обломков от венца подобного типа были найдены в комплексе M28–M29 (2964–2970).

в пределах третьей четверти IV – начала III вв. до н.э.[7] По всей видимости, упомянутым сосудам принадлежали нижние части на профилированных поддонах (рис. 3, *633–635*).

Наиболее ранний экземпляр (рис. 4, *229*) эллинистического *рыбного блюда* имеет широкий, вертикально отогнутый край с неглубоким вместилищем. Серия обломков краев (рис. 4, *227, 228*) и днищ (рис. 4, *230–232*) рыбных блюд имеют форму, характерную для аттических блюд, производимых в пределах трёх первых четвертей III в. до н.э.[8]

Тарелки с загнутым внутрь валикоообразным краем (Rolled rim) представлены многочисленными обломками (рис. 4, *644–652, 653*), форма которых имеет аналогии среди аттических тарелок конца IV – начала III в. до н.э.[9]

Одноручные аттические *чаши* (One–handler) с прямым, срезанным внутрь краем (рис. 5, *416, 430*) производились в пределах последней четверти IV в. до н.э. Обломки чаш с отогнутыми краями (рис. 5, *422, 419*) относятся к аттическим чашам и малым чашам, датируемым в пределах конца IV – начала III вв. до н.э.[10] Сохранность не позволяет уверенно установить принадлежность обломков доньев (рис. 5, *194, 512*), которые могли принадлежать чашам, мискам или тарелкам IV–III вв. до н.э.

К аттическим *солонкам* относятся сосуды с загнутыми внутрь краями на кольцевых поддонах, относящиеся к подтипу footed. Наиболее ранние экземпляры (рис. 4, *75, 77*) относятся к концу IV в. до н.э.[11] Другая солонка (рис. 4, *76*) датируется в пределах первой четверти указанного столетия[12]. К этому же типу относятся и обломки загнутых внутрь краёв (рис. 4, *82–88*) и дна (рис. 4, *197*). Как отмечает С. Ротрофф, солонки этого типа не производились позже середины III в. до н.э.[13]

К чашечкам подтипа broad base относится один целый экземпляр (рис. 4, *78*) и обломок днища (рис. 4, *189*). По многочисленным аналогиям они датируются началом III в. до н.э.[14]

Эллинистическим чернолаковым гуттусам классического или эллинистического типов принадлежали обломки ручек (рис. 5, *636–642*), а также венец (рис. 5, *665*). К сожалению, сохранность не позволяет датировать эти находки точнее, чем в пределах второй половины IV–III вв. до н.э. Как известно, чернолаковые гуттусы подобной формы использовались для ароматических масел[15]. Исходя из того, что их обломки были найдены исключительно в комплексах, определённых А.Н. Щегловым как остатки кремаций, можно предположить, что они использовались при совершении трупосожжений, заменив лекифы.

---

[7] *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material // The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX (1-2). P. 85.

[8] Ibid. Cat. 719–730.

[9] Ibid. Cat. 650–656.

[10] Ibid. Cat. 856; 858–859, 861–865. P. 155–156.

[11] Ibid. Cat. 1075–1079.

[12] Ibid. Cat. 1082.

[13] Ibid. Cat. 1075–1089. P. 167.

[14] Ibid. Cat. 1054–1054. P. 165.

[15] Ibid. Cat. 1140–1151. P. 173–174.

Обломки нижней части (рис. 5, *654*) и венца (рис. 5, *667*), принадлежали аттическому чернолаковому *унгвентарию,* относившемуся к сравнительно немногочисленной группе т.н. унгвентариев Западного склона (West Slope unguentaria), датируемых в пределах середины – последней четверти III в. до н.э.[16]

Погребальная урна-гидрия (рис. 5, *68*) отличалась профилированным венцом и плотно прижатыми к тулову боковыми ручками. Сосуд был изготовлен из рыхлой глины розоватого оттенка и имел более толстые стенки по сравнению с вышеописанными гидриями. Поверхность урны была покрыта белым ангобом. А.Н. Щеглов предполагал, что она была изготовлена в Херсонесе[17]. Аналогичные урны были найдены при раскопках некрополя К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х. Лепером[18]. Слабый и неравномерный обжиг поверхности сосудов, а также наличие сероватобелого гипсового покрытия указывают на то, что они были изготовлены для погребальных целей.

Столовые красноглиняные кувшины представлены профильным обломком венца с частью горла (рис. 5, *2809*). Форма позволяет предположить, что обломок принадлежал двуручному кувшину с приземистым туловом, близкому к группе Mushroom Jugs, относящейся к коринфской продукции последней четверти IV в. до н.э.[19] Кувшины этого типа хорошо известны по материалом комплексов IV–III в. до н.э. Херсонеса и хоры[20]. Массивность и округлость формы, характерные для рассматриваемого типа, встречаются у кувшинов, известных по материалам комплексов III вв. до н.э.[21] В описи упомянуты ещё два обломка верхних частей, 2 ручки, 3 днища и 52 обломка стенок от красноглиняных кувшинов, к сожалению, не сохранившихся[22]. Судя по профильным частям, в комплексе М26 было найдено не менее трёх красноглиняных кувшинов.

---

[16] *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery… 1997… Cat. 1172. P. 178.

[17] *Щеглов А.Н.* Некрополь у Песочной бухты… Рис. 3, *10–11*. Вопрос о месте изготовления этих и некоторых других из рассматриваемых здесь сосудов, может быть решён после детального изучения глины этих сосудов и сопоставления её характеристик с тестом херсонесских амфор (– Р.С.).

[18] Фонды ГХМ, инв. №№ 31.131, 3256, 4564/09, 815/10, 329/11, 3907/13.

[19] *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery: The Plain Wares // The Athenian Agora. 2006. Vol. XXXIII (1-2). P. 72–73.

[20] *Kašaev S.V.* Table ware // Panskoe I. The monumental building U 6 / *L. Hannestad, V.F. Stolba , A.N. Ščeglov* (eds.). AIWC. Vol. 1 (1-2). Aarhus, 2002. P. 152, C16; *Ushakov S., Tiurin M., Lesnaya E.* The new Hellenistic assemblages from the North-East district of Tauric Chersonesos // Traditions and Innovations: Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods / *S. Japp, P. Kögler* (eds). Wien, 2016. Fig. 4, *3*.

[21] *Berlin A.M., Stone P.J.* The Hellenistic and Early Roman Pottery // *Hartal M., Suon D. et all.* 'Akko II: the 1991–1998 excavations: the early periods. IAA. Reports 60. Jerusalem, 2016. Fig. 9.6: 13. P. 151; *Guz-Zilberstein B.* The Typology of the Hellenistic Coarse Ware and Selected Loci of the Hellenistic and Roman Periods // Excavations at Dor, final report I B, Areas A and C: the finds (QR 1995 (2)) / E. Stern (ed.). Jerusalem, 1995. P. 309, 380. Fig. 6.31, *2*.

[22] Некрополь у Песочной бухты, раскопки 1963 г. Арх. ГХМ. Д. 848. № 2807–2808, 2865–2866, 2862–2864, 2810–2861.

Лопасы, или лопадионы (lopas, lopadion), – небольшие кастрюльки с крышками и небольшой вертикальной, петлеобразной ручкой, расположенной под венцом (рис. 6). Для лопадионов характерны сравнительно небольшие размеры. Количество и форма ручек могут варьироваться, известны экземпляры без ручек. По сравнению с другими типами кухонных сосудов, они производились на протяжении сравнительно небольшого периода и были менее распространены, чем другие типы кастрюль. Форма и пропорции херсонесских сосудов наиболее близки группе лопадионов, происходящим из тризн и кремаций афинского некрополя. Производство этих сосудов в Аттике охватывает сравнительно непродолжительный период – с последней четверти IV до второй четверти III в. до н.э. То обстоятельство, что они были найдены в комплексах кремаций, позволило С. Ротроф предположить, что такие сосуды использовались исключительно в погребальном обряде[23].

В других регионах похожие сосуды известны по материалам хозяйственных комплексов, датируемых более поздним временем. Аналогичные сосуды известны в комплексах кремаций некрополя Аполлонии Понтийской, датирующихся ок. 330–310 гг. до н.э.[24] Небольшие кастрюльки с венцами 6–9 см в диаметре, датируемые III–II вв. до н.э., известны по материалам раскопок эллинистических слоёв Доры[25].

Проведённый анализ типов и форм сосудов из погребального комплекса М26 позволяет датировать его в пределах конца IV – третьей четверти III вв. до н.э. Наибольшую часть в комплексе составляют обломки чернолаковых столовых сосудов: рыбных блюд, солонок и чаш, а также канфаров и канфаровидных киликов. К простой кружальной керамике относятся кухонные, столовые и косметические сосуды: лопадионы, кувшины, тарелки и унгвентарии. Общий объем керамики из комплекса можно приблизительно оценить в 90–130 целых сосудов.

Приложение I.
Каталог керамики из погребального комплекса М26[26]

Гидрия

68. М26 ГХМ № 28/36590. Фрагментированная плоскодонная гидрия. Тулово овоидное без четкого членения, горло низкое, венец узкий, треугольный в сечении, отогнут наружу. Глина красноватая (10R

---

[23] Напр.: *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery… 1997… Cat. 1490; *Damyanov M.* Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (excavations 2005) // Nessebar. Proceedings of the international conference “Ancient Greek necropolies along the Black Sea coast”. Nessebar, October 4–7, 2012 / P. Kiyashkina, M. Damyanov, A. Bozkova, P. Delev (eds.). Veliko Tarnovo, 2017. Fig. 8, *18–19*; *Berlin A.M.* Hellenistic Period // The ancient pottery of Israel and its neighbors from Iron Age to Hellenistic Period. Vol. 2 / S. Gitin (ed.) Jerusalem, 2015. Pl. 6.1.9.

[24] *Damyanov M.* Op. cit. Fig. 8, *16–19*.

[25] *Guz-Zilberstein B.* Op. cit. P. 300. Fig. 6.21, *10–13*.

[26] Номера сосудов соответствуют нумерации полевой описи и таблиц иллюстраций. Описания сосудов представлены в порядке их упоминаний в статье.

7/6[27]) с белыми включениями. На поверхности следы гипсовой обмазки. H 30 см, D тулова 23 см.

Крышка леканы

411. M26 ГХМ № 49/36590. Обломки (7 шт.) отогнутого вниз бортика краснофигурной крышки леканы. D рек. 22,3 см. Отогнутый край украшен поясом овов, выполненных в краснофигурной технике[28].

Канфары

553. M26 ГХМ № 57/36590. Обломок тулова (из 11 частей) чернолакового канфара. Тип: Cup-kantharos. D 7,6 см. Лак тусклый (GLEY1 6/10Y).

554–568. M26 ГХМ № 58/36590. Обломки прямых, выгнутых в профиле венцов чернолаковых канфаров (15 шт). Тип: Classical Kantharos или Cup-kantharos: plain rim. D 9 см.

623. M26. Фрагмент края (из 2 обломков) чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos or Cup-kantharos: plain rim. Лак тусклый (GLEY1 4/N). D 10,5 см.

624. M26 ГХМ № 59/36590. Обломок края чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos: molded rim. D 10 см.

625. M26 ГХМ № 60/36590. Обломок края чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos: molded rim. D 8,2 см.

626. M26. Обломок края чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos: molded rim. D 10,8.

627. M26. Обломок края чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos: molded rim. D 10,3.

633. M26 ГХМ № 61/36590. Обломок профилированного дна чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos или Cup-kantharos. D 3,5 см. Лак тусклый (GLEY1 5/N).

634. M26 ГХМ № 62/36590. Обломок профилированного дна чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos or Cup-kantharos. D 5,5 см. Лак коричневатого оттенка (2,5YR 2,5/3).

635. M26 ГХМ № 63/36590. Обломок дна чернолакового канфара. Тип: Classical Kantharos или Cup-kantharos. D 5,2 см.

Рыбные блюда

227. M26 ГХМ № 41/36590. Обломок (из 2 частей) края чернолакового рыбного блюда. D 25 см. Лак тусклый (GLEY1 7/N).

228. M26 ГХМ № 42/36590. Обломок края чернолакового рыбного блюда (3 ед.). D 25,5 см. Лак тусклый с коричневатым оттенком (10R 4/1).

229. M26 ГХМ № 43/36590. Обломок края чернолакового рыбного блюда (3 ед.). D 26,8 см. Лак тусклый (GLEY2 5/10BG).

---

[27] Здесь и далее цвета указаны по Munsell® Soil Color Charts.

[28] Здесь и далее при описании аттических сосудов характеристики глины не указываются.

230. М26 ГХМ № 44/36590. Обломки (2 ед.) дна чернолакового рыбного блюда. D рек. 12 см. Лак тусклый (GLEY2 6/10G).

231. М26 ГХМ № 45/36590. Обломки (3 ед.) дна чернолакового рыбного блюда. D рек. 9,1 см. Лак тусклый (GLEY2 6/10G).

232. М26 ГХМ № 46/36590. Обломки (3 ед.) дна чернолакового рыбного блюда. D рек. 10,4 см. Лак тусклый, местами не сохранился (GLEY2 5/10BG).

409. М26 ГХМ № 47/36590. Обломок края чернолакового рыбного блюда. D 21 см.

Тарелки

644–652. М26 ГХМ № 65/36590. Обломки (9 ед.) края чернолаковой тарелки. Валикообразный, загнутый внутрь край. Тип rolled rim. D рек. 19 см. Лак тусклый, с коричневатым оттенком (10R 5/6).

653. М26. Обломок тарелки. Тип тот же, что 644–652. D рек. 19 см. Лак коричневый, хорошего качества (10R 3/6).

Чаши и солонки

27. М19–20 ГХМ № 15/36590. Чернолаковая солонка на кольцевом поддоне, с загнутым внутрь краем. Покрыта тусклым черным лаком (GLEY1 5/5G). Тип: saltcellar footed. H 2,7 см, D 6,8 см.

32–33. М19–20. Обломок дна чернолаковой чаши на кольцевом поддоне (2 ед.). Покрытие бурого оттенка (5YR 4/2). D поддона 6 см.

34. М19–20. Обломок дна чернолаковой чаши на кольцевом поддоне. Покрытие бурого оттенка (5YR 4/3). D поддона 5,9 см.

35. М19–20. Обломок дна чернолаковой чаши на кольцевом поддоне. Покрытие тусклое (5YR 6/1). D поддона 5,9 см.

63. М26 ГХМ № 23/36590. Чаша на кольцевом профилированном поддоне. Венец остроребёрный, слегка отогнут наружу. Тип: bowl: outturned rim. Покрыта лаком коричневого цвета (2,5YR 5/8) с черными пятнами (2,5YR 5/1). D венца 9,5 см, H 3,1 см, D дна 4,3 см.

75. М26 ГХМ № 32/36590. Солонка чернолаковая, фрагментированная (из 6 обломков), на кольцевой подставке; край загнут во внутрь. Тип: saltcellar footed. H 3,8 см, D 7,0 см. Покрыта тусклым лаком с коричневым оттенком (10R 4/4).

76. М26 ГХМ № 33/36590. Солонка чернолаковая. Тип тот же, что и 75. H 3,4 см, D 8,0 см. Лак тусклый (GLEY2 4/10G), местами не сохранился.

77. М26 ГХМ № 34/36590. Солонка чернолаковая, фрагментированная (из 4 обломков). Тип тот же, что и 75,76. H 3,2 см, D 6,8 см. Лак с матовым металлическим блеском (GLEY1 3/10Y), на внутренней поверхности – с коричневым оттенком; местами не сохранился.

78. М26 ГХМ № 35/36590. Обломок чашечки, на широком кольцевом поддоне; край загнут вовнутрь. Тип: small bowl: broad base. Лак тусклый (GLEY1 4/10Y), местами не сохранился. H 2,6 см, D 8,5 см.

82. М26. Обломок края чернолаковой солонки с загнутым внутрь краем (3 ед.). Тип: small bowl: broad base. Лак тусклый (GLEY1 5/10Y). D 10 см.

83. М26. Обломки края чернолаковой солонки с загнутым внутрь краем (2 ед.). Тип: saltcellar. Лак тусклый (GLEY1 4/5GY), плохо сохранился. D 5,9 см.

84. М26. Обломки края чернолаковой солонки с загнутым внутрь краем (saltcellar) – 2 шт. D 6,9 см. Лак тусклый, плохо сохранился.

85. М26. Обломок края чернолаковой солонки. Тип тот же, что 85.

86. М26. Обломок края чернолаковой солонки. Тип: saltcellar. D рек. 5,9 см.

87. М26. Обломок края чернолаковой солонки. Тип: saltcellar. D рек. 5 см.

88. М26. Обломок края чернолаковой солонки. Тип: saltcellar. D рек. 5,9 см.

189. М26. Обломок дна чернолаковой чашечки. Тип: Тип: small bowl. D 7,9 см.

194. М26 ГХМ № 37/36590. Обломок дна чернолаковой чаши с широким кольцевым поддоном. D 6,2 см.

197. М26 ГХМ № 38/36590. Обломок дна чернолаковой чашечки на узком кольцевом профилированном поддоне. D 5 см.

202–204. М26 ГХМ № 39/36590. Обломки дна чернолаковой чаши на кольцевом поддоне. D 6 см.

416. М26 ГХМ № 52/36590. Обломок края чернолаковой одноручной чаши (16 ед.). Край слегка срезан вовнутрь. Лак тусклый (GLEY1 4/N). D 11,4 см.

419. М26 ГХМ № 52/36590. Обломок края чернолаковой чаши. Покрытие тусклое, бурого оттенка (2,5YR 3/1). D 19 см.

430. М26 ГХМ № 53/36590. Обломок края одноручной чаши (5 ед.). D 15 см.

512. М26 ГХМ № 56/36590. Обломок дна чернолаковой чаши на высоком кольцевом профилированном поддоне. Лак тусклый (GLEY2 4/10B). D 5,7 см.

515–523. М26 Бн/515–. Обломок чернолаковой чаши на кольцевом (521–523) и кольцевом профилированном (515–520) поддоне (8 ед.). Лак тусклый (GLEY2 4/5BG– GLEY2 5/5DG). D поддона: 4 см (515), 6,8 см (516), 5,5 см (517), 6,2 см (518), 6,1 см (519), 5,8 см (520), 6,4 см (521), 5,9 см (522), 5,5 см (523).

Гуттусы

636. М26 ГХМ № 64/36590. Кольцеобразная плоская ручка гуттуса, профилированная двумя продольными бороздками (из 3 обломков). Покрыта коричневым лаком (10YR 4/4).

637–638. М26. Обломки (2 ед.) кольцеобразных плоских ручек от чернолаковых гуттусов. Лак тусклый (GLEY2 4/10G).

665. М26 НЗХТ № 68/36590 Обломок венца чернолакового гуттуса. Лак тусклый (GLEY2 4/10G). D рек. 5 см.

Унгвентарии

654. М26 ГХМ № 66/36590. Фрагмент (из 2 обломков) нижней части чернолакового унгвентария на тонком кольцевом профилированном поддоне. Лак графитового оттенка (GLEY2 4/5B). D 3,3 см.

667. М26 ГХМ 68/36590. Обломок венца чернолакового унгвентария, тот же сосуд, что и 654. D рек. 4,5 см.

65. М23 ГХМ № 25/36590. Унгвентарий красноглиняный (2,5YR 6/8). Тулово яйцевидное, поддон плоский. На тулове следы светло-серого ангоба; горизонтальные красные пояски на плечиках. H 8,3 см, H горла 3,8 см, D тулова 4 см, D дна 2,2 см.

Кувшин

2808. М26 ГХМ № 92/36590. Обломок профилированного венца столового кувшина. Глина красновато-оранжевого цвета (7,5YR 6/8). D 12 см.

Лопадионы

48. М19–20 ГХМ № 18/36590. Лопадион (5YR 8/3). Обломок края. D 15 см.

2661. М26 ГХМ № 72/36590. Обломок центральной части крышки лопадиона (5YR 8/4). Ручка шишковидная. H сохр. 1,7 см.

2662. М26 ГХМ № 73/36590. Обломок центральной части крышки светлоглиняного (5YR 8/4) лопадиона. Ручка дисковидная, полая внутри. D рек. 11 см, H рек. 2,5 см.

2675. М26 ГХМ № 75/36590. Фрагментированная крышка от светлоглиняного (5YR 8/3) лопадиона (из 12 фрагментов). Ручка дисковидная, полая внутри. H рек. 2,5 см, D 10–11 см.

2729. М26 ГХМ № 78/36590. Обломок венчика светлоглиняного (7,5YR 8/3) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 12 см.

2730. М26 ГХМ № 79/36590. Обломок венчика светлоглиняного (7,5YR 8/3) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 12,4 см.

2731. М26 ГХМ № 80/36590. Обломок венчика светлоглиняного (7,5YR 8/4) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 12,7см.

2732. М26 ГХМ № 81/36590. Обломок венчика светлоглиняного (5YR 7/3) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 12 см.

2733. М26 ГХМ № 82/36590. Обломок венчика светлоглиняного (7,5YR 8/2) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 10,4 см.

2734. М26 ГХМ № 83/36590. Обломок венчика светлоглиняного (5YR 8/4) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 13 см.

2735. М26 ГХМ № 84/36590. Обломок венчика светлоглиняного (10 YR 8/3) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 12,7 см.

2736. М26 ГХМ № 85/36590. Обломок венчика светлоглиняного (10 YR 8/4) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 11,6 см.

2737. М26 ГХМ № 86/36590. Обломок венчика светлоглиняного (10 YR 8/3) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 11,9 см.

2738. М26 ГХМ № 87/36590. Обломок венчика светлоглиняного (7,5 YR 8/3) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 14 см.

2739. М26 ГХМ № 88/36590. Обломок венчика светлоглиняного (10 YR 8/4) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 13,8 см.

2740. М26 ГХМ № 89/36590. Обломок венчика светлоглиняного (5 YR 8/3) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 13 см.

2741. М26 ГХМ № 90/36590. Обломок венчика светлоглиняного (7,5 YR 8/6) лопадиона с закраиной для крышки. D рек. 12,3 см.

Литература:

Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 45–66.

Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса (материалы раскопок 1983–85 гг.). Погребальные сооружения и обряд. К., 1989. – 47 с.

Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса (материалы раскопок 1983–85 гг.). Отдельные категории материальной культуры. К., 1989. – 43 с.

Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса. Материалы и исследования. К., 1990. – 32 с.

Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894 (1896). С. 51–76.

Отчёт К.К. Косцюшко-Валюжинича о его раскопках в Херсонесе // ОАК за 1896 г. (1898).

Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича // ОАК за 1895 (1897). С. 87–116.

Производство археологических раскопок в Таврической губернии // ОАК за 1894 (1896).

Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 109–116.

Berlin A.M. Hellenistic Period // The ancient pottery of Israel and its neighbors from Iron Age to Hellenistic Period / S. Gitin (ed.) Jerusalem, 2015. Vol. 2.

Berlin A.M., Stone P.J. The Hellenistic and Early Roman Pottery // Hartal M., Syon D., Stern E., Tatcher A., Berlin A. 'Akko II: the 1991–1998 excavations: the early periods. IAA. Reports 60. Jerusalem, 2016. P. 133–202.

Damyanov M. Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (excavations 2005) // P. Kiyashkina, M. Damyanov, A. Bozkova, P. Delev (eds.). Nessebar. Proceedings of the international conference «Ancient Greek necropolies along the Black Sea coast». Nessebar, October 4–7, 2012. Veliko Tarnovo, 2017. P. 86–100.

Guz-Zilberstein B. The Typology of the Hellenistic Coarse Ware and Selected Loci of the Hellenistic and Roman Periods // Excavations at Dor, final report I B, Areas A and C: the finds (QR 1995 (2) / E. Stern (ed.). Jerusalem, 1995.

Kašaev S.V. Table ware // Panskoe I. The monumental building U 6 / L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov (eds.). AIWC. Vol. 1 (1-2). Aarhus, 2002.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material // The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX (1-2).

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery: The Plain Wares // The Athenian Agora. 2006. Vol. XXXIII (1-2).

Ushakov S., Tiurin M., Lesnaya E. The new Hellenistic assemblages from the North-East district of Tauric Chersonesos // Traditions and Innovations: Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods / S. Japp, P. Kögler (eds). Wien, 2016.

Рис. 1. А.Н. Щеглов на раскопках участка некрополя. Херсонес, март 1963 г.

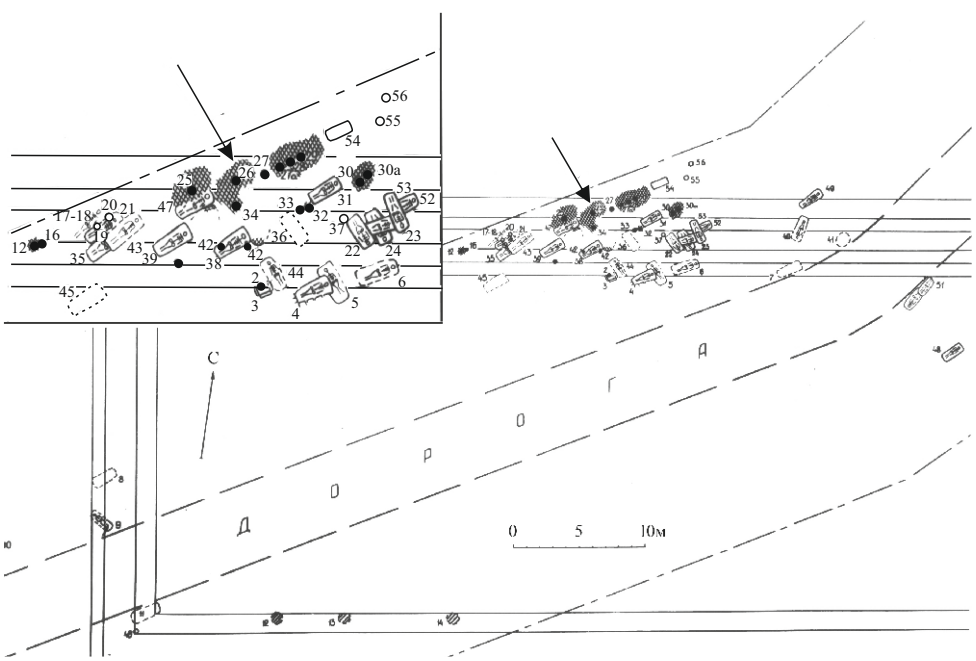


Рис. 2. План участка некрополя в районе бухты Песочной
(по Г.М. Кутыкиной и А.Н. Щеглову)

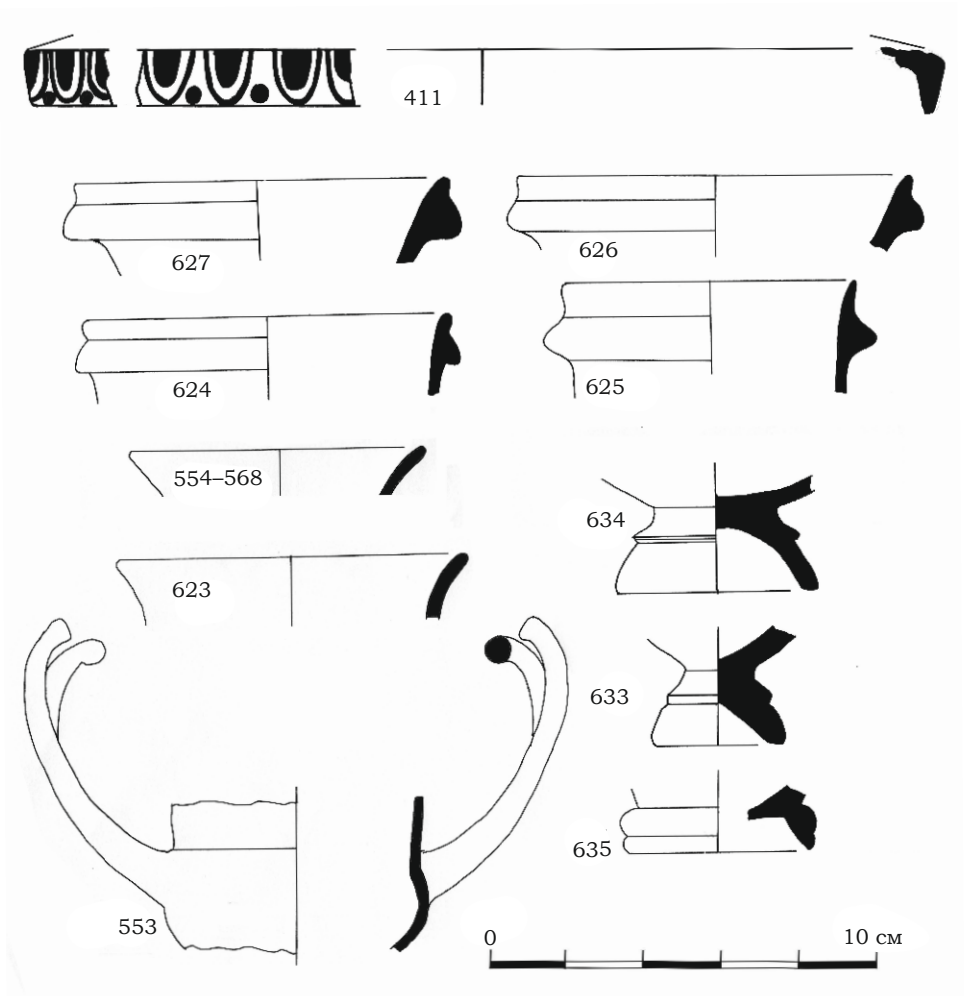


Рис. 3. Чернолаковая керамика: крышка леканы (411); канфары и канфаровидные килики (553–568, 623–627, 633–635)

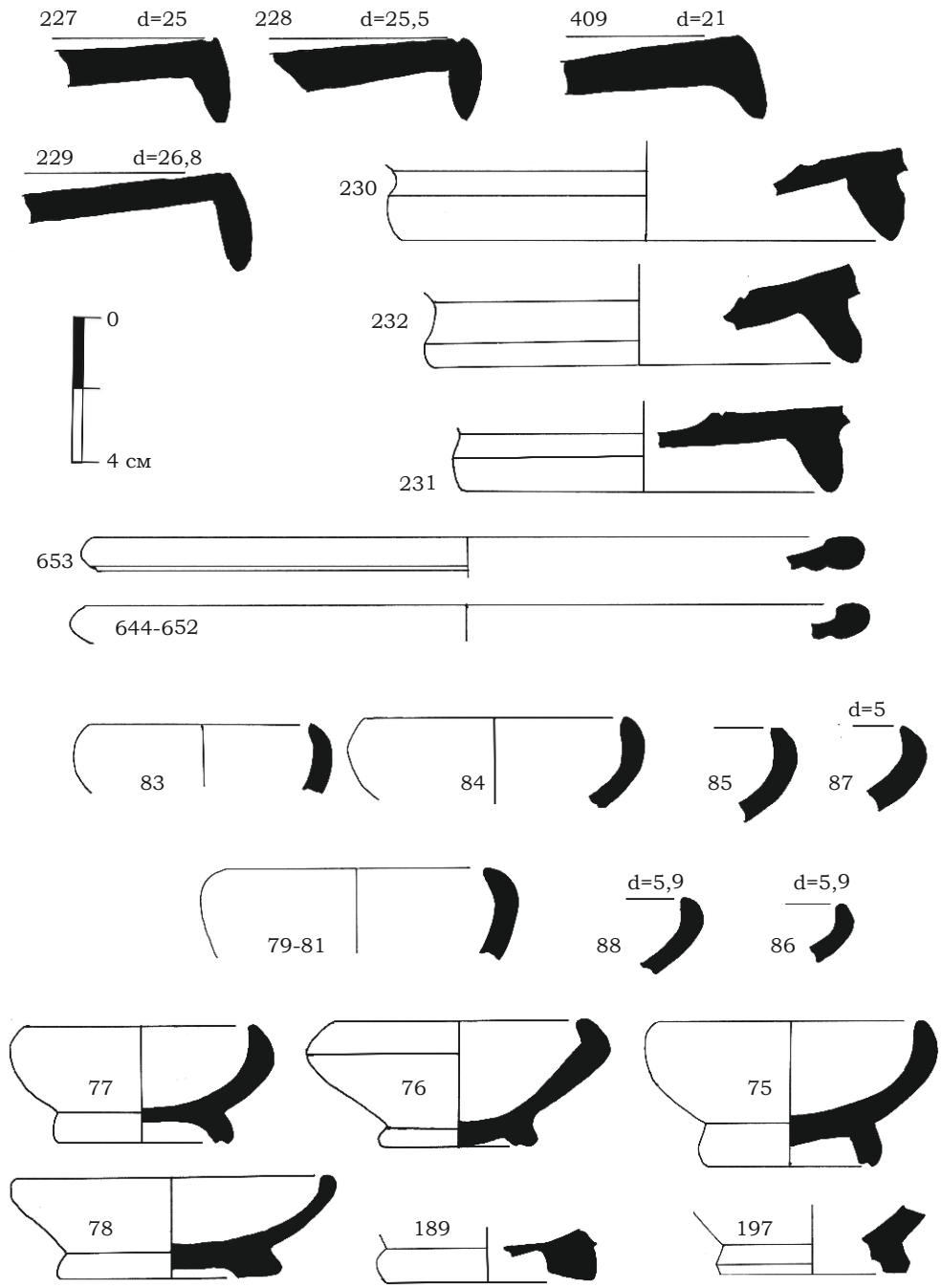


Рис. 4. Чернолаковая керамика: рыбные блюда (227–231, 409, 644–653); солонки, чаши (75–77, 79–81, 83–88, 189)

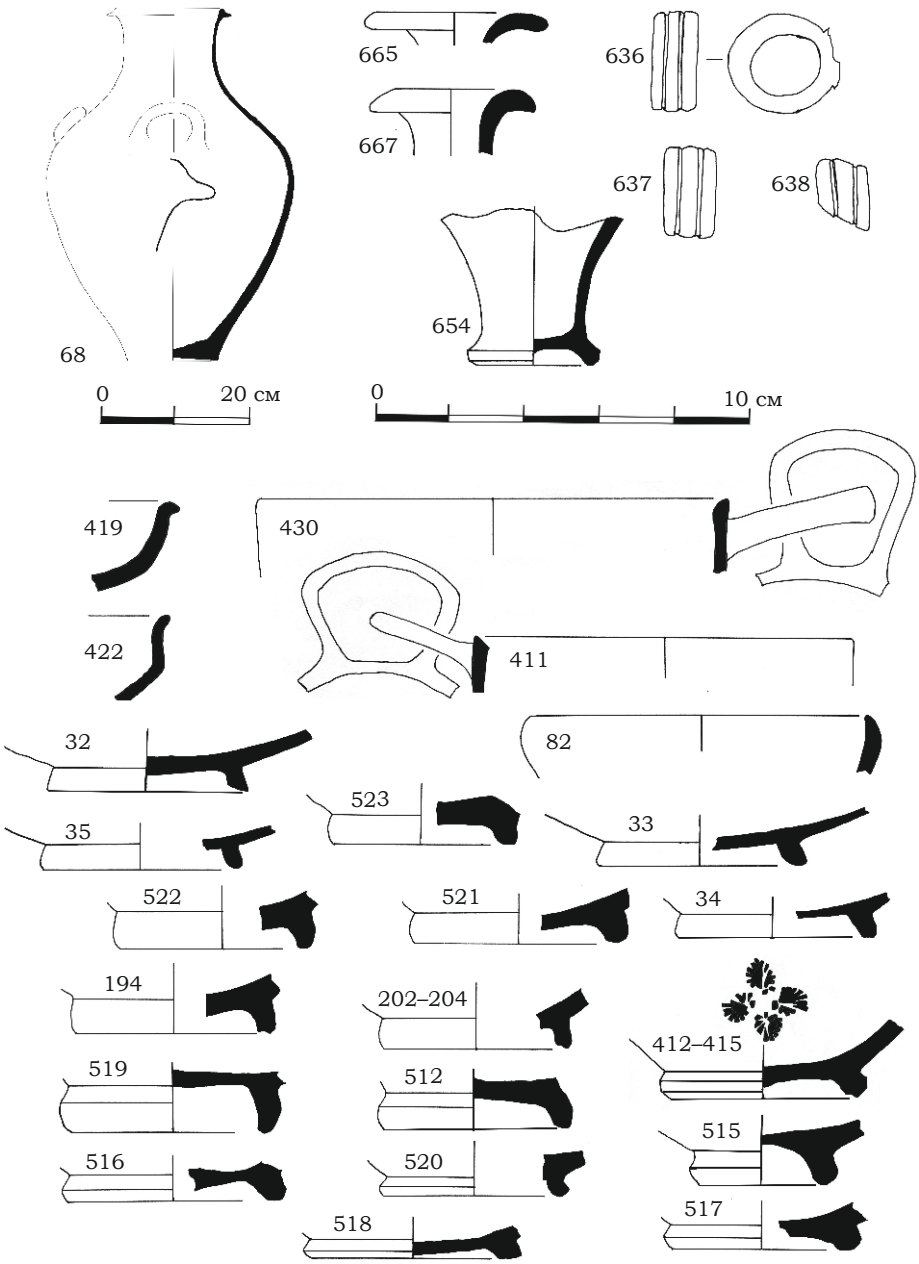


Рис. 5. Гидрия (68); гуттусы (636–638, 665,667); унгвентарий (654); чаши (32–34, 194, 412–416, 419, 422, 430, 512, 515–517, 518–520, 523)

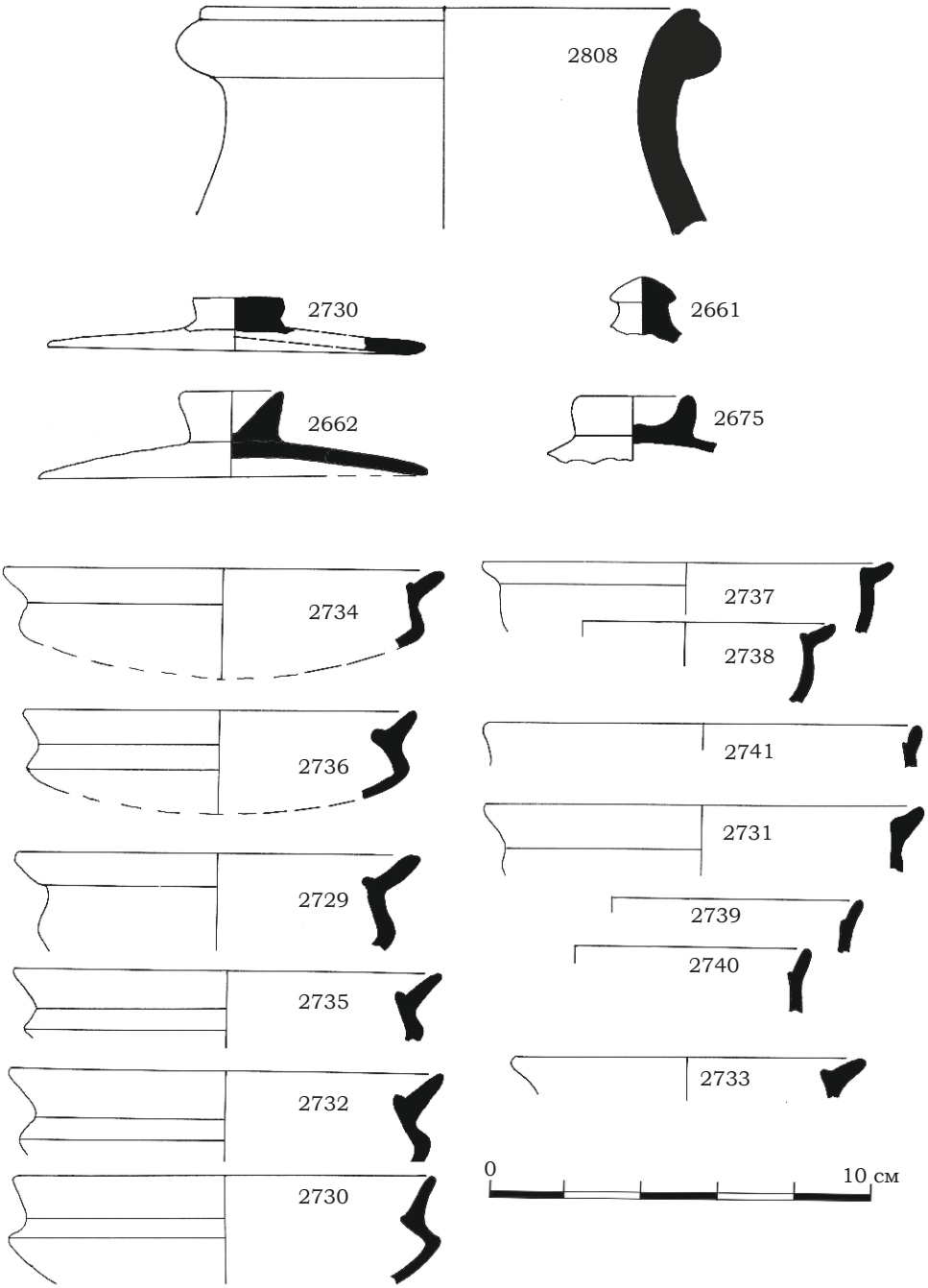


Рис. 6. Столовая и кухонная керамика без покрытия: кувшин (2808); лопадионы (2731–2741), крышки (2661–2662, 2675, 2730)

Е.В. Болонкина,
Н.В. Ефремов,
А.Б. Колесников

НОВЫЕ ВАРИАНТЫ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО КНИДА

Ad primos ictus non corruit ardua quercus

Аннотация: В статье публикуется ряд клейм, ранее обычно относимых к неопределённым центрам. Сравнение средиземноморских и причерноморских материалов позволяет с большой долей вероятности аттрибутировать публикуемые ниже оттиски как книдские. При этом предпринимается попытка разделения отдельных клейм внутри группы и их хронологического определения.

Ключевые слова: Книд, хронология, амфора, клеймо, оттиск, аббревиатура, монограмма, лигатура.

Abstract: The article publishes a series of stamps, previously usually attributed to undefined centers. A Comparision of Mediterranean and Black Sea materials allows with a high degree of probability to attribute the stamps published below as Knidian. At the same time, an attempt is made to separate individual stamps within the group and their chronological definition.

Key words: Knidos, chronology, amphora, stamp, imprint, abbreviation, monogramm, ligature.

При всём относительном «неблагополучии» с керамической эпиграфикой Книда, наименее благоприятные предпосылки имеют клейма, которые предшествуют началу систематического клеймения амфор оттисками с личными именами. Этот период (хронологическая группа II), был своего рода «анархией» в традиции клеймения, что ещё требует своего разъяснения, и охватывает несколько десятилетий от конца клеймения оттисками с «носом корабля», т.е. примерно с 280 г.[1] по 250-е[2], 240-е или даже 220-е гг.[3], в зависимости от предложенных

---

[1] Все даты, если это не указано особо, относятся к периоду до Р.Х.

[2] *Ефремов Н.В.* К истории связей Книда с Северным Причерноморьем // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.). Саратов, 1992. С. 258; *Jefremow N.* Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. München, 1995. S. 64; *Ефремов Н.В.* Керамические клейма позднеклассического-раннеэллинистического Книда. "Протокнидские" клейма и клейма с «носом корабля» // ВЭ. 2013. Вып. II(1). С. 79.

[3] *Tuna N. et all.* Rapport préliminaire de la prospection archéologique turco-française des ateliers d'amphores de Reşadiye-Kiliseyani, sur la péninsule de Datça // Anatolia Antiqua. 1987. Istanbul, 1988. P. 48; *Cancardeş-Şenol G.* Klasik ve hellenistic dönem'de Mühürlü amphora üreten merkezler ve mühürleme sistemleri (Ege Yayinlari). Istanbul, 2006. P. 73; *eadem.* Early Cnidian Amphora Exports to Alexandria, Egypt // Recent Studies on the Archaeology of Anatolia

на сегодняшний день хронологий. К группе относятся отдельные литеры, монограммы, акронимы, лигатуры, реже одно или два имени в сокращении. При значительном многообразие оттисков практически всегда отсутствуют эмблемы. Уже в первой половине III в., т.е. как раз в период бытования клейм хронологической группы II появляется этникон в сокращённой форме либо в сопровождении личного имени (**КН 67**)[4]. Кроме того, видимо, периодически употреблялись анэпиграфные клейма с различными эмблемами[5]. При всём разнообразии литер, лигатур, монограмм, которые найдены в мастерских в Мухалтепе[6], можно полагать, что клейма принадлежали отдельным мастерам (гончарам ?), являясь их личной маркой.

Состав глины в качестве критерия для локализации того или иного клейма не может быть определяющим признаком, ибо для одного и того же центра известна значительная его вариабельность, как, например, в случае с амфорной продукцией Коса[7]. Последние петрографические исследования состава глиняного теста клеймёных амфор родосской Переи также показали значительное сходство с продукцией Книда и Милета[8], что закономерно из-за географической близости

(BAR International Series 2750) / E. Lafli, S. Pataci (eds.). L., 2015. P. 171; *Cancardeş-Şenol G., Alcaç E.* Amphora Mühürleri: Rhodos, Knidos, Kibris ve Lokal Üretimler (Stamped Amphora Handles: Rhodian, Cnidian, Cypriot and Lokal Productions) // Dağlik Kilikia'da Bir Antik Kent Kazinin Sonuçlari, Nagidos (Nagidos. Results of an Excavation in an Ancient City in Rough Cilicia. Adalya. Suppl. 6) / S. Durugönül (ed.). Istanbul, 2007. P. 320; *Madzharov K., Stoyanov T.* New Evidence on the Chronology of the so-called Zenon B Group Amphorae of Knidos // Studia archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. VI. Stephanos archaeologicos ad 80 annum professoris Ludmili Getov / I. Valchev (ed.). Sofia, 2018. P. 141, 143.

[4] *Dumont A.* Inscriptions céramiques de Grèce. P., 1872. Pl. XIII, 7, 16, 22; и, вероятно: *Stoddart J.L.* On the Inscribed Pottery of Rhodes, Cnidus and other Greek cities // Transactions of the Royal Society of Literature. 2e série. 1850. Vol. III. P. 125. № 325; *Pridik E.* Amphorenstempel aus Athen // AM. 1896. Bd. XXI. S. 179. № 22; *Grace V.* Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932 // Hesperia. 1934. Vol. III. P. 279. № 229–230, 231 (?); *Jöhrens G.* Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Mainz, 1999. S. 99. № 254–256; IOSPE III. № 754; *Cancardeş-Şenol G., Alcaç E.* Op. cit. P. 322. № 42; *Schmaltz B.* Die hellenistischen Amphorenstempel von Kaunos // AMS. 2016. Bd. 79. S. 367. № KA 853.

[5] *Мирчев М.* Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958. С. 63. № 40 -*2*; *Jöhrens G.* Op. cit. S. 99. № 258–259.

[6] *Empereur J.-Y., Tuna N.* Zénon de Caunos et l' épave de Serce Limani // BCH. 1988. T. CXII.1. P. 343. Fig. 3. P. 350 f., 352 ff. Fig. 5–6. No. 1–24.

[7] *Empereur J.-Y., Picon M.* A la recherche des fours d'amphores // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 109; *Ломтадзе Г.А.* Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н.э. «царской хоры» Европейского Боспора / ДБ. 2015. Suppl. III. Т. 3. С. 23.

[8] *Cancardeş-Şenol G., Alkaç E., Abdelgawad M.* The Results of Clay Analysis of Stamped Amphora Handles of Miletus and Rhodian Peraea in Alexandria (Egypt) // Olba. 2017. T. XXV. P. 298, 304 f. О производстве амфор на территории Переи Родоса см.: *Cancardeş-Şenol G.* Astos: A Wine Producer in the Rhodian Peraea // Olive and Wine Production in Eastern Mediterranean during An-

обоих регионов. Для самого Книда визуальный анализ показывает, что, в частности, клейма с «носом корабля» нанесены на ручки не характерной, так называемой «классической» книдской глины. В отличие от последней в них присутствует слюда, грубый песок, известь[9]. Те же составляющие, по крайней мере по большей части, обнаруживаются и в оттисках относимых в данной публикации к хронологической группе II. Это не удивительно, учитывая протяженность Книдского полуострова и очевидное разнообразие его геологического строения[10]. Равным образом морфологические признаки отдельных сосудов не могут служить аргументом для отнесения их к продукции Книда. Так, например, амфоры с «грибовидным венцом» производились в целом ряде центров Восточной Эгеиды, в т.ч. в родосской Перее и в Книде[11]. Поэтому учитывались прочие профильные фрагменты сосудов и в редких случаях внешнее сходство клейм с оттисками других хронологических отрезков.

---

tiquity. International Symposium proceedings 14–19 November 2011 Uhla-Turkey (Ege Üniversitesi Yayinlari Edebiyat Fakültesi Yayin No. 189) / A. Diler, K. Şenol, Ü. Aydinoğlu (eds.). Izmir, 2015. P. 233–241; *Cancardeş-Şenol G., Şenol A.K., Doğer E.* Amphora Production in the Rhodian Peraea in the Hellenistic Period // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002 (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5). / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus, 2004. P. 353–359; *Empereur J.-Y.* Hiérotélès pottier rhodien de la pérée // BCH. 1989. T. 113. P. 277–289.

[9] *Grace V.* Some Amphoras from a Hellenistic Wreck // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 552, note 5; *Empereur J.-Y., Tuna N.* Op. cit. P. 347 f.; *Whitbread I.K.* Greek Transport Amphorae: A Petrological and Archaeological Study (Fitch Laboratory Occasional Paper 4. British School at Athens). Exeter, 1995. P. 69–80, 107–121; *Lund J.* Excavation, Content, Date and Interpretation // The Maussolleion at Halikarnassos. Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum. Vol. 7: The Pottery, Ceramic Material and Other Finds from Selected Contents (Jutland Archaeological Society Publications XV.7) / L.E. Vaag, V. Nørskov, J. Lund (eds.). Aarhus, 2002. P. 66; *Cancardeş-Şenol G.* Early Cnidian... P. 173 ff. № 2 ff.; *Dündar E.* Transport Jars and Stamped Amphoras from Patara, 7th to 1st Centuries BC. The Maritime Trade of a Harbor City in Lycia. Istanbul, 2017. P. 60.

[10] *Philippson A.* Geologische Karte des westlichen Kleinasiens 1:300000. 6 Bl. Gotha, 1914, Blatt 5; *Dewdney J.C.* Turkey: An Introductory Geography. L., 1971. P. 46; *Erol O.* Die naturräumliche Gliederung der Türkei. Wiesbaden, 1983. S. 230; *Whitbread I.K.* Op. cit. P. 69 ff. Fig. 4.4.

[11] *Empereur J.-Y., Picon M.* A la recherche... P. 112 f., 116; *Tuna N. et all.* Op. cit. P. 48; *Empereur J.-Y.* Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadije (Peninsule de Datca) // Arastirma sonuclari Toplantisi. 1988. T. VI. P. 160, 162. Fig. 1; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 102–104, 301–302. Табл. 71–72 (Книд). С. 113, 309, Табл. 79 -*1–2* (Родос); *Lund J.* Op. cit. P. 60 f.; *Şenol A.K.* New Evidence on the Amphora Production during the Early Hellenistic Period in the Rhodian Peraia // Recent Studies on the Archeology of Anatolia. BAR Internatinal Series 2750 / E. Laflı, S. Patacı (eds.). Oxf., 2015. P. 193–202; *Dündar E.* Transport Jars... P. 68–72.

Сами клейма этого периода лишь в редких случаях могут надежно признаны книдскими. Это, прежде всего, оттиски, где сокращения имён имеют параллели в более поздних клеймах с почти полным или полным написанием личных имён. Однако и в таких случаях остаётся вероятность погрешности, особенно в отношении распространённых имён. Кроме того, при расшифровке целого ряда монограмм и лигатур остаётся элемент условности, а смысл, вложенный в них их древним обладателем, не поддаётся однозначной трактовке.

Необходимо отметить, что далеко не все лигатуры, монограммы и имена в сокращении можно связать с этим хронологическим отрезком. Часть их относится к числу «*протокнидских*», причём как само наименование подгруппы (IA), так и критерии для отнесения к ней того или иного оттиска, также скорее условны. Из этих соображений в список были включены оттиски, явно относящиеся к хронологической группе I. Кроме того, нельзя полностью исключить и наличие оттисков позднего периода клеймения амфорной продукции Книда[12], хотя именно этот временной отрезок, если и не отсутствует напрочь, то прослеживается в Северном Причерноморье весьма слабо[13]. Некоторые клейма рассматриваемых здесь типов уже публиковались[14], но в

---

[12] См., напр.: *Grace V.* Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932... P. 292. № 280–282; *eadem.* Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments // Hesperia. 1956. Suppl. X. P. 160. Note 168; *Lenger Th.M.* Timbres amphoriques trouvé à Argos // BCH. 1957. T. LXXXI. P. 172. № 104; *Grace V., Savvatianou-Petropoulakou M.* Les timbres amphoriques grecs // EAD. 1970. T. XXVIII. P. 354, E 220–222. Pl. 59; *Etienne R., Braun J.-P.* Ténos I. Le sanctuaire de Poseidon et d'Amphitrite. P., 1986. P. 252. № 227–229; *Jöhrens G.* Op. cit. S. 236 ff. № 295 ff., S. 292f. № AS 85 ff.; *Ariel D.T.* Stamped Knidian Amphora Handle from Horvat 'Eleq // Ramat Hanadiv Excavations. Final Report of the 1984–1998 Seasons / Y. Hirschfeld (ed.). Jerusalem, 2000. P. 747; *Sztetyłło Z.* Pottery Stamps. Tell Atrib I (1985–1995). Warszawa, 2000. P. 128, 167. № 160; *Cancardeş-Şenol G.* Klasik ve hellenistic dönem... P. 77. Fig. 84–86; *Dündar E.* Transport Jars... P. 320–344. № Kn. 33–100; *Schmaltz B.* Op. cit. S. 374 f. № KA 868–871, а также с латинской легендой из Помпей: CIL IV.2 Suppl. № 5535: M·FABI·EVPORI | CNIDIVM. Известно книдское клеймо III в. н.э. из раскопок ликийской Патары с сокращением личного имени ΔIONY(...). См.: *Dündar E.* Remarks on the Possible Uses of a Late Cnidian Stamped Amphora from Patara // Adalya. 2013. T. XVI. P. 168, 174. Fig. 3. Поздний тип книдской амфоры (I–III вв. н.э.) см.: *Öniz H.* Amphorae in the Eastern Mediterranean. Oxf., 2016. P. 185. Популярность Книдского вина вызвала его имитацию. Произведённое в Египте «книдское вино» заполнялось в «книдские амфоры», при этом κνίδιον стал синонимом для κεράμιον: *Mayerson Ph.* The Knidion Jar in Egypt: Popular Made in Egypt, and of Unknown Capacity // ZPE. 2000. Bd. 131. P. 165–167. Об имитации амфор см.: *Lawall M.* Imitative Amphoras in the Greek World // MBAH. 2010. Bd. 28. S. 45–88.

[13] *Jefremow N.* Op. cit. S. 81.

[14] Ibid. S. 115. Taf. IV. S. 221–225. № 967–1137. S. 233. № 1228–1252; *Ефремов Н.В.* Керамические клейма позднеклассического... С. 411–417. № М1–15, Addendum; *он же.* Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда // Сб. науч. тр., посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону: Тип. «Лаки-Пак». 2019. С. 542–561.

силу разного рода причин были либо слабо проиллюстрированы, либо недостаточно прокомментированы.

В ряде своих работ Гонка Джанкардеш-Шенол отделяет оттиски групп Зенона А и Б от монограммных клейм, помещая первые из них в подгруппу I b (ок. 280–240 гг.), а вторые в хронологическую группу II (240–220 гг.)[15]. На наш взгляд такое разделение не обосновано. Во-первых, судя по датированным находкам, все эти оттиски бытовали в один временной промежуток[16], во-вторых, целый ряд монограммных клейм встречается на типах амфор, предшествовавших оттискам Зенона[17], в-третьих, при смене типов по логике эволюции следует ожидать замену простых сюжетов на более сложные, хотя не исключено, что какое-то время определённые типы амфор и клейм сосуществовали[18].

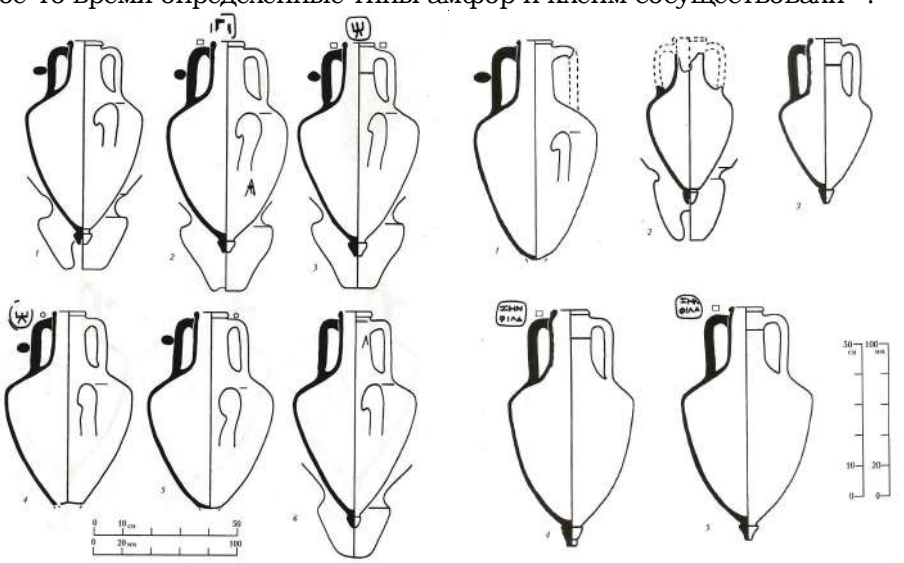


Рис. 1, 2. книдские амфоры с коническим горлом и кубаревидной ножкой (II-B) (по: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье… Типология… С. 304 сл., табл. 74–75).

Необходимо сказать несколько слов о керамической таре с рассматриваемыми здесь клеймами и о хронологии самих оттисков. Начало клеймения керамической тары в Книде в настоящее время может быть установлено лишь предположительно. Французские и турец-

---

[15] *Cancardeş Şenol G.* Klasik ve hellenistic… P. 73; *Cancardeş-Şenol G., Alcaç E.* Amphora Mühürleri… P. 320.

[16] *Cancardeş-Şenol N.* Early Cnidian… P. 173 f. № 4–6, P. 175 (комментарий к № 7). P. 179 f. № 22–23, p. 185. № 40.

[17] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье… Типология… С. 105 сл.; *Ломтадзе Г.А.* Указ. соч. С. 23.

[18] *Jefremow N.* Op. cit. S. 62; *Ефремов Н.В.* Керамические клейма позднеклассического… С. 409. Ср. варианты клейм Σωφάνης: Σω(…), Σωφ(…), Σωφά|ν(ευς) и сочетания Σω с другими сокращениями: *Empereur J.-Y, Tuna N.* Op. cit. P. 245 f. 352. № 1–10. Fig. 5–6. То же самое касается и клейм групп Зенона А и Б: *Jefremow N.* Op. cit. S. 63; *Ефремов Н.В.* Двадцать лет спустя…

кие исследователи помещали его в конец IV в., С.Ю. Монахов на основании исследования ряда комплексов с книдскими амфорами определил его в пределах первой половины IV века[19]. Им же предложена схема развития книдской керамической тары[20]. По его мнению амфорное производство в Книде развивалось в рамках двух типов: тип I: амфоры с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом (всего 4 варианта); и тип II (рис. 1-3) – сосуды с коническим горлом и кубаревидной ножкой, всего 7 вариантов, три из которых (II-A, II-B, II-C) сочетаются с рассматриваемыми ниже типами клейм[21].

Прежде всего необходимо задаться вопросом, действительно ли все амфоры, отнесённые С.Ю. Монаховым к типу I, следует считать книдскими? В самом деле, как уже отмечалось выше, амфоры с «грибовидным» венцом производились в целом ряде южно-эгейских центров, в частности, на Паросе, Самосе, в Эфесе, Эрифрах, Клазоменах, Родосе, Косе, Книде и, наверняка, некоторых других[22]. Поэтому довольно проблематично выделение вариантов I-A – I-D[23], на основании внешнего сходства с клейменными горлами книдских амфор[24]. Особенно очевидно это в случае с типом I-D («Чередниковый» вариант)[25].

---

[19] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 102.

[20] Там же. С. 101–110, 304–306. Табл. 74–76, 1–2.

[21] *Он же.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. С. 611–612; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 102, 103, 104–106. Табл. 71 *-1, 2–5, 6, 7.,* 72 *-1, 2–5, 7, 8,* 73 *-1*, *2*. Менее информативны: *Alpözen T.O.* Bodrum Müzesi ticari amphoralari // TAD. 1975. T. XXII.1. P. 19. № L 3; *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. С. 43, 45, 114. Табл. 46.

[22] *Empereur J.-Y., Picon M.* Op. cit. P. 112–113; *Empereur J.-Y., Tuna N.* Op. cit. P. 289; *Tuna N. et all.* Op. cit. P. 43; *Kantzia Ch.* Ἕνα κεραμικὸ ἐργαστήριο ἀμφορέων τοῦ πρώτου μισοῦ τοῦ 4ου. αι. π. Χ. στην Κῶ // Γ' ἐπιστημονική συναάντηση γιὰ τὴν ἑλληνιστικὴ κεραμικὴ χρονολογημένα συνόλα ἐργαστήρια. Σεπτεμβρίου. Θεσσαλονική. Κειμένα. Αθήναι, 1994. P. 335–337; *Lawall M.* Amphoras and Aegean Trade: Structure and Goals for Future Research // Proceedings of the XVth International Congress of Classical Archaeology, Amsterdam, July 12–17, 1998 / R.F. Docter, E.M. Moormann (eds.). Amsterdam: Allard Pierson Series. 1999. P. 230; *Garlan Y.* Amphores et timbres amphoriques crecs. Entre èrudition et idéologie (Institut de France. Mémoires de l'académie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série. T. XXI). P., 2000. P. 73; *Монахов С.Ю.* Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 2014. № 3. С. 202 сл.; *Dündar E.* Transport Jars… P. 69–71. Fig. 64.

[23] *Монахов С.Ю.* К типологии книдских амфор IV–II вв. до н.э. // БФ. 1999. С. 163; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы… С. 373; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 102–104. Табл. 71–72.

[24] *Ломтадзе Г.А.* Указ. соч. С. 22. Ср.: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 304. Табл. 74 *-2*, где клеймо удивительно напоминает оттиск с родосской Переи: *Cancardeş-Şenol G., Şenol A.K., Doğer E.* Op. cit. P. 358. Fig. 14.

[25] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы… С. 373, 376. Табл. 164 *-3*; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 104, 302. Табл. 72.

Амфора этого типа была обнаружена в кораблекрушении у Балеарских островов и отнесена к продукции Самоса[26]. На ручке оттиснуто клеймо Λυκίο(υ). Имя, вне всякого сомнения, латинское[27]. В греческом мире, будь то континентальная Греция или Малая Азия оно малоупотребительно. Правда, в Коринфе оно засвидетельствовано уже около 370 года и известно также в IV–III вв. в Ахайе, Акарнании, Арголиде, Аркадии, в Афинах даже на рубеже V–IV вв., в конце IV – начале III вв. на Эвбее, около 337 г. в Фессалии[28]. Но все эти случаи связаны с италийскими ксенами. В Малой Азии его практически нет. В Ионии оно отмечено один раз в Магнезии на Меандре в I веке, несколько раз в Милете (Λούκιος) в римский период; в Карии два раза – в Кераме на рубеже III–II вв. и в Гераклее Салбаке в 170 г. н.э.[29] В греческих городах Великой Греции и Италии, напротив, римские и италийские имена широко употреблялись уже с IV века. Известны они и в керамических клеймах[30]. В этой связи можно предположить, например, италийское происхождение данной амфоры[31]. Тип клейма, кроме того, напоминает одновременные оттиски Коса[32], который, либо один из центров, имитирующих косские сосуды, также может быть вероятным полисом, в котором была произведена данная амфора.

---

[26] *Cerda D.* Las anfora de la nave de El Sec… P. 448 f. Fig. 116. № 507.

[27] *Schulze W.* Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. B., 1904. S. 424, 469. О передаче «ου» как «ο» см.: *Ibid.* S. 259.

[28] LGPN I. P. 290; II. P. 287; IIIA. P. 278; IIIB. P. 263.

[29] I.Milet. VI.4. Eine Prosopographie / Günther W. (Hrsg.). B., 2017. S. 408; LGPN VB. P. 265.

[30] Напр.: *Criscuolo L.* Bolli d'anfora greci e romani. La Collezione dell' Università Cattolica di Milano (Studi di Storia Antica 6). Bologna, 1982. P. 126 ff., 162–164. № 175, 178, 179, 183, 187, 188–191, 193, 199.

[31] Западногреческие амфоры см., например, *Will E.L.* Greco-Italic Amphoras // Hesperia. 1982. Vol. 51. P. 338–356; *Van der Mensch Chr.* Productions magno-grecques et siciliotes du IV-e s. avant J.-C. // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 567–580; *Empereur J.-Y., Hesnard F.* Les amphores hellénistiques du monde èégéen // Céramiques hellénistiques et romaines / P. Lévеque, J.-P. Morel (eds.). P., 1987. P. 26 ff., 64 f. Pl. 5–6; *Vandermersch C.* Vins et amphores de Grande Grèce et de Sicile, IVe-IIIe s. avant J.-C. Napoli, 2015; *Olcese G.* Anfore greco-italiche antiche: alcune osservazioni sull'origine e sulla circolazione alla luce di recenti ricerche archeologiche e archeometriche // Metodi e approci archeologici: l'industria e il commercio nell'Italia antica (BAR Internat. Ser. 1262) / E.S. De Sena, H. Dessales (eds.). L., 2004. P. 173–192; *idem.* The production and circulation of Greco-Italic amphorae of Campania (Ischia/Bay of Naples). The data of the archaeological and archaeometric research // Skyllis. 2005/2006. T. 7, 1–2. P. 60–75.

[32] *Монахов С.Ю.* Косские… С. 206, 208, 212. Рис. 5 -*18*; 7 -*28*; 10 -*50*. Сами «Книдские» амфоры также практически не отличаются от косских. Ср.: *там же.* С. 199, 203, 205, 206. Рис. 2, 3, 4, 5; *он же.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы… С. 444. Табл. 193, 102; *он же.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 301 сл. Табл. 71–72. О копировании косской амфорной тары в эллинистический период см.: *Empereur J.-Y., Hesnard F.* Op. cit. P. 19 f. Note 45. P. 92. Pl. 4.

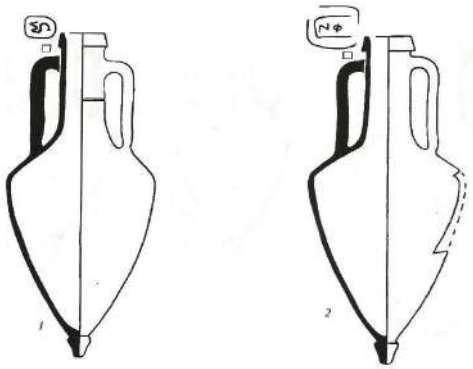


Рис. 3. Книдские амфоры с концентрическим горлом и кубаревидной ножкой (II-C) (Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье… Типология… С. 306. Табл. 76, *1-2*).

Тип II частично синхронен с предыдущим и появляется в третьей четверти IV в., что означает, что клейма с лигатурой ПАΘ и «*носом корабля*» какое-то время сосуществовали[33]. Таким образом «*клеймение такими штампами могло охватывать несколько лет в пределах указанного периода*»[34]. Если при этом имеется в виду наличие оттисков с лигатурой ПАΘ /Ἀπο(…) на амфорах типа II–A, то оно, действительно, могло быть непродолжительным, что нельзя автоматически распространять на всю группу этих клейм и на «*клейма с носом корабля*». Лигатура ПАΘ известна, по крайней мере, в четырёх штампах. Кроме того, она присутствует на трёх вариантах амфор в двух типах[35]. Следовательно, можно поставить вопрос о расширении хронологических рамок бытования данных клейм. Однако нельзя не учитывать того факта, что они представлены в материалах из Александрии в Египте, основанной, как известно, в 332 году. Кроме того, к этому же периоду следует отнести и некоторые другие монограммные оттиски, например, «ПО», датируемые последней четвертью IV в. до н.э.[36] Другое раннекнидское клеймо с сокращением «Е» найдено вместе с фасосским клеймом 325–310 гг.[37] Оттиск с сокращением «ΛΥ» найден в одном слое с птолемеевской монетой 315–291 гг., а клеймо с сокращением «ПА» с монетой 300–262 годов[38].

По мнению Г.А. Ломтадзе, не совсем логичным в классификации С.Ю. Монахова выглядит объединение в один тип амфор конца IV – начала III вв. и «сигарообразных» эллинистических амфор. Он считает,

---

[33] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы… С. 105–106; *Cancardeş-Şenol G.* Early Cnidian… P. 171.

[34] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 106, прим. 40.

[35] *Ефремов Н.В.* Керамические клейма позднеклассического… С. 411.

[36] *Cancardeş-Şenol G.* Early Cnidian… P. 182. № 30. Fig. 30a–c. P. 187. № 48. Fig. 46a–c.

[37] Ibid. P. 188. № 49a–b.

[38] Ibid. P. 174. № 5. Note 28, 30.

что для последней четверти IV – начала III вв. следует предполагать существование одного, основного типа книдской амфорной тары. Наличие нескольких морфологических вариантов сосудов может быть связано с их выпуском в различных мастерских или районах полуострова. В пользу этого говорят как различия в профилировке венцов и ножек амфор, так и различные типы клейм, присутствующие на них. Поэтому он предлагает выделять следующие варианты, которые сходны с вариантами С.Ю. Монахова, выделенными им для ранней стадии II-го типа[39]: **Вариант I** «пифоидный» (II-A – II-B-1, «ранняя» серия по С.Ю. Монахову) с датировкой последними десятилетиями IV в.[40] С амфорами этого варианта встречаются клейма с «пророй». **Вариант II** «пифоидный», II-B-2, «поздняя» серия по С.Ю. Монахову[41]. Этому варианту соответствуют клейма «группы Зенона»[42]. Этим же временем датируется **Вариант III** (вариант II-C, «с высоким воротничковым венцом»[43]). На некоторых амфорах этой разновидности присутствуют клейма «группы Зенона».

Для абсолютной датировки хронологической группы II важны комплексы птолемеевского лагеря в Корони в Аттике, кораблекрушения в Серке Лимани, а также материалы с фракийских памятников Болгарии. Это, прежде всего, оттиски групп Зенона «A» и «B». Клейма первой из них (сокращения двух имён) датируются по материалам Корони около 270 г.[44], концом 270-х – серединой 260-х годов[45], или серединой – второй половиной 260-х годов[46] и кораблекрушения в Серке Лимани, которое датируется по-разному: примерно 280–275

---

[39] *Монахов С.Ю.* К типологии... С. 164–167. Рис. 5–9; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... С. 104–107. Табл. 73–75.

[40] *Он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы... С. 441–443, 445–446. Табл. 191, 192, 193.

[41] *Он же*. К типологии... С. 166. Рис. 7–8; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... С. 106. 305, Табл. 75.

[42] *Koehler C.G., Wallace M.B.* Appendix: The Transport Amphorae: Description and Capacities // Pulak C., Townsend R.T. The Hellenistic Shipwreck at Serce Limani, Turkey: Preliminary Report // AJA. 1987. Vol. 91. P. 49–57; *Grace V.* Some Amphoras... P. 562; *Empereur J.-Y., Tuna N.* Op. cit. P. 341–357.

[43] *Монахов С.Ю.* К типологии... С. 166–167. Рис. 9; *он же*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... С. 107. Табл. 76 -*1–2*.

[44] *Grace V.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. 1963. Vol. 32. P. 319; *eadem*. The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. Vol. 54 (1). P. 36–39; *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Moldmade Bowls // The Athenian Agora. 1982. Vol. XXII. P. 107–112; *Empereur J.-Y., Tuna N.* Op. cit. P. 341–349.

[45] *Lawall M.* Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III[1] // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Black Sea Studies, 3 / V. Stolba, L. Hannestad (eds.). Aarhus 2005. P. 34 f. Notes 29, 47.

[46] *Finkielsztejn G.* Chronologie détailée et révisée des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C- environ: premier bilan (BAR International Series 990). Oxf., 2001. P. 184.

годов[47], 285–270-х годов[48], 280-х годов[49], либо даже концом 270 – началом 260-х годов[50]. Одна аналогичная клеймёная ручка рассматриваемой здесь группы (**KH 37**) была обнаружена в заполнении подвала на поселении Заветное-5 в Крыму[51]. Оттиск принадлежит «пифоидной» амфоре типа II-B по классификации С.Ю. Монахова, который датирует её последней третью IV – началом III вв.[52] Сопутствующий амфорный материал, где наиболее поздними являются косские фрагменты, не выходит за пределы второй четверти III века[53].

В. Грэйс датировала клейма подгруппы «Зенона-B» концом III в., либо даже началом II в.[54] Не в последнюю очередь основанием для этого послужила находка одного экземпляра в Пергамском комплексе[55]. Однако, как датировка самого комплекса, так и находка в нём означенного клейма спорны[56], а сам оттиск необходимо помещать хронологически вблизи от группы «Зенона-A»[57]. Одно клеймо группы «Зенона-B» обнаружено в Александрии Египетской в одном контексте с монетой 240–221-х годов, другое – там же с клеймом родосского эпонима Ἀριστείδας-I (около 234–220-х гг.)[58]. Все эти данные могут свидетельствовать в пользу сравнительно широких хронологических рамок данной «группы».

Новые сведения дали раскопки античных памятников во Фракии. В частности, клейма группы «Зенона-B» найдены на погибшем около 245 года в результате землетрясения гетском городище Сборяново[59]. Кроме того, они известны из материалов Севтополя, разрушенного

---

[47] *Grace V.* Some Amphoras... P. 542; *Koehler C.G., Wallace M.B.* Op. cit. P. 49; *Cancardeş-Şenol G.* Early Knidian... P. 171.

[48] *Palaczyk M., Schönenberger E.* Amphorenstempel. Grabungen 1965 – 2001 // Eretria. Ausgrabungen und Forschungen. Bd. XII (Schweizerische Archäologische Schule in Griechenland). Gollion, 2003. S. 199.

[49] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы... С. 474.

[50] *Lawall M.* Negotiating... P. 36. Note 47.

[51] *Стоянов Р.В.* Керамический комплекс подвала СК 2 на поселении Заветное-5 в юго-восточном Крыму // АМА. 2017. Вып. 18. С. 227, 242. Рис. 5 -*б*–*9*.

[52] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... С. 103. Табл. 72 -*б*.

[53] *Стоянов Р.В.* Указ. соч. С. 229. Ср.: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы... С. 537. Табл. 225 -*1*, *2*. Р.В. Стоянов следом за В.И. Кацем датирует II хронологическую группу от конца IV в. до 260 гг.

[54] *Grace V.* Notes on the Amphoras... P. 473. Note 25; *eadem.* The Middle Stoa... P. 19. Note 46.

[55] *Schuchhardt C.* Ziegelstempel. Amphorenstempel // Altertümer von Pergamon. Bd. VIII (1): Die Inschriften von Pergamon. B., 1895. S. 493. № 1278; *Börker Chr., Burow J.* Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Der Pergamon – Komplex. Die übrigen Stempel aus Pergamon (Pergamenische Forschungen, 11). B., 1997. S. 57. № 553. Abb. 3. Taf. 20.

[56] *Jefremow N.* Op. cit. S. 64; *Börker Ch., Burow J.* Op. cit. S. 54–56. № 553–552S. S. 57–58. № 553; *Cancardeş-Şenol G.* Early Knidian... P. 171. Note 18.

[57] *Jefremow N.* Op. cit. S. 64; *Börker Ch., Burow J.* Op. cit. S. 57–58. № 553 (1278).

[58] *Cancardeş-Şenol G.* Early Knidian... P. 179. № 20. P. 186. № 43.

[59] *Madzharov K., Stoyanov T.* Op. cit. P. 141, 143.

Антиохом II около 252 г.[60] Амфоры этого типа из музея подводной археологии в Бодруме датируются также серединой III в.[61] Таким образом нет никаких оснований для пересмотра предложенной ранее датировки клейм группы Зенона, а вместе с ней и хронологии группы II в целом[62]. На сегодняшний день клейма хронологической группы II укладываются во временной промежуток 280–250-е гг., либо 240-е гг. Верхняя дата группы – 260 г., предложенная В.И. Кацем[63], лишена всяческих оснований и может быть отвергнута.

Если предложенная здесь локализация клейм как продукции Книда подтвердится, то это существенно увеличит наши знания не только о системе клеймения амфор в этом центре, но и о его торговой активности прежде всего в Причерноморье. Как уже было отмечено ранее, значительная часть книдского экспорта товаров в керамической таре с клеймами «прора» поступала именно в Северное Причерноморье[64]. Очевидно, что этот процесс охватил и первую половину III в., что подтверждает, наряду с публикуемыми ниже клеймами, и значительное количество неклеймёных или фрагментированных книдских амфор[65]. К сожалению пока невозможно подтвердить это наблюдение, ибо для этого необходимо было бы охватить все музейные собрания России и Украины, что по целому ряду причин не представляется возможным.

В приводимом ниже каталоге мы разделили оттиски по внешним признакам на следующие подгруппы:

1. Единичные литеры.
2. Две и более буквы (имя в сокращении ?)
3. Одно имя в сокращении в две строки.
4. Два имени в сокращении (в две строки).
5. Монограммы / лигатуры.
6. Отдельные буквы или сокращения имён с эмблемой.
7. Эмблема или неясный символ.

Подавляющее большинство публикуемых ниже клейм происходит с территории Боспорского царства[66]. При этом оттиски, учтённые в

---

[60] *Nankov E.* The Fortifications of the Early Hellenistic Thracian City of Seuthopolis: Breaking the Mold // Archaeologia Bulgarica. 2008. T. XII.3. P. 41–44.

[61] *Alpözen T.O., Berkaya B., Özdas A.* Commercial amphoras of the Bodrum museum of underwater archaeology. Maritime Trade of the Medeiterranean in Ancient Times. Bodrum, 1995. P. 86; *Madzharov K., Stoyanov T.* Op. cit. P. 142. Fig. 1, 3–6.

[62] *Jefremow N.* Op. cit. S. 64.

[63] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 221, 225. Табл. 6; *он же.* Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Каталог. Саратов, 2015. С. 33.

[64] *Jefremow N.* Op. cit. S. 88.

[65] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... С. 102 слл.; *Ломтадзе Г.А.* Указ. соч. С. 22 сл.

[66] За любезные разрешения на издание неопубликованных до сегодняшнего дня оттисков нам хотелось бы поблагодарить Е.М. Алексееву, С.И. Безуглова, В.В. Бочкового, А.М. Бутягина, В.Г. Житникова, В.Д. Кузнецова, А.А. Масленникова, О.Ю. Соколову, Р.В. Стоянова, С.И. Финогенову.

рукописи IOSPE III, при подготовке данной публикации привлекались лишь частично, ибо при полном отсутствии иллюстраций в разделе «неопределённые центры» возможности сравнения, не говоря уже об идентификации отдельных экземпляров, существенно ограничены, если вообще возможны.

КАТАЛОГ

1. **Единичные буквы**:

А

КН 1. Горгиппия, 1971. Р. Берег III, кв. III, шт. 10, у стены 12, оп. 102.

Δ

КН 2.1. Волна 1, 2013, Р. X, кв. 334, шт. 6, оп. 1002;

КН 2.2. Волна 1, 2014, Р. X, кв. 726, шт. 11, оп. 2244.

Аналогии: Balkanska, Tzochev 2007: P. 204. № 56. Возможно, Гетов 1995: С. 105, 179. № 276.

К

КН 3. ВКИКМЗ, КП 85511 / ККК 3471.

Аналогии: Придик 1917: Табл. XVI -*71*.

Ф

КН 4. Нимфей, 2010. Уч. М. Зап. Р. кв. 1, шт. 2, к.о. 251, ВКИКМЗ, КП 177045 / ККК 24864.

Аналогии: Calvet 1972: P. 60. № 121. Ср. сокращение ФI: Calvet 1972: P. 51. No. 104. Fig. 112; Empereur, Tuna 1988: P. 346, 352, 354. Fig. 6, -*12*; Sztetyłło 2000: P. 127 f. P. 159. № 159 (вторая половина IV - первая половина III вв.). Однако следует учитывать, что данное сокращение довольно просто и известно в частности среди клейм Фасоса: Придик 1917: С. 107. № 100–101; Grace 1934: P. 289. № 272; Bon, Bon 1957: P. 502. № 2201, p. 506. № 2230. Книдский экземпляр относится, очевидно, к ранним типам клейм хронологической группы I: Монахов 2003: С. 301. Табл. 71 -*6* (иной штамп).

ФI, но, возможно, и **Ф,** как предыдущее.

КН 5. Гермонасса, 1985. Кв. XXVII–XXVIII, осыпь. ГМИИ, ЭФ-678; Е-58/ РОМК 1864/383 (с протиркой ознакомил Н.Ф. Федосеев).

Аналогии к сокращению ФI: Pridik 1896: S. 179. № 24; Stetyłło 1983: P. 195. № 384; eadem 2000: P. 128. № 159; Dündar 2017: P. 305 f., Kn. 7.

2. **Две и более буквы (аббревиатуры, акронимы):**

Ἀγ(...) ретроградно

КН 6.1. АМ 10263 [А3827]. Из раскопок/разведок Ю.С. Крушкол в Анапском районе;

КН 6.2. Фанагория, 1981. Р. Южный город, яма 140. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 548. № XVII.

Аналогии: IOSPE III: № 1055 (два маленьких клейма одно возле другого); Cancardeş-Şenol, Alcaç 2007: P. 322 f. № 44–45. Сокращение АГА см.: Шелов 1975: С. 151. № 594; Balkanska, Tzochev 2007: P. 203. № 51. Клеймо Ἀγ (позитивно), возможно, книдское, см.: Levi, Pugliese Caratelli 1963: P. 625. № 96. Сокращение Ἀγα известно в клеймах в сочетании Ἀγα(...) | Σω(...): Empereur, Tuna 1988: P. 352. Fig. 5, а также ZH(...) | АГА(...): Grace, Empereur 1981: P. 426. Note 3; Empereur, Tuna 1988: P. 346; Garlan 2000: P. 46. Fig. 21a; Cancardeş-Şenol 2015: P. 171.

Ἀλ(или Ἀν

КН 7.1. Гермонасса, 1985. Р. Северный, яма 3, оп. 35. ГМИИ, ЭФ-677;

КН 7.2. Нимфей: Зинько 2003: С. 109, 111 (№ 37. Перепутан номер). № 42 (с датировкой началом IV в.).

Ἀντ(

КН 8.1. ВКИКМЗ, КП 79268 / ККК 3267;

КН 8.2. Горгиппия, 1971. Р. по ул. Протапова, 2 (некрополь), пл. 9. АМ 7960 [А 2912]. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 549. № XVIII;

КН 8.3. Волна 1, 2017. Р. XXII, кв. 273, об. 11, оп. 114;

КН 8.4. Волна 1, 2018. Р. XXIV, яма 191. № к.о. 80.

Аналогии: Dündar 2017: P. 306. № Kn. 8 (не прочитано).

Ἀντ

КН 9. Нимфей, 2010. Уч. М. Зап. Р., кв. 4, шт. 4, к.о. 435. ВКИКМЗ, КП 177200 / ККК 24978.

Ἀϱ

КН 10. Волна 1, 2014. Р. X, кв. 648, кладка. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 548. № XVI. Относится, очевидно, к ранним типам клейм хронологической группы I (Ἀρ позитивно или негативно, ΣΙ, ΠΑΘ, НР, Ф): Empereur 1988: P. 163. Fig. 2; Tuna et all. 1988. P. 48; Монахов 2003: С. 301. Табл. 71 *-4, 6.*

Ἀρ

КН 11. ВКИКМЗ, КП 85693 / ККК 3653.

Аналогии: Empereur 1988: P. 163. Fig. 2; Empereur et all. 1999: P. 114. Fig. 13 (штамп другой).

ἈРМ

КН 12. Горгиппия, 1960. Р. Город, кв. II, шт. 9, оп. 13. КМ 11655/21. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 549. № XXII. Если легенда читается как ΔРМ = 144, то это, вероятно, акроним. Хотя, скорее, это сокращение: ἈРМ; IOSPE III: № 1470 (Феодосия). Ср.: Dumont 1872: P. 370. № 27. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 225. № 1232.

ἈРТ

КН 13. ВКИКМЗ, КП 87288 / ККК 4260.

Аналогии: IOSPE III: № 1250–1252.

Ἀc

KH 14. ВКИКМЗ, КП 79176 / ККК 3175. Схоже стилистически клеймо IAK на амфоре «пифоидного» типа: Стоянов 2017: С. 242. Рис. 5, -*6* (**KH 37**).

ΔA или AA

KH 15. Фанагория, 1985. Р. Южный город, кв. LV, вымостка. Схоже позитивное клеймо: Кац 2007: С. 167, Рис. 29, 2; Гаврилов 2011: С. 15. № 1 (Хиос).

EI

KH 16.1.1. Горгиппия, Р. Заповедник 1995, Сп. 4;

KH 16.1.2. Горгиппия. КМ-13885/19;

KH 16.1.3. Фанагория, 1985, юг LV вымостка. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 548. № XIX–XX;

KH 16.1.4-**5**. Херсонес 69/36578;

KH 16.1.6-14. IOSPE III: № 679–687, 962;

KH 16.1.15. Елизаветовское городище: Брашинский 1980: С. 203. № 800;

KH 16.1.16. Мирмекий: Sztetyłło 1983: P. 191. № 372;

KH 16.1.17. Придик 1917: Табл. XVI, 43; 18. Тира: Матеевич, Самойлова 2017: С. 109, 226. № 36, 36а.

Аналогии: Grace 1934: P. 286. № 255; Bărbulescu, Buzoianu, Cheluță-Georgescu 1990: P. 62. № 417 (8); Jöhrens 1999: S. 98. № 251; Jefremow 1995: S. 223. № 1061–1063; Empereur et all. 1999: P. 105, 114. Fig. 12; Ariel 2001: P. 161. № 35 (прочитано неверно); Lund 2002: P. 171, Pl. 71 H70; Cancardeş-Şenol 2006: P. 74. Fig. 76; eadem 2015: P. 184 f. № 36. Figs. 36a-b (прочитано как ЕПІ); Lawall et all. 2010: P. 394, Pl. 285 L-285, L-286; Ефремов 2013: С. 414. № М6; Dündar 2017: P. 305. № Kn. 5–6. Г. Джанкардеш-Шенол (Cancardeş-Şenol 2015: P. 184. № 36 читает монограмму как ЕПІ, отмечая, что клейма найдены в «мастерской» фабриканта Ἐπίχαρμος и посему здесь вероятно следует видеть сокращение этого имени. Вариант ЕПІ: Empereur et all. 1999: P. 114. Fig. 12; Ефремов 2013: С. 414. № М7.

Меандр

KH 17.1. Нимфей, 1993. к.о. 140. ВКИКМЗ, КП127147 / ККК 16566.

KH 17.2. Фанагория, 1985 юг, LV вымостка.

Аналогии: Придик 1917: Табл. XVI, 44; Граков 1969: С. 101; Cancardeş-Şenol 2015: P. 188. № 31. Figs. 51a-b (*stamp probably with a meander-like motive* (?) – много экземпляров в коллекции Бенаки в Александрии; Johnston: P. 3. Fig. 2.

Εὐ

KH 18. Фанагория, 1985. Случ. находка.

Аналогии: IOSPE III: № 1542–1547 (Ольвия, Пантикапей, Херсонес); Schmaltz 2016: S. 344. № KA 799 (ретроградно); Dündar 2017:

P. 306 f. № Kn. 9 (иной штамп в овальном клейме). Стилистически схожий тип ET: Grace 1986: P. 559, 565. Fig. 26 (возможно, Ἑτέαρχος).

Ἡϱ

КН 19. ВКИКМЗ, КП 9829 / ККК 9081.

Аналогии: Empereur et all. 1999: P. 114. Fig. 14; Монахов 2003: С. 102, 301, Табл. 71-*4*; Cancardeş-Şenol 2015: P. 173. No. 4. Figs. 4a-b.

Ἡτ

КН 20.1. ВКИКМЗ, КП 88779 / ККК 5389;

КН 20.2. ЕГ-89/XXIV-44. РОМК 0079/44 (с протиркой ознакомил Н.Ф. Федосеев).

ΞΕ

КН 21. Фанагория, 1981. Р. Южный город, кв. XXIV, шт.13.

Κα (ретроградно).

КН 22. Поселение Генеральское, 1986. К.о. 251. ВКИКМЗ, КП 126311 / ККК 16430. Позитивное клеймо: ЕГ-67/70 РОМК 3234/42 (с протиркой ознакомил Н.Ф. Федосеев).

Аналогии: Ельницкий 1940: С. 322; Cancardeş-Şenol 2015: P. 180 f. № 25. Figs. 25a-b (прочитано неверно как сокращение этникона: KN и датировано по профилю ручки III в.). Очевидно, аналогичное клеймо также понятое как KN: Sackett, Grace 1992: P. 140. № X 22 издатели датируют по сопутствующему материалу серединой II в., отмечая, что в одном из комплексов Афинской агоры данный оттиск известен с материалами последней четверти III в. Ср. схожее сокращение KI: Dumont 1872: P. 373. № 74; Pridik 1896: S. 163. № 181.

ΛΙ

КН 23. Фанагория, 1981. Р. Южный город, кв. XXIII, шт.13.

Аналогии: иная последовательность ΛΙ: Grace 1950: P. 146. № 93. Fig. 118.

Λυ

КН 24.1. Мирмекий, 2011. Уч. И, Кв. Г, разбор кладки, к.о. 408, ВКИКМЗ, КП 180558 / ККК25778;

КН 24.2. Фанагория, 1987, Р. Южный город, кв. LXXXIX, шт. 4. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 550. № XXVI;

КН 24.3. Поселение Золотое Восточное, 2010. ВКАЭ, Кв. 2, Слой 3, к.о. 73, ВКИКМЗ, КП 177364 / ККК 25144; Нимфей, 2009. Уч. М., зап. Р., кв. 3, шт. 1, к.о. 203, ВКИКМЗ, КП 175208 / ККК 24414;

КН 24.4. 326 Е-59/18/18 РОМК-1866/113 (с протиркой ознакомил Н.Ф. Федосеев);

КН 24.5. РОМК-1866/113. 326 Е-59/18/18 (с протиркой ознакомил Н.Ф. Федосеев).

Аналогии: Придик 1917: С. 113. № 274–275 (из Керчи); Ельницкий 1940: С. 322; Jefremow 1995: S. 221. № 969–973 (1–3: Пантикапей, 4–5: Фанагория, 1980. юг, кв. VII–VIII; Ф-81 XLI/об. 306); Levi, Pugliese Caratelli 1963: P. 613. Fig. 47 (как Родос); Stetyłło 1983: P. 195. № 375;

Cancardeş-Şenol 2015: P. 173 f. № 5. Figs. 4a-b (иной штамп, возможное чтение ΓΛ). P. 181. № 28. Figs. 28a-b, P. 185. № 37. Figs. 37a-b. Аналогичная аббревиатура известна с сокращениями этникона KNI | ΛY: Schmaltz 2016: S. 367. № KA 853; Cancardeş-Şenol 2015: P. 174 и note 27; Матеевич, Самойлова 2017: С. 114, 231. № 20, 20а и ΛY | ME (ретроградно): Etienne, Braun 1986: P. 240. № 43. В данном случае это может быть личное имя на ΛY, например: Λυσικλῆς, Λυσάνιος, известные среди книдских магистратов и фабрикантов последующих хронологических групп: Jefremow 1995: S. 122 f., 135 f., 202. № 633–634. В Александрии это клеймо обнаружено вместе с птолемеевской монетой 315–301 гг.: Cancardeş-Şenol 2015: P. 174. Схоже ретроградное клеймо IΔ: Гаврилов 2011: С. 237. № 16 (неизвестный центр). С. 293. № 1 (Менда). С. 327. № 73 (неизвестный центр или Менда).

NI (с ретроградной N) или **IN** (ретроградно)

KH 25. Фанагория, 1977. P. Верхний город, пл. VI, шт. 19.

Аналогии: Cancardeş-Şenol 2015: P. 181. № 27 (иной штамп). Возможно: Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969: P. 256. № 1045; IOSPE III: № 2007–2009. Ср. оттиски NI, IΠ, произведённые на родосской Перее: Cancardeş-Şenol 2006: P. 68 f. Fig. 66–67; Cancardeş-Şenol et all. 2004: P. 358. Figs. 14–15, а кроме того аббревиатуры NΦ[...], ΦN[...]: Empereur, Tuna 1988: P. 347 f., NΦI (ретроградно): Cancardeş-Şenol 2015: P. 186. № 44. Figs. 44a-b; а также NΦP: Grace 1986: P. 558. Fig. 4 -*20* (группа Зенона Б).

Πα или **ΑΠ**

KH 26. Фанагория, 1981. P. Южный город, кв. XXIV, шт. 13. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 547. № XIII.

APTE ретроградно (ε -позитивно)

KH 27.1.1. ВКИКМЗ, КП 85718 / ККК 3678;

KH 27.1.2. Горгиппия, 1977. Центр, шт. 1, кв. 8, оп. № 51.

KH 27.1.3. Фанагория, 1981. XXIV/13. Схоже: Ельницкий 1940: С. 321. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 233. № 1251–1252.

ΣI или **MI**

KH 28. ГИМ. № 54791, 454/72, коллекция Уварова. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 551. № XLI.

Аналогии: IOSPE III: № 3094–3098; Ельницкий 1940: С. 323; Calvet 1972: P. 60. № 120; Schmaltz 2016: S. 352. № KA 818.

KH 29. ВКИКМЗ, КП 85723 / ККК 3683.

Σωφ(άνης)

KH 30. Волна 1, 2014. P. X, кв. 765, южный борт, оп. 2312. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 553. № LXV.

Аналогии: Ельницкий 1940: С. 323; Stetyłło 1983: P. 195. № 376; Grace 1986: P. 559, 564 f. Fig. 5 -*24*, *25* (possibly Σώ(στρατος); Jefremow 1995: S. 222. № 1032–1033; Garlan 2000: P. 46. Fig. 21b; Кац 2007:

С. 223. № 51 -*14–15*. Ретроградный оттиск иного штампа см.: Cancardeş-Şenol 2015: P. 175. № 8. Fig. 8a-b.

Σω(φάνης)

KH 31. Нимфей, 2011. Уч. М, Прирезка 2010 г., кв. 2. Яма 80, к.о. 154, ВКИКМЗ, КП 180019 / ККК 25461.

Аналогии: IOSPE III: № 2194–2210; Крушкол 1949: С. 99, Рис. 4; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: P. 236. № 787–788; Buzoianu 1979: P. 93. № 51; Sztetyllo 1983: P. 193. № 376; Grace 1986: P. 559, 563 ff.. № 21, 24. Fig. 5; Амперёр, Гарлан 1992: С. 17, Рис. 8; Empereur 1988: P. 352. № 1. Fig. 5; Empereur, Tuna 1988: P. 345 f., 352 f. Fig. 5 -*1*; Radulescu et all. 1990: P. 41. № 376(4). P. 44. № 394(22) (разные штампы); Lund 2002: P. 171, Pl. 171, H69; Cancardeş-Şenol, Alcaç 2007: P. 323. № 46; Кац 2007: С. 223, Рис. 51, -*14–15* (разные штампы); Cancardeş-Şenol 2015: P. 175. № 8 (ретроградно). Этому оттиску морфологически близко ретроградное клеймо с легендой ZΩ в квадратном штампе: IOSPE III: № 1631, 1632 (ретроградно); Calvet 1972: P. 64. № 133 (ретроградно).

Имя Σω(φάνης), ср. вариант Σωφά|ν(ευς) с ретроградной «ν» во второй строке: Empereur 1988: P. 352. № 2. Fig. 5, 10 известно со следующими сокращениями имён: Ἀγα, Δα, Εὐ, Εὐα, Σωφ, Κα, Κλι: Empereur, Tuna 1988: P. 345, 352; Τε(...): Ефремов 2019: С. 557. No. LXVI; Ζη: IG XII. № 1393; Grace 1934: P. 284. № 247; eadem 1963: P. 319; Buzoianu 1979: P. 92. № 45, Pl. III -*12* (не прочитано); Grace 1986: P. 542. № 28, p. 554. Fig. 2, -*7*, p. 562; Grace, Empereur 1981: P. 426. Note 3; Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969: P. 250. № 987; Брашинский 1980: С. 204. № 815; Coulson, Leonard 1982: P. 375. № 4 (как родосское); Кац 2007: С. 223. Табл. 51, 12; Schmaltz 2016: S. 366. No. KA 852.

TIM

KH 32. Горгиппия, 1977. Р. Центр, кв. 8, шт. 1, оп. 51. КМ 11098/16. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 552. № XLII.

ФІК

KH 33.1. ВКИКМЗ, КП 85876 / ККК 3836;

KH 33.2. Горгиппия, 1955. № 450;

KH 33.3. Фанагория, 1986. Р. Южный город, кв. LXX, шт. 8. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 222. № 1032–1033; Ефремов 2019: С. 552. № XLIII.

3. Двустрочные. Одно имя в сокращении (в одну или две строки)[67]

Ὑε(υ)|βο(ύλου) либо **Εὐ|βο(ύλου)** *boustrophedon*

КН 34. ВКИКМЗ, КП 85435 / ККК 3395. В данном случае это может быть растяжение начального дифтонга εὐ в ὐευ. Такая практика засвидетельствована в ряде клейм фабриканта Εὔβουλος (Jefremow 1995: S. 31; Матеевич, Самойлова 2017: С. 109, 226. № 37, 37a) и Εὐβουλίδας (Sztetyłło 2000: P. 126, 159. № 155), что может быть характерным признаком местного диалекта. В таком случае в данном клейме также может расшифровываться имя Εὔβουλος.

Πα|σι(...)

КН 35. Из Керчи. Собрание Подшивалова. Оп. IV/305 № 298. ГИМ, инв. № 20269. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 547. № XIII.

4. Два имени в сокращении (в две строки)?

Ἀθ|Ἰππ или **Ἀθ(ήν)|ιππος**

КН 36. Волна, 1. Р. XXII, кв. 73, шт. 9, оп. 171. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 552. № XLIV. Ср. книдские клейма с легендой ΙΠΠ: Cancardeş-Şenol 2002. P. 243. № 97. Fig. 98a-b (на ручке амфоры с грибовидным венцом). Возможно, ΙΠΠΟ: Ельницкий 1940: С. 320. Рис. 3.

5. **Монограммы и лигатуры**:

ΙΑΚ(...)

КН 37. Поселение Заветное-5. Опубликовано: Стоянов 2017: С. 227, 242. Рис. 5 -*6–9*.

Аналогии: Матеевич, Самойлова 2017: С. 115, 232. № 36, 36a (не расшифрована, определена как оттиск неизвестного центра).

ΝΥ(...)

КН 38. Фанагория, 1982, Р. Южный город, кв. LXXXII, шт. 15–16.

ΜΙ

КН 39. Горгиппия, 1986, Р. Заповедник, колодец 1. АМ ΛМ № 10831/19. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 553. № LV.

ΠΟ

КН 40.1. ВКИКМЗ, КП 85456 / ККК 3416;

---

[67] Ср. подобные клейма: Cancardeş-Şenol 2015: P. 179. № 24. Fig. 22a-b, 23a-b: Φιλοκ(...), очевидно, Φιλοκ(ράτης). Далее ibid. P. 179 f. № 22–23. Fig. 22a-b. Легенда понята как бустрофедон и прочитана неверно: Ἀν|ιθρα(...), в то время как совершенно чётко читается в обычном начертании слева направо: Ἀνδροσ(...), т.е., очевидно, Ἀνδροσ(θένης), где лишь «ρ» начертана ретроградно. Верно прочитано в заметке: Johnston: P. 20. Fig. 55.

КН 40.2. Горгиппия, 1960, Р. Город, кв. II, шт. 8, оп. 8. КМ 7264/33. Возможно, иной вариант (штамп) предыдущего клейма. Ср.: монограмму ПОΣ: Придик 1917: Табл. XVI -*46*; IOSPE III: № 977–978;

КН 40.3. ВКИКМЗ, КП 86705 / ККК 3665.

Аналогии: Dumont 1873: P. 321; Reisner et all. 1924: P. 316. B VIb. № 15; Calvet 1972: P. 66–64. № 130–132; IOSPE III: № 970–972; Grace 1934: P. 289. № 269; Coulson, Leonard 1982: P. 541. № 18; Coulson et all. 1996: P. 153. Fig. 59, 18. Pl. XX -*8*; Cancardeş-Şenol 2015. P. 182 f. № 30. Figs. 30a-b, P. 187. № 46. Figs. 46a-b. Иной штамп Cancardeş-Şenol 2015: P. 188. № 50. Figs. 50a-b. По информации Г. Джанкардеш-Шенол аналогичное монограммное клеймо было найдено в мастерской Резадие на Книдском п-ве вместе с монограмным клеймом ПА. В Александрии один экземпляр был обнаружен с монетой Александра Македонского 333–323 г., другой – совместно с фасосским клеймом магистрата Криномена, датируемым ок. 315–300 гг. (ibid.).

ΧΙ... либо **ΧΝ**[...]

КН 41. Волна 1, 2014. Р. X, кв. 873, шт. 5.

ΑΔ или **ϒΔ**

КН 42. ВКИКМЗ, КП 98684 / ККК 8005.

ΑΘ

КН 43.1. ВКИКМЗ, КП 85672 / ККК 3632;

КН 43.2. ВКИКМЗ, КП 85673 / ККК 3633. Фанагория, 1985. Юг, кв. LXI, шт. 8. Учтено в IOSPE III: № 731. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 222. № 1045; Ефремов 2013: С. 413. № М2.

Аналогии: Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: P. 251. № 1001 (?); Cancardeş-Şenol 2015. P. 185. № 39. Figs. 39a-b. Ср.: Nilsson 1909: P. 524. № 851.

Ἀτ

КН 44.1. Горгиппия, 1986, Р. Заповедник, колодец 1, оп. 36, КМ 10831/10. В комплексе больше десятка клейм Гераклеи и Фасоса;

КН 44.2. Поселение Заветное-V, 2006. К.о. 25. ВКИКМЗ, КП 163449 / ККК 22789.

Аналогии: Empereur, Tuna 1988: P. 354, 356. Figs. 6, -*6*, *15*; IOSPE III: № 635-637 (Пантикапей, Мирмекий). Ср.: Levi et all. 1963: P. 626. № 103; Grace 1934: P. 288. № 267 (Фасос); Bon, Bon 1957: P. 499. № 2185; Coja 1986: P. 446. № 184; Ακαματη 2000. P. 47 f.. № П, P. 82, 86, Pin. 8; Jöhrens 1999: S. 247. № 846 (группа Парменискa); Empereur, Tuna 1988: P. 354, 356. № 15 (на двойной ручке); Возможно: Buzoianu, Bärbulescu 2008: P. 326. № S651. Pl. XXX.

ΔΟ или **ΟΔ** (?)

КН 45.1. ВКИКМЗ, ККП 85691 / ККК 3651;

КН 45.2. ВКИКМЗ, КП 85690 /ККК 3650.

ΔΟ или ΑΘ (?)

КН 46. Волна 1, 2014, Р. X, кв. 424, шт. 10, оп. 2123.

АР

КН 47. Волна 1, Р. XXII, кв. 11, шт. 3, оп. 153.

Аналогии: IOSPE III: № 632 (Ольвия); Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: P. 255. № 1035; Возможно: Buzoianu, Bärbulescu 2008: P. 326. № S 650. Pl. XXX.

НРΩ

КН 48. Волна 1, 2014, Р. X, кв. 750, траншея. Ср. НРО: Jefremow 1995: S. 223. № 1064.

МІА

КН 49. Горгиппия, 1986. Р. Заповедник, пл. 86, зачистка борта, оп. 354. КМ 10831/14. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 550. № XXXII.

Аналогии: Придик 1917: Табл. XVI -*21*. Ср. схожую монограмму на ручке косской амфоры: Кац 2007: С. 174. Рис. 33 -*5*.

ΞА или МАТ

КН 50.1. Мирмекий, 2009. Кв. Б, шт. 5, к.о. 299. ВКИКМЗ, КП 174902 / ККК 24249;

КН 50.2. ВКИКМЗ, КП 85532 / ККК 3492.

«скоба»

КН 51. Волна 1/4. Р. X., кв. 715. № 2875.

Аналогии: Calvet 1972: P. 63. № 130.

Ξ (?)

КН 52. Фанагория, 1981. Р. Южный город, кв. XI, шт.11.

ETE

КН 53.1. Фанагория, 2007. Р. Верхний город, яма 364;

КН 53.2. Масляная гора (хора Херсонеса). Опубликовано: Ефремов, Тюрин 2019: С. 180. Рис. 2, *3–4*.

Аналогии: Säflund 1980: P. 22. No. 41 (не прочитано, понято как «двойной топор»).

МА или NA

КН 54. ВКИКМЗ, КП 79222 / ККК 3221.

КА или ΧАІ

КН 55. Горгиппия, 1995. Р. Заповедник, сл. находка. КМ 10242/7.

Πταμι (?)

КН 56. Горгиппия, 1980. Р. Заповедник, кв. 194, оп. 321. КМ 11720/17. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 225. № 1133.

Παρθη

KH 57. Мирмекий, 1965. K.o. 313. ВКИКМЗ, КП 45791 ККК 11237. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 550. № XXX. Ср.: Jefremow 1995: S. 224. № 1116.

ΠΑΥ

KH 58. Волна 1, 2016. P. XVII, кв. 139, шт. 3.

Аналогии: Cancardeş-Şenol 2015. P. 174. № 6. Г. Джанкардеш-Шенол (Ibid. № 6. Notes 29 f.) относит его к началу III в., отмечая совместную находку с птолемеевской монетой ок. 300–262 гг.

NPA

KH 59. ВКИКМЗ, КП 85696 / ККК 3656.

Аналогии: IOSPE III: № 821–822 (Пантикапей и окрестности). Возможно: Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: P. 254. № 1030.

ΒΑΤ

KH 60. ВКИКМЗ, КП 85734 / ККК 3694.

Аналогии: IOSPE III: № 531–532.

Θυρ(...)

KH 61. ВКИКМЗ, КП 85695 / ККК 3655.

Аналогии: Dumont 1872: Pl. XIV-*37* (?); IOSPE III: № 849.

монограмма

KH 62. ВКИКМЗ, КП 85679 / ККК 3639. Аналогии: IOSPE III. № 1028–1034.

Τ (?)

KH 63. Фанагория, 1983. Р. Южный город, кв. XII, сброс 411.

ΕΥ

KH 64. ВКИКМЗ, КП 85677 / ККК 3637. Зафиксировано в IOSPE III: № 483. Издано вместе с нижеследующими оттисками: Jefremow 1995: S. 224. № 1119–1122; Ефремов 2013: С. 415. № М15.

Аналогии: Nilsson 1909: P. 529. № 865; Придик 1917: Табл. XVI -*16*; Levi 1967: P. 627. № 113; Levi, Pugliese-Caratelli 1967: P. 564. № 71; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: P. 253. № 1021–1022; Cancardeş-Şenol 2015: P. 187. № 46. Figs. 46a-b (контекст 315–300 гг.), P. 188. No. 50. Figs. 50a-b.

KH 65. Краснодарский музей. Целая амфора без ножки с двумя клеймёными ручками. КМ 6629/46. хутор Зеленского, некрополь (IOSPE III: № 483). Издано: Монахов 2003: С. 304. Табл. 74 -*3*; Ефремов 2019: С. 548. № XIV.

Аналогии: IOSPE III: № 688–696 (Пантикапей); Придик 1917: Табл. XVI -*49*; Grace 1934: P. 290. № 275; Levi, Pugliese-Caratelli 1963: P. 627. № 113. Fig. 51 (иной штамп); Levi 1967: P. 564. № 71.

KH 66. Краснодарский музей. Целая амфора без ножки с одним клеймом: Хутор Ленина, 1981, могильник № 2, погр. 110. № КМ 6642/370. Издано: Монахов 2003: С. 304. Табл. 74 -*4*.

ΑΓΑ | KN

KH 67. ВКИКМЗ, КП 99304 / ККК 8422. Во второй строке, очевидно, этникон в сокращении.

ΠΑΣΙ

KH 68.1. Семибратнее городище, 1987. Под. мат. АМ КМ 8313/4;

KH 68.2. Горгиппия, 1986. Р. Заповедник, пом. 102, оп. 207 [АМ-10831/9];

KH 68.3. Капустин хутор, 1983. Оп. 57 КМ 6883/16;

KH 68.4. Горгиппия, 1978. Под вымосткой № 1.

KH 68.5. Фанагория, 1983. Юг XXIV/13. Опубликованы: Ефремов 2013: С. 415 слл., Addendum; Ефремов 2019: С. 69. № XIII.

Аналогии: Придик 1917. Табл. XVI, *-41*; Ельницкий 1940: С. 322 (иной штамп); IOSPE III: № 2091–2095 (иной штамп); Cancardeş-Şenol 2015: P. 174 f.. № 7. Fig. 7a-b; Schmaltz 2016: S. 369. № KA 856.

Здесь, очевидно, следуют расшифровывать имя Πασι|(κράτης) (Ефремов 2013: С. 416; Cancardeş-Şenol 2015: P. 174, комментарий к № 7). В этом случае он может быть отождествлён с Πασι|(κράτης) в клеймах с «носом корабля», которые также содержат лунарную сигму и относятся к числу позднейших в группе (Ефремов 2013: С. 416, 436. Рис. 4; Cancardeş-Şenol 2015: P. 175). Если это действительно так, то эта разновидность является переходной от группы Iб к группе II (Ефремов 2013: С. 416). Клеймо из Александрии оттиснуто на ручке амфоры с грибовидным венцом: Cancardeş-Şenol 2015: P. 175 (комментарий к № 7), что подтверждает употребление монограмных клейм с данным типом сосудов. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 547. № XIII.

ΠΑΥΣΙΜ Παυσιμ(*άχου*)

KH 69.1. ВКИКМЗ, КП 86675 / ККК 3635;

KH 69.2. П-41, к.о. 186. ВКИКМЗ, КП 888939 / ККК 5524;

KH 69.3. Фанагория. ГИМ 54791 II 605–356. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 553. № LIV.

Аналогии: Придик 1917: Табл. XVI, *-36*; IOSPE III: № 945–951; Calvet 1972: P. 62. № 127; Гетов 1995: С. 106, 180. № 280 (прочитано неверно как ΠΑΜС); IOSPE III: № 93 из Мирмекия (ретроградно); Ariel 2001. P. 161. № 39 (прочтено неверно). Иной штамп: Cancardeş-Şenol 2015. P. 187. № 45. Figs. 45a-b (прочитано как Πασι(...); Schmaltz 2016: S. 343. № KA 797 (прочитано как АПΣ); Dündar 2017. P. 304. № Kn. 4 (прочитано как АПО); Johnston: P. 3. Fig. 2.

B|A

KH 70. Нимфей, 2007. Уч. М. Р. Западный, кв. 3-А, шт. 2. к.о. 290, ВКИКМЗ, КП 168735 / ККК 23369.

Аналогии: Матеевич, Самойлова 2017: С. 115, 232. № 33, 33а (понята как Ф).

Πν (N ретроградно)

KH 71. Мирмекий, 2010. Уч. И, кв. Б, прирезка, зольник, к.о. 444. ВКИКМЗ, КП 177661 / ККК 25231. Зафиксировано в IOSPE III: № 959.

Аналогии: Cancardeş-Şenol 2015: P. 185. № 38. Figs. 38a-b (прочитано как АПО или ΔІО); Гаврилов 2011: С. 177. № 670 (определено как хиоссское и прочитано: ПИГ); Dündar 2017: P. 303 f.. № Kn. 3 (схожая лигатура, но с точкой внизу между гастами «П».); Ольвия, О–69/2366; Придик 1917: Табл. XVI, 35. С. 106. № 72–73 (Пантикапей); возможно: Schmaltz 2016: S. 368, KA 855; Матеевич, Самойлова 2017: С. 115. 231. № 22, 22а (как неизвестный центр). Э. Дюндар понимает эту лигатуру как ПАΘ или ПАО, хотя, на наш взгляд, предпочтительнее чтение ПN или соответственно ПОN.

ΠN

KH 72. Гермонасса,1982. Кв. VI–VII, шт. 47, оп. 27. ГМИИ, ЭФ-567.

Аналогии: Gramatopol, Poenaru Bordea 1969: P. 254. No. 1025; Calvet 1972: P. 63. № 129; Buzoianu, Bärbulescu 2008: P. 327. No. S656, Pl. XXX.

CΩ |EϒΥ (?)

KH 73. Нимфей, 2009. Уч. М, Р. Западный, кв. 3, шт. 2. ВКИКМЗ, КП 175274 / ККК 24461.

AK|CP

KH 74. Нимфей, 2008, уч. М, Р. Западный, кв. 4, шт. 2, к.о. 252. ВКИКМЗ, КП 171649 / ККК 23822. Схожий тип клейм: Гетов 1995: С. 106, 180. № 283: ME|ΦI (ретроградно).

Παθ(...)

KH 75.1. Мирмекий, 1964, оп. 1101. ВКИКМЗ, КП 74926 / ККК 12743;

KH 75.2. Поселение Генеральское Западное (юго-западный склон), 2005. ВКАЭ. Кв. 105–107 сл. 2, № к.о. 170. ВКИКМЗ, КП 162256 / ККК 22734;

KH 75.3. ВКИКМЗ, КП 85521 / ККК 3481;
KH 75.4. ВКИКМЗ, КП 85518 / ККК 9478;
KH 75.5. ВКИКМЗ, КП 85514 / ККК 3474;
KH 75.6. ВКИКМЗ, КП 85516 / ККК 3476;
KH 75.7. ВКИКМЗ, КП 85515 / ККК 3475;
KH 75.8. ВКИКМЗ, КП 85513 / ККК 3473;
KH 75.9. ВКИКМЗ, КП 85520 / ККК 9480;
KH 75.10. ВКИКМЗ, КП 85522 / ККК 3482;
KH 75.11. ВКИКМЗ, КП 85517 / ККК 3477;
KH 75.12. ВКИКМЗ, КП 85519 / ККК 3479;
KH 75.13. ВКИКМЗ, КП 85524 / ККК 9489;
KH 75.14. Чайка-65/796 (ЕКМ);
KH 75.15. Горгиппия: Алексеева 1975: С. 33. Рис. 2. № 2;
KH 75.16–17. Горгиппия, 1970. Берег II, пом. 1–5 оп. № 8;
KH 75.18. ВКИКМЗ, КП 85521 / ККК 3481;
KH 75.19. Горгиппия, оп. 174,3;
KH 75.18-40;

КН 75.41. Генеральское Западное, 2003. Черепичная вымостка, к.о. 287, ВКИКМЗ, КП 157020 / ККК 21552;

КН 75.42. Мирмекий, 2011, уч. И, кв. Ж, шт. 1, к.о. 354, ВКИКМЗ, КП 180516 / ККК 25764. Опубликованы: Придик 1917: Табл. XVI. № 33–34; Шелов 1957: С. 217. Табл. V -*3*; Jefremow 1995: S. 224. № 1076–1103; Ефремов 2013: С. 411 сл., М 1.

Аналогии: **АПО**: Шкорпил 1904: С. 157. № 714 (справа); IOSPE III: № 884–928; 929–936; Milne 1905: P. 127. № 26110; Porro 1916: P. 124. № 285 -*1–3*; Придик 1917: С. 106. № 69–71. Табл. XVI -*33–34*; Saucius-Saveanu 1933: P. 430; Шелов 1957: С. 217. Табл. V -*3*; Levi 1967: P. 558. № 39. Fig. 5; Adamsheck 1979: P. 40 f. № Gr 118. Pl. 12; Calvet 1972: P. 19 f. № 18–23; idem 1982: P. 15. № 9–10; idem 1993: P. 64. № 70; Sztetyłło 1983: P. 193. № 377; Empereur 1988: P. 160, 163. Fig. 2; Tuna et all. 1988: P. 50. Fig. 2; Empereur, Tuna 1989: P. 558, 565. № 7; Empereur 1999: P. 108, 114. Fig. 13; Tuna et all. 1991: P. 45. Fig. 7; Ariel 2001: P. 156. № 5–6; Calvet 1993: P. 64. № 70; Кац 2007: С. 223. № 51 -*1*; Lodi 2014: P. 73, 75. № 1; Cancardeş-Şenol 2015: P. 177 f. № 15 (с датировкой конец IV – начало III вв.).

ΠΑΘ: Calvet 1972: P. 19. № 23–28; Buzoianou 1979: P. 93. № 52; Avram 1988: P. 312. № 154. Fig. 14/8; Empereur, Tuna 1988: P. 160; Empereur 1989: P. 160; Амперёр, Гарлан 1992: С. 15, 17, Рис. 7; Coulson, Wilkie 1986: P. 542. № 32; Coulson et all. 1996: P. 157 f. № 32. Fig. 62; Гетов 1995: С. 106, 180. № 282; Jöhrens 1999: S. 98. № 253; Монахов 1999: С. 165, Рис. 5 -*1*, 5 -*2*; Schmaltz 2016: S. 367. № KA 854; Cancardeş-Şenol 2015: P. 178. № 16.

Расшифровка данной монограммы неоднозначна. В то время, как издатели материалов из разведок на Книдском полуострове интерпретировали её как Παθ(...), ряд исследователей склонялся к точке зрения видеть в этом сокращении имя на Ἀπο(...). Публикумые здесь оттиски дают оба возможных варианта. Вместе с тем едва ли стоит в этом случае выделять два различных имени, как это делает Г. Джанкардеш-Шенол[68]. Одинаковая манера компановки отдельных литер монограммы свидетельствует в пользу одного «обладателя». В варианте с «омикрон», скорее, следует видеть отдельный штамп, в котором «θ» либо не пропечаталась, либо была вырезана подобным образом. Возможно и иная интерпретации данной монограммы, см.: Гаврилов 2011: С. 291. № 86 (Хиос).

ZHN

КН 76.1. Генеральское, 1986. К.о. 176. ВКИКМЗ, КП 126242 / ККК 16361;

КН 76.2. ВКИКМЗ, КП 146242 / ККК 18361.

Аналогии: Возможно, IOSPE III: № 734–744. Если толкование этой лигатуры верно, то имя может быть восстановлено как Ζήν(ων) и, по

[68] *Cancardeş-Şenol G.* Early Knidian.. P. 177 + № 15.

всей вероятности, принадлежать носителю этого имени в «группе Зенона».

ZHN

KH 77.1. Волна 1, 2013. Р. X, кв. 358, шт. 5, оп. 837;

KH 77.2. ВКИКМЗ, КП 85462 / ККК 3422; ВКИКМЗ, КП 35465 / ККК 3425;

KH 77.3. ВКИКМЗ, КП 85456 / ККК 3426;

KH 77.4. Горгиппия, Р. Заповедник, 1984, пл. 118–119, оп. 52. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 552. № XLVI.

Аналогии: Придик 1917: Табл. XVI -*27*; Jefremow 1995: S. 225. № 1238–1240.

Ἡρο

KH 78. Фанагория, 1985. Р. Южный город, кв. LXIV, зап. бровка, слой 1. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 223. № 1064; Ефремов 2019: С. 549. № XXIV. То же сокращение, но ретроградно: Федосеев 2006: С. 71. № 38 (КГИЗ КП 159221).

H...

KH 79. Фанагория, 1992. Оп. 56, п.о. 5605/27. Возможно, иной вариант предыдущего клейма.

Аналогии: Тира: Матеевич, Самойлова 2017: С. 109, 226. № 40, 40a.

Τε | βου Τ и **Ε** в лигатуре.

KH 80. Мирмекий, 1957. № 2110, ВКИКМЗ, КП 73976 / ККК 12171. Схожий тип клейма: Гетов 1995: С. 106, 180. № 284: ΦΡ|ΥΝ.

Αὐ(

Με(ретроградно)

KH 81. Нимфей, 2007. Уч. М, Р. Западный, кв. 3А, шт. 1. ВКИКМЗ, КП 158658 / ККК 23344.

ΜΥΡ ретроградно в лигатуре

KH 82. Горгиппия 1988. Р. Горком, кв. 90, 107, гл. 260-27, оп. 704. КМ 11995/2.

ΠΑ в лигатуре

KH 83. Гермонасса, 1956. Кв. XXXVII-XXXVIII, поп 90–94, оп. 800. ГМИИ ЭФ-337.

Аналогии: IOSPE III: № 850–851, 856; Stetyłło 1983: P. 195. № 378 (Елизаветовское городище).

ΠΟ в лигатуре, ретроградно

KH 84. Бакланья скала, 2007, кв. 10, сл. 3, к.о. 237. ВКИКМЗ, КП 169480 / ККК 23687. Опубликовано: Ефремов 2019: С. 551. № XXXVIII.

Аналогии: Cancardeş-Şenol 2015: P. 185. № 40. Figs. 40a-b.

Пϱ или **Гϱ** в лигатуре

КН 85.1. ВКИКМЗ, КП 85806 / ККК 3766;

КН 85.2. КМ 6640/447. Хутор Ленина, 1981. могильник гор. № 2, р. IV/7. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 224. № 1110;

КН 85.3. ВКИКМЗ, КП 85804 / ККК 3764;

КН 85.4. Гермонасса: IOSPE III: № 989 (КМ). Опубликовано: Jefremow 1995: S. 224. № 1110–1113; Ефремов 2019: С. 501. № XXXVIII;

КН 85.5. ВКИКМЗ, КП 85808 / ККК 3768;

КН 85.6. ВКИКМЗ, КП 85804 / ККК 3764 (Гермонасса).

Аналогии: Гаврилов 2011: С. 216. № 100 (неизвестный центр).

ΠΥΦ

КН 86. Мирмекий, 1986. К.о.54. ВКИКМЗ, КП 110279 / ККК 14717.

Вероятная аналогия: Grace 1934: P. 290. № 274.

API или **ΦPI**

КН 87. Фанагория, 1985. Случ. нах. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 223. № 1058; Ефремов 2013: С. 414. № М10.

Аналогии: Sztetyłło 1978: P. 303. № 98; Empereur 1988: P. 357. Fig. 7; Cancardeş-Şenol 2006: P. 74. Fig. 77; eadem 2015: P. 181. № 26. Figs. 26a-b (иной штамп. «I» помещена слева. Предполагаемое чтение IΦP).

6. Отдельные буквы или сокращения имён с эмблемой:

А «гроздь»

КН 88. ВКИКМЗ, КП 85687 / ККК 3647. Опубликовано: Jefremow 1995: S. 223. № 1051–1052.

Аналогии: IOSPE III: № 570, 573.

7. Эмблема или неясный символ:

Две виноградные грозди, между ними ветвь

КН 89.1. Фанагория. ГИМ 54791 II 605-349. Коллекция Уварова; **КН 89.2.** Мирмекий: Sztetyłło 1983: P. 199. № 396. **КН 89.3.** Музей археологии СГУ, ИАКН А-45.

Женская голова (оттиск геммы)

КН 90. Мирмекий**,** 2011. Уч. И, кв. Ж, к.о. 354. ВКИКМЗ, КП 180516 / ККК 25764. Другие изображения человеческих голов (божеств) на раннекнидских клеймах см.: Мирчев 1958: С. 62. № 312, Табл. 40 -*2*; Jöhrens 1999. S. 99. № 259.

букраний (?) или прора

КН 91. Генеральское-Западное, 1988. № 334. ВКИКМЗ, КП 125918 / ККК 16037. Анэпиграфные клейма с эмблемой «прора» см.: Cancardeş-Şenol 2015. P. 182 f. № 29, 31. Figs. 29a-b, 31a-b.

Литература:

Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. С. 4–135.

Алексеева Е.М. Раскопки эллинистического дома в Горгиппии // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 31–37.

Балканска А. Амфори и амфорни печати // Севтополь / Д.П. Димитров, М. Чичикова, А. Балканска, Л. Огненова-Маринова (ред.). София: изд-во на Българската академия на науките, 1984. Ч. I. С. 115 – 158.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980. – 268 с.

Гаврилов А.В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) (Археологический альманах № 24). Донецк: изд-во «Донбасс», 2011. – 348 с.

Гетов Л. Амфори и амфорни печати от Кабиле (IV–II в. пр.н.е.). София: изд-во «Св. Климент Охридски», 1995. – 202 с.

Граков Б.Н. Буквы архаического мегаро–коринфского алфавита на горлах амфор VI в. до н.э. // ВДИ. 1969. № 1. С. 100–101.

Ельницкий Л.Л. О боспорских амфорных клеймах // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 318–324.

Ефремов Н.В. К истории связей Книда с Северным Причерноморьем // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Тематический сборник / В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.). Саратов: изд-во Саратовского университета, 1992. С. 254–265.

Ефремов Н.В. Керамические клейма позднеклассического-раннеэллинистического Книда. «Протокнидские» клейма и клейма с «носом корабля» // ВЭ. 2013. Вып. VII (1). С. 405–451.

Ефремов Н.В. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда // Сб. науч. тр., посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону: типогр. «Лаки-Пак», 2019. С. 542–561.

Ефремов Н.В., Тюрин М.И. Новые клейма Синопы, Коса и Книда из раскопок на укреплении Масляная гора // Боспорские чтения. Симферополь; Керчь, 2019. Т. XX. С. 174–180.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Деметра, 2007. – 480 с.

Кац В.И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Каталог. Саратов: изд-во Саратовского университета, 2015. – 180 с.

Крушкол Ю.С. Амфорные ручки из раскопок 1946 г. в Херсонесе // ВДИ. 1949. № 2. С. 98–100.

Ломтадзе Г.А. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н.э. «царской хоры» Европейского Боспора // ДБ. Suppl. III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 3. М.: ИА РАН, 2015. – 208 с.

Матеевич Н., Самойлова Т.Л. Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998–2008 гг.). К.: Издатель Олег Филюк, 2017. – 234 с.

Мирчев М. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958. – 79 с., XL табл.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 678 с.

Монахов С.Ю. К типологии книдских амфор IV–II вв. до н.э. // БФ. 1999. С. 161–172.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: изд-во Саратовского университета, 2003. – 352 с.

Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 2014. № 3. С. 195–222.

Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917. – 191 с.

Стоянов Р.В. Керамический комплекс подвала СК 2 на поселении Заветное-5 в юго-восточном Крыму // АМА. 2017. Вып. 18. С. 224–251.

Федосеев Н.Ф. О коллекции керамических клейм в Национальном музее Варшавы // БИ. 2001. Т. I. С. 55–74.

Федосеев Н.Ф. Приложение I. Керамические клейма из раскопок 2003–2004 гг. на поселении Заветное-5 // Соловьёв С.Л., Шепко Л.Г. Отчёт античной комплексной археологической экспедиции 2003–2004 гг. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное-5. Часть II. (Археологические памятники сельской округи Акры. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 63–71.

Шелов Д.Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. // МИА. 1957. Вып. 56. С. 202–227.

Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса. М.: Наука, 1975. – 175 с.

Шкорпил В.В. Керамические надписи, приобретённые Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах // ИАК. 1904. Т. 11. С. 19–166.

Ακαματη I.M. Ἐνσφράγιστες λάβες ἀμφορέων ἀπὸ τῆν ἀγορὰ τῆς Πέλλας. Ἀνακάφη 1980–1987. Οἱ ὁμάδης Παρμενίσκου καὶ Ῥόδου. Athenai, 2000. – 241 p., 15 pl.

Alpözen T.O. Bodrum Müzesi ticari amphoralari // TAD. 1975. T. XXII(1). P. 5–38.

Alpözen T.O., Berkaya B., Özdas A. Commercial amphoras of the Bodrum museum of underwater archaeology. Maritime Trade of the Medeiterranean in ancient times. Bodrum: Bodrum Sualti Arkeoloji Müzesi, 1995. – 128 p.

Adamsheck B. Stamped Amphora Handles // Kenchreai. Eastern Port of Corinth. Vol. IV: The Pottery / B. Adamsheck (ed.). Leiden: Brill, 1979. – XIII, 146 p.

Ariel D.T. Stamped Knidian Amphora Handle from Horvat ʾEleq // Hirschfeld Y. Ramat Hanadiv Excavations. Final Report of the 1984–1998 Seasons. Jerusalem: Israel Exploration Society, 2000. P. 747–748.

Ariel D.T. Stamped Amphora Handles // Settlement Dynamics and Regional Diversity in Ancient Upper Galilee. Archaeological Survey of Upper Galilee (IAA Reports, 14) / R. Frankel, N. Getzov, V. Aviam, A. Degani (eds.). Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2001. P. 154–163.

Balkanska A., Tzochev Ch. Amphora stamps from Seuthopolis-revised // Phosphorion. Studia in honorem Mariae Čičikova. София: академично изд-во «проф. Дринов», 2005. P. 188–205.

Barker C.D. Hellenistic Stamped Amphora Handles Held in the Nicholson Museum, Sidney // MedA. 1999: Vol. 12. P. 111–123.

Börker Chr., Burow J. Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Der Pergamon – Komplex. Die übrigen Stempel aus Pergamon (Pergamenische Forschungen, Bd. 11). Berlin: De Gruyter, 1997. – 142 S. 40 Taf.

Buzoianu L. Noi stampile le amfore descoperite la Callatis // Pontica. 1979. T. 12. P. 77–96.

Bărbulescu M., Buzoianu L., Cheluță-Georgescu N. Pentru un catalog complet al importurilor amforice la Albeşti (jud. Constanța) // Pontica. 1990. T. XXIII. P. 49–79.

Buzoianu L., Bărbulescu M. Albeşti. Monografie arheologicâ. I. Constanța: Muzeul de istorie națională şi arheologie Constanța, 2008. – 522 p., CV pl.

Calvet Y. Salamine de Chypre III. Les timbres amphoriques (1965–1970). P.: De Boccard, 1972. – 105 p.
Calvet Y. Kition-Bamboula I. Les timbres amphoriques. P.: De Boccard, 1982. – 60 p.
Calvet Y. Les timbres amphoriques // Kition-Bamboula IV: Les niveaux hellénistiques / Salles J.-F (ed.). P.: Ed. Recherches sur les Civilisation, 1993. P. 61–80.
Cancardeş-Şenol G. Hellenistic Stamped Amphora Handles. From the Bridge Excavations, Gabbari Sector 2 // Nécropolis 2 (Ètudes alexandrines 7) / J.-Y. Empereur, M.-D. Nenna (eds.). P.: De Boccard, 2003. P. 213–261.
Cancardeş-Şenol G. Amphora mühürlerin köken ve sosyal statünün belirlenmesinderki etkileri ve kent loikalizasyonunun tespitine katkilari // Olba. 2005. Vol. XII. P. 139–159.
Cancardeş-Şenol G. Klasik ve hellenistic dönem'de Mühürlü amphora üreten merkezler ve mühürleme sistemleri (Ege Yayinlari). Istanbul: Graphik Digital, 2006. – 219 p.
Cancardeş-Şenol G. Early Cnidian Amphora Exports to Alexandria, Egypt // Recent Studies on the Archaeology of Anatolia (BAR International Series 2750) / E. Lafli, S. Pataci (eds.). L.: Archaeopress, 2015. P. 169–192.
Cancardeş-Şenol G. Astos: A Wine Producer in the Rhodian Peraea // Olive and Wine Production in Eastern Mediterranean during Antiquity / A. Diler, K. Şenol, Ü. Aydinoğlu (eds.). Izmir: Ege Üniversitesi, 2015. P. 233–241.
Cancardeş-Şenol G., Alcaç E. Amphora Mühürleri: Rhodos, Knidos, Kibris ve Lokal Üretimler (Stamped Amphora Handles: Rhodian, Cnidian, Cypriot and Lokal Productions) // Dağlik Kilikia'da Bir Antik Kent Kazinin Sonuçlari, Nagidos (Nagidos. Results of an Excavation in an Ancient City in Rough Cilicia). Adalya. Suppl. 6 / S. Durugönül (ed.). Istanbul: Zero Prodüksiyon Ltd., 2007. P. 297–344, 425–427.
Cancardeş-Şenol G., Alkaç E., Abdelgawad M. The Results of Clay Analysis of Stamped Amphora Handles of Miletus and Rhodian Peraea in Alexandria (Egypt) // Olba. 2017. T. XXV. P. 297–316.
Cancardeş-Şenol G., Şenol A.K., Doğer E. Amphora Production in the Rhodian Peraea in the Hellenistic Period // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5) / J. Eiring, J. Lund (eds.) Aarhus: University Press, 2004. P. 353–359.
Cerda D. Las anfora de la nave de El Sec // El barco de El Sec (Calvià, Mallorca). Estudio de los materiales (Universitat de les illes Baleares) / A. Arribas, M.G. Trias, D. Cerda, de la J. Hoz (eds.). Palma de Mallorca, 1987. P. 401–499, Lám. IX–XVIII.
Coja M. Les centres de production amphorique identifiés à Istros pontique // BCH. 1986. Suppl. XIII / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.). P. 417–450.
Coulson W.D.E., Leonard J. Investigation at Naukratis and Environs 1980–1981 // AJA. 1982. Vol. 86(3). P. 361–380, pl. 45–49.
Coulson W.D.E., Wilkie N.C., Rehard J.W. Amphoras from Naukratis and Environs // BCH. 1986. Suppl. XIII / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.). P. 535–550.
Criscuolo L. Bolli d'anfora greci e romani. La Collezione dell' Università Cattolica di Milano (Studi di Storia Antica 6). Bologna: Clueb, 1982. – 177 p.
Dewdney J.C. Turkey: An Introductory Geography. L.: Chatto & Windus, 1971. – X, 214 p.
Dumont A. Inscriptions céramiques de Grèce. P.: Imprimerie nationale, 1872. – 445 p.
Dumont A. Inscriptions céramique de l'ile de Chypre // RA. 1873. T. XXV. P. 317. – 326.
Dündar E. Remarks on the Possible Uses of a Late Cnidian Stamped Amphora from Patara // Adalya. 2013. T. XVI. P. 167–175.

Dündar E. Transport Jars and Stamped Amphoras from Patara, 7th to 1st Centuries BC. The Maritime Trade of a Harbor City in Lycia (Patara excavations publications series. Bd. IV.3). Istanbul: Yayinlari, 2017. – XL, 490 p., 27 pl.
Empereur J.-Y. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadije (Peninsule de Datca) // Arastirma sonuclari Toplantisi, 1988. T. VI. P. 159–163.
Empereur J.-Y. Hiérotélès pottier rhodien de la pérée // BCH. 1989. T. 113. P. 277–289.
Empereur J.-Y., Hesnard F. Les amphores hellénistiques du monde Ègéen // Céramiques hellénistiques et romaines (Annales littéraires de l'université de Basançon, 331. (Centre de recherches d'histoire ancienne. Vol. 70) / P. Léveque, J.-P. Morel (eds.). P.: Les belles letters, 1987. P. 9–54.
Empereur J.-Y., Hesse A., Tuna N. Les ateliers d'amphores de Datça, peninsula de Cnide // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire / Y. Garlan (ed.). Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1999. P. 105–116.
Empereur J.-Y., Picon M. A la recherche des fours d'amphores // BCH. 1986. Suppl. XIII / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.). P. 103–126.
Empereur J.-Y., Tuna N. Zénon de Caunos et l' épave de Serce Limani // BCH. 1988. T. CXII(1). P. 159–163.
Etienne R., Braun J.-P. Ténos I. Le sanctuaire de Poseidon et d'Amphitrite (BEFAR, fasc. 263). P.: De Boccard, 1986. – 333 p.
Finkielsztejn G. Chronologie détailée et révisée des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.–C – environ: premier bilan (BAR International Series 990). Oxf.: Basingstoke Pr., 2001. – 260 p., 23 pl.
Erol O. Die naturräumliche Gliederung der Türkei (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe A, Nr. 13), Wiesbaden: Dr. L. Reichert, 1983. – VI, 254 S.
Garlan Y. Amphores et timbres amphoriques crecs. Entre èrudition et idéologie (Institut de France. Mémoires de l'académie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série. T. XXI). P.: De Boccard, 2000. – II, 210 p.
Grace V. Stamped Amphora Handles Found in 1931–1932 // Hesperia. 1934. Vol. III. P. 197–310.
Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia. 1963. Vol. 32. P. 319–334.
Grace V. The Stamped Amphora Handles // Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Vol. I / H. Goldman (ed.). Princeton: University Press, 1950. P. 135–148, pl. 115–118.
Grace V. Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments // Hesperia. 1956. Suppl. X. P. 117–189, pl. 52–80.
Grace V. The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. Vol. 54(1). P. 1–55.
Grace V. Some Amphoras from a Hellestic Wreck // BCH. 1986. Suppl. XIII / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.). P. 551–565.
Grace V., Empereur J.-Y. Un groupe d'amphores ptolemaiques estampillées // BIFAO. 1981. T. 81. P. 409–426.
Grace V., Savvatianou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // EAD. T. XXVIII. P.: De Boccard, 1970. P. 277–382.
Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia. 1969. T. XIII. P. 127–282.
I.Milet. Bd. VI.4. Eine Prosopographie / W. Günther (Hrsg.). B.: W. De Gruyter, 2017. – XVII, 676 S.
Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (Quellen und Forschungen zur Antike Welt. Bd. 19). München: tuduv, 1995. – 251 S.

Jöhrens G. Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen (DAI Abt. Athen). Mainz: Philipp von Zabern, 1999. – XVII, 334 S., 4 Taf.

Johnston A. Stamped Amphoras // The British Museum. Naukratis Greeks / A. Villing, M. Bergeron, G. Bourogiannis, a.o. (eds.). – 20 P. (https://www.britishmuseum.org/pdf/Johnston_Stamped_amphorae_SF_AV.pdf (дата обращения 22.10.2019 г.)

Kantzia Ch. Ἕνα κεραμικὸ ἐργαστήριο ἀμφορέων τοῦ πρώτου μισοῦ τοῦ 4ου. αι. π. Χ. στην Κῶ // Γ' ἐπιστημονική συναάντηση γιὰ τὴν ἑλληνιστικὴ κεραμικὴ χρονολογημένα συνόλα ἐργαστήρια. Σεπτεμβρίου. Θεσσαλονική. Κειμένα. Αθήναι, 1994. P. 323–354. Pin. 251–267.

Koehler C.G., Wallace M.B. Appendix: The Transport Amphorae: Description and Capacities // Pulak C., Townsend R.T. The Hellenistic Shipwreck at Serce Limani, Turkey: Preliminary Report // AJA. 1987. Vol. 91. P. 49–57.

Lawall M. Amphoras and Aegean Trade: Structure and Goals for Future Research // Proceedings of the XVth International Congress of Classical Archaeology, Amsterdam, July 12–17, 1998 / R.F. Docter, E.M. Moormann (eds.). Amsterdam: Allard Pierson Series, 1999. P. 229–232.

Lawall M. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III[1] // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. (Black Sea Studies, 3) / V. Stolba, L. Hannestad (eds.). Aarhus: University Press, 2005. P. 31–67.

Lawall M. Imitative Amphoras in the Greek World // MBAH. 2010: Bd. 28. S. 45–88.

Lawall M., Lejpunskaja N.A., Diatroptov P.D., Samojlova T.L. Transport Amphoras // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. 2 vols. (Black Sea Studies, 13) / N.A. Lejpunskaja, P.G. Bilde, J.M. Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij (eds.). Aarhus: University Press of Southern Denmark, 2010. P. 355–405.

Lazarov M. Timbres amphoriques de Nessebre // Nessebre. Sofia: Akad. Bulgare des sciences, 1980. Vol. II. P. 156–185.

Lenger M.-Th. Timbres amphoriques trouvé à Argos // BCH. 1957. T. LXXXI. P. 160–180.

Levi D. Nuovi bolli vascolari da Iasos // ASAA. 1967. T. XXVII/XXVIII. P. 547–577.

Levi D., Pugliese Caratelli G. Nuove inscrizioni di Iasos. B) Instrumentum domesticum // ASAA. 1963. T. XXIII–IV. P. 605–631.

Lodi G. Bolli anforici da Iasos (scavi 1961–2010). Uno Studio sull'instrumentum Inscriptum, Roma: Bardi editore, 2014. – XII, 203 p., II Tav.

Lund J. Excavation, Content, Date and Interpretation // The Maussolleion at Halikarnassos. Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum. Vol. 7: The Pottery, Ceramic Material and Other Finds from Selected Contents (Jutland Archaeological Society Publications XV.7) / L.E. Vaag, V. Nørskov, J. Lund (eds.). Aarhus: University Press, 2002. P. 157–174.

Madzharov K., Stoyanov T. New Evidence on the Chronology of the so-called Zenon B Group Amphorae of Knidos // Studia archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. VI. Stephanos archaeologicos ad 80 annum professoris Ludmili Getov / I. Valchev (Ed.). Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 2018. P. 141–149

Mayerson Ph. The Knidion Jar in Egypt: Popular Made in Egypt, and of Unknown Capacity // ZPE. 2000. Bd. 131. P. 165–167.

Milne J.G. Greek Inscriptions (Catalogue général des antiquités égyptiennnes du Musée du Caire, vol. XVIII). Cairo, 1905. – 153 p.

Nankov E. The Fortifications of the Early Hellenistic Thracian City of Seuthopolis: Breaking the Mold // Archaeologia Bulgarica. 2008. T. XII(3). P. 15–56.
Nørskov V., Lund J. Transport Amphorae // The Maussolleion at Halikarnassos (Halicarnassian studies VII) / L.E. Vaag, V. Nørskov, J. Lund (eds.). Aarhus: University Press of Southern Denmark, 2002. P. 56–68.
Nilsson M.P. Timbres amphoriques de Lindos. Publiés avec une étude sur les timbres amphoriques rhodiens. Exploration archéologique de Rhodos (Fondatin Carlsberg). Copenhague: B. Luno, 1909. T. V. – 539 p.
Öniz H. Amphorae in the Eastern Mediterranean. Oxf.: Archaeopress Publ. Ltd., 2016. – V, 197 p.
Olcese G. Anfore greco-italiche antiche: alcune osservazioni sull'origine e sulla circolazione alla luce di recenti ricerche archeologiche e archeometriche // Metodi e approci archeologici: l'industria e il commercio nell'Italia antica (BAR Internat. Ser. 1262) / E.S. De Sena, H. Dessales (eds.). L.: Archaeopress, 2004. P. 173–192.
Olcese G. The production and circulation of Greco-Italic amphorae of Campania (Ischia/Bay of Naples). The data of the archaeological and archaeometric research // Skyllis. 2005/2006. T. 7(1–2). P. 60–75.
Palaczyk M., Schönenberger E. 2003: Amphorenstempel. Grabungen 1965–2001 // Eretria. Ausgrabungen und Forschungen. Bd. XII. (Schweizerische Archäologische Schule in Griechenland). Gollion: Infolio éditions. S. 163–234, 14 Taf.
Panas Ch., Pontes H. Stamped Amphora and Lagynos Handles from the 1989–1995 Seasons // Studia Troica. Mainz: Philipp von Zabern, 1998. Bd. 8. P. 223–262.
Philippson A. Geologische Karte des westlichen Kleinasiens 1:300000. 6 Bl. Gotha: Justus Perthes, 1914. Blatt 5.
Porro G.G. Bolli di anfore rodie del Museo Nazionale Romano // ASAA. 1916. T. II. P. 103–124.
Pridik E. Amphorenstempel aus Athen // AM. 1896. Bd. XXI. S. 127–187.
Radulescu A., Barbulescu M., Buzoianu L. Importuri amforice la Albeşti (jud. Constanța): Chersonesul Tauric, Cnidos, Cos, Paros // Pontica. 1990. T. XXIII. P. 29–48.
Reisner G.A., Fisher G.S., Lyon D.G. Potter's Marks on Large Jars, Including Rhodian Stamps (Harvard Excavations at Samaria. Vol. 1. Harvard Semitic Series), Cambr. (Mass.): University Press, 1924. P. 18–19, 310–16.
Rotroff S.I. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Moldmade Bowls // The Athenian Agora. 1982. Vol. XXII. – 136 p. 319 pl.
Säflund M.L. Stamped Amphora Handles // Labraunda. Swedish Eaxcavtions and Researches (Swedish Research Institute in Istanbul). Stockholm: P. Aström, 1980. Vol. II. – 27 p.
Sackett L.H., Grace V.R. Stamped Amphora Handles, Sigillata Stamps and Graffiti // Knossos from Greek City to Roman Colony. Excavations at the Unexpored Mansion II. Text (British School of Archaeology at Athens. Suppl. 21) / L.H. Sackett (ed.). L.: Thames & Hudson, 1992. P. 137–183.
Saucius-Saveanu T.H. Callatis. 1926, III-e rapport // Dacia. 1927–1934. T. III–IV. P. 411–434.
Schmaltz B. Die hellenistischen Amphorenstempel von Kaunos (AMS. Bd. 79). Bonn: R. Habelt, 2016. – VIII, 447 S.
Schuchhardt C. Ziegelstempel. Amphorenstempel // Altertümer von Pergamon. Bd. VIII. 1: Die Inschriften von Pergamon. B.: W. Spemann, 1895. S. 118–499.

Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen (Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klass. N.F. Bd. V.2). B.: Weidmannsche Buchhandlung, 1904. – 647 S.

Şenol A.K. New Evidence on the Amphora Production during the Early Hellenistic Period in the Rhodian Peraia // Recent Studies on the Archeology of Anatolia (BAR Internatinal Series 2750) / E. Laflı, S. Patacı (eds.). Oxf.: Archaeopress, 2015. P. 193–202.

Stoddart J.L. On the Inscribed Pottery of Rhodes, Cnidus and other Greek cities // Transactions of the Royal Society of Literature. 2e série. 1850. Vol. III. P. 1–127.

Sztetyłło Z. Timbres céramiques, Alexandrie (1973–1974) // Études et Travaux X. 1978. T. 20. P. 260–303.

Sztetyłło Z. Les timbres céramiques in Musée National de Varsovie. Warszawa: Ed. sci. de Pologne, 1983. – 220 p.

Sztetyłło Z. Pottery Stamps. Tell Atrib I (1985–1995). Travaux du centre d'archólogie méditerranéenne de l'académie polonaise des sciences. Warszawa: Editions Neriton, 2000. T. 34. – 164 p., 266 ill.

Tuna N., Empereur J.-Y., Picon M., Döğer E. Rapport préliminaire de la prospection archéologique turco-française des ateliers d'amphores de Reşadiye-Kiliseyani, sur la péninsule de Datça (15 juillet-3 août 1986) // Anatolia Antiqua. 1988. P. 47–52.

Tuna N., Empereur J.-Y., Doger E., Desbat A. Rapport sur la première campagne de la fouille francoturque de Reşadiye (péninsule de Cnide, juillet 1988) // Anatolia Antiqua. 1991. T. 1. P. 38–49.

Van der Mensch Chr. Productions magno-grecques et siciliotes du IV-e s. avant J.-C. // BCH. 1986. Suppl. XIII / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.). P. 567–580.

Van der Mersch Chr. Vins et amphores de Grande Grèce et de Sicile, IVe-IIIe s. avant J.-C. (Centre J. Bérard, Etudes I). Napoli, 2015. – 280 p.

Whitbread I.K. Greek Transport Amphorae: A Petrological and Archaeological Study (Fitch Laboratory Occasional Paper 4. British School at Athens). Exeter, 1995. – 453 p.

Will E.L. Greco-Italic Amphoras // Hesperia. 1982. Vol. 51. P. 338–356.

Индексы

а) Личные имена в сокращениях, лигатурах, монограммах

Α	ΚΗ 1	ΚΑ	ΚΗ 22
Α и гроздь	ΚΗ 88	ΚΑ или ΧΑΙ	ΚΗ 55
ΑΓ	ΚΗ 6	ΛΙ	ΚΗ 23
ΑΓΑ|ΚΝ	ΚΗ 67	ΛΥ	ΚΗ 24
ΑΔ или ΥΔ	ΚΗ 42	ΜΑ или ΝΑ	ΚΗ 54
ΑΡΙ или ΦΡΙ	ΚΗ 87	ΜΑΤ или ΞΑ	ΚΗ 50
Δ	ΚΗ 2	ΜΙ	ΚΗ 39
Κ	ΚΗ 3	ΜΙΑ	ΚΗ 49
Φ	ΚΗ 4	ΜΥΡ	ΚΗ 82
ΦΙ	ΚΗ 5	ΝΑ или ΜΑ	ΚΗ 54
ΑΘ	ΚΗ 43	ΝΙ ретр.	ΚΗ 25
ΑΘ|ΙΠΠ	ΚΗ 36	ΝΡΑ	ΚΗ 59
ΑΚ| CP	ΚΗ 74	ΝΥ	ΚΗ 38
ΑΛ или ΑΝ	ΚΗ 7	ΠΑ или ΑΠ	ΚΗ 26
ΑΝΤ	ΚΗ 8–9	ΠΑ	ΚΗ 83
ΑΠΟ	ΚΗ 75	ΠΑΘ	ΚΗ 75
ΑΡ	ΚΗ 10–11	ΠΑΡΘΗ	ΚΗ 57
Αρ	ΚΗ 47	ΠΑ|ΣΙ	ΚΗ 35
ΑΡΙ или ΦΡΙ	ΚΗ 87	ΠΑΣΙ	ΚΗ 68
ΑΡΜ или ΔΡΜ	ΚΗ 12	ΠΑΥ	ΚΗ 58
ΑΡΤ	ΚΗ 13	ΠΑΥΣΙΜ	ΚΗ 69
ΑΡΤΕ	ΚΗ 28	ΠΝ	ΚΗ 71–72
ΑC	ΚΗ 14	Πο	ΚΗ 84
Ατ	ΚΗ 44	ΠΟ	ΚΗ 40
ΑΥ|ΜΕ	ΚΗ 81	ΠΡ или ΓΡ	ΚΗ 85
Β|Α	ΚΗ 70	ΠΤΑΜΙ/ΠΑΥΤΙΜ	ΚΗ 56
ΒΑΤ	ΚΗ 60	ΠΥΦ	ΚΗ 86
ΔΑ или ΑΑ	ΚΗ 15	Ξ	ΚΗ 52
ΔΟ или ΑΘ	ΚΗ 45	ΞΑ или ΜΑΤ	ΚΗ 50
ΕΙ	ΚΗ 16	ΞΕ	ΚΗ 21
ΕΤΕ	ΚΗ 53	ΣΙ	ΚΗ 28
ΕΥ	ΚΗ 18	ΣΙ или ΜΙ	ΚΗ 29
ΕΥ моногр.	ΚΗ 64–66	ΣΩ	ΚΗ 31–32
Εὔβου(λος)	ΚΗ 34	Σωφ	ΚΗ 30
Η…	ΚΗ 79	ΣΩ| ΕΥ	ΚΗ 73
ΗΡ	ΚΗ 19	Τ	ΚΗ 63
ΗΡΟ	ΚΗ 78	ΤΕ|ΒΟΥ	ΚΗ 80
ΗΡΩ	ΚΗ 48	ΤΙΜ	ΚΗ 32
ΗΤ	ΚΗ 20	ΦΙΚ	ΚΗ 33
ΘΥΡ	ΚΗ 61	ΦΡΙ или ΑΡΙ	ΚΗ 87
ZΗΝ	ΚΗ 76–77	ΧΑΙ или ΚΑ	ΚΗ 55
ΙΑΚ	ΚΗ 37	ΧΙ или ΧΝ	ΚΗ 41

б) Эмблемы

букраний ? КН 91
гроздь КН 88
две виноградные грозди, между ними ветвь КН 89
женская голова КН 90
меандр КН 17
монограмма КН 62
прора ? КН 91
«скоба» КН 51

в) Этникон

KN КН 67

г) Географический индекс. Места находок клейм

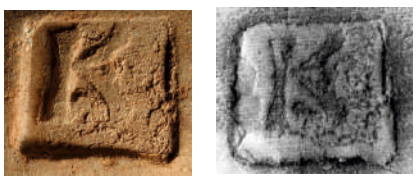
Анапа КН 6
Бакланья скала КН 84
Волна-1 КН 2, КН 8, КН 10, КН 30, КН 36, КН 41, КН 46, КН 47, КН 48, КН 51, КН 58, КН 77
Генеральское КН 22, КН 76
Генеральское Западное КН 75, КН 91
Генеральское Западное, юго-западный склон КН 75
Гермонасса КН 5, КН 7, КН 72, КН 83, КН 85
Горгиппия КН 1, КН 8, КН 12, КН 16, КН 27, КН 32, КН 33, КН 39, КН 40, КН 44, КН 49, КН 55, КН 56, КН 68, КН 75, КН 82
Елизаветовское городище КН 5, 16, 20, 22, 24
Заветное-5 КН 37, КН 44
Золотое Восточное КН 24
Масляная гора (хора Херсонеса) КН 53
Мирмекий КН 16, КН 24, КН 50, КН 57, КН 71, КН 75, КН 80, КН 86, КН 90
Нимфей КН 4, КН 7, КН 9, КН 17, КН 24, КН 31, КН 70, КН 73, КН 74, КН 81
Семибратнее городище КН 68
Тира КН 16
Фанагория КН 6, КН 15, КН 16, КН 17, КН 18, КН 21, КН 23, КН 24, КН 25, КН 26, КН 27, КН 38, КН 43, КН 52, КН 53, КН 63, КН 68, КН 69, КН 78, КН 87, КН 89
Херсонес КН 16
Хутор Зеленский-2 (могильник) КН 65
Хутор Ленина (могильник) КН 66, КН 85
Чайка КН 75
Место находки неизвестно[69] КН 3, КН 8, КН 11, КН 13, КН 14, КН 19, КН 20, КН 27, КН 28, КН 29, КН 33, КН 34, КН 35, КН 40, КН 42, КН 43, КН 45, КН 54, КН 59, КН 60, КН 61, КН 62, КН 64, КН 67, КН 69, КН 75, КН 77, КН 85, КН 88

[69] Предметы беспаспортные из довоенных фондов Керченского музея.

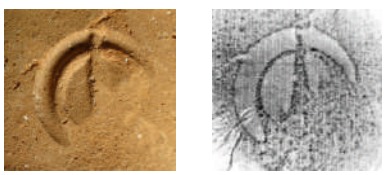
КН 1

КН 2.1

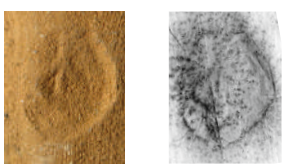
КН 2.2



КН 3



КН 4



КН 5

КН 6.1

КН 6.2

КН 7.1

КН 8.1 КН 8.2

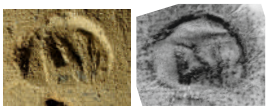
КН 8.3

КН 8.4

КН 9

0 1 2 см

Табл. 1. Книдские амфорные клейма



КН 10

КН 11

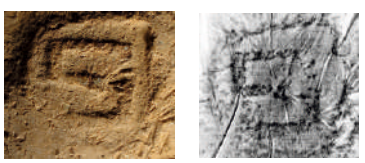
КН 12

КН 13

КН 14

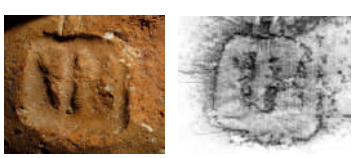
КН 15

КН 16.1



КН 17.1

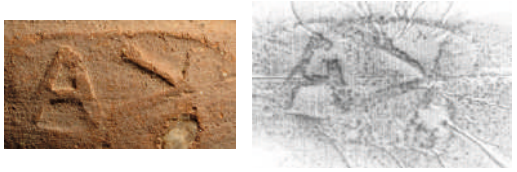
КН 18



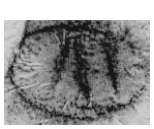
КН 19

КН 20

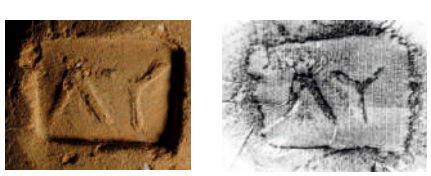
КН 21



КН 22



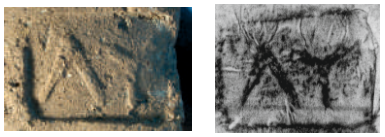
КН 23.1



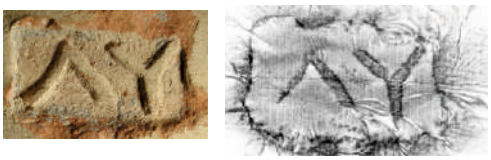
КН 24.1

0 1 2 см

Табл. 2. Книдские амфорные клейма

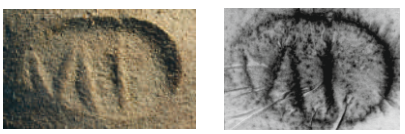


КН 24.2

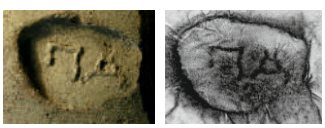


КН 24.3

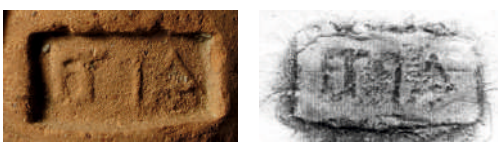
КН 24.4



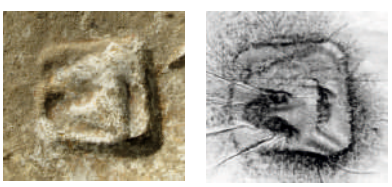
КН 25



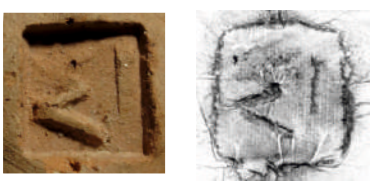
КН 26



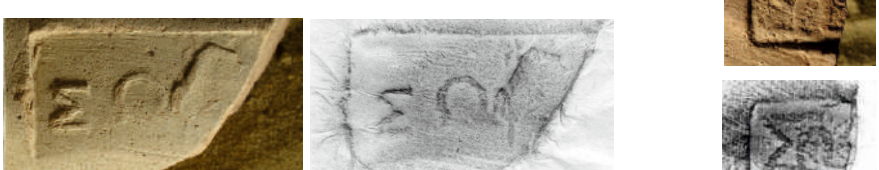
КН 27



КН 28



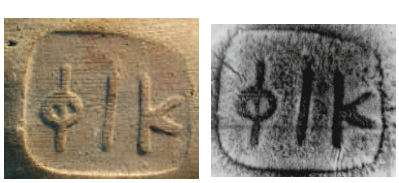
КН 29



КН 30

КН 31

КН 32



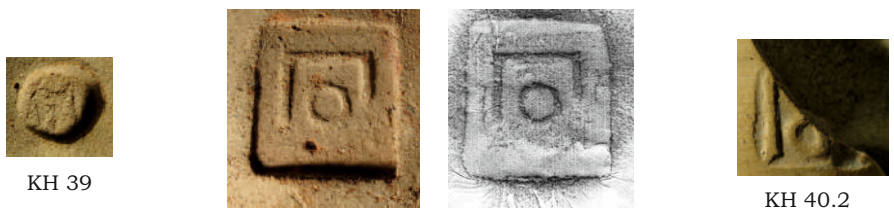
КН 33.1

КН 33.2

Табл. 3. Книдские амфорные клейма

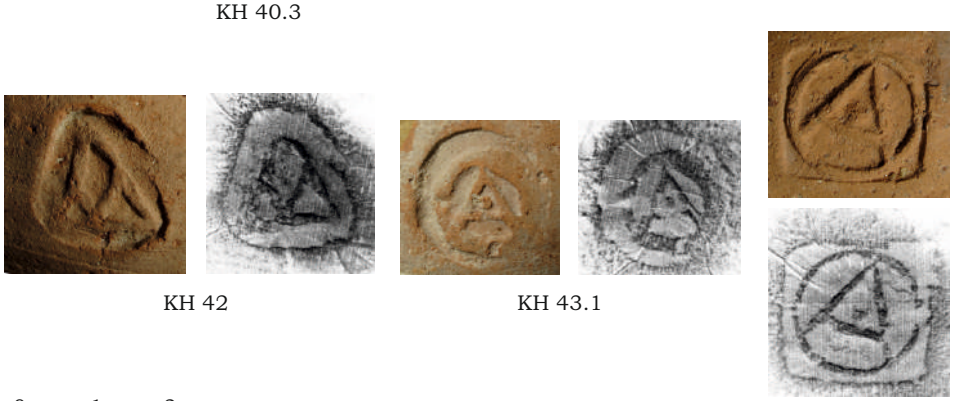
КН 34 КН 35

КН 36 КН 37 КН 38



КН 39 КН 40.1 КН 40.2

КН 40.3 КН 41

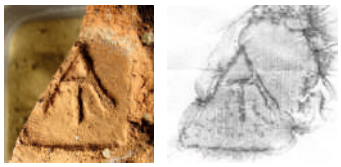


КН 42 КН 43.1 КН 43.2

0 1 2 см

Табл 4. Книдские амфорные клейма

KH 44.1



KH 44.2

KH 45.1

KH 45.2

KH 46

KH 47

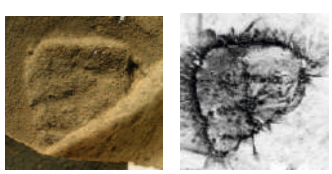
KH 48

KH 49

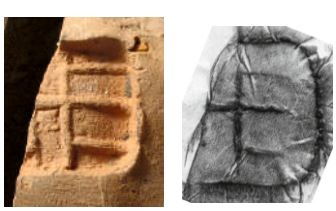
KH 50.1

KH 50.2

KH 51



KH 52



KH 53.1

KH 53.2

0 1 2 см

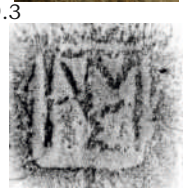
Табл. 5. Книдские амфорные клейма

Табл. 6. Книдские амфорные клейма

КН 69.1

КН 69.2

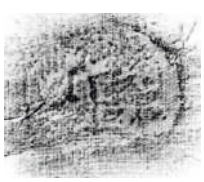
КН 69.3



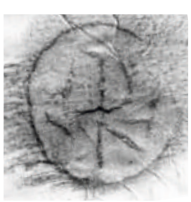
КН 70

КН 71

КН 72



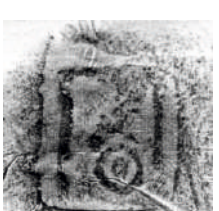
КН 73



КН 74

КН 75.1

КН 75.2

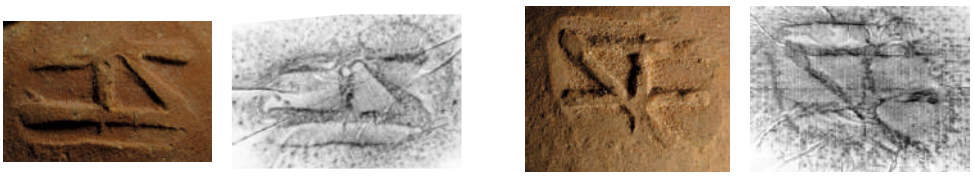


КН 75.3

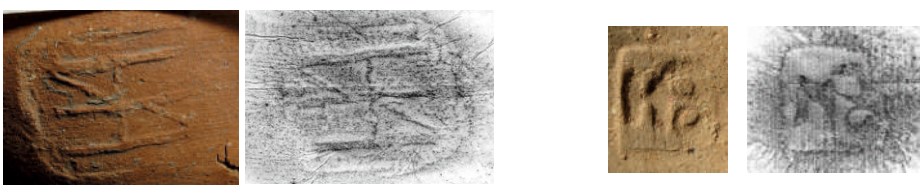
КН 75.4

0 1 2 см

Табл. 7. Книдские амфорные клейма



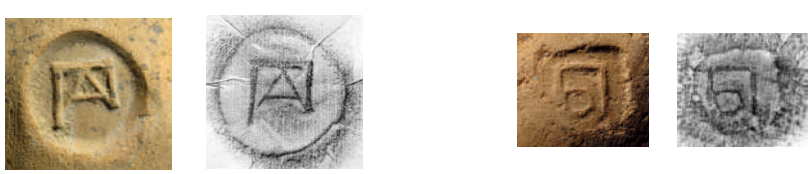
КН 76.1 КН 76.2



КН 77 КН 78

КН 79 КН 80

КН 81 КН 82

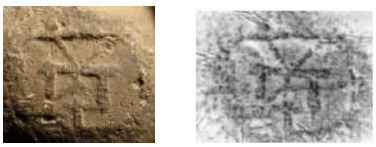


КН 83 КН 84

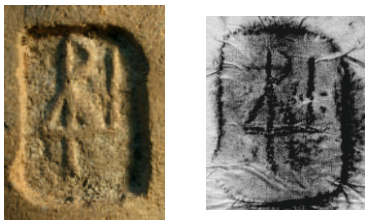
КН 85.1 КН 85.2 КН 85.3

0 1 2 см

Табл. 8. Книдские амфорные клейма

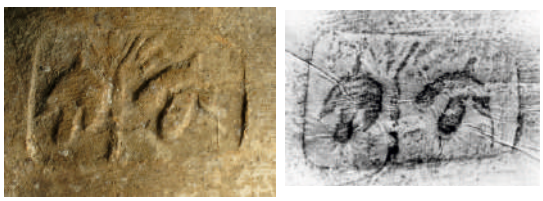


КН 86

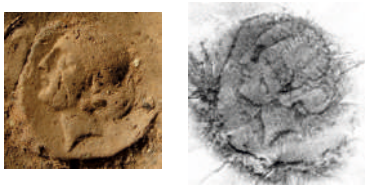


КН 87

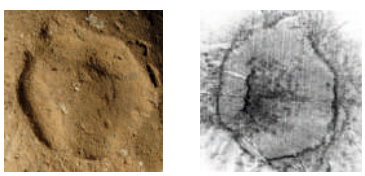
КН 88



КН 89.1



КН 90



КН 91

0 1 2 см

Табл. 9. Книдские амфорные клейма

Н.Ю. Лимберис,
И.И. Марченко

ПОГРЕБЕНИЯ С РОДОССКИМИ АМФОРАМИ ИЗ МЕОТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ КРАСНОДАРСКОЙ ГРУППЫ[1]

Аннотация: В могильниках меотских городищ правобережья Кубани часто встречаются амфоры Родоса. Надежно документированный материал был получен в результате многолетних исследований могильников городищ Старокорсунского № 2 и Ленина № 3, которые относятся к Краснодарской группе памятников. В настоящее время здесь известно 14 погребений с клейменными родосскими амфорами разных типов и вариантов. Хронология проанализированных комплексов с родосскими амфорами показывает их постоянное и вполне равномерное поступление к населению городищ примерно с середины – последней трети III в. до н.э. до рубежа II–I – начала I в. до н.э. Для меотских погребений, в которых в этот период довольно редко встречаются другие импорты, родосские амфоры являются самым надежным датирующим материалом.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, грунтовые могильники, родосские амфоры, типология, хронология.

Abstract: In the burial grounds of the Maeotian hill-forts, located on the Right Bank of the Kuban River, often found Rhodian amphorae. Reliably documented material was obtained as a result of long-term excavations of the burial grounds Starokorsunskaya № 2 and Lenin № 3 hill-forts, which belong to the Krasnodar group of the monuments. Now, there are 14 burials with stamped Rhodian amphorae of the different types and variants. Chronological analysis of the assemblages with Rhodian amphorae shows their constant and continual supply to the population of these settlements around the middle – last third of the III cent. BC to the turn of II–I – early I cent. BC Rhodian amphorae are the most reliable dating material for the Maeotian burials, where other imported products are rare in this time.

Key words: Kuban Region, Maeotian culture, burial-ground, Rhodian amphorae, typology, chronology.

В могильниках меотских городищ, расположенных на правобережье Кубани, часто встречаются амфоры Родоса, продукция которого уверенно проявила себя в эпоху эллинизма. На Кубани первые находки были сделаны в 30–50-х гг. прошлого века на могильниках Усть-Лабинского № 2 (М.В. Покровский, Н.В. Анфимов) и Елизаветинского городища (В.А. Городцов). Одна родосская амфора была найдена в погребении 103 Пашковского могильника № 6, который частично исследовался в 1972 г. во время строительства Краснодарского водо-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края в рамках проекта № 18-49-230007 р_а «Амфорная тара из меотских некрополей правобережья Кубани IV–I вв. до н.э.».

хранилища[2]. В 1980 г. погребение с родосской амфорой было открыто на могильнике городища № 2 у хут. Ленина (А.З. Аптекарев). Некоторое количество отдельных находок родосских амфор происходит из обвалившихся погребений в районе хут. Ленина – ст-цы Старокорсунской (т.н. «подъемный материал»). Надежно документированный материал был получен в результате многолетних исследований могильников Старокорсунского городища № 2 и Ленина № 3, регулярно проводимых Краснодарской экспедицией Кубанского госуниверситета. В настоящей работе мы хотим вернуться к погребениям с родосскими амфорам, выделив их из общей массы меотских керамических комплексов с греческими амфорами и другими импортами, в контексте которых они были опубликованы ранее[3].

Могильник Старокорсунского городища № 2

Погребение 1в (п. 1, р. I 1987 г.)[4]. Погребение находилось на обрыве и более половины его (вместе с одним или двумя скелетами) обвалилось. В оставшейся, не обрушившейся, части были расчищены сосуды, находившиеся в ногах. Из комплекса происходят две амфоры. Одна из них стояла в погребении in situ (рис. 1, *2*). Ее нужно отнести к варианту *вилланова* (I–E), однако излом ручек слабо выражен и, на наш взгляд, имеет переходную форму от ранней серии к поздней. На ручках амфоры стоят круглые клейма, но читается лишь магистратское клеймо Аристонида с указанием месяца: ΕΠΙ | ΑΡΙΣΤΩΝΙΔΑ | ΠΑΝΑΜΟΥ вокруг эмблемы «цветок граната». Нужно отметить, что клеймо – неизвестного раннее штампа. В свое время С.Ю. Монахов уверено датировал этот комплекс 40-ми – началом 30-х гг. III в. до н.э., синхронизируя его с подводным комплексом № 8 из Патрея, где была встречена наиболее близкая по морфологии амфора[5]. Однако после появления новой хронологии родосских эпонимных клейм деятельность магистрата Аристонида (период IIc) стали относить к концу III в. до н.э., а если конкретнее – к 209–205 гг.[6]

---

[2] *Анфимов Н.В.* Меотский могильник Пашковского 6-го городища // Крупновские чтения 1971–2006 гг. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. С. 381; *Улитин В.В.* Амфоры Пашковского могильника № 6 // МИАК. 2004. Вып. 4. С. 158. Рис. 8. № 51.

[3] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5.

[4] Здесь и далее дается порядковый номер погребения по общей нумерации. Индекс «в» обозначает территорию могильника, расположенную к востоку от городища, индекс «з» – к западу (нумерация погребений по участкам могильника – раздельная). В скобках обозначены номер погребения, раскоп и год раскопок.

[5] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары IV–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 544–548. Табл. 228, 229.

[6] *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C Environ. Premier bilan (British Archaeological Reports International Series 990). Oxf., 2001. P. 112, 191. Tabl. 4, 18; *Cankardeş-*

Вторая амфора (рис. 1, *1*), фрагменты которой были собраны в обвале погребения, имеет плавный изгиб ручек, характерный для варианта *вилланова* ранней серии (I-E-1), хронология которой весьма широка, и в целом определяется рамками середины – второй половины III в. до н.э.[7] Как заметил С.Ю. Монахов, обе амфоры по набору признаков (кроме изгиба ручек) очень близки, чтобы предполагать между ними большую временную разницу[8].

Для датировки комплекса важно отметить присутствие в погребении in situ чернолакового кубковидного канфара (*cup-kantharos*) с росписью в стиле «западного склона» (дельфины над волнами) и надписью ΦΙΛΙΑΣ на горле (рис. 2, *1, 1а*). Сосуд представляет собой прекрасный образец продукции мастерской *Edwards/Dikeras Group*, которая работала на Афинской агоре. По сюжету и стилю росписи он идентичен кубковидным канфарам *Dikeras Group* и может быть датирован 275–260 гг. до н.э.[9] Для канфара трудно представить столь сильное «запаздывание» по сравнению с клейменой амфорой, так как роспись, нанесенная жидкой глиной, непременно стерлась бы за длительное время использования сосуда в быту[10]. Тем не менее, датировка погребения остается спорной, хотя состав комплекса местной лепной и сероглиняной керамики также тяготеет к середине III в. до н.э.[11]

Погребение 97в (п. 13, р. II 1992 г.) с клейменой амфорой (рис. 3, *15*) варианта *вилланова* ранней серии (I-E-1). Одно из трехстрочных клейм принадлежит эпониму Калликратиду: ΕΠΙ ΚΑ|ΛΛΙΚΡ|ΑΤΙΔΑ, эмблема – «голова Гелиоса»; второе – фабриканту Артемидору, с указанием месяца: ΑΡΤΕΜ|ΔΩΡΟΣ | ΘΕΣΟΦΟ. Название месяца отделено от имени фабриканта чертой. Как отмечал Д.Б. Шелов, клейма Артемидора всегда построены по одной схеме: имя в именительном падеже, в две строки, месяц отделен от имени горизонтальной чертой[12]. Согласно разработкам Г. Финкельштейна, магистратские клейма с именем Калликратида I относятся к хронологическому периоду IIa,

---

Şenol G. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Alexandria, 2016. Vol. 3. P. 209.

[7] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 117–118, 122

[8] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы… С. 547–548.

[9] *Rotroff S.I.* Attic West Slope Vase Painting // Hesperia. 1991. 60(1). P. 72–74. № 29. Fig. 6. Pl. 21; *eadem*. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX. № 85.

[10] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum plus. 2017. № 3. С. 188. № 21.

[11] *Они же.* Хронология комплексов… С. 224. Рис. 1, *2*.

[12] *Шелов Д.Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975. С. 90.

точнее, к концу 30-х – 20-м гг. III в. до н.э.[13] На этом основании мы датировали комплекс началом последней трети III в. до н.э.[14]

Погребение 99в (п. 2, р. III 1991 г.) с двумя амфорами. Первая амфора (рис. 4, *1*) – варианта *вилланова* ранней серии (I-E-1). На ручках – прямоугольные клейма эпонима Калликратида с указанием месяца: ΕΠΙ ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΙΔΑ | ΑΓΡΙΑΝΙΟΥ; и фабриканта Павсания: ΠΑΥΣΑΝΙΑ. Вторая амфора (рис. 4, *2*) относится к поздней серии того же варианта (I–E–2). Сохранилась одна ручка с круглым клеймом эпонима Аристида: ΕΠΙ ΙΕΡΕΩΣ ΑΡΙΣΤΕΙΔΑ, в центре – эмблема «цветок граната». С.Ю. Монахов при первой публикации амфор из этого погребения отнес данное клеймо к эпониму Калликратиду II и определил хронологию амфор 30-ми, не позднее 20-х гг. III в. до н.э.[15] Позже он сделал уточнение, связав клеймо на первой амфоре с Калликратидом I[16]. Клейма периода IIа с именами магистратов Калликратида I и Аристида[17] дают возможность датировать этот комплекс (как и предыдущий 97в) началом последней трети III в. до н.э.[18]

Погребение 631з (п. 10/комплекс «А», р. II 2005 г.) было ограблено в древности. Здесь была найдена фрагментированная амфора (рис. 5, *8*) ранней серии варианта *вилланова* (I-E-1) с прямоугольным клеймом эпонима Аристонида, с указанием месяца: ΕΠΙ ΑΡΙΣΤΩΝΙΔΑ | ΑΓΡΙΑΝΙΟΥ. Напомним, что на амфоре из погребения 1в встречено клеймо этого же магистрата, но круглого штампа. Деятельность Аристонида (период IIc), как уже говорилось, примерно ограничивается в пределах 209–205 гг. до н.э.[19] По этому клейму и комплекс в целом мы должны датировать самым концом III в. до н.э.[20] Типы же местной керамики (как и в погребении 1в) более тяготеют к середине столетия.

Погребение 250з (п. 8, р. II 1994 г.) с амфорой (рис. 6, *1*) варианта *вилланова* поздней серии (I-E-2). Магистратское клеймо с именем Клеострата и названием месяца: ΕΠΙ ΚΛΗΝΟ|ΣΤΡΑΤΟΥ | ΠΑΝΑΜΟΥ. Фабрикантское клеймо Аполлония сохранилось не полностью: ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ | ΑΡΙΣ---. Аналогичное эпонимное клеймо происходит из Танаиса[21]. Г. Финкельштейн датировал деятельность Клеострата (период Vb) 126 г. до н.э.[22] С.Ю. Монахов отнес эту амфору ко второй половине

---

[13] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 191. Tabl. 18; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 117–118. Сн. 52.

[14] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 224–225. Рис. 1, *2*.

[15] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы… С. 549–550.

[16] *Он же.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 118. Сн. 51.

[17] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 191. Tabl. 18.

[18] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 225. Рис. 13, *15–21*.

[19] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 112, 191. Tabl. 4, 18; *Cankardeş-Şenol G.* Op. cit. P. 209.

[20] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 225. Рис. 42, 43.

[21] *Шелов Д.Б.* Указ. соч. С. 59. № 136.

[22] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 156, 195. Tabl. 12, 21.

II в. до н.э.[23] Мы датировали данный комплекс началом последней четверти II в. до н.э.[24] В погребении, кроме местной керамики, присутствовала рельефная чаша «делосской» группы (рис. 6, *3*). Такие чаши, вероятно относящиеся к продукции эфесских мастерских, широко распространились в Северном Причерноморье во второй половине столетия[25].

Погребение 324з (п. 47, р. II 1995 г.) с амфорой (рис. 7, *7*) поздней серии варианта *вилланова* (I-E-2) второй половины II в. до н.э.[26] На одной ручке – магистратское клеймо Антилоха с названием месяца: ΕΠΙ ΑΝΤΙΛΟΧΟΥ | ΠΑΝΑΜΟΥ. На другой – фабрикантское: ΜΟΥΣΑΟΥ. Г. Финкельштейн ставит Антилоха II в начале VI периода, хронология которого определяется 107–88/86 гг. до н.э.[27] Учитывая архаическую форму сероглиняного меотского канфара из этого погребения, мы датировали комплекс самым концом II в. до н.э.[28]

Погребение 249з/280з (п. 7/36, р. II 1994 г.) с амфорой (рис. 8, *4*) *александрийского* варианта (I-F). Хорошо читается клеймо магистрата Никомаха с названием месяца: ΕΠΙ ΝΙΚΟ|ΜΑΧΟΥ | ΥΑΚΙΝΘΙΥ. На фабрикантском клейме: ΔΩΡΟΥ и эмблема «гроздь винограда» слева. Эту амфору С.Ю. Монахов датировал временем около 100 г. до н.э.[29] Современная хронология относит клейма эпонима Никомаха (период VI) к 107–88/86 гг. до н.э.[30] Поэтому, погребение, скорее всего, следует датировать рубежом II–I или началом I в. до н.э.[31]

Могильник городища № 3 хут. Ленина

Погребение 3 (р. VI 1983 г.) с амфорой (рис. 9, *2*) поздней серии варианта *вилланова* (I-E-2). На одной ручке – трехстрочное клеймо эпонима Аглумброта: ΕΠΙ ΑΓΛΟΥΜΒ|ΡΟΤΟΥ | ΣΜ[ΙΝΘΙΟΥ]. На другой – фабриканта Сосиласа: ΣΩΣΙΛΑ и эмблема – «цветок». Деятельность эпонима Аглумброта (период IIIа) ограничивается 197 г. до н.э.[32] Совместно встречен чернолаковый канфар неаттического производства (рис. 9, *6*). Его форма (с ребром в нижней части тулова) соответствует типу *angular*, наиболее близкие образцы которого относятся к 275–250 гг., а ручки с плоским, острым выступом часто встречаются на

---

[23] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 119.
[24] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 227. Рис. 26.
[25] *Они же.* «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар, 2000. С. 10–11.
[26] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 119.
[27] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 161. Tabl. 13
[28] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 229. Рис. 35.
[29] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 120. Сн. 72.
[30] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 161. Tabl. 13; *Cankardeş-Şenol G.* Op. cit. P. 219.
[31] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 229. Рис. 25, *3–9*.
[32] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 124, 192. Tabl. 6, 19.

сосудах типа *baggy* 225–200 гг.[33]. Хронологические рамки погребения можно ограничить первой четвертью II в. до н.э.[34]

Погребение 4 (р. II 1982 г.) с амфорой (рис. 10, 6) поздней серии варианта *вилланова* (I-E-2). На одной ручке имеется трехстрочное эпонимное клеймо Аристогейта с указанием месяца: ΕΠΙ ΑΡΙΣ| ΤΟΓΕΙΤΟΥ | ΔΑ[ΛΙΟΥ], на второй – имя фабриканта Нисия: ΝΥΣΙΟ[Υ]. Деятельность этого фабриканта исследователи относили к периоду 180–150 гг. до н.э. на основании взаимовстречаемости клейм Нисия с клеймами эпонима Павсания III[35]. На данной амфоре мы встречаем новое сочетание имен. По абсолютной хронологии Г. Финкельштейна клейма Аристогейта относятся к периоду Va, а его деятельность – к промежутку между 141 и 137 гг. до н.э.[36] Поэтому, датировка погребения может быть ограничена первой половиной третьей четверти II в. до н.э.[37]

Погребение 21 (р. II 1982 г.) с амфорой (рис. 11, *б*) варианта *вилланова* поздней серии (I-E-2). Одно клеймо – трехстрочное, эпонима Астимеда: ΕΠΙ ΕΡΕΩΣ | ΑΣΤΥΜΗΔΕΥΣ | ΖΜΙΝΘΙΟΥ. Второе – с именем эргастериарха Лина: ΛΙΝΟ, с изображением виноградной грозди справа. Эпонимное клеймо принадлежит Астимеду II. Период деятельности фабриканта Лина ранее определялся концом III или началом II в. до н.э. по находке в Вилланове целой амфоры с клеймами эпонима Никасагора I и фабриканта Лина[38]. Новое сочетание имен позволяет распространить время функционирования мастерской Лина и на эпонима Астимеда II. Согласно современной хронологии, деятельность магистрата Никасагора I (период IIIв) датируется 172/170 гг. до н.э., а Астимеда II (период Va) – 144 г. до н.э.[39] Хронология комплекса в целом определяется первой половиной третьей четверти II в. до н.э.[40]

Погребение 7 (р. VI 1983 г.) с амфорой (рис. 12, 5) варианта *вилланова* поздней серии (I-E-2). На ручках прямоугольные клейма с именем эпонима Алексиада и названием месяца: ΕΠΙ ΑΛΕΞΙ|ΑΔΑ | ΔΑΛΙΟΥ, а также фабриканта Имаса: ΙΜΑ с изображением кадуцея вправо. Новое сочетание имен добавляет Имаса к списку эргастериархов, работавших во время эпонима Алексиада, клейма которого (период Va) согласно современной хронологической шкале, помещаются между 141/141 и 138/137 гг. до н.э.[41] Таким образом, датировку погребения можно ограничить второй половиной третьей четверти II в. до н.э.[42]

---

[33] *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery… № 222, 252, 253, 271.
[34] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 226. Рис. 46.
[35] *Шелов Д.Б.* Указ. соч. С. 108–109.
[36] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 155, 195. Tabl. 12, 21.
[37] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 227. Рис. 44, *1–6*.
[38] *Шелов Д.Б.* Указ. соч. С. 108–109.
[39] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 155, 192, 195. Tabl. 12, 19, 21.
[40] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 226. Рис. 45.
[41] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 156, 195. Tabl. 12, 21; *Cankardeş-Şenol G.* Op. cit. P. 188.
[42] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 227. Рис. 48.

Погребение 6 (р. VI 1983 г.) также с амфорой (рис. 13, *7*) варианта *вилланова* поздней серии (I-E-2). На ручках – прямоугольные клейма. Одно – с именем эпонима Тисамена и названием месяца: ΕΠΙ [ΤΕΙ]ΣΑΜΕΝΟΥ | ΑΓΡΙΑΝΙΟΥ, другое – с именем фабриканта Ноила [Ν]ΩΙΛΟΥ. Хронологическая позиция клейм с именем Тисамена (период Vb) соответствует временному промежутку между 125 и 121 гг. до н.э.[43] На этом основании мы предложили отнести комплекс к началу последней четверти II в до н.э.[44]

Погребение 2 (р. II 1982 г.) с ручкой амфоры (рис. 15, *1*) *александрийского* варианта (I-F) с характерным резким изломом и двухстрочным клеймом с именем эпонима Эванюра и названием месяца: ΕΠΙ ΕΥ[ΑΝ]ΟΡΟΣ | ΥΑΚ[ΙΝΘ]ΙΟΥ. Г. Финкельштейн относит клейма Эванюра к периоду Vc и датирует его деятельность 119 г. до н.э.[45] Хронологические рамки погребения можно ограничить серединой последней четверти II в. до н.э.[46]

Погребение 5 (р. III 1982 г.) с амфорой (рис. 15, *17*) *александрийского* варианта (I-F) без клейм. На могильнике известна еще одна амфора этого варианта из случайных находок (клейма не читаются) второй половины II в. до н.э.[47] Более узкую хронологию дает амфора этого же варианта с клеймом Никомаха из Старокорсунской (см. погребение 249з/280з). Дату погребения может уточнить и находка чернолакового канфара эллинистической серии, чьё производство связывают с разными центрами Эгейского региона. Изготовление этой формы канфаров в Пергаме относится к первой половине II – второй четверти I в. до н.э.[48] Сосуды этого типа из Беляуского могильника, в основном македонского производства, встречены в погребениях первой четверти II в. до н.э.[49] Аналогичный сосуд был найден в Южном дворце Неаполя Скифского, в слое пожара 1 третьей четверти II в. до

---

[43] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 156, 195. Tabl. 12, 21.

[44] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 227–228. Рис. 47.

[45] *Finkielsztejn G.* Op. cit. P. 156, 195. Tabl. 12, 21.

[46] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 228. Рис. 44, *7–11*.

[47] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… С. 120. Табл. 84, *4*.

[48] *Meyer-Schlichtmann C.* Die Pergamenische sigillata aus der Stagrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr. – mitte 2. Jh. n. Chr. // Pergamenische Forschungen. B.; N.Y., 1988. Bd. 6. S. 67. Taf. 39, 40, typ S6.

[49] *Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009. С. 49–51. № 557–561.

н.э. в контексте с фрагментами более ранних сосудов[50]. Мы датировали погребение началом второй половины II в. до н.э.[51]

Таким образом, хронология проанализированных комплексов с родосскими амфорами показывает их постоянное и вполне равномерное поступление к меотам правобережных городищ Кубани примерно с середины – последней трети III в. до н.э. до рубежа II–I – начала I в. до н.э. Со второй четверти II в. до н.э. с ними соперничают только амфоры «прикубанской» серии неизвестного (возможно, связанного с одним из городов Боспора) центра производства[52]. Амфоры с вином, широко востребованным в погребальном обряде меотов, вряд ли стояли в подвалах у местного населения десятилетиями, поэтому для датировки погребений (в которых довольно редко встречаются другие импорты) они являются самым надежным датирующим материалом, что и дало нам возможность разработать узкую хронологию для комплексов с меотской лепной и сероглиняной керамикой, учитывая и другие категории инвентаря.

Литература:

Анфимов Н.В. Меотский могильник Пашковского 6-го городища // Крупновские чтения 1971–2006 гг. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М., 2008.

Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009 – 253 с., ил.

Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. 1998. Вып. 102. С. 52–60.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. – 212 с., ил.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар, 2000. С. 51–77.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 219–324.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum plus. 2017. № 3. С. 181–198.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Монахов С.Ю. Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор // АМА. 2011. Вып. 15. С. 265–283.

---

[50] *Зайцев Ю.П.* Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. 1998. Вып. 102. С. 52, 57, 58. Рис. 3, *25*; *он же.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003. С. 14. Рис. 59, *2*.

[51] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов… С. 226–227, рис. 49.

[52] *Лимберис Н.Ю. и др.* Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор // АМА. 2011. Вып. 15.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары IV–II вв. до н.э. Саратов изд-во Саратовского университета, 1999. – 680 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: изд-во Саратовского университета, 2003. – 352 с.

Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1975. – 167 с.

Улитин В.В. Амфоры Пашковского могильника № 6 // МИАК. 2004. Вып. 4. С. 146–185.

Cankardeş-Şenol G. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Alexandria, 2016. Vol. 3.

Meyer-Schlichtmann C. Die Pergamenische sigillata aus der Stagrabung von Pergamon: Mitte 2. Jh. v. Chr. – Mitte 2. Jh. n. Chr. // Pergamenische Forschungen. B.; N.Y., 1988. Bd. 6. – 265 p.

Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C Environ. Premier bilan (British Archaeological Reports International Series 990). Oxf., 2001. – 260 p.

Rotroff S.I. Attic West Slope Vase Painting // Hesperia. 1991. 60(1). P. 59–102.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX. – 575 p.

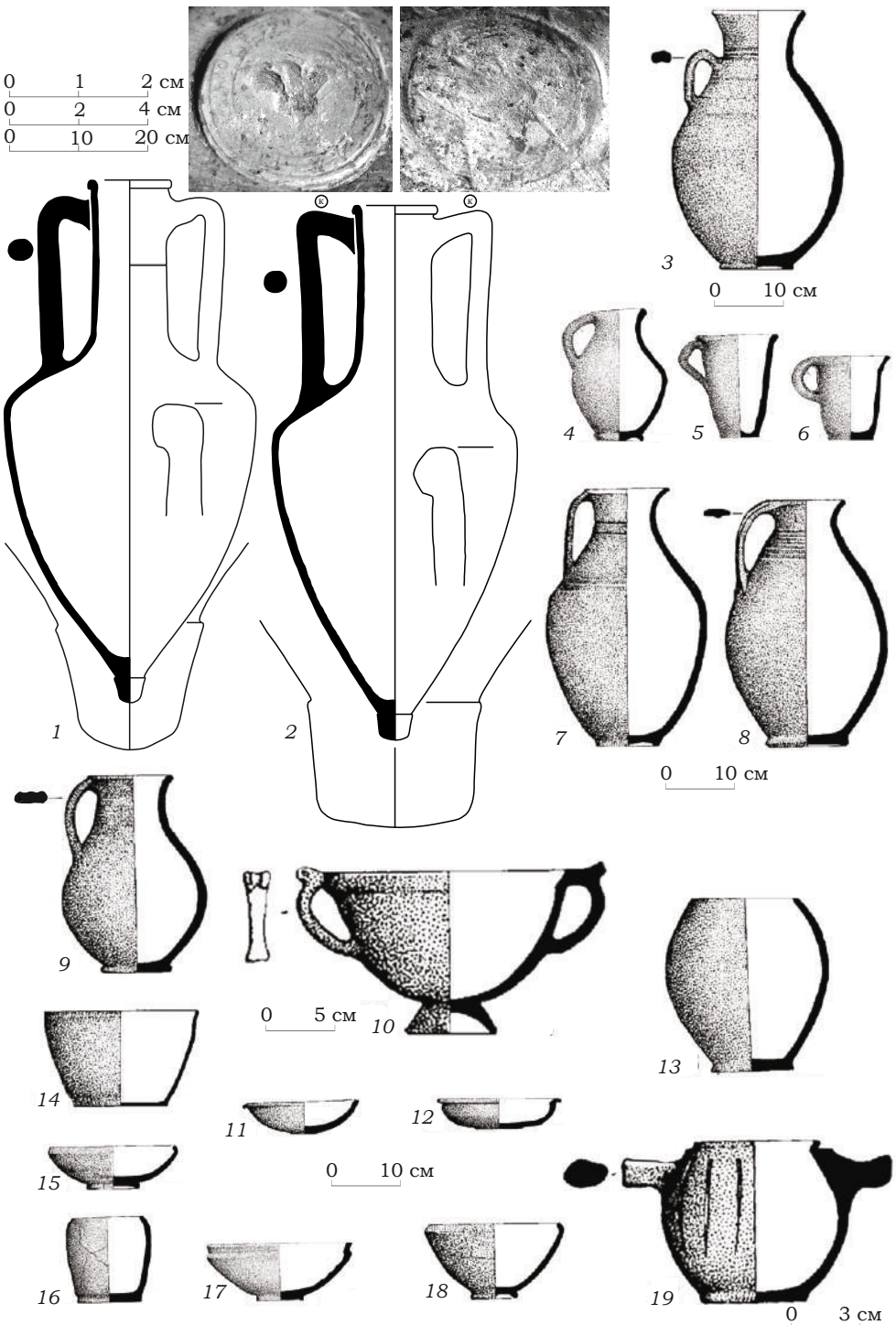


Рис. 1. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 1в (п. 1, р. I 1987 г.)

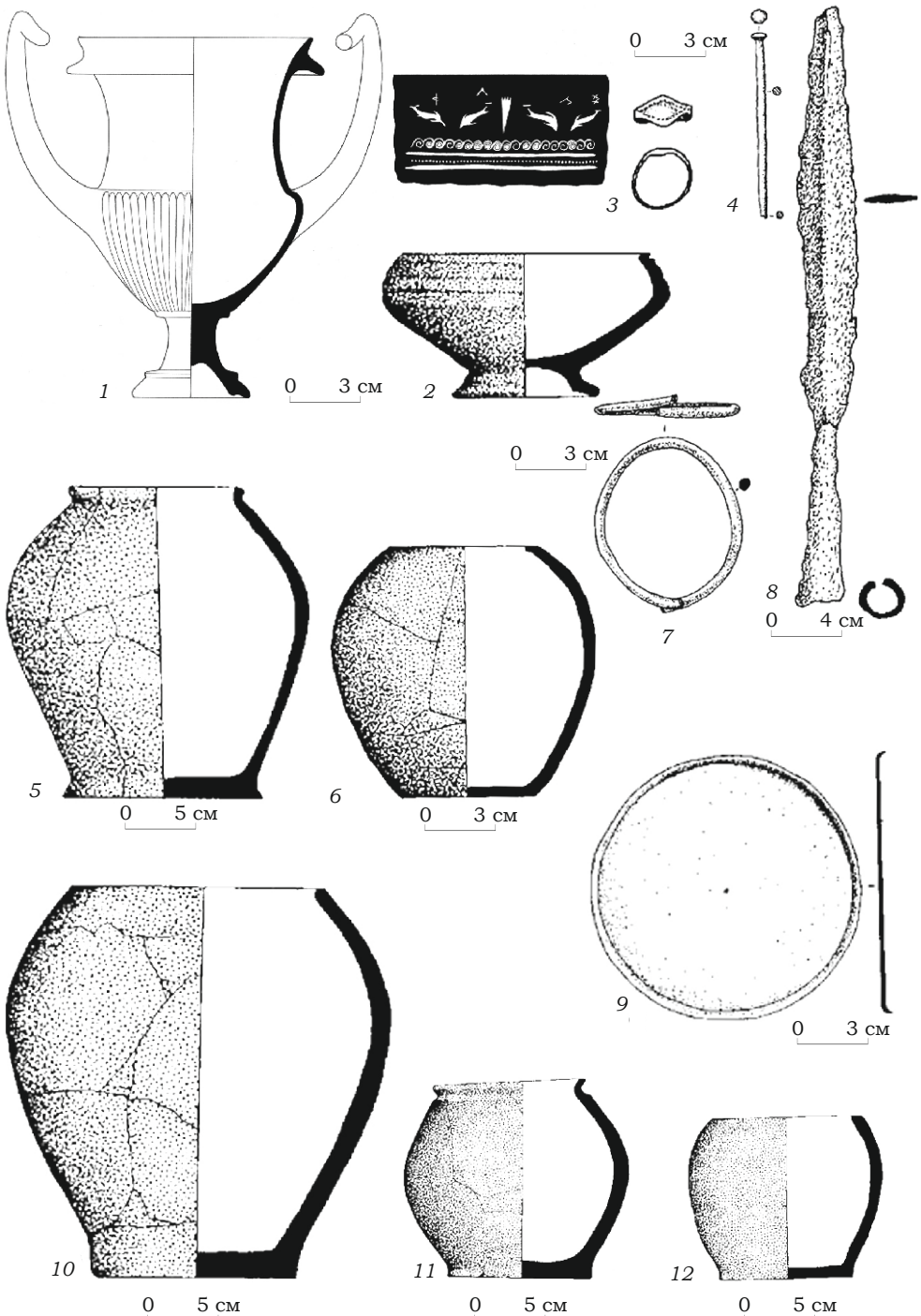


Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 1в (п. 1, р. I 1987 г.)

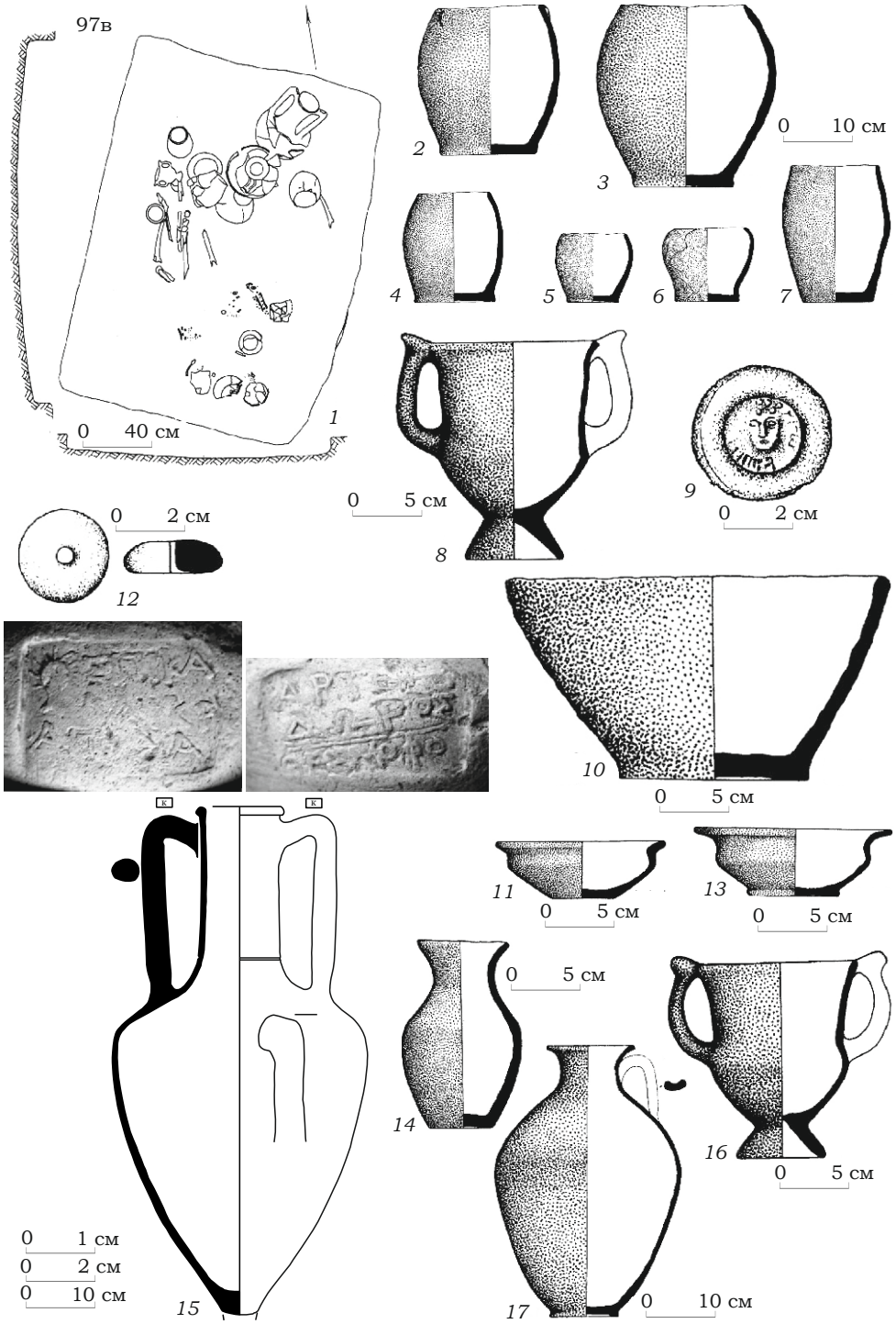


Рис. 3. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 97в (п. 13, р. II 1992 г.)

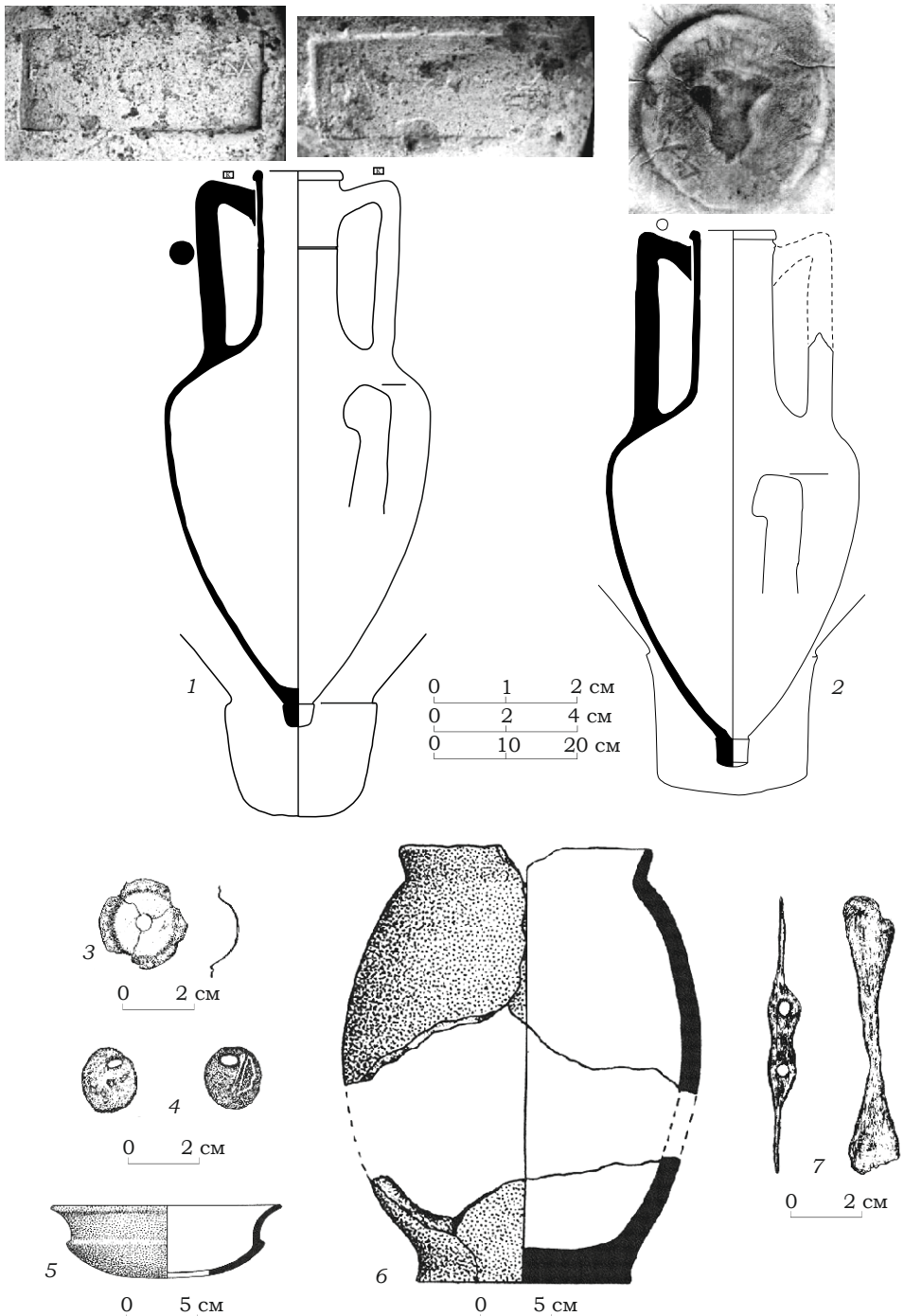


Рис. 4. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 99в (п. 2, р. III 1991 г.)

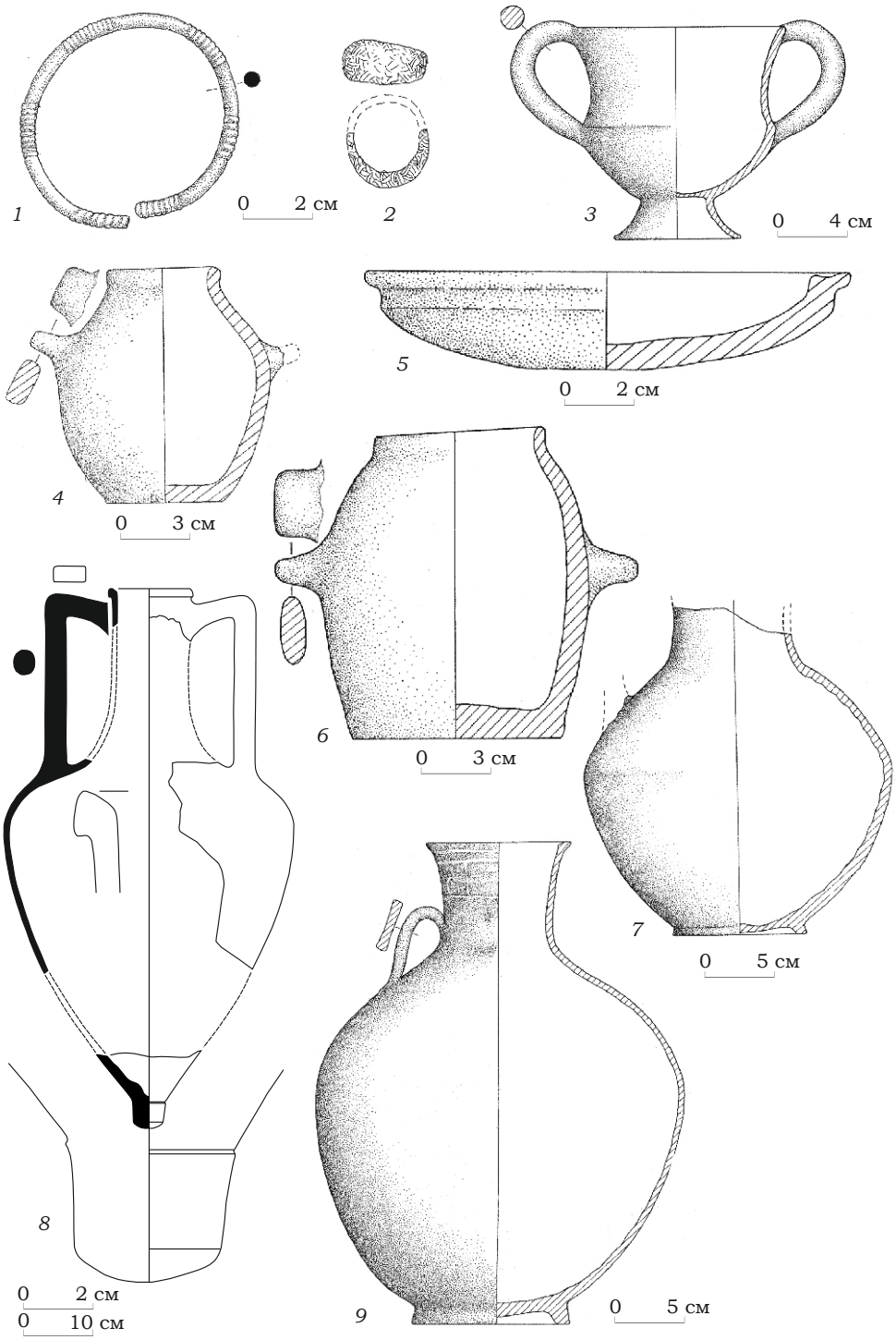


Рис. 5. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 631з (п. 10/комплекс «А», р. II 2005 г.)

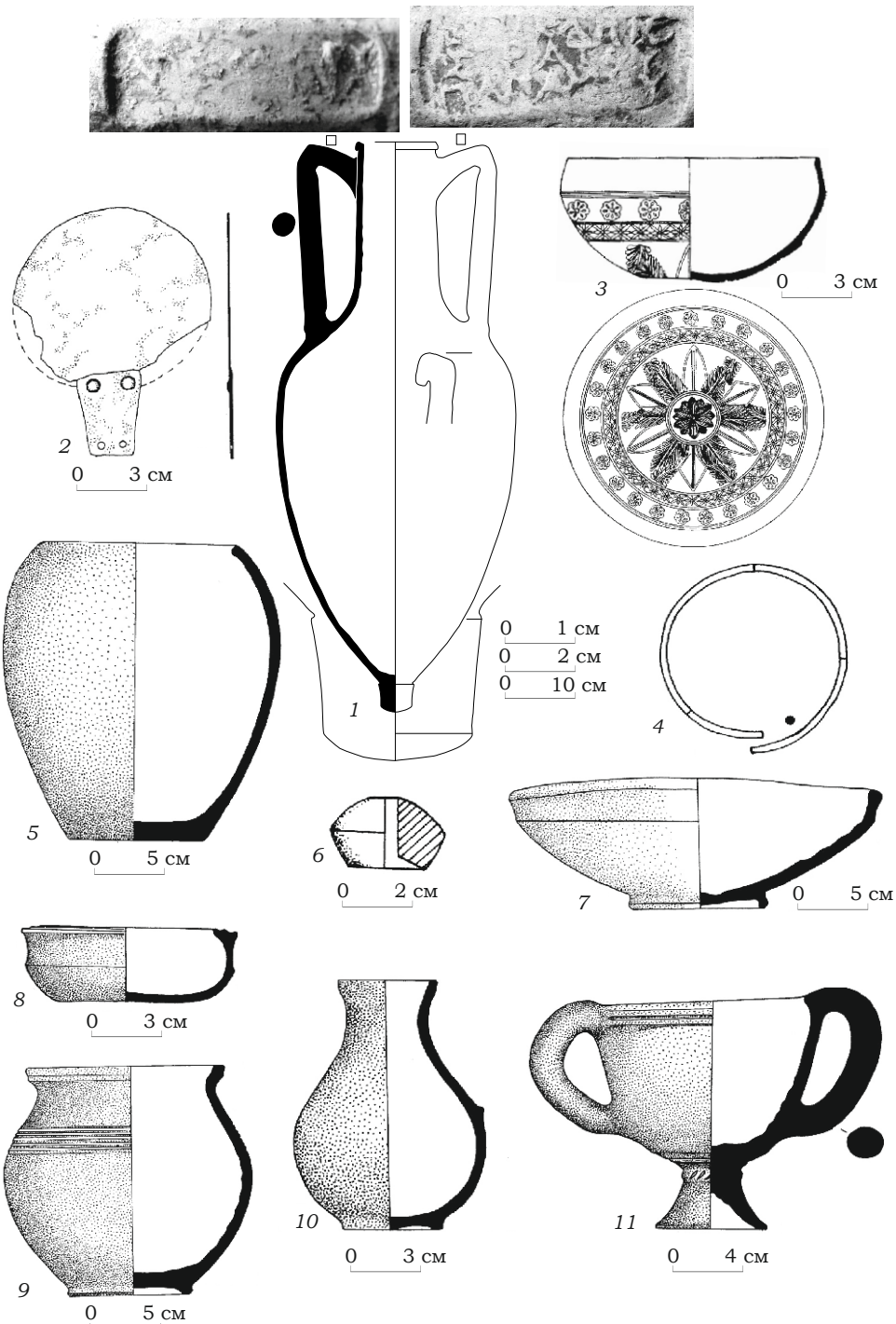


Рис. 6. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 250з (п. 8, р. II 1994 г.)

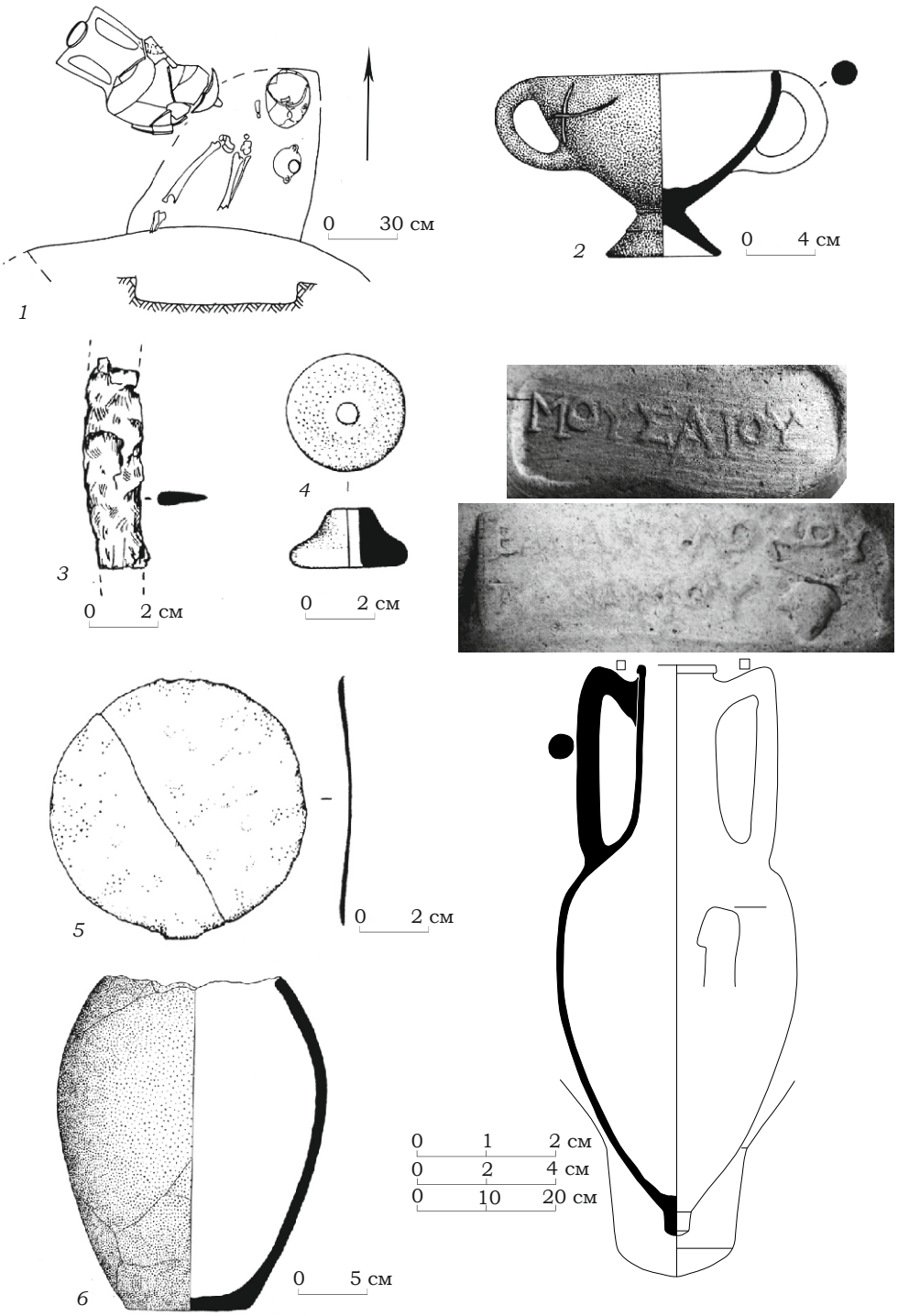


Рис. 7. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 324з (п. 47, р. II 1995 г.)

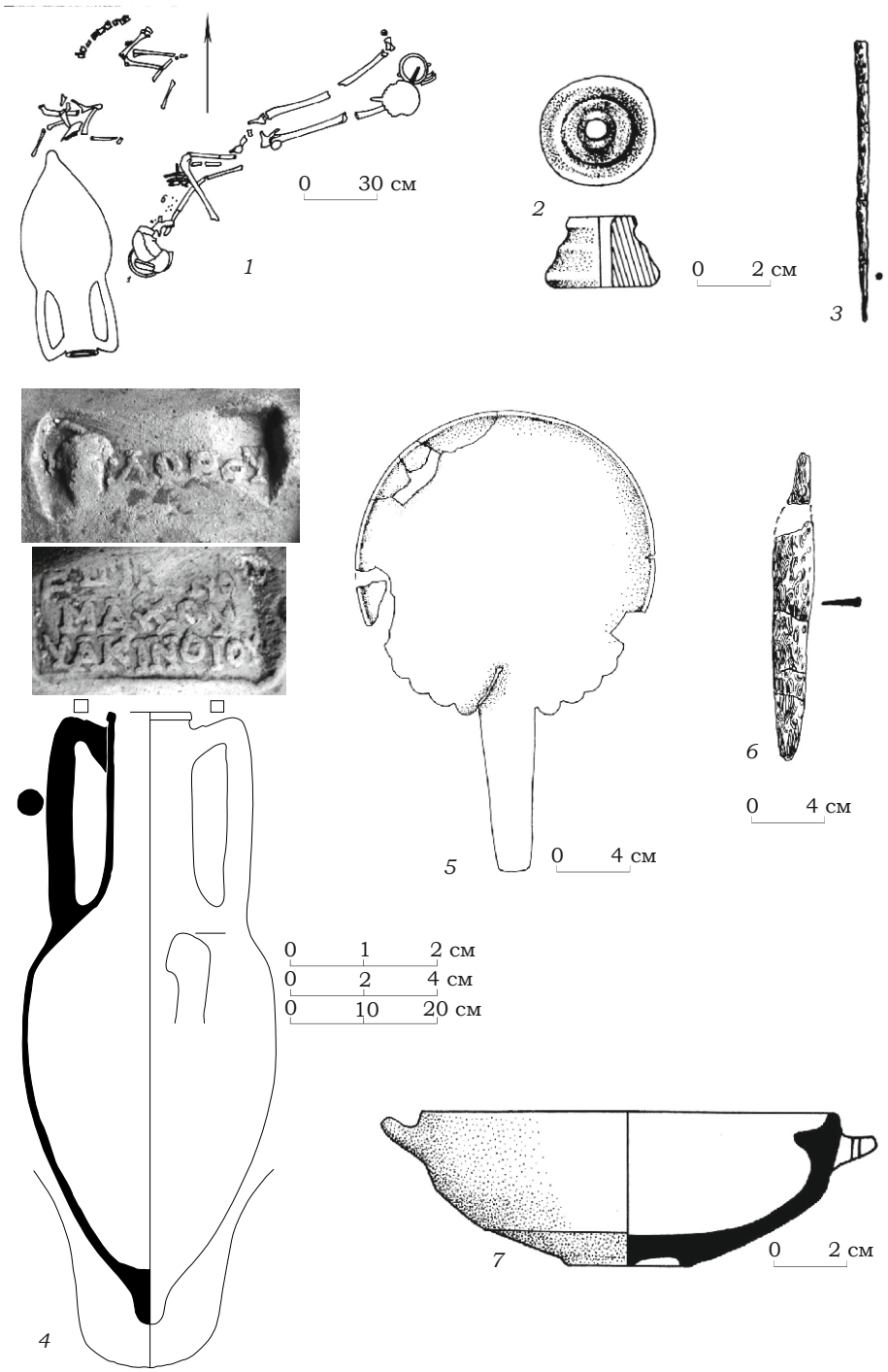


Рис. 8. Могильник Старокорсунского городища № 2.
Погребение 249з/280з (п. 7/36, р. II 1994 г.)

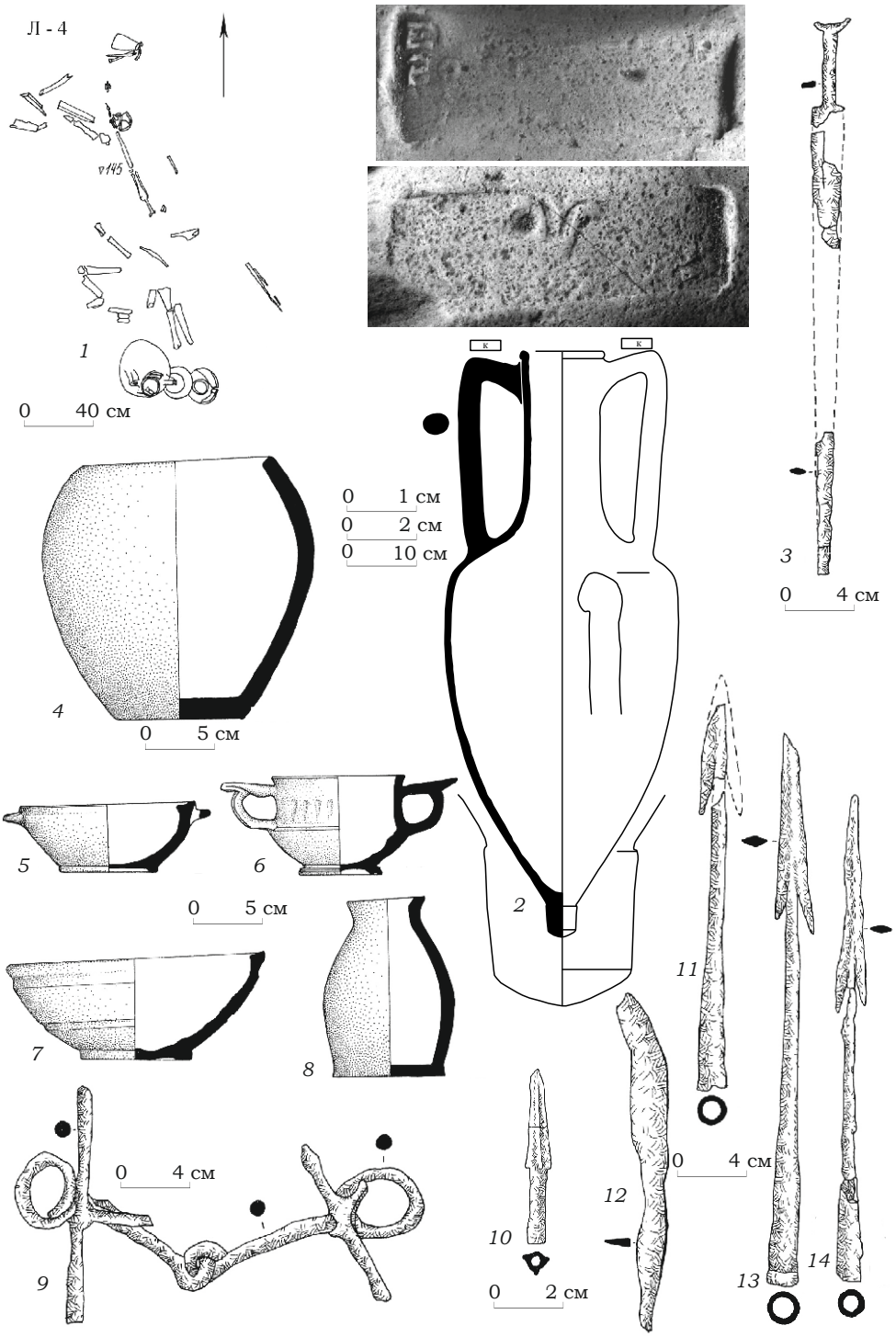


Рис. 9. Могильник городища № 3 хут. Ленина.
Погребение 3 (раскоп III 1983 г.)

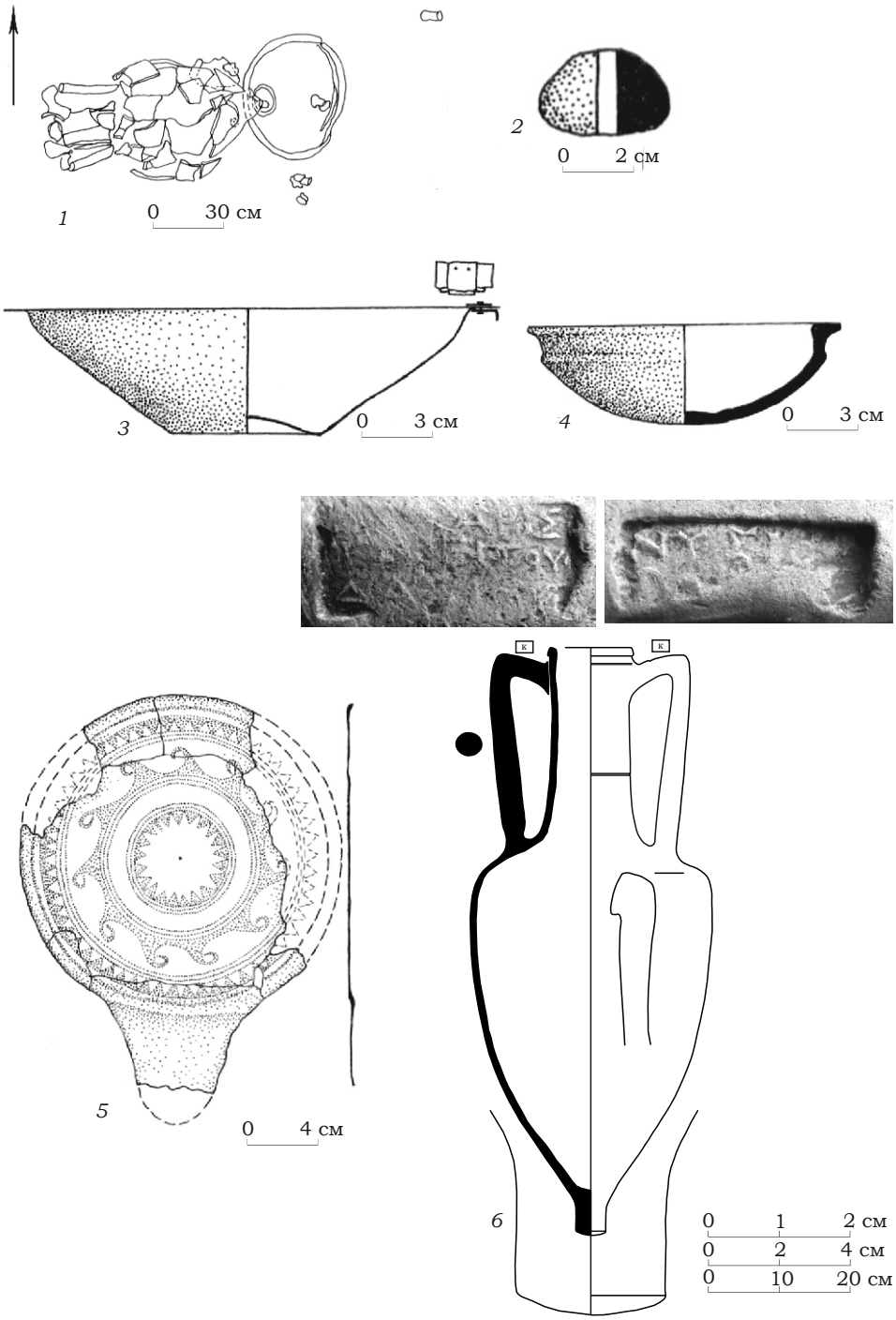


Рис. 10. Могильник городища № 3 хут. Ленина.
Погребение 4 (раскоп II 1982 г.)

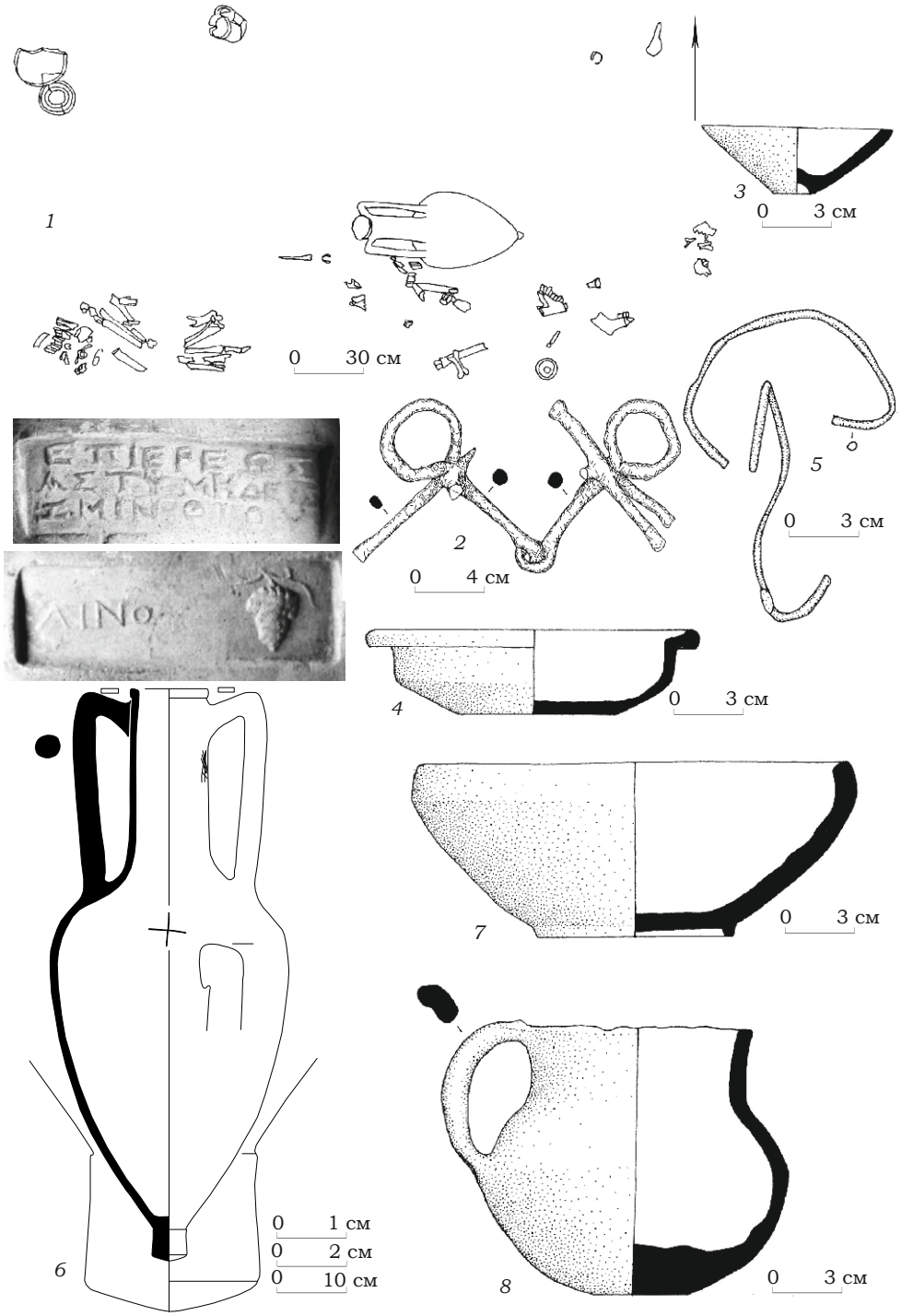


Рис. 11. Могильник городища № 3 хут. Ленина.
Погребение 21 (раскоп II 1982 г.)

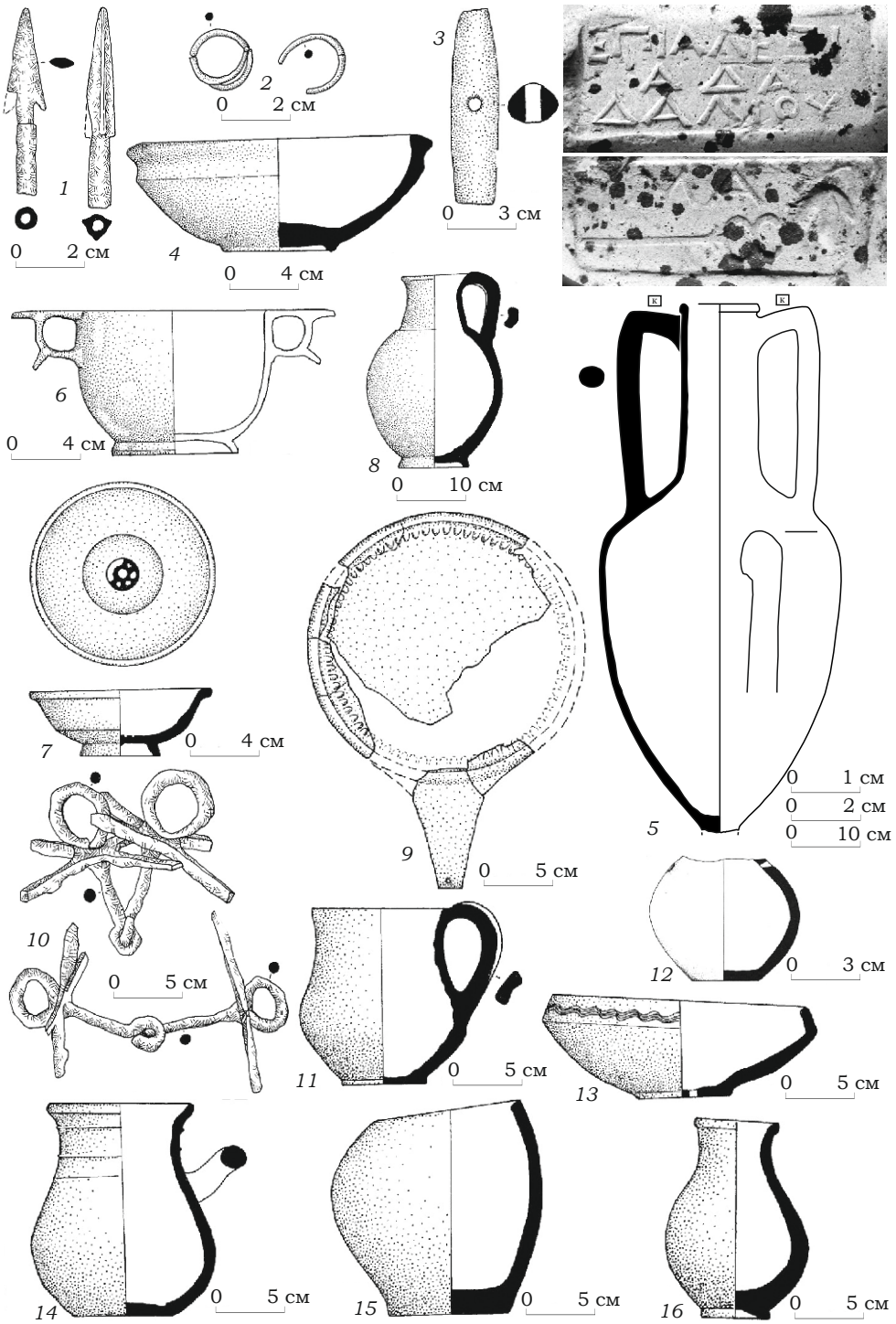


Рис. 12. Могильник городища № 3 хут. Ленина.
Погребение 7 (раскоп VI 1983 г.)

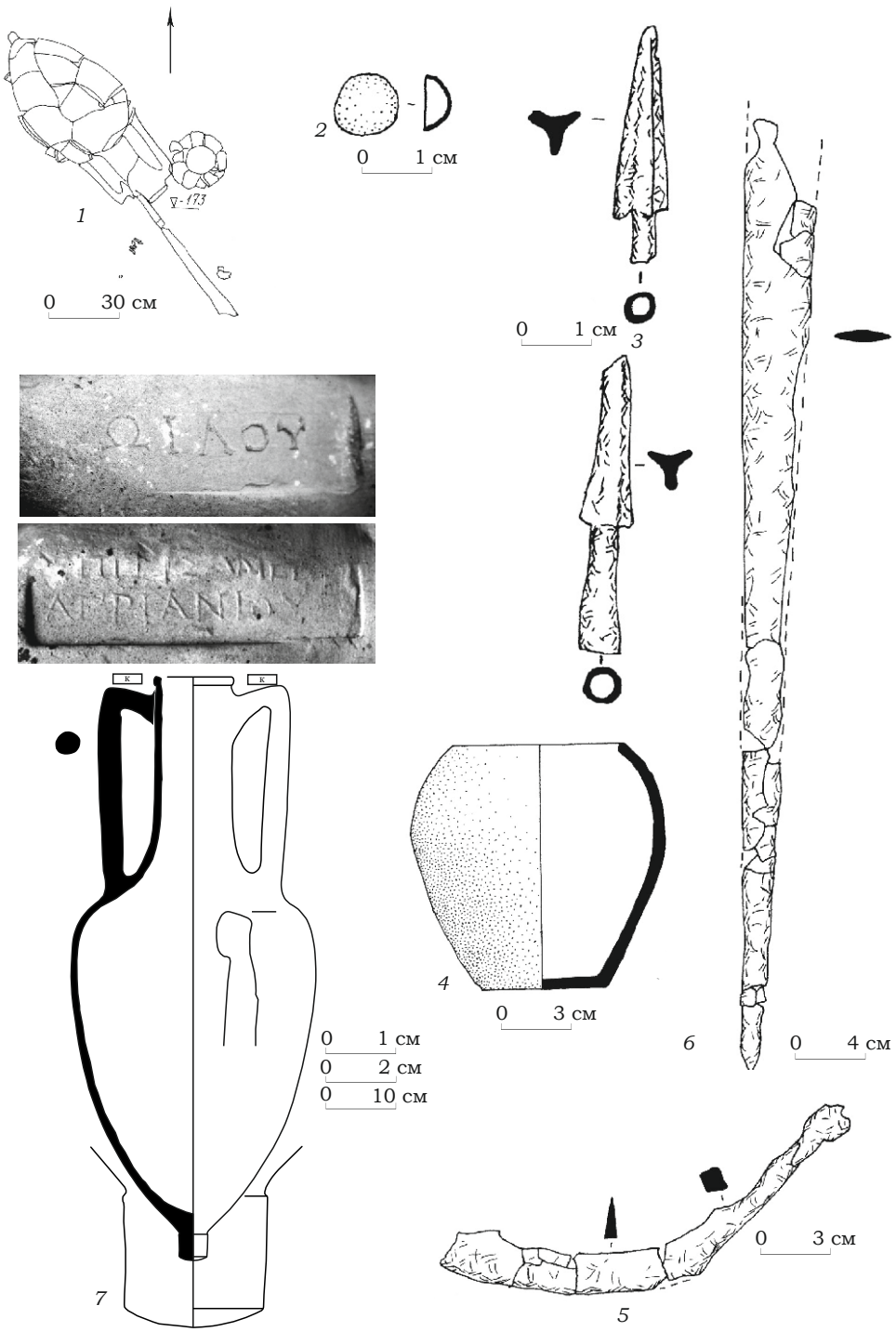


Рис. 13. Могильник городища № 3 хут. Ленина.
Погребение 6 (раскоп VI 1983 г.)

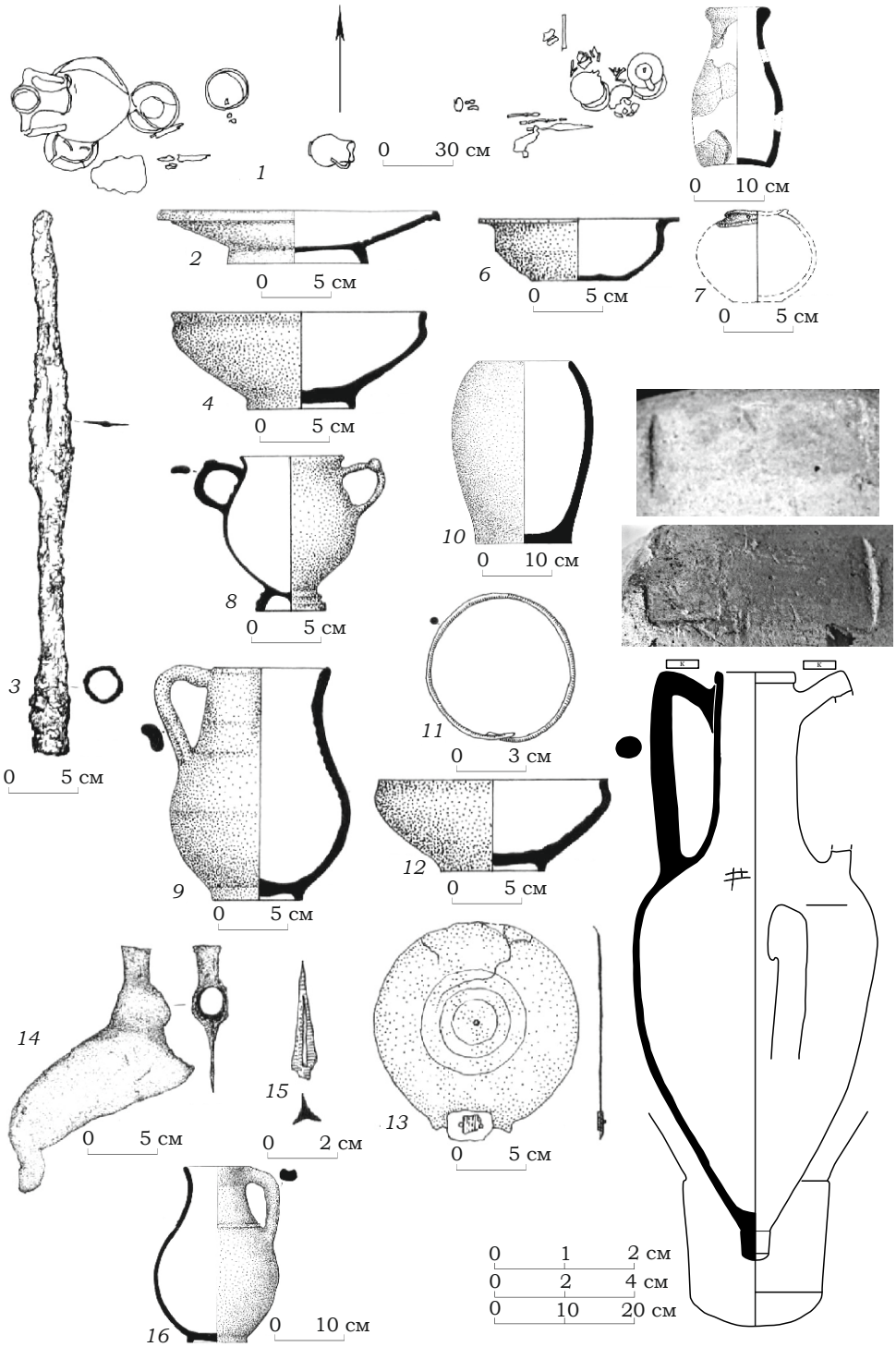


Рис. 14. Могильник городища № 3 хут. Ленина.
Погребение 5 (раскоп III 1982 г.)

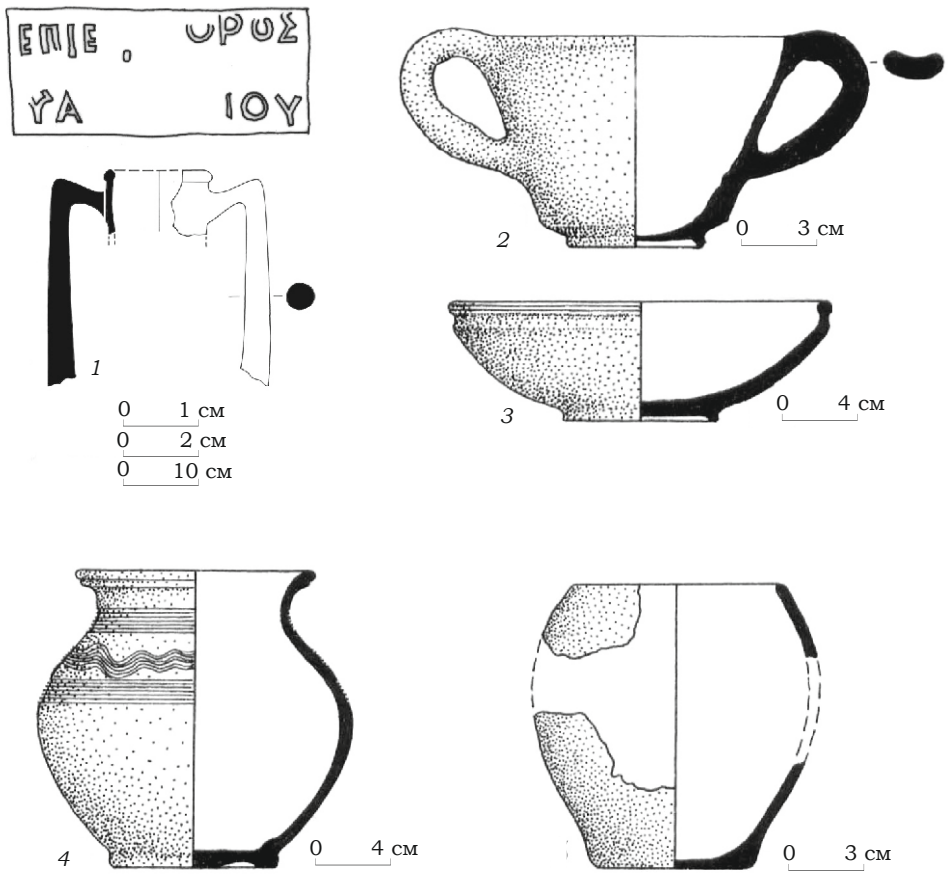


Рис. 15. Могильник городища № 3 хут. Ленина.
Погребение 2 (раскоп II 1982 г.)

Ф.В. Шелов-Коведяев

ДВУСТОРОННЯЯ НАДПИСЬ ИЗ СТАНИЦЫ НЕДВИГОВСКОЙ
Танаис, танаиты, эмпорий и Эмпорий в письменных источниках

Аннотация: в статье публикуется двусторонняя греческая надпись, случайно найденная в станице Недвиговской в конце 1980-х годов. На оборотной стороне сохранилась датировочная формула времени правления боспорского царя Тиберия Юлия Эвпатора, которая приносит новую придворную должность – ὁ ἐπὶ τῶν Ταναειτῶν τῶν κατὰ Βόσπορον. На лицевой стороне дошли обрывки списка имён эпохи Савромата I. Автор предлагает также ряд исправлений к интерпретации топонимов Танаис и Эмпорий и к восстановлению и пониманию ранее изданных надписей, в том числе КБН 1237, которая сохранила свидетельство о визите в Танаис царя Савромата II в 193 г. от Р.Х.

Ключевые слова: надпись, шрифт, Танаис, Эмпорий, должность, сановник, двор.

Abstract: the paper publishes the bilateral Greek inscription occasionally found in Nedvigovka village on Don Estuary at late 1980 years. Her reverse side presents the dating formula from the period of bosporan King Tiberius Julius Eupator with new court post of ὁ ἐπὶ τῶν Ταναειτῶν τῶν κατὰ Βόσπορον. The avers side preserved some little fragments of name's list from the time of bosporan King Sauromates I. Besides many corrigenda to interpretation of toponyms Tanais and Emporion, to reconstruction & notion of before published inscriptions are proposed. This, paper approves that following the CIRB 1237 the bosporan King Sauromates II visited the city of Tanais on Don River at 193 A.D.

Key words: inscription, script, Tanais, Emporion, post, officials, court.

Около 1987 года в ст. Недвиговской, частично перекрывающей территорию древнего Танаиса, был случайно обнаружен фрагмент мраморной плиты, обломанной со всех краёв, обе поверхности которой сохранили остатки разновременных надписей. Тогда же находка была передана С.А. Науменко и предварительно обработана мною[1]. Новая – спустя много лет – аутопсия принесла результаты, которые представлены ниже. На лицевой стороне сохранились незначительные, более ранние, обрывки трёх строк списка имён, на оборотной – часть четырёхстрочного (более позднего, но и паче содержательного) текста[2].

---

[1] Приношу свою сердечную благодарность С.А. Науменко за предоставленное мне право издания документа.

[2] Для Танаиса экономичное использование мраморов – традиционно: см.: КБН 1239 + 1240, 1244 (рубеж II–III вв. от Р.Х.) + 1252 (2 четв. III в.), 1263 (1 пол. I в.) + 1245 (220 г.).

I

Размеры обломка (по обороту): высота max. – 8,6 см, ширина max. – 10,5 см, толщина – 3,9 см. Камень – белый мелкозернистый мрамор, по лицевой, тщательно заглаженной, поверхности местами покрытый, как обычно, тёмно-жёлтой патиной.

Реверс также выровнен, но не столь филигранно. Высота букв тут, насколько можно судить по их сохранившимся в сткк. 2 и 3 полным формам, варьируется от 1,3 до 1,5 см, ширина же различается сильно – от 0,9 (*эпсилон*, *сигма*, *дзета*) до 1,3 (*пи*, *тау*), 1,5 (*ипсилон*, *омега* в стк. 3) и 1,8 см (*омега* в стк. 2), что даёт в среднем 1,4 см на одно м. б. стк. 2, начиная с сигмы, заметно ползёт вверх относительно сткк. 1 и 3. Тот же эффект присутствует, очевидно (трудно судить из-за малой сохранности), и в стк. 4.

Хотя реконструкция текста, оборванного со всех сторон, всегда особенно трудна, нам повезло – в начале стк. 4, благодаря одному недавно опубликованному танаисскому документу[3], надёжно восстанавливается [τῶν κατὰ] Βόσπορ[ον κτλ.][4], что даёт представление о размере лакун в начале строк. В свою очередь, эта формула требует дополнить завершение стк. 3 до ἐπὶ τῶν [Ταναειτῶν], что сообщает ориентир как для числа символов, пропавших в окончании строк, так и – вкупе с предыдущим наблюдением – для их общего количества в каждой строчке. Сказанное позволяет сделать следующий расчёт для старта стк. 2 – [2–3 βασιλ]έως и стк. 3 – [5–6 κα]ὶ.

Ключевым моментом для восстановления сткк. 2–4 становится прочтение конца стк. 2 после явного упоминания в ней имени боспорского царя третьей четверти II в. от Р.Х. Эвпатора: βασιλ]έως Εὐπ[άτορος. Поскольку же в стк. 3 перед ἐπὶ τῶν [Ταναειτῶν] стоит κα]ὶ, это заставляет, прежде всего, обратиться к анализу тех пар придворных должностей, которые могли отправляться на Боспоре одним лицом.

Действовать придётся методом исключения. Первым надо отринуть ὁ ἐπὶ τῆς Νήσου, пускай он почти идеально заполняет лакуны. Велик соблазн такого addendum: таманская земля[5], в отличие от дельты Дона, во 2 пол. II в. от Р.Х. не была островом. Однако, во-первых, обязанности наместника Острова пока не сочетались ни с какими другими[6] и, во-вторых, всегда относились только к Азиатскому Боспору. Замечу попутно, что гипотеза о том, что островом следует считать

---

[3] См.: *Иванчик А.И.*, *Тохтасьев С.Р.* Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 2009. № 3. С. 101.

[4] *Курсивом* отмечены не полностью сохранившиеся знаки.

[5] Ср.: *Тохтасьев С.Р.* Ещё раз о географии Таманского полуострова // Аристей. 2017. № XVI. С. 31–32.

[6] См.: КБН 40: 10–39 гг.; 697: 106 г.; 982: 130 г.; 1000: 179 г.; *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1: 220 г.)

лишь район Фанагории[7], неосновательна[8]: полагаю, чиновник, ответственный за фанагорийскую территорию, по аналогии с ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας (КБН 64: 306 г.) и ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας (КБН 1115: 110 г.; 1119: 186 г.; 1129 и 1134: 2 пол. II в.), должен был именоваться – ὁ ἐπὶ τῆς Φαναγορ(ε)ίας/Ἀγριππ(ε)ίας (ср. КБН 105: 307 г.). Впрочем, неудачное предположение патриотов Фанагории не отменяет отказа от чтения в публикуемом тексте службы «начальника Острова».

Следом отправляется эллинарх. В эпиграфике Танаиса его пост и место управляющего танаитами всегда занимаются разными персонами.

Та же участь – и на том же основании – постигает и пресбевта (представителя царя). Пусть его прерогативы и совместимы в Танаисе с иными его же полномочиями (ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν – КБН 1246/1248: ок. 220 г.; ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας (?) – КБН 1249: 236 г.), он неизменно выступает как посланный ко всем танаисцам[9] один из высших чиновников государства (аспургиане были известной опорой режима, а в βασιλεία надо разуметь специально царские владения, особый удел династии[10]).

Остаётся остановиться на понимании клаузулы Ζήνων β΄ τοῦ Δάδα ἐκπε[μ]φθεὶς ὑπὸ τοῦ βασιλέω[ς] εἰς τὸ ἐμπόριον (КБН 1237, Танаис: 193 г.). Предложение В.В. Латышева считать её заменяющей собою титул пресбевта[11], нельзя принять именно потому, что таковой, как явствует из вышесказанного, непременно был внешней для обитателей Танаиса фигурой, Зенон же Зенонов, внук Дадов, принадлежит к известнейшей в городе фамилии (см. ниже), и, значит, не мог исполнять такие обязанности. Кроме того, против Латышева свидетельствует и семантика глагола ἐκπέμπω: 1) высылать; 2) посылать вперёд, в т.ч. в передовое охранение и т.п. Статусу сосланного на родину под надзор властей не соответствуют ни царская тамга, расположенная в поле вотива, ни его бравурный тон: ссыльным не пристало выпячивать себя в публичном пространстве, поэтому вероятность того, что так зарабатывалось прощение, несообразна их положению. Вместе с этим единственным для него шансом аннигилируется и так не имею-

---

[7] *Горлов Ю.В.*, *Поротов А.В.*, *Янина Т.А.*, *Фуаш Т.*, *Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в эпоху греческой колонизации // ПИФК. 2002. № 12. С. 254; *Кузнецов В.Д.* Новые надписи… С. 238; *он же*. Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. Т. I. С. 437 сл.

[8] См. мысли по данному поводу уже В.В. Латышева в комм. к КБН 404 и 982; ср.: *Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 32. Хотя В.Д. Кузнецов (Новые надписи … С. 231–233) правильно усмотрел в νησσάρχης аналог ὁ ἐπὶ τῆς Νήσου.

[9] Ср.: *Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 102.

[10] Ср. мнение А.И. Болтуновой в комм. к КБН 58 (С. 65) и КБН 1120 (С. 654).

[11] См. КБН 729.

щее опоры в традиции (я к этому ещё вернусь) суждение[12], что в эмпории данной формулы скрыто подлинное внутрибоспорское название Танаиса, – якобы, Эмпорий. В итоге надо принять, что упомянутый персонаж был призван к некоей передовой миссии. Какой, – увидим ниже.

Ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας и ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας не проходят по трём обстоятельствам. Во-первых, эти чины строго соблюдают единственное число. Во-вторых, они не умещаются в лакуны. В-третьих, они фигурируют либо изолированно (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας – КБН 628: рубеж I–II вв.; 1134: 2 пол. II в.; 1237: 193 г.; 1051: 307 г.; ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας – КБН 64: 306 г.), либо в сцепке друг с другом (КБН 36: 270 г.) или с иным высшим саном (τὸν ἐπὶ τῆς βασιλ[ε]ίας κ(α)ὶ χειλίαρχον – КБН 58: 249 г.). Тут уместно закончить в пользу В.В. Латышева дискуссию о том, кто такие были ἀριστοπυλεῖται из КБН 36А13. Несомненно, в их лице мы имеем дело с топовой придворной чиновной знатью[13], что допускает в КБН 36Б36 дарующее ещё одну высшую боспорскую должность восстановление ὁ ἐπὶ τ[οῦ ἱεροῦ] Παιρισάδους[14] – куратора святилища этого тирана – имея в виду деификацию Перисада I (Strabo VIII.4.4).

Всё сходится к тому, что в финале стк. 2 и на старте стк. 3 стóит читать Εὐπ[άτορος χει]/[λιάρχῃ κα]ὶ ктл. Хилиарх принадлежал к числу верховных должностных лиц боспорской администрации, выполняя одновременно функции то управляющего царским уделом (КБН 58.7: 249 г.), то начальствующего над аспургианами (КБН 36А16-17: 270-е гг.). В подобном контексте его появление в сочетании с танаитами, игравшими особую роль на стороне Боспора[15], более чем ожидаемо.

В стк. 1 заметны: (под)вертикальная чёрточка по сколу, за ней – *эпсилон, дзета* (не *сигма*! – ср. иное её начертание в стк. 2), снова *эпсилон*, окончание вертикали, нижняя горизонталь от *эпсилона, сигмы* и т.п., обрывки двух близко стоящих вертикальных черт. Вместе это наиболее гармонично разворачивается в [καὶ e.g. Ῥαδα]*μέζει Εὐί*[ου τοῦ e.g. Ζήνο]/[νος ктл. В Танаисе представлены АН Ῥαδάμειστος (КБН 1261: II в.; 1277: начало III в.) и Ῥαδαμόφουρτος (КБН 1278: 220 г.), в Пантикапее – Ῥαδάμασις и Ῥαδάμιος (КБН 36А22, 36В64: 270-е гг.). В Феодосии – Ῥαδάμειστος (КБН 947: III в.). Появление однокоренного ЛИ Радамез/с (или иной огласовки имён Ῥαδάμειστος и Ῥαδάμασις) вполне адекватно и локальной, и общебоспорской ономастике.

---

[12] *Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 102.

[13] Ср.: *Яйленко В.П.* Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 2010. С. 405.

[14] В.П. Яйленко (Тысячелетний … С. 585; *он же*. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб., 2016. С. 818), увы, ошибочно, указывает: КБН 36 стк. 33 и дополняет её ὁ ἐπίτ(ροπος) .. Παιρισάδους, оставляя незаполненный vacat.

[15] Ср.: *Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 102.

Сведём реконструкцию:

№ стк.	число букв в лакуне	коммен-тарий к лакуне	чтение	число букв в лакуне	число йот в стр.	длина строки
	7/6,5	*йота* = 0,5 м.б.; + *мю*	[καὶ e.g. Ῥαδα]*μέζει Εὐί*[ου τοῦ e.g. Ζήνο]-	9 *йота*	3	24/21,5
2	8/7,5	*йота* = 0,5 м.б.	[νος, βασιλ]έως Εὐπ[άτορος χει]-	9/8,5 *йота*	2	23/22
	8/7,5	*йота* = 0,5 м.б.	[λιάρχη κα]ὶ ἐπὶ τῶν [Ταναειτῶν]	9/8,5 *йота*	4	24/22
4	7	*омега* = 1,5 м.б.	[τῶν κατὰ] Βόσπορ[ον κτλ.]	-	-	-

О боспорских семействах, где регулярно чередовались имена Эвий, Зенон и Дада, речь пойдёт дальше. Сейчас же отмечу, что εὔιος – одна из наиболее частых эпиклез Диониса и, тем самым, распространённость на Боспоре ЛИ Εὔιος (ср. тж. второй раздел настоящей статьи) подчёркивает специальное значение его культа для боспоритов.

Надёжность же предлагаемого текста удостоверяется тем, что как общая протяжённость строк, учитывая количество в них *йот*, весьма непротиворечива, так и объёмы лакун в конце и начале каждой из них абсолютно согласуются между собою – и в любой линейке в отдельности, и между ними всеми в целом. Кажущаяся меньшая протяжённость пропажи в старте стк. 1 выправляется тем, что здесь, дополнительно к остальным знакам, почти полностью «съедено» *мю*. В стк. 4 подобный эффект производится всегда более широкой *омегой*.

Не менее важно, что избранная модель позволяет воспроизвести и начальные, полностью утраченные, строчки документа. Известно, что ЛИ монарха и его сановников вместе встречаются, чаще всего, в датировочных оборотах. Полный же АН упоминаемого у нас царя – Тиберий Юлий Эвпатор – попадается в Танаисе и в варианте сокращения его элементов (КБН 1241.2: 163 г.), что позволяет писать:

[Ἐπὶ βασιλεῖ Τ(ιβερίῳ) Ἰ(ουλίῳ) Εὐπατόρῳ φιλοκαι]- 27/24: 6 йот
[σάρῳ καὶ φιλορωμαίῳ, εὐσεβεῖ] 24/22: 4 йоты

Первая строка оказывается на 2 м.б. протяжённее, что в поздней эпиграфике отнюдь не редкость. Датировки давались либо в генитиве, либо (КБН 45; 1251) в дативе. Последнее ныне предлагается и для Эвпатора. А полное восстановление начала надписи выглядит так:

[Ἐπὶ βασιλεῖ Τ Ἰ Εὐπατόρῳ φιλοκαι]- 27/24
[σάρῳ καὶ φιλορωμαίῳ, εὐσεβεῖ] 24/22
24/21,5

2 [καὶ e.g. Ῥαδα]*μέζει Εὐί*[ου τοῦ e.g. Ζήνο]- 23/22
[νος, βασιλ]έως Εὐπ[άτορος χει]- 24/22
4 [λιάρχῃ κα]ὶ ἐπὶ τῶν [Ταναειτῶν]
[τῶν κατὰ] Βόσπορ[ον κτλ.]

Эвпатор по количеству датированных его правлением памятников (5) теперь сравнялся с Рескупоридом III, опередил Котиса III и Реметалка (по 4) и уступает пока только Савромату II (8). Что подтверждает давнее наблюдение, что во II – начале III вв. Танаис продолжал интенсивно жить.

Невозможно не оценить высокую историческую значимость публикуемого фрагмента. Он дарит новую придворную (поелику она стоит вкупе с высокой позицией хилиарха) должность ὁ ἐπὶ τῶν Ταναειτῶν τῶν κατὰ Βόσπορον – уполномоченного по танаитам, находящимся под властью Боспора. Таковые поднимаются на один уровень с аспургианами, которые, как до сих пор считалось многими, занимали в боспорской политике эксклюзивное положение. А это превращает предположение, недавно поддержанное С.Р. Тохтасьевым[16], о том, что все племена, подчинённые Боспору, должны были иметь своих управляющих, из гипотезы в данность. Повторю, что такой порядок должен был распространяться и на области, и на – по примеру Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας) и Горгиппии (ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας) и Танаиса (где в данном качестве выступал пресбевт) – ключевые города.

Заодно выясняется, что любые варвары низовьев Дона (Танаиса), очевидно, звались в боспорском обиходе танаитами. Да не все они были подданными сарматской династии и/или в союзе с нею, но лишь те из них, кто находились κατὰ Βόσπορον.

Настало время отнестись к недавно заново запущенному обсуждению взаимного соотношения ТН Танаис и Эмпорий[17]. А.И. Иванчик утверждает, что нет оснований говорить о том, что формальным названием города было «Танаис», ибо – настаивает он – таковое не фиксируется ни одной из надписей, где он именуется либо πόλις, либо, будто бы, ἐμπόριον[18], в античной же литературе Танаис и Эмпорий фигурируют, дескать, как синонимы. Притом никакого объяснения своего отказа, например, Страбону[19] в праве передавать официальный топоним он, увы, не приводит. К сожалению (даже не говоря о предложенном выше в КБН 36Б36 ὁ ἐπὶ τ[οῦ ἱεροῦ]), при наличии засвидетельствованных титулов ὁ ἐπὶ τοῦ ἱππῶνος/ παιδαγωγίου/

---

[16] *Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 32. Прим. 21.

[17] *Иванчик А.И.* Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса // ВДИ. 2008. № 2. С. 65; *Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 102.

[18] *Иванчик А.И.* Указ соч. С. 65: он стал, по-видимому, жертвой лиц, имеющих косвенное отношение к эпиграфике, на которых он ссылается (там же. Прим. 15).

[19] Ср. здесь и далее критику: *Яйленко В.П.* Тысячелетний … С. 599.

προσοδικοῦ, не является незаменимым и рекомендованное Н.В. Левченко[20] для стк. 4 КБН 1240 заполнение ὁ ἐπὶ τοῦ [ἐμπορίου.

Дополняя затем в двух танаисских постановлениях [Ἐμπορειτῶν τῶν κατὰ Βόσπορον] и [Ἐμπορειτῶν τῶν] κατὰ Βόσ[π]ορον, А.И. Иванчик – исключительно из пропавшего текста – постулирует причину неупоминания Танаиса в титулатуре боспорских владык тем, что тот всегда входил в понятие Боспор[21]. Отсюда, вроде бы, должно вытекать, что аналогична была участь и прочих общин, коль скоро они отсутствуют в титуле?

Впрочем, и без ответа на поставленный вопрос, столь рискованный тезис относительно Танаиса незамедлительно и просто отменяется тем, что, как минимум, со времён Аспурга (КБН 40) титулование царя включало в себя подвластных ему (таков смысл – см. выше – и κατὰ Βόσπορον) танаитов, что всё объясняет. А, кроме Феодосии, оно вообще больше никаких полисов – ни до, ни после названного монарха – не содержит, что ровным счётом ничего не говорит ни об их статусе в Боспорской державе, ни о времени их вхождения в неё, ни о длительности и (бес)прерывности их там пребывания.

Что до древних писателей, то, как я недавно напомнил в другом месте[22], у них наличествует путаница между двумя близко расположенными поселениями – Недвиговским и Елизаветовским. Последнее, более раннее, в полном соответствии с тем, что оно поначалу было портовым кварталом скифского городища, именовалось Эмпорием, что в равной мере относится к сообщениям и Александра Полигистора, и Страбона, и Птолемея, а первое, более позднее, регулярно зовётся Танаисом. Из-за невнимания к их перекрёстному смешению источниками возникает путаница и у современных авторов. Относительно же мнимых параллелей двойных названий северочерноморских центров, надо сказать, что пара Боспор-Пантикапей есть не точный факт, но лишь учёное объяснение, основанное, за неимением лучшего, на поздних и не всегда надёжных источниках (мнение[23], что оно присутствовала уже у аттических ораторов, требует доказательств, ибо у них оно могло обозначать и государство в целом), происхождения эпиграфической формулировки πᾶς Βόσπορος, а топоним Борисфен относится только к древнейшей территории Ольвийского полиса – Березани, сохранившей в нынешней огласовке парафраз исконного имени географического объекта.

---

[20] *Левченко Н.В.* Эпизод правления Савромата I // ДГВЕ. 1996–1997. М., 1999. С. 211.

[21] *Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 102.

[22] *Копылов В.П., Шелов-Коведяев Ф.В.* События второй половины IV в. до Р.Х. в устьевой области реки Танаис: Письменные источники и археологическая данность // Исторические исследования. 2017. № 8. С. 274–275 (с литературой): http://www. historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/150/356.

[23] *Тохтасьев С.Р.* ΒΟΣΠΟΡΟΣ // БФ. 1999. С. 86, 91.

Первое суждение А.И. Иванчика, приведшее его к замене Танаиса Эмпорием, более любопытно. Однако и оно не имеет под собой твёрдой почвы в силу пяти обстоятельств. Во-первых, танаисец Зенон Зенонов, внук Дадов, ἐκπεμφθείς, не мог, как говорилось, быть пресбевтом, т.е. представителем царя в городе.

Во-вторых, справедливо присоединившись к широко распространённому мнению о сомнительности применения ко всей апойкии формулы «архонт Танаиса» в КБН 1237, А.И. Иванчик, почему-то доверяется всем остальным суждениям об этой надписи. Между тем, местонахождение памятника было неизвестно уже В.В. Латышеву[24], а копия казачьего офицера Мартынова[25], по которой он издавался с 1840-х годов[26], призывает к максимальной осторожности. Ведь оригинальные его структура и последовательность перечисляемых чинов (и это в 193 году, когда и то, и другое уже давно устоялось!) убеждает в необычности документа. Его пониманию, в отличие от текста IOSPE, не помогает версия, представленная в КБН: если рисунок в латышевском издании показывает точкой сокращение ἄρχοντ(ος), открывая такую же возможность и эллинарху и позволяя исправить неверно принятые переписчиком за М (мю) две вплотную вырезанные лямбды, чтобы получить ἐ<λλ>ηνάρχ(ου) – В.В. Латышев поставил вместо угловых обычные квадратные скобки,– то в КБН во всех трёх случаях без различия применены круглые, что вовсе запутывает читателя.

В-третьих, мартыновское чтение ἐκπε[μ]φθεὶς обретает легитимность не в КБН, но только в прорисовке латышевского корпуса. В-четвёртых, оно нимало не утверждает, что носитель указанной функции был послан в пункт под названием Эмпорий. Иванчик напрасно думает, что клаузула τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις говорит о полисе в целом[27]. Наоборот, её композиция («городу и купцам», без αὐτῆς, указания на *его* коммерсантов) вопиет о том, что πόλις и ἔμποροι – её равноправные члены, где ἔμποροι, натурально, не одни танаисцы, но и прибывшие извне торговцы. Значит, когда мы встречаем τῷ ἐμπορίῳ или τὸ ἐμπόριον, должно понимать, что они коррелируют единственно с τοῖς ἐμπόροις, но никак не с τῇ πόλει. Τὸ ἐμπόριον (в ед. и мн. ч.), строго говоря, значит, в т.ч. и в эпиграфике (см., напр.: IOSPE I² 49; Syll.³ 370, 640, 880, 952, cf. 185 et 305), торговый и/или складской комплекс/порт/район в полисе (LSJ, s.v.). Пирей, к слову, назывался эмпорием Афин, что не означает же, что он или сама столица Аттики когда-либо так именовались. В Танаисе тоже все упоминания τῷ ἐμπορίῳ недвусмысленно указуют на находившийся при реке торгово-

---

[24] См. леммы в IOSPE II 423 = КБН 1237.

[25] В.П. Яйленко (Тысячелетний … С. 586), к сожалению, ошибочно считает её принадлежащей руке Ф. Грефе.

[26] Остаётся сожалеть, что прорисовка не была учтена авторами альбома к КБН.

[27] *Иванчик А.И.* Указ. соч. С. 65.

складской квартал. Скорее стоит ожидать находок, где вместо τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις встретим τῇ πόλει καὶ τῷ ἐμπορίῳ, чем отождествления πόλις и ἐμπόριον. И, наоборот, нет ни одного эпиграфического подтверждения как их синонимичности, так и ТН Эмпорий. То, что в двух строительных надписях Танаиса речь идёт о восстановлении τῷ ἐμπορίῳ разрушенных временем башен (КБН 1241, 1243), мотивировано тем, что нижний город имел (как и Пирей) свои укрепления, частично открытые при прокладке железнодорожной ветки Ростов-Таганрог, а недавно исследованные в неизмеримо большем объёме по всему периметру т.н. Нижнего города.

И, в-пятых, А.И. Иванчик сам не заметил, что, вопреки его убеждению, не только в КБН 1259, но и в одном из публикуемых им же самим[28] документов фиаса (АМЗТ №КП301/АГ100/30) expressis verbis упоминается Танаис. В стк. 6 стоит Τανάει χρ[–], что развёртывается в χρ[όνῳ –] или χρ[ημάτων – (vel sim.)] и приносит либо оставленную издателем без внимания маленькую сенсацию – демонстрацию существования здесь локальной хронологии, – либо упоминание средств, направленных записанными следом людьми во благо Танаиса.

Резоны А.И. Иванчика в пользу почитания обожествлённой реки вместо культа божественного эпонима города, о котором писал Ю.Г. Виноградов[29], тоже бьются красноречивыми эпиграфическими данными. Не единственно КБН 1259, давно принесшая ἡμέραν Τανάϊδος, и новая надпись фиаса, опубликованная А.И. Иванчиком (см. пред. абз.), показывают против него, но и недавно найденное на Елизаветовском поселении граффито-посвящение герою (гению) поселения[30], говорящее о поклонении таковому нижнедонскими эллинами уже до основания Танаиса на месте современной станицы Недвиговской.

Поскольку в двух других танаисских документах «эмпориты», с далеко идущими оттуда выводами, конструируются А.И. Иванчиком[31] буквально из ничего, именно пустот (a ex nihilo творит, всё же, один Бог), нужно сказать несколько слов и о них. Прежде всего, в обоих случаях, если воспринимать их непредвзято, восстановление [Ταναειτῶν] и [Ἐμπορ(ε)ιτῶν] абсолютно равноправны, почему первоиздатель Ю.Г. Виноградов[32] и выбрал первое, с чем А.И. Иванчик рас-

---

[28] *Иванчик А.И.* Указ. соч. С. 61 сл.

[29] Его мнение – в ином чтении формы родительного падежа – поддержано Н.В. Завойкиной (*Завойкина Н.В.* Гипотезы и иконография рельефа на стеле 104 г. н.э. из Танаиса (КБН 1259) // БФ. 2009. С. 189–195) и Яйленко (Тысячелетний … С. 334–343).

[30] *Копылов В.П.*, *Шелов-Коведяев Ф.В.* Указ. соч. С. 263–264. Рис. 3.

[31] *Иванчик А.И.*, *Тохтасьев С.Р.* Указ. соч. С. 96, 102.

[32] *Arsen'eva T.M.*, *Böttger B.*, *Vinogradov Ju.G.* Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia Antiqua. 1995. Vol. 1. Mainz: Muntzer. S. 217–219. Abb. 3 = *Арсеньева Т.М.*, *Бёттгер Б.*, *Виноградов Ю.Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3. С. 65–66. Рис. 6.

стался чересчур поспешно и легковесно.

Во-вторых, длина строки в объединённом посвящении за Динамию (АМЗТ №КП301/АГ100/33, 27, 32) у него получается: стк. 1 – 52/49,5 (5 йот) м.б., 2 – 39/37,5 (3 йоты), 3 – 48/47 (2 йоты), 4 – 41/39 (4 йоты). Эпиграфисту понятно, что такие колебания во времена царицы невозможны. Публикатор же засылает в лакуну вообще всё, что ему известно, и что (сугубо теоретически) она может вместить.

Впрочем, и версия А.И. Иванчика не безнадёжна для исправления. При исключении из дополнения стк. 1 φιλορωμαίου, а стк. 3 – Διονύσου получаем, согласно боспорским эпиграфическим аналогиям построения родословия Динамии: стк. 1 – 41/39 (4 йоты) м.б., 2 – 39/37,5 (3 йоты), 3 – 40/39,5 (1 йота), 4 – 41/39 (4 йоты), что уже похоже на правду –

A+B	[Ὑπ]ὲρ βα[σιλίσσης Δυνάμεως τῆς ἐκ μεγάλου βασιλέ]ως
2	Φαρ[νάκου, τοῦ ἐκ βασιλέως βασιλέων Μιθραδάτου]
	[Ε]ὐπάτορος [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος e.g. ἄρχων Ταναειτῶν τὴν]
4	[ἑα]υτοῦ [κτλ.]

Восстановление в стк. 3 демоса – в варианте Ю.Г. Виноградова ли (сопровождено знаком вопроса!: понятно желание Ю.Г. после сенсационного открытия в совершенно неожиданном месте города его долгожданного общественного центра сообщить полису все приличествующие ему институты), А.И. Иванчика ли (безапелляционен) – сомнительно[33], ибо его появление в данной позиции небезальтернативно. Посвящение в честь монарха, как многократно засвидетельствовано на Боспоре, может исходить от одного лица. А в данном случае в пробел замечательно укладываются не только архонт танаитов и ὁ ἐπὶ τῶν Ταναειτῶν с любым набором из множества известных в Танаисе средне-протяжённых имён и патронимиков, но и эллинарх и др.

В-третьих, озадаченность А.И. Иванчика упоминанием в изучаемом им постановлении АМЗТ № КП301/АГ100/58 одного Совета и его проедров идеально снимается восстановлением в стк. 3 как раз [Ταναειτῶν τῶν] вместо априорно предлагаемых издателем [Ἐμπορ(ε)ιτῶν τῶν]. Ведь существование в авторитарной системе управления знакомыми грекам варварскими сообществами того, что те, по аналогии с полисными институциями, именовали βουλή и πρόεδροι, давно хорошо известно[34]. Логично, что у варваров-танаитов, имевших своего «управителя» – ἄρχων, был и «совет» – βουλή со своими руководителями – πρόεδροι.

Всё это убеждает меня в обоснованности реконструкции текста оборотной стороны нового танаисского билатерала. Тогда танаисец

---

[33] Ср. критику предложений А.И. Иванчика в: *Яйленко В.П.* Тысячелетний… С. 601–603.

[34] См.: RE III. S. 1020–1021.

Зенон Зенонов, внук Дадов, ἐκπεμφθεὶς ὑπὸ τοῦ βασιλέως εἰς τὸ ἐμπόριον из КБН 1237, коли она была корректно скопирована Мартыновым, оказывается не пресбевтом (наместником царя), но (см. выше о семантике глагола ἐκπέμπω (LSJ, s.v.), от коего образована причастная форма ἐκπεμφθείς) его порученцем, начальником (из местных) передовой группы, присланной для обустройства порта. Известно, что такого рода команды высылаются загодя в места, куда планируется приезд высоких гостей. В данном случае это могло быть не только приведение в порядок (расчистка, ремонт сооружений и т.д.) портового района, но и, например (ибо прибытие водным путём в устье Дона наиболее удобно и надёжно), меры безопасности и углубление фарватера под водоизмещение флагмана царской флотилии. Предложенное понимание ещё более поднимает историческое значение КБН 1237: она есть красноречивый свидетель удостоверяемого наличием на камне тамги Савромата II визита в Танаис боспорского царя, славного своими великими деяниями, отражёнными, в частности, и в самой этой надписи – в середине его правления. Данным обстоятельством объясняются и её нетривиальные парадные формулировки, и состав божеств, которым поставлено посвящение, – разом верховный Зевс, под эгидой которого, прежде всего, наряду с иными небожителями, монарх находится по определению, воинственный Арес, покровитель и помощник августейшего полководца в ратных трудах, и Афродита, не только издревле имевшая особое положение на Боспоре, но, в данном случае, вполне возможно, и метафора верноподданнических чувств.

Наконец, остаётся по существу рассмотреть понятие «танаиты». При его кажущейся очевидности, дело, возможно, обстоит не столь просто, как кажется: нельзя полностью исключить его полисемии. Пускай большинство упоминаний «танаитов», включая ныне публикуемую надпись, отделяет их, что подтверждается их ярко выраженными негреческими АН, от эллинов. Но вот КБН 1249 (236 г.) показывает уникального [Δημή]τριος Ἀπολλ[ωνίου Τα]ναείτης с совершенно греческим ЛИ и патронимиком, что не позволяет его причислять к варварам. Так, вероятно, возникает ещё одно эпиграфическое подтверждение ТН Танаис – через образованный от него этникон Димитрия Аполлониева.

И последнее в этом разделе. Хотя большинство фиксаций имени Эвий приносит Танаис, известно оно и в Пантикапее (КБН 36; 783). Причём – что принципиально – среди придворной знати (КБН 36А21–22; 36Б55, 64–65), из которой рекрутировались царские сановники. Что, вкупе с характерным для высшей аристократии ЛИ Ῥαδαμα/εσ/ζις (см. ту же КБН 36) лишний раз утверждает предложенное прочтение.

II

Хотя на лицевой поверхности фрагмента в трёх строчках сохранились лишь весьма скромные, чтобы не сказать больше, обрывки нескольких имён из некоего их списка, они, по-своему, замечательны. Сразу ясно, что перед нами время, намного более раннее, чем на обороте.

Изящный, даже с некоторой претензией, шрифт – буквы вытянутые (их высота в единственно сносно сохранившейся стк. 2 – 3,7–3,8 см, ширина – 2 см) и оттого кажущиеся почти парящими (рис. 2) – выдаёт I в. от Р.Х. Обращают на себя внимание пропорции *ипсилона*, ножка которого занимает две трети его высоты, подвешенный в верхней половине линейки крошечный по сравнению с другими литерами *омикрон* диаметром всего 1,5 см, *ро* с высоко поднятым маленьким полукружьем, явное, но со вкусом, апицирование. Надёжные аналогии (КБН 70, 82, 1047, 1118)[35] уточняют дату до последней четверти столетия, скорее ближе к её завершению (правлению Савромата I).

В стк. 1 сохранились: правый апекс *альфы* или *лямбды*, нижний угол *сигмы* и нижние же окончания двух вертикалей. В стк. 2 – *эпсилон*, *ипсилон*, *йота* и *омикрон*. В стр. 3 – обрывок правого усика вычурной *омеги* (в середине строчки), *пи* и *ро*.

Несмотря на бедность реликтов, их сочетание в сткк. 1 и 2 заставляет вспомнить о КБН 1243 (192 г.), где в таком же положении друг за другом в сткк. 15–16 следуют Атт Гераклидов и Эвий Дадов, внук Зенонов. Это позволяет дополнять:

[- - - Ἄτ̣τ]*ας Ἡ*[ρακλείδου, - -]
[- - - - - ,]Εὔ̣ι*ο*[ς Δάδα - - - - -]
[- - - - -]*ω* Π*ρ*[- - - - - - - - - - -]

Если мой подход верен, то он открывает первое (на сегодня) поколение (кроме КБН 1243 см. КБН 1237: 193 г.) знатной танаисской семьи, где АН Эвий, Дад и Зенон передавались от отца/деда к сыну/внуку. Наш Эвий Дадов должен быть, следуя чередованию поколений по 25 лет, пращуром Эвия Дадова из КБН 1243, Зенона Зенонова, внука Дадова и Зенона Дадова, внука Эвиева из КБН 1237[36]. В 95 г. от Р.Х., на который мы (примерно) попадаем, он вполне мог занимать подобное своим потомкам положение среди магистратов Танаиса. Те же соображения относятся и к семейству, в котором сменяли друг друга АН Атт и Гераклид (кроме КБН 1243 см. 1277 и 1285). Так прибывают ценные данные к просопографии двух родов Танаиса I–II и I–III веков.

К сожалению, высчитывать длину строки вот тут – дело полностью безнадёжное: яснее ясного, что носитель для надписи оборота (см. раздел I) был вырезан из намного большего (на что указывают её толщина и параметры букв лицевой стороны) размера плиты. Поэтому и в отношении числа антропонимов в каждой строчке и их соотношения с патронимиками приходится прибегнуть к non liquet. Остаётся констатировать, что кусочек омеги в стк. 3 принадлежит, очевидно, окончанию родительного падежа (ω вм. ου в генитиве нередко попа-

---

[35] Не могу не поблагодарить от всей души издателей альбома КБН – бесценного рабочего инструмента для эпиграфиста.

[36] См. их ошибочно, увы, определённые родственные отношения: *Яйленко В.П.* Тысячелетний … С. 587.

дается в эпиграфике Танаиса в римское время), а на Πο– здесь известно более десятка имён, что не позволяет предпочесть какое-либо из них.

Мы обязаны ограничиться вкладом лицевой стороны в танаисскую просопографию. Что также – совсем немало.

Литература:

Арсеньева Т.М., Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3. С. 54–72.

Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Т., Мюллер К. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в эпоху греческой колонизации // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 248–257.

Завойкина Н.В. Гипотезы и иконография рельефа на стеле 104 г. н.э. из Танаиса (КБН 1259) // Боспорский феномен. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 189–195.

Иванчик А.И. Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса // ВДИ. 2008. № 2. С. 57–72.

Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 2009. № 3. С. 95–107.

Копылов В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. События второй половины IV в. до Р.Х. в устьевой области реки Танаис: Письменные источники и археологическая данность // Исторические исследования. 2017. № 8. С. 261–286: http://www. historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/ 150/356.

Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–243.

Кузнецов В.Д. Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. Т. I. С. 430–469.

Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // ДГВЕ. 1996–1997. М., 1999. С. 209–219.

Тохтасьев С.Р. ΒΟΣΠΟΡΟΣ // БФ. 1999. С. 86–92.

Тохтасьев С.Р. Ещё раз о географии Таманского полуострова // Аристей. 2017. Вып. XVI. С. 28–44.

Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский Рейх. М.: Гриф и К, 2010. – 740 с.

Яйленко В.П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб: Нестор-История, 2016. – 980 с.

Arsen'eva T.M., Böttger B., Vinogradov Ju.G. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia Antiqua. 1995. Vol. 1. S. 213–264.

Рис. 1. Надпись времени правления боспорского царя Тиберия Юлия Эвпатора.
Рис. 2. Список имён времени правления боспорского царя Савромата I

Н.В. Кузина

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ ГРУППЫ НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК СЕЛЬСКИХ СВЯТИЛИЩ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

Аннотация: подсыпки из раковин моллюсков – едва ли не обязательный признак любого святилища в Крымском Приазовье. Отдельные раковины, а также кости рыб встречаются в составе некоторых жертвоприношений. В обрядовой практике сельских святилищ Крымского Приазовья морские экофакты были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди сельского населения архаическими представлениями о модели мира. В сакральной сфере «морские» атрибуты, с одной стороны, выражали идеи, связанные с изобилием, плодовитостью, и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, применялись в обрядах жертвоприношений, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира.

Ключевые слова: святилища, Крымское Приазовье, модель мира, Боспор, хора, море, жертвоприношения, раковины.

Abstract: layers of mollusk shells on the floors are feature of any rural sanctuary in the Crimean Azov region. Single shells, as well as fish bones, were found in some places of sacrifices. In the ritual practice of rural sanctuaries marine attributes were included in the context of ritual actions determined by the archaic ideas about the world model, which sustained among the rural population during the centuries. «Sea» attributes, on the one hand, symbolized abundance, fecundity, and in this meaning belonged to the circle of symbols of fertility gods. On the other hand, they marked the lower cosmic zone, comparable to the chthonic world, were applied in the sacrifice ceremonies, which set up the connection between the levels of the universe in accordance with the archaic model of the world.

Keywords: Asov Sea coast area, sanctuaries, model of the world, Bospor, chora, sea, mollusk shells, sacrifice ceremonies.

На территории Крымского Приазовья в настоящее время открыто около десятка сакральных комплексов разной сохранности и информативности. Материалы из приазовских сельских святилищ отражают не только локальные особенности ритуальной практики, нерасторжимо связанной с повседневной и хозяйственной жизнью, но и, будучи включенными в более широкий историко-культурный контекст, помогают проследить отдельные трудноуловимые аспекты сакрального мировоззрения боспорского населения.

Культурные напластования сельских святилищ наряду с находками, традиционно привлекающими внимание исследователей (фрагментами посуды, терракотами, монетами, алтарями), включают специфическую группу материалов природного происхождения. Повсеместно в приазовских святилищах раковины моллюсков cardium

(Cardiidae) и Veneridae образуют подсыпки на уровне полов, в достаточном количестве присутствуют в заполнении жертвенников; кроме того, в составе жертвоприношений встречаются кости рыб, вотивы в виде отдельных относительно крупных раковин мидий, устриц или cardium (Cardiidae), клешни крабов[1]. Считать такие находки случайными невозможно. Так, подсыпки из раковин моллюсков – едва ли не обязательный признак любого святилища в Крымском Приазовье. Другие находки этой категории можно определить как штучные, единичные в том или ином археологическом комплексе. За пределами мест отправления культов, эти объекты непричастны к сфере сакрального, однако едва ли следует объяснять их присутствие в святилищах исключительно утилитарными целями, обусловленными локальной спецификой (близостью морского побережья). Отметим, в этой связи, что в разновременных жилых и хозяйственных комплексах поселений Крымского Приазовья данная группа находок представлена в основном раковинами промысловых моллюсков (преимущественно, мидий), составлявших часть рациона местного сельского населения и встречается массово в зольно-мусорных культурных напластованиях, заполнениях хозяйственных ям. Специфические подсыпки из раковин cardium (Cardiidae) и Veneridae, свойственные святилищам, в жилых и хозяйственных помещениях не зафиксированы.

Такого рода объекты, в целом не имея самостоятельного культового значения, попадая в сакральное пространство, очевидно, наделялись новыми (не только утилитарными) функциями и включались в систему со сложной иерархией связей, семантически сочетаясь с находками, ритуальная принадлежность которых не вызывает сомнений. Известен ряд работ, посвященных толкованию сакрального смысла экофактов, а также бытовых вещей, обнаруженных в боспорских городских святилищах и некрополях[2]. Интерпретации находок такого рода в сельских святилищах достаточного внимания не уделялось.

Присутствие раковин двустворчатых моллюсков в сакральных комплексах (как городских, так и сельских) в первую очередь соотносится с темой морского изобилия, плодородия. Во все времена рыболовство занимало важное место в хозяйственной деятельности населения приазовской хоры, о чём свидетельствуют многочисленные находки рыболовных грузил из ручек амфор и известняка, рыболовных крючков разного размера, игл для плетения сетей. Рыба и съедобные моллюски составляли неотъемлемую часть рациона поселенцев. В этой

---

[1] *Масленников А.А.* Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. С. 79, 99, 117, 124, 145, 160, 176, 201, 242, 251, 283, 295, 312, 356, 364, 373, 388, 411, 493.

[2] *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Сакральное поле некрополя // БФ. 2002. С. 161–167; *Тульпе И.А.* Артефакты и сакральное (некоторые проблемы интерпретации) // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 13–25; *Молева Н.В.* Орудия труда как вотивные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора… С. 51–61.

связи показательны находки костей рыб и насыщенность зольно-мусорных напластований на территории поселений раковинами съедобных моллюсков. Кроме того, при исследовании, как жилых комплексов, так и святилищ повсеместно встречаются фрагменты рыбных блюд. Отметим также и то, что рыбные богатства Меотиды и Понта Эвксинского были хорошо известны грекам, и рыболовный промысел на Боспоре был популярен во все времена. Так, в IV в. до н.э. греческий поэт Архестрат составил «Записки о боспорской соленой рыбе» (Athen. VII.21). О вывозе из припонтийских стран соленой рыбы, которая считалась одним из признанных деликатесов, пишет Полибий (Polyb. IV.38.4). О вывозе соленой рыбы из Меотиды и о ловле рыбы для соления свидетельствует Страбон (Strabo VII.4.6; XI.2.4). Он же сообщает о ловле пеламид, размножающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное, и отмечает крупные размеры осетров в Керченском проливе (Strabo VII.3.18; 6.2)[3].

Без сомнения, обеспечение не только земного, но и морского плодородия занимало значимое место в ритуальной практике населения приазовского побережья, тесно связанного с морем в своей повседневной жизни.

С темой плодородия и изобилия неразрывно связаны символы рождения, среди которых особое место принадлежало морским раковинам. Раковины двустворчатых моллюсков[4] ассоциировались с женской символикой, в силу уподобления женскому детородному органу они выражали творческое рождающее начало. Благодаря наделению животворной силой этот атрибут выступал в качестве воплощения идеи вселенского лона и был связан с темой рождения[5]. В литературе, посвященной исследованию религиозного мировоззрения и культовой практики эллинов, атрибуты в виде раковин чаще всего соотносятся с культом Афродиты в ипостасях Анадиомены и Понтии[6] и трактуются как отражение её культа. Изображения богини в сочетании с этим атрибутом хорошо известны среди произведений античного искусства[7]. Упомянем в этой связи о некоторых из них. В первую очередь, это –

---

[3] Подробнее: *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 208–214. *Одрин А.В.* Рыболовный промысел Боспора в доримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2010. С. 332–336.

[4] Анализ символики морских раковин и жемчуга в широком историко-культурном контексте дан в работах М. Элиаде. Автор привлекает разнообразный этнографический и археологический материал, раскрывающий особое (сакральное) отношение к этим атрибутам в различных культурах.

[5] *Элиаде М.* Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символике / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова // Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000. С. 209–216.

[6] *Молева Н.В.* Орудия труда... С. 55–56; *Молев Е.А., Молева Н.В.* Морские ипостаси Афродиты // Древний Восток и античный мир. М., 2018. Вып. 9. С. 184–186; *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Пер. с англ. А.А. Тахо-Годи. М., 1992. С. 34.

[7] *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. К., 2005. С. 295.

аттический фигурный сосуд первой четверти IV в. до н.э. из раскопок некрополя Фанагории, в виде протомы Афродиты между двумя створками раковины морского гребешка (ГЭ. Фа. 869-91). В греческой коропластике известны терракотовые статуэтки богини, сидящей в раскрытой раковине морского гребешка, например, статуэтка Афродиты Анадиомены IV в. до н.э. из Коринфии, представленная в собрании Национального археологического музея Афин (инв. № 4164). Данный иконографический тип изображений богини связан с иллюстрацией мифа о её рождении, согласно которому, возникнув из пены морской, Афродита добралась до берега в раковине.

В сельских святилищах Крымского Приазовья образ Афродиты в морских ипостасях в основном находит отражение в терракотах, воплощающих богиню обнаженной, с медальоном на груди и дельфином у ног. В городских сакральных комплексах (например, в Китее)[8] и некоторых сельских святилищах (например, в заполнении ларей (жертвенников) восточного комплекса теменоса вблизи поселения Генеральское-Восточное) раковины морского гребешка входили в набор приношений, уверенно ассоциируемых с Афродитой. Так, например, значительное количество раковин морского гребешка, парные статуэтки Афродиты и Геракла (или Эрота), светильник, монета, бальзамарии, чаши были обнаружены в грунтовом заполнении ларя-жертвенника в помещении № 2 строения 1 восточного комплекса теменоса вблизи поселения Генеральское-Восточное. Предметы из заполнения ларя позволяют отнести комплекс приношений ко второй половине II–I вв. до н.э.[9] Морские раковины и песок в сочетании с изображением полуобнаженной Афродиты и всадника образуют единый комплекс в заполнении другого ларя, аналогичного упомянутому, из того же помещения[10]. Однако отметим, что далеко не всегда Афродита выступает в качестве центрального культового персонажа, вокруг которого складывается ритуальный комплекс приношений с присутствием морских раковин. Как уже упоминалось, подсыпки из раковин двустворчатых моллюсков в жертвенниках и на уровне полов присутствуют практически во всех приазовских святилищах, даже, если адресат совершавшихся там обрядов не всегда чётко персонифицирован или же изображения этой богини отсутствуют, либо не поддаются однозначной интерпретации. Далеко не всегда можно определить и адресата ритуальных действий, с которыми связаны приношения, включающие морские раковины. Очевидно, особый смысл несет и присутствие створок раковин мидий и морского гребешка в строительных жертвоприношениях в общественных святилищах, в заполнении ям с ритуальным захоронением собак, а также домашних жертвенниках, не имеющих чёткой культовой персонификации. Можно предположить, что находки раковин морских моллюсков в

---

[8] *Молева Н.В.* О культе Афродиты в Китейском святилище // Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 95–107.

[9] *Масленников А.А.* Сельские святилища… С. 113–118.

[10] Там же. С. 124–125.

разных сакральных локусах соотносились не только с ритуальной практикой культа конкретного божества, но и включались в более сложную систему символов и смыслов, связанных с религиозным мировоззрением обитателей приазовской хоры.

Обращаясь к интерпретации этой группы находок из святилищ, необходимо учитывать некоторые специфические черты массового религиозного мировоззрения боспорян. Материалы сакральных комплексов (святилищ и некрополей) городов и сельских поселений позволяют характеризовать сознание боспорян как архаическое, традиционное, практически не менявшееся в течение тысячи лет. Условия жизни на освоенных землях неизбежно воспроизводили архетипы архаического мироощущения. Их консервации способствовало и варварское окружение, при взаимодействии с которым развивалось боспорское общество[11]. В соответствии с архаическими воззрениями конструировалась модель мира, представления о пространстве.

С гомеровских времён деление пространства осуществлялось в горизонтальной плоскости на пространство освоенное, подчинённое собственным жизненным ритмам, воспринимаемое как микрокосм и на противопоставляемое ему пограничное, неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания, уподобляемому Хаосу, царству мёртвых[12]. В вертикальном членении пространство (Космос) делилось на три уровня: верхнее мифологическое, земное и нижнее мифологическое[13]. Всякий микрокосм включал в себя то, что М. Элиаде определяет как «Центр», где священное проявлялось всеобъемлющим образом. В мифической географии священное пространство – пространство по преимуществу реальное, где сакральное воплощалось в виде культовых сооружений, атрибутов и проявляется посредством символов (ось мира и её воплощения). В контексте трёхчленного деления Космоса на Небо, Землю и преисподнюю, «Центр» находился в точке пересечения этих областей. Здесь происходил разрыв уровней и, в то же время, становление связи между этими областями. В восприятии человека, наделённого архаическим (мифологическим) сознанием, географическое пространство и конституирующие, заполняющие его объекты, выступали частью этой модели мира. В числе таких «организующих» и «сакрализующих» пространство объектов, помимо прочего, оказывались и святилища, которые могли выступать в качестве символических проекций условного Центра микрокосма[14], звеньев, кон-

---

[11] *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Сакральное поле некрополя… С. 167.

[12] *Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М., 1994. С. 27–28; *он же.* Образы и символы… С. 148–149.

[13] *Лебедева Ю.И.* Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. Вып. 4. С. 216–218; *Элиаде М.* Образы и символы… С. 149–150;

[14] *Он же.* Священное и мирское… С. 31–32; *он же.* Образы и символы… С. 148–149; *Тульпе И.А.* Археология сознания боспорян: религиоведческий дискурс // Проблемы антиковедения и медиевистики. К 30-летию кафедры истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного

ституирующих связи внутри горизонтального и вертикального членения пространства. Частью этой знаковой системы были происходящие из святилищ атрибуты, отражающие её отдельные аспекты. Очевидно, в эту знаковую систему были включены находки природного происхождения, связанные с морской стихией.

В воззрениях древних морская стихия – символ, сочетавший в себе два противоположных, но в то же время взаимосвязанных начала. С одной стороны, море (водная стихия) олицетворяло порождение, было связано с плодородием и изобилием, рождающим лоном, воплощением женского начала и эквивалентно земле[15]. С другой стороны, море знаменовало и финал, выступая эквивалентом подземного, хтонического мира, хаоса[16]. Хаос воды, предшествовавший сотворению, символизировал возвращение к аморфному состоянию, наступающему со смертью, возвращение к зачаточному виду существования. Как отмечает М. Элиаде, появление на поверхности воды знаменовало собой повторение космогонического акта, в результате которого сущее обретало форму, погружение равнозначно растворению форм[17]. Поэтому символика вод дихотомична, включала в себя как смерть, так и возрождение.

Отметим в этой связи тот факт, что раковины морских моллюсков широко использовались не только в ритуалах жертвоприношений, но и в погребальной обрядности Боспора. В качестве погребального инвентаря применялись раковины морских и пресноводных моллюсков: морского гребешка, каури, мидий, перловицы[18]. Непосредственная задача погребально-поминального обряда – обеспечение перехода умершего из одного мира в другой, и ритуальные действия, сопутствующие этому процессу имели целью восстановление нарушенного смертью миропорядка. С символикой перехода был связан круг артефактов и экофактов, задействованных в погребально-поминальном обряде. Прижизненные функции предметов утилитарного назначения и объектов природы, делало их медиаторами между земным и хтоническим мирами, звеньями в непрекращающемся цикле смертей и возрождения[19].

Как морской обитатель, моллюск сохранял свою символическую принадлежность нижнему миру, миру хаоса, с которым, как мы уже

университета им. Н.И. Лобачевского / Махлаюк А.В. (ред.). Н. Новгород, 2006. Вып. 2. С. 105–107.

[15] *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 1. С. 240.

[16] *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. С. 78, 251.

[17] *Элиаде М.* Образы и символы… С. 229.

[18] *Винокуров Н.И.* Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь; Керчь, 2014. С. 33–34, 54, 62, 89, 111 (Гробн. 14/2000, 55/2001, 70/2002, 135/2003, 201/2005); *Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 38, 46, 71, 78, (П А7, П. 149, П А188, П. А55); *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 161.

[19] *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Сакральное поле некрополя… С. 161–167.

отмечали, ассоциировались водная стихия, море. Раковины морских моллюсков, как в погребально-поминальный обрядности, так и в ритуальной практике святилищ, принадлежали кругу хтонических атрибутов. Будучи сокрытыми в грунт, они воплощали переход между земным и нижним (хтоническим) миром. В этом контексте символичны находки морских раковин в грунтовом заполнении практически всех ларей-алтарей, жертвенников, открытых в разновременных сельских святилищах Крымского Приазовья. Отметим в данной связи ещё один из примечательных алтарей-эсхар, открытый ходе раскопок 2012–2013 гг. в святилище I в. до н.э. на поселении Полянка[20]. Алтарное сооружение из вертикально установленных плит заключало в себе лепной конический сосуд с запечатанным известью основанием, перекрытый сверху плоским известняковым камнем. Вместилище сосуда было заполнено рыхлым суглинком с золой, комочками мела. Находки из заполнения немногочисленны – несколько целых раковин мидий и тёрочник со сработанной поверхностью из ножки коричневоглиняной амфоры. Тёрочники, как жернова, зернотёрки в бытовой сфере, применяемые для переработки зерна и получения муки, в сакральном контексте (в святилищах и некрополях) выступали в качестве символов перехода и преобразования[21]. Такого рода предметы в составе ритуальных комплексов неоднократно встречались в святилищах Крымского Приазовья[22]. В этой связи раковины морских моллюсков в сочетании с тёрочником, могут рассматриваться как элементы хтонического жертвоприношения, звенья-переходники между уровнями мироздания. В аналогичном контексте могут быть интерпретированы и находки морских раковин в комплексе с вотивами в грунтовых заполнениях ларей, специфических для общественных сельских святилищ. Эти атрибуты подчеркивали и усиливали мотив преобразования, перехода в процессе жертвоприношения.

С темой символической маркировки границ и перехода между мирами можно связывать и присутствие раковин в комплексах с жертвоприношениями собак, которые в античном религиозном мировоззрении принадлежали одновременно двум мирам, упорядоченному, воплощавшему земную жизнь и нижнему, хтоническому и счита-

---

[20] *Кузина Н.В., Масленников А.А.* «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 213–226.

[21] *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994. С. 108–109; *Молева Н.В.* Орудия труда как вотивные подношения… С. 57; *Худяк М.М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962. С. 24; *Зубарев В.Г., Крайнева А.А.* Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / В.Н. Зинько (ред.). 2006. Вып. VII. Керчь, С. 150–151.

[22] *Масленников А.А.* Святилище на Меотиде. М.; Тула, 2006. С. 23–24; *Масленников А.А., Кузина Н.В.* Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // ДБ. 2011. Вып. 15. С. 231.

лись проводниками в подземный мир[23]. В этом отношении примечательно захоронение собаки рубежа IV–III вв. до н.э. в прибрежной части зольника у поселения Генеральское-Западное[24]. Останки животного покоились на подсыпке из раковин двустворчатых моллюсков, в заполнении ямы найдены светильник, боспорская монета и глазчатая бусина. Комплекс находок имеет ярко выраженный хтонический характер. Глазчатые бусины имели апотропеическое значение[25]; светильники, как символы огня и атрибуты хтонических культов, а также монеты обычны среди находок в святилищах и погребениях, также связывались с идеей перехода. Раковины моллюсков, как символы нижнего мира, усиливали хтоническую составляющую комплекса.

Идею символической маркировки границ отражает и использование морских раковин при совершении строительных жертвоприношений. Так, в теменосе, функционировавшем на протяжении рубежа эр – первой трети III н.э. на северном плато урочища Сююрташ, в основании стены здания № 2, в специальной ямке был обнаружен красноглиняный плоскодонный горшок, внутри которого находился обколотый фрагмент нижней части закрытого сосуда, заключающий фрагменты белого вещества (гипс, известь) и 2–3 створки мидий[26]. Можно предположить, что и подсыпки из раковин моллюсков на уровне полов в общественных святилищах также выражали символику, связанную с нижним миром, например, обозначали границу между земной и хтонической сферой в рамках воплощенной в сакральном пространстве святилища трёхуровневой картины мироздания. Этот аспект усиливало и расположение общественных святилищ на побережье, на приморских мысах. Сакральные объекты, маркировавшие возвышенные плато морских мысов и сопок, а также сопутствующие гроты, расселины, ущелья – своего рода элементы модели обряда перехода и взаимосвязанности миров неба, земли и хтонической сферы, а также освоенного и неосвоенного пространства, выходящего за пределы человеческого обитания.

В позднеантичный период в домашней и частной ритуальной практике обитателей сельских поселений Крымского Приазовья наблюдается следование тем же архаическим культовым традициям, что и в общественных святилищах. Подсыпки из раковины морских двустворчатых моллюсков, в сочетании с костями животных, рыб и вотивными предметами и выступают неотъемлемыми элементами домашних сакральных комплексов в это время. Такого рода комплексы (жертвенники) зафиксированы на поселениях «Генеральское-

---

[23] *Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 113–116; *она же.* Тандем «заяц-собака» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное… С. 87.

[24] *Масленников А.А.* Сельские святилища… С. 419, 442.

[25] *Столба В.Ф.* Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2009. № 2. С. 114.

[26] *Масленников А.А.* Сельские святилища… С. 388.

Восточное», «Зелёный мыс», «Золотое Восточное – в бухте», на мысе Зюк и «Салачик».

Все открытые в домах сакральные объекты А.А. Масленников условно делит на три группы. Первая группа представлена каменными ларями, вторая – жертвенниками, которые устраивались в специальных нишах в основании стен и закладывались плоскими камнями; третья – захоронениями жертвенных животных в ямках возле стен. Для всех указанных домашних жертвенников были присущи некоторые общие черты[27]. По большей части они располагались в углах помещений, и так или иначе были связаны со стенами строений: либо примыкали к ним, либо находились в основании или, по сути, внутри них в специальных нишах. В большинстве случаев в них находились черепа и отдельные кости собак, а также коз, овец, коров, лошадей, поросят, а также птиц и осетровых рыб. Они были уложены на подсыпки из раковин морского гребешка с сопутствующим керамическим набором и перекрыты слоем золы или золы и глины. Жертвоприношению сопутствовали находки закрытых и открытых вотивных сосудиков, светильников, курильниц и иногда монет[28]. В целом, сочетание экофактов и артефактов, обнаруженных в домашних жертвенниках, соответствует идеям хтонических жертвоприношений. Само местоположение жертвенников отражало (хотя бы отчасти) общеиндоевропейские представления о доме, как своего рода модели земного мира[29], и упомянутые жертвоприношения, вероятно, были частью символических действий, конституирующих взаимосвязи между уровнями мироздания, маркирующих границы между мирами и несущих охранно-магический смысл. И присутствие в комплексах подсыпок из морских раковин, как маркера нижней космической зоны, в этой связи весьма показательно.

Круг морских экофактов, обнаруженных в сельских общественных и домашних святилищах, дополняют в целом немногочисленные находки костей рыб (в основном осетровых) и клешней крабов, которые по смыслу синонимичны раковинам. Крабы как символы изобилия, плодородия сопутствуют не только Афродите Анадиомене, но и Деметре. Так в святилище около поселения Генеральское-Западное терракотовая протома Деметры, чернолаковый закрытый светильник второй половины IV – начала III вв. до н.э. были обнаружены вместе с клешней краба, видимо, попавшей в святилище как приношение богам плодородия[30]. В погребальной обрядности клешни крабов, как и раковины, символизируя водную стихию, наделялись значением медиаторов, связующих земной и хтонический миры[31]. Согласно сообщению Афинея, приношением умершим считалась рыба (Athen. VIII.344.b, c). В трёхчленных (по вертикали) мифологических схемах

---

[27] *Масленников А.А.* Сельские святилища… С. 511–522.
[28] Там же. С. 511–516.
[29] Там же С. 521.
[30] Там же. С. 493.
[31] *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Сакральное поле некрополя… С. 166.

вселенной рыба служит основным зооморфным классификатором нижней космической зоны и противопоставлена птицам как классификатору верхней зоны и (менее отчётливо) копытным животным, символизирующим среднюю космическую зону[32]. Кроме того, рыба, как и прочие морские обитатели, воплощала изобилие морских глубин, плодородие, плодовитость.

Подводя итог нашим размышлениям, можно предположить, что в обрядовой практике сельских святилищ Крымского Приазовья морские экофакты были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди сельского населения архаическими представлениями о модели мира. В сакральной сфере «морские» атрибуты, с одной стороны, выражали идеи, связанные с изобилием, плодовитостью, и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, хаосом, применялись в обрядах жертвоприношений, в которых конституировалась и «реактуализировалась» взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира.

Литература:

Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994. С. 240.

Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь; Керчь, 2014. – 679 с.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. –328 с.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. – 624 с.

Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2006. С. 150–151.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. – 300 с.

Кузина Н.В., Масленников А.А. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 213–226.

Лебедева Ю.И. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. Вып. 4. С. 216–218.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. – 416 с.

Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 136–200.

Масленников А.А. Святилище на Меотиде. М.; Тула, 2006. –152 с.

Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. – 564 с.

Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // ДБ. 2011. Вып. 15. С. 228–247.

Молев Е.А., Молева Н.В. Морские ипостаси Афродиты // Древний Восток и античный мир. М., 2018. Вып. 9. С. 180–196.

[32] *Соколов М.Н.* Рыба // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 2. С. 391.

Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 113–116.
Молева Н.В. О культе Афродиты в Китейском святилище // Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 95–107.
Молева Н.В. Орудия труда как вотивные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 51–61.
Молева Н.В. Тандем «заяц-собака» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 79–92.
Одрин А.В. Рыболовный промысел Боспора в доримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы (Боспорские чтения XI) / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2010. С. 332–336.
Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. – 559 с.
Соколов М.Н. Рыба // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1994. С. 391–393.
Столба В.Ф. Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2009. № 2. С. 109–129.
Тульпе И.А. Артефакты и сакральное (некоторые проблемы интерпретации) // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 13–25.
Тульпе И.А., Хршановский В.А. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994. С. 108–109.
Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2002. С. 161–167.
Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962. – 64 с.
Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. – 144 с.
Элиаде М. Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символике // Миф о вечном возвращении. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000. С. 125–247.

А.М. Новичихин

КАМЕННЫЕ ГИРИ ИЗ ГОРГИППИИ

Аннотация: при археологических исследованиях Горгиппии найдены две каменные гири, представляющие собой крупные окатанные камни (гальки) с нанесенными на них знаками. Гири относятся к эллинистическому времени. Первая гиря с надписью ΤΡΕΙΣ (три) весом 1 518 г соответствует трем минам персидской весовой системы. Вторая гиря весом 5 730 г имеет знак Μ (40), указывающим на вес в сорок третей мины эвбейско-аттической весовой системы. Монограмма ΠΑ на противоположной стороне камня, может свидетельствовать о том, что обозначенный на ней вес был утвержден соответствующей магистратурой в Пантикапее.

Ключевые слова: гири, весовые системы, Горгиппия, Пантикапей.

Abstract: two stone weights, which are large rounded stones (pebbles) with signs applied to them, found in archaeological excavation of Gorgippia Weights belong to the Hellenistic time. The first weight with the inscription ΤΡΕΙΣ (three) weighing 1 518 g corresponds to three mines of the Persian weight system. The second weigh weighing 5 730 g has a sign Μ (40), indicating the weight of forty-thirds of the mines of the Euboean-Attic weight system. The monogram ΠΑ on the opposite side of the stone may evidence, that the weight indicated on it was approved by the corresponding magistracy in Panticapaeum.

Key words: weights, weight systems, Gorgippia, Panticapaeum.

Проблема изучения весовых систем, имевших хождение в античную эпоху на берегах Боспора Киммерийского, несмотря на представительную историографию, по-прежнему не теряет своей актуальности.

Информация о находках на Боспоре древних гирь стала появляться в научной литературе еще в конце XIX – начале XX вв.[1] Первым вопрос о применявшихся на Боспоре весовых системах поставил В.Д. Блаватский. В вышедшей в 1955 г. статье «О пантикапейской весовой системе» им были опубликованы и проанализированы свинцовые и каменные гири из раскопок Пантикапея и некоторых других боспорских городов. Исследователь соотнес некоторые из пантикапейских гирь с персидской и аттической весовыми системами, отметив, что большинство боспорских гирь и разновесков относится к иной весовой системе с миной в 408–410 г. Данную весовую систему В.Д. Блаватский предложил рассматривать как местную, пантикапей-

[1] См., напр.: IOSPE II: № 320; ОАК за 1901 г. С. 136; *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 32; *он же.* Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 6.

скую, установившуюся еще в VI в. до н.э. и существовавшую на Боспоре вплоть до рубежа эр[2].

Важнейшей вехой в истории изучения древних весовых систем Боспора и северопричерноморского региона в целом стала публикация в 1962 г. монографического исследования Л.И. Чуистовой «Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье»[3]. Исследовательница составила сводку большинства найденных к тому времени гирь и разновесков, и предприняла попытку связать их с существовавшими в античную и средневековую эпоху весовыми системами. Несмотря на некоторые искусственные построения автора, работа Л.И. Чуистовой не потеряла актуальности до сегодняшнего дня, являясь для археологов и музейных работников основным пособием для атрибуции гирь и разновесков из археологических раскопок памятников Северного Причерноморья. Более 50 учтенных исследовательницей гирь и разновесков происходят с территории Боспора[4]. Л.И. Чуистова отнесла их к разным весовым системам, поддержав в то же время идею В.Д. Блаватского о существовании пантикапейской весовой системы. Основываясь на более широкой выборке в 18 гирь и разновесков Л.И. Чуистова пришла к выводу о том, что боспорская весовая система имела в своей основе мину весом в 460–480 г[5].

Для изучения весовых систем, использовавшихся в городах Боспора, большое значение имеет статья Н.Л. Грач, посвященная свинцовым гирям, найденным при исследовании Нимфея. Исследовательница обратила внимание на то, что для изучения весовых систем решающее значение имеют гири «весом в две, одну, самое меньшее – в половину мины». Отнесение же к конкретным весовым системам мелких разновесков, особенно не имеющих обозначения номинала, является проблематичным. Анализ восьми свинцовых гирь из раскопок Нимфея привел Н.Л. Грач к заключению, что четыре (две из которых датируются IV–III вв. до н.э.) из них принадлежит персидской весовой системе, две – позднеаттической (или пантикапейской, предложенной В.Д. Блаватским) и одна – боспорской, предложенной Л.И. Чуистовой. Привлекая находки из других боспорских центров, исследовательница пришла к выводу, что в эпоху эллинизма боспорская весовая система основывалась на персидской мине весом 504,6 г с небольшим отклонением в сторону увеличения веса до 520 г. На протяжении длительного времени (с V в. до н.э. по первые века н.э.) – на Боспоре также применялась позднеаттическая весовая система с облегченной миной в 390–409 г. Для раннего этапа (IV–IV вв. до н.э.) на Боспоре известны

---

[2] *Блаватский В.Д.* О пантикапейской весовой системе // СА. 1955. Т. XXIII. С. 201–205.

[3] *Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. II. С. 5–235.

[4] Там же. С. 20–77.

[5] Там же. С. 71–77.

гири, соответствующие эвбейско-аттической весовой системе с миной в 425–437 г. Отдельные экземпляры принадлежат локальной боспорской весовой системе с миной, близкой 480 г[6].

Примечательно, что исследование гирь из раскопок Херсонеса, осуществленное Г.М. Николаенко, также показало использование в этом северопричерноморском полисе аттической весовой системы с миной в 425–450 г. Применялись в Херсонесе также гири, основанные на птолемеевской (325 г) и пантикапейской (460–480 г) минах. Г.М. Николаенко также указала, что мелкие разновески, не имеющие обозначения номинала, малоинформативны для изучения весовых систем: «отнесение их к какой-либо весовой системе на основе определения веса может привести к ошибке, так как мелкие номиналы различных весовых систем разнятся очень незначительно»[7].

Возвращаясь к теме изучения весовых систем Боспора укажем, что большое значение могут играть находки наборов древних гирь, представляющие собой своего рода закрытые весовые комплексы.

Один из таких комплексов, состоящий из четырех квадратных свинцовых гирь, был найден в 1869 г. в насыпи 2 Среднего Васюринского кургана[8]. По данным Л.И. Чуистовой в насыпи указанного кургана были найдены три свинцовые гири весом 6,2 кг, 12,4 кг и 24,8 кг. По мнению исследовательницы, гири относятся к эгинской весовой системе с миной 610–620 г, и соответствуют 10, 20 и 40 минам. Место хранения гирь из насыпи 2 Среднего Васюринского кургана неизвестно[9].

Другой комплект, состоящий из двух свинцовых гирь весом 437 и 852 г, был найден при раскопках Елизаветовского поселения в дельте Дона, в помещении IV в. до н.э. И.Б. Брашинский отнес их к позднеаттической весовой системе с миной в 436 г, определив их номинал как мину и двойную мину, или статер[10].

Комплект бронзовых гирь позднеантичного времени вместе с металлическими деталями весов найден в Горгиппии в одной из цистерн винодельни Г-IV II – первой половины III в. н.э. Набор включал дисковидную гирю весом 4 500 г, и четыре квадратных с оттянутыми углами и рельефной надписью ΔΗ (сокращение от δημόσιον – народное достояние) весом 2 610, 1 320, 493 и 321 г. По мнению Е.М. Алексеевой, ве-

---

[6] *Грач Н.Л.* Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии // Труды ГЭ. 1975. Т. XVII. С. 183–200.

[7] *Николаенко Г.М.* Весовые системы эллинистического Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 86–93.

[8] *Власова Е.В.* Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. III. С. 244.

[9] *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 46.

[10] *Брашинский И.Б.* Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 68–70. Рис. 1.

совые параметры горгиппийских гирь кратны римской либре (327,45 г)[11].

Следует отметить, что из раскопок и из случайных находок на городище и в округе Горгиппии происходит более сотни гирь и разновесков, сделанных из свинца, бронзы и камня. Настоящая публикация посвящена найденным в Горгиппии каменным полновесным гирям: как уже отмечалось исследователями, только крупные гири весом в половину мины и более могут служить надежным источником для изучения древних весовых систем. Оба публикуемых экземпляра хранятся в Анапском археологическом музее.

Предваряя описание и анализ горгиппийских находок, отметим, что использование крупных галек и окатанных камней в качестве гирь с нанесением на них надписей и знаков, обозначающих их вес, явление, распространенное в античное время. Так «большая продолговатая каменная гиря (булыжник)» весом 4 043 г с надписью[12] ΔHKATONHMIMN (10 без половины мин) найдена в Пантикапее[13]. Целая серия каменных галечных гирь происходит из Херсонеса Таврического. Так каменная гиря «в виде сплюснутого шара» весом 1,8 кг с выбитой литерой Е, указывающей на вес в пять мин, найдена в 1903 г. в районе городского некрополя[14]. «Булыжниковая» гиря весом 8,1 кг с выбитой надписью ΔΓIIII (19 мин) найдена на хоре Херсонеса в районе Стрелецкой бухты[15]. Из раскопок эллинистического дома Херсонеса происходит каменная гиря из крупной гальки весом 6,380 кг и с надписью ΔIIII– (14 с половиной мин)[16]. Галька весом 1,989 кг с четырьмя прочерченными вертикальными чертами, обозначающими вес в четыре мины обнаружена в херсонесском колодце в районе гончарных печей[17]. Из Херсонеса происходит и шарообразная диоритовая гиря весом 12,2 кг с надписью ΔΔΓI (26 мин)[18]. Обломок продолговатой гальки с вырезанной надписью ENNEA (девять) найден в Ольвии[19]. По мнению исследователей, изготовление весовых гирь из подручного материала, прежде всего камня, с нанесением на них меток, указывающих вес, является результатом торговой практики частных лиц[20]. Подобное объяснение применимо как к гирям, выточенным из камня

---

[11] *Алексеева Е.М.* Виноделие Горгиппии // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6. С. 13, 14. Рис. 7, 8, 9; *она же.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 159. Табл. 163, *1*, 164, *4–7*.

[12] IOSPE II: № 320; КБН № 816.

[13] *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 204; *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 33; *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 198.

[14] *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 54; *Николаенко Г.М.* Указ. соч. С. 86.

[15] *Николаенко Г.М.* Указ. соч. С. 87, 89; у Л.И. Чуистовой ошибочно указано ΛΓIIII (39): *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 68, 69.

[16] *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 33; *Николаенко Г.М.* Указ. соч. С. 89.

[17] *Николаенко Г.М.* Указ. соч. С. 90.

[18] IOSPE I²: № 653; IOSPE. IV. № 184; *Николаенко Г.М.* Указ. соч. С. 90.

[19] IOSPE I²: № 287.

[20] *Коваленко С.А.* Находки весовых гирь на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // РА. 2000. № 4. С. 158.

в форме брусков, так и к гирям из гальки, появлявшимся путем подбора подходящих по весовым параметрам камней.

Первая гиря из Горгиппии (рис. 1, *1*) найдена в 1980 г. при раскопках в северо-восточной части городища, на территории археологического заповедника «Горгиппия» в культурном слое[21]. Это округлая, слегка уплощенная галька светло-коричневого с железистыми прослойками плотного песчаника размером 18,6×18,2×12,7 см. Вес камня – 5 730 г. На уплощенных сторонах гальки пикетажем, с последующей прорезкой нанесены знаки: на одной стороне – монограмма ПА, на другой – М или Σ. Размер монограммы 3,5×3,7 см, размер литеры М (Σ) – 4×2,3 см.

Вторая гиря (рис. 1, *2*) найдена в 1981 г. при раскопках усадьбы Джемете III на ближней хоре Горгиппии, также в культурном слое[22]. Это уплощенная галька овальных очертаний из серого мергеля размерами 15,2×10,5×5,8 см. Вес камня – 1 518 г. На концах – следы забитости, судя по всему, в результате периодического использования камня в качестве отбойника. На одной из плоских сторон вырезана надпись ΤΡΕΙΣ. Высота букв: Τ – 1,6 см, Ρ – 3 см, Ε – 2,2 см, Ι – 3,5 см, Σ – 3,8 см. Надпись повреждена трещиной, пришедшейся на букву Ι.

Усадьба Джемете III, при раскопках которой найдена гиря, возникла в конце IV в. до н.э., не имела укреплений и формировалась путем пристраивания друг к другу небольших комнат-ячеек с тонкими (0,6 см) стенами. Укрытием служила небольшая башня, впоследствии пристроенная к углу усадьбы. В начале второй половины III в. до н.э., усадьба была, судя по всему, оставлена жителями и прекратила существование[23]. Таким образом, время использования гальки с надписью в качестве гири определяется периодом функционирования усадьбы: конец IV – середина III в. до н.э.

Нанесенная на гальку надпись τρεῖς – три – указывает на соответствие трем весовым единицам – минам. Делением веса гири на три устанавливается, что каменная гиря из раскопок усадьбы Джемете III имеет в основе мину весом 506 г. Это соответствует персидской весовой системе с миной 504,6–505 г. [24]

Датировка и атрибуция каменной гири из раскопок городища Горгиппии 1980 г. более сложны. Камень найден в культурном слое городища, без привязки к какому-либо датирующемуся археологическому объекту. Палеографические особенности нанесенных на гальку греческих букв дают основания для отнесения его к позднему эллинизму: *пи* с одинаково длинными боковыми вертикалями появляется в боспорских надписях со II в. до н.э., *альфа* с переломленной перекладиной – со второй половины III в. до н.э., в то же время начертание *мю* с наклонными боковыми линиями (или *сигмы* с наклонными

---

[21] Полевой шифр: Зап.-80, кв. 96, оп. 193а. Инвентарный номер музейного хранения: КМ 8365/5217.

[22] Полевой шифр: Дж.-III-81, пл. 2б, гл. - 45, оп. 49.

[23] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия... С. 45. Табл. 13.

[24] *Чуистова Л.И.* Указ соч. С. 50, 153; *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 192.

верхней и нижней), обычное для IV–III вв. до н.э., после III в. до н.э. в надписях встречается лишь эпизодически[25].

Указанием веса гири, судя по всему, служит литера М или Σ на одной из уплощенных сторон: М – обозначает 40, Σ – 200. При делении веса камня на 40 получается 143,25 г, при делении на 200 – 28,65 г. Весовая единица в 28,65 г маловероятна, поскольку предполагает брать за основу весового норматива либо весьма малые части мины, либо вес в несколько драхм. И то, и другое сильно усложнило бы расчеты при взвешивании. В то же время результат в 143,25 г, полученный при делении веса гири на 40, представляет собой треть веса 429,75 г, что соответствует эвбейско-аттической мине в 425–437 г[26]. Таким образом, вес каменной гири из раскопок Горгиппии 1980 г. составлял 40 третей мины аттической весовой системы. Представляется, что такая «дробная» система измерения веса вполне допустима. Прежде всего потому, что весовые гири в треть мины, как показывают исследования Л.И. Чуистовой и других авторов, были распространены в весовых системах, бытовавших в античном Северном Причерноморье в целом и на Боспоре, в частности[27]. В материалах Афинской Агоры имеются свинцовые гири весом в треть статера с соответствующей надписью: τριτημόριον[28]. Таким образом, использование для гири из Горгиппии в качестве весовой единица трети мины представляется весьма вероятным.

Монограмма ПА, нанесенная на противоположную сторону камня являлась, вероятно, знаком ее владельца, торговца, осуществлявшего при помощи гири взвешивание товара. Нельзя, однако, не заметить, что монограммы из тех же букв присутствуют на золотых статерах боспорских царей II в. до н.э. и по мнению В.А. Анохина указывают на место чеканки монет в Пантикапее[29].

Надпись, содержащая начальные буквы названия столицы Боспора – ΠΑΝ – имеются и на двух боспорских свинцовых гирях, причем в одном случае она дополнена указанием должности и именами агораномов Исиада и Феомнеста[30]. По мнению Н.Л. Грач сокращение ΠΑΝ прослеживается на свинцовой гире с изображением букрания и плохо сохранившейся надписью агораномов из раскопок Пантикапея в 1949 г.[31] Монограмма из букв П и А в лигатуре имеется на свинцовой

---

[25] *Болтунова А.И., Книпович Т.Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Вып. III. С. 15. Табл. II, III.

[26] *Чуистова Л.И.* Указ соч. С. 10, 18, 19, 152; *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 198.

[27] *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 202, 203; *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 36, 63; *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 190.

[28] *Lang M.* Weight and Measures // The Athenian Agora. 1964. Vol. X. P. 28, 29. LW 17, 18, 20, 22, 23. Надпись обычно сокращена до τριτη- или τρι-.

[29] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986. С. 69.

[30] *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 72–74. Табл. 22, *159*, 23, *161*; *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 193, 194; *Сапрыкин С.Ю.* Пантикапейские агораномы // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 296.

[31] *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 192, 193. О гире см: *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 204; *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 73. Табл. 25, *169*.

гире с именами агораномов Тимея, Рютмоса и Епикрата из раскопок Нимфея[32]. Не исключено, что рельефная буква *пи* на свинцовой гире из Нимфея, также является сокращением названия Пантикапея[33]. Боспорские гири с указанием должностей и имен агораномов[34] по мнению исследователей были контрольными эталонами веса. С такими эталонами сверялись гири, использовавшиеся боспорскими торговцами как в самом Пантикапее, так и в других городах. В таком случае, не исключено, что монограмма ПА, выбитая на камне из Горгиппии, может указывать на то, что эта гиря прошла поверку агораномами (и, вероятно, метрономом) в столице Боспора, и, получив нанесением надписи подтверждение своего номинала, стала использоваться для совершения весовых операций в Горгиппии.

Таким образом, публикуемые каменные гири из Горгиппии подтверждают наблюдения Н.Л. Грач об использовании на Боспоре в эллинистическую эпоху весовых систем, основанных на персидской и эвбейско-аттической минах. Знаки, нанесенные на одну из горгиппийских гирь, позволяют поставить вопрос о возможном подтверждении ее весовых параметров соответствующими магистратурами в столичном Пантикапее и о применении в качестве весовой единицы трети мины.

Литература:

Алексеева Е.М. Виноделие Горгиппии // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6. С. 7–44.

Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. – 560 с.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. К., 1986. – 184 с.

Блаватский В.Д. О пантикапейской весовой системе // СА. 1955. Вып. XXIII. С. 202–205.

Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Вып. III. С. 3–31.

Брашинский И.Б. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 68–71.

Власова Е.В. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. III. С. 198–262.

Грач Н.Л. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии // Труды ГЭ. 1975. Т. XVII. С. 183–200.

Коваленко С.А. Находки весовых гирь на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // РА. 2000. № 4. С. 151–159.

Николаенко Г.М. Весовые системы эллинистического Херсонеса // Античная древность и средние века. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. Вып. 17. С. 86–93.

Сапрыкин С.Ю. Пантикапейские агораномы // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 293–301.

---

[32] *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 186. Рис. 1; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 295. Рис. 2.

[33] *Чуистова Л.И.* Указ. соч. С. 72, табл. 24, *165*; *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 186.

[34] На гире из погребения III в. до н.э., случайно открытого в Керчи в 1957 г., по мнению Л.И. Чуистовой и Н.Л. Грач, присутствует также имя метронома: *Чуистова Л.И.* С. 51, 52. Табл. 15, *99*; *Грач Н.Л.* Указ. соч. С. 192.

Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. II. С. 7–235.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1–50.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 1–41.
Lang M. Weight and Measures // The Athenian Agora. 1964. Vol. X. P. 1–68.

Рис. 1. Каменные гири из Горгиппии:
1 – городище Горгиппии, раскопки 1980 г.;
2 – усадьба Джемете-III, раскопки 1981 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахиев Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Болонкина Елена Владимировна – старший научный сотрудник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (г. Керчь, Россия).

Горохов Анатолий Алексеевич – кандидат исторических наук, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (г. Тобольск, Россия).

Дараган Марина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века. Институт археологии НАНУ (г. Киев, Украина).

Дымская Дарья Дмитриевна – кандидат исторических наук, старший лаборант кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ (г. Санкт-Петербург, Россия).

Егорова Татьяна Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Ефремов Николай Васильевич – кандидат исторических наук, преподаватель частной гимназии Преров (Передняя Померания) и латинского языка в институте истории университета г. Грайфсвальда (Германия).

Колесников Андрей Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва, Россия).

Короленков Антон Викторович – кандидат исторических наук, сотрудник Академиздатцентра «Наука».

Кузина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия).

Кузнецова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Лимберис Наталья Юрьевна – старший научный сотрудник НИИ археологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия).

Марченко Иван Иванович – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия).

Монахов Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира Института истории и международных отношений, руководитель Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Никишин Владимир Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Анапского археологического музея (г. Анапа, Россия).

Полин Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии НАНУ (г. Киев, Украина).

Селиванова Лариса Леональдовна – научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия).

Смыков Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Стоянов Роман Владимирович – кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Институт классического Востока и античности, Центр античной и восточной археологии (г. Москва, Россия).

Соломатина Елена Ивановна – научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института Всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия).

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия).

Хорькова Ирина Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры классической филологии Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия).

Хрусталёв Вячеслав Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Чистов Дмитрий Ефимович – кандидат исторических наук, Отдел Античного мира Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург, Россия).

Шелов-Коведяев Федор Вадимович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Москва, Россия).

Научное издание

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

Выпуск 19

Обложка А.К. Филиппов, Н.Б. Чурекова
В оформлении использовано изображение детали фронтонной композиции храма Ара делла Регина в Тарквинии. Терракота, 4 в. до н.э. Тарквиния, Национальный музей.
Оригинал-макет подготовлен Е.В. Кузнецовой и Н.Б. Чурековой

Подписано в печать 18.12.2019. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Букман Олд Стайл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,6 (24,5). Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Типография «Техно-Декор»,
Саратов, Московская, 160,
тел.: 77-08-48
sar-print.ru